ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Медицинской типографіи

1816 года.

Печатано

по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ.

Г. 1015—1019.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярославова. Великодушіе Новогородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новогородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка.

Владиміръ усыновилъ Святополка, однакожъ не любилъ его и, кажется, предвидѣлъ въ немъ будущаго злодѣя. Современный Лѣтописецъ Нѣмецкій, Дитмаръ, говоритъ, что Святополкъ, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польскаго Короля Болеслава, хотѣлъ, по наущенію своего тестя, отложиться отъ Россіи, и что Великій Князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и Нѣмецкаго Епископа Рейнберна, который Г. 1015.

пріѣхалъ съ дочерью Болеслава . Владиміръ — можетъ быть, при концѣ жизни своей — простилъ Святополка: обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный Князь спѣшилъ воспользоваться ею; созвалъ гражданъ, объявилъ себя Государемъ Кіевскимъ и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ: ибо друзья и братья ихъ находились въ походѣ съ Княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ, нигдѣ не встрѣтивъ Печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты [2]: тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занимался единственно своею искреннею горестію. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: „Князь! съ тобою дружина и воины отца „твоего; поди въ Кіевъ и будь Государемъ „Россіи!“ Борисъ отвѣтствовалъ: „могу ли „поднять руку на брата старѣйшаго? Онъ „долженъ быть мнѣ вторымъ отцемъ.“ Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ Князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право властвовать.

Святополкъ похититель престола.

Добродѣтель Бориса.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время, пріѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ Бояръ на совѣтъ [3]. „Хотите ли доказать мнѣ вѣрность

„свою?" спросилъ новый Государь. Бояре отвѣтствовали, что они ради положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса, и сіи недостойные взялись услужить Князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ станѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приближились къ шатру его, и слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, изливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣсняхъ Давидовыхъ. Онъ зналъ уже, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаромъ молился... за Святополка (4); наконецъ, успокоивъ душу Небесною Вѣрою, легъ на одръ, и съ твердостію ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломились въ шатеръ и копьями пронзили Бориса, также вѣрнаго Отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить Государя и друга. Сей юный воинъ, именемъ Георгій, родомъ изъ Венгріи, былъ сердечно любимъ Княземъ своимъ, и въ знакъ его милости носилъ на шеѣ золотую гривну: корыстолюбивые убійцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и другихъ Княжескихъ Отроковъ, которые не хотѣли спасаться бѣгствомъ, но всѣ легли на мѣстѣ (5). Тѣло Борисово завернули въ наметъ и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышетъ, онъ велѣлъ двумъ Варягамъ довершить

Братоубійства.

злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечь въ сердце умирающему. . . . Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всѣхъ красотою и любезностію; имѣлъ взоръ пріятный и веселый; отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ. — Лѣтописецъ хотѣлъ предать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ и называетъ ихъ: Путша, Талецъ, Еловичь, Ляшко. Въ Несторово время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзѣнія. Святополкъ безъ сомнѣнія наградилъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ Муромскому Князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорогою онъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу (6); однакожъ не хотѣлъ остановиться и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Близъ сего города настигъ его посланный отъ Ярослава, Князя Новогородскаго, съ увѣдомленіемъ о смерти Владиміровой и гнусномъ коварствѣ Святополка; но въ то самое время, когда Глѣбъ, чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивалъ отца и любимаго брата, въ усердныхъ молитвахъ повѣряя Небу горесть свою, явились вооруженные убійцы и схватили его ладію. Дружина Муромская оробѣла: Горясѣръ, начальникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить Князя, и собственный поваръ Глѣбовъ, именемъ

Торчинъ, желая угодить Святополку, зарѣзалъ своего несчастнаго Государя. Трупъ его лежалъ нѣсколько времени на берегу, между двумя колодами, и былъ наконецъ погребенъ въ Вышегородской церкви Св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса.

Еще Святополкъ не насытился кровію братьевъ. Древлянскій Князь Святославъ, предвидя его намѣреніе овладѣть всею Россіею, и будучи не въ силахъ ему сопротивляться, хотѣлъ уйти въ Венгрію; но слуги Святополковы догнали его близъ горъ Карпатскихъ и лишили жизни. — Братоубійца торжествовалъ злодѣянія свои, какъ славныя и счастливыя дѣла: собиралъ гражданъ Кіевскихъ, дарилъ имъ деньги, одежду, и надѣялся щедростію пріобрѣсти любовь народную (7).

Безразсудная жестокость Ярославова.

Скоро нашелся мститель: Ярославъ, сильнѣйшій изъ Князей Удѣльныхъ, возсталъ на изверга; но собственною безразсудною жестокостію едва не отнялъ у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославомъ въ Новгородъ, дерзкіе и неистовые, ежедневно оскорбляли мирныхъ гражданъ и цѣломудріе женъ ихъ. Не видя защиты отъ Князя пристрастнаго къ иноземцамъ, Новогородцы вышли изъ терпѣнія и побили великое число Варяговъ. Ярославъ уталъ гнѣвъ свой, выѣхалъ въ загородный дворецъ, на Ракому, и велѣлъ, съ притворною ласкою, звать къ себѣ именитыхъ Новогородцевъ, виновниковъ сего убійства. Они явились безъ оружія, думая оправдаться предъ

своимъ Княземъ; но Князь не устыдился быть вѣроломнымъ, и предалъ ихъ смерти. Въ ту же самую ночь получилъ онъ извѣстіе изъ Кіева, отъ сестры своей Передславы, о кончинѣ отца и злодѣйствѣ брата; ужаснулся, и не зналъ, что дѣлать. Одно усердіе Новогородцевъ могло спасти его отъ участи Борисовой; но кровь ихъ дѣтей и братьевъ еще дымилась на дворѣ Княжескомъ.... Не видя лучшаго средства, Ярославъ прибѣгнулъ къ великодушію оскорбленнаго имъ народа, собралъ гражданъ на Вѣче, и сказалъ: „вчера умертвилъ я безразсудный вѣрныхъ „слугъ своихъ; теперь хотѣлъ бы купить „ихъ всѣмъ золотомъ казны моей..." Народъ безмолвствовалъ. Ярославъ отеръ слезы и продолжалъ: „Друзья! отецъ мой скончался, Святополкъ овладѣлъ престоломъ его и хочетъ погубить братьевъ." Тогда добрые Новогородцы, забывъ все, единодушно отвѣтствовали ему: „Государь! ты убилъ собственныхъ нашихъ братьевъ, но мы готовы итти на враговъ твоихъ." — Ярославъ еще болѣе воспламенилъ ихъ усердіе извѣстіемъ о новыхъ убійствахъ Святополковыхъ; набралъ 40,000 Россіянъ, 1000 Варяговъ, и сказавъ: *да скончается злоба нечестиваго* (8)! выступилъ въ поле.

Великодушіе Новогородцевъ.

Святополкъ, узнавъ о томъ, собралъ также многочисленное войско, призвалъ Печенѣговъ, и на берегахъ Днѣпра, у Любеча, сошелся съ Ярославомъ. Долго стояли они другъ противъ друга безъ всякаго дѣйствія, не смѣя

Г. 1016.

въ виду непріятеля переправляться чрезъ глубокую рѣку, которая была между ими. Уже наступила осень.... Наконецъ Воевода Святополковъ обидными и грубыми насмѣшками вывелъ Новогородцевъ изъ терпѣнія. Онъ ѣздилъ берегомъ и кричалъ имъ: „Зачѣмъ вы „пришли сюда съ *хромымъ* Княземъ своимъ?" (ибо Ярославъ имѣлъ отъ природы сей недостатокъ.) „Ваше дѣло *плотничать*, а не сра„жаться." *Завтра*, сказали воины Новогородскіе, *мы будемъ на другой сторонѣ Днѣпра; а кто не захочетъ итти съ нами, того убьемъ какъ измѣнника.* Одинъ изъ Вельможъ Святополковыхъ былъ въ согласіи съ Ярославомъ, и ручался ему за успѣхъ ночнаго, быстраго нападенія. Между тѣмъ, какъ Святополкъ, ни мало не опасаясь враговъ, пилъ съ дружиною, воины Князя Новогородскаго до свѣта переѣхали чрезъ Днѣпръ, оттолкнули лодки отъ берега, желая побѣдить или умереть, и напали на безпечныхъ Кіевлянъ, обвязавъ себѣ головы платками, чтобы различать своихъ и непріятелей. Святополкъ оборонялся храбро; но Печенѣги, отдѣленные отъ его стана озеромъ, не могли приспѣть къ нему вовремя. Дружина Кіевская, чтобы соединиться съ ними, вступила на тонкій ледъ сего озера, и вся обрушилась. Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый вошелъ съ торжествомъ въ Кіевъ; наградилъ щедро своихъ мужественныхъ воиновъ — давъ каждому чиновнику и Новогородцу 10 гривенъ, а другимъ по грив-

Битва у Любеча.

нѣ — и надѣясь княжить мирно, отпустилъ ихъ въ домы (9).

Но Святополкъ еще не думалъ уступить ему престола, окровавленнаго тремя братоубійствами, и прибѣгнулъ къ защитѣ Болеслава. Сей Король, справедливо названный

Г. 1017.

Храбрымъ, былъ готовъ отмстить за своего зятя и желалъ возвратить Польшѣ города Червенскіе, отнятые Владиміромъ у Мечислава: имѣя тогда войну съ Генрикомъ II,

Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ.

Императоромъ Нѣмецкимъ, онъ хотѣлъ кончить оную, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать противъ Россіи. Епископъ Мерзебургскій, Дитмаръ, лично знакомый съ Генрикомъ II, говоритъ въ своей лѣтописи, что Императоръ вошелъ въ сношеніе съ Ярославомъ, убѣждая его предупредить *общаго* ихъ

Война съ Болеславомъ Храбрымъ.

врага, и что Князь Россійскій, давъ ему слово быть союзникомъ, осадилъ Польскій городъ, но болѣе не причинилъ никакого вреда Болеславу (10).

Такимъ образомъ Ярославъ худо воспользовался благопріятными обстоятельствами: началъ сію бѣдственную войну, не собравъ, кажется, достаточныхъ силъ для пораженія столь опаснаго непріятеля, и далъ ему время заключить миръ съ Генрикомъ. Императоръ, тѣснимый съ разныхъ сторонъ, согласился на условія, предложенныя гордымъ побѣдителемъ, и недовольный слабою помощію Россіянъ, старался даже утвердить Короля въ его ненависти къ Великому Князю. Болеславъ, усиливъ свое опытное войско союзни-

ками и наемниками, Нѣмцами, Венграми и Печенѣгами — вѣроятно, Молдавскими — расположился станомъ на берегахъ рѣки Буга. Г. 1018.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того времени страшный пожаръ обратилъ въ пепелъ большую часть Кіева [11]: Ярославъ, озабоченный, можетъ быть, стараніемъ утѣшить жителей и загладить слѣды сего несчастія, едва успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Польскіе Историки пишутъ, что онъ никакъ не ожидалъ Болеславова нападенія и безпечно удилъ рыбу въ Днѣпрѣ, когда гонецъ привезъ ему вѣсть о сей опасности; что Князь Россійскій въ ту же минуту бросилъ уду на землю, и сказавъ: *не время думать о забавѣ; время спасать отечество*, вышелъ въ поле, съ Варягами и Россіянами [12]. Король стоялъ на одной сторонѣ Буга, Ярославъ на другой; первый велѣлъ наводить мосты, а вторый ожидалъ битвы съ нетерпѣніемъ — и часъ ея насталъ скорѣе, нежели онъ думалъ. Воевода и пѣстунъ Ярославовъ, *Будый*, вздумалъ, стоя за рѣкою, шутить надъ тучностію Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острымъ копьемъ своимъ [13]. Король Польскій въ самомъ дѣлѣ едва могъ двигаться отъ необыкновенной толщины, но имѣлъ духъ пылкій и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостію, онъ сказалъ воинамъ: „отмстимъ, или я погибну!“ сѣлъ на коня и бросился въ рѣку; за нимъ всѣ воины, и Россіяне, изумленные такимъ скорымъ нападеніемъ, были приведены въ безпорядокъ. Ярославъ уступилъ

Битва на Бугѣ.

побѣду храброму непріятелю, и только съ четырмя воинами ушелъ въ Новгородъ. Южные города Россійскіе, оставленные безъ защиты, не смѣли противиться и высылали дары побѣдителю. Одинъ изъ нихъ не сдавался: Король, взявъ крѣпость приступомъ, осудилъ жителей на рабство или вѣчный плѣнъ[14].

Взятіе Кіева.

Кіевъ, болѣе другихъ укрѣпленный, хотѣлъ обороняться: Болеславъ осадилъ его. Наконецъ утѣсненные граждане отворили ворота — и Епископъ Кіевскій, провождаемый Духовенствомъ, въ ризахъ служебныхъ и съ крестомъ встрѣтилъ Болеслава и Святополка [15], которые 14 Августа въѣхали торжествуя въ нашу столицу, гдѣ были сестры Ярославовы. Народъ снова призналъ Святополка Государемъ, а Болеславъ удовольствовался именемъ великодушнаго покровителя и славою храбрости. Дитмаръ повѣствуетъ, что Король тогда же отправилъ Кіевскаго Епископа къ Ярославу, съ предложеніемъ возвратить ему сестеръ, ежели онъ пришлетъ къ нему дочь его, жену Святополкову (вѣроятно, заключенную въ Новогородской или другой сѣверной области).

Вторичное великодушіе Новогородцевъ.

Ярославъ, устрашенный могуществомъ Короля Польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать за море къ Варягамъ; но великодушіе Новогородцевъ спасло его отъ сего несчастія и стыда. Посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни славнаго, и граждане знаменитые изрубили лодки, приготовленныя для Князя, и сказали ему: „Го-

„сударь! мы хотимъ и можемъ еще проти-„виться Болеславу. У тебя нѣтъ казны: возь-„ми все, что имѣемъ." Они собрали съ каж-даго человѣка по четыре куны, съ Бояръ по осьмнадцати гривенъ, съ городскихъ чинов-никовъ или Старостъ по десяти; немедлен-но призвали корыстолюбивыхъ Варяговъ на помощь и сами вооружились [16].

Вѣроломство Святополково не допусти-ло Новогородцевъ отмстить Болеславу. По-коривъ южную Россію зятю своему, Король отправилъ назадъ союзное войско и развелъ собственное по городамъ Кіевской области, для отдохновенія и продовольствія. Злодѣи не знаютъ благодарности: Святополкъ, боясь долговременной опеки тестя, и желая скорѣе воспользоваться независимостію, тайно велѣлъ градоначальникамъ умертвить всѣхъ Поляковъ, которые думали, что они живутъ съ друзьями и не брали никакихъ предосторожностей [17]. Злая воля его исполнилась, къ безславію имени Русскаго. Вѣроятно, что онъ и самому Болеславу готовилъ такую же участь въ Кіевѣ; но сей Государь свѣдалъ о заговорѣ и вышелъ изъ столицы, взявъ съ собою многихъ Бояръ Россійскихъ и сестеръ Ярославовыхъ. Дитмаръ говоритъ — и нашъ Лѣтописецъ подтверждаетъ — что Болеславъ принудилъ одну изъ нихъ быть своею наложницею — именно Передславу, за которую онъ нѣкогда сватался, и получивъ отказъ, хотѣлъ насладиться гнусною местію. Хитрый Анастасъ, бывъ прежде любимцемъ Владиміро-

Вѣроломное избіеніе Поляковъ.

Болеславъ оставляетъ Россію.

вымъ, умѣлъ снискать и довѣренность Короля Польскаго; сдѣлался хранителемъ его казны, и выѣхалъ съ нею изъ Кіева: измѣнивъ первому отечеству, измѣнилъ и второму для своей личной корысти. — Польскіе Историки увѣряютъ, что многочисленное войско Россіянъ гналось за Болеславомъ; что онъ вторично разбилъ ихъ на Бугѣ, и что сія рѣка, два раза несчастная для нашихъ предковъ, съ того времени названа ими *Черною* (18)..... Болеславъ оставилъ Россію, но удержалъ за собою города Червенскіе въ Галиціи, и великія сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева, отчасти роздалъ войску, отчасти употребилъ на строеніе церквей въ своемъ Королевствѣ.

Черная рѣка.

Святополкъ, злодѣйствомъ избавивъ Россію отъ Поляковъ, услужилъ врагу своему. Уже Ярославъ шелъ къ Кіеву..... Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ Монарха во дни опасностей и бѣдствій, Святополкъ бѣжалъ изъ отечества къ Печенѣгамъ, требовать ихъ помощи. Сіи разбойники, всегда готовые опустошать Россію, вступили въ ея предѣлы и приближились къ берегамъ Альты. Тамъ увидѣли они полки Россійскіе. Ярославъ стоялъ на мѣстѣ обагренномъ кровію Святаго Бориса. Умиленный симъ печальнымъ воспоминаніемъ, онъ воздѣлъ руки на Небо, молился, и сказавъ: *кровь невиннаго брата моего вопіетъ ко Всевышнему,* далъ знакъ битвы. Восходящее солнце озарило на поляхъ Альты сраженіе двухъ много-

г. 1019. Битва на Альтѣ.

численныхъ воиновъ, сраженіе упорное и жестокое: никогда, говоритъ Лѣтописецъ, не бывало подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина Новогородская хотѣла лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; непріятели въ остервененіи своемъ хватали за руки другъ друга и рубились мечами. Къ вечеру Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, сей извергъ впалъ въ разслабленіе и не могъ сидѣть на конѣ. Воины *принесли* его къ Бресту, городу Туровскаго Княженія (19): онъ велѣлъ имъ итти далѣе за границу. Гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченіи ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непріятелей за собою и трепеталъ отъ ужаса; не дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ великодушію Болеслава; миновалъ Польшу и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

Бѣгство и смерть Святополка.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ или ГЕОРГІЙ.

Г. 1019 — 1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ вторый Царьградъ. Монета Ярославова. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго Князя Россійскаго [20]. Но бѣдствія войны междоусобной еще не прекратились.

Г. 1021. Война съ Полоцкимъ Княземъ

Въ Полоцкѣ княжилъ тогда Брячиславъ, сынъ Изяславовъ и внукъ Владиміра. Сей юноша хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость: взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей, и со множествомъ плѣнныхъ возвращался въ свое Удѣльное Княженіе. Но Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, встрѣтилъ и разбилъ его на берегахъ рѣки Судомы въ нынѣшней Псковской Губерніи [21]. Плѣнники Ново-

городскіе были освобождены, а Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ, и, какъ вѣроятно, примирился съ Великимъ Княземъ: ибо Ярославъ оставилъ его въ покоѣ. — О сей войнѣ упоминаютъ древнія Исландскія *Саги.* Варяги, или Норманы, служившіе тогда нашимъ Князьямъ, разсказывали, возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, *отчасти* и баснословныя: „Храбрый витязь Эймундъ, сынъ Ко„роля Гейдмаркскаго, оказалъ великія услуги „Ярославу въ продолженіе трехлѣтней вой„ны съ Кіевскимъ Государемъ (Святополкомъ); „наконецъ, взявъ сторону Брячислава, еще „болѣе удивилъ Россіянъ своимъ мужествомъ „и хитростію. Сей витязь засѣлъ съ това„рищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало „ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ нею „коня и привезъ ее къ Брячиславу, оставивъ „многочисленныхъ воиновъ, окружавшихъ Ве„ликую Княгиню. Брячиславъ, заключивъ миръ „съ братомъ, наградилъ Эймунда цѣлою облас„тію [22]." — Скоро опаснѣйшій непріятель возсталъ на Ярослава.

Мы знаемъ, что Владиміръ отдалъ Воспорскую или Тмутороканскую область въ Удѣлъ сыну своему Мстиславу. Сей Князь, рожденный быть Героемъ, хотѣлъ войны и побѣды. Императоръ Греческій воспользовался его славолюбіемъ и предложилъ ему уничтожить Державу Каганову въ Тавридѣ. Искавъ дружбы Козаровъ идолопоклонниковъ, но сильныхъ, Греки искали ихъ погибели, когда они приняли

Побѣды Мстиславовы.

*

Вѣру Христіанскую, но утратили свое могущество. Андроникъ, Вождь Императорскій, въ 1016 году присталъ къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава, и въ самомъ первомъ сраженіи плѣнилъ Кагана, именемъ Георгія Цула [23]. Греки овладѣли Тавридою, а Мстиславъ удовольствовался благодарностію союзниковъ или золотомъ ихъ. —

Паденіе Козарской Державы.

Такимъ образомъ пала Козарская Держава въ Европѣ; но въ Азіи, на берегахъ Каспійскаго моря, она существовала, кажется, до самаго XII вѣка, и въ 1140 году Левитъ Еврейскій, Равви Іегуда, писалъ еще похвальное слово Монарху ея, своему единовѣрцу [24]. Съ одной стороны Аскольдъ, Диръ, Олегъ, отецъ и сынъ Св. Владиміра; а съ другой Узы, Печенѣги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сіе нѣкогда знаменитое Царство, которое отъ устья Волжскаго простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки. — Чрезъ нѣ-

Г. 1022. сколько лѣтъ Мстиславъ объявилъ войну Касогамъ или нынѣшнимъ Черкесамъ, восточнымъ сосѣдамъ его области. Князь ихъ Редедя, сильный великанъ, хотѣлъ, слѣдуя обычаю тогдашнихъ временъ богатырскихъ, рѣшить побѣду единоборствомъ. „Начто губить дру„жину?“ сказалъ онъ Мстиславу: „одолѣй ме„ня, и возьми все, что имѣю: жену, дѣтей и „страну мою.“ Мстиславъ бросилъ оружіе на землю, и схватился съ великаномъ. Силы Князя Россійскаго начали изнемогать: онъ призвалъ въ помощь Богородицу—низвергнулъ врага и зарѣзалъ его ножемъ. Война кончилась:

Мстиславъ вступилъ въ область Редеди, взялъ семейство Княжеское и наложилъ дань на подданныхъ [25].

Увѣренный въ своемъ воинскомъ счастіи, сей Князь не захотѣлъ уже довольствоваться областію Тмутороканскою, которая, будучи отдалена отъ Россіи, могла казаться ему печальною ссылкою: онъ собралъ подвластныхъ ему Козаровъ, Черкесовъ или Касоговъ, и пошелъ къ берегамъ Днѣпровскимъ. Ярослава не было въ столицѣ. Кіевскіе граждане затворились въ стѣнахъ и не пустили брата его; но Черниговъ, менѣе укрѣпленный, принялъ Мстислава. — Великій Князь усмирялъ тогда народный мятежъ въ Суздалѣ [26]. Голодъ свирѣпствовалъ въ сей области, и суевѣрные, приписывая оный злому чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ наказалъ виновниковъ мятежа, однихъ смертію, другихъ ссылкою, объявивъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей гладомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ своихъ долженъ только умолять благость Всевышняго. Между тѣмъ жители искали помощи въ изобильной странѣ Казанскихъ Болгаровъ, и Волгою привезли оттуда множество хлѣба. Голодъ миновался, и Великій Князь, возстановивъ порядокъ въ землѣ Суздальской, спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы взять мѣры противъ властолюбиваго брата.

Г. 1023.

Голодъ въ Суздалѣ.

Знаменитый Варягъ Якунъ пришелъ на помощь къ Ярославу [27]. Сей витязь Скандинав-

скій носилъ на больныхъ глазахъ шитую золотомъ *луду* или повязку; едва могъ видѣть, но еще любилъ войну и битвы. Великій Князь вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ его у Листвена, на берегу Руды, и ночью изготовилъ войско къ сраженію: поставилъ Сѣверянъ или Черниговцевъ въ срединѣ, а любимую дружину свою на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Небо покрылось густыми тучами — и въ то самое время, когда ударилъ громъ и зашумѣлъ сильный дождь, сей отважный Князь напалъ на Ярослава. Варяги стояли противъ Сѣверянъ и бились мужественно: казалось, что ужасъ ночи, буря, гроза, тѣмъ болѣе остервеняли воиновъ; при свѣтѣ молніи, говоритъ Лѣтописецъ, страшно блистало оружіе. Храбрость, искусство и счастіе Мстислава рѣшили побѣду: Варяги, утомленные битвою съ Черниговцами, смятые пылкимъ нападеніемъ его дружины, отступили. Вождь ихъ, Якунъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія златую *луду* свою. На другой день Мстиславъ, осматривая убитыхъ, сказалъ: „мнѣ „ли не радоваться? здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, „тамъ Варягъ; а собственная дружина моя „цѣла.“ Слово недостойное добраго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнію, стоили по крайней мѣрѣ его сожалѣнія.

Битва у Листвена.

Но Мстиславъ изъявилъ рѣдкое великодушіе въ разсужденіи брата, давъ ему знать, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и гос-

Миръ.

подствовалъ, какъ старшій сынъ Великаго Владиміра, надъ всею правою стороною Днѣпра. Ярославъ боялся вѣрить ему; правилъ Кіевомъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и собиралъ войско. Наконецъ сіи два брата съѣхались у Городца, подъ Кіевомъ [28]; заключили искренній союзъ и раздѣлили Государство: Ярославъ взялъ западную часть его, а Мстиславъ восточную; Днѣпръ служилъ границею между ими, и Россія, десять лѣтъ терзаемая внутренними и внѣшними непріятелями, совершенно успокоилась. Г. 1026.

Вся Ливонія платила дань Владиміру: междоусобіе дѣтей его возвратило ей независимость. Ярославъ въ 1030 году снова покорилъ Чудь, основалъ городъ Юрьевъ, или нынѣшній Дерптъ, и собирая дань съ жителей, не хотѣлъ насильно обращать ихъ въ Христіанство: благоразуміе достохвальное, служившее примѣромъ для всѣхъ Князей Россійскихъ! Пользуясь свободою Вѣры, древняя Ливонія имѣла и собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, о коихъ, согласно съ преданіемъ, пишутъ, что они были вмѣстѣ и судіи и палачи, то есть, обвинивъ преступника, сами отсѣкали ему голову [29]. — Однакожъ, не смотря на умѣренность Россіянъ и на легкость ига, возлагаемаго ими на данниковъ, Чудь и Латыши, какъ увидимъ, не рѣдко старались свергнуть оное, и не щадили крови своей для пріобрѣтенія вольности совершенной. Г. 1030. Основаніе Юрьева или Дерпта.

Въ Польшѣ царствовалъ тогда Мечиславъ, малодушный сынъ и наслѣдникъ Великаго Бо- Завоеванія въ Польшѣ.

леслава. Пользуясь слабостію сего Короля и внутренними неустройствами земли его, Ярославъ взялъ Бельзъ; въ слѣдующій годъ, соединясь съ мужественнымъ братомъ своимъ, овладѣлъ снова всѣми городами Червенскими; входилъ въ самую Польшу, вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, и населивъ ими берега Роси, заложилъ тамъ города или крѣпости [30].

Г. 1031.

Г. 1032.

Искреннее согласіе двухъ Государей Россійскихъ продолжалось до смерти одного изъ нихъ [31]. Мстиславъ, выѣхавъ на ловлю, вдругъ занемогъ и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалымъ*, не испыталъ превратностей воинскаго счастія, и сражаясь, всегда побѣждалъ; ужасный для враговъ, славился милостію къ народу и любовію къ вѣрной дружинѣ; веселился и пировалъ съ нею подобно великому отцу своему, слѣдуя его правилу, что Государь не златомъ наживаетъ витязей, а съ витязями злато. Онъ поднялъ мечь на брата, но загладилъ сію жестокость, свойственную тогдашнему вѣку, великодушнымъ миромъ съ побѣжденнымъ, и Россія обязана была десятилѣтнею внутреннею тишиною счастливому ихъ союзу, истинно братскому. — Памятникомъ Мстиславовой набожности остался каменный храмъ Богоматери въ Тмутороканѣ, созданный имъ въ знакъ благодарности за одержанную надъ Касожскимъ великаномъ побѣду, и церковь Спаса въ Черниговѣ, заложенная при семъ Князѣ: тамъ хранились и кости его въ Несторово время. Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *черменъ лицемъ и де-*

Г. 1036. Смерть Мстислава.

белъ тѣломъ; имѣлъ также необыкновенно большіе глаза. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ: единственный его сынъ, Евстафій, умеръ еще за три года до кончины родителя.

Ярославъ сдѣлался Монархомъ всей Россіи и началъ властвовать отъ береговъ моря Балтійскаго до Азіи, Венгріи и Дакіи. Изъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей оставался одинъ Брячиславъ Полоцкій: вѣроятно, что онъ зависѣлъ отъ своего дяди какъ Государя Самодержавнаго. О дѣтяхъ Владиміровыхъ, Всеволодѣ (32), Станиславѣ, Позвиздѣ, Лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе, сказывая только, что Великій Князь, обманутый клеветниками, заключилъ во Псковѣ Судислава, меньшаго своего брата, который, можетъ быть, княжилъ въ семъ городѣ.

Единовластіе.

Судиславъ заключенъ.

Но Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ Удѣльнаго Правленія Женатый на Ингигердѣ или Аннѣ, дочери Шведскаго Короля Олофа — которая получила отъ него въ вѣно городъ Альдейгабургъ или Старую Ладогу (33) — онъ былъ уже отцемъ многочисленнаго семейства. Какъ скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, Великій Князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствію слѣпой любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновеніе.

Новые удѣлы.

Узнавъ о набѣгѣ Печенѣговъ, онъ спѣшилъ изъ Новагорода въ южную Россію и сразился съ варварами подъ самыми стѣнами Кіева. Варяги, всегдашніе его помощники, стояли въ срединѣ; на правомъ крылѣ граждане Кіевскіе, на лѣвомъ Новогородцы. Битва продолжалась цѣлый день. Ярославъ одержалъ побѣду, самую счастливѣйшую для отечества, сокрушивъ однимъ ударомъ силу лютѣйшаго изъ враговъ его. Большая часть Печенѣговъ легла на мѣстѣ; другіе, гонимые раздраженнымъ побѣдителемъ, утонули въ рѣкахъ [34]; немногіе спаслися бѣгствомъ, и Россія навсегда освободилась отъ ихъ жестокихъ нападеній. Въ память сего знаменитаго торжества Великій Князь заложилъ, на мѣстѣ сраженія, великолѣпную церковь, и распространивъ Кіевъ, обвелъ его *каменными* стѣнами; подражая Константинополю, онъ назвалъ ихъ главныя врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софіею *Митрополитскою*, украсивъ ее золотомъ, серебромъ, мусіею и драгоцѣнными сосудами. Тогда былъ уже *Митрополитъ* въ нашей древней столицѣ, именемъ Ѳеопемптъ — вѣроятно, Грекъ — который, по извѣстію Нестора, въ 1039 году вновь освятилъ храмъ Богоматери, сооруженный Владиміромъ, но поврежденный, какъ надобно думать, сильнымъ Кіевскимъ пожаромъ 1017 году. Ярославъ началъ также строить монастыри: первыми изъ нихъ были въ Кіевѣ монастырь Св. Георгія и Св. Ирины. Сей Государь, по сказанію Лѣтописца, весьма любилъ *церковные уставы*, духовныхъ Па-

Побѣда надъ Печенѣгами.

Г. 1037. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ.

Митрополитъ.

Строеніе монастырей.

стырей и въ особенности *Черноризцевъ*; не менѣе любилъ онъ и книги божественныя: велѣлъ переводить ихъ съ Греческаго на Славянскій языкъ, читалъ оныя день и ночь, многія списывалъ и положилъ въ церкви Софійской для народнаго употребленія. Опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе Іереямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ, и предписалъ имъ учить новыхъ Христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ; видѣлъ успѣхи Вѣры, и радовался, какъ усердный сынъ Церкви и добрый отецъ народа.

Любовь Ярославова къ книгамъ.

Ревностное благочестіе и любовь къ ученію книжному не усыпляли его воинской дѣятельности. Ятвяги были побѣждены Владиміромъ Великимъ; но сей народъ, обитая въ густыхъ лѣсахъ, питаясь рыбною ловлею и пчеловодствомъ, болѣе всего любилъ дикую свободу и не хотѣлъ никому платить дани. Ярославъ имѣлъ съ нимъ войну; также съ Литовцами, сосѣдами Полоцкаго или Туровскаго Княженія, и съ Мазовшанами, тогда независимыми отъ Государя Польскаго (35). Сынъ Великаго Князя, Владиміръ, ходилъ съ Новогородцами на Ямь, или нынѣшнихъ Финляндцевъ, и побѣдилъ ихъ; но въ сей землѣ, безплодной и каменистой, воины его оставили всѣхъ коней своихъ, бывшихъ тамъ жертвою мора.

Г. 1038. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью.

Г. 1040.

Г. 1041.

Г. 1042.

Предпріятіе гораздо важнѣйшее ознаменовало для нашей Исторіи 1043 годъ. Дружба Великихъ Князей съ Императорами, основан-

Г. 1043.

ная на взаимныхъ выгодахъ, утвердилась единствомъ Вѣры и родственнымъ ихъ союзомъ. Съ помощію Россіянъ шуринъ Владиміровъ завоевалъ не только Тавриду, но и Болгарію; они сражались подъ знаменами Имперіи въ самыхъ окрестностяхъ древняго Вавилона. Лѣтописцы Византійскіе разсказываютъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ Св. Владиміра прибылъ на судахъ въ гавань Цареградскую какой-то родственникъ его; обьявилъ намѣреніе вступить въ службу Императора, но тайно ушелъ изъ пристани, разбилъ Грековъ на берегахъ Пропонтиды, и вооруженною рукою открылъ себѣ путь къ острову Лимну, гдѣ Намѣстникъ Самскій и Воевода Ѳессалоникскій злодѣйскимъ образомъ умертвили его и 800 бывшихъ съ нимъ воиновъ. Сіе обстоятельство не имѣло никакихъ слѣдствій, и купцы Россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ Имперіею, свободно торговали въ Константинополѣ. Но сдѣлалась ссора между ими и Греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго Россіянина. Вѣроятно, что Великій Князь напрасно требовалъ удовольствія (36):

Походъ на Грековъ.

оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать Грековъ; поручилъ войско мужественному Полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну своему, Владиміру, итти съ нимъ къ Царюграду. Греція вспомнила бѣдствія, претерпѣнныя нѣкогда ею отъ флотовъ Россійскихъ — и Послы Константина Мономаха встрѣтили Владиміра. Императоръ писалъ къ

нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной Россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ сего письма, отпустилъ Греческихъ Пословъ съ отвѣтомъ высокомѣрнымъ, какъ говорятъ Византійскіе Историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подъ стражу купцевъ и воиновъ Россійскихъ, бывшихъ въ Царѣградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ Имперіи, выѣхалъ самъ на Царской яхтѣ противъ непріятеля; за нимъ слѣдовалъ флотъ и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фара. Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. „Соглашаюсь" — сказалъ гордый Князь Новогородскій — „ежели вы, богатые Греки, „дадите по три фунта золота на каждаго „человѣка въ моемъ войскѣ (37)." Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ, и желая заманить непріятелей въ открытое море, послалъ впередъ три галеры, которыя врѣзались въ средину Владимірова флота и зажгли Греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне снялись съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлалась буря, гибельная для малыхъ Россійскихъ лодокъ; однѣ исчезли въ волнахъ, другія стали на мель, или были извержены на берегъ. Корабль Владиміровъ пошелъ на дно; нѣкто Творимиричъ, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ Князя и Воеводъ Ярославовыхъ, взявъ ихъ къ се-

бѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6,000 Россіянъ, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный Воевода Ярославовъ, Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опасность, хотѣлъ великодушно раздѣлить оную, и сошелъ на берегъ, сказавъ Князю: „иду съ „ними; буду ли живъ, или умру, но не покину достойныхъ воиновъ (38).“ Между тѣмъ Императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду и возвратился въ столицу, отправивъ въ слѣдъ за Россіянами флотъ и два Легіона. 24 Галеры Греческія обогнали Владиміра и стали въ заливѣ: Князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сцѣпились съ ними и вступили въ отчаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ или истребивъ суда Греческія. Адмиралъ Мономаховъ былъ убитъ, и Владиміръ пришелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ... Великодушный, но несчастный Вышата сразился въ Болгаріи, у города Варны, съ сильнымъ Греческимъ войскомъ; большая часть его дружины легла на мѣстѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ Россіянъ и самого Вышату: Императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить!

Древнее предсказаніе.

Сія война предковъ нашихъ съ Греціею была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ страшныхъ флотовъ въ Воспорѣ: ибо Россія, терзаемая междоусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказаніе, не извѣстно кѣмъ написанное

въ X или XI вѣкѣ подъ истуканомъ Беллерофона (который стоялъ на Таврской площади въ Царѣградѣ), что „Россіяне должны овла„дѣть столицею Имперіи Восточной (39):“ столь имя ихъ ужасало Грековъ! — Чрезъ три года Великій Князь заключилъ миръ съ Имперіею, и плѣнники Россійскіе, безчеловѣчно лишенные зрѣнія, возвратились въ Кіевъ.

Около сего времени Ярославъ вошелъ въ свойство со многими знаменитыми Государями Европы. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Казиміръ, внукъ Болеслава *Храбраго*: изгнанный въ дѣтствѣ изъ отечества вмѣстѣ съ матерію, онъ удалился (какъ разсказываютъ Историки Польскіе) во Францію, и не имѣя надежды быть Королемъ, сдѣлался Монахомъ. Наконецъ Вельможи Польскіе, видя мятежъ и бѣдствія въ Государствѣ, прибѣгнули къ его великодушію, и Казиміръ, освобожденный Папою отъ узъ духовнаго обѣта, возвратился изъ кельи въ чертоги Царскіе (40). Желая пользоваться дружбою могущественнаго Ярослава, онъ женился на сестрѣ его, дочери Св. Владиміра. Польскіе Историки говорятъ, что брачное торжество совершилось въ Краковѣ; что добродѣтельная и любезная *Марія*, названная *Доброгнѣвою*, приняла Вѣру Латинскую, и что Король ихъ взялъ за супругою великое богатство, множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также драгоцѣнныхъ конскихъ и другихъ украшеній. Собственный Лѣтописецъ нашъ сказываетъ, что Казиміръ далъ Ярославу за *вѣно* — то есть, за невѣ-

Брачные союзы.

сшру свою — 800 человѣкъ: вѣроятно Россіянъ, плѣненныхъ въ 1018 году Болеславомъ. Сей союзъ, одобренный здравою Полишикою обоихъ Государствъ, утвердилъ за Россіею города Червенскіе, и былъ весьма счастливъ для Казимира: ибо Ярославъ, какъ искренній другъ своего зятя, помогъ ему смирить мятежника смѣлаго и хитраго, именемъ Моислава, который овладѣлъ Мазовіею и хотѣлъ быть Госу-
Г. 1046. даремъ независимымъ. Великій Князь разбилъ его многочисленное войско и покорилъ сію область Казимиру.

Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о дочеряхъ Ярославовыхъ; но достовѣрные Лѣтописцы чужестранные именуютъ трехъ: Елисавету, Анну и Анастасію или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежскаго. Въ юности своей выѣхавъ изъ отечества, онъ служилъ Князю Ярославу; влюбился въ прекрасную дочь его, Елисавету, и желая быть достойнымъ ея руки, искалъ великаго имени въ свѣтѣ. Гаральдъ отправился въ Константинополь и вступилъ въ службу Императора Восточнаго; въ Африкѣ, въ Сициліи побѣждалъ невѣрныхъ; ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ Мѣстамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ богатствомъ и славою, возвратясь въ Россію, женился на Елисаветѣ, которая одна занимала его сердце и воображеніе среди всѣхъ блестящихъ подвиговъ геройства [41]. Наконецъ онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ.

Вторая Княжна, Анна, сочеталась бракомъ съ Генрикомъ I, Королемъ Французскимъ. Папа объявилъ кровосмѣшеніемъ супружество отца его и гналъ Роберта, какъ беззаконника, за то, что онъ женился на родственницѣ въ четвертомъ колѣнѣ. Генрикъ, будучи свойственникомъ Государей сосѣдственныхъ, боялся такой же участи, и въ странѣ отдаленной искалъ себѣ знаменитой невѣсты [42]. Франція, еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россіею, возвеличенною завоеваніями Олега и Великихъ его преемниковъ. Въ 1048 году — по извѣстію древней рукописи, найденной въ С. Омерской церкви — Король отправилъ Посломъ къ Ярославу Епископа Шалонскаго, Рогера: Анна пріѣхала съ нимъ въ Парижъ и соединила кровь Рюрикову съ кровію Государей Французскихъ. — По кончинѣ Генрика I, въ 1060 году, Анна, славная благочестіемъ, удалилась въ монастырь Санлизскій; но чрезъ два года, вопреки желанію сына, вступила въ новое супружество съ Графомъ де-Крепи. Одинъ Французскій Лѣтописецъ говоритъ, что она, потерявъ втораго, любезнаго ей супруга, возвратилась въ Россію; но сіе обстоятельство кажется сомнительнымъ. Сынъ ея, Филиппъ, царствовалъ во Франціи, имѣя къ ней столь великое уваженіе, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 1075 года [43]. Честолюбіе, узы семейственныя,

привычка и Вѣра Католическая, ею принятая, удерживали сію Королеву во Франціи.

Третья дочь Ярославова, Анастасія, вышла за Короля Венгерскаго, Андрея I. Вѣроятно, что сей брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ Россіянъ переселиться въ Венгрію, гдѣ, въ разныхъ Графствахъ, на лѣвой сторонѣ Дуная, живетъ донынѣ многочисленное ихъ потомство, утративъ чистую Вѣру отцевъ своихъ (44).

Ссылаясь на Лѣтописцевъ Норвежскихъ, Торфей называетъ Владиміра, старшаго Ярославова сына, супругомъ Гиды, дочери Англійскаго Короля, Гаральда, побѣжденнаго Вильгельмомъ *Завоевателемъ*. Саксонъ Грамматикъ, древнѣйшій Историкъ Датскій, также повѣствуетъ, что дѣти несчастнаго Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи, искали убѣжища при Дворѣ Свенона II, Короля Датскаго, и что Свенонъ выдалъ потомъ дочь Гаральдову за Россійскаго Князя, именемъ Владиміра (45); но сей Князь не могъ быть *Ярославичь*. Гаральдъ убитъ въ 1066 году, а Владиміръ, сынъ Ярославовъ, скончался въ 1052 (построивъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Софіи, которая еще не разрушена временемъ, и гдѣ погребено его тѣло).

Кромѣ Владиміра, Ярославъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестрѣ Казимира Польскаго, не смотря на то, что его родная тетка была за симъ Королемъ (46); а Всеволодъ, по сказанію Несто-

ра, на *Греческой Царевнѣ*. Новѣйшіе Лѣтописцы называютъ Константина Мономаха тестемъ Всеволода; но Константинъ не имѣлъ дѣтей отъ Зои. Мы не знаемъ даже, по Византійскимъ лѣтописямъ, ни одной Греческой Царевны сего времени, кромѣ Евдокіи и Ѳеодоры, умершихъ въ дѣвствѣ (47). Развѣ положимъ, что Мономахъ, еще не бывъ Императоромъ, прижилъ супругу Всеволодову съ *первою*, неизвѣстною намъ женою? — О супружествѣ другихъ сыновей Ярославовыхъ не можемъ сказать ничего *вѣрнаго*. Историки Нѣмецкіе пишутъ, что дочь Леопольда, Графа Штадскаго, именемъ Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI вѣка за Князей Россійскихъ, но, скоро овдовѣвъ, возвратились въ Германію и сочетались бракомъ съ Нѣмецкими Принцами (48). Вѣроятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сіи меньшіе сыновья Ярославовы скончались въ юношествѣ, и первая отъ Россійскаго Князя имѣла одного сына, воспитаннаго ею въ Саксоніи: думаю, Бориса Вячеславича, о коемъ Несторъ говоритъ только съ 1077 года, и который могъ до того времени жить въ Германіи. Лѣтописцы Нѣмецкіе прибавляютъ, что мать его, выѣзжая изъ нашего отечества, зарыла въ землю сокровище, найденное имъ по возвращеніи въ Россію.

Великій Князь провелъ остатокъ жизни своей въ тишинѣ и въ Христіанскомъ благочестіи. Но сія усердная набожность не

препятствовала ему думать о пользѣ государственной и въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, сообщивъ намъ Вѣру и присылая главныхъ духовныхъ Пастырей, надѣялись, можетъ быть, чрезъ нихъ присвоить себѣ и нѣкоторую мірскую власть надъ Россіею: Ярославъ не хотѣлъ того, и еще въ первый годъ своего Единодержавія, будучи въ Новѣгородѣ, *самъ* избралъ въ начальники для сей Епархіи Луку Жидяту; а въ 1051 году, собравъ въ Кіевѣ Епископовъ, велѣлъ имъ поставить Митрополитомъ Иларіона *Россіянина*, безъ всякаго участія со стороны Константинопольскаго Патріарха (49)... Иларіонъ, мужъ ученый и добродѣтельный, былъ Іереемъ въ селѣ Берестовѣ при церкви Святыхъ Апостоловъ: Великій Князь узналъ его достоинства, имѣя тамъ загородный дворецъ и любя, подобно Владиміру, сіе веселое мѣсто.

Г. 1051. Митрополитъ Россіянинъ.

Г. 1054. Наставленія и кончина Ярослава.

Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ созвалъ дѣтей своихъ и хотѣлъ благоразумнымъ наставленіемъ предупредить всякую распрю между ими. „Скоро не будетъ „меня на свѣтѣ,“ говорилъ онъ: „вы, дѣти „одного отца и матери, должны не только „называться братьями, но и сердечно любить „другъ друга. Знайте, что междоусобіе, бѣдственное лично для васъ, погубитъ славу „и величіе Государства, основаннаго счастливыми трудами нашихъ отцевъ и дѣдовъ (50). Миръ и согласіе ваше утвердятъ „его могущество. Изяславъ, старшій братъ, „заступитъ мое мѣсто и сядетъ на престо-

„лѣ Кіевскомъ: повинуйтесь ему, какъ вы от-
„цу повиновались. Святославу даю Черни-
„говъ, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смо-
„ленскъ: каждый да будетъ доволенъ своею
„частію, или старшій братъ да судитъ васъ
„какъ Государь! Онъ защититъ утѣсненна-
„го и накажетъ виновнаго.“ Слова достопа-
мятныя, мудрыя и безполезныя! Ярославъ ду-
малъ, что дѣти могутъ быть разсудитель-
нѣе отцевъ, и къ несчастію ошибся.

Не взирая на старость и болѣзнь, онъ все еще занимался государственными дѣлами: по- Февраля 19.
ѣхалъ въ Вышегородъ, и тамъ скончался, имѣя отъ роду болѣе семидесяти лѣтъ (супруга его умерла еще въ 1050 году.) Изъ дѣтей былъ съ нимъ одинъ Всеволодъ, котораго онъ любилъ нѣжнѣе всѣхъ другихъ и никогда не отпускалъ отъ себя. Горестный сынъ, народъ и Священники въ служебныхъ ризахъ шли за тѣломъ изъ Вышегорода до Кіева, гдѣ оно, заключенное въ мраморную раку, было погребено въ Софійской церкви. Гробъ Ярославовъ.
Сей памятникъ, украшенный рѣзными изображеніями птицъ и деревъ, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ [51].

Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя Го- Свойства сего Князя.
сударя мудраго; не пріобрѣлъ оружіемъ новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россіею въ бѣдствіяхъ междоусобія; не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой. Слѣдуя въ правленіи благодѣтельнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ хотѣлъ загладить вину

ослушнаго сына и примириться съ тѣнію огорченнаго имъ отца.

Внѣшняя политика Ярославова была достойна Монарха сильнаго: онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные Россіяне требовали и не нашли тамъ правосудія; но отмстивъ Польшѣ и взявъ свое, великодушною помощію утвердилъ ея цѣлость и благоденствіе.

Ярославъ наказалъ мятежныхъ Новогородцевъ, за убіеніе Варяговъ, такъ, какъ Государи не должны наказывать: вѣроломнымъ обманомъ; но признательный къ ихъ усердію, далъ имъ многія выгоды и права. Князья Новогородскіе слѣдующихъ вѣковъ должны были клясться гражданамъ въ точномъ соблюденіи его *льготныхъ грамотъ*, къ сожалѣнію истребленныхъ временемъ (52). Знаемъ только, что сей народъ, ссылаясь на оныя, почиталъ себя вольнымъ въ избраніи собственныхъ Властителей. Память Ярославова была въ теченіе вѣковъ любезна жителямъ Новагорода, и мѣсто, гдѣ обыкновенно сходился народъ для совѣта, въ самыя позднѣйшія времена именовалось *Дворомъ Ярослава*.

Сей Князь заточилъ брата, обнесеннаго клеветниками; но доказалъ свое добродушіе, простивъ мятежнаго племянника, и забывъ, для счастія Россіи, прежнюю вражду Князя Тмутороканскаго.

Крещеніе костей. Ярославъ былъ набоженъ до суевѣрія: онъ вырылъ кости Владиміровыхъ братьевъ, умершихъ въ язычествѣ — Олеговы и Ярополко-

вы — кресшилъ ихъ и положилъ въ Кіевской церкви Св. Богородицы (53). Ревность его къ Христіанству соединялась, какъ мы видѣли, съ любовію къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей Великій Князь завелъ въ Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшинъ, пріобрѣтали свѣдѣнія, нужныя для Священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ (54). Загладивъ слѣды Болеславовыхъ опустошеній въ южной Россіи, населивъ плѣнниками область Кіевскую и будучи, подобно Олегу и Владиміру, основателемъ многихъ городовъ новыхъ (55), онъ хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторымъ Цареградомъ*. Ярославъ любилъ Искусства: художники Греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею, донынѣ видимою въ двухъ церквахъ его времени, Кіевской и Новогородской. Сія мусія, составленная изъ четвероугольныхъ камешковъ, изображаетъ на златомъ полѣ лица и одежду святыхъ по рисунку весьма несовершенному, но съ удивительною свѣжестію красокъ: работа болѣе трудная, нежели изящная, однакожъ любопытная для знатоковъ Искусства. — Благопріятный случай сохранилъ также для насъ серебряную монету княженія Ярославова, на коей представленъ воинъ съ Греческою надписью: ὁ Γεώργιος, и съ Рускою: *Ярославле сребро* (56): доказательство, что древняя Россія не только пользовалась

Первое народное училище.

Кіевъ вторый Царьградъ.

Монета Ярославова.

чужестранными драгоцѣнными монетами, но имѣла и собственныя. — Стараясь о благолѣпіи храмовъ, пріятномъ для глазъ, Великій Князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы Греческіе, научившіе Россійскихъ церковниковъ согласному *Демественному* пѣнію[57].

Демественное пѣніе.

Дворъ Ярославовъ, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ для Государей и Князей несчастныхъ. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олофъ *Святый*, Король Норвежскій, лишенный трона, требовалъ защиты Россійскаго Монарха. Ярославъ принялъ его съ особеннымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать ему въ управленіе знаменитую область въ Государствѣ своемъ; но сей Король, обольщенный сновидѣніемъ и надеждою побѣдить Канута, завоевателя Норвегіи, выѣхалъ изъ Россіи, оставивъ въ ней юнаго сына своего, Магнуса, который послѣ царствовалъ въ Скандинавіи [58]. Дѣти мужественнаго Короля Англійскаго, Эдмунда, изгнанные Канутомъ, Эдвинъ и Эдвардъ, также Принцъ Венгерскій, Андрей (не бывъ еще зятемъ Ярославовымъ), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Левентою, искали безопасности въ нашемъ отечествѣ [59]. — Ярославъ съ такимъ же великодушіемъ принялъ Князя Варяжскаго Симона, который, будучи изгнанъ дядею, *Якуномъ Слѣпымъ*, со многими единоземцами вступилъ въ Россійскую службу и сдѣлался первымъ Вельможею юнаго Всеволода [60].

Россія убѣжище изгнанниковъ.

Мы сказали, что Ярославъ не принадлежитъ къ числу завоевателей; однакожъ вѣроятно, что въ *его* княженіе область Новогородская распространилась на Востокъ и Сѣверъ. Жители Перми, окрестностей Печорскихъ, Югра [61], были уже въ XI вѣкѣ данниками Новогородскими (Несторъ зналъ и дикихъ Самоѣдовъ, которые обитали къ Сѣверу отъ Югры): завоеваніе столь отдаленное не могло вдругъ совершиться, и Россіянамъ надлежало прежде овладѣть всѣми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской Губерніи, древнимъ отечествомъ народовъ Чудскихъ, славнымъ въ Сѣверныхъ лѣтописяхъ подъименемъ Біарміи. Тамъ, на берегахъ Двины, въ началѣ XI вѣка, по сказанію Исландцевъ, былъ торговый городъ, гдѣ съѣзжались лѣтомъ купцы Скандинавскіе, и гдѣ Норвежцы, отправленные въ Біармію Св. Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, ограбили кладбище и похитили украшеніе Финскаго идола Йомалы [62]. Баснословіе ихъ Стихотворцевъ о чудесномъ великолѣпіи сего храма и богатствѣ жителей не входитъ въ Исторію; но жители Біарміи могли нѣкоторыми произведеніями земли своей, солью, желѣзомъ, мѣхами, торговать съ Норвежцами, открывшими въ IX вѣкѣ путь къ устью Двины [63], и даже съ Камскими Болгарами, посредствомъ рѣкъ судоходныхъ. Занимаясь рыбною и звѣриною ловлею, огражденные съ одной стороны морями хладными, а съ другой лѣсами дремучими, они спокойно наслажда-

Сѣверныя владѣнія Россіи.

дись независимостію, до самаго того времени, какъ смѣлые и предпріимчивые Новогородцы сблизились съ ними чрезъ область Бѣлозерскую и покорили ихъ, въ княженіе Владиміра или Ярослава [64]. Сія земля, отъ Бѣлаозера до рѣки Печоры, была названа Заволочьемъ, и мало по малу населена выходцами Новогородскими, которые принесли туда съ собою и Вѣру Христіанскую (по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовали монастыри на берегахъ Двины). Скоро отдаленный хребетъ горъ Уральскихъ, идущій отъ Новой земли къ Югу, и бывшій нѣсколько времени предметомъ баснословія въ нашемъ отечествѣ, сдѣлался какъ бы границею Россіи, и Новогородцы нашли способъ получать естественныя, драгоцѣнныя произведенія Сибири чрезъ своихъ Югорскихъ данниковъ, которые вымѣнивали оныя у тамошнихъ обитателей на желѣзныя орудія и другія дешевыя вещи.

Законы.

Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ достойный великаго Монарха. Сему Князю приписываютъ древнѣйшее *собраніе* нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды* [65]. Еще въ Олегово время Россіяне имѣли законы; но Ярославъ, *можетъ быть*, отмѣнилъ нѣкоторые, исправилъ другіе, и первый издалъ законы *письменные* на языкѣ Славянскомъ. Они конечно были государственными или *общими*, хотя древ-

ніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ и заключающь въ себѣ нѣкоторыя *особенныя* или мѣстныя учрежденія (66). Сей остатокъ древности, подобный *двенадцати доскамъ* Рима, есть вѣрное зерцало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи: предлагаемъ его здѣсь въ извлеченіи.

ГЛАВА III.

ПРАВДА РУССКАЯ,

или

ЗАКОНЫ ЯРОСЛАВОВЫ.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наслѣдственное. Судіи. Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный.

Главная цѣль общежитія есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: уставъ Ярославовъ утверждаетъ ту и другую слѣдующимъ образомъ:

Законы уголовные.

Денежныя пени за убійства

1. „Кто убьетъ человѣка, тому родственники убитаго мстятъ за смерть смертію; „а когда не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать деньгами въ Казну: за голову „Боярина Княжескаго, Тіуна *Огнищанъ* или „гражданъ именитыхъ, и Тіуна *Конюшаго*, 80 „гривенъ или двойную Виру; за Княжескаго „Отрока или Гридня, *повара, конюха*, купца, Тіуна и Мечника Боярскаго, за всякаго „*Людина*, то есть, свободнаго человѣка, Русскаго (Варяжскаго племени) или Славянина

„40 гривенъ или Виру, а за убіеніе жены пол-„виры. За раба нѣтъ Виры; но кто убилъ его „безвинно, долженъ платить господину такъ „называемый урокъ, или цѣну убитаго: за Тіу-„на *сельскаго* или старосту Княжескаго и „Боярскаго, за ремесленника, дядьку или пѣ-„стуна, и за кормилицу, 12 гривенъ, за прос-„таго холопа Боярскаго и Людскаго 5 гри-„венъ, за рабу шесть гривенъ, и сверхъ то-„го въ Казну 12 гривенъ *продажи*,“ дани или пени (67).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Россіяне получили свои гражданскіе уставы отъ Скандинавовъ. Желая утвердить семейственныя связи, нужныя для безопасности личной въ новыхъ обществахъ, всѣ народы Германскіе давали родственникамъ убитаго право лишить жизни убійцу или взять съ него деньги, опредѣляя разныя пени или Виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянію убитыхъ, ничтожныя въ сравненіи съ нынѣшнею цѣною вещей, но тягостныя по тогдашней рѣдкости денегъ (68). Законодатели берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества, и думали, что денежная пеня можетъ отвращать злодѣянія. Дѣти Ярославовы, какъ увидимъ, отмѣнили даже и законную месть родственниковъ. Вира.

Сія уголовная статья весьма ясно представляетъ намъ гражданскія степени древней Россіи. Бояре и Тіуны Княжескіе занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитаго чиновника: второе есть Скан- Гражданскія степени.

динавское или древнее Нѣмецкое Thaegn, Thiagn, Diakn, *мужъ честный*, vir probus [69]; такъ вообще назывались Дворяне Англо-Саксонскіе, иногда дружина Государей, Графы, и проч. — Люди военные, придворные [70], купцы и земледѣльцы свободные принадлежали ко второй степени; къ третьей, или нижайшей, холопы Княжескіе, Боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ нашемъ были конечно потомки военноплѣнныхъ; но въ сіе время — то есть, въ XI вѣкѣ — уже разныя причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ [71], что „холопомъ *обѣльнымъ*, или полнымъ, бываетъ 1) человѣкъ купленный при свидѣтеляхъ; 2) кто не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; 4) кто безъ условія же пойдетъ въ слуги или въ ключники, и 5) *закупъ*, то есть, наемникъ или на время закабаленный человѣкъ, который, не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что онъ ходилъ къ Князю или судьямъ, искать управы на господина. Но служба не дѣлаетъ вольнаго рабомъ. Наемники могутъ всегда отойти отъ господина, возвративъ ему не заработанныя ими деньги. Вольный слуга, обманомъ проданный за холопа, совершенно освобождается отъ кабалы, а продавецъ вноситъ въ Казну 12 гривенъ пени."

II. „Ежели кто убьетъ человѣка въ ссорѣ „или въ пьянствѣ и скроется, то *Вервь* или „округа, гдѣ совершилось убійство, платитъ „за него пеню“ — которая называлась въ такомъ случаѣ *дикою Вирою* — „но въ разные „сроки, и въ нѣсколько лѣтъ, *для облегченія* „жителей. За найденное мертвое тѣло человѣ„ка неизвѣстнаго Вервь не отвѣтствуетъ.— „Когда же убійца не скроется, то съ окру„ги или съ волости взыскать половину Ви„ры, а другую съ самого убійцы.“ Законъ весьма благоразумный въ тогдашнія времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченнаго виномъ или ссорою, онъ побуждалъ всякаго быть миротворцемъ, чтобы въ случаѣ убійства не платить вмѣстѣ съ виновнымъ. — „Ежели убійство сдѣлается безъ всякой ссо„ры, то волость не платитъ за убійцу, но „выдаетъ его *на потокъ*“ — или въ руки Государю — „съ женою, съ дѣтьми и съ имѣ„ніемъ“ (72). Уставъ жестокій и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дѣти отвѣтствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностію*.

Дикая Вира.

Потокъ.

III. Какъ древніе Нѣмецкіе, такъ и Ярославовы законы опредѣляли особенную пеню за всякое дѣйствіе насилія: „за ударъ мечемъ не„обнаженнымъ, или его рукояткою, тростію, „чашею, стаканомъ (73), пястію, 12 гривенъ; за „ударъ палицею и жердію 3 гривны, за всякой „толчокъ и за рану легкую 3 гривны, а ранено„му гривну на леченье.“ Слѣдственно гораздо неизвинительнѣе было ударить голою ру-

Пеня за удары.

кою, легкою чашею или стаканомъ, нежели тяжелою палицею или самымъ острымъ мечемъ. Угадаемъ ли мысль законодателя? Когда человѣкъ въ ссорѣ *обнажалъ* мечь, бралъ палицу или жердь, тогда противникъ его, *видя опасность*, имѣлъ время изготовиться къ оборонѣ или удалиться. Но рукою или домашнимъ сосудомъ можно было ударить *нечаянно;* также мечемъ необнаженнымъ и тростію: ибо воинъ *обыкновенно* носилъ мечь, и всякой человѣкъ *обыкновенно* ходилъ съ тростію; то и другое не заставляло остерегаться. Далѣе: „За поврежденіе ноги, руки, глаза, „носа, виновный платитъ 20 гривенъ въ Казну, а самому изувѣченному 10 гривенъ (74); за „выдернутый клокъ бороды 12 гривенъ въ „Казну; за выбитый зубъ то же, а самому битому гривну; за отрубленный палецъ 3 гривны въ Казну, а раненому гривну. Кто погрозитъ мечемъ, съ того взять гривну пени; кто же вынулъ его для обороны, тотъ „не подвергается никакому взысканію, ежели и ранитъ своего противника. Кто самовольно, безъ Княжескаго повелѣнія, накажетъ *Огнищанина*“ (именитаго гражданина) „или *Смерда*“ (земледѣльца и простаго человѣка) „платитъ за перваго 12 гривенъ „Князю, за втораго 3 гривны, а битому гривну въ томъ и въ другомъ случаѣ. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется, а господинъ не выдастъ его, то взыскать съ господина 12 гривенъ. Истецъ же „имѣетъ право вездѣ умертвить раба, своего

„обидчика.“ Дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право бить виновнаго холопа (75), или взять за безчестье гривну. — „Если господинъ въ пьянствѣ и безъ „вины тѣлесно накажетъ *закупа* или слугу „наемнаго, то платитъ ему какъ свободно„му.“ — Большая часть денежной пени, какъ видимъ, шла обыкновенно въ Казну: ибо всякое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ Государя, блюстителя общей безопасности.

IV. „Когда на дворъ Княжескій“ — гдѣ обыкновенно судились дѣла—„придетъ истецъ „окровавленный или въ синихъ пятнахъ, то „ему не нужно представлять инаго свидѣтель„ства; а ежели нѣтъ знаковъ, то представляетъ очевидцевъ драки, и виновникъ ея „платитъ 60 *кунъ*“ (см. ниже). „Ежели ис„тецъ будетъ окровавленъ, а свидѣтели по„кажутъ, что онъ самъ началъ драку, то ему „нѣтъ удовлетворенія (76).“

Дворъ Княжескій есть мѣсто суда.

Оградивъ личную безопасность, Законодатель старался утвердить цѣлость собственности въ гражданской жизни.

V. „Всякой имѣетъ право убить ночнаго „татя на воровствѣ; а кто продержитъ „его связаннаго *до свѣта*, тотъ обязанъ ит„ти съ нимъ на Княжескій дворъ. Убіеніе „татя взятаго и связаннаго есть преступ„леніе, и виновный платитъ въ Казну 12 „гривенъ. Тать *коневый* выдается головою „Князю и теряетъ всѣ права гражданскія, „вольность и собственность.“ Столь уважа-

Охраненіе собственности.

Воровство.

емъ былъ конь, вѣрный слуга человѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путешествіяхъ! Древніе Саксонскіе законы осуждали на смерть всякаго, кто уведетъ чужую лошадь (77). — Далѣе: „Съ вора *клѣтнаго*" — т. е. домашняго или горничнаго — „взыскивается въ Казну „3 гривны, съ вора *житнаго*, который унесетъ хлѣбъ изъ *ямы* или съ гумна, 3 гривны и „30 кунъ; хозяинъ же беретъ свое жито, и „еще полгривны съ вора. — Кто украдетъ „скотъ въ хлѣвѣ или въ домѣ, платитъ въ „Казну 3 гривны и 30 кунъ, а кто въ полѣ, „*тотъ* 60 кунъ" (первое считалось важнѣйшимъ преступленіемъ: ибо воръ нарушалъ тогда спокойствіе хозяина): „сверхъ чего за всякую скотину, которая не возвращена лицемъ, хозяинъ беретъ опредѣленную цѣну: „за коня *Княжаго* 3 гривны, за простаго „2, за кобылу 60 кунъ, за жеребца невъѣжалаго гривну, за жеребенка 6 *ногатъ*, за вола „гривну, за корову 40 кунъ, за трехлѣтняго быка 30 кунъ, за годовика полгривны, „за теленка, овцу и свинью 5 кунъ, за барана и поросенка ногату (78)."

Статья любопытная: ибо она показываетъ тогдашнюю оцѣнку вещей. Въ гривнѣ было 20 *ногатъ* или 50 *рѣзаней*, а 2 рѣзани составляли одну *куну*. Сими именами означались мелкія кожаныя монеты, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи (79)."

Оцѣнка вещей.

VI. „За бобра, украденнаго изъ норы, опредѣляется 12 гривенъ пени (80)." Здѣсь гово-

рится о боврахъ *племянныхъ*, съ коими хозяинъ лишался всего возможнаго приплода. — „Если въ чьемъ владѣніи будетъ изрыта земля, найдутся сѣти или другіе признаки воровской ловли, то Вервь должна сыскать „виновнаго или заплатить пеню.“

VII. „Кто умышленно зарѣжетъ чужаго „коня или другую скотину, платитъ 12 гривенъ въ Казну, а хозяину гривну [81].“ Злоба безчестила гражданъ менѣе, нежели воровство: тѣмъ болѣе долженствовали законы обуздывать оную.

VIII. „Кто стешетъ *бортные* знаки [82] „или запашетъ межу полевую, или перегородитъ дворовую, или срубитъ бортную грань, „или *дубъ* гранный или межевый столпъ, съ „того взять въ Казну 12 гривенъ.“ Слѣдственно всякое сельское владѣніе имѣло свои предѣлы, утвержденные Гражданскимъ Правительствомъ, и знаки ихъ были священны для народа.

Бортные знаки и межевые столпы.

IX. „За борть ссѣченную виновный даетъ „3 гривны пени въ Казну, за дерево полгривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину „за медъ нелаженнаго улья 10 кунъ, за лаженный 5 кунъ [83].“ Читателю извѣстно, что есть *бортное* ухожье: дупла служили тогда ульями, а лѣса единственными пчельниками. — „Ежели тать скроется, должно „искать его по слѣду, но съ чужими людьми „и свидѣтелями. Кто не отведетъ слѣда „отъ своего жилища, тотъ виноватъ; но „буде слѣдъ кончится у гостинницы, или на

„пустомъ, незастроенномъ мѣстѣ, то взыска-„нія нѣтъ."

Птице-ловство

X. „Кто срубитъ шестъ подъ сѣтію птице-„лова или отрѣжетъ ея веревки, платитъ „3 гривны въ Казну, а птицелову гривну; за „украденнаго сокола или ястреба 3 грив-„ны въ Казну, а птицелову гривну; за голу-„бя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, за утку „30 кунъ; за гуся, журавля и лебедя то же (84)." Сею чрезмѣрною пенею Законодатель хотѣлъ обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицеловов̀ъ въ ихъ промыслѣ.

XI. „За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ „Казну, а хозяину за каждый возъ по двѣ но-„гаты."

XII. „Воръ за ладію платитъ 60 кунъ въ „Казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за „*набойную* 2 гривны, за стругъ гривну, за „челнъ 8 кунъ, если не можетъ лицемъ воз-„вратить украденнаго (85)." Имя *набойная* происходитъ отъ досокъ *набиваемыхъ* сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его.

Зажига-тель-ство.

XIII. „Зажигатель гумна и дома выдается „головою Князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ кое-„го надобно прежде вознаградить убытокъ, „понесенный хозяиномъ гумна или дома."

XIV. „Ежели обличатся въ воровствѣ хо-„лопи Княжескіе, Бояръ или простыхъ граж-„данъ, то съ нихъ не брать въ Казну пени „(взыскиваемой единственно съ людей свобод-„ныхъ); но они должны платить истцу вдвое: „на примѣръ, взявъ обратно свою украден-„ную лошадь, истецъ требуетъ еще за оную

„2 гривны—разумѣется съ господина, кото-
„рый обязанъ или выкупить своего холопа,
„или головою выдать его, вмѣстѣ съ другими
„участниками сего воровства, кромѣ ихъ
„женъ и дѣтей. Ежели холопъ, обокравъ ко-
„го, уйдетъ, то господинъ платитъ за вся-
„кую унесенную имъ вещь по цѣнѣ обыкно-
„венной. — За воровство слуги наемнаго го-
„сподинъ не отвѣтствуетъ; но если вне-
„сетъ за него пеню, то беретъ слугу въ ра-
„бы или можетъ продать (86).“

XV. „Утративъ одежду, оружіе, хозяинъ
„долженъ заявить на торгу; опознавъ вещь
„у *горожанина*, идетъ съ нимъ *на сводъ*, то Сводъ.
„есть, спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? и пе-
„реходя такимъ образомъ отъ человѣка къ
„человѣку, отыскиваетъ дѣйствительнаго во-
„ра, который платитъ за вину 3 гривны; а
„вещь остается въ рукахъ хозяина. Но еже-
„ли ссылка пойдетъ на жителей *уѣздныхъ*,
„то истцу взять за украденное деньги съ
„*третьяго* отвѣтчика, который идетъ съ
„поличнымъ далѣе, и наконецъ отысканный
„воръ платитъ за все по закону. — Кто ска-
„жетъ, что краденное куплено имъ у чело-
„вѣка неизвѣстнаго, или жителя иной обла-
„сти, тому надобно представить двухъ сви-
„дѣтелей, гражданъ свободныхъ, или мытни-
„ка (сборщика пошлинъ), чтобы они клят-
„вою утвердили истину словъ его (87). Въ
„такомъ случаѣ хозяинъ беретъ свое лицемъ,
„а купецъ лишается вещи, но можетъ оты-
„скивать продавца.“

Кража людей. XVI. „Ежели будетъ *украденъ холопъ*, то „господинъ, опознавъ его, также идетъ съ „нимъ на сводъ отъ человѣка къ человѣку, и „*третій* отвѣтчикъ даетъ ему своего холо- „па, но съ украденнымъ идетъ далѣе [88]. Оты- „сканный виновникъ платитъ всѣ убытки и „12 гривенъ пени Князю; а *третій* отвѣт- „чикъ беретъ обратно холопа, отданнаго „имъ въ залогъ вмѣсто сведеннаго.“

Бѣглые. XVII. „О *бѣгломъ* холопѣ господинъ объ- „являетъ на торгу, и ежели чрезъ три дни „опознаетъ его въ чьемъ домѣ, то хозяинъ „сего дому, возвративъ укрытаго бѣглеца, „платитъ еще въ Казну 3 гривны. — Кто „бѣглецу дастъ хлѣба или укажетъ путь, „тотъ платитъ господину 5 гривенъ, а за „рабу 6, или клянется, что онъ не слыхалъ „объ ихъ бѣгствѣ [89]. Кто представитъ ушед- „шаго холопа, тому даетъ господинъ грив- „ну; а кто упуститъ задержаннаго бѣглеца, „платитъ господину 4 гривны, а за рабу 5 „гривенъ: въ первомъ случаѣ пятая, а во вто- „ромъ шестая уступается ему за то, что „онъ поималъ бѣглыхъ. — Кто самъ найдетъ „раба своего въ городѣ, тотъ беретъ Посад- „никова Отрока, и даетъ ему 10 кунъ за „связаніе бѣглеца.“

Кабала. XVIII. „Кто возметъ чужаго холопа въ „кабалу, тотъ лишается данныхъ холопу де- „негъ, или долженъ присягнуть, что онъ счи- „талъ его свободнымъ: въ такомъ случаѣ го- „сподинъ выкупаетъ раба, и беретъ все имѣ- „ніе, пріобрѣтенное симъ рабомъ [90].“

XIX. „Кто, не спросивъ у хозяина, сядетъ на чужаго коня, тотъ платитъ въ „наказаніе 3 гривны“ — то есть, всю цѣну лошади. Сей законъ слово въ слово есть повтореніе древняго Ютландскаго, и еще болѣе доказываетъ, что гражданскіе уставы Норманов были основаніемъ Россійскихъ (91).

XX. „Ежели наемникъ потеряетъ собственную лошадь, то ему не за что отвѣтствовать; а ежели утратитъ плугъ и „борону господскую, то обязанъ платить „или доказать, что сіи вещи украдены въ „его отсутствіе, и что онъ былъ посланъ „со двора за господскимъ дѣломъ.“ И такъ владѣльцы обработывали свои земли не одними холопами, но и людьми наемными. — „Вольный слуга не отвѣтствуетъ за скотину, „уведенную изъ хлѣва; но когда растеряетъ „оную въ полѣ, или не загонитъ на дворъ, „то платитъ. — Ежели господинъ обидитъ „слугу и не выдастъ ему полнаго жалованья, „то обидчикъ, удовольствовавъ истца, вноситъ 60 кунъ пени; ежели насильственно „отниметъ у него деньги, то, возвративъ „ихъ, платитъ еще въ Казну 3 гривны (92).“

XXI. „Ежели кто будетъ требовать своихъ денегъ съ должника, а должникъ запрется, то истецъ представляетъ свидѣтелей. Когда они поклянутся въ справедливости его требованія, заимодавецъ беретъ свои деньги и еще 3 гривны въ удовлетвореніе. — Ежели заемъ не свыше трехъ „гривенъ, то заимодавецъ одинъ присягаетъ; Долги.

„но большій искъ требуетъ свидѣтелей или „безъ нихъ уничтожается [93].

XXII. „Если купецъ повѣрилъ деньги купцу для торговли, и должникъ начнетъ запираться, то свидѣтелей не спрашивать, „но отвѣтчикъ самъ присягаетъ [94].“ Законодатель хотѣлъ, кажется, изъявить въ семъ случаѣ особенную довѣренность къ людямъ торговымъ, которыхъ дѣла бываютъ основаны на чести и вѣрѣ.

XXIII. „Если кто многимъ долженъ, а купецъ *иностранный*, не зная ничего, повѣритъ ему товаръ: въ такомъ случаѣ продать должника со всѣмъ его имѣніемъ, и „*первыми* вырученными деньгами удовольствовать иностранца или Казну; остальное же „раздѣлить между прочими заимодавцами: но „кто изъ нихъ взялъ уже много ростовъ, „тотъ лишается своихъ денегъ.“

XXIV. „Ежели чужіе товары или деньги у „купца потонутъ, или сгорятъ, или будутъ „отняты непріятелемъ, то купецъ не отвѣтствуетъ ни головою, ни вольностію, и „можетъ разложить платежъ въ сроки: ибо „власть Божія и несчастіе не суть вина человѣка. Но если купецъ въ пьянствѣ утратитъ ввѣренный ему товаръ, или промотаетъ его, или испортитъ отъ небреженія: то заимодавцы поступятъ съ нимъ, „какъ имъ угодно: отсрочатъ ли платежъ, „или продадутъ должника въ неволю.“

XXV. „Если холопъ *обманомъ*, подъ именемъ вольнаго человѣка, испроситъ у кого

„деньги, то господинъ его долженъ или за„платить, или отказаться отъ раба; но кто „повѣритъ *извѣстному* холопу, лишается де„негъ. — Господинъ, позволивъ рабу торго„вать, обязанъ платить за него долги (95).“ Торговля рабовъ.

XXVI. „Если гражданинъ отдастъ свои „пожитки на сохраненіе другому, то въ сви„дѣтеляхъ нѣтъ нужды. Кто будетъ запи„раться въ принятіи вещей, долженъ утвер„дить клятвою, что не бралъ ихъ. Тогда „онъ правъ: ибо имѣніе повѣряютъ единствен„но такимъ людямъ, коихъ честь извѣстна; „и кто беретъ его на сохраненіе, тотъ ока„зываетъ услугу (96).“ Сохраненіе пожитковъ.

XXVII. „Кто отдаетъ деньги въ ростъ, „или медъ и жито въ займы, тому въ случаѣ „спора представить свидѣтелей, и взять все „по сдѣланному договору. *Мѣсячные* росты „берутся единственно за малое время; а кто „останется должнымъ цѣлый годъ, платитъ „уже *третные*, а не *мѣсячные*.“ Мы не знаемъ, въ чемъ состояли тѣ и другіе, основанные на всеобщемъ обыкновеніи тогдашняго времени; но ясно, что послѣдніе были гораздо тягостнѣе, и что Законодатель хотѣлъ облегчить судьбу должниковъ. — „Законы позволяютъ брать 10 кунъ съ гривны на годъ“ — то есть, сорокъ на сто (97). Въ земляхъ, гдѣ торговля, художества и промышленость цвѣтутъ изъ давныхъ временъ, деньги теряютъ цѣну отъ своего множества. Въ Голландіи, въ Англіи заимодавцы довольствуются самымъ малымъ прибыткомъ; но въ странахъ, Росты.

подобно древней Россіи, богатыхъ только грубыми естественными произведеніями, а не монетою — въ странахъ, гдѣ первобытная дикость нравовъ уже смягчается навыками гражданскими; гдѣ новая внутренняя и внѣшняя торговля знакомитъ людей съ выгодами роскоши — деньги имѣютъ высокую цѣну, и лихоимство пользуется ихъ рѣдкостію.

Слѣдуютъ общія постановленія для улики и оправданія:

Улики, оправданія.

XXVIII. „Всякой уголовный доносъ требуетъ свидѣтельства и присяги *семи* человѣкъ (98); но Варягъ и чужестранецъ обязывается представить только двухъ. Когда „дѣло идетъ единственно о побояхъ легкихъ, „то нужны вообще два свидѣтеля; но чужестранца никогда не льзя обвинить безъ семи.“ И такъ древніе наши законы особенно покровительствовали иноземцевъ.

XXIX. „Свидѣтели должны быть всегда „граждане свободные; только по нуждѣ и въ „маломъ искѣ дозволено сослаться на Тіуна „*Боярскаго* или закабаленнаго слугу.“ (Слѣдственно Боярскіе Тіуны не были свободные люди, хотя жизнь ихъ, какъ означено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ жизнію вольныхъ гражданъ). — „Но истецъ можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба, и требовать, чтобы отвѣтчикъ оправдался *испытаніемъ желѣза*. Если послѣдній окажется виновнымъ, то платитъ искъ; если оправдается, то истецъ даетъ ему за муку гривну и въ Казну 40 кунъ, Мечнику 5 кунъ,

,,Княжескому Отроку полгривны (что называется *желѣзною пошлиною*). Когда же ответчикъ вызванъ на сіе испытаніе по неясному свидѣтельству людей свободныхъ, то, оправдавъ себя, не беретъ ничего съ истца, который платитъ единственно пошлину въ Казну. — Не имѣя никакихъ свидѣтелей, самъ истецъ доказываетъ правость свою *желѣзомъ:* чѣмъ рѣшитъ всякія тяжбы въ убійствѣ, воровствѣ и поклепѣ, ежели искъ стоитъ полугривны золота; а ежели менѣе, то испытывать *водою;* въ двухъ же гривнахъ и менѣе достаточна одна истцева присяга (99).“

Испытаніе желѣзомъ и водою.

Законы суть дополненія лѣтописей: безъ Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древніе Россіяне, подобно другимъ народамъ, употребляли желѣзо и воду для изобличенія преступниковъ: обыкновеніе безразсудное и жестокое, славное въ Исторіи среднихъ вѣковъ подъ именемъ *суда Небеснаго* (100). Обвиняемый бралъ въ голую руку желѣзо раскаленное или вынималъ ею кольцо изъ кипятка: послѣ чего судьямъ надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели черезъ три дни не оставалось язвы или знака на ея кожѣ, то невинность была доказана. Умъ здравый и самая Вѣра истинная долго не могли истребить сего устава языческихъ временъ, и Христіанскіе Пастыри торжественно освящали желѣзо и воду для испытанія добродѣтели или злодѣйства, не только простыхъ гражданъ, но и самыхъ Государей въ случаѣ клеветы или

важнаго подозрѣнія. Народъ думалъ, что Богу легко сдѣлать чудо для спасенія невиннаго; но хитрость судей пристрастныхъ могла обманывать зрителей и спасать виновныхъ.

Древнѣйшіе законы всѣхъ народовъ были уголовные (101); но Ярославовы опредѣляютъ и важныя права наслѣдственности.

Право наслѣдственное.

XXX. „Когда простолюдинъ умретъ без„дѣтенъ, то все его имѣніе взять въ Казну; „буде остались дочери незамужнія, то имъ „дать нѣкоторую часть онаго. Но Князь не „можетъ наслѣдовать послѣ Бояръ и мужей „составляющихъ воинскую дружину (102): если „они не имѣютъ сыновей, то наслѣдуютъ до„чери.“ Но когда не было и послѣднихъ? родственники ли брали имѣніе или Князь? .... Здѣсь видимъ законное, важное преимущество чиновниковъ воинскихъ.

XXXI. „Завѣщаніе умершаго исполняется „въ точности. Буде онъ не изъявилъ воли „своей, въ такомъ случаѣ отдать все дѣтямъ, „а часть въ церковь для спасенія его души. „Дворъ отеческій всегда безъ раздѣла принад„лежитъ меньшему сыну“ — какъ юнѣйшему и менѣе другихъ способному наживать доходъ.

XXXII. „Вдова беретъ, что назначилъ ей „мужъ: впрочемъ она не есть наслѣдница. — „Дѣти первой жены наслѣдуютъ ея достояніе „или вѣно, назначенное отцемъ для ихъ мате„ри. — Сестра ничего не имѣетъ, кромѣ добро„вольнаго приданаго отъ своихъ братьевъ.“

XXXIII. „Если жена, давъ слово остать„ся вдовою, проживетъ имѣніе и выдетъ за-

,,мужъ, то обязана возвратить дѣтямъ все ,,прожитое. Но дѣти не могутъ согнать ,,вдовствующей матери со двора, или отнять, ,,что отдано ей супругомъ. Она властна из- ,,брать себѣ одного наслѣдника изъ дѣтей, или ,,дать всѣмъ равную часть. Ежели мать умретъ ,,*безъ языка*, или безъ завѣщанія, то сынъ ,,или дочь, у коихъ она жила, наслѣдуютъ все ,,ея достояніе."

XXXIV. ,,Если будутъ дѣти разныхъ от- ,,цевъ, но одной матери, то каждый сынъ бе- ,,ретъ отцевское. Если второй мужъ расхи- ,,тилъ имѣніе перваго, и самъ умеръ, то дѣ- ,,ти его возвращаютъ оное дѣтямъ перваго, ,,согласно съ показаніемъ свидѣтелей."

XXXV. ,,Если братья станутъ тягать- ,,ся о наслѣдіи предъ Княземъ, то Отрокъ ,,Княжескій, посланный для ихъ раздѣла, по- ,,лучаетъ гривну за трудъ."

XXXVI. ,,Ежели останутся дѣти малолѣт- ,,ныя, а мать выдетъ за-мужъ, то отдать ,,ихъ при свидѣтеляхъ на руки ближнему род- ,,ственнику, съ имѣніемъ и съ домомъ; а что ,,сей опекунъ присовокупитъ къ оному, то ,,возметъ себѣ за трудъ и попеченіе о мало- ,,лѣтныхъ; но приплодъ отъ рабовъ и скота ,,остается дѣтямъ. — За все утраченное пла- ,,титъ опекунъ, коимъ можетъ быть и самъ ,,вотчимъ."

XXXVII. ,,Дѣти, прижитыя съ рабою, не ,,участвуютъ въ наслѣдіи, но получаютъ сво- ,,боду, и съ матерію."

Главою правосудія вообще былъ Князь, а дворъ Княжескій обыкновеннымъ мѣстомъ суда [103]. Но Государь поручалъ сію власть Тіунамъ и своимъ Отрокамъ. — Чиновники, которымъ надлежало рѣшить уголовныя дѣла, назывались *Вирниками*, и каждый судья имѣлъ помощника или Отрока, *Мечельника* или писца. Они брали запасъ отъ гражданъ и пошлину съ каждаго дѣла [104]. — Вирнику и писцу его, для объѣзда волости, давали лошадей.

Судіи.

Въ одномъ изъ Новогородскихъ списковъ Ярославовой *Правды* сказано, что истецъ во всякой тяжбѣ долженъ итти съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ* 12 *гражданъ* — можетъ быть, Присяжныхъ, которые разбирали обстоятельства дѣла по совѣсти, оставляя судьѣ опредѣлить наказаніе и взыскивать пеню. Такъ было и въ Скандинавіи, откуда сей мудрый уставъ перешелъ въ Великобританнію [105]. Англичане наблюдаютъ его донынѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ, что въ VIII вѣкѣ Рагнаръ Лодброкъ, Король Датскій, первый учредилъ думу двѣнадцати Присяжныхъ.

Присяжные.

Такимъ образомъ уставъ Ярославовъ содержитъ въ себѣ полную систему нашего древняго законодательства, сообразную съ тогдашними правами. Въ немъ не упоминается о нѣкоторыхъ возможныхъ злодѣяніяхъ, на примѣръ: о смертной отравѣ (какъ въ XII Дскахъ Рима) о насиліи женщинъ (и проч.): для того ли, что первое было необыкновенно въ Россіи, а второе казалось Законодате-

аю сомнительнымъ и неяснымъ въ доказательствахъ? Не упоминается также о многихъ условіяхъ и сдѣлкахъ, весьма обыкновенныхъ въ самомъ началѣ гражданскихъ обществъ; но взаимная польза быть вѣрнымъ въ словѣ и честь служили вмѣсто законовъ.

Примѣтимъ, что древніе свободные Россіяне не терпѣли никакихъ *тѣлесныхъ* наказаній: виновный платилъ или жизнію, или вольностію, или деньгами — и скажемъ о сихъ законахъ то же, что Монтескьё говоритъ вообще о Германскихъ: они изъявляютъ какое-то удивительное простосердечіе; кратки, грубы, но достойны людей твердыхъ и великодушныхъ, которые боялись рабства болѣе, нежели смерти (106). Общій характеръ законовъ.

Предложимъ еще одно замѣчаніе: Германцы, овладѣвъ Европою, не давали всѣхъ гражданскихъ правъ своихъ народамъ покореннымъ: такъ, по уставу Салическому, за убіеніе Франка надлежало платить 200 *су*, и вдвое менѣе за убіеніе Римлянина (107). Но законы Ярославовы не полагаютъ никакого различія между Россіянами Варяжскаго племени и Славянами: симъ обстоятельствомъ можно утвердить вѣроятность Несторова сказанія, что Князья Варяжскіе *не завоевали* нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государствомъ.

Ярославу же приписываютъ древній уставъ Новогородскій *о мостовыхъ*, по коему знаемъ, что сей городъ, тогда уже весьма обширный, раздѣлялся на Части или Концы (Словенскій, Уставъ о мостовыхъ.

Неревскій, Горничьскій, Загородскій, Плотинскій), а жители на *Сотни*, означаемыя именами ихъ Старѣйшинъ; что одна улица называлась *Добрыниною* (въ память сего знаменитаго Воеводы и дяди Владимірова), а главный рядъ *Великимъ* рядомъ; что Нѣмцы или Варяги, Готы или Готландцы, привлеченные въ Новгородъ торговлею, жили въ особенныхъ улицахъ, и проч. — Но такъ называемый Церковный Уставъ Ярославовъ, о коемъ упоминаютъ новѣйшіе Лѣтописцы, и коего имѣемъ разные списки, есть безъ сомнѣнія подложный, сочиненный около XIV столѣтія. Подобно мнимому Владимірову, онъ даетъ Епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Уставъ не согласенъ съ *Русскою Правдою*, и, кромѣ нелѣпостей, содержитъ въ себѣ выраженія и слова новѣйшихъ временъ; на примѣръ, опредѣляетъ пени *рублями*, еще не употребительными въ денежномъ счетѣ временъ Ярославовыхъ [108].

Уставъ церковный.

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ДИМИТРІЕМЪ.

Г. 1054—1077.

Разсужденіе. Удѣлы. Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса Освобожденіе Судислава. Междоусобія. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобія. Смерть Великаго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархами. Пророки и волшебники.

Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная Единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ Владимірову: наслѣдники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ цѣлое, и Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удоволь- Разсужденіе.

ствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россія намъ отечество: ея судьба и въ славѣ и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу Князей недостойныхъ и слабыхъ; но среди ихъ увидимъ и Героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душею. Въ темной картинѣ междоусобія, неустройствъ, бѣдствій, являются также яркія черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію. Однимъ словомъ, Исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

Г. 1054—1060. Дѣти Ярославовы, исполняя его завѣщаніе, раздѣлили по себѣ Государство. Область Изяславова, сверхъ Новагорода, простиралась отъ Кіева на Югъ и Западъ до горъ Карпатскихъ, Удѣлы. Польши и Литвы. Князь Черниговскій взялъ еще отдаленный Тмутороканъ, Рязань, Муромъ и страну Вятичей: Всеволодъ, кромѣ Переяславля, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и *Поволожье*, или берега Волги. Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю Губернію сего имени съ нѣкоторою частію Витебской, Псковской, Калужской и Московской (109). Четвертый сынъ Ярославовъ, Игорь, получилъ отъ старшаго брата, въ *частный*

Удѣлъ, городъ Владиміръ. Князь Полоцкій, внукъ славной Рогнѣды, Брячиславъ, умеръ еще въ 1044 году: сынъ его, Всеславъ, наслѣдовалъ Удѣлъ отца — и Россія имѣла тогда шесть юныхъ Государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лѣтъ: Россіяне вооружались только противъ внѣшнихъ непріятелей. Изяславъ побѣдилъ Голядовъ, жителей, какъ вѣроятно, Прусской *Галиндіи*, народъ Латышскій [110]; а Всеволодъ Торковъ, восточныхъ сосѣдовъ Переяславской области, которые, услышавъ, что и Великій Князь, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и Полоцкимъ, идетъ на нихъ сухимъ путемъ и водою, удалились отъ предѣловъ Россіи: жестокая зима, голодъ и моръ истребили большую часть сего народа [111]. — Но отечество наше, избавленное отъ Торковъ, съ ужасомъ видѣло приближеніе иныхъ варваровъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Исторіи міра.

Побѣда надъ Голядами и Торками.

Еще въ 1055 году Половцы, или Команы, входили въ область Переяславскую: тогда Князь ихъ, Болушъ, заключилъ миръ со Всеволодомъ. Сей народъ кочующій, единоплеменный съ Печенѣгами и, вѣроятно, съ нынѣшними Киргизами, обиталъ въ степяхъ Азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго; вытѣснилъ Узовъ (именуемыхъ, какъ вѣроятно, Торками въ нашей лѣтописи); принудилъ многихъ изъ нихъ бѣжать къ Дунаю (гдѣ они частію погибли отъ язвы, частію поддалися Грекамъ); изгналъ, кажется, Печенѣговъ изъ ны-

Половцы.

*

нѣшней юго-восточной Россіи, и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ Государства сосѣдственныя: Греческую Имперію, Венгрію и другія. — О нравахъ его говорятъ Лѣтописцы съ омерзѣніемъ: грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегдашнимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животныхъ и стерво обыкновенною пищею. — Миръ съ такими варварами могъ быть только опаснымъ перемиріемъ, и въ 1061 году Половцы, не имѣя терпѣнія дождаться лѣта, съ Княземъ своимъ Сѣкаломъ зимою ворвались въ области Россійскія, побѣдили Всеволода и съ добычею возвратились къ Дону (112).

Г. 1061.

Съ сего времени начинаются бѣдствія Россіи, и Лѣтописецъ сказываетъ, что Небо предвѣстило ихъ многими ужасными чудесами; что рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; что кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ, солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей, подобно мѣсяцу; что рыболовы Кіевскіе извлекли въ неводѣ какого-то удивительнаго мертваго урода, брошеннаго въ Днѣпръ. Сіи сказки достойны нѣкотораго замѣчанія, изъявляя страшное впечатлѣніе, оставленное въ умѣ современниковъ тогдашними несчастіями Государства. „Небо правосудно!“ говоритъ Несторъ: „оно наказываетъ Россіянъ за ихъ беззаконія. Мы именуемся Христіанами, а живемъ „какъ язычники; храмы пусты, а на игрищахъ „толпятся люди; въ храмахъ безмолвіе, а въ

Г. 1061—1064.

Ужасныя чудеса.

„домахъ трубы, гусли и скоморохи [113].“ — Сія укоризна безъ сомнѣнія не исправила современниковъ, но осталась для потомства любопытнымъ извѣстіемъ о тогдашнихъ нравахъ.

Дѣти Ярославовы еще не нарушали завѣщанія родительскаго и жили дружно. Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели Государемъ братьевъ своихъ: такъ они, по смерти Вячеслава въ 1057 году, съ *общаго согласія* отдали Смоленскъ Игорю (чрезъ два года потомъ умершему), и вспомнивъ о заточенномъ дядѣ, Судиславѣ, возвратили ему свободу. Сей несчастный сынъ Великаго Владиміра, двадцать четыре года сидѣвшій въ темницѣ, клятвенно отказался отъ всякихъ требованій властолюбія, даже отъ самаго свѣта, постригся и кончилъ жизнь въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Георгія [114]. Освобожденіе Судислава.

Первымъ поводомъ къ междоусобію было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославичь оставилъ сына, Ростислава, который, не имѣя никакого Удѣла, жилъ праздно въ Новѣгородѣ [115]. Будучи отваженъ и славолюбивъ, онъ подговорилъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ Новогородскаго Изяславова Посадника, Остромира, ушелъ въ Тмутороканъ и выгналъ юнаго Князя, Глѣба Святославича, который управлялъ сею Азовскою областію. Святославъ спѣшилъ туда съ войскомъ: племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія [116]; но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овла- Междоусобія. Г. 1064.

дѣлъ Тмутороканемъ. Скоро народы горскіе, Касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго Героя, такъ, что его славолюбіе и счастіе устрашили Грековъ, которые господствовали въ Тавридѣ. Сіи коварные прислали злодѣя, именемъ Котопана, умѣвшаго вкрасться къ нему въ довѣренность; и въ то время, какъ Ростиславъ, угощая мнимаго друга, пилъ съ нимъ вино, Котопанъ, имѣя подъ ногтемъ скрытый ядъ, впустилъ его въ чашу, отравилъ Князя, уѣхалъ въ Херсонъ, и торжественно объявилъ жителямъ,
г. 1066. Февр. 3. что завоеватель Тмутороканскій умретъ въ седьмый день. Предсказаніе исполнилось; но Херсонцы, гнушаясь такимъ злодѣйствомъ, убили изверга камнями (117). — Безвременная кончина мужественнаго Ростислава, отца трехъ сыновей, была въ тогдашнихъ обстоятельствахъ несчастіемъ для Россіи: онъ могъ бы лучше другихъ защитить отечество и сохранить по крайней мѣрѣ воинскую его славу. Несторъ описываетъ сего юношу, прекраснаго и благовиднаго, не только храбрымъ въ битвахъ, но и добрымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ.

Святославъ не могъ вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что въ Государствѣ явился новый непріятель: Князь Полоцкій (118). Сей правнукъ Рогнѣдинъ ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ, и считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола Великокняжескаго: ибо дѣдъ его, Изяславъ, былъ старшимъ сыномъ Св. Владиміра. Современный

Лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой симъ Княземъ для закрытія природной на головѣ язвины. Всеславъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ, неожидаемо завоевалъ Новгородъ; плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою наглостію, Ярославичи соединили силы свои, и не смотря на жестокую зиму, осадили Минскъ въ Княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріятелями на берегахъ Нѣмена, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянъ съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ. Великій Князь побѣдилъ; но еще страшась племянника, вступилъ съ нимъ въ мирные переговоры, и звалъ его къ себѣ. Всеславъ, повѣривъ клятвѣ Ярославичей, что они не сдѣлаютъ ему никакого зла, переѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ, близъ нынѣшняго Могилевскаго города Орши. Великій Князь встрѣтилъ его, ввелъ въ шатеръ свой и отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу.

Г. 1067.

3 Марта.

Провидѣніе наказало вѣроломныхъ: тамъ, гдѣ отецъ ихъ одержалъ славную побѣду надъ Святополкомъ и Печенѣгами, на берегахъ Альты, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Изяславъ и братья его въ ночномъ сраженіи были на голову разбиты свирѣпыми Половцами (119). Ве-

Г. 1068.

Пораженіе Россіянъ.

ликій Князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Воины перваго, стыдясь своего бѣгства, требовали Вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и прислали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы съ Половцами. Великій Князь, оскорбленный симъ своевольствомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Сдѣлался мятежъ, и недовольные, обвиняя во всемъ главнаго Воеводу Изяславова, именемъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе на дворъ Княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укоризны народа, и думалъ усмирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу, и наконецъ, видя остервененіе черни, совѣтовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ ни на что рѣшиться, и бунтовщики дѣйствительно освободили Полоцкаго Князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объявилъ Всеслава Государемъ своимъ и разграбилъ домъ Княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, кунъ и бѣлокъ.

Мятежъ въ Кіевѣ.

Бѣгство Велик. Князя.

Изяславъ удалился въ Польшу; но его братья спокойно княжили въ своихъ Удѣлахъ, а племянникъ Глѣбъ въ области Воспорской, будучи снова призванъ ея жителями (120). Князь Черниговскій имѣлъ случай отмстить По-

ловцамъ, которые жгли и грабили въ его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, онъ вступилъ съ ними въ битву: 3000 Россіянъ, ободренныхъ примѣромъ и словами Князя, стремительно ударили на 12,000 Половцевъ, смяли ихъ и плѣнили Вождя непріятельскаго; множество варваровъ утонуло въ рѣкѣ Сновѣ. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцевъ своихъ, пріученныхъ къ побѣдѣ Мстиславомъ, знаменитымъ сыномъ Владиміра Великаго. Разбитіе Половцевъ.

Король Польскій, Болеславъ II, сынъ Маріи, Владиміровой дочери, и супругъ неизвѣстной намъ Княжны Россійской (121), принявъ Изяслава со всѣми знаками искренняго дружелюбія, какъ Государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощникомъ. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлагорода; наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Кіева: но устрашенный силою Поляковъ, и, можетъ быть, не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ, ночью ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне, свѣдавъ о бѣгствѣ его, съ ужасомъ возвратились въ Кіевъ. Всѣ граждане собрались на Вѣче, и немедленно отправили Пословъ къ Святославу и Всеволоду, объявить имъ, что Кіевляне, изгнавъ Государя законнаго, признаютъ вину свою; но какъ Изяславъ ведетъ съ собою враговъ иноплеменныхъ, коихъ жестокость еще памятна Россіянамъ, то граждане не могутъ впустить его въ столицу, и прибѣгаютъ въ сей крайности къ великодушію достойныхъ Г. 1069.

сыновъ Ярослава и отечества. „Врата Кіева „для васъ отверсты,“ говорили Послы: „идите спасти градъ великаго отца своего; а „ежели не исполните нашего моленія, то „мы, обративъ въ пепелъ столицу Россіи, съ „женами и дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую.“ Святославъ обѣщалъ за нихъ вступиться, но требовалъ, чтобы они изъявили покорность Изяславу. „Когда братъ мой —“ сказалъ Черниговскій Князь— „войдетъ въ городъ мирно, и съ малочисленною дружиною, „то вамъ нечего страшиться. Когда же онъ „захочетъ предать Кіевъ въ жертву Ляхамъ, „то мы готовы мечемъ отразить Изяслава, „какъ непріятеля.“ Въ то же самое время Святославъ и Всеволодъ дали знать брату о раскаяніи Кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ. Изяславъ на все согласился, и послалъ въ Кіевъ сына своего, Мстислава, который, въ противность торжественному условію, началъ какъ звѣрь свирѣпствовать въ столицѣ: умертвилъ 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава; другихъ ослѣпилъ, и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія. Граждане не смѣли жаловаться, и съ покорностію встрѣтили Изяслава, въѣхавшаго въ столицу съ Болеславомъ и съ малымъ числомъ Поляковъ [122].

Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію.

Изяславъ возвращается съ Поляками.

2 Маія.

Историки Польскіе говорятъ, что Великій Князь, обязанный Королю счастливою перемѣною судьбы своей, взялся содержать

его войско, давалъ ему съѣстные припасы, одежду и жалованье; что Болеславъ, плѣненный красотою мѣста, роскошными пріятностями Кіева и любезностію Россіянокъ, едва могъ выйти изъ сей новой Капуи; что онъ, на возвратномъ пути, въ Червенской области или Галиціи, осаждалъ Перемышль, который, будучи весьма укрѣпленъ искусствомъ, каменными стѣнами и башнями, долгое время оборонялся (123). Ежели сіе обстоятельство справедливо, то Болеславъ вышелъ изъ Россіи неприятелемъ: что же могло вооружить его противъ Великаго Князя? Сказаніе Нестора служитъ объясненіемъ: Россіяне, ненавидя Поляковъ, тайно убивали ихъ, и Король, устрашенный сею народною местію, подобно его знаменитому прадѣду, Болеславу I, спѣшилъ оставить наше отечество.

Кіевъ новая Капуя.

Изяславъ, черезъ семь мѣсяцевъ снова Государь Кіевскій, не забылъ, что бѣдственный для него мятежъ сдѣлался на торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ верхнюю часть города (124): осторожность малодушная и безполезная! Едва учредивъ порядокъ въ столицѣ, Великій Князь спѣшилъ отмстить Всеславу, и жаркимъ приступомъ взявъ Полоцкъ, отдалъ сей важный городъ въ Удѣлъ Мстиславу: по внезапной же его кончинѣ Святополку, другому своему сыну. Но въ то самое время бодрый Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами Новагорода, гдѣ

Война съ Полоцкимъ Княземъ.

начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичь, переведенный туда отцемъ изъ Тмутороканя. Ненавидя Полоцкаго Князя, Новогородцы сразились отчаянно, разбили его, и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ [125]. — Сія война кон-
Октябчилась ничѣмъ: ибо дѣятельный Весеславъ умѣлъ
ря 23. снова овладѣть своею наслѣдственною обла-
г. 1071. стію, и хотя былъ еще побѣжденъ Ярополкомъ, третьимъ сыномъ Великаго Князя, однакожъ удержалъ за собою Полоцкъ. — Между тѣмъ бѣдное отечество стенало отъ внѣшнихъ непріятелей; требовало защитниковъ, и не находило ихъ: Половцы свободно грабили на берегахъ Десны.

Пренесеніе мощей Бориса и Глѣба.

Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ. Изяславъ, соорудивъ новую церковь въ Вышегородѣ, управляемомъ тогда Вельможею Чудинымъ, вздумалъ поставить въ ней гробы Бориса и Глѣба, и призвалъ своихъ братьевъ на сіе торжество [126]. Оно совершилось въ присутствіи знаменитѣйшаго Духовенства, Бояръ и народа, 2 Маія, день, въ который Великій Князь, за три года предъ тѣмъ, вступилъ съ Болеславомъ въ Кіевъ. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и Митрополитъ Георгій призналъ святость Россійскихъ Мучениковъ, къ удовольствію Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселымъ пиромъ: три Князя обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ своими Боярами, и разъѣхались друзьями.

Сія дружба скоро обратилась въ злобу. Святославъ, желая большей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ. Они вооружились, и несчастный Изяславъ вторично бѣжалъ въ Польшу, *надѣясь, что* великія сокровища, увезенныя имъ изъ Кіева, доставятъ ему сильныхъ помощниковъ внѣ Государства (127). Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать новыхъ опасностей въ Россіи: взялъ его сокровища, и (по словамъ Лѣтописца) *указалъ ему путь отъ себя.* Горестный изгнанникъ отправился къ Нѣмецкому Императору, Генрику IV; былъ ему представленъ въ Майнцѣ Саксонскимъ Маркграфомъ Деди; поднесъ въ даръ множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоцѣнныхъ, и требовалъ его заступленія, обѣщая, какъ говорятъ Нѣмецкіе Лѣтописцы, признать себя данникомъ Имперіи. Юный и храбрый Генрикъ, готовимый судьбою къ бѣдствіямъ гораздо ужаснѣйшимъ Изяславовыхъ, не отказался быть защитникомъ угнетеннаго. Окруженный въ собственномъ Государствѣ измѣнниками и непріятелями, онъ послалъ въ Кіевъ Бурхарда, Тревскаго духовнаго Чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, какъ вѣроятно, и велѣлъ объявить Князьямъ Россійскимъ, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско Нѣмецкое смиритъ хищниковъ (128). Въ Кіевѣ господствовалъ тогда Святославъ, придавъ, мо-

Г. 1073. Новое бѣгство Велик. Князя.

Г. 1075. Изяславъ у Нѣмец. Императора.

Посольство Генрика IV въ Кіевъ.

жетъ быть, Всеволоду нѣкоторые изъ южныхъ городовъ: онъ дружелюбно угостилъ Пословъ Императорскихъ, и старался увѣрить ихъ въ своей справедливости. Несторъ пишетъ, что сей Князь, подобно Іудейскому Царю Езекіи, величался предъ Нѣмцами богатствомъ казны своей, и что они, видя множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ наволокъ, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ.* „Слѣдствіе доказало истину ихъ словъ," прибавляетъ Несторъ: „по смерти Святослава исчезли *какъ прахъ* всѣ его сокровища." — Бурхардъ возвратился къ Императору съ дарами, которые удивили Германію. „Никогда"— говоритъ современный Нѣмецкій Лѣтописецъ [129] — „не видали мы столько золота, серебра и богатыхъ одеждъ." Генрикъ, обезоруженный щедростію Святослава, и не имѣя впрочемъ никакого способа воевать съ Россіянами, утѣшилъ изгнанника однимъ безполезнымъ сожалѣніемъ.

Письмо Папы къ Изяславу.

Изяславъ обратился къ Папѣ, славному въ Исторіи Григорію VII, хотѣвшему быть Главою всеобщей Монархіи или Царемъ Царей, и послалъ въ Римъ сына своего. Жертвуя властолюбію и православіемъ Восточной Церкви и достоинствомъ Государя независимаго, онъ признавалъ не только духовную, но и мірскую власть Папы надъ Россіею; требовалъ его защиты и жаловался ему на Короля Польскаго. Григорій отправилъ Пословъ къ

Великому Князю и къ Болеславу, написавъ къ первому слѣдующее:

,,Григорій Епископъ, слуга слугъ Божіихъ, ,,Димитрію, Князю Россіянъ (Regi Russorum), ,,и Княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія и ,,посылаетъ Апостольское благословеніе.

,,Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста Рима, ,,смиренно молилъ насъ, чтобы мы властію ,,Св. Петра утвердили его на Княженіи, и ,,далъ присягу быть вѣрнымъ Главѣ Апосто-,,ловъ. Мы исполнили сію благую волю — со-,,гласную съ вашею, какъ онъ свидѣтель-,,ствуетъ — поручили ему кормило Государ-,,ства Россійскаго именемъ Верховнаго Апо-,,стола, съ тѣмъ намѣреніемъ и желаніемъ, ,,чтобы Св. Петръ сохранилъ ваше здравіе, ,,княженіе и благое достояніе до кончины ,,живота, и сдѣлалъ васъ нѣкогда сопричаст-,,никомъ славы вѣчныя. Желая также изъя-,,вить готовность къ дальнѣйшимъ услугамъ, ,,довѣряемъ симъ Посламъ — изъ коихъ *одинъ* ,,*вамъ* извѣстенъ *и другъ вѣрный* (130) — изуст-,,но переговоритъ съ вами о всемъ, что есть ,,и чего нѣтъ въ письмѣ. Пріимите ихъ съ лю-,,бовію, какъ Пословъ Св. Петра; благосклон-,,но выслушайте и несомнѣнно вѣрьте тому, ,,что они предложатъ вамъ отъ имени на-,,шего — и проч. Всемогущій Богъ да озаритъ ,,сердца ваши и да преведетъ васъ отъ благъ ,,временныхъ ко славѣ вѣчной. Писано въ Ри-,,мѣ, 15 Маія, Индикта XIII," (то есть 1075 году).

Такимъ образомъ Изяславъ, самъ не имѣя тогда власти надъ Россіею, далъ поводъ надменному Григорію причислить сію Державу ко мнимымъ владѣніямъ Св. Петра, зависящимъ отъ мнимаго Апостольскаго Намѣстника! . . . Въ письмѣ къ Болеславу говоритъ Папа: „Беззаконно присвоивъ себѣ казну Го„сударя Россійскаго, ты нарушилъ доброд„тель Христіанскую. Молю и заклинаю те„бя именемъ Божіимъ отдать ему все взятое „тобою или твоими людьми: ибо хищники „не внидутъ въ царствіе Небесное, ежели не „возвратятъ похищеннаго."

Заступленіе гордаго Папы едва ли имѣло какое нибудь дѣйствіе, и въ слѣдующемъ году юные Князья Россійскіе, Владиміръ Мономахъ и Олегъ — первый Всеволодовъ, а второй Святославовъ сынъ — заключивъ союзъ съ По-
г. 1076. Россіяне въ Силезіи. ляками, ходили съ войскомъ въ Силезію, помогать Болеславу противъ Герцога Богемскаго (131). Но скоро обстоятельства, къ счастію Изяславову, перемѣнились. Главный врагъ
Декабря 27. его, Святославъ, умеръ, отъ неискуснаго разрѣзанія железы. Тогда изгнанникъ ободрился; собралъ нѣсколько тысячъ Поляковъ и вступилъ въ Россію. Добродушный Всеволодъ встрѣтилъ его въ Волыніи и, вмѣсто битвы, пред-
г. 1077, Іюля 5. Возвращеніе Изяслава. ложилъ ему миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями, и старшій въѣхалъ въ Кіевъ Государемъ, уступивъ меньшему Княженіе Черниговское, а сыну его, Владиміру, Смоленскъ (132).

Опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего, Всеслава, они хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Романъ *Святославичъ* княжилъ въ Воспорской области: сынъ *Вячеславовъ*, Борисъ, въ самое то время, когда Изяславъ и Всеволодъ заключали миръ на границѣ, овладѣлъ Черниговымъ: но предвидя, что дяди не оставятъ его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника, чрезъ нѣсколько дней ушелъ въ Тмуторокань къ Роману (133). Князь Новогородскій, Глѣбъ, юноша прекрасный и добродушный, къ общему сожалѣнію погибъ тогда въ отдаленномъ Заволочьѣ: Изяславъ отдалъ его Княженіе Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегородъ. Олегъ Святославичъ господствовалъ въ области Владимірской: онъ долженъ былъ, по волѣ дядей своихъ, выѣхать оттуда и жить праздно въ Черниговѣ. Князь Полоцкій довольствовался независимостію и наслѣдственнымъ Удѣломъ: Ярославичи объявили ему войну. Всеволодъ ходилъ къ его столицѣ, и ничего болѣе не сдѣлалъ. Въ слѣдующій годъ Владиміръ Мономахъ и Святополкъ выжгли только ея предмѣстіе; но Мономахъ возвратился къ отцу съ богатою добычею, далъ ему и печальному Олегу роскошный обѣдъ на *красномъ дворѣ* въ Черниговѣ, и поднесъ Всеволоду въ даръ нѣсколько фунтовъ золота (134).

Междоусобія.

Г. 1078.

Сей Олегъ, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата;

считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ; хотѣлъ свободы, господства; бѣжалъ въ Тмуторокань и рѣшился, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, искать счастія оружіемъ. Наявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго Княженія, и разбили Всеволода. Многіе знаменитые Бояре лишились тутъ жизни (135). Побѣдители взяли Черниговъ, и думали, что все Государство должно признать власть ихъ; а несчастный Всеволодъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ обнялъ его съ нѣжностію и сказалъ ему сіи достопамятныя слова: „Утѣшься, горестный братъ, и „вспомни, что было со мною въ жизни! Отверженный народомъ, всегда мнѣ любезнымъ; „лишенный престола и всего законнаго достоянія, могъ ли я чѣмъ нибудь укорять себя? Вторично изгнанный братьями единокровными — и за что? свидѣтельствуюсь Богомъ въ моей невинности — я скитался въ „земляхъ чуждыхъ; искалъ сожалѣнія иноплеменниковъ! По крайней мѣрѣ ты имѣешь „друга. Если намъ княжить въ землѣ Русской, „то обоимъ; если быть изгнанными, то вмѣстѣ. Я положу за тебя свою голову.“.... Онъ немедленно собралъ войско. Мужественный Владиміръ спѣшилъ также изъ Смоленска къ отцу своему, и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя толпы Половцевъ (136). Великій Князь Всеволодъ, Ярополкъ и Мономахъ соединенными силами обступили Черниговъ. Олегъ и Борисъ находились въ отсутствіи; но граждане хотѣли обороняться.

Владиміръ взялъ приступомъ внѣшнія укрѣпленія и стѣснилъ осажденныхъ внутри города. Узнавъ, что племянники идутъ съ войскомъ къ Чернигову, Изяславъ встрѣтилъ ихъ. Олегъ не надѣялся побѣдить четырехъ соединенныхъ Князей, и совѣтовалъ брату вступить въ мирные переговоры; но гордый Борисъ отвѣтствовалъ ему: *„останься спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ ними“* — сразился близъ Чернигова, и заплатилъ жизнію за свое властолюбіе. Еще кровь лилась рѣкою. Изяславъ стоялъ среди пѣхоты: непріятельскій всадникъ ударилъ его копьемъ въ плечо: Великій Князь палъ мертвый на землю. Наконецъ Олегъ обратился въ бѣгство, и съ малымъ числомъ воиновъ ушелъ въ Тмутороканъ. — Бояре привезли тѣло Изяслава въ ладіи: на берегу жители Кіевскіе, знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (какъ говоритъ Лѣтописецъ) заглушалъ священное пѣніе. Ярополкъ съ Княжескою Дружиною шелъ за трупомъ, оплакивая несчастную судьбу и добродѣтели отца своего. — Положенное въ мраморную раку, тѣло Великаго Князя было предано землѣ въ храмѣ Богоматери, гдѣ стоялъ памятникъ Св. Владиміра.

Смерть Велик. Князя.

Несторъ пишетъ, что Изяславъ, пріятный лицемъ и величественный станомъ, не менѣе украшался и тихимъ нравомъ, любилъ правду, ненавидѣлъ кривод
ушіе; что онъ истинно простилъ мятежныхъ Кіевлянъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ

Свойства Изяслава.

Мстиславовыхъ; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему Великое Княженіе, и забылъ вражду его; сказалъ, что охотно умретъ за брата, и, къ несчастію, сдержалъ слово.... Вѣримъ похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель; но Изяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ; хотѣлъ престола, и не умѣлъ твердо сидѣть на ономъ. Своевольныя злодѣянія сына въ Кіевѣ — ибо казнь безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе — изъявляютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ то же самое время сдѣлалъ его Княземъ Владѣтельнымъ. Наконецъ бѣдствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами Лѣтописца?

Изяславъ оставилъ свое имя въ нашихъ древнихъ законахъ. По кончинѣ родителя онъ призвалъ на совѣтъ братьевъ своихъ, Святослава и Всеволода, также умнѣйшихъ Вельможъ того времени: Коснячка, Воеводу ненавистнаго Кіевлянамъ (137), Перенѣга, Никифора, Чудина, и совершенно уничтожилъ смертную казнь, уставивъ денежную пеню за всякія убійства: по излишнему ли человѣколюбію, какъ Владиміръ? или для сохраненія людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащенія *Вирами* казны Государей?

Уничтоженіе смертной казни.

При Изяславѣ былъ основанъ славный монастырь Кіевопечерскій, и самъ Несторъ разсказываетъ достопамятныя обстоятельства

Монастырь Кіевопечерскій.

сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный Христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть Святую гору, возлюбилъ житіе Монаховъ Аѳонскихъ, и постриженный въ ихъ обители, былъ названъ *Антоніемъ*. Игуменъ, наставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе и велѣлъ итти въ Россію, *предвидя, что онъ будетъ* въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ Черноризцевъ. Антоній возвратился еще при Князѣ Ярославѣ (138), обходилъ тогдашніе монастыри Россійскіе, и близъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, будучи еще простымъ Іереемъ Берестовскимъ, ископалъ оную собственными руками, и часто, окруженный тьмою и безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ Митрополита, пасъ Церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о благочестивомъ пустынникѣ разнесся въ окрестностяхъ, и самъ Великій Князь Изяславъ приходилъ къ нему съ своею дружиною требовать благословенія. Двѣнадцать Монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: Великій Князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую обитель Игумену

Варлааму, уединился въ пещеру, однакожъ не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, Великій Князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота, на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ, Вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе олтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдіе отца его, Князя Варяжскаго. Св. Ѳеодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго монастыря уставъ Черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый Игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ страннопріимства, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Ѳеодосіева была столь уважаема, что Великій Князь не рѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ, оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ улыбкою говаривалъ, что роскошная трапеза Княжеская ему не столь пріятна, какъ монастыр-

ская. Өеодосій, любя Изяслава, великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святый мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Өеодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба.— Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнцы Мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые Вельможи, отказываясь отъ свѣта, искали душевнаго мира въ Печерской обители. Такъ Варлаамъ, первый Игуменъ, сынъ знаменитѣйшаго Боярина Іоанна и внукъ славнаго Вышаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, былъ постриженъ Антоніемъ. Сей юноша, плѣненный ученіемъ святаго мужа, пріѣхалъ къ нему со многими Отроками, которые вели навьюченныхъ лошадей; сошелъ съ коня, бросилъ къ ногамъ Антонія свою одежду Боярскую и сказалъ: „вотъ прелесть міра! употреби, какъ тебѣ „угодно, мое бывшее имѣніе: хочу жить въ уединеніи и бѣдности.“

Изяславъ и его братья соблюдали неразрывную дружбу съ Греками, и давали имъ войско, которое въ частыхъ внутреннихъ неустройствахъ поддерживало слабыхъ Импера-

Россія не служитъ въ Греціи.

торовъ на тронѣ. Знаменитый Алексій Комнинъ, еще не Государь, но только Полководецъ Имперіи, въ 1077 году смиряя мятежника Никифора Вріенія, имѣлъ съ собою множество судовъ Россійскихъ (139). — Ярославичи возвратили Константинопольскому Патріарху важное право ставить Кіевскихъ Митрополитовъ: Георгій, преемникъ Иларіоновъ, родомъ Грекъ, былъ присланъ изъ Царяграда; устрашенный, можетъ быть, раздоромъ Князей, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выѣхалъ изъ нашего отечества. Съ того времени Церковь Россійская, до самаго паденія Восточной Имперіи, зависѣла отъ Патріарха Константинопольскаго, и въ росписи Епископствъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ, считалась *семидесятымъ*. Въ знакъ уваженія къ достоинству нашихъ Митрополитовъ, Патріархи обыкновенно писали къ нимъ грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью*: честь, которую они дѣлали только Императорамъ, Королямъ и знаменитѣйшимъ сановникамъ (140).

Зависимость нашей Церкви отъ Греческой.

Переписка съ Патріархами.

Успѣхи Христіанскаго благочестія въ Россіи не могли искоренить языческихъ суевѣрій и мнимаго чародѣйства. Къ Исторіи тогдашнихъ временъ относятся слѣдующія извѣстія Несторовы:

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли перемѣстятся; что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а бла-

Пророки и волшебники.

горазумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человѣкъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля—основаннаго, думаю, Великимъ Княземъ Ярославомъ— ходили по Волгѣ и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною всего зла, и скрываютъ въ *самихъ себѣ* хлѣбъ, медъ и рыбу [141]. Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча, и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: „видите, что лежало у нихъ за кожею!“ Сіи злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣлаозера, гдѣ Вельможа Янь, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань для Князя Святослава: онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Всевышній моется иногда въ банѣ; что Діаволъ сотворилъ тѣло человѣка, гніющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что Антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣруютъ въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. „Но знаете „ли собственную вашу участь,“ сказалъ Янь. „Ты представишь насъ Святославу,“ говорили кудесники: „а если умертвишь, то будешь

несчастливъ.“ Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи Финны и Чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи Тосканцы [142]. Несторъ разсказываетъ, что Новогородцы ходили въ Эстонію узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ *черными крылатыми духами*. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ въ Новѣгородѣ Вѣру Христіанскую, бранилъ Епископа и хотѣлъ итти пѣшкомъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человѣка божественнаго. Ревностный Епископъ облачился въ Святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ. Но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика: одинъ Князь Глѣбъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ ко мнимому чародѣю и спросилъ: предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? — Волшебникъ отвѣтствовалъ: „я сдѣлаю великія чудеса.“ „Нѣтъ!“ сказалъ смѣлый Князь — и топоромъ разсѣкъ ему голову [143]. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ.

Г. 1078 — 1093.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ.

Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій. Дядя, по Г. 1078—1084. тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ. — Сей Государь утвердилъ Святополка на Княженіи Новогородскомъ; другому сыну Изяславову, Ярополку, отдалъ Владиміръ и Туровъ (144), а Мономаху Черниговъ.

Романъ Святославичь, Князь Тмутороканскій, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно началъ войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили миръ со Всеволодомъ у Переяславля, и на возвратномъ пути умертвили Романа; а брата его, Олега, какъ невольника отправили въ Константинополь. Великій Князь, пользуясь несчастіемъ Святославичей, прислалъ въ Тмуторокань Намѣст-

Междоусобія.

ника своего, Ратибора. Но сія область Воспорская, убѣжище Князей обдѣленныхъ, скоро была завоевана Давидомъ *Игоревичемъ* и Володаремъ *Ростиславичемъ*, внукомъ и правнукомъ Великаго Ярослава, которые также не долго въ ней господствовали. Изгнанникъ Олегъ, живъ два года на островѣ Родосѣ, славномъ въ Исторіи своими древними мудрыми законами, Науками, великолѣпіемъ зданій и Колоссомъ огромнымъ, возвратился въ Тмутороканъ и, вѣроятно, съ помощію Грековъ овладѣлъ имъ; казнилъ многихъ виновныхъ Козаровъ, его личныхъ непріятелей, давшихъ совѣтъ Половцамъ умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустилъ въ Россію [145].

Олегъ въ Родосѣ.

Всеволодъ любилъ миръ, и видѣлъ безпрестанное кровопролитіе. Полоцкій Князь осадилъ Смоленскъ: Владиміръ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею; не засталъ Всеслава, но Смоленскъ, зажженный непріятелемъ, еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу своему, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, и чрезъ нѣсколько времени взявъ Минскъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такимъ образомъ сей несчастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя. — Мужественный сынъ Всеволодовъ не выпускалъ меча изъ рукъ: побѣдилъ Торковъ, обитавшихъ близъ Переяславля; два раза ходилъ усмирять безпокойныхъ Вятичей, и вездѣ гналъ неутомимыхъ злодѣевъ Россіи, Половцевъ, на берегахъ Десны, Хороля; плѣнялъ ихъ Вождей, отбивалъ добычу [146]. Но сіи

Подвиги Мономаха.

успѣхи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Россійскіе междоусобіемъ своимъ усиливали внѣшнихъ непріятелей.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствіе дяди, который гостилъ у Всеволода въ недѣлю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владиміръ. Всякой знаменитый мятежникъ, обѣщая грабежъ и добычу, могъ собирать тогда шайки усердныхъ помощниковъ: Г. 1084.
доказательство, сколь правленіе было слабо и своеволіе народа необузданно! Всеволодъ, оскорбленный несчастіемъ племянника, велѣлъ Мономаху итти на Ростиславичей; ихъ выгнали, и Ярополкъ возвратился въ свой Удѣлъ съ честію. — Въ то же время Давидъ Игоревичь, скитаясь въ южной Россіи и внѣ предѣловъ ея, завладѣлъ Олешьемъ, Греческимъ городомъ близъ устья Днѣпровскаго, и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцевъ: Всеволодъ, призвавъ его къ себѣ, далъ ему Дорогобужъ въ Волыніи (147).

Самъ Ярополкъ, облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его: Князь слабый, послушный коварнымъ совѣтникамъ и скоро наказанный за свою безразсудность. Дядя, свѣдавъ о злыхъ намѣреніяхъ сего неблагодарнаго, предупредилъ ихъ опасное исполненіе; и слухъ, что Мономахъ идетъ Г. 1085.
съ войскомъ, заставилъ Ярополка бѣжать въ Польшу. Владиміръ нашелъ въ Луцкѣ мать его, супругу, дружину, казну, и возвратился съ ними въ Кіевъ, отдавъ владѣніе Яропол-

ково Давиду Игоревичу. — Но Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ внѣ Россіи, скоро умилостивилъ Всеволода искреннимъ раскаяніемъ,
Г. 1086. и заключивъ миръ съ его сыномъ, Мономахомъ, въ Волыніи, получилъ обратно свое Княженіе [148]. Судьба не дала ему времени заслужить великодушіе дяди или снова быть неблагодарнымъ. Онъ чрезъ нѣсколько дней погибъ отъ руки злодѣя, на пути въ *Червенскій* Звенигородъ: сей преступникъ, именемъ
Убіеніе Ярополка, 22 Ноября. Нерядецъ, ѣхалъ за нимъ верхомъ вмѣстѣ съ другими Княжескими Отроками и вонзилъ саблю въ бокъ своему Государю, покойно лежавшему на колесницѣ. Ярополкъ всталъ, извлекъ изъ себя окровавленное желѣзо, громко сказалъ: „умираю отъ коварнаго врага," и скончался. Лѣтописецъ не объясняетъ тайной причины злодѣйства, сказывая только, что убійца бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику, старшему изъ Ростиславичей, которымъ Всеволодъ уступилъ сей городъ въ Удѣлъ [149], и которые, принявъ измѣнника, навлекли на себя гнусное подозрѣніе, болѣе несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тѣло убіеннаго въ Кіевъ, чтобы воздать ему честь погребенія тамъ, гдѣ лежали кости его родителя: Всеволодъ, Мономахъ, Ростиславъ, (меньшій сынъ Великаго Князя) Духовенство и народъ встрѣтили оное съ искреннимъ изъявленіемъ горести [150]. — Лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ, добродушный подобно отцу своему, давалъ всегда церковную *десятину* въ храмъ

Богоматери, исполняя завѣщаніе Владиміра Великаго; завидовалъ святости Бориса и Глѣба, и желалъ также умереть мученикомъ. Давидъ Игоревичь наслѣдовалъ область Владимірскую.

Между тѣмъ, какъ Всеволодъ занимался возстановленіемъ порядка и тишины въ ближнихъ областяхъ, Камскіе Болгары взяли Муромъ. Сіи люди, болѣе купцы нежели воины, славились цвѣтущимъ земледѣліемъ, и въ случаѣ неурожая питали восточный край Россіи. Вѣроятно, что они хотѣли отмстить жителямъ Муромской области за какую нибудь обиду или несправедливость: по крайней мѣрѣ сія война не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія, и взятый ими городъ не долго былъ въ ихъ власти (151).

Г. 1088. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ.

Великій Князь не могъ утѣшаться всеобщимъ спокойствіемъ. Междоусобіе прекратилось; но бѣдствія инаго роду посѣтили Россію. Отъ безпрестанныхъ, неслыханныхъ жаровъ вездѣ изсохли поля, и лѣса въ болотныхъ мѣстахъ сами собою воспламенялись, къ ужасу сельскихъ жителей; голодъ, болѣзни, моръ свирѣпствовали во многихъ областяхъ, и въ одномъ Кіевѣ умерло отъ 14 Ноября до 1 Февраля 7000 человѣкъ. Воображеніе несчастныхъ видѣло во всемъ страшныя знаменія гнѣва Божескаго: въ самыхъ обыкновенныхъ метеорахъ, въ затмѣніи солнца, въ легкомъ бывшемъ тогда землетрясеніи. Къ симъ случаямъ естественнымъ суевѣріе прибавило нелѣпыя чудеса: разсказывали, что огромный

Г. 1092. Засуха и моръ.

Землетрясеніе.

змѣй упалъ съ неба въ то время, какъ Великій Князь забавлялся ловлею звѣрей; что злые духи въ Полоцкѣ ночью и днемъ скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, и что множество людей отъ того умерло (152). Народъ стеналъ, Государь былъ въ уныніи, Половцы грабили; на обѣихъ сторонахъ Днѣпра дымились села, обращенныя въ пепелъ сими жестокими варварами, которые взяли даже нѣсколько городовъ: Песоченъ на рѣкѣ Супоѣ, Переволоку близъ устья Ворсклы, и нигдѣ, кажется, не находили сопротивленія. Наконецъ Василько Ростиславичь, правнукъ Ярославовъ, уговорилъ ихъ оставить Россію, и вмѣстѣ съ нимъ воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами (153). Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наслѣдовалъ часть Перемышльской области: скоро увидимъ его великодушіе и злосчастіе.

Видѣнія.

Набѣги Половцевъ.

Всеволодъ, огорчаемый бѣдствіями народными и властолюбіемъ своихъ племянниковъ — которые, желая господствовать, не давали ему покоя и безпрестанно требовали Удѣловъ — съ завистію воспоминалъ то счастливое время, когда онъ жилъ въ Переяславлѣ, довольный жребіемъ Удѣльнаго Князя и спокойный сердцемъ (154). Не имѣвъ никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа; удалилъ отъ себя Бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ, и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю Государей Россійскихъ, которые

Слабость Велик. Князя.

сами, въ присутствіи Вельможъ, судили народъ свой на дворѣ Княжескомъ. Сильные утѣсняли слабыхъ; Намѣстники и Тіуны грабили Россію какъ Половцы: Всеволодъ не внималъ жалобамъ.—Чувствуя приближеніе конца, онъ послалъ за большимъ сыномъ въ Черниговъ, и скончался въ объятіяхъ Владиміра и Ростислава, орошенный ихъ искренними слезами: Христіанинъ набожный, человѣколюбивый, *трезвый* и цѣломудренный отъ самой юности; однимъ словомъ, достохвальный между частными людьми, но слабый и слѣдственно порочный на степени Государей. Г. 1093. Кончина его.

Великій Ярославъ желалъ, чтобы любимый сынъ его, со временемъ наслѣдовавъ законнымъ образомъ Кіевскую область, былъ и во гробѣ съ нимъ неразлученъ [155]: воля нѣжнаго отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, тамъ же, гдѣ лежали Ярославовы кости — въ Софійскомъ храмѣ — съ обыкновенными торжественными обрядами, и въ присутствіи народа, который погребалъ тогда Государей какъ истинныхъ отцевъ своихъ, съ чувствительностію и слезами, забывая ихъ слабости и помня одни благодѣянія.

Всеволодъ оставилъ супругу втораго брака, мачиху Владиміра, и трехъ дочерей, Янку или Анну, Евпраксію и Екатерину; первыя двѣ отказались отъ свѣта и заключились въ монастырѣ [156]. Мы знаемъ, что Императоръ Генрикъ IV въ 1089 году женился на Россійской Княжнѣ, Агнесѣ или Адельгейдѣ, вдовѣ Маркграфа Штаденскаго, которая послѣ умер- Дочь Всеволода за Генрикомъ IV.

ла Игуменьею: она могла быть дочерью Всеволода (157). Въ то же время другая Россіянка, именемъ *Евпраксія*, была за сыномъ Болеслава, отравленнымъ въ цвѣтущей юности; но Историки Польскіе называютъ сію Княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

Митрополитъ Іоаннъ.

При Всеволодѣ былъ Митрополитомъ Грекъ Іоаннъ, мужъ знаменитый ученостію и Христіанскими добродѣтелями, ревностный наставникъ Духовенства и другъ несчастныхъ. ,,Никогда" (сказано въ лѣтописи) ,,не бывало у ,,насъ такого и не будетъ!" Мы имѣемъ его сочиненіе, названное *Церковнымъ правиломъ*, въ коемъ онъ съ великою ревностію осуждаетъ тогдашнее обыкновеніе Князей Россійскихъ выдавать дочерей за Государей Латинской Вѣры; доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ (Половцевъ,) даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія оскверняться ихъ нечистыми яствами; налагаетъ епитимью на тѣхъ, которые совокупляются съ правнучатными или женятся безъ вѣнчанія, думая, что сей обрядъ изобрѣтенъ единственно для Князей и Бояръ; отлучаетъ отъ церкви Іереевъ, благословляющихъ союзъ мужа съ третьею женою; велитъ имъ и Монахамъ служить для всѣхъ людей примѣромъ трезвости; наконецъ, въ дополненіе къ гражданскимъ законамъ, уставляетъ *духовное покаяніе* для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Сей Митрополитъ, наименованный отъ современниковъ *Пророкомъ Хри-*

Его сочиненіе.

ста [158], священъ церковь Ѳеодосіева монастыря Печерскаго, о коей написано столь много чудеснаго въ Патерикѣ Кіевскомъ. Византійскіе художники, украсивъ оную, не захотѣли уже возвратиться въ отечество и кончили жизнь свою въ Печерской обители: донынѣ показываютъ тамъ гробы ихъ. — Въ 1089 году, когда преставился Митрополитъ Іоаннъ, дочь Всеволодова, Янка, ѣздила въ Константинополь и привезла съ собою новаго Митрополита, скопца, именемъ также Іоанна, но человѣка весьма обыкновеннаго, слабаго здоровьемъ, и столь блѣднаго, что народъ прозвалъ его *мертвецомъ* [159]: онъ черезъ годъ умеръ. Третій Митрополитъ Всеволодова княженія былъ Ефремъ, Грекъ, по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ; другіе же называютъ его Монахомъ Печерскимъ. Несторъ сказываетъ только, что Ефремъ, скопецъ подобно Іоанну, жилъ въ *Переяславлѣ, гдѣ находилась тогда Митрополія,* и что онъ, создавъ многіе храмы каменные, первый началъ въ Россіи строить при церквахъ крестильницы [160]. Сей Митрополитъ, какъ пишутъ, уставилъ торжествовать 9 Маія перенесеніе мощей Св. Николая изъ Ликіи въ Италіянскій городъ Баръ [161]. Праздникъ Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имѣли тогда дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Несторъ молчитъ, но Лѣтописецъ среднихъ временъ говоритъ о какомъ-то Епископѣ Ѳеодорѣ, пріѣзжавшемъ къ Великому Князю отъ Папы

Крестильницы.

Праздникъ 9 Маія.

Сношенія съ Римомъ.

(Урбана II) въ 1091 году [162]. Властолюбивые Намѣстники Св. Петра безъ сомнѣнія всячески старались подчинить себѣ Церковь Россiйскую.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

Г. 1093—1112.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Вѣроломство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое вѣроломство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новогородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмутораканя исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даніила. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янъ.

Г. 1093. Владимиръ могъ бы сѣсть на престолѣ родителя своего; но сей чувствительный и миролюбивый Князь уступилъ оный Изяславову сыну, и сказавъ: „отецъ его былъ старѣе и

„княжилъ въ столицѣ прежде моего отца; „не хочу кровопролитія и войны междоусоб- „ной,“ объявилъ Святополка Государемъ Россійскимъ; самъ отправился въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переяславль. Великодуш. Мономаха.

Святополкъ, княживъ нѣсколько лѣтъ въ Новѣгородѣ, еще въ 1088 году выѣхалъ оттуда, будучи, какъ вѣроятно, недоволенъ его безпокойными гражданами (которые тогда же призвали къ себѣ юнаго Князя, Мстислава, сына Владимірова) и жилъ въ Туровѣ [163]: онъ съ радостію прибылъ въ Кіевъ, и народъ также съ радостію встрѣтилъ новаго Государя, обѣщая себѣ миръ и тишину подъ его властію. Сія надежда не исполнилась, и начало Святополкова княженія ознаменовалось великими несчастіями. Апрѣля 24.

Половцы, узнавъ о кончинѣ Всеволода, изъявили желаніе остаться друзьями Россіи. Легкомысленный Святополкъ не посовѣтовался съ Боярами отца своего и *дяди*: велѣлъ схватить Пословъ и заключить въ темницу; но свѣдавъ, что мстительные варвары вездѣ жгутъ и грабятъ въ его *области*, вздумалъ самъ просить ихъ о мирѣ. Половцы уже не хотѣли слушать сихъ предложеній, и Великій Князь, собравъ только 800 воиновъ, спѣшилъ выступить въ поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвальству молодыхъ людей, нужны не *сотни*, а *тысячи* для отраженія враговъ; что область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная даня- Война съ Половцами.

ми, опустѣла, и что надобно требовать помощи отъ мужественнаго Владиміра. Князь Черниговскій немедленно вооружился, и призвалъ брата своего, Ростислава. Но Князья, соединивъ дружины, не могли согласиться въ мысляхъ; стояли подъ Кіевомъ и ссорились между собою. Наконецъ Бояре сказали имъ: „ваша распря губитъ народъ; смирите враговъ, и тогда уже думайте о своихъ несогласіяхъ (164)!" Святополкъ и Владиміръ, принявъ благій совѣтъ, обнялися братски, и въ знакъ искренней взаимной любви цѣловали святый крестъ, по тогдашнему обыкновенію.

Непріятели осаждали Торческъ, городъ населенный Торками, которые, оставивъ жизнь кочевую, поддалися Россіянамъ (165). Князья хотѣли освободить его, Святополкъ битвою, Мономахъ миромъ. Остановясь близъ Триполя, они призвали Бояръ на совѣтъ. Янъ, Воевода Кіевскій, другъ блаженнаго Өеодосія, и многіе иные были одного мнѣнія съ Княземъ Черниговскимъ. „Половцы (говорили они) видятъ блескъ мечей нашихъ, и не отвергнутъ мира." Но Кіевляне, желая побѣды, склонили большинство голосовъ на свою сторону, и войско Россійское перешло за Стугну. Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ лѣвое: Ростиславъ находился въ срединѣ. Они поставили знамена между земляными укрѣпленіями Трипольскими (166), и ждали
26 Маія. непріятеля, который, выславъ напередъ стрѣлковъ, вдругъ устремился всѣми силами на Святополка. Кіевляне не могли выдержать

сего удара, и замѣшались. Великій Князь оказалъ примѣрную неустрашимость; бился долго, упорно, и послѣдній оставилъ мѣсто сраженія. Средина и лѣвое крыло, не умѣвъ искуснымъ и быстрымъ движеніемъ спасти праваго, еще нѣсколько времени стояли, но также уступили превосходству непріятеля. Земля дымилась кровію. Россіяне, спасаясь отъ меча побѣдителей, толпами гибли въ рѣкѣ Стугнѣ, которая отъ дождей наполнилась водою. Мономахъ, видя утопающаго брата, забылъ собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его изъ волнъ — и сей Князь, оплакивая Ростислава, многихъ Бояръ своихъ, отечество, съ горестію возвратился въ Черниговъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Несчастная мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тѣло сего юноши, коего безвременная смерть была предметомъ всеобщаго сожалѣнія.

Половцы снова осадили Торческъ. Граждане оборонялись мужественно; но изнуренные голодомъ и жаждою, напрасно требовали съѣстныхъ припасовъ отъ Святополка: бдительный непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ, который держался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Половцы, оставивъ часть войска для осады, приблизились къ столицѣ. Святополкъ хотѣлъ еще сразиться, и вторично разбитый подъ Кіевомъ [167], ушелъ только съ двумя воинами. Торческъ сдался: стѣны и зданія его 23 Іюля. обратились въ пепелъ, а граждане были отведены въ неволю.

Не имѣвъ счастія воинскаго, Святополкъ надѣялся инымъ способомъ обезоружить Половцевъ, и женился на дочери ихъ Князя, Тугоркана. Но сей родственный союзъ, который могъ быть оправданъ одною государственною пользою, не защитилъ Россіи отъ варваровъ: Князь Тмутороканскій, Олегъ Святославичь, въ *третій разъ* пришелъ съ ними разорять отечество, осадилъ Мономаха въ Черниговѣ, и требовалъ сей области какъ законнаго наслѣдія: ибо она принадлежала нѣкогда его родителю. Владиміръ, любимый своею дружиною и народомъ, нѣсколько дней оборонялся; но жалѣя крови, великодушно сказалъ: *да не радуются враги отечества!* и добровольно уступилъ Княженіе Олегу: вторая жертва, принесенная имъ общей пользѣ (168)! Онъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль съ женою и дѣтьми, подъ щитами малочисленной, вѣрной дружины, готовой отражать толпы хищныхъ Половцевъ, которые, не смотря на миръ, еще долгое время свирѣпствовали въ Черниговской области: жестокій Олегъ, довольный ихъ помощію, равнодушно смотрѣлъ на сіи злодѣйства. — Вся южная Россія представляла тогда картину самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. „Города опустѣли," пишетъ Несторъ: „въ селахъ пылаютъ церкви, домы, житницы и гумны. Жители издыхаютъ подъ остріемъ меча, или трепещутъ, ожидая смерти. Плѣнники, заключенные въ узы, идутъ наги и босы въ отдаленную страну варваровъ, сказывая другъ дру-

Г. 1094. Бракъ Святополковъ.

Безпокойный Олегъ.

Жалкое состояніе южной Россіи.

,,гу со слезами: *я изъ такого-то города Русска-*
,,*го, я изъ такой-то веси!* Не видимъ на лу-
,,гахъ своихъ ни стадъ, ни коней; нивы за-
,,росли травою, и дикіе звѣри обитаютъ тамъ,
,,гдѣ прежде жили Христіане [169]!" Къ умно-
женію несчастій, Россія узнала въ сіе время
новый бичь естественный: саранча, дотолѣ
неизвѣстная нашимъ предкамъ, покрывъ зем-
лю, совершенно истребила жатву; тучи сихъ Авгу-
пагубныхъ насѣкомыхъ летѣли отъ Юга къ ста 26.
Сѣверу, оставляя за собою отчаяніе и голодъ Саранча.
для бѣдныхъ поселянъ.

Наконецъ Великій Князь и Владиміръ ободрили побѣдами унылый духъ своего народа. Онѣ, къ сожалѣнію, начались вѣроломствомъ. Г. 1095. Побѣды. Долговременныя несчастія государственныя остервеняютъ сердца и вредятъ самой нравственности людей. Вожди Половецкіе, Итларь и Китанъ, заключили миръ съ Мономахомъ, и взяли въ *тали,* или въ аманаты, сына его, Святослава. Китанъ безопасно жилъ въ *станѣ близъ* городскаго вала: Итларь гостилъ въ Переяславлѣ у Вельможи Ратибора. Тогда недостойные совѣтники предложили Князю воспользоваться *оплошностію* ненавистныхъ враговъ, нарушить священный миръ и не менѣе священные законы гостепріимства — однимъ словомъ, злодѣйски умертвить всѣхъ Половцевъ. Владиміръ колебался; но дружина успокоила его робкую совѣсть, доказывая, что сіи варвары тысячу разъ сами преступали клятву... Въ глубокую ночь Россіяне, вмѣстѣ съ Торками, имъ подвластными, вы-

Вѣроломство Россіянъ. шли изъ города, зарѣзали сонпаго Капана, его воиновъ, и съ торжествомъ привели ко Владиміру освобожденнаго Святослава [170]. Итларь, не зная ничего, спокойно готовился по утру завтракать у своихъ ласковыхъ хозяевъ, когда сынъ Ратиборовъ, Олбегъ, пустилъ ему въ грудь стрѣлу, сквозь отверстіе, нарочно для того сдѣланное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, былъ жертвою гнуснаго заговора, который лучшему изъ тогдашнихъ Князей Россійскихъ казался дозволенною хитростію!

24 Февраля.

Ожидая справедливой мести за такое злодѣяніе, Владиміръ и Святополкъ хотѣли предупредить оную. *Въ первый разъ* дерзнули Россіяне искать Половцевъ въ ихъ собственной землѣ; взяли множество скота, вельблюдовъ, коней, плѣнниковъ, и возвратились благополучно. — Но въ то же самое лѣто Юрьевъ, городъ на берегу Роси, былъ сожженъ Половцами [171]: жители его ушли съ Епископомъ въ столицу, и Великій Князь населилъ ими, близъ Кіева, особенный новый городокъ, давъ ему имя *Святополча*.

Олегъ Черниговскій, вопреки данному слову, не ходилъ съ Великимъ Княземъ на Половцевъ. Святополкъ и Владиміръ требовали отъ него, чтобы онъ хотя выдалъ имъ или самъ велѣлъ умертвить знатнаго Половецкаго юношу, сына Итларева, бывшаго у него въ рукахъ; но Князь Черниговскій отвергнулъ и сіе предложеніе, какъ злодѣйство

безполезное. Съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе возрастало. Святополкъ и Владиміръ, дѣйствуя во всемъ согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленскъ, отданный ему, какъ вѣроятно, еще Всеволодомъ, и послали его княжить въ Новгородъ, откуда Мономахъ перевелъ сына своего, Мстислава, въ Ростовъ (172); но своевольные Новогородцы чрезъ два года объявили Давиду, что онъ имъ ненадобенъ, и вторично призвали къ себѣ, на его мѣсто, Мстислава. Лишенный Удѣла, Давидъ прибѣгнулъ, можетъ быть, къ Олеговой защитѣ: по крайней мѣрѣ ему возвратили область Смоленскую. Юный сынъ Мономаховъ, Изяславъ, Правитель Курска, подалъ новый ко враждѣ случай, нечаянно завладѣвъ Муромомъ, городомъ Черниговскаго Князя, и взявъ въ плѣнъ Олегова Намѣстника. Междо-усобія.

Въ сихъ обстоятельствахъ Святополкъ и Владиміръ прислали звать Олега въ Кіевъ, на *съѣздъ Княжескій*. „Тамъ, въ старѣйшемъ „градѣ Русскомъ" — говорили они — „утвер„димъ безопасность Государства въ общемъ „совѣтѣ съ знаменитѣйшимъ Духовенствомъ, „съ Боярами отцевъ нашихъ и гражданами." Олегъ, не вѣря ихъ доброму намѣренію, съ гордостію имъ отвѣтствовалъ: „я Князь, и не „хочу совѣтоваться ни съ Монахами, ни съ „чернію." *Когда такъ*, сказали Святополкъ и Владиміръ: *когда не хочешь воевать съ непріятелями земли Русской, ни совѣтоваться съ братьями, то признаемъ тебя самого* Гордость Олега.

врагомъ отечества, и Богъ да судитъ между нами! Взявъ Черниговъ, они приступили къ Стародубу, гдѣ находился Олегъ, и болѣе мѣсяца проливали невинную кровь въ жестокихъ битвахъ [173]. Наконецъ Черниговскій Князь, смиренный голодомъ, долженъ былъ покориться, и клятвенно обѣщалъ пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давидомъ.

Святополкъ нетерпѣливо хотѣлъ прекра-
Маія 24. тить сію междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россію; одна толпа ихъ сожгла въ Берестовѣ домъ Княжескій, другая мѣстечко Устье, близъ Переяславля, и тесть Святополковъ, Тугорканъ, осадилъ
30 Маія. сію Мономахову столицу. Великій Князь и Владиміръ умѣли скрыть свои движенія отъ непріятеля, перешли Днѣпръ, явились внезапно подъ стѣнами осажденнаго города [174]. Обрадованные жители встрѣтили ихъ, и Россіяне бросились въ Трубежъ, ревностно желая битвы съ Половцами, которые стояли на другой сторонѣ сей рѣки. Напрасно осторожный Владиміръ хотѣлъ построить воиновъ: не внимая начальникамъ, они устремились на
Іюля 19. варваровъ, и своимъ мужествомъ рѣшили побѣду. Самъ Тугорканъ, сынъ его, знаменитѣйшіе Половцы легли на мѣстѣ. Святополкъ взялъ тѣло перваго и съ честію предалъ оное землѣ недалеко отъ своего Берестовскаго
Іюн. 20. дворца. — Въ то самое время, когда Россіяне торжествовали свою побѣду, другой Князь Половецкій, Бонякъ, едва не овладѣлъ Кіе-

вомъ; выжегъ предмѣстіе, *красный дворъ* Всеволодовъ на Выдобичахъ, монастыри; ворвался ночью въ обитель Печерскую, умертвилъ нѣсколько безоружныхъ Монаховъ, пробужденныхъ шумомъ и воплемъ свирѣпаго непріятеля; ограбилъ церковь, кельи, и съ добычею удалился, оставивъ деревянныя зданія въ пламени. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго.

Святополкъ, возвратясь въ Кіевъ, напрасно ждалъ Олега, который, не бывъ принятъ Смоленскими жителями, пошелъ къ Мурому (175). Изяславъ, сынъ Мономаховъ, призвалъ къ себѣ войско изъ Ростова, Суздаля, Бѣлаозера, и готовился отразить сего непріятеля. „Иди княжить въ свою Ростовскую область,“ велѣлъ сказать ему Олегъ: „отецъ твой отнялъ у меня Черниговъ: не ужели и въ Муромѣ, наслѣдственномъ моемъ достояніи, вы „лишите меня хлѣба? Я не хочу войны, и „желаю примириться съ Владиміромъ.“ Олегъ имѣлъ съ собою малочисленную дружину, набранную имъ въ Рязани, которая зависѣла тогда отъ Черниговскихъ Князей; но получивъ гордый отказъ, смѣло обнажилъ мечь. Юный Изяславъ палъ въ сраженіи, и войско его разсѣялось. Побѣдитель взялъ Муромъ (гдѣ была супруга Изяславова), Суздаль, Ростовъ, и слѣдуя тогдашнему варварскому обыкновенію, плѣнилъ множество безоружныхъ гражданъ. 6 Сентября.

Мстиславъ Владиміровичь, Князь Новогородскій, крестникъ Олеговъ, свѣдавъ о несчастной судьбѣ Изяславовой, велѣлъ привести къ

себѣ тѣло его, и съ горестію погребъ оное въ Софійской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винилъ Олега въ завоеваніи Мурома, но требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля; не упрекалъ его даже и смертію Изяслава, говоря ему чрезъ Пословъ: „ты убилъ моего брата; но въ ратяхъ гибнутъ Цари и Герои. Будь доволенъ „своимъ наслѣдственнымъ городомъ: въ такомъ случаѣ умолю отца моего примириться съ тобою.“ Олегъ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній, думая скоро взять самый Новгородъ. Тогда Мстиславъ, любимый народомъ, вооружился (176). Начальникъ отряда Новогородскаго, Добрыня Рагуйловичъ, захватилъ людей Олеговыхъ, посланныхъ для собранія дани, и сбилъ его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской Губерніи). Олегъ не могъ удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжегъ сей послѣдній городъ, оставивъ въ немъ только одинъ монастырь съ церквами, и засѣлъ въ Муромѣ. Добродушный Мстиславъ, уважая крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, желая только, чтобы онъ возвратилъ плѣнныхъ, и въ то же время убѣдительно просилъ родителя своего забыть вражду Олегову. Мономахъ отправилъ въ Суздаль меньшаго сына, Вячеслава, съ коннымъ отрядомъ союзныхъ Половцевъ, написавъ къ Олегу краснорѣчивое письмо такого содержанія (177): „Долго печальное сердце мое боролось съ закономъ Христіанина, обязаннаго прощать „и миловать: Богъ велитъ братьямъ любить

Храбрость и добродушіе Мстислава.

Письмо Мономахово.

,,другъ друга; но самые умные дѣды, самые ,,добрые и блаженные отцы наши, обольщаемые врагомъ Христовымъ, возставали на ,,кровныхъ. . . . . Пишу къ тебѣ, убѣжденный ,,твоимъ крестнымъ сыномъ, который молитъ ,,меня оставить злобу для блага земли Русской, и предать смерть его брата на судъ ,,Божій. Сей юноша устыдилъ отца своимъ ,,великодушіемъ! Дерзнемъ ли, въ самомъ дѣ- ,,лѣ, отвергнуть примѣръ Божественной кротости, данный намъ Спасителемъ, мы, тлѣн- ,,ныя созданія? нынѣ въ чести и въ славѣ, ,,завтра въ могилѣ, и другіе раздѣлятъ наше ,,богатство. Вспомнимъ, братъ мой, отцевъ ,,своихъ: что они взяли съ собою, кромѣ до- ,,бродѣтели? Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядшій цвѣтъ, ты не ,,пожалѣлъ объ немъ; не пожалѣлъ о слезахъ ,,отца и матери; не хотѣлъ написать ко ,,мнѣ письма утѣшительнаго; не хотѣлъ прислать бѣдной, невинной снохи, чтобы я ,,вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не видавъ ,,ихъ радостнаго брака, не слыхавъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсней. . . . Ради Бога отпусти несчастную, да сѣтуетъ какъ горлица въ домѣ моемъ; а меня утѣшитъ отецъ ,,Небесный. — Не укоряю тебя безвременною ,,кончиною любезнаго мнѣ сына: и знаменитѣйшіе люди находятъ смерть въ битвахъ; ,,онъ искалъ чужаго и ввелъ меня въ стыдъ ,,и въ печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взявъ Му-

„ромъ, не бралъ Ростова, и тогда же примирился со мною. Разсуди самъ, мнѣ ли надлежало говорить первому, или тебѣ? Если „имѣешь совѣсть; если захочешь успокоить „мое сердце, и съ Посломъ или Священникомъ „напишешь ко мнѣ грамоту безъ всякаго лукавства: то возмешь добрымъ порядкомъ „область свою, обратишь къ себѣ наше сердце, и будемъ жить еще дружелюбнѣе прежняго. Я не врагъ тебѣ, и не хотѣлъ крови „твоей у Стародуба" (гдѣ Святополкъ и Мономахъ осаждали сего Князя); „но дай Богъ, „чтобы и братья не желали пролитія моей. „Мы выгнали тебя изъ Чернигова единственно за дружбу твою съ невѣрными; и въ „томъ каюсь, послушавъ брата (Святополка). „Ты господствуешь теперь въ Муромѣ, а сыновья мои въ области своего дѣда. Захочешь „ли умертвить ихъ? твоя воля. Богу извѣстно, что я желаю добра отечеству и „братьямъ. Да лишится навѣки мира душевнаго, кто не желаетъ изъ васъ мира Христіанамъ! — Не боязнь и не крайность заставляютъ меня говорить такимъ образомъ, „но совѣсть и душа, которыя мнѣ всего на „свѣтѣ драгоцѣннѣе."

Олегъ согласился заключить миръ, чтобы обмануть племянника; и когда Мстиславъ, распустивъ воиновъ по селамъ, безпечно сидѣлъ за обѣдомъ съ Боярами своими, гонцы принесли ему вѣсть, что коварный его дядя стоитъ уже на Клязмѣ съ войскомъ (178. Олегъ думалъ, что Мстиславъ, изумленный его вне-

Вѣроломство Олегово.

Г. 1097, Марта 1.

запнымъ нападеніемъ, уйдетъ изъ Суздаля; но сей юный Князь, въ одни сутки собравъ дружину Новогородскую, Ростовскую и Бѣлозерскую, приготовился къ битвѣ за городскимъ валомъ. Олегъ четыре дни стоялъ неподвижно, и Вячеславъ, другой сынъ Мономаховъ, успѣлъ соединиться съ братомъ. Тогда началося сраженіе. Олегъ ужаснулся, видя славное знамя Владимірово въ рукахъ вождя Половецкаго, заходившаго къ нему въ тылъ съ отрядомъ Мстиславовой пѣхоты, и скоро обратился въ бѣгство; поручилъ меньшему своему брату, Ярославу, Муромъ, а самъ удалился въ Рязань. Мстиславъ, умѣренный въ счастіи, не хотѣлъ завладѣть ни тѣмъ, ни другимъ городомъ, освободивъ единственно Ростовскихъ и Суздальскихъ плѣнниковъ, тамъ заключенныхъ. Бѣгая отъ него, Олегъ скитался въ отчаяніи, и не зналъ, гдѣ приклонить голову; но племянникъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ былъ спокоенъ. „Святополкъ и Владиміръ не лишатъ тебя земли Русской,“ говорилъ сей чувствительный юноша: „я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ. Оставься и властвуй въ своемъ Княженіи: только смирися.“ Мстиславъ сдержалъ слово: вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ Великимъ Княземъ и своимъ отцемъ. Великодушіе Мстислава.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія въ первый разъ увидѣла торжественное собраніе Князей своихъ, на берегу Днѣпра, въ городѣ Любечѣ. Сидя на одномъ коврѣ [179], они благоразумно разсуждали, что отечество гибнетъ Съѣздъ Князей.

отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душею и сердцемъ, унять внѣшнихъ разбойниковъ, Половцевъ, — успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, другъ отечества и благоразумнѣйшій изъ Князей Россійскихъ, былъ виновникомъ и душею сего достопамятнаго собранія. Въ примѣръ умѣренности и безкорыстія онъ уступилъ Святославичамъ все, что принадлежало нѣкогда ихъ родителю, и Князья съ общаго согласія утвердили за Святополкомъ область Кіевскую, за Мономахомъ частный Удѣлъ отца его: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро; за Олегомъ, Давидомъ и Ярославомъ Святославичами Черниговъ, Рязань, Муромъ; за Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волынскій; за Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами Перемышль и Теребовль, отданные имъ еще Всеволодомъ. Каждый былъ доволенъ; каждый цѣловалъ святый крестъ, говоря: *да будетъ земля Русская общимъ для насъ отечествомъ; а кто возстанетъ на брата, на того мы всѣ возстанемъ.* Добрый народъ радовался согласію своихъ Государей, которые обнялися братски и разъѣхались друзьями.

Сей торжественный союзъ былъ въ одно время заключенъ и нарушенъ самымъ гнуснѣйшимъ злодѣйствомъ, коего воспоминаніе должно быть оскорбительно для самаго отдаленнѣйшаго потомства. Лѣтописецъ извиняетъ главнаго злодѣя, сказывая, что клеветники

обманули его; но такъ обманываются одни изверги. Сей недостойный внукъ Ярославовъ, Давидъ Игоревичь, пріѣхавъ изъ Любеча въ Кіевъ, объявилъ Святополку, что Мономахъ и Василько Ростиславичь суть ихъ тайные враги; что первый думаетъ завладѣть престоломъ Великокняжескимъ, а второй городомъ Владиміромъ; что убіенный братъ ихъ, Ярополкъ Изяславичь, погибъ отъ руки Василькова наемника, который ушелъ къ Ростиславичамъ [180]; что благоразуміе требуетъ осторожности, а месть жертвы. Великій Князь содрогнулся и заплакалъ, вспомнивъ несчастную судьбу любимаго брата. „Но справедливо „ли сіе ужасное обвиненіе?“ сказалъ онъ: „да „накажетъ тебя Богъ, если обманываешь ме„ня отъ зависти и злобы.“ Давидъ клялся, что ни ему въ Владимірѣ, ни Святополку въ Кіевѣ не господствовать мирно, пока живъ Василько; и сынъ Изяславовъ согласился быть вѣроломнымъ подобно отцу своему. Не зная ничего и спокойный въ совѣсти, Василько ѣхалъ тогда мимо Кіева, зашелъ поклониться въ монастырь Св. Михаила, ужиналъ въ сей Обители и ночевалъ въ станѣ за городомъ. Святополкъ и Давидъ прислали звать его, убѣждали остаться въ Кіевѣ до имянинъ Великаго Князя, то есть, до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать съ Поляками, спѣшилъ домой и не хотѣлъ исполнить Святополкова желанія. „Видишь ли?“ сказалъ Давидъ Великому Князю: „онъ презираетъ тебя въ „самой области твоей: чтожь будетъ, когда

Вѣроломство Давида и Святополка.

Ноября 4.

„пріѣдетъ въ свою? займетъ безъ сомнѣнія „Туровъ, Пинскъ и другія мѣста, тебѣ при-„надлежащія (181). Вели схватить его и от-„дать мнѣ, или ты вспомнишь совѣтъ мой, „но поздно.“ Святополкъ вторично послалъ сказать Васильку, чтобы онъ заѣхалъ къ нему хотя на минуту, обнять своихъ дядей и побесѣдовать съ ними. Несчастный Князь далъ слово; сѣлъ на коня, и въѣзжалъ уже въ городъ: тутъ встрѣтился ему одинъ изъ его усердныхъ Отроковъ, и съ ужасомъ объявилъ о гнусномъ заговорѣ. Василько не вѣрилъ. „Мы цѣловали „крестъ — сказалъ онъ — и клялися умереть „друзьями; не хочу подозрѣніемъ оскорбить „моихъ родственниковъ“ — перекрестился, и съ малочисленною дружиною въѣхалъ въ Кіевъ. Ласковый Святополкъ принялъ гостя на дворѣ Княжескомъ, ввелъ въ горницу, и самъ вышелъ, сказывая, что велитъ готовить завтракъ для любезнаго племянника. Василько остался съ Давидомъ: началъ говорить съ нимъ; но сей злодѣй, еще новый въ ремеслѣ своемъ, блѣднѣлъ, не могъ отвѣчать ни слова и спѣшилъ удалиться (182). По данному знаку входятъ воины, заключаютъ Василька въ тяжкія оковы. Мѣра злодѣйства еще не совершилась, и Святополкъ боялся народнаго негодованія: въ слѣдующій день созвавъ Бояръ и граждан Кіевскихъ, онъ торжественно объявилъ имъ слышанное отъ Давида. Народъ отвѣтствовалъ: „Государь! безопасность твоя „для насъ священна: казни Василька, если онъ „дѣйствительно врагъ твой; когда же Давидъ

,,оклеветалъ его, то Богъ отмститъ ему за ,,кровь невиннаго." Знаменитыя духовныя особы смѣло говорили Великому Князю о человѣколюбіи и гнусности вѣроломства. Онъ колебался; но снова устрашенный коварными словами Давида, отдалъ ему жертву въ руки. Василька ночью привезли въ Бѣлгородъ и заперли въ тѣсной горницѣ; въ глазахъ его острили ножъ, разстилали коверъ; взяли несчастнаго и хотѣли положить на землю. Угадавъ намѣреніе сихъ достойныхъ слугъ Давида и Святополка, онъ затрепеталъ, и хотя былъ окованъ, но долгое время оборонялся съ такимъ усиліемъ, что имъ надлежало кликнуть помощниковъ. Его связали; раздавили ему грудь доскою, и вырѣзали обѣ зѣницы.... Василько лежалъ на коврѣ безъ чувства. Злодѣи отправились съ нимъ въ Владиміръ, пріѣхали въ городъ Здвиженскъ обѣдать и велѣли хозяйкѣ вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привелъ его въ память. Онъ спросилъ: ,,гдѣ я?" выпилъ свѣжей воды; ощупалъ свою рубашку, и сказалъ: ,,начто вы сняли съ меня окровавленную? я хотѣлъ стать въ ней ,,предъ Судіею Всевышнимъ".... Давидъ ожидалъ Василька въ столицѣ своей, Владимірѣ, и заключилъ въ темницу, приставивъ къ нему двухъ Отроковъ и 30 воиновъ для стражи.

Ослѣпленіе Василька.

Мономахъ, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, пришелъ въ ужасъ и залился слезами. ,,Никогда ,,еще — сказалъ онъ — не бывало подобнаго ,,въ землѣ Русской!" и немедленно увѣдомилъ

Слезы Мономаховы.

о томъ Святославичей, Олега и Давида. „Пре-
„кратимъ зло въ началѣ,“ писалъ къ нимъ сей
добрый Князь: „накажемъ изверга, который
„посрамилъ отечество и далъ ножъ брату на
„брата; или кровь еще болѣе польется, и мы
„всѣ обратимся въ убійцъ: земля Русская по-
„гибнетъ: варвары овладѣютъ ею.“ Олегъ и
Давидъ, подвигнутые такимъ же великодуш-
нымъ негодованіемъ, соединились съ Монома-
хомъ, приближились къ Кіеву и грозно тре-
г. 1098. бовали отвѣта отъ Святополка. Послы ихъ
говорили именемъ Князей: „Ежели Василько
„преступникъ, то для чего же не хотѣлъ ты
„судиться съ нимъ предъ нами? и въ чемъ со-
„стоитъ вина его?“ Великій Князь оправ-
дывался своимъ легковѣріемъ, и тѣмъ, что не
онъ, а Давидъ ослѣпилъ ихъ племянника. „Но
„въ твоемъ городѣ,“ сказали Послы и вы-
шли изъ дворца. На другой день Владиміръ и
Святославичи уже готовились итти за
Днѣпръ [183], чтобы осадить Кіевъ. Мало-
душный Святополкъ думалъ бѣжать; но граж-
дане не пустили его, и зная доброе сердце
Мономаха, отправили къ нему посольство.
Митрополитъ и вдовствующая супруга Все-
володова явились въ станѣ соединенныхъ Кня-
зей: первый говорилъ именемъ народа, вто-
рая плакала и молила. „Князья великодушные!“
сказалъ Митрополитъ Владиміру и Святосла-
Рѣчь Митро-полита вичамъ: „не терзайте отечества междоусо-
„біемъ, не веселите враговъ его. Съ какимъ
„трудомъ отцы и дѣды ваши утверждали ве-
„личіе и безопасность Государства! Они прі-

„обрѣтали чуждыя земли; а вы что дѣлаете? „губите собственную.“ Владиміръ пролилъ слезы: онъ уважалъ память своего родителя, вдовствующую Княгиню его и Пастыря Церкви; а всего болѣе любилъ Россію. „Такъ!“ отвѣтствовалъ Мономахъ съ горестію: „мы „недостойны своихъ великихъ предковъ и за„служиваемъ сію укоризну.“ Князья согласились на миръ, и Владиміръ простилъ Святополку собственную обиду: ибо сей неблагодарный, обязанный ему престоломъ и многими услугами, не устыдился повѣрить клеветѣ и считать его своимъ тайнымъ злодѣемъ. Великій Князь, сложивъ всю вину на Давида, далъ слово наказать его какъ общаго недруга.

Давидъ свѣдалъ о томъ и хотѣлъ отвратить бурю. Здѣсь одинъ изъ дополнителей Несторовой лѣтописи, именемъ Василій — вѣроятно, Инокъ или Священникъ — представляетъ самъ важное дѣйствующее лице, и разсказываетъ слѣдующія обстоятельства: „Я „былъ тогда въ Владимірѣ. Князь Давидъ ночью „присылалъ за мною. Окруженный своими Боя„рами, онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и сказалъ: *Ва„силько говоритъ, что я могу примириться съ Вла„диміромъ. Иди къ заключенному*(184); *совѣтуй ему, „чтобы онъ отправилъ Посла къ Мономаху и скло„нилъ сего Князя оставить меня въ покоѣ. Въ знакъ „благодарности дамъ Васильку любой изъ городовъ „Червенскихъ: Всеволожь, Шеполь или Перемиль.* „Я исполнилъ Давидову волю. Несчастный Ва„силько слушалъ меня со вниманіемъ, и съ „кротостію отвѣтствовалъ: *Я не говорилъ ни*

Прекрасная душа Василькова.

„*слова; но сдѣлаю угодное Давиду, и не хочу, чтобы для меня проливали кровь Россіянъ. Только удивляюсь, что Давидъ въ знакъ милости даетъ мнѣ свой городъ, коего не требую, будучи доволенъ моимъ собственнымъ: я и въ темницѣ Князь Теребовля. Скажи, что желаю видѣть и послать ко Владиміру Боярина моего, Кулмея.* Давидъ не хотѣлъ „того, отвѣтствуя, что сего человѣка нѣтъ „во Владимірѣ. Я вторично пришелъ къ Ва„сильку, который выслалъ слугу, сѣлъ со мною „и говорилъ такъ: *Слышу, что Давидъ мыслитъ „отдать меня въ руки Ляхамъ; онъ еще не сытъ „моею кровію: ему надобна остальная. Я мстилъ „Ляхамъ за отечество и сдѣлалъ имъ много зла* (185): „*пусть воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. „Но любя истину, открою тебѣ всю мою душу. Богъ „наказалъ меня за гордость. Зная, что идутъ ко мнѣ „союзные Торки, Берендѣи, Половцы и Печенѣги, я „думалъ въ своей надменности:* Теперь скажу бра„ту Володарю и Давиду: дайте мнѣ только „свою младшую дружину; а сами пейте и ве„селитесь. Зимою выступлю, лѣтомъ завоюю „Польшу. Земля у насъ не богата жителями: „пойду на Дунайскихъ Болгаровъ, и плѣнни„ками населю ея пустыни. А тамъ буду про„ситься у Святополка и Владиміра на общихъ „враговъ отечества, на злодѣевъ Половцевъ; „достигну славы или положу голову за Рус„скую землю. *Въ душѣ моей не было иной мысли. „Клянуся Богомъ, что я не хотѣлъ сдѣлать ни ма„лѣйшаго зла ни Святополку, ни Давиду, ни другимъ „братьямъ любезнымъ.*" Сей несчастный Князь, въ стѣнахъ темницы открывая душу свою какому нибудь смиренному Иноку, не думалъ,

что самое отдаленное потомство услышит его слова, достойныя Героя.

Еще более месяца Василько томился въ заключеніи: Владиміръ — озабоченный, какъ вѣроятно, набѣгами Половцевъ — не могъ освободить его (186). Давидъ ободрился и хотѣлъ увеличить область свою завоеваніемъ Теребовля; но устрашенный мужествомъ Володаря Ростиславича, не дерзнулъ обнажить меча въ полѣ и бѣжалъ въ городъ Бужскъ. Володарь, осадивъ его, требовалъ единственно брата, и гнусный Давидъ, принужденный отпустить Василька, увѣрялъ, что одинъ Святополкъ былъ виною злодѣянія. „Не въ моей „области“ — говорилъ онъ — „пострадалъ „братъ твой; я долженъ былъ на все согла-„ситься, чтобы не имѣть такой же участи.“ Володарь заключилъ миръ; но какъ скоро освободилъ Василька, то снова объявилъ войну Давиду. Ослѣпленные злобою мести, Ростиславичи обратили въ пепелъ городъ Всеволожь, безчеловѣчно умертвили жителей, и приступивъ ко Владиміру, велѣли сказать гражданамъ, чтобы они выдали имъ трехъ совѣтниковъ Давидовыхъ, научившихъ его погубить Василька. Граждане созвали Вѣче и разсуждали, что имъ дѣлать. „Мы рады уме-„реть за самого Князя“, говорилъ народъ: „а слуги его не стоятъ кровопролитія. Онъ „долженъ исполнить нашу волю, или отво-„римъ городскія ворота и скажемъ ему: *про-„мышляй о себѣ!*“ Давидъ хотѣлъ спасти наперсниковъ (187); но боясь возмущенія, предалъ

Месть Ростиславичей.

двухъ изъ нихъ въ жертву (третій ушелъ въ Кіевъ). Злодѣевъ повѣсили и разстрѣляли: Васильковы отроки совершили сію месть въ знакъ любви къ своему Князю.

Ростиславичи удалились; но Давидъ не избавился отъ бѣдствія. Святополкъ, обязанный торжественною клятвою, шелъ наказать его, и стоялъ уже въ Брестѣ. Давидъ искалъ защиты у Короля Польскаго, Владислава: сей Государь, взявъ отъ него 50 гривенъ золота, велѣлъ ему ѣхать съ собою, расположился станомъ на Бугѣ, и вступилъ въ переговоры съ Великимъ Княземъ. Королю хотѣлось новыхъ даровъ: получивъ ихъ отъ Святополка, онъ совѣтовалъ Давиду возвратиться въ свою область, ручаясь за его безопасность. Но Великій Князь, съ согласія Поляковъ, немедленно осадилъ Владиміръ. Обманутый Королемъ, Давидъ чрезъ семь недѣль примирился съ Святополкомъ, уступилъ ему Владимірскую область, и выѣхалъ въ Польшу (188).

Г. 1099.

Корыстолюбіе Поляковъ.

Апрѣля 9.

Святополкъ не замедлилъ остыдить себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ предѣлы Волыніи, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что будетъ имъ другомъ и желаетъ единственно смирить ихъ общаго непріятеля, Давида; но побѣдивъ его, Великій Князь захотѣлъ овладѣть Перемышлемъ и Теребовлемъ, объявляя, что сіи города принадлежали нѣкогда отцу его и брату. Святополкъ надѣялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слѣпый Василько явился на мѣстѣ битвы, и по-

Новое вѣроломство Святополка.

казывая въ рукахъ крестъ, громко кричалъ Святополку: „Видишь ли мстителя, клятво-„преступникъ? Лишивъ меня зрѣнія, хочешь „отнять и жизнь мою. Крестъ святый да „будетъ намъ судiею!“ Сраженiе было кровопролитное (189). Святополкъ не могъ устоять и бѣжалъ въ Владимiръ: поручилъ сей городъ сыну Мстиславу, прижитому съ наложницею; другаго сына, Ярослава, отправилъ въ Венгрiю за наемнымъ войскомъ; племянника, Святошу Давидовича, оставилъ въ Луцкѣ, а самъ уѣхалъ въ Кiевъ. Ростиславичи гнались за побѣжденнымъ только до границъ своей области и возвратились, не желая никакихъ прiобрѣтенiй: умѣренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими въ Любечѣ, и гнушались примѣрами вѣроломства.

Умѣренность Ростиславичей.

Сынъ Великаго Князя, Ярославъ, склонилъ Государя Венгерскаго обьявить войну Ростиславичамъ, и Коломанъ, собравъ великiя силы, вступилъ въ Червенскую область. Володарь затворился въ Перемышлѣ. Давидъ Игоревичъ (190), напрасно искавъ друзей и союзниковъ внѣ Государства, возвратился тогда изъ Польши, и видя общую опасность, прибѣгнулъ къ Ростиславичамъ. Онъ зналъ ихъ честность, и въ знакъ довѣренности оставивъ жену свою у Володаря, отправился къ Половцамъ. Ханъ Боңякъ встрѣтилъ его на границѣ и взялся дѣйствовать противъ врага Россiи. Лѣтописецъ говоритъ, что Половцевъ было 390 человѣкъ, а Давидовыхъ вои-

новъ 100; что Бонякъ, искусный гадатель будущаго, въ темную глубокую ночь отъѣхалъ отъ стана и началъ *выть;* что звѣри степные отвѣтствовали ему такимъ же воемъ, и что обрадованный Ханъ предсказалъ Давиду несомнительную побѣду. Суевѣріе бываетъ иногда счастливо: ободривъ воиновъ, мужественный Бонякъ раздѣлилъ ихъ на три части; велѣлъ товарищу своему, Алтунопѣ, итти прямо на Венгровъ съ 50 стрѣлками; поручилъ Давиду главный отрядъ, а самъ засѣлъ впереди, по обѣимъ сторонамъ дороги, имѣя не болѣе ста человѣкъ. Алтунопа увидѣлъ вдали множество Венгровъ, коихъ оружіе и латы блистали отъ первыхъ лучей восходящаго солнца, и которые стояли рядами на великомъ пространствѣ. Онъ шелъ смѣло, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, обратился въ бѣгство. Когда же Венгры устремились въ слѣдъ за нимъ безъ всякаго порядка, Бонякъ ударилъ на нихъ въ тылъ, Алтунопа спереди, Давидъ также (191). Володарь, осажденный въ Перемышлѣ, могъ воспользоваться симъ случаемъ для удачной вылазки. Изумленные Венгры въ ужасѣ, въ смятеніи, давили другъ друга; бросались въ рѣку Санъ, и тонули. Побѣдители гнали ихъ два дни. Самъ Коломанъ едва спасъ жизнь свою, потерявъ около 40,000 воиновъ, многихъ Бароновъ и тѣлохранителей; а сынъ Святополковъ ушелъ въ Брестъ. Венгерскіе Лѣтописцы разсказываютъ, что виною сего *безпримѣрнаго* несчастія была неосторожность ихъ Государя, обманутаго

Пораженіе Венгровъ.

притворными слезами вдовствующей Россійской Княгини *Ланки*, которая, стоя на колѣнахъ, умоляла его быть милосердымъ къ ея народу; что Венгры, не ожидая сопротивленія и битвы, спали крѣпкимъ сномъ, когда Ханъ Половецкій напалъ въ глубокую ночь на ихъ станъ, и не давъ имъ опомниться, умертвилъ множество людей. Коломанъ безъ сомнѣнія думалъ тогда завладѣть Червенскою областію; съ нимъ были не только знаменитѣйшіе свѣтскіе чиновники, но и Епископы, готовые обращать Россіянъ въ свою Вѣру. Одинъ изъ сихъ Епископовъ, именемъ Купанъ, погибъ въ сраженіи.

Давидъ Игоревичь, желая употребить въ свою пользу несчастіе Святополка и союзниковъ его, взялъ Червенъ [192], и внезапно осадилъ Владиміръ, гдѣ сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, собственною неустрашимостію ободрялъ воиновъ; но пораженный стрѣлою — въ самое то мгновеніе, какъ онъ натягивалъ лукъ — сей юноша палъ на стѣнѣ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Три дни кончина его была тайною для народа: узнавъ оную, граждане въ общемъ совѣтѣ положили увѣдомить Святополка о своей крайности. Съ одной стороны они боялись гнѣва его, съ другой неминуемаго голода [193]. Святополкъ отправилъ къ нимъ Воеводу Путяту, и велѣлъ ему соединиться въ Луцкѣ съ дружиною Святоши. Сей юный племянникъ Великаго Князя взялъ подъ стражу Давидовыхъ Пословъ, которыхъ онъ до того времени клятвенно увѣ- Междоусобія.

рялъ въ дружбѣ, обѣщаясь извѣстить ихъ Государя о первомъ движеніи Святополкова войска. Обманутый Давидъ безпечно отдыхалъ
Августа 5. въ полдень, когда Путята и Святоша напали на его станъ; въ то же время осажденные сдѣлали вылазку. Пробужденный шумомъ и крикомъ битвы, Давидъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и Владимірцы съ радостію приняли въ городъ свой Посадника Святополкова (194); но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро Путята вывелъ оттуда войско. Бонякъ, славный побѣдитель Венгровъ, вступился за Давида и возвратилъ ему область его, изгнавъ Святошу изъ Луцка и Посадника Кіевскаго изъ Владиміра.

Тогда Князья Россійскіе, взаимно огорчаемые своимъ несогласіемъ, вѣроломствомъ, малодушнымъ властолюбіемъ, вторично со-
Г. 1100. бралися близъ Кіева: Святополкъ, Мономахъ и Святославичи; заключили новый союзъ меж-
Іюня 30. Новый съѣздъ Князей. ду собою и звали Давида. Сей Князь Владимірскій не дерзнулъ ихъ ослушаться; но пріѣхавъ, гордо сказалъ: „Я здѣсь: чего отъ меня хотите? кто недоволенъ мною?“ . . *Не ты ли самъ* — отвѣтствовалъ ему Владиміръ — *желалъ общаго Княжескаго собранія, чтобы представить намъ свои неудовольствія? Теперь сидишь на одномъ коврѣ съ братьями: говори, кто и чѣмъ оскорбилъ тебя?* Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отъѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ своею дружиною. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ они снеслися между собою, и Послы ихъ торже-

ственно сказали ему: „Князь Давидъ! объяв„ляемъ волю нашихъ Государей [195]. Область „Владимірская уже не твоя отнынѣ: ибо ты „былъ причиною вражды и злодѣйства, неслы„ханнаго въ Россіи. Но живи спокойно; не „бойся мести. Бужскъ остается твоимъ го„родомъ: Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно „и Черторижскъ, Мономахъ 200 гривенъ, „Олегъ и братъ его тоже.“ Давидъ смирился, и Святополкъ чрезъ нѣкоторое время уступилъ ему Дорогобужъ Волынскій, отдавъ Владиміръ сыну своему, Ярославу. Соединенные Князья отправили также Пословъ къ Ростиславичамъ, требуя, чтобы они выдали плѣнниковъ, взятыхъ ими въ битвѣ съ коварнымъ Святополкомъ, и господствовали въ одномъ Перемышлѣ; чтобы Володарь взялъ къ себѣ несчастнаго Василька или прислалъ къ дядямъ, которые обязываются *кормить* его. Но Ростиславичи съ гордостію отвергнули сіе предложеніе, и великодушный слѣпецъ хотѣлъ умереть Теребовльскимъ Княземъ. Святополкъ, испытавъ храбрость ихъ, не смѣлъ уже воевать съ ними; но строго наказалъ своего роднаго племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя въ Брестѣ, вооружался и хотѣлъ завладѣть другими городами [196]. Великій Князь взялъ его подъ стражу и привезъ въ Кіевъ окованнаго цѣпями. Сія жестокость оскорбила чувствительность Митрополита и знаменитаго Духовенства: они испросили ему свободу; но сей несчастный, бѣжавъ изъ Кіева, попался

Усмиреніе Давида.

Г. 1101.

въ руки Владимірскому Князю, сыну Святополкову: снова былъ заключенъ, и чрезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ.

Раздѣленіе Государства, вообще ослабивъ его могущество, уменьшило и власть Князей. Народъ, видя ихъ междоусобіе и частое изгнаніе, не могъ имѣть къ нимъ того священнаго уваженія, которое необходимо для государственнаго блага. Читатель замѣтилъ уже многіе примѣры тогдашняго своевольства гражданъ: слѣдующее происшествіе еще яснѣе доказываетъ оное. Великій Князь и Мономахъ согласились отдать Новгородъ сыну перваго, а Мстиславу, въ замѣну сей области, Владиміръ. Исполняя волю отца, Мстиславъ явился во дворцѣ Кіевскомъ, сопровождаемый знатными Новогородцами и Боярами Мономаха. Когда Святополкъ посадилъ ихъ, Бояре говорили ему: „Мономахъ прислалъ къ тебѣ Мстислава, чтобы ты отправилъ его княжить въ Владиміръ, а сына своего въ Новгородъ." *Нѣтъ!* „сказали Послы Новогородскіе: *объявляемъ торжественно, что сего не будетъ. Святополкъ! ты самъ добровольно оставилъ насъ: теперь уже не хотимъ ни тебя, ни сына твоего. Пусть ѣдетъ въ Новгородъ, ежели у него двѣ головы! Мы сами воспитали Мстислава, даннаго намъ еще Всеволодомъ* (197). Великій Князь долго спорилъ съ ними; но, поставивъ на своемъ, они возвратились въ Новгородъ со Мстиславомъ.

Декабря 2. Строптивость Новогородцевъ.

Между тѣмъ вторый Княжескій съѣздъ былъ счастливѣе перваго, утвердивъ союзъ Святославичей съ Великимъ Княземъ и Мономахомъ.

Половцы, опасаясь слѣдствій онаго, именемъ всѣхъ Хановъ своихъ требовали мира, и заключивъ его въ городкѣ Саковѣ, взяли и дали аманатовъ. Сей миръ, какъ и прежніе, только отсрочилъ войну, необходимую по мнѣнію благоразумнаго Князя Владиміра. Въ слѣдующій годъ, весною, онъ и Святополкъ имѣли свиданіе близъ Кіева, на лугу, и сидя въ одномъ шатрѣ, совѣтовались съ Боярами [198]. Дружина Великаго Князя говорила, что весна не благопріятна для военныхъ дѣйствій; что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба. „Удивляюсь (отвѣтствовалъ Мономахъ), „что вы жалѣете коней болѣе отечества. „Мы дадимъ время пахать земледѣльцу; а По„ловчинъ застрѣлитъ его на самой нивѣ, въѣ„детъ въ село, плѣнитъ жену, дѣтей, и возь„метъ все имѣніе оратая.“ Бояре не могли оспоривать сего убѣдительнаго возраженія, и Великій Князь, вставъ съ мѣста, сказалъ: *я готовъ*! Владиміръ съ нѣжностію обнялъ брата, и говорилъ ему, что земля Русская назоветъ его своимъ благодѣтелемъ. Они старались возбудить такую же ревность и въ другихъ Князьяхъ, призывая ихъ смирить варваровъ или умереть Героями. Олегъ Святославичь отговорился болѣзнію; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкій, Всеславъ, знаменитый врагъ племени Ярославова, скончался въ 1101 году [199]: меньшій сынъ его, Давидъ, жертвуя наслѣдственною

Совѣтъ Князей.

злобою общему благу, прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ, также Игоревъ внукъ, Мстиславъ, коего отецъ неизвѣстенъ, и который, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Давидомъ Игоревичемъ, въ 1099 году осаждавъ Владиміръ, искалъ потомъ добычи или славы на морѣ (200). Великій Князь взялъ съ собою роднаго племянника, Вячеслава, а Мономахъ сына своего, Ярополка. Грозное ополченіе сухимъ путемъ и водою двинулось къ Югу. Флотъ остановился за Днѣпровскими порогами, у Хортицкаго острова: тамъ построилось войско, и четыре дни шло степями къ Востоку до мѣста называемаго *Сутень*. Встревоженные непріятели собирались многочисленными толпами къ вежамъ своихъ Хановъ, которые, видя опасность, совѣтовались между собою, что имъ дѣлать. Старшій изъ нихъ, именемъ Урособа, говорилъ товарищамъ, что надобно просить мира, и что Россіяне, долгое время терпѣвъ отъ Половцевъ, будутъ сражаться отчаянно. Ко славѣ соединенныхъ Князей, младшіе Ханы отвергнули сей благоразумный совѣтъ, съ гордостію отвѣтствуя: „Старецъ! ты боишься Россіянъ! но „мы положимъ дерзкихъ враговъ на мѣстѣ, и „возьмемъ всѣ беззащитные города ихъ.“

Счастливая война съ Половцами.

Въ то время, когда Половцы уже дѣлили въ мысляхъ своихъ добычу нашего стана, Россіяне готовились къ битвѣ молитвою и благочестивыми обѣтами; одни давали клятву, въ случаѣ побѣды, наградить убогихъ; другіе украсить церкви и монастыри вкладами. Успо-

жоенные теплою вѣрою, они шли съ бодростію и веселіемъ. Альтунопа, славнѣйшій изъ храбрецовъ Половецкихъ, былъ впереди на стражѣ: Россіяне, окруживъ его, совершенно истребили сей отрядъ непріятельскій. Началося главное сраженіе. Лѣтописецъ говоритъ, что многочисленные полки варваровъ казались на обширной степи дремучимъ, необозримымъ боромъ; но что Половцы, объятые тайнымъ ужасомъ, были какъ сонные, едва могли править своими конями, и смятые первымъ ударомъ нашихъ, бѣжали во всѣ стороны. Никогда еще Россійскіе Князья не одерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами. Урособа и 19 другихъ Хановъ пали въ сраженіи. Одного изъ нихъ, именемъ Бельдюза, привели къ Святополку: сей плѣнникъ хотѣлъ откупиться серебромъ, золотомъ и конями. Святополкъ велѣлъ отвести его ко Владиміру, который сказалъ ему: „Ты не училъ „дѣтей своихъ и товарищей бояться клятвопреступленія. Сколько разъ вы обѣщали „миръ и губили Христіанъ? *Да будетъ же „кровь твоя на главѣ твоей!*" Бельдюза разсѣкли на части. Побѣдители взяли въ добычу множество скота, вельблюдовъ, коней; освободили невольниковъ, и въ числѣ плѣнныхъ захватили Торковъ и Печенѣговъ, которые служили Половцамъ. Увѣнчанный славою Мономахъ, призывая Россіянъ къ торжеству и веселію, хвалилъ ихъ мужество, но всего болѣе славилъ Небо. „Сей день (говорилъ онъ) есть праздникъ для отечества.

„Всевышній избавилъ отъ враговъ землю Рус-„скую: они лежатъ у ногъ нашихъ! Сокру-„шены главы змія, и мы обогатилися достоя-„ніемъ невѣрныхъ.“ Въ надеждѣ, что Половцы не дерзнутъ уже безпокоить Россію, Святополкъ старался загладить слѣды ихъ прежнихъ опустошеній, и возобновилъ городъ Юрьевъ, ими сожженный, на берегу Роси.

Къ несчастію, сіи мирныя попеченія о гражданскомъ благосостояніи Государства не могли тогда имѣть успѣха: княженіе Святополка, отъ начала до конца, представляетъ цѣпь ратныхъ дѣйствій. Россія была станомъ воинскимъ, и звукъ оружія не давалъ успокоиться ея жителямъ.

Г. 1104, Марта 24. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими.

Ярославъ Святославичь, братъ Олеговъ и Давидовъ, былъ побѣжденъ Мордвою, въ Губерніи Тамбовской или Нижегородской, гдѣ сей народъ обиталъ издревле, въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами. — Слѣдуя примѣру отцевъ своихъ, Великій Князь и Мономахъ вооружились противъ наслѣдниковъ Всеславовыхъ, которые независимо господствовали въ Полоцкой области. Путята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ, сынъ Владиміровъ, ходили осаждать Глѣба Всеславича въ Минскѣ. Родный братъ Глѣбовъ, Давидъ, находился съ ними: вѣроятно, что онъ держалъ ихъ сторону. Но войско соединенное возвратилось безъ успѣха. — Всеславичи, избавленные отъ сей опасности, хотѣли покорить Семигалію. Несторъ называетъ ея жителей данниками Россіи [201]: быть можетъ,

что они прежде зависѣли отъ Князей Полоцкихъ и вздумали тогда отложиться. Кровопролитная битва утвердила ихъ свободу: Всеславичи, потерявъ 9000 воиновъ, едва могли спасти остатокъ своей рати. Г. 1106. Пораженіе Россіянъ въ Семигаліи.

Съ другой стороны Половцы новымъ грабительствомъ доказали Мономаху, что онъ еще не *сокрушилъ гидры*, и что не всѣ *главы* ея пали отъ меча Россійскаго. Уже варвары съ добычею и съ невольниками возвращались въ свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли ихъ за Сулою и выручили плѣнныхъ (202). Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Въ слѣдующій годъ отважный Бонякъ, захвативъ табуны Переяславскіе, приступилъ къ Лубнамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Вождемъ Половецкимъ, старымъ Шаруканомъ, и многими другими Ханами. Г. 1107. 7 Маія. Великій Князь, Олегъ, Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Мономахъ съ двумя сынами перешли за Сулу и съ грознымъ воплемъ устремились на варваровъ, которые не имѣли времени построиться, ни сѣсть на коней, и спасаясь бѣгствомъ, оставили весь обозъ свой въ добычу побѣдителю. 12 Августа. Россіяне, гнавъ ихъ до самаго Хороля, многихъ убили и взяли въ плѣнъ. — Сіи успѣхи не возгордили Олега и Мономаха, которые въ томъ же году женили сыновей своихъ на дочеряхъ Ханскихъ (203). 12 Генваря 1108 г. Омерзѣніе къ злобнымъ язычникамъ уступало Политикѣ и надеждѣ успокоить Государство хотя на малое время. — Миръ не продолжался ни двухъ лѣтъ: Россіяне уже въ 1109 и въ слѣдующемъ году воевали близъ Дона и брали вежи Поло-

вецкія. Наконецъ Мономахъ снова убѣдилъ Князей дѣйствовать соединенными силами, и
Г. 1111. въ то время, когда народъ говѣлъ, слушая въ храмахъ молитвы Великопостныя, воины собирались подъ знаменами. Достойно замѣчанія, что около сего времени были многія воздушныя явленія въ Россіи, и самое землетрясеніе; но благоразумные люди старались ободрять суевѣрныхъ, толкуя имъ, что необыкновенныя знаменія предвѣщаютъ иногда необыкновенное *счастіе* для Государства, или побѣду: ибо Россіяне не знали тогда инаго счастія. Самые мирные Иноки возбуждали Князей разить злобныхъ супостатовъ, вѣдая, что Богъ мира есть также и Богъ воинствъ, подвигнутыхъ любовію ко благу отечества [204]. Россіяне выступили 26 Февраля, и въ осьмый день стояли уже на Гольтвѣ, ожидая заднихъ отрядовъ. На берегахъ Ворсклы они торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть
Походъ знаменитый. великодушно; оставили многія рѣки за собою, и 19 Марта увидѣли Донъ. Тамъ воины облеклися въ брони [205], и стройными рядами двинулись къ Югу. Сей знаменитый походъ напоминаетъ Святославовъ, когда отважный внукъ Рюриковъ шелъ отъ береговъ Днѣпра сокрушить величіе Козарской Имперіи. Его смѣлые витязи ободряли, можетъ быть, другъ друга пѣснями войны и кровопролитія: Владиміровы и Святополковы со благоговѣніемъ внимали церковному пѣнію Іереевъ, коимъ Мономахъ велѣлъ итти предъ воинствомъ со крестами. Россіяне пощадили непріятельскій

городъ Осеневъ (ибо жители встрѣтили ихъ съ дарами: съ виномъ, медомъ и рыбою); другій, именемъ Сугровъ, былъ обращенъ въ пепелъ. Сіи города на берегу Дона существовали до самаго нашествія Татаръ и были, какъ вѣроятно, основаны Козарами: Половцы, завладѣвъ ихъ страною, и сами уже обитали въ домахъ. 24 Марта Князья разбили варваровъ, и праздновали Благовѣщеніе вмѣстѣ съ побѣдою; но чрезъ два дни свирѣпые враги окружили ихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россіянъ въ искусствѣ воинскомъ. Мономахъ сражался какъ истинный Герой, и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ сломилъ непріятеля. Лѣтописецъ говоритъ, что Ангелъ свыше каралъ Половцевъ, и что головы ихъ, *невидимою* рукою ссѣкаемыя, летѣли на землю: Богъ всегда *невидимо* помогаетъ храбрымъ. — Россіяне, довольные множествомъ плѣнныхъ, добычею, славою (которая, по увѣренію современниковъ, разнеслася отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до самаго Рима), возвратились въ отечество, уже не думая о своихъ древнихъ завоеваніяхъ на берегахъ Азовскаго моря, гдѣ Половцы безъ сомнѣнія тогда господствовали, овладѣвъ Воспорскимъ Царствомъ или Тмутороканскимъ Княженіемъ, коего имя съ сего времени исчезло въ нашихъ лѣтописяхъ [206]. Имя Тмутороканя исчезаетъ въ лѣтописяхъ.

Въ числѣ многихъ Князей, ходившихъ на Донъ съ Владиміромъ и Святополкомъ, былъ Г. 1112.

и Давидъ Игоревичь Дорогобужскій, памятный злодѣйствомъ: онъ скоро умеръ; область его наслѣдовалъ зять Мстислава Новогородскаго, Ярославъ Святополковичь, который ознаменовалъ свое мужество двукратною побѣдою надъ Ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества [207]. Сею войною заключились подвиги Россіянъ въ бурное княженіе Святополка, умершаго въ 1113 году. Онъ имѣлъ всѣ пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность, подозрительность, надменность въ счастіи и робость въ бѣдствіяхъ. При немъ унизилось достоинство Великаго Князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лѣтъ на престолѣ, даруя побѣды отечеству [208].

Апрѣля 16. Кончина Святополкова.

Святополкъ былъ набоженъ: готовясь къ войнѣ, къ путешествію, онъ всегда бралъ молитву у Печерскаго Игумена, надъ гробомъ Ѳеодосія, и тамъ же благодарилъ Всевышняго за всякую побѣду; украшалъ, строилъ церкви, — какъ то Михаила Златоверхаго въ Кіевѣ, гдѣ погребено тѣло сего Князя — и въ 1108 году велѣлъ Митрополиту вписать Ѳеодосіево имя въ Синодикъ, для поминовенія во всѣхъ Россійскихъ Епископіяхъ. Довольный наружностію благочестія, онъ явно преступалъ святые уставы нравственности, имѣя наложницъ и равняя побочныхъ дѣтей съ законными.

Святополкъ оставилъ супругу, которая, по его смерти, раздала великое богатство монастырямъ, Священникамъ и бѣднымъ (ибо онъ

собралъ множество золота, и притомъ всякими средствами: терпѣлъ Евреевъ въ Кіевѣ — вѣроятно, переѣхавшихъ къ намъ изъ Тавриды — и самъ не стыдился, къ утѣсненію народа, торговать солью, которую привозили купцы изъ Галича и Перемышля). — Сбыслава, дочь Великаго Князя, въ 1102 году сочеталась бракомъ съ Королемъ Польскимъ, Болеславомъ Кривоустымъ. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвинъ, Епископъ Краковскій, исходатайствовалъ разрѣшеніе отъ Папы: ибо Княжна Россійская была въ свойствѣ съ Королемъ. Брачное торжество совершилось въ Краковѣ: Болеславъ, въ изъявленіе своего удовольствія, щедро одарилъ Вельможъ Польскихъ. Онъ уважалъ тестя, и просилъ своего брата, мятежнаго Избыгнѣва, который, въ 1106 году пріѣхавъ въ Кіевъ, молилъ Великаго Князя быть посредникомъ между ими. Вторая дочь Святополкова, именемъ Передслава, въ 1104 вышла за Королевича Венгерскаго, сына Коломанова, Ладислава или Николая. Въ то же самое время — въ 1104 году — третья Княжна Россійская, дочь знаменитаго Володаря и племянница Василькова, была выдана за Царевича Греческаго, сына Алексіева, Андроника или Исаакія: первый убитъ на войнѣ въ цвѣтущей юности; второй былъ родоначальникомъ Императоровъ Трапезунтскихъ. — Коломанъ, Государь Венгерскій, уже престарѣлый женился въ 1112 году на дочери Мономаховой, Евфиміи; но сей бракъ

Евреи въ Кіевѣ.

Продажа соли.

Брачные союзы.

имѣлъ несчастныя слѣдствія. Подозрѣвая супругу въ невѣрности, Коломанъ развелся съ нею, и Евфимія беременная возвратилась въ отечество, гдѣ родила сына, Бориса (209).

Митрополиты. Въ княженіе Святополково Митрополитами были Греки Николай и Никифоръ: первый ѣздилъ Посломъ къ Мономаху отъ Кіевскихъ гражданъ въ 1098 году, и ходатайствовалъ за несчастнаго племянника Святополкова, Ярослава. При второмъ сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, названный за его благочестіе *Святошею,* отказался отъ міра, и заключился въ обители Печерской, уважая монашескія добродѣтели болѣе гражданскихъ. Князь Святоша. Сей Князь, бывъ сперва слугою иноковъ и вратаремъ, долгое время смирялъ плоть свою трудами и воздержаніемъ, безпрестанно работая въ кельѣ или въ саду, имъ разведенномъ; отдавалъ бѣднымъ все, что имѣлъ, и способствовалъ въ монастырѣ своемъ заведенію библіотеки. — Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще въ церковныхъ лѣтописяхъ прибытіемъ въ Новгородъ Св. Антонія Римскаго, ученаго мужа, которому тамошніе чиновники и Епископъ Никита дали, на берегу Волхова, мѣсто и село для основанія монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи (210).

Св. Антоній Римлянинъ.

Къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе Россійскаго Игумена Даніила къ Святымъ Мѣстамъ, уже завоеваннымъ тогда Крестоносцами. Славный Бальдвинъ царствовалъ въ

Путешествіе Даніила.

Iерусалимѣ: Даніилъ въ своихъ запискахъ хвалитъ его добродѣтели, привѣтливость, смиреніе. Подъ защитою Королевской дружины сей Игуменъ ходилъ къ Дамаску, въ Акру, и могъ безопасно осмотрѣть всю Палестину, гдѣ еще скитались толпы невѣрныхъ и грабили Христіанъ. Онъ выпросилъ дозволеніе у Бальдвина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ обители Св. Саввы, для поминанія на ектеніяхъ, имена Князей Россійскихъ: Святополка-Михаила, Владиміра-Василія, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратія и Глѣба Минскаго. Достойно замѣчанія, что многіе знатные Кіевляне и Новогородцы находились тогда въ Іерусалимѣ [211]. Алексій Комнинъ безъ сомнѣнія приглашалъ и Россіянъ дѣйствовать противъ общихъ враговъ Христіанства; отечество наше имѣло собственныхъ: но вѣроятно, что сіе обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ витязямъ Россійскимъ искать опасностей и славы подъ знаменами Крестоваго воинства. Впрочемъ быть можетъ, что одно Христіанское усердіе и желаніе поклониться гробу Іисусову приводило ихъ въ Палестину: ибо мы знаемъ по инымъ современнымъ и не менѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что Россіяне въ XI вѣкѣ часто давали Небу обѣтъ видѣть ея мѣста святыя [212]. Россіяне въ Іерусалимѣ.

Описаніе временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ Князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ Конецъ Несторовой лѣтописи.

Старецъ Янъ. 1106 году о смерти *добраго* девяносто-лѣтняго *старца* Яня, славнаго Воеводы, жизнію подобнаго древнимъ Христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго творенія (213). Отселѣ путеводителями нашими будутъ другіе, также современные Лѣтописцы.

ГЛАВА VII.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛІЕМЪ.

Г. 1113 — 1125.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ мятежъ. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичь Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плѣнъ Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣсскаго. Гида, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора.

г. 1113. По смерти Святополка-Михаила граждане Кіевскіе, опредѣливъ въ торжественномъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ Князей Россійскихъ долженъ быть Великимъ Княземъ, отправили Пословъ къ Мономаху и звали его властвовать въ столицѣ. Добродушный Владиміръ давно уже забылъ несправедливость и

вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кончину, и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему чести. Вѣроятно, что онъ боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи дѣтьми старшаго Ярославова сына, по тогдашнему обыкновенію долженствовали наслѣдовать престолъ Великокняжескій. Сей отказъ имѣлъ несчастныя слѣдствія: Кіевляне не хотѣли слышать о другомъ Государѣ; а мятежники, пользуясь безначаліемъ, ограбили домъ Тысячскаго, именемъ Путяты, и всѣхъ Жидовъ, бывшихъ въ столицѣ подъ особеннымъ покровительствомъ корыстолюбиваго Святополка [214]. Спокойные граждане, приведенные въ ужасъ такимъ безпорядкомъ, вторично звали Мономаха. „Спаси насъ" — говорили ихъ Послы — „отъ „неистовства черни; спаси отъ грабителей „домъ печальной супруги Святополковой, соб„ственные наши домы и святыню монасты„рей." Владиміръ пріѣхалъ въ столицу: народъ изъявилъ необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя великодушнаго на главномъ престолѣ Россійскомъ.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ.

Апрѣля 20.

Мономахъ усмиряетъ мятежъ.

Даже и Святославичи не противились общему желанію; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удѣльными и жили съ нимъ въ согласіи до самой ихъ кончины. Они счастливѣе отцевъ своихъ торжествовали вмѣстѣ пренесеніе мощей Св. Бориса и Глѣба изъ ветхой церкви въ новый каменный храмъ Вышегородскій: симъ дѣйствіемъ Владиміръ изъявилъ, въ началѣ своего правленія, не толь-

Г. 1115, Мая 2. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба.

ко набожность, но и любовь къ отечеству: ибо древняя Россія признавала оныхъ Мучениковъ главными ея небесными заступниками, ужасомъ враговъ и подпорою нашихъ воинствъ. Еще будучи Княземъ Переяславскимъ, онъ украсилъ серебряную раку Святыхъ золотомъ, хрусталемъ и рѣзьбою столь хитрою, какъ говоритъ Лѣтописецъ, что Греки дивились ея богатству и художеству. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышегородѣ Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и стѣнахъ городскихъ; всякой хотѣлъ прикоснуться къ святому праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для Клироса, велѣлъ бросать народу ткани, одежды, драгоцѣнныя шкуры звѣрей, сребреники (215). Олегъ далъ роскошный пиръ Князьямъ; три дни угощали бѣдныхъ и странниковъ. — Сіе торжество, и церковное и государственное, изображая духъ времени, достойно замѣчанія въ Исторіи.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями человѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго. Причиною Кіевскаго мятежа было, кажется, лихоимство Евреевъ; вѣроятно, что они, пользуясь тогдашнею рѣдкостію денегъ, угнетали должниковъ неумѣренными ростами. Мономахъ, желая облегчить судьбу недостаточныхъ людей, собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ своемъ знатнѣйшихъ Бояръ и Тысячскихъ: Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогород-

скаго, Станислава Переяславскаго, Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Іоанна Чудиновича; разсуждалъ, совѣтовался съ ними, и наконецъ опредѣлилъ, что заимодавецъ, взявъ три раза съ одного должника такъ называемые *третные росты*, лишается уже истинныхъ своихъ денегъ или капитала: ибо какъ ни велики были тогдашніе годовые росты, но мѣсячные и третные еще превышали ихъ (216) — и Мономахъ включилъ сей законъ въ Уставъ Ярославовъ.

Законъ о ростахъ.

Сей Государь щадилъ кровь людей; но зналъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Сынъ его Мстиславъ, два раза побѣдивъ Чудь, завладѣлъ городомъ Оденпе, или *Медвѣжьею головою* въ Ливоніи (217). Призванный отцемъ княжить въ Бѣлѣгородѣ, онъ поручилъ Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовалъ воинскій духъ свой счастливымъ, но многотруднымъ походомъ въ Финляндію. Худый зимній путь (ибо весна уже наступала) и бѣдность земли угрожали Россіянамъ голодною смертію; недостатокъ былъ такъ великъ, что они за каждый хлѣбъ платили ногату. — Меньшій братъ Мстиславовъ, Георгій, княжившій въ Суздалѣ, ходилъ Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Болгаровъ, побѣдилъ ихъ и возвратился съ добычею. Третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Суг-

Г. 1116—1123. Побѣда въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону.

ровъ; плѣнилъ множество Ясовъ, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на коей онъ женился. Около сего же времени Владиміръ выгналъ изъ Россіи Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ, новыхъ пришельцевъ: утѣсняемые Половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но, любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожъ многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* или *Черкасовъ*, и служили Россіянамъ (218). — Лѣтопись Владимірова времени упоминаетъ еще о Бѣловежцахъ, охотно принятыхъ Великимъ Княземъ. Сіи обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости Козарской на берегахъ Дона, взятой мужественнымъ Святославомъ I, спасаясь отъ свирѣпости Половцевъ, основали новый городъ въ верховьѣ рѣки Остера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлою Вежею, коея извѣстныя развалины (во 120 верстахъ отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились *каменныя* стѣны, башни, горота и другія зданія. Козары, наученные Греками, строили лучше нашихъ предковъ (219).

Черные Клобуки. Бѣловежцы.

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокѣ и Западѣ, что имя его, по выраженію Лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владиміръ ужасалъ и Греческую Имперію. Они разсказываютъ, что Великій Князь, вспомнивъ знаме-

Дѣла съ Греками.

нитныя побѣды, одержанныя его предками надъ Греками, со многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адріанополю и завоевалъ Ѳракію; что устрашенный Алексій Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ сіи дары Великому Князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ Кіевскомъ Соборномъ храмѣ Императорскимъ вѣнцемъ и возгласилъ *Царемъ* Россійскимъ (220). Въ Оружейной Московской Палатѣ хранятся такъ называемая *Мономахова златая шапка* или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древнія бармы, коими украшаются Самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которыя дѣйствительно могли быть даромъ Императора Алексія. Мы знаемъ, что и въ X Вѣкѣ Государи Россійскіе часто требовали Царской утвари отъ Византійскихъ Императоровъ (221); знаемъ также, что Великіе Князья Московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Греціи (какъ то свидѣтельствуютъ надписи оныхъ и самая работа). Но завоеваніе Ѳракіи кажется сомнительнымъ, и въ *древнихъ* лѣтописяхъ находятся только слѣдующія извѣстія о дѣлахъ Владиміра въ отношеніи къ Грекамъ.

Мономахова шапка.

„Въ 1116 году *супругъ Мономаховой дочери Маріи, Царевичъ Леонъ,* сынъ бывшаго Импе-

Царевичъ Леонъ.

ратора Діогена, собравъ войско на берегахъ Чернаго моря, вступилъ въ сѣверныя области Имперіи и завладѣлъ городами Дунайскими; но Царь Алексій подослалъ къ нему въ Доростолъ двухъ Аравитянъ, которые злодѣйски умертвили его (Августа 15). Тогда Владиміръ, желая или отмстить за убійство зятя, или сохранить для юнаго сына Маріи, именемъ Василія, взятые Леономъ города, послалъ на Дунай Воеводу, Іоанна Войтишича, и сына своего, Вячеслава, съ другимъ Бояриномъ Ѳомою Ратиборовичемъ; первый дѣйствительно занялъ нѣкоторые изъ оныхъ, а Вячеславъ долженствовалъ безъ успѣха отступить отъ Доростола (222). Вопреки сему сказанію, Анна Комнина въ Исторіи отца ея, славнаго Императора Алексія, увѣряетъ, что Леонъ, сынъ Діогеновъ, погибъ въ сраженіи съ Турками близъ Антіохіи. „Чрезъ нѣкоторое время, пишетъ Анна, явился въ Имперіи обманщикъ, принявшій на себя его имя. Сосланный за то въ Херсонъ, онъ былъ освобожденъ Половцами, и предводительствуя ихъ толпами, шелъ во Ѳракію; но взятый въ плѣнъ Греками, испыталъ, что дерзость не остается безъ наказанія: ему выкололи глаза" (въ 1096 году). Сего несчастнаго и другіе Византійскіе Лѣтописцы именуютъ самозванцемъ; но зять Мономаховъ, убитый въ Доростолѣ, былъ конечно истиннымъ Діогеновымъ сыномъ: ибо Владиміръ, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Дворомъ Константинопольскимъ, не могъ, кажется, дать себя въ

обманъ лжецу-бродягѣ.—Вдовствующая супруга Леонова, Марія, скончалась Монахинею въ Россіи, гдѣ сынъ ея, Василій, усердно служилъ Великимъ Князьямъ; а города Дунайскіе были скоро возвращены Имперіи, или силою оружія, или въ слѣдствіе мирныхъ договоровъ.

Г. 1116—1123.

Владиміръ, одолѣвая внѣшнихъ непріятелей, также счастливо смирялъ и внутреннихъ. Князь Минскій, Глѣбъ, не хотѣлъ ему повиноваться, сжегъ городъ Слуцкъ, захватывалъ людей между Припетью и Двиною: за то сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, опустошилъ Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городокъ, имъ для нихъ основанный. Самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и съ Ольговичами, взялъ городъ Вячеславль, Оршу, Копысъ; осаждалъ Минскъ; смирилъ Глѣба, и вновь имъ оскорбленный, привелъ его какъ плѣнника въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался (223). — Безпокойные Новогородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнѣвъ Мономаха, который, призвавъ всѣхъ тамошнихъ Бояръ въ Кіевъ, велѣлъ имъ торжественно присягнуть въ вѣрности, удержалъ нѣкоторыхъ у себя, а другихъ заточилъ: Правые, или не столь виновные, возвратились домой, узнавъ опытомъ, что самый человѣколюбивый, но мудрый Государь не оставляетъ дерзкихъ ослушниковъ безъ наказанія (224). Уже нѣсколько времени Посадники Новогородскіе были, кажется, избираемы изъ тамошнихъ граждань;

Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ.

но Владиміръ, опасаясь ихъ мятежнаго духа, далъ сей санъ Кіевскому Вельможѣ Борису.

Сынъ Святополковъ, Ярославъ или Ярославецъ, Князь Владимірскій, ненавидѣлъ жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ея дѣда: Мономахъ выступилъ съ войскомъ, соединился съ Ростиславичами, Князьями юго-западной Россіи, около двухъ мѣсяцевъ держалъ городъ Владиміръ въ осадѣ, и принудилъ Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянникъ снова оскорбилъ дядю, съ презрѣніемъ удаливъ отъ себя нелюбимую супругу, и бѣжалъ въ Польшу. Никто изъ Бояръ не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и Великій Князь отдалъ Владимірскій Удѣлъ сыну своему, Роману, Володареву зятю, который въ томъ же году умеръ. Мономахъ послалъ на его мѣсто другаго сына, Андрея (женатаго на внукѣ Половецкаго Князя, Тугоркана) и велѣлъ ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустаго, зная, что сей Король, свойственникъ изгнаннаго Князя Владимірскаго, ожидаетъ только удобнаго случая для объявленія войны Россіянамъ. Андрей опустошилъ сосѣдственныя владѣнія Королевскія и возвратился съ добычею. Ляхи, предводительствуемые Ярославомъ, хотѣли взять Червенъ; но съ великимъ урономъ были отражены тамошнимъ Намѣстникомъ, Ѳомою Ратиборовичемъ. Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ Государю Венгерскому, Стефану, который, желая отмстить Россіянамъ за отца своего, побѣжденнаго ими на берегахъ Сана, вступилъ въ об-

Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго.

ласть Владимірскую, вмѣстѣ съ Богемцами и Поляками. Великій Князь, не имѣвъ времени собрать войско, съ малою дружиною отправилъ Мстислава къ городу Владиміру, гдѣ юный Андрей, осажденный многочисленными непріятелями, не терялъ бодрости. Уже надменный Ярославъ, подъѣхавъ къ стѣнамъ, грозилъ сыну Мономахову и народу страшною местію въ случаѣ сопротивленія; осматривалъ крѣпость и въ умѣ своемъ назначалъ мѣста для приступа, отложеннаго только до слѣдующаго дня. Въ одну минуту все перемѣнилось. Два человѣка вышли тайно изъ крѣпости, засѣли на пути, между непріятельскимъ станомъ и городомъ, и копьями произили неосторожнаго Ярослава, когда онъ самтретей возвращался къ союзному войску (225). Несчастный умеръ въ ту же ночь; а союзники, изумленные его бѣдствіемъ, спѣшили заключить миръ съ Великимъ Княземъ. Лѣтописецъ Венгерскій повѣствуетъ, что Стефанъ, огорченный смертію Ярослава, клялся взять крѣпость или умереть; но что Воеводы его не хотѣли ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили Короля возвратиться въ Венгрію (226).

Г. 1123. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи.

Ихъ неудача.

Въ станѣ Владиміровыхъ непріятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: какимъ образомъ сіи два брата, славные благородствомъ и великодушіемъ, могли присоединиться ко врагамъ Россіи? Въ древнѣйшихъ Лѣтописцахъ Польскихъ находимъ объясненіе. Мужественный

Володарь, ужасъ и бичь сосѣдственныхъ Ляховъ, не умѣлъ защитить себя отъ ихъ коварства. Они подослали къ нему одного хитраго Вельможу, именемъ Петра, который вступилъ въ его службу, притворно изъявлялъ ненависть къ Болеславу, вкрался въ довѣренность къ добродушному Князю Перемышльскому, ѣздилъ съ нимъ на охоту, и въ лѣсу, съ помощію своихъ людей, внезапно схвативъ безоружнаго Володаря, увезъ его связаннаго къ себѣ въ замокъ (227): что случилось не задолго до осады Владиміра. Братъ и сынъ выкупили знаменитаго плѣнника изъ неволи, отправивъ въ Польшу, на возахъ и вельблюдахъ, множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ одеждъ и сосудовъ. Сверхъ того Ростиславичи обязались жить въ союзѣ съ Болеславомъ, и находились, кажется, въ его станѣ, подъ Владиміромъ, единственно для заключенія сего договора, или желая быть посредниками между изгнанникомъ Ярославомъ и Великимъ Княземъ.

Плѣнъ Володаря.

Завоеваніемъ Минска и пріобрѣтеніемъ Владиміра Мономахъ утвердилъ свое могущество внутри Государства, но не думалъ перемѣнить системы наслѣдственныхъ Удѣловъ, столь противной благу и спокойствію отечества. Долговременное обыкновеніе казалось тогда уже закономъ; или Владиміръ боялся отчаяннаго сопротивленія Князей Черниговскихъ, Полоцкихъ и Ростиславичей, которые не уступили бы ему правъ своихъ безъ страшнаго кровопролитія. Онъ не имѣлъ

дерзкой рѣшительности тѣхъ людей, кои жертвуютъ благомъ современниковъ невѣрному счастію потомства; хотѣлъ быть *первымъ*, а не *единственнымъ* Княземъ Россійскимъ, покровителемъ Россіи и Главою частныхъ Владѣтелей, а не Государемъ Самодержавнымъ. Справедливость вооружила его противъ хищника Глѣба и Князя Владимірскаго (ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахово разводомъ съ дочерью Мстислава и звалъ иноплеменниковъ грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законнаго достоянія у Князей спокойныхъ. — По кончинѣ гордаго Олега и кроткаго Давида, вообще уважаемаго за его правдивость, меньшій ихъ братъ, Ярославъ, мирно княжилъ въ области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимірко, Ростиславъ, и Васильковичи, Григорій съ Іоанномъ, наслѣдовали Перемышль, Звенигородъ, Теребовль и другія мѣста въ юго-западной Россіи, когда въ 1124 году умерли отцы ихъ, оставивъ навсегда въ Россіи память своихъ счастливыхъ дѣлъ воинскихъ, вѣрности въ обѣтахъ и любви къ отечественной славѣ (228).

Смерть трехъ Князей знаменитыхъ.

Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, *славный побѣдами за Русскую землю* и *благими нравами*, какъ говорятъ древніе Лѣтописцы. Уже въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто орошенное святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви имъ созданной, на

Г. 1125. Маія 19. Кончина Мономаха.

берегу Альты, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной Вѣры. Горестныя дѣти и Вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ, и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ, и слезы обыкновенно текли изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за отечество и народъ, ему любезный (229). Не менѣе хвалятъ Лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкій сынъ *никогда и ни въ чемъ не ослушался*), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами.* Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу *поученіе,* имъ самимъ написанное для сыновей. Къ счастію, сей остатокъ древности сохранился въ одной харатейной лѣтописи, и достоинъ занять мѣсто въ Исторіи (230).

Свойства его.

Поученіе.

Великій Князь говоритъ въ началѣ, что дѣдъ его, Ярославъ, далъ ему Русское имя Владиміра и Христіанское Василія, а отецъ и мать прозваніе *Мономаха* или *Единоборца:* для того ли, что Владиміръ дѣйствительно былъ по матери внукъ Греческаго Царя Константина Мономаха, или въ самой первой юности изъявлялъ особенную доблесть воинскую? — „Приближаясь ко гробу“ — пишетъ онъ — „благодарю Всевышняго за умноженіе

,,дней моихъ: Рука Его довела меня до старости маститой. А вы, дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила, въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: *старецъ уже ослабѣлъ разумомъ!*"

,,Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла Его!" Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большой части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ:

,,О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не Монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно Христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виновнаго: жизнь и душа Христіанина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Братья сказали мнѣ: *изгонимъ Ростиславичей и возьмемъ ихъ область, или ты намъ не союзникъ!* Но я отвѣтствовалъ: *не могу забыть крестнаго цѣлованія* (231); развернулъ Псалтирь и читалъ съ умиленіемъ:

,,*вскую печальна еси, душе моя? Уповай на ,,Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукав- ,,нующимъ, ниже завиди творящимъ безза- ,,коніе.* — Не оставляйте больныхъ; не стра- ,,шитесь видѣть мертвыхъ: ибо всѣ умремъ; ,,принимайте съ любовію благословеніе Духов- ,,ныхъ; не удаляйтесь отъ нихъ; творите ,,имъ добро, да молятся за васъ Всевышне- ,,му. — Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни ,,въ сердцѣ, и думайте: *мы тлѣнны; нынѣ ,,живы, а завтра во гробѣ.* — Бойтесь вся- ,,кой лжи, піянства и любострастія, равно ,,гибельнаго для тѣла и души. — Чтите ста- ,,рыхъ людей какъ отцевъ, любите юныхъ ,,какъ братьевъ. — Въ хозяйствѣ сами при- ,,лѣжно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на ,,Отроковъ и Тіуновъ, да гости не осудятъ ,,ни дому, ни обѣда вашего. — На войнѣ будь- ,,те дѣятельны; служите примѣромъ для Вое- ,,водъ. Не время тогда думать о пиршествахъ ,,и нѣгѣ. Разставивъ ночную стражу, от- ,,дохните. Человѣкъ погибаетъ внезапу: для ,,того не слагайте съ себя оружія, гдѣ мо- ,,жетъ встрѣтиться опасность, и рано са- ,,дитесь на коней [232]. — Путешествуя въ ,,своихъ областяхъ, не давайте жителей въ ,,обиду Княжескимъ Отрокамъ; а гдѣ оста- ,,новитесь, напойте, накормите хозяина. ,,Всего же болѣе чтите гостя, и знамени- ,,таго и простаго, и купца и Посла; если ,,не можете одарить его, то хотя брашномъ ,,и питіемъ удовольствуйте: ибо гости рас- ,,пускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и ху-

„дую объ насъ славу. — Привѣтствуйте вся„каго человѣка, когда идете мимо. — Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти „надъ собою. — Все хорошее, узнавъ, вы дол„ны помнить: чего не знаете, тому учи„тесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ *пятью* „*языками* (233): за что хвалятъ насъ чуже„странцы. Лѣность мать пороковъ: береги„тесь ее. Человѣкъ долженъ всегда занимать„ся: въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто „суетныхъ мыслей читайте наизусть молит„вы, или повторяйте хотя самую краткую, „но лучшую: *Господи помилуй!* Не засыпай„те никогда безъ земнаго поклона; а когда „чувствуете себя нездоровыми, то поклони„тесь въ землю три раза. Да не застанетъ „васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ цер„ковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ „дѣлалъ отецъ мой; такъ дѣлали всѣ добрые „мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они сла„вили Господа съ радостію и говорили: *про„свѣти очи мои Христе Боже, и далъ ми еси „свѣтъ твой красный.* Потомъ садились ду„мать съ дружиною, или судить народъ, или „ѣздили на охоту; а въ полдень спали: ибо „не только человѣку, но и звѣрямъ и пти„цамъ Богъ присудилъ отдыхать въ часъ по„луденный. — Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ „дѣлалъ все, что могъ бы велѣть Отроку: „на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной „лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя; не „надѣялся па Посадниковъ и Бирючей; не да„валъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ;

„самъ назиралъ церковь и Божественное слу-
„женіе, домашній распорядокъ, конюшню, охо-
„ту, ястребовъ и соколовъ." — Исчисливъ
свои дѣла воинскія, уже извѣстныя Читате-
лю [234], Владиміръ пишетъ далѣе: „Всѣхъ по-
„ходовъ моихъ было 83; а другихъ маловаж-
„ныхъ не упомню. Я заключилъ съ Половца-
„ми 19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ
„болѣе ста лучшихъ ихъ Князей и выпустилъ
„изъ неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и
„потопилъ въ рѣкахъ [235]. — Кто путеше-
„ствовалъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ
„Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ у родителя
„прежде Вечеренъ. — Любя охоту, мы часто
„ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими ру-
„ками въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ ко-
„ней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ
„металъ меня на рогахъ, олень бодалъ, лось
„топтала ногами; вепрь сорвалъ мечь съ бед-
„ры моей, медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый
„звѣрь однажды бросился и низвергнулъ коня
„подо мною. Сколько разъ я падалъ съ лоша-
„ди! Дважды разбилъ себѣ голову, повреждалъ
„руки и ноги, не блюдя жизни въ юности,
„и не щадя головы своей. Но Господь хра-
„нилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь
„смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ; но
„являйтесь мужами во всякомъ случаѣ, послан-
„номъ отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ
„кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ,
„ни мать, ни братья. Храненіе Божіе надеж-
„нѣе человѣческаго."

Безъ сего завѣщанія (236), столь умно писаннаго, мы не знали бы всей прекрасной души Владиміра, который не сокрушилъ чуждыхъ Государствъ, но былъ защитою, славою, утѣшеніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на любовь потомства: ибо онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился нарушить Права Народнаго и вѣроломнымъ образомъ умертвить Князей Половецкихъ, то можемъ отнести къ нему слова Цицероновы: *вѣкъ извиняетъ человѣка* (237). Считая Половцевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они жгли церкви), Россіяне думали, что истреблять ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть богоугодное дѣло.

Къ сожалѣнію, древніе Лѣтописцы наши, разсказывая подробно воинскія и церковныя дѣла, едва упоминаютъ о государственныхъ или гражданскихъ, коими Владиміръ украсилъ свое правленіе. Знаемъ только, что онъ, желая доставить народу всѣ возможныя удобности, сдѣлалъ на Днѣпрѣ мостъ; часто ѣздилъ въ Ростовскую и Суздальскую землю, наслѣдственную область Всеволодова Дому, для хозяйственныхъ распоряженій; выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязмы, основалъ городъ, назвалъ его *Владиміромъ Залѣсскимъ*, окружилъ валомъ и построилъ тамъ церковь Св. Спаса. Сынъ его, Мстиславъ, распространилъ въ 1114 году укрѣпленія Новогородскія.

Основаніе Владиміра Залѣсскаго.

а Посадникъ, именемъ Павелъ, заложилъ каменную стѣну въ Ладогѣ [238].

Во время Мономахова княженія, довольно спокойное и мирное въ сравненіи съ другими, были нѣкоторыя бѣдствія: рѣдкая засуха въ 1124 году и сильный въ Кіевѣ пожаръ, который продолжался два дни, обративъ въ пепелъ большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*. Народъ съ ужасомъ видѣлъ еще одно совершенное затмѣніе солнца и звѣзды на небѣ въ самый полдень. Въ южной Россіи случились два землетрясенія, а въ сѣверной страшная буря, которая срывала домы и потопила множество скота въ Волховѣ [239].

Бѣдствія.

Мономахъ оставилъ пять сыновей и супругу третьяго брака. Нѣтъ сомнѣнія, что *первою* была Гида, дочь Англійскаго Короля Гаральда, о коей мы упоминали [240], и которая, по извѣстію древняго Историка Датскаго, около 1070 году вышла за нашего Князя, именемъ Владиміра. Норвежскіе Лѣтописцы сказываютъ, что сынъ Гиды и сего Князя женился на Христинѣ, дочери Шведскаго Короля, Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владиміровича дѣйствительно называлась Христиною [241]. Ея дочери, внуки Мономаховы, вступили въ знаменитые брачные союзы: *одна* съ Норвежскимъ Королемъ, Сигурдомъ, а послѣ съ Датскимъ Эрикомъ Эдмундомъ; *вторая* съ Канутомъ Святымъ, Королемъ Оботритскимъ, отцемъ *Вальдемара*, славнаго Государя Датскаго, названнаго симъ

Гида супруга Мономахова: ея дѣти.

именемъ, можетъ быть, въ честь его великаго прадѣда, *Владиміра* Мономаха; *третія* съ Греческимъ Царевичемъ: думаю, сыномъ Императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по Византійскимъ лѣтописямъ (242).

Въ годъ сего бракосочетанія (1120) пріѣхалъ изъ Константинополя въ Россію Митрополитъ Никита и заступилъ мѣсто умершаго Никифора, мужа знаменитаго свѣдѣніями и краснорѣчіемъ: чего памятникомъ остались два письма его къ Мономаху: первое о *раздѣленіи Церквей*, Восточной и Западной; второе о *постѣ*, особенно любопытное, ибо оно содержитъ въ себѣ не только богословскія, но и философическія умствованія, заключаемыя хвалою добродѣтелей Мономаховыхъ (243). *Разумъ*" — пишетъ Никифоръ — „*разумъ есть свѣтлое око души, обитающей* „*во главѣ.* Какъ ты, Государь мудрый, сидя „на престолѣ, чрезъ Воеводъ своихъ управляешь народомъ, такъ душа посредствомъ „пяти чувствъ правитъ тѣломъ. Не имѣю „нужды во многорѣчіи: ибо умъ твой летаетъ „быстро, постигая смыслъ каждаго слова. Могу ли предписывать тебѣ законы для умѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, „когда ты, сынъ Княжеской и Царской (Греческой) крови, Властитель земли сильныя, „не знаешь дому, всегда въ трудахъ и путешествіяхъ, спишь на голой землѣ, единственно для важныхъ дѣлъ государственныхъ вступаешь во дворецъ свѣтлый, и снимая съ се-

Сочиненіе Митрополита Никифора.

,,бя любимую одежду простую, надѣваешь Властительскую; когда, угощая другихъ обѣдами ,,Княжескими, самъ только смотришь на ,,яства роскошныя?..... Восхвалю ли тебѣ и ,,другія добродѣтели? Восхвалю ли щедрость, ,,когда десница твоя ко всѣмъ простерта; ,,когда ты ни сребра, ни злата не таишь, ,,не считаешь въ казнѣ своей, но обѣими руками раздаешь ихъ, хотя оскудѣть не можешь, ибо благодать Божія съ тобою?..... ,,Скажу единое: какъ душа обязана испытывать или повѣрять дѣйствія чувствъ, зрѣнія, слуха, ея всегдашнихъ орудій, дабы не ,,обмануться въ своихъ заключеніяхъ: такъ и ,,Государь долженъ повѣрять донесенія Вельможъ. Вспомни, кто изгнанъ, кто наказанъ ,,тобою: не клевета ли погубила сихъ несчастныхъ?.... Князь любезный! да не оскорбитъ ,,тебя искренняя рѣчь моя! Не думай, чтобы я слышалъ жалобу осужденныхъ и за нихъ ,,вступался; нѣтъ, пишу единственно на воспоминаніе тебѣ: ибо власть великая требуетъ и великаго отчета; а мы начинаемъ ,,теперь постъ, время душеспасительныхъ размышленій, когда Пастыри церковные должны ,,и Князьямъ смѣло говорить истину. Вѣдаю, ,,что мы сами, можетъ быть, въ зломъ недугѣ; но Слово Божіе въ насъ здраво и цѣло: ,,ежели оно полезно, то надобно ли входить ,,въ дальнѣйшее изслѣдованіе? Человѣкъ въ лицѣ, Богъ въ сердцѣ," и проч. — Такимъ образомъ древніе учители нашей Церкви бесѣдовали съ Государями, соединяя усердную

хвалу съ наставленіемъ Христіанскимъ. Слогъ сихъ писемъ ознаменованъ печатію вѣка: грубъ, однакожъ довольно ясенъ, и многія выраженія сильны.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ.

Г. 1125 — 1132.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота.

Мстиславъ Владиміровичь наслѣдовалъ достоинство Великаго Князя. Братья его господствовали въ Удѣлахъ: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ Владимірѣ, Георгій въ Суздалѣ; а сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, въ Курскѣ и Смоленскѣ. — Новый Государь, уже давно извѣстный мужествомъ и великодушіемъ, явилъ добродѣтели отца своего на престолѣ Россіи: имѣлъ ту же ревностную любовь къ общему благу, ту же твердость, соединенную въ немъ, подобно какъ и въ Мономахѣ, съ нѣжною чувствительностію души (244). Г. 1125.

Княженіе его, къ несчастію кратковременное, прославилось разными успѣхами воинскими, которыми онъ желалъ единствен-

но успокоить Государство и возстановить древнее величіе онаго.

Набѣгъ Половцевъ.

Половцы, свѣдавъ о кончинѣ Мономаха, думали, что Россія осиротѣла и будетъ снова жертвою ихъ грабительства. Они хотѣли соединиться съ Торками, кочевавшими близъ Переяславля; но Ярополкъ Владиміровичь, тамошній Князь, узналъ о семъ намѣреніи: велѣлъ Торкамъ въѣхать въ городъ, и самъ, не имѣвъ терпѣнія дождаться помощи отъ своихъ братьевъ, съ одною Переяславскою дружиною ударилъ на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потопилъ въ рѣкахъ.

Г. 1127.

Изгнаніе Ярослава Черниговскаго.

Мстиславъ, объявивъ себя покровителемъ утѣсненныхъ Князей, долженъ былъ обнажить мечь на Всеволода Ольговича, который выгналъ изъ Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвилъ его Бояръ вѣрныхъ, разграбилъ ихъ домы. Мстиславъ клялся изгнанному Князю наказать сего мятежнаго сына Олегова, и собралъ войско. Слѣдуя несчастному примѣру отца, Всеволодъ заключилъ союзъ съ Половцами: варвары, въ числѣ семи тысячь, спѣшили къ границамъ Россіи, давъ вѣсть о томъ Черниговскому хищнику; но Послы ихъ не могли уже возвратиться и были схвачены, въ окрестностяхъ рѣки Сейма, Посадниками Ярополка (245). Ожидавъ долгое время отвѣта и боясь измѣны, Половцы ушли наконецъ восвояси. Тогда Всеволодъ прибѣгнулъ къ смиренію; молилъ Великаго Князя забыть вину его, и между тѣмъ осыпалъ дарами Вельможъ Кіевскихъ. Мстиславъ еще не колебался, одна-

кожѣ медлилъ, и несчастный дядя самъ пріѣхалъ изъ Мурома, чтобы напомнить ему священный обѣтъ мести. Бояре, не ослѣпленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорій, Игуменъ Андреевской Обители, любимецъ покойнаго Мономаха и весьма уважаемый Великимъ Княземъ, говорилъ, что миролюбіе есть должность Христіанская. Митрополитъ Никита уже скончался (246), и Церковь Россійская не имѣла Главы: сей Игуменъ склонилъ на свою сторону всѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые торжественно сказали Мстиславу. „Государь! „лучше преступить клятву, нежели убивать „Христіанъ. Не бойся грѣха: мы беремъ его „на свою душу.“ Убѣжденный ими, Великій Князь примирился со Всеволодомъ, и бѣдный Ярославъ съ горестію возвратился въ Муромъ (гдѣ и скончался черезъ два года, оставивъ сію область и Рязанскую въ наслѣдіе сыновьямъ). Мстиславъ забылъ наставленіе отца: „давъ клятву, исполняйте оную!“ Щадить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступая обѣтъ, нарушаетъ законъ Естественный и Народный; а миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ чести Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ (247).

Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго.

Великій Князь, излишно снисходительный въ отношеніи ко Всеволоду, отмстилъ по крайней мѣрѣ варварамъ, его союзникамъ. Лѣтописцы говорятъ, что войско Мстислава

Удаленіе Половцевъ за Волгу.

„загнало Половцевъ не только за Донъ, но „и за Волгу,“ и что они уже не смѣли безпокоить нашихъ предѣловъ (248).

Междоусобіе въ юго-западной Россіи.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владимірко и Ростиславъ, начали ссориться между собою; однакожъ, боясь его, не смѣли воевать другъ съ другомъ. Исполняя завѣщаніе отца, первый господствовалъ въ Звенигородѣ, а второй въ Перемышлѣ. Когда же Мономахъ скончался, Владимірко хотѣлъ изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Іоаннъ и Григорій; также и Великій Князь Мстиславъ, желая единственно отвратить зло насилія. Мирныя убѣжденія, съѣзды и переговоры въ Серетѣ остались безполезными, и Владимірко уѣхалъ въ Венгрію, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростиславъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ 3000 Венгровъ и Россіянъ оборонялись столь мужественно, что онъ долженъ былъ отступить. Но сія война не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Владимірко, возвратясь въ отчизну, смирился: ибо Великій Князь рѣшительно требовалъ, чтобы каждый изъ братьевъ довольствовался своимъ Удѣломъ (249).

Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію.

Важнѣйшее происшествіе сего времени есть паденіе знаменитаго Дому Князей Полоцкихъ, которые издавна отдѣлились, такъ сказать, отъ Россіи, желая быть Владѣтелями независимыми. Мстиславъ рѣшился покорить сію древнюю область Кривичей, и сдѣлалъ то, чего напрасно хотѣли его дѣды (250). Онъ привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; ве-

лѣлъ иппи брашьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска, Всеволодку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они долженствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день. Всеволодъ Ольговичь, послушный Великому Князю, и братья его вмѣстѣ съ отрядомъ вѣрныхъ Торковъ, отданныхъ въ начальство Бояриву Ивану Войтешичу, въ то же время шли къ Минскому городу Борисову. Изяславъ взялъ Логожскъ еще ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня, и спѣшилъ соединиться съ дядями, обступившими городъ Изяславль, Удѣлъ знаменитой Рогнѣды, первой супруги Св. Владиміра. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Бориса Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣвъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурину, который велъ съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что сіи плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя, осажденные граждане рѣшились сдаться, но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва была дана и нарушена. Въ слѣдъ за дружиною Тысячскихъ, ночью посланною въ городъ, бросились всѣ воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ

4 Августа.

удержавъ неистовыхъ грабителей, а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ въ жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новогородцами въ область Полоцкую: устрашенные жители не оборонялись, и выгнали своего Князя, Давида, на мѣсто коего, согласно съ ихъ желаніемъ, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова (251); а чрезъ два года отправилъ всѣхъ Князей Полоцкихъ въ ссылку, за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ враговъ нашего отечества, Половцевъ (252). Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ, и племянники ихъ, Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми были на трехъ ладіяхъ отвезены въ Константинополь.
Г. 1129. Мстиславъ отдалъ Княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу.

Князь Новогородскій Всеволодъ, соединясь
Г. 1130—1131. Война съ Чудью и Литвою. съ братьями, два раза ходилъ на Чудь, или Эстонцевъ, зимою: обратилъ въ пепелъ селенія, умертвилъ жителей, взялъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей; но въ другомъ походѣ самъ лишился многихъ воиновъ. Сей народъ ненавидѣлъ Россіянъ какъ утѣснителей, отрекался платить дань, и сопротивленіемъ отягчалъ свою долю. — Самъ Великій Князь воевалъ
Г. 1131. Литву и привелъ въ Кіевъ великое число плѣнниковъ (253). Тогдашнія безпрестанныя войны доставляли нашимъ Князьямъ и Боярамъ множество невольниковъ, которые отчасти шли

въ продажу, отчасти (какъ надобно думать) были разселяемы по деревнямъ.

Мстиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, скончался на 56 году отъ рожденія, заслуживъ имя Великаго. Онъ умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри государства, и если бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время. — Сей Великій Князь, вторично женатый на дочери знаменитаго Новогородца, Дмитрія Завидича, имѣлъ отъ нее двухъ сыновей: Святополка и Владиміра (кромѣ дочерей, изъ коихъ одна была за Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ). Старшіе ихъ братья родились отъ Христины, первой супруги (254). Кончина Мстислава. Г. 1132. Апр. 15.

Сверхъ тогдашнихъ мнимыхъ ужасовъ, солнечныхъ затмѣній, и легкаго землетрясенія въ южной Россіи (Августа 1, 1126 года) дѣйствительнымъ несчастіемъ княженія Мстиславова былъ страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, особенно же въ Новогородской. Голодъ. Отъ жестокаго, совсѣмъ необыкновеннаго холода вымерзли озими, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 Апрѣля, вода затопила нивы, селенія, и земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ, вмѣсто зелени, одну грязь. Правительство не имѣло запасовъ, и цѣна хлѣба такъ возвысилась, что осмина ржи въ 1128 году стоила нынѣшними серебряными деньгами около рубля сорока копеекъ (255). Народъ питался макиною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные голодомъ люди скитались какъ

привидѣнія; падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ; трупы заражали воздухъ смрадомъ тлѣнія, и наемники не успѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ иноземнымъ въ рабство, и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ отдаленныхъ. „Новгородъ опустѣлъ," говорятъ Лѣтописцы: однакожъ войско его черезъ годъ уже разило непріятелей, торговля цвѣла по прежнему, купеческія суда ходили въ Готландію и Данію (256).

Древнѣйшая грамота.

Замѣтимъ, что самая древнѣйшая изъ подлинныхъ Княжескихъ грамотъ Русскихъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, есть Мстиславова, данная имъ Новгородскому Юрьевскому Монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлины, съ приписью сына его, Всеволода, что онъ даритъ тому же монастырю серебраное блюдо для употребленія за братскою трапезою.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

Г. 1132—1139.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новагорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новагорода. Уставъ о церковной дани. Новогородцы опять изгоняютъ Князя Междоусобіе въ южной Россіи Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ.

Превосходныя достоинства Мстислава удерживали частныхъ Князей въ границахъ благоразумной умѣренности: кончина его разрушила порядокъ. Г. 1132.

Граждане Кіевскіе объявили Ярополка Владиміровича Государемъ своимъ и призвали его въ столицу. Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между имъ и старшимъ братомъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, онъ уступилъ Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новогородскій, пріѣхавъ туда, чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, Княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ, который заключилъ союзъ съ меньшимъ братомъ, Андреемъ, и боялся, чтобы Ярополкъ не сдѣлалъ Всеволода наслѣдникомъ Кіевскаго престола. Великій Князь убѣдилъ Геор- Неустройства.

тія выѣхать изъ Переяславля (257); но, чтобы успокоить братьевъ, отдалъ сію область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Такимъ образомъ слабость новаго Государя обнаружилась въ излишней снисходительности, и несчастныя слѣдствія доказали, сколь малодушіе его было вредно для Государства. Новогородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну область), уже не хотѣли принять Всеволода. „Забывъ клятву умереть съ нами (говорили они), „ты искалъ другаго Княженія: иди же, „куда тебѣ угодно!" Несчастный Князь долженъ былъ удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сдѣлались ихъ совмѣстниками въ могуществѣ, будучи съ того времени избираемы народомъ (258). — Полочане также воспользовались отсутствіемъ Изяслава, выгнали брата его, Святополка, и признали Княземъ своимъ Василька Рогволодовича, который возвратился тогда изъ Царяграда (259).

Новыя перемѣны служили только поводомъ къ новымъ безпорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Ярополкъ склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему, Вячеславу. Племянникъ въ замѣну получилъ Туровъ и Пинскъ, сверхъ его прежней Минской области; былъ доволенъ и ѣздилъ въ Удѣлы Мстиславичей, въ Смоленскъ
г. 1133. и Новгородъ, собирать дары и налоги для Ярополка. Достойно примѣчанія, что Новго-

родъ, владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской Губерніи, платилъ за нихъ Великимъ Князьямъ особенную дань, которая называлась *Печорскою.* Но скоро вѣрность Изяслава и братьевъ его поколебалась: легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ бывшемъ Удѣлѣ, отнялъ у племянника Туровъ, а Георгій Владиміровичь взялъ Переяславль, отдавъ за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области (260). Огорченный Изяславъ прибѣгнулъ ко Всеволоду: сей Новогородскій Князь не задолго до того времени побѣдилъ мятежную Чудь, взялъ Юрьевъ или Дерптъ, основанный Великимъ Ярославомъ, и въ надеждѣ на свою храбрость обѣщалъ брату завоевать для него область Суздальскую. Онъ не сдержалъ слова; дошелъ только до рѣки Дубны и возвратился. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ господствовало неустройство: народъ волновался, избиралъ, смѣнялъ Посадниковъ, и даже утопилъ одного изъ главныхъ чиновниковъ своихъ, бросивъ его съ мосту, который служилъ Новогородцамъ вмѣсто скалы Тарпейской. Недовольные худымъ успѣхомъ Всеволодова похода, они требовали войны, и хотѣли снова итти къ Суздалю. Напрасно Михаилъ, тогдашній Митрополитъ Кіевскій, пріѣхавъ къ нимъ, старался отвратить ихъ отъ сего междоусобія: Новогородцы считали оное нужнымъ для своей чести; не пустили отъ себя Митрополита, и не смотря на жестокость зимы, выступили въ поле 31 Декабря; съ удиви-

Дань Печорская. Г. 1134—1135.

Завоеваніе Дерпта.

тельнымъ терпѣніемъ сносили холодъ, вьюги, мятели, и кровопролитною битвою, 26 Генваря, на долгое время прославили Жданову гору (въ нынѣшней Владимірской Губерніи); потеряли множество людей, убили еще болѣе Суздальцевъ, но не могли одержать побѣды; возвратились съ миромъ и немедленно освободили Митрополита, который предсказалъ имъ несчастныя слѣдствія ихъ похода (261).

Битва на Ждановой горѣ.

И южная Россія была въ сіе время ѳеатромъ раздора. Ольговичи, Князья Черниговскіе, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьямъ его; призвали Половцевъ; жгли города, села; грабили, плѣняли Россіянъ, и заключили миръ подъ Кіевомъ. Изяславъ былъ тутъ же. Онъ не ходилъ вторично съ Новогородцами въ область Суздальскую: Великій Князь уступилъ ему Владиміръ, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростовъ и Суздаль возвратилъ Георгію, который сверхъ того удержалъ за собою Остеръ въ южной Россіи. Въ семъ случаѣ Новогородцы поступили какъ истинные и добрые сыны отечества: не хотѣвъ взять участіе въ междоусобіи, они прислали своего Посадника Мирослава, и наконецъ Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоразумія. Нифонтъ, мужъ строгой добродѣтели, сильными убѣжденіями тронулъ ихъ сердца и болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира (262).

Кровопролитіе въ южной Россіи.

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возгорѣлась война, и Князья Черниговскіе но-

выми злодѣйствами устрашили бѣдныхъ жителей Переяславской области. Въ жестокой битвѣ, на берегахъ Супоя, Великій Князь лишился всей дружины своей; она гналась за Половцами и была отрѣзана непріятелями: ибо Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія. Знаменитѣйшіе Бояре достались въ плѣнъ Ольговичамъ, которые взяли и знамя Великаго Князя. Племянникъ его, Василько, сынъ Мономаховой дочери, Маріи, и Греческаго Царевича Леона, находился въ числѣ убитыхъ. — Завоевавъ Триполь, Халепъ, окрестности Бѣлагорода, Василева, побѣдители уже стояли на берегахъ Лыбеди. Ярополкъ, готовый ко вторичной битвѣ, но ужасаясь кровопролитія, вопреки мнѣнію братьевъ предложилъ миръ, и согласился уступить Ольговичамъ Курскъ съ частію Переяславской Области (263). Митрополитъ ходилъ къ нимъ въ станъ, и приводилъ ихъ къ цѣлованію Креста, по тогдашнему обычаю. г. 1136. Августа 8.

Между тѣмъ Новогородцы, миря другихъ, сами не умѣли наслаждаться внутреннею тишиною. Князь былъ жертвою ихъ безпокойнаго духа. Собравъ гражданъ Ладожскихъ, Псковскихъ, они торжественно осудили Всеволода на изгнаніе, ставя ему въ вину, 1) что „онъ не *блюдетъ* простаго народа, и любитъ „только забавы, ястребовъ и собакъ; 2) хо„тѣлъ княжить въ Переяславлѣ; 3) ушелъ съ „мѣста битвы на Ждановой горѣ прежде всѣхъ, „и 4) непостояненъ въ мысляхъ: то держитъ Изгнаніе Князя изъ Новагорода.

„сторону Князя Черниговскаго, что при-
„стаетъ ко врагамъ его.“ Всеволодъ былъ заключенъ въ Епископскомъ домѣ съ женою, дѣтьми и тещею, супругою Князя Святоши; сидѣлъ какъ преступникъ 7 недѣль за всегдашнею стражею тридцати воиновъ, и получилъ свободу, когда Святославъ Ольговичь, братъ Князя Черниговскаго, избранный народомъ, пріѣхалъ княжить въ Новгородъ. Оставивъ тамъ аманатомъ юнаго сына своего, Владиміра, Всеволодъ искалъ защиты Ярополковой, и добросердечный Великій Князь, забывъ вину сего племянника (хотѣвшаго прежде, въ досаду ему, овладѣть Суздальскою землею) далъ изгнаннику Вышегородъ (264); но равнодушно смотрѣлъ на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояніе Государей Кіевскихъ, уже не признавала надъ собою ихъ власти.

Мятежъ продолжался въ Новѣгородѣ. Всеволодъ имѣлъ тамъ многихъ ревностныхъ друзей, ненавистныхъ народу, который одного изъ нихъ, именемъ Георгія Жирославича, бросилъ въ Волховъ. Сіи люди, не теряя надежды успѣть въ своемъ намѣреніи, хотѣли даже застрѣлить Князя Святослава (265). Самъ Посадникъ держалъ ихъ сторону, и наконецъ съ нѣкоторыми знатными Новогородцами и
Г. 1137. Псковитянами ушелъ ко Всеволоду, сказывая ему, что всѣ добрые ихъ сограждане желаютъ его возвращенія. Рожденный и воспитанный съ ними, сей Князь любилъ Новгородъ какъ отчизну и неблагодарныхъ его жи-

телей какъ братьевъ; тосковалъ въ изгнаніи, и съ сердечною радостію спѣшилъ приближиться къ своей наслѣдственной столицѣ. На пути встрѣтилъ его съ дружиною Василько Рогволодовичь, Князь Полоцкій, въ 1129 году сосланный Мстиславомъ въ Константинополь: онъ имѣлъ случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра и самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области.

Великодушіе Василька Полоцкаго.

Псковитяне съ искреннимъ усердіемъ приняли Всеволода: Новогородцы же не хотѣли объ немъ слышать, и свѣдавъ, что онъ уже во Псковѣ, разграбили домы его доброжелателей, а другихъ обложили пенями, и собранныя 1500 гривенъ отдали купцамъ на заготовленіе нужныхъ вещей для войны. Святославъ призвалъ брата своего, Глѣба, изъ Курска и самыхъ Половцевъ. Уже варвары надѣялись опустошить сѣверную Россію, какъ они съ жестокимъ отцемъ сего Князя грабили южную; но Псковитяне рѣшились быть друзьями Всеволода: завалили всѣ дороги въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, и вообще взяли такія мѣры для обороны, что устрашенный Святославъ не хотѣлъ итти далѣе Дубровны: онъ возвратился (266). Такимъ образомъ городъ Псковъ сдѣлался на время особеннымъ Княженіемъ: Святополкъ Мстиславичь наслѣдовалъ сію область по кончинѣ брата своего, набожнаго и благодѣтельнаго Всеволода - Га-

Псковъ отдѣлился отъ Новагорода.

вріила, коего гробницу и древнее оружіе донынѣ показывають въ тамошней Соборной церкви.

Новогородцы, избравъ Святослава, объявили себя непріятелями Великаго Князя, также Суздальскаго и Смоленскаго; Псковитяне не хотѣли имѣть съ ними сношенія; ни Василько, Князь Полоцкій, вѣрный союзникъ Всеволодовъ. Лишенные подвозовъ, они терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ (котораго осмина стоила тогда въ Новѣгородѣ 7 рѣзаней), и неудовольствіе народное обратилось на Князя невиннаго. Одно Духовенство имѣло нѣкоторую причину жаловаться на Святослава: ибо онъ сочетался какимъ-то незаконнымъ бракомъ въ Новѣгородѣ, не уваживъ запрещенія Епископскаго, и велѣвъ обвѣнчать себя собственному или придворному Iерею. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростію, возобновивъ древній уставъ Владиміровъ о церковной дани, опредѣливъ Епископу брать, вмѣсто *десятины* отъ *Виръ* и *продажъ*, 100 гривенъ изъ казны Княжеской, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлины съ купеческихъ судовъ (267). Но Святославъ не могъ успокоить народа, и былъ изгнанъ съ безчестіемъ. Желая защитить себя отъ мести Ольговичей, граждане оставили у себя въ залогъ его Бояръ и Княгиню; сослали ее въ монастырь Св. Варвары и призвали въ Новгородъ Ростислава, внука Мономахова, сына Георгіева; заключили миръ съ Великимъ Княземъ, Псковитянами, и хва-

Уставъ о церковной дани.

Г. 1138, Апрѣля 17. Новогородцы опять изгоняютъ Князя.

Маія 10.

лились своею мудрою Политикою. — Горестный Святославъ, разлученный съ женою, на пути своемъ въ Черниговъ былъ остановленъ Смоленскими жителями и запертъ въ монастырѣ Смядынскомъ: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Сіи безпокойные Князья вмѣстѣ съ Половцами ограбили селенія и города на берегахъ Сулы. Андрей Владиміровичь не могъ отразить ихъ, ни имѣть скорой помощи отъ братьевъ, которые, въ надеждѣ на миръ, распустили войско. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ бѣдствія своихъ подданныхъ, и спѣшилъ уѣхать изъ Переяславля, оставивъ ихъ въ добычу врагамъ и не менѣе хищнымъ Намѣстникамъ [268]. Заключеніе Святослава еще болѣе остервенило жестокихъ Ольговичей: пылая гнѣвомъ, они какъ тигры свирѣпствовали въ южной Россіи, взяли Прилукѣ и думали осадить Кіевъ. Но Ярополкъ собралъ уже сильную рать, заставилъ ихъ удалиться и скоро приступилъ къ Чернигову. Не только всѣ Россійскіе Князья соединились съ нимъ, но и Венгры дали ему войско; въ станѣ его находилось еще около 1000 конныхъ Берендѣевъ или Торковъ. Жители Черниговскіе ужаснулись и требовали отъ своего Князя, Всеволода, чтобы онъ старался умилостивить Ярополка. „Ты хочешь бѣжать къ По-„ловцамъ,“ говорили они: „но варвары не „спасутъ твоей области. Мы будемъ жер-„твою враговъ. Пожалѣй о народѣ и смири-„ся. Знаемъ человѣколюбіе Ярополково: онъ

Междоусобіе въ южной Россіи.

Миръ и кончина Велик. Князя.

,,не радуется кровопролитію и гибели Россіянъ." Черниговцы не обманулись: Великій Князь, тронутый моленіемъ Всеволода, явилъ рѣдкій примѣръ великодушія или слабости: заключивъ миръ, утвержденный съ обѣихъ

г. 1139, февраля 18.

сторонъ клятвою и дарами, возвратился въ Кіевъ и скончался (269). Сей Князь, подобно Мономаху, любилъ добродѣтель, какъ увѣряютъ Лѣтописцы; но онъ не зналъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель Государя. Съ его вре-

Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха.

мени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая въ теченіе цѣлаго вѣка была главнымъ несчастіемъ Россіи: ибо первые не хотѣли довольствоваться своею наслѣдственною областію и не могли, завидуя вторымъ, спокойно видѣть ихъ на престолѣ Великокняжескомъ.

Вмѣстѣ съ другими Россіянами находилась подъ Черниговымъ, въ Ярополковомъ станѣ,

Галицкое Княженіе.

и вспомогательная дружина *Галицкая*: такъ съ сего времени называется въ лѣтописяхъ юго-западная область Россіи, гдѣ сынъ Володаревъ, честолюбивый Владимірко, господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ свою особенную столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичь, и прославился мужествомъ. Онъ не могъ забыть коварнаго злодѣянія Ляховъ, столь безчестно плѣнившихъ Володаря, и мстилъ имъ при всякомъ случаѣ (270). Какойто знатный Венгерецъ, Болеславовъ Вельможа, начальникъ города Вислицы, измѣнивъ Государю, тайно звалъ Галицкаго Князя въ

ея богатую область. Владимирко безъ сопротивленія завладѣлъ оною и сдержалъ данное Венгерцу слово: осыпалъ его золотомъ, ласкою, почестями; но гнушаясь злодѣяніемъ, велѣлъ тогда же ослѣпить сего измѣнника и сдѣлать евнухомъ. „Изверги не должны имѣть дѣтей, имъ подобныхъ,“ сказалъ Владимирко, и такимъ образомъ хотѣлъ согласить природную ненависть къ Полякамъ съ любовію къ добродѣтели. Онъ удовольствовался взятою добычею, и не могъ удержать за собою Вислицы. Польскіе Лѣтописцы говорятъ, что Болеславъ старался отмстить ему такимъ же грабежемъ въ Галицкой области: свирѣпствовалъ огнемъ и мечемъ, плавалъ въ крови невинныхъ земледѣльцевъ, пастырей, женъ, и возвратился съ *честію!* Тогдашніе ужасы войны безъ сомнѣнія превосходили нынѣшніе, и казались не злодѣйствомъ, но ея принадлежностію, обыкновенною и необходимою. Характеръ Владимирка.

Владимирко — то врагъ, то союзникъ Венгровъ — участвовалъ также въ войнѣ Бориса, сына Евфиміи, Мономаховой дочери, съ Королемъ Белою *Слѣпымъ* (271). Еще въ утробѣ матери осужденный на изгнаніе и воспитанный въ нашемъ отечествѣ, Борисъ, возмужавъ, хотѣлъ мечемъ доказать силу наслѣдственныхъ правъ своихъ, и вступилъ въ Венгрію съ *Россіянами*, его союзниками, и съ Болеславомъ Польскимъ; но въ рѣшительной битвѣ не выдержалъ перваго удара Нѣмцевъ и бѣжалъ какъ малодушный, не умѣвъ воспользоваться благорасположеніемъ многихъ Вен- Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ.

терскихъ Бояръ, которые думали, что онъ былъ законный сынъ ихъ Государя, и что Коломанъ единственно по ненависти своей къ Россійской крови изгналъ супругу, вѣрную и невинную. Напрасно искавъ защиты Нѣмецкаго Императора, Борисъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явился въ станѣ Людовика VII, когда сей Французскій Монархъ шелъ чрезъ Паннонію въ Обѣтованную землю. Узнавъ о томъ, Гейза, Король Венгерскій, требовалъ головы своего опаснаго непріятеля; но Людовикъ сжалился надъ несчастнымъ, и призвавъ на совѣтъ Епископовъ, объявилъ Посламъ Гейзы, что требованіе ихъ Короля не согласно ни съ честію, ни съ Вѣрою Христіанскою. Борисъ, женатый на родственницѣ Мануила, Греческаго Императора, удалился въ Царьградъ, выѣхавъ тайно изъ Французскаго стана на конѣ Людовиковомъ; воевалъ еще съ Гейзою подъ знаменами Мануила и былъ застрѣленъ измѣнникомъ, Половецкимъ воиномъ, въ 1156 году (279). Сынъ его, *младшій* Коломанъ, извѣстный храбростію, служилъ послѣ Грекамъ и правительствовалъ въ Киликіи.

Борисъ въ станѣ Короля Французскаго.

Убитъ измѣнникомъ.

ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ ОЛЬГОВИЧЬ.

Г. 1139 — 1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіяне въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода.

Вячеславъ, Князь Переяславскій, спѣшилъ въ Кіевъ, быть наслѣдникомъ Ярополковымъ. и Митрополитъ, провождаемый народомъ, встрѣтилъ его какъ Государя. Но Всеволодъ Ольговичь не далъ ему времени утвердить власть свою: узнавъ въ Вышегородѣ о кончинѣ Ярополковой, немедленно собралъ войско; обступилъ Кіевъ и зажегъ предмѣстіе Копыревское (273). Устрашенный Вячеславъ послалъ Митрополита сказать Всеволоду: „я не хищ„никъ; но ежели условія нашихъ отцевъ не „кажутся тебѣ закономъ священнымъ, то „будь Государемъ Кіевскимъ: иду въ Туровъ.“ Онъ дѣйствительно уѣхалъ изъ столицы, а Всеволодъ съ торжествомъ сѣлъ на престолѣ Великокняжескомъ, давъ *свѣтлый* пиръ Митрополиту и Боярамъ; вино, медь, яства, овощи были развозимы для народа; церкви и

Г. 1139, февраля 22.

Марта 5. Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава.

монастыри получили богатую милостыню. — Къ неудовольствію брата своего, Игоря, Всеволодъ отдалъ Черниговъ сыну Давидову, Владиміру.

Новый Великій Князь изъявилъ желаніе остаться въ мирѣ съ сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотѣли ѣхать къ нему, замышляя свергнуть его съ престола. Тогда Всеволодъ рѣшился отнять у нихъ владѣнія и послалъ Воеводъ на Изяслава Мстиславича. Сія рать, объятая ужасомъ прежде битвы, возвратилась съ уничиженіемъ и стыдомъ (274). Въ намѣреніи загладить первую неудачу, Всеволодъ приказалъ брату Князя Черниговскаго, Изяславу Давидовичу, вмѣстѣ съ Галицкими Князьями воевать область Туровскую и Владимірскую; а самъ выступилъ противъ Андрея, гордо объявивъ ему, чтобы онъ ѣхалъ въ Курскъ, и что Переяславль долженъ быть Удѣломъ Святослава Ольговича. Великодушный Андрей давно зналъ опасности и не боялся враговъ многочисленныхъ. „Нѣтъ!“ отвѣтствовалъ сей Князь: „дѣдъ, отецъ мой „княжили въ Переяславлѣ, а не въ Курскѣ; „здѣсь моя отчина и дружина вѣрная: живой „не выду отсюда. Пусть Всеволодъ обагритъ „свои руки моею кровію! Не онъ будетъ первый: Святополкъ, подобно ему властолюбивый, умертвилъ также Бориса и Глѣба; но „долго ли пользовался властію?“ Великій Князь стоялъ на берегахъ Днѣпра и велѣлъ Святославу изгнать Андрея; но мужественный сынъ Мономаховъ обратилъ его въ бѣг-

Междоусобія.

Мужество Андрея.

ство и купилъ побѣдою миръ. Къ чести Всеволода сказано въ лѣтописи, что онъ во время договоровъ, видя ночью сильный пожаръ въ Переяславлѣ, не хотѣлъ воспользоваться онымъ. Сіи два Князя, обѣщавъ забыть вражду, чрезъ нѣсколько дней съѣхались друзьями въ Малотинѣ для заключенія союза съ Ханами Половецкими.

Честность Всеволода.

Между тѣмъ Владимірко Галицкій съ Іоанномъ Васильковичемъ, братъ Черниговскаго Князя съ Половцами и Ляхи, союзники Всеволодовы, вошли въ область Изяславову и Туровскую. Но гордый Владимірко, стыдясь быть слугою или орудіемъ Государя Кіевскаго, искалъ въ юномъ, мужественномъ Изяславѣ Мстиславичѣ не врага, а достойнаго сподвижника въ опасностяхъ славы: они встрѣтились въ полѣ для того, чтобы разстаться друзьями. Ляхи же и Половцы удовольствовались однимъ грабежемъ. Симъ война кончилась. Благоразумный Всеволодъ не отвергнулъ мирныхъ предложеній Изяслава и дяди его, Вячеслава Туровскаго; далъ слово не тревожить ихъ въ наслѣдственныхъ Удѣлахъ, и желалъ согласить свое честолюбіе съ государственною тишиною (275).

Его благоразуміе.

Еще Георгій Владиміровичь, Князь Суздальскій, оставался его врагомъ, прибылъ въ Смоленскъ, и требовалъ войска отъ Новогородцевъ, чтобы отмстить Всеволоду. Юный Князь ихъ, Ростиславъ, представлялъ имъ обязанность вступиться за честь Мономахова Дому; но думая о выгодахъ мирной тор-

Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести.

говли болѣе, нежели о чести Княжеской, они не хотѣли вооружиться. Ростиславъ ушелъ къ отцу, и Георгій въ наказаніе отнялъ у Новогородцевъ Торжекъ. Сіи люди выгоняли Князей, но не могли жить безъ нихъ: звали къ себѣ вторично Святослава, и въ залогъ вѣрности дали амананповъ Всеволоду. Святославъ пріѣхалъ; однакожь спокойствія и тишины не было. Распри господствовали въ сей области. Князь и любимцы его также питали духъ несогласія и мстили личнымъ врагамъ: нѣкоторыхъ знатныхъ Бояръ сослали въ Кіевъ или заключили въ оковы; другіе бѣжали въ Суздаль. Всеволодъ хотѣлъ послать сына своего на мѣсто брата, и граждане, въ надеждѣ имѣть лучшаго Князя, отправили за нимъ Епископа Нифонта въ Кіевъ. Тогда, не увѣренный въ своей безопасности, Святославъ уѣхалъ тайно изъ Новагорода вмѣстѣ съ Посадникомъ Якуномъ. Народъ озлобился; догналъ несчастнаго любимца Княжескаго, оковалъ цѣпями и заточилъ въ область Чудскую, равно какъ и брата Якунова, взявъ съ нихъ 1100 гривенъ пени. Сіи изгнанники скоро нашли вѣрное убѣжище тамъ же, гдѣ и враги ихъ (276): при Дворѣ Георгія Владиміровича, и благословляя милостиваго Князя, навсегда отказались отъ своего мятежнаго отечества.

Безпокойства въ Новѣгородѣ.

г. 1140.

г. 1141.

Уже сынъ Всеволодовъ былъ на пути съ Нифонтомъ и доѣхалъ до Чернигова, когда вѣтреные Новогородцы, перемѣнивъ мысли, дали знать Великому Князю, что не хотятъ

ни сына, ни ближнихъ его, и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять ими. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъ Пословъ и самого Нифонта. Узнавъ о томъ, Новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему какъ общему Государю Россіи, желая *отъ его руки* имѣть властителемъ своимъ брата Великой Княгини, Святополка или Владиміра Мстиславичей. Однакожь сія уловка не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить въ Новѣгородѣ, и чтобы его безпокойные жители испытали всѣ бѣдствія безначалія (277).

Въ самомъ дѣлѣ Новогородцы, лишенные защиты Государя, были всячески притѣсняемы: никто не хотѣлъ везти къ нимъ хлѣба, и купцы ихъ, остановленные въ другихъ городахъ Россійскихъ, сидѣли по темницамъ. Они терпѣли девять мѣсяцевъ, избравъ въ Посадники врага Святославова, именемъ Судилу, который вмѣстѣ съ другими единомышленниками возвратился изъ Суздаля: наконецъ прибѣгнули къ Георгію Владиміровичу и звали его къ себѣ правительствовать. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ своей вѣрной области, но вторично далъ имъ сына, и скоро имѣлъ причину раскаяться: ибо Всеволодъ, въ досаду ему, занялъ Остеръ (городокъ Георгіевъ), а Новогородцы — свѣдавъ, что Великій Князь, въ удовольствіе супругѣ или брату ея, Изяславу Мстиславичу, согласился наконецъ исполнить

ихъ желаніе, и что шуринъ его, Святополкъ, уже къ нимъ ѣдетъ — заключили, по обыкновенію, Георгіева сына въ Епископскомъ домѣ (278). Капитолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою: въ Новѣгородѣ престолъ съ темницею! Боялся ли народъ остаться безъ Властителя и на всякой случай берегъ смѣненнаго? или, упоенный дерзостію, хотѣлъ явить его преемнику разительный примѣръ своего могущества, поручая ему вывести бывшаго
Г. 1142, Апрѣля 19. Князя изъ темницы? Какъ скоро Святополкъ пріѣхалъ, граждане отпустили Ростислава къ отцу.

Въ сіе время, къ общей горести, преставился Андрей Владиміровичь, въ лѣтахъ мужества, заслуживъ имя *Добраго*, и не уронивъ чести Мономахова Дому (279). Вячеславъ былъ его наслѣдникомъ, но медлилъ выѣхать изъ Турова.

Смерть Андрея Добраго.

„Иди въ свою отчину, Переяславль,“ говорили ему Послы Всеволодовы: „Туровъ „есть древній городъ *Кіевскій*; отдаю его мо„ему сыну.“ Тихій Вячеславъ жилъ спокойнѣе и безопаснѣе въ западной Россіи: сосѣдство съ Половцами требовало дѣятельной осторожности, несогласной съ его миролюбіемъ. Принужденный исполнить требованіе Всеволодово, онъ увидѣлъ, что Россія имѣла *своихъ* Половцевъ: Игорь и Святославъ Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тѣмъ, что Великій Князь наградилъ сына Удѣломъ и не хотѣлъ отдать имъ ни Сѣверскаго Новагорода, ни земли Вятичей, они вступили въ тѣсный союзъ съ Князьями Черниговскими,

сыновьями Давида, и надѣялись оружіемъ пріобрѣсти себѣ выгодные Удѣлы; опустошили нѣсколько городовъ Георгія Владиміровича Суздальскаго, захвативъ вездѣ скотъ и товары; напали на область Переяславскую, и два мѣсяца жгли села, травили хлѣбъ, разоряли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Вячеславъ слышалъ стонъ людей, смотрѣлъ на дымъ пылающихъ весей, и сидѣлъ праздно въ городѣ, ожидая защиты отъ Всеволода и своихъ храбрыхъ племянниковъ, Мстиславичей. Великій Князь дѣйствительно отрядилъ къ нему Воеводу съ конницею Печенѣжскою; съ другой стороны пришелъ Изяславъ Владимірскій; а братъ его, Князь Смоленскій, завладѣлъ городами Черниговскими на берегахъ Сожа. Инокъ Святоша былъ еще живъ: Всеволодъ послалъ его усовѣстить хищниковъ. Наконецъ они смирились. Великій Князь отдалъ Игорю Юрьевъ и Рогачевъ; Святославу Черторискъ и Клецкъ; а Давидовичамъ Брестъ и Дрогичинъ, хитрымъ образомъ уничтоживъ опасный союзъ сихъ Князей съ его братьями. Но послѣдніе вторично изъявили досаду, когда Вячеславъ, съ согласія Всеволодова, уступилъ Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взявъ себѣ Туровъ, и когда сынъ Великаго Князя, юный Святославъ, на обмѣнъ получилъ Владимірскую область. „Братъ нашъ — говорили Ольговичи — ду„маетъ только о сынѣ, дружится съ своими „ненавистными шурьями, окружилъ себя ими, „и не даетъ намъ ни одного богатаго горо„да.“ Тщетно желали они поссорить его съ

Грабежи.

Хитрость Всеволода.

добрыми Мстиславичами: Великій Князь не внималъ злословію и хотѣлъ внутренняго спокойствія (280).

Утвердивъ себя на престолѣ Кіевскомъ, онъ велѣлъ сыну Святославу, вмѣстѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и Владимірkомъ Галицкимъ, итти въ Польшу, гдѣ Герцогъ Владиславъ, зять Великаго Князя, ссорился съ меньшими братьями: съ Болеславомъ (также зятемъ Всеволодовымъ) и съ другими. Къ несчастію, Россіяне, призванные возстановить тишину Государства, дѣйствовали какъ враги онаго, и вывели множество плѣнныхъ Ляховъ, болѣе мирныхъ, нежели ратныхъ (281).

г. 1143, Генваря 1. Россіяне въ Польшѣ.

Увѣренный въ искреннемъ дружелюбіи Всеволода, Изяславъ Мстиславичь хотѣлъ, кажется, примирить его и съ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, и для того ѣздилъ къ нему въ Суздаль; но сіи два Князя не согласились въ мысляхъ, и разстались врагами: что, ко вреду Государства, имѣло послѣ столь кровопролитныя слѣдствія. Въ семъ путешествіи Изяславъ видѣлся съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, и пировалъ на свадьбѣ Князя Новогородскаго, Святополка, котораго невѣста была привезена изъ Моравіи: вѣроятно, родственница Богемскаго Короля Владислава (282). Новгородъ успокоился: купеческія суда его ходили за море, привозили иноземные товары въ Россію, и въ 1142 году мужественно отразили флотъ Шведскаго Короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладіями и съ *Епископомъ*. Финлянд-

Первая вражда Георгія съ Изяславомъ.

г. 1144.

Мореходство Новогородцевъ.

цы, дерзнувъ грабить Ладожскую область, были побиты ея жителями и Корелами, Новогородскими данниками.

Желая прекратить наслѣдственную вражду между потомствомъ Рогнѣдинымъ и Ярослава Великаго, благоразумный Всеволодъ женилъ сына своего, юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а Изяславъ Мстиславичь выдалъ свою за Рогволода Борисовича, позвавъ къ себѣ, на свадебный пиръ, Всеволода, супругу его и Бояръ Кіевскихъ (283). Но веселясь и пируя, Князья разсуждали о дѣлахъ государственныхъ: Всеволодъ убѣдилъ ихъ возстать общими силами на гордаго Владимірка, который, по смерти братьевъ, Ростислава и Васильковичей, сдѣлался единовластителемъ въ Галичѣ, хотѣлъ даже изгнать Всеволодова сына изъ Владимірской области, и возвратилъ Великому Князю такъ называемую крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны. Ольговичи, Князь Черниговскій съ братомъ, Вячеславъ Туровскій съ племянниками Изяславомъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями умершаго Всеволодка Городненскаго, сѣли на коней и пошли къ Теребовлю, соединясь съ Новогородскимъ Воеводою Неревинымъ и Герцогомъ Польскимъ, Владиславомъ.

Браки.

Походъ на Галичь.

Владимірко услышалъ грозную вѣсть: призвалъ въ союзъ Венгровъ и выступилъ въ поле съ Баномъ, дядею Короля Гейзы (284). Рѣка Серетъ раздѣляла войска, готовыя къ битвѣ. Всеволодъ искалъ переправы: Князь Галицкій,

не выпуская его изъ вида, шелъ другимъ берегомъ, и въ седьмый день сталъ на горахъ, ожидая нападенія; но Всеволодъ не хотѣлъ сразиться: ибо мѣсто благопріятствовало его противнику. Когда же Изяславъ Давидовичь, братъ Черниговскаго Князя, съ отрядомъ наемныхъ Половцевъ взялъ Ушицу и Микулинъ въ землѣ Галицкой: тогда Великій Князь приступилъ къ Звенигороду. Въ слѣдъ за непріятелемъ Владимірко сошелъ въ долины. Видя станъ его на другой сторонѣ города, за мелкою рѣкою, Всеволодъ тронулся съ мѣста въ боевомъ порядкѣ, и хитро обманулъ непріятеля: вмѣсто того, чтобы вступить съ нимъ въ битву, зашелъ ему въ тылъ, расположился на высотахъ, отрѣзалъ его отъ Перемышля и Галича, оставивъ между собою и городомъ вязкія болота. Дружина Владиміркова оробѣла. „Мы стоимъ здѣсь"—говорили его Бояре и воины —, а враги могутъ итти къ сто„лицѣ, плѣнить наши семейства." Князь Галицкій, не имѣя надежды сбить многочисленное войско съ неприступнаго мѣста, началъ переговоры съ братомъ Всеволодовымъ; склонилъ его на свою сторону: требовалъ мира и далъ слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, въ восшествіи на престолъ Кіевскій. Великій Князь не соглашался. „Но ты хочешь сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ," сказалъ Игорь брату: „оставь же „мнѣ благодарнаго и могущественнаго союз„ника, столь нужнаго въ нынѣшнихъ обстоя„тельствахъ Россіи!" Всеволодъ исполнилъ

наконецъ его волю, и въ тотъ же день обнялъ Князя Галицкаго какъ друга; взялъ съ него за трудъ 1200 гривенъ *серебра*, роздалъ опыя союзнымъ Князьямъ и возвратился въ столицу, доказавъ, что умѣетъ счастливо воевать, а не умѣетъ пользоваться воинскимъ счастіемъ.

Миръ не продолжился. Братъ Владимірковъ, Ростиславъ, оставилъ сына, именемъ Іоанна, прозваннаго *Берладникомъ* (285), у коего дядя отнялъ законное наслѣдство: сей юноша жилъ въ Звенигородѣ и снискалъ любовь народа. Пользуясь отсутствіемъ Владимірка, уѣхавшаго въ Тисмѣницу для звѣриной ловли, Галичане призвали къ себѣ Іоанна и единодушно объявили своимъ Княземъ. Владимірко спѣшилъ наказать измѣнниковъ и приступилъ къ городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Іоаннъ въ ночной вылазкѣ былъ отрѣзанъ отъ городскихъ воротъ: пробился сквозь непріятелей, ушелъ къ Дунаю, и наконецъ въ Кіевъ. Галичане сдалися. Склонный болѣе къ строгости, нежели къ милосердію, Владимірко плавалъ въ ихъ крови, и съ досадою слышалъ, что Великій Князь взялъ его племянника подъ защиту, какъ невинно гонимаго.

Іоаннъ Берладникъ.

Г. 1145.

Однакожъ Всеволодъ еще не думалъ нарушить мира, слабый здоровьемъ и сверхъ того озабоченный неустройствами Польши, гдѣ любезный ему зять, Герцогъ Владиславъ, не могъ ужиться въ согласіи съ братьями. Созвавъ Князей во дворцѣ Кіевскомъ, Всево-

лодъ сказалъ имъ, что онъ, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избираетъ наслѣдника, и что Игорь будетъ Государемъ Россіи. Князья долженствовали присягнуть ему: Черниговскіе и Святославъ Ольговичь исполнили его волю. Изяславъ Мстиславичь долго колебался; однакожь не дерзнулъ быть ослушникомъ. Успокоенный симъ торжественнымъ обрядомъ, Всеволодъ началъ говорить о дѣлахъ Польскихъ. „Пекись единственно о своемъ здравіи,“ отвѣтствовалъ Игорь: „мы, вѣрные твои братья, утвердимъ Владислава на тронѣ.“ Игорь, предводительствуя войскомъ, вступилъ въ Польшу. Кровопролитія не было: меньшіе братья Владиславовы, стоявшіе въ укрѣпленномъ станѣ за болотомъ, не хотѣли обороняться, и прибѣгнувъ къ суду нашихъ Князей, уступили Владиславу четыре города, а Россіи Визну. Не смотря на то, Игорь возвратился съ добычею и съ плѣнниками. Владиславъ же скоро утратилъ престолъ, заслуживъ ненависть народную гоненіемъ единокровныхъ и несправедливою казнію знаменитаго Вельможи Петра, коему онъ отрѣзалъ языкъ, выкололъ глаза, и такимъ образомъ, по словамъ нашего Лѣтописца, отмстилъ за Россійскаго Князя Володаря, въ 1122 году коварно плѣненнаго симъ Вельможею (286).

Всеволодъ избираетъ наслѣдника.

Дѣла Польскія.

Владиславъ бѣжалъ къ тестю, въ надеждѣ на его помощь; но Всеволодъ, удостовѣренный тогда въ непріятельскихъ замыслахъ Галицкаго Князя, выступалъ въ походъ съ дру-

Г. 1146.

жинами Кіевскою, Черниговскою, Переславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимірскою, и съ союзными *дикими* Половцами, оставивъ Святослава Ольговича въ столицѣ (287). Успѣхъ не отвѣтствовалъ ни силѣ войска, ни славѣ предводителя. Оно шло съ трудомъ неописаннымъ: ибо дожди согнали снѣгъ прежде времени; конница тонула въ грязи. Всеволодъ осадилъ наконецъ Звенигородъ и сжегъ внѣшнія укрѣпленія, однакожь не могъ овладѣть крѣпостію: ибо тамъ начальствовалъ мужественный Воевода, Иванъ Халдѣевичь, который, узнавъ, что жители въ общемъ совѣтѣ положили сдаться, умертвилъ трехъ главныхъ виновниковъ сего Вѣча, и сбросилъ искаженные трупы ихъ съ городской стѣны. Народъ ужаснулся, и страхъ имѣлъ дѣйствіе храбрости: Звенигородцы съ утра до вечера бились какъ отчаянные. Всеволодъ отступилъ и возвратился въ Кіевъ, гдѣ скоро началъ готовиться къ новой войнѣ, свѣдавъ, что Владимірко взялъ Прилуку. Но жестокая болѣзнь исхитила обнаженный мечь изъ руки его. Отвезенный въ Вышегородъ — мѣсто славное тогда чудесами Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба — Великій Князь напрасно ждалъ облегченія; объявилъ Игоря своимъ преемникомъ, велѣлъ народу присягнуть ему въ вѣрности, и послалъ зятя своего, Владислава Польскаго, напомнить Изяславу Мстиславичу данную имъ клятву. Съ такимъ же увѣщаніемъ ѣздилъ Бояринъ, Мирославъ Андреевичь, къ Князьямъ Черниговскимъ, ко-

Война съ Галицкимъ Княземъ.

Мужество Воеводы Звенигородскаго.

торые, согласно съ Изяславомъ, отвѣтство-
вали, что они, уступивъ старѣйшинство
Августа 1. Игорю, не измѣнятъ совѣсти. Тогда Всево-
Кончина лодъ спокойно закрылъ глаза навѣки (288). Князь
Всево- умный и хитрый, памятный отчасти разбо-
лода. ями междоусобія, отчасти государственными благодѣяніями! Достигнувъ престола Кіевскаго, онъ хотѣлъ устройства и тишины; исполнялъ данное слово, любилъ справедливость и повелѣвалъ съ твердостію; однимъ словомъ, былъ лучшимъ изъ Князей Олегова мятежнаго рода.

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЪ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ.

Г. 1146. Игорь, предавъ землѣ тѣло Всеволода, собралъ Кіевлянъ среди Двора Ярославова, требовалъ вторичнаго обѣта вѣрности, и распустилъ ихъ. Но граждане еще не были до-
Вѣче въ вольны, открыли Вѣче и звали Князя (289).
Кіевѣ. Пріѣхалъ одинъ братъ его, Святославъ, и спрашивалъ, чего они желаютъ? „Правосудія,“ отвѣтствовалъ народъ: „Тіуны Всеволодовы „угнетали слабыхъ: Ратша *опустошилъ* Кіевъ, Тудоръ Вышегородъ. Святославъ! дай „клятву за себя и за брата, что вы сами „будете намъ судіями, и въ мѣсто себя избе„рете Вельможъ достойнѣйшихъ.“ Онъ со-

шелъ съ коня и цѣлованіемъ креста увѣрилъ гражданъ, что новый Князь исполнитъ всѣ обязанности отца Россіянъ; что хищники не останутся Тіунами; что лучшіе Вельможи заступятъ ихъ мѣсто, и будутъ довольствоваться одною уставленною пошлиною, не обременяя судимыхъ никакими иными налогами. „Мы благодарны,“ сказали граждане: „и теперь не сомнѣвайтесь въ нашей вѣр„ности.“ То же обѣщалъ ихъ Посламъ самъ Великій Князь Игорь, и думая, что дѣло кончилось, сѣлъ покойно за обѣдъ; но мятежная чернь устремилась грабить домъ ненавистнаго, богатаго Ратши. Святославъ съ дружиною едва могъ унять неистовыхъ и возстановить порядокъ (296).

Такое начало не обѣщало хорошихъ слѣдствій. Игорь же, слушая злыхъ Вельможъ, которые въ народномъ угнетеніи видѣли собственную пользу, не исполнилъ даннаго гражданамъ слова, и хищники остались Тіунами. Тогда Кіевляне, думая, что Государь-клятвопреступникъ не есть уже Государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть Великимъ Княземъ. Любовь къ Мономахову роду не угасла въ ихъ сердцѣ, и сей внукъ его отличался доблестію воинскою. Взявъ въ церкви Св. Михаила благословеніе у Епископа Евфимія, онъ съ вѣрною дружиною выступилъ изъ Переславля. На пути встрѣтились ему Послы Черныхъ Клобуковъ и городовъ Кіевской области. „Иди, Князь до„брый!“ говорили они: „мы всѣ за тебя; не

Измѣна Кіевлянъ.

*

,,хотимъ Ольговичей. Гдѣ увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ." Собравъ на берегахъ Днѣпра войско многочисленное, бодрый Изяславъ сталъ посреди онаго и сказалъ: ,,Друзья ,,и братья! я не спорилъ о старѣйшинствѣ ,,съ достойнымъ Всеволодомъ, моимъ зятемъ, ,,чтивъ его какъ втораго отца. Но Игорь ,,и Святославъ должны ли повелѣвать нами? ,,Богъ разсудитъ меня съ ними. Или паду ,,славно предъ вашими глазами, или сяду на ,,престолѣ моего дѣда и родителя!" Онъ повелъ войско къ Кіеву.

Рѣчь Изяслава.

Уже новый Великій Князь зналъ опасность: ибо Изяславъ, увѣдомленный имъ о восшествіи его на престолъ, не только не отвѣтствовалъ ему ни слова, но удержалъ и Посла неволею въ Переяславлѣ. Игорь требовалъ вспоможенія отъ Князей Черниговскихъ: они торговались; хотѣли многихъ городовъ; наконецъ, удовлетворенные во всемъ, готовились итти къ брату. Ихъ медленность и коварная измѣна знаменитѣйшихъ чиновниковъ погубили его.

Корыстолюбіе Черниговск. Князей.

Тысячскій Улѣбъ пользовался довѣренностію Всеволода и былъ утвержденъ Игоремъ въ своемъ важномъ санѣ: также и первый Бояринъ, Іоаннъ Войтишичь, вѣрный слуга Мономаховъ, завоеватель городовъ Дунайскихъ (291). Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердіе Игорю, и въ то же время тайно ссылались съ его врагомъ, совѣтуя ему спѣшить къ Кіеву. Изяславъ приближился. Ольговичи, готовые къ

Предательство.

битвѣ, и сынъ Всеволодовъ, Святославъ, стояли внѣ города съ своими дружинами; а Кіевляне особенно, на *могилѣ Олеговой*. Вдругъ открылась измѣна: Игорь увидѣлъ, что хоругвь Изяслава развѣвается въ полкахъ Кіевскихъ; что Тысячскій сего Князя предводительствуетъ ими; что Улѣбъ, Іоаннъ Войтишичь и многіе единомышленники ихъ, повергнувъ свои знамена, бѣгутъ подъ Изяславовы; что Берендѣи предъ самыми Златыми вратами грабятъ обозъ Великокняжескій (292). Еще Игорь не терялъ бодрости. „Врагъ нашъ „есть клятвопреступникъ: Богъ намъ помо-„жетъ,“ говорилъ онъ, и хотѣлъ ударить на Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стѣснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заѣхали ей въ тылъ. Изяславъ напалъ спереди, смялъ непріятеля, разилъ бѣгущихъ — и торжествуя вошелъ въ Кіевъ, гдѣ народъ вмѣстѣ съ Іереями, облаченными въ ризы, проводилъ его въ храмъ Софійскій благодарить Небо за побѣду и престолъ Великокняжескій. — Несчастнаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь; держали нѣсколько дней въ монастырѣ на Выдобичахъ и заключили въ темницѣ Іоанновской обители, въ Переяславлѣ. Сей Князь, за кратковременное удовольствіе честолюбія наказанный неволею и стыдомъ, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія злосчастныхъ: никто не жалѣлъ объ немъ — кромѣ вѣрнаго брата, Святослава, который

Августа 13.

Августа 17. Игорь взятъ.

съ малою дружиною ушелъ въ Новгородъ Сѣверскій. Племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичъ, хотѣлъ скрыться въ Кіевской Обители Св. Ирины: представленный Изяславу, онъ былъ имъ обласканъ какъ любимый сынъ; но вѣрные слуги отца его, въ особенности же Игоревы, не имѣли причины хвалиться великодушіемъ побѣдителя, дозволившаго народу грабить ихъ домы и села. Съ плѣнныхъ Бояръ взяли окупъ.

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ.

Г. 1146 — 1154.

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Чувствительность Святослава. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Несправедливость Великаго Князя. Битва у Переславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добродушіе Изяслава. Чувствительность Вячеслава. Побѣда Владимірка. Бодрость и добросердечіе Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяслава. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Ристаніе въ Кіевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Миролюбіе Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство Георгія. Чувствительность Изяслава. Вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяслава и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владимірова. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новогородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ.

Изяславъ — по словамъ Лѣтописцевъ, *благословенная отрасль добраго корня* — могъ бы обѣщать себѣ и подданнымъ дни счастливые, Г. 1146.

ибо народъ любилъ его; но Исторія сего времени не представляетъ намъ ничего, кромѣ злодѣйствъ междоусобія. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество, которое оплакивало ихъ побѣды, вредныя для его могущества и гражданскаго образованія.

Утвердивъ миръ съ Половцами — которые всякому новому Государю предлагали тогда союзъ, ибо хотѣли даровъ — Великій Князь оказалъ, можетъ быть, излишнюю строгость въ разсужденіи своего дяди. Обманутый совѣтами Бояръ, и въ надеждѣ на прежнія ласки Изяславовы, на самыя его обѣщанія, миролюбивый Князь Туровскій, Вячеславъ, узнавъ о торжествѣ племянника, вообразилъ себя по старѣйшинству Государемъ Россіи: занялъ города Кіевскіе, и своевольно отдалъ Владиміръ сыну Андрееву, Мономахову внуку (293). Посланный братомъ, Смоленскій Князь изгналъ Вячеслава; велѣлъ ему княжить только въ Пересопницѣ или Дорогобужѣ Волынскомъ; а Намѣстниковъ его, окованныхъ цѣпями, вмѣстѣ съ Туровскимъ Епископомъ, Іоакимомъ, привелъ въ Кіевъ.

Строгость Велик. Князя.

Назначивъ Туровъ въ Удѣлъ меньшему сыну, именемъ Ярославу, Великій Князь обратилъ вниманіе на Игорева брата. Спасаясь бѣгствомъ отъ побѣдителя, Святославъ хотѣлъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Князей Черниговскихъ, чтобы единодушно дѣйствовать съ ними для освобожденія Игорева. Они дали ему въ томъ клятву; но Святославъ, оставивъ у нихъ своего Боярина и поѣхавъ тото-

виться къ войнѣ, свѣдалъ отъ него, что сіи коварные братья тайно дружатся съ Великимъ Княземъ, и наконецъ заключили съ нимъ союзъ, предавъ Игоря въ его волю, какъ недостойнаго ни власти, ни свободы. Скоро общіе Послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что онъ можетъ спокойно княжить въ своей области, если уступитъ имъ Новгородъ Сѣверскій и клятвенно откажется отъ брата. Сей добрый, нѣжный родственникъ залился слезами, и сказавъ въ отвѣтъ: „возьмите все, что имѣю; освободите только Игоря,“ рѣшился искать покровителя въ сынѣ Мономаховомъ (294).

Коварство Черниговск. Князей.

Добродушіе Святослава.

Георгій Владиміровичь Суздальскій видѣлъ съ досадою, что гордый Изяславъ, вопреки древнему уставу, отнявъ старѣйшинство у дядей, сѣлъ на тронѣ Кіевскомъ. Пользуясь симъ расположеніемъ, Святославъ обратился къ Георгію и молилъ его освободить Игоря. „Иди въ Кіевъ,“ говорилъ онъ: „спаси несчастнаго, и властвуй въ землѣ Русской. „Богъ помогаетъ тому, кто вступается за „утѣсненныхъ.“ Георгій далъ ему слово, и началъ готовить войско. — Святославъ нашелъ и другихъ защитниковъ въ Ханахъ Половецкихъ, братьяхъ его матери: они съ тремя стами всадниковъ немедленно явились въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, куда прибыли также юный Князь Рязанскій, Владиміръ, внукъ Ярославовъ, и Галицкій изгнанникъ, Іоаннъ Ростиславичь *Берладникъ* (295).

Георгій возстаетъ на Изяслава.

Уже Давидовичи, соединясь съ сыномъ Великаго Князя, Мстиславомъ, Вождемъ Переяславской дружины и Берендѣевъ, вступили въ область Сѣверскую, и грабили оную, нщетно хотѣвъ взять Новгородъ. Въ надеждѣ усовѣстить ихъ, Духовникъ Святославовъ пріѣхалъ къ нимъ въ станъ и сказалъ именемъ Князя: ,,Родственники жестокіе! довольны ли ,,вы злодѣйствами, разоривъ мою область, взявъ ,,имѣніе, стада; истребивъ огнемъ хлѣбъ и ,,запасы? желаете ли еще умертвить меня?" Союзники вторично требовали, чтобы онъ навсегда отступился отъ несчастнаго Игоря. ,,Нѣтъ!" отвѣтствовалъ Святославъ: ,,пока душа моя въ тѣлѣ, не измѣню единокровному!" Давидовичи заняли село Игорево, гдѣ сей Князь имѣлъ дворецъ и хранилъ свое богатство; нашли вино и медъ въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ; отправили множество возовъ съ добычею, и веселясь разрушеніемъ, сожгли дворецъ, церковь, гумно Княжеское, гдѣ было *девять сотъ* скирдовъ хлѣба.

Великій Князь, свѣдавъ о воинскихъ приготовленіяхъ Георгія Владиміровича, велѣлъ другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набѣгами тревожить Суздальскую область; самъ же выступилъ изъ Кіева и соединился съ Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная ихъ вѣроломство, жители не хотѣли договариваться съ ними, но охотно сдались Великому Князю [296]. Тамъ находился собственный домъ Святослава: Князья раздѣлили его имѣніе. Лѣтописецъ ска-

Декабря 25.

зываетъ, что они нашли въ выходахъ 500 *берковцевъ* меду и 80 *корчагъ* вина; ограбили славную церковь Вознесенія, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварію шитою золотомъ, коваными Евангеліями и книгами. Семь сотъ рабовъ Княжескихъ были также ихъ добычею. Богатство Княжеское.

Святославъ ожидалъ Георгія: онъ дѣйствительно шелъ къ нему въ помощь; свѣдавъ же о нападеніи Князя Рязанскаго на Суздальскую область, возвратился изъ Козельска. Одинъ сынъ его, Іоаннъ Георгіевичь, пріѣхалъ съ дружескими увѣреніями къ Святославу, который, въ знакъ благодарности, отдалъ ему Курскъ и Посемье, но принужденъ былъ искать убѣжища въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Многочисленная рать Великокняжеская шла къ Новугороду. Старый Вельможа Черниговскаго Князя, бывшій нѣкогда вѣрнымъ слугою Олеговымъ, изъ сожалѣнія тайно увѣдомилъ Святослава о предстоящей ему опасности. „Спасай жену, дѣтей своихъ и супругу Игореву!“ говорили его друзья и Бояре [297]: „всѣ „запасы твои уже въ рукахъ непріятельскихъ. „Удалимся въ *лѣсную* землю Карачевскую: ея „дремучіе боры и помощь Георгіева будутъ „твоею защитою.“ Нѣкоторые Вельможи говорили искренно; другіе хотѣли только избавиться отъ кровопролитія, и сами остались въ Новѣгородѣ, когда Святославъ уѣхалъ въ Карачевъ. За нимъ гнался Изяславъ Давидовичь съ 3000 всадниковъ и Воеводою Кіевскимъ, Шварномъ. Уже бѣгство не могло спа-

сти несчастнаго: надлежало отдаться въ плѣнъ или сразиться. Отчаянный Святославъ съ вѣрною *дружиною* и *дикими* Половцами
Г. 1147, Генваря 16. ударилъ на врага; разбилъ его, опустошилъ Карачевъ и немедленно удалился въ сопредѣльную землю Вятичей, которая зависѣла отъ Черниговскихъ Владѣтелей. Великій Князь — напрасно желавъ побѣдою загладить неудачу Изяслава — отдалъ Давидовичамъ всю завоеванную область, кромѣ Курска; исключительно присвоилъ себѣ одно Игорево достояніе и возвратился въ Кіевъ.

Въ сіе время Игорь былъ уже Монахомъ. Изнуренный печалію и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта, когда Великій Князь готовился итти на его брата (298). „Давно, и въ самомъ счастіи, я хотѣлъ по„святить Богу душу мою," говорилъ Игорь: „нынѣ, въ темницѣ и при дверяхъ гроба, мо„гу ли желать инаго?" Изяславъ отвѣтствовалъ ему: „ты свободенъ; но выпускаю тебя „единственно ради болѣзни твоей." Его отнесли въ келью: онъ 8 дней лежалъ какъ мертвый; но постриженный Святителемъ Евфи-
Игорь Схимникъ. міемъ, совершенно выздоровѣлъ, и въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора принялъ Схиму, которая не спасла его отъ гнѣва Судьбы: скоро увидимъ жалкій конецъ сего несчастнаго Олегова сына.

Князья Черниговскіе выгнали Святослава изъ Брянска, Козельска, Дѣдославля; но слыша, что Георгій прислалъ къ нему 1000 Бѣлозерскихъ латниковъ, отступили къ Чер-

шитову. Они не устыдились всенародно объявить въ странѣ Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава, и что убійцы будутъ награждены его имѣніемъ! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. Въ числѣ ихъ находился Воевода, Князь Іоаннъ *Берладникъ:* онъ не захотѣлъ болѣе съ нимъ скитаться, взялъ у него за службу 200 гривенъ серебра, 6 фунтовъ золота, и перешелъ къ Смоленскому Князю. Но Владиміръ Рязанскій, и сынъ Георгіевъ, Іоаннъ, усердно дѣлили труды и безпокойства съ Святославомъ, который, имѣвъ несчастіе лишиться послѣдняго, изъявилъ достохвальную чувствительность: видя Іоанна больнаго, забылъ войну и непріятелей; молился, думалъ единственно объ немъ; столь горестно оплакивалъ кончину сего юноши, что самъ Георгій старался его утѣшить, и приславъ богатые дары, обѣщалъ другимъ сыномъ замѣнить ему умершаго вѣрнаго сподвижника. Общая ненависть къ Великому Князю утвердила союзъ между ими: Князь Суздальскій изгналъ Рязанскаго, союзника Изяславова, заставилъ его бѣжать къ Половцамъ, взялъ Торжекъ и плѣнилъ жителей; а Святославъ разорилъ часть Смоленской области, вокругъ Протвы, или землю Голядскую [299].

Февраля 24. Чувствительность Святослава.

Довольный зломъ, причиненнымъ Удѣлу Изяславовыхъ братьевъ, Георгій желалъ лично утѣшить Святослава, коего сынъ, Олегъ, подарилъ ему тогда рѣдкаго красотою парда. Лѣтописецъ хвалитъ искреннее дружество, ве-

селую бесѣду Князей, великолѣпіе обѣденнаго пиршества и щедрость Георгія въ награжденіи Бояръ Святославовыхъ. Между сими Вельможами отличался девяностолѣтній старецъ, именемъ Петръ; онъ служилъ дѣду, отцу Государя своего; уже не могъ сѣсть на коня, но слѣдовалъ за Княземъ, ибо сей Князь былъ несчастливъ. Георгій, непріятель Ростислава Рязанскаго, осыпалъ ласками и дарами его племянника, Владиміра, какъ друга и товарища Святославова (300).

Начало Москвы.

Сіе угощеніе достопамятно: оно происходило въ *Москвѣ*. Къ сожалѣнію, Лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской будетъ со временемъ главою обширнѣйшей Монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году, Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ Лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ (301). Они разсказываютъ, что сей Князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ села зажиточнаго Боярина *Кучки, Степана Ивановича,* велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ; а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владимірѣ, женилъ на прелестной дочери казненнаго Боярина. „Москва есть „*третій* Римъ“ — говорятъ сіи повѣствователи — „и четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окро-

,,вавленная голова человѣческая: Москва пак-
,,же на крови основана, и къ изумленію вра-
,,говъ нашихъ сдѣлалась Царствомъ знамени-
,,тымъ.“ Она долгое время именовалась *Куч-
ковымъ*.

Ободренный Святославъ возвратился къ берегамъ Оки. Тамъ соединились съ нимъ Ханы Половецкіе, его дяди, и такъ называемые *Бродники*, о коихъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Сіи люди были Христіане, обитали въ степяхъ Донскихъ среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и, какъ вѣроятно, состояли большею частію изъ бѣглецовъ Русскихъ: они за деньги служили нашимъ Князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ (302). Разоривъ многія селенія въ верховьѣ Угры, въ Смоленской области, Святославъ завоевалъ всю страну Вятичей, отъ Мценска до Сѣверскаго Удѣла, и вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Георгія, шелъ далѣе, когда Послы Давидовичей встрѣтили его и сказали именемъ Князей: ,,Забудемъ про-
,,шедшее. Дай намъ клятву союзника, и возь-
,,ми свою отчину. Не хотимъ твоего имѣнія.“
Успѣхи ли Ольговича склонили ихъ къ миру? или сынъ Всеволодовъ, Святославъ, который, въ замѣну Владиміра получивъ въ Удѣлъ отъ Великаго Князя Бужскъ, Меджибожъ, Котельницу и другіе города, держалъ его сторону, но жалѣлъ о дядѣ и тайно съ нимъ пересылался? Какъ бы то ни было, Черниговскіе Князья, Святославъ Ольговичь и сынъ Всеволодовъ заключили союзъ, чтобы соединенны-

Бродники.

ми силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу [303].

Еще Великій Князь не зналъ сего вѣроломства Давыдовичей и спокойно занимался въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ церковнымъ. Слѣдуя примѣру Великаго Ярослава, онъ созвалъ шесть Россійскихъ Епископовъ и велѣлъ имъ, безъ всякаго сношенія съ Царемградомъ (гдѣ Духовенство не имѣло тогда Главы) на мѣсто скончавшагося Митрополита, Грека Михаила, поставить Климента, Черноризца и Схимника, знаменитаго не только Ангельскимъ Образомъ, но и рѣдкою мудростію [304]. Нѣкоторые Епископы представляли, что благословеніе Патріарха для того необходимо; что нарушить сей древній обрядъ есть уклониться отъ православія Восточной Церкви, и что умершій Святитель Михаилъ обязалъ ихъ всѣхъ грамотою не служить безъ Митрополита въ Софійскомъ храмѣ. Другіе, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславову, согласную съ пользою и честію Государства. Епископъ Смоленскій, Онуфрій, выдумалъ посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владиміромъ изъ Херсона (такъ же, какъ Греческіе Архіереи издревле ставили Патріарховъ рукою Іоанна Крестителя) и симъ торжественнымъ обрядомъ успокоилъ Духовенство. Одинъ Нифонтъ, Святитель Новогородскій, не признавалъ Климента Пастыремъ Церкви; осуждалъ Епископовъ какъ человѣкоугодниковъ, и заслужилъ благоволеніе Николая IV, который, чрезъ нѣ-

Поставленіе Россійск. Митрополита.

сколько мѣсяцевъ заступивъ мѣсто изгнаннаго Цареградскаго Патріарха Космы II, написалъ къ Нифонту одобрительную грамоту и сравнивалъ его въ ней съ первыми Святыми Отцами.

Въ то время, какъ Изяславъ, распустивъ Соборъ и возобновивъ миръ съ Половцами [305], думалъ наслаждаться спокойствіемъ, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святославъ завоевалъ ихъ область; что они желаютъ выгнать его съ помощію Великаго Князя и смирить Георгія, ихъ врага общаго. Изяславъ отпустилъ къ нимъ племянника, Всеволодова сына [306], и скоро, убѣжденный вторичною прозьбою Князей Черниговскихъ, велѣлъ собираться войску, чтобы итти на Святослава и Георгія. „Пойдемъ съ радостію и „съ дѣтьми на Ольговича,“ говорили ему Кіевляне: „но Георгій твой дядя. Государь! дер„знемъ ли поднять руку на сына *Монома„хова*?“ Столь народъ любилъ память добродѣтельнаго Владиміра! Изяславъ не хотѣлъ слушать Бояръ, которые сомнѣвались въ вѣрности Князей Черниговскихъ. „Мы дали взаим„ную клятву быть союзниками,“ сказалъ онъ съ твердостію: „иду — и пусть малодушные „остаются!“ Уже Великій Князь стоялъ на рѣкѣ Супоѣ, поручивъ столицу брату своему, Владиміру. Къ счастію, Бояринъ Кіевскій, Улѣбъ, свѣдалъ въ Черниговѣ тайный заговоръ и спѣшилъ увѣдомить Изяслава, что Давидовичи мыслятъ злодѣйски умертвить его или выдать Святославу, находясь въ согласіи съ

Любовь къ Мономаху.

Измѣна Черниговъ. Князей.

Георгіемъ. Великій Князь не вѣрилъ. Бояринъ Кіевскій явился во дворцѣ измѣнниковъ и сказалъ имъ, что Изяславъ требуетъ отъ нихъ новой клятвы въ дружествѣ [307]. „Развѣ мы на„рушили прежнюю?" говорили они: „Христіа„нинъ не долженъ призывать всуе имени Бо„жія." Тогда Посолъ обличилъ ихъ въ гнусномъ злоумышленіи. Безмолвствуя, Давидовичи смотрѣли другъ на друга, выслали Боярина, совѣтовались, и наконецъ, призвавъ его, отвѣтствовали: „Не запираемся; но можемъ ли „спокойно видѣть злосчастіе брата своего, „Игоря? Онъ Чернецъ, Схимникъ, и все еще „въ неволѣ. Изяславъ, самъ имѣя братьевъ, „снесъ ли бы ихъ заключеніе? Да возвратитъ „свободу Игорю, и мы будемъ искренними „друзьями!" Бояринъ Кіевскій напомнилъ имъ безкорыстіе своего Князя, не хотѣвшаго удержать за собою ни Сѣверскаго Новагорода, ни Путивля, и сказавъ: „Богъ да судитъ и „сила животворящаго креста да накажетъ „клятвопреступниковъ!" бросилъ на столъ *крестныя* или союзныя *грамоты*. Война была объявлена, и гонцы Изяславовы въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новѣгородѣ, обнародовали вѣроломство Князей Черниговскихъ, звали мстителей, воспаляли сердца праведнымъ гнѣвомъ.

Сія вѣсть имѣла въ Кіевѣ слѣдствіе ужасное. Владиміръ Мстиславичь собралъ гражданъ на Вѣче къ Св. Софіи. Митрополитъ, Лазарь Тысяцкій и всѣ Бояре тамъ присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно [308]: „Великій Князь *цѣлуетъ* сво-

„его брата, Лазаря и всѣхъ гражданъ Кіев„скихъ, а Митрополиту кланяется."... Народъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ знать вину посольства. Вѣстникъ говорилъ: „*Такъ вѣщаетъ* „*Изяславъ*: Князья Черниговскіе и сынъ Все„володовъ, сынъ сестры моей, облагодѣтельствованный мною, забывъ святость крестнаго цѣ„лованія, тайно согласились съ Ольговичемъ „и Георгіемъ Суздальскимъ. Они думали ли„шить меня жизни или свободы; но Богъ со„хранилъ вашего Князя. Теперь, братья Кіев„ляне, исполните обѣтъ свой: идите со мною „на враговъ Мономахова роду. Вооружитесь „отъ мала до велика. Конные на коняхъ, пѣ„шіе въ ладіяхъ да спѣшатъ къ Чернигову! „Вѣроломные надѣялись, убивъ меня, истре„бить и васъ." Всѣ единогласно отвѣтствовали: „Идемъ за тебя, и съ дѣтьми!" Но, къ несчастію, сыскался одинъ человѣкъ, который сіе прекрасное народное усердіе омрачилъ мыслію злодѣйства. „Мы рады итти," говорилъ онъ: „но вспомните, что было нѣ„когда при Изяславѣ Ярославичѣ. Пользуясь „народнымъ волненіемъ, злые люди освободи„ли Всеслава и возвели на престолъ: дѣды „наши за то пострадали. Врагъ Князя и на„рода, Игорь, не въ темницѣ сидитъ, а жи„ветъ спокойно въ монастырѣ Св. Θеодора: „умертвимъ его, и тогда пойдемъ наказать „Черниговскихъ!" Сія мысль имѣла дѣйствіе вдохновенія. Тысячи голосовъ повторили: „да „умретъ Игорь!" Напрасно Князь Владиміръ, устрашенный такимъ намѣреніемъ, говорилъ

народу: „Брать мой не хочеть убійства. Игорь „останется за стражею; а мы пойдемъ къ „своему Государю." Кіевляне твердили: „Знаемъ, что добромъ не возможно раздѣлаться „съ племенемъ Олеговымъ." Митрополитъ, Лазарь и Владиміровъ Тысячскій, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народъ не слушалъ, и толпами устремился къ монастырю. Владиміръ сѣлъ на коня, и хотѣлъ предупредить неистовыхъ, но встрѣтилъ ихъ уже въ монастырскихъ вратахъ: схвативъ Игоря въ церкви, въ самый часъ Божественной Литургіи, они вели его съ шумомъ и свирѣпымъ воплемъ. „Брать любезный! куда ведутъ меня?" спросилъ Игорь. Владиміръ старался освободить несчастнаго, закрылъ собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ, которые толкали его, били, и сорвали съ Боярина Владимірова, Михаила, крестъ и златыя цѣпи. Но жертва была обречена: злодѣи

Убіеніе Игоря.

вломились въ домъ, безжалостно убили Игоря, и влекли нагаго по улицамъ до самой торговой площади; стали вокругъ, и смотрѣли какъ невинные. Присланные отъ Владиміра Тысячскіе въ глубокой горести сказали гражданамъ: „Воля народная исполнилась: Игорь „убитъ! Погребемъ же тѣло его." Народъ отвѣтствовалъ: „Убійцы не мы, а Давидовичи „и сынъ Всеволодовъ. Богъ и Святая Софія „защитили нашего Князя!" Трупъ Игоревъ отнесли въ церковь; на другой день облачили въ ризу Схимника и предали землѣ въ мона-

стырѣ Св. Симеона. Игуменъ Θеодоровской Обители, Ананія, совершая печальный обрядъ, воскликнулъ къ зрителямъ: „Горе живущимъ „*нынѣ! горе вѣку суетному и сердцамъ же-„стокимъ!*“ Въ то самое время загремѣлъ громъ: народъ изумился, и слезами раскаянія хотѣлъ обезоружить гнѣвное Небо (309). — Великій Князь, свѣдавъ о семъ злодѣйствѣ, огорчился въ душѣ своей, и говорилъ Боярамъ, проливая слезы: „Теперь назовутъ меня убійцею Иго-„ря! Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣлъ въ „томъ ни малѣйшаго участія, ни дѣломъ, ни „словомъ: *Онъ разсудитъ насъ въ другой жизни.* „Кіевляне поступили неистово.“ Но боясь строгостію утратить любовь народную, Изяславъ оставилъ виновныхъ безъ наказанія; возвратился въ столицу, и ждалъ рати Смоленской.

Война скоро началася. Святославъ Ольговичь, увѣдомленный о жалостной кончинѣ брата, созвалъ дружину, и рыдая въ горести, заклиналъ всѣхъ быть усердными орудіями мести справедливой. Онъ пошелъ къ Курску, гдѣ находился сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, который, чтобы узнать вѣрность жителей, спрашивалъ, готовы ли они сразиться? „Готовы,“ отвѣтствовали граждане: „но „только не обнажимъ меча на внука Моно-„махова:“ ибо Глѣбъ, сынъ Георгія Владиміровича, былъ съ Святославомъ. Юный Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а Курскъ и города на берегахъ Сейма добровольно поддалися Глѣбу (310); другіе оборонялись и не хотѣли измѣ- Война междоусобная.

нить Государю Кіевскому: напрасно Свято-славъ и Глѣбъ грозили жителямъ вѣчною неволею и Половцами. Соединясь съ дружиною Черниговскою, сіи Князья взяли приступомъ только одинъ городъ; свѣдавъ же, что Изяславъ идетъ къ Сулѣ, и что рать Смоленская выжгла Любечь, ушли въ Черниговъ, оставленные своими друзьями, Половцами. Великій Князь завоевалъ крѣпкій городъ Всеволожь, обратилъ въ пепелъ Бѣлую Вежу и другія мѣста въ Черниговской области, но безъ успѣха приступалъ къ *Глѣблю* (ибо жители, въ надеждѣ на Святаго защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился въ Кіевъ торжествовать побѣду веселымъ пиромъ, отложивъ дальнѣйшія предпріятія до удобнаго времени. Онъ велѣлъ брату своему, Ростиславу, итти въ Смоленскъ и вмѣстѣ съ Новогородцами тревожить область Суздальскую.

Непріятельскія дѣйствія возобновились. Глѣбъ занялъ Остеръ, и давъ слово Великому Князю ѣхать къ нему въ Кіевъ для свиданія, хотѣлъ нечаянно взять Переяславль; но былъ отраженъ (311). Въ то же время Черниговцы, дружина Святославова и Половцы, ихъ союзники, опустошили Брагинъ. Изяславъ, осадивъ Глѣба въ Городцѣ или Остерѣ, принудилъ его смириться, и сталъ близъ Чернигова на *Олеговомъ полѣ*, предлагая врагамъ сво-
г. 1148. имъ битву. Они не смѣли, ибо видѣли рать многочисленную. Великій Князь пошелъ къ Любечу, гдѣ находились ихъ запасы. Давидовичи, Святославъ и сынъ Всеволодовъ, соеди-

нясь съ Князьями Рязанскими, рѣшились наконецъ ему противоборствовать. Уже стрѣлки начали дѣло; но сильный, необыкновенный зимою дождь развелъ неприятелей. Рѣка, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Днѣпръ тронулся: Изяславъ едва успѣлъ перейти на другую сторону; а Венгры, служившие ему какъ союзники, обломились на льду.

Тогда Святославъ и Князья Черниговскiе отправили посольство къ Георгiю. „Мы воюемъ" — говорили они — „а ты въ бездѣй„ствiи. Неприятель обратилъ въ пепелъ наши „города за Десною и села въ окрестностяхъ „Днѣпра, а помощи отъ тебя не видимъ. Ис„полни обѣтъ, утвержденный цѣлованiемъ кре„ста: иди съ нами на Изяслава, или мы при„бѣгнемъ къ великодушiю врага сильнаго." Георгiй все еще медлилъ (312). Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростиславъ, старшiй сынъ Георгiевъ, посланный отцемъ дѣйствовать за-одно съ Князьями Черниговскими, гнушался ихъ вѣроломствомъ, и сказавъ дружинѣ: „пусть гнѣвается родитель; но злодѣи Мономаховой крови „не будутъ мнѣ союзниками," прiѣхалъ въ Кiевъ, гдѣ Изяславъ встрѣтилъ его дружелюбно, угостилъ, осыпалъ дарами. Сей юноша, не имѣя въ Суздальской землѣ никакого Удѣла, предложилъ свои ревностныя услуги Великому Князю, какъ старшему изъ внуковъ Мономаховыхъ. Изяславъ отвѣтствовалъ: „Всѣхъ насъ старѣе отецъ твой; но онъ не „умѣетъ жить съ нами въ дружбѣ, а я хочу быть

Медленность Георгiя.

„для всѣхъ моихъ братьевъ нѣжнымъ родствен-„никомъ. Георгій не даетъ тебѣ городовъ: „возьми ихъ у меня.“ Онъ далъ ему бывшій Удѣлъ своего неблагодарнаго племянника, Святослава Всеволодовича (313), вмѣстѣ съ Городцемъ Остерскимъ, выславъ оттуда коварнаго Глѣба. „Спѣши къ друзьямъ“ — сказалъ ему Великій Князь — „и требуй отъ нихъ Удѣла:“ ибо Глѣбъ, смирясь невольно, оставался единомышленникомъ непріятелей Изяславовыхъ и вторично хотѣлъ-было завладѣть Переяславлемъ. Думая, что искренній, чувствительный Ростиславъ можетъ примирить отца съ Великимъ Княземъ, и страшася быть жертвою ихъ союза, Давидовичи изъявили ему желаніе прекратить войну, говоря благоразумно: „*Миръ стоитъ до рати, а рать до мира*: такъ „слыхали мы отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ. „Не вини насъ, хотѣвшихъ войною освобо-„дить брата. Но Игорь уже въ могилѣ, гдѣ и „всѣ будемъ. Богъ да судитъ прочее; а намъ „не должно губить отечества.“ Изяславъ хотѣлъ знать мысли брата. Смоленскій Князь отвѣтствовалъ: „Я Христіанинъ и люблю „Русскую землю: не хочу кровопролитія; но „если Давидовичи и Святославъ не преста-„нутъ злобиться на тебя за Игоря, то луч-„ше явно воевать — и будетъ, что угодно „Богу.“ Тогда Великій Князь отправилъ Послами въ Черниговъ Бѣлогородскаго Епископа Ѳеодора, Печерскаго Игумена Ѳеодосія и Бояръ, которые заключили торжественный миръ. Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и

племянникъ его, сынъ Всеволодовъ, въ Соборномъ храмѣ цѣловали крестъ, давъ клятву оставить злобу и „блюсти Русскую землю за-одно съ Изяславомъ.“ Скоро Великій Князь позвалъ ихъ на совѣтъ въ Городецъ: Святославъ и племянникъ его отказались отъ свиданія; но Давидовичи, отвѣтствуя за вѣрность того и другаго, условились тамъ съ Изяславомъ дѣйствовать противъ Георгія Суздальскаго, который отнималъ дани у Новогородцевъ и безпокоилъ ихъ границы. Союзники вмѣстѣ пировали и разъѣхались, отложивъ войну до зимы: ибо рѣки, топи, болота запрудняли путь лѣтомъ, и медленность страшила Полководцевъ болѣе, нежели морозы, снѣга и метели. — Черниговцы долженствовали итти къ Ростову и встрѣтить Великаго Князя на берегахъ Волги.

Георгій, желая казаться великодушнымъ защитникомъ утѣсненныхъ Ольговичей, въ самомъ дѣлѣ мыслилъ только о себѣ, и ненавидѣлъ Изяслава единственно какъ похитителя достоинства Великокняжескаго; не могъ также простить и Новогородцамъ безчестное изгнаніе своего сына, Ростислава. Князь ихъ, Святополкъ, хотѣвъ въ 1147 году отмстить Суздальскому за взятіе Торжка, возвратился съ дороги отъ распутья, и жители сего опустошеннаго города еще томились въ неволѣ. Епископъ Нифонтъ, другъ народнаго благоденствія, ѣздилъ въ Суздаль; былъ принятъ съ отмѣннымъ уваженіемъ, святилъ

шамъ храмы, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, но не могъ склонить Георгія къ миру [314].

Оставивъ Владиміра въ столицѣ, сына своего въ Переяславлѣ, а Ростислава Георгіевича пославъ въ Бужскъ, чтобы охранять тамошнія границы и спокойно ждать конца войны, Великій Князь отправился въ Смоленскъ къ брату, веселился съ нимъ, праздновалъ, мѣнялся дарами и расположилъ военныя дѣйствія [315]. Онъ поручилъ всю рать Смоленскому Князю, велѣлъ ему итти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдицы, и пріѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ начальствовалъ уже не братъ его, а сынъ, Ярославъ: ибо Святополкъ, утративъ любовь народную, былъ переведенъ Изяславомъ въ область Владимірскую. Граждане давно не видали у себя Великихъ Князей, и встрѣтили внука Мономахова съ живѣйшею радостію. Многочисленныя толпы провождали его до городскихъ воротъ, гдѣ стояли всѣ Бояре съ юнымъ Княземъ. Отслушавъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ, Изяславъ далъ пиръ народу. Бирючи или Герольды ходили по улицамъ и звали гражданъ обѣдать съ Княземъ. Такъ называемое *Городище*, донынѣ извѣстное, было мѣстомъ сего истинно великолѣпнаго пиршества: Государь веселился съ народомъ, какъ добрый отецъ среди любезнаго ему семейства. На другой день ударили въ Вѣчевый колоколъ, и граждане спѣшили на Дворъ Ярославовъ: тамъ Великій Князь, въ собраніи Новогородцевъ и Псковитянъ, произнесъ краткую, но сильную рѣчь. „Братья!“ сказалъ онъ: „Князь Суздальскій

Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ.

,,оскорбляетъ Новгородъ. Оставивъ столи-
,,цу Рускую, я прибылъ защитить васъ (316). Рѣчь Изяслава.
,,Хотите ли войны? мечь въ рукѣ моей. Хо-
,,тите ли мира? вступимъ въ переговоры." *Вой-
ны! войны!* отвѣтствовалъ народъ: ,,ты нашъ
,,Владиміръ, ты Мстиславъ! пойдемъ съ то-
,,бою всѣ, отъ стараго до младенца." Рат-
ники надѣли шлемы. Псковитяне, Корелы
собрали также войско, и Великій Князь на
устьѣ Медвѣдицы соединился съ братомъ сво-
имъ, Ростиславомъ. Напрасно ждали они воз-
вращенія Посла, отправленнаго ими къ дядѣ
еще изъ Смоленска: Георгій задержалъ его и
не хотѣлъ отвѣтствовать на ихъ жалобы.
Напрасно ждали и Князей Черниговскихъ, ко-
торые остановились въ землѣ Вятичей и хо-
тѣли прежде видѣть, кому счастіе войны бу-
детъ благопріятствовать. Мстиславичи всту-
пили въ область Суздальскую: села и города Г. 1149. Опустошеніе земли Суздальской.
запылали на берегахъ Волги до *Углича* и Мо-
логи; жители спасались бѣгствомъ. Новогород-
цы разорили окрестности Ярославля, и война
кончилась безъ сраженія: ибо весна уже на-
ступала, рѣки покрывались водою и кони ху-
до служили всадникамъ. Изяславъ, проводивъ
Новогородцевъ, весновалъ въ Смоленскѣ и бла-
гополучно возвратился въ столицу, къ ис-
кренней радости народа. Семь тысячь плѣн-
никовъ свидѣтельствовали его побѣду.

Скоро Великій Князь испыталъ превратность
счастія, и могъ приписать оную собственной
несправедливости. Ростиславъ Георгіевичь былъ
ему истиннымъ другомъ; но клеветники го-

ворили Изяславу, что сей Князь, въ *его* отсутствіе, старался обольстить Днѣпровскихъ Берендѣевъ и самыхъ Кіевлянъ, хотѣлъ завладѣть столицею и подобно отцу ненавидитъ родъ Мстислава [317]. Люди, склонные къ чистосердечной довѣренности, легко вѣрятъ и злословію: Великій Князь, упрекая Ростислава неблагодарностію, отнялъ у него все имѣніе, оружіе, коней; заключилъ въ цѣпи дружину, и самого отправилъ съ тремя человѣками въ лодкѣ къ отцу, не давъ ему суда и не хотѣвъ слушать оправданій. Георгій оскорбился безчестіемъ сына гораздо болѣе, нежели опустошеніемъ Суздальской области. „Такъ „платитъ Изяславъ неосторожному юношѣ „за безразсудную любовь и дружбу!" говорилъ онъ: „жестокій племянникъ совершенно от„чуждаетъ меня и дѣтей моихъ отъ *земли* „*Русской*" (симъ именемъ преимущественно означалась тогда *Россія южная*). Георгій наконецъ выступилъ, соединясь съ Половцами. Святославъ Ольговичь, видя безпрестанно въ мысляхъ своихъ окровавленную тѣнь брата и считая Великаго Князя убійцею, обрадовался случаю мести: миръ, клятвенно утвержденный въ Черниговскомъ храмѣ, и брачный союзъ юной его дочери съ сыномъ Князя Смоленскаго не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священнымъ долгомъ. Но Давидовичи рѣшительно отказались отъ дружбы Георгія, отвѣтствуя: „мы не спасъ городовъ „нашихъ; нынѣ, заключивъ союзъ съ Изясла„вомъ, не хотимъ нарушить онаго, и *не мо-*

Несправедливость Велик. Князя.

,,жемъ играть душею [318].“ Усердно помогая Великому Князю, они вмѣстѣ съ нимъ убѣждали Святослава быть его другомъ, согласно съ данною ими клятвою. Буду“ (сказалъ Ольговичь) ,,когда Изяславъ возвратитъ мнѣ все ,,имѣніе моего брата.“ Увѣренный, что Георгій дѣйствительно намѣренъ итти къ Кіеву, Святославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу близъ Обояна; также и сынъ Всеволодовъ, единственно въ угодность дядѣ. Георгій долго стоялъ у Бѣлой Вежи, надѣясь однимъ страхомъ побѣдить Великаго Князя. Но Изяславъ, собравъ вѣрныхъ братьевъ, готовился къ битвѣ. ,,Я ,,отдалъ бы ему (говорилъ онъ) любую область, ,,если бы Георгій пришелъ одинъ съ дѣтьми ,,своими; но съ нимъ варвары Половцы и враги мои, Ольговичи.“ Кіевляне хотѣли мира: ,,заключимъ его (сказалъ Изяславъ), но имѣя ,,въ рукахъ оружіе.“ Георгій осадилъ Переяславль: тамъ находились Владиміръ и Святополкъ Мстиславичи. Великій Князь спѣшилъ защитить городъ и вошелъ въ него; а Георгій, желая оказать умѣренность, послалъ къ нему Боярина съ такими словами: ,,Чтобы ,,отвратить несчастное кровопролитіе, забываю обиды, разореніе моихъ областей и ,,старѣйшинство, коего ты лишилъ меня несправедливо. *Царствуй* въ Кіевѣ: отдай мнѣ ,,только Переяславль, да господствуетъ въ ,,немъ сынъ мой!“ Гордый Изяславъ велѣлъ задержать Посла; отслушалъ Литургію у Св. Михаила, и готовясь обнажить мечь, требовалъ благословенія отъ Епископа Евфимія [319].

Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолялъ его примириться. „Нѣтъ!“ сказалъ Князь: „*я добылъ Кіева и Переяславля головою*: могу ли отдать ихъ?“ Умные Бояре совѣтовали ему хотя помедлить, думая, что Георгій безъ сраженія удалится, съ однимъ стыдомъ неудачи. Но Изяславъ, слѣдуя мнѣнію другихъ и порыву собственнаго, нетерпѣливаго мужества, расположилъ войско противъ непріятеля. Уже солнце спускалось къ Западу, и въ Переяславлѣ благовѣстили къ Вечернѣ: Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась; одни стрѣлки были въ дѣйствіи. Георгій началъ отступать: тогда Изяславъ, какъ бы пробужденный отъ глубокаго сна, быстро устремился впередъ, вообразивъ, что непріятель бѣжитъ. Затрубили въ воинскія трубы; солнце закатилось, и шумъ битвы раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для Великаго Князя. Берендѣи обратили тылъ; за ними Изяславъ Давидовичь съ дружиною Черниговскою; за ними Кіевляне; а Переяславцы измѣнили, взявъ сторону Георгія. Изяславъ пробился сквозь полкъ Ольговича и Суздальскій, прискакалъ самъ-третей въ Кіевъ, и собравъ жителей, спрашивалъ, могутъ ли они выдержать осаду? Граждане въ уныніи отвѣтствовали ему и Ростиславу Смоленскому: „Отцы, сы„новья и братья наши лежатъ на полѣ бит„вы; другіе въ плѣну или безъ оружія. Госу„дари добрые! не подвергайте столицы расхи„щенію; удалитесь на время въ свои частныя

Августа 23. Битва у Переяславля.

,,области. Вы знаете, что мы не уживем-,,ся съ Георгіемъ, и когда увидимъ ваши зна-,,мена, то всѣ единодушно на него возста-,,немъ." Великій Князь, взявъ супругу, дѣтей, Митрополита Климента, поѣхалъ въ Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ (320). Георгій вошелъ въ Переяславль, черезъ 3 дни въ Кіевъ, и дружелюбно пригласивъ туда Владиміра Черниговскаго, въ общемъ Княжескомъ совѣтѣ распорядилъ Удѣлы: отдалъ Святославу Ольговичу Курскъ, Посемье, Сновскую область, Слуцкъ и всю землю Дреговичей, бывшую въ зависимости отъ Великаго Княженія; сыновьямъ же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Васильку Суздаль. Знаменитый Епископъ Нифонтъ находился тогда въ Кіевѣ: призванный Изяславомъ, онъ все еще не хотѣлъ покориться Митрополиту Клименту; называлъ его не Пастыремъ Церкви, а *волкомъ*, и заключенный въ монастырѣ Печерскомъ, великодушно сносилъ гоненіе. Георгій возвратилъ ему свободу, и съ честію отпустивъ къ Новогородцамъ сего любезнаго имъ Епископа, надѣялся тѣмъ преклонить къ себѣ сердца ихъ, хотя въ то же самое время Воевода Іоаннъ Берладникъ, оставивъ Смоленскаго Князя и вступивъ въ Георгіеву службу, нападалъ на чиновниковъ Новогородскихъ, собиравшихъ дань въ уѣздахъ (321).

Бѣгство Изяслава.

Изгнанный Великій Князь обратился къ старшему дядѣ, Вячеславу, имъ оскорбленному; льстилъ ему именемъ втораго отца, пред-

Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками.

лагалъ господствовать въ Кіевѣ. Но Вячеславъ держалъ сторону Георгія, не вѣря ласкамъ, не боясь угрозъ племянника, который нашелъ союзниковъ въ Венгерскомъ Королѣ Гейзѣ, Владиславѣ Богемскомъ и въ Ляхахъ. Первый не задолго до того времени женился на его меньшей сестрѣ, Евфросиніи — такъ она называется въ Буллѣ Папы, Иннокентія IV — и далъ шурину 10,000 всадниковъ (322). Лѣтописецъ сказываетъ, что Государи Богемскій и Польскій, *сваты* Изяславовы, сами привели къ нему войско, и что Болеславъ Кудрявый, вмѣстѣ съ братомъ Генрикомъ угощенный роскошнымъ обѣдомъ въ Владимірѣ, *опоясалъ мечемъ* многихъ сыновей Боярскихъ. Но сіи иноземные союзники, узнавъ, что Георгій соединился съ Вячеславомъ въ Пересопницѣ, и что мужественный Владимірко Галицкій идетъ къ нему въ помощь, не захотѣли битвы, остановились у Чемерина, и совѣтовали Изяславу примириться съ дядею (323). Они, какъ посредники между ими, вступили въ переговоры, увѣряя, что равно доброхотствуютъ той и другой сторонѣ. „Вѣрю и бла„годарю васъ,“ отвѣтствовалъ Георгій: „иди„те же домой и не тяготите земли нашей; „тогда я готовъ удовлетворить требовані„ямъ моего племянника.“ Союзники вышли весьма охотно изъ Россіи; но хитрый Георгій, удаливъ ихъ, отвергнулъ мирныя предложенія, которыя состояли въ томъ, чтобы онъ, господствуя въ столицѣ Кіевской или уступивъ оную старшему брату, клятвенно

утвердилъ за Изяславомъ область Владимірскую, Луцкую и Великій Новгородъ со всѣми данями. Князь Суздальскій надѣялся отнять у племянника всѣ владѣнія, а гордый Изяславъ предпочиталъ гибель миру постыдному.

Непріятельскія дѣйствія начались въ Волыніи осадою Луцка, славною для сына Георгіева Андрея, ибо онъ имѣлъ случай оказать рѣдкое мужество. Въ одну ночь, оставленный союзными Половцами — которые съ Воеводою своимъ, Жирославомъ, бѣжали отъ пустой тревоги [324] — сей Князь презрѣлъ общій страхъ, устыдилъ дружину и хотѣлъ лучше умереть, нежели сойти съ мѣста. Видя же подъ стѣнами Луцка знамена отца своего (пришедшаго къ городу съ другой стороны) и сильную вылазку осажденныхъ, Андрей устремился въ битву, гналъ непріятелей, и былъ на мосту окруженъ ими. Его братья, Ростиславъ, Борисъ, остались далеко и ничего не знали: ибо пылкій Андрей не велѣлъ распустить своей хоругви, не вспомнилъ сего обряда воинскаго и не приготовилъ ихъ къ сраженію. Только два воина могли слѣдовать за Княземъ: одинъ пожертвовалъ ему жизнію. Камни сыпались съ городскихъ стѣнъ; уязвленный конь Андреевъ исходилъ кровію; острая рогатина прошла сквозь луку сѣдельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадѣду; изломивъ копье, вынулъ мечь; призвалъ имя Св. Θеодора (ибо въ сей день торжествовали его память), сразилъ Нѣмца, готоваго пронзить ему грудь, и

Г. 1150. Мужество Андрея.

Февраля 8.

благополучно возвратился къ отцу. Георгій, дядя Вячеславъ, Бояре, витязи, съ радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынесъ господина изъ опасности и палъ мертвый: благодарный Андрей соорудилъ ему памятникъ надъ рѣкою Стыремъ.

Памятникъ коню.

Братъ Изяславовъ, Владиміръ, начальствовалъ въ Луцкѣ. Три недѣли продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды въ Стырѣ, и Великій Князь хотѣлъ отважиться на битву для спасенія города. Тутъ Владимірко Галицкій оказалъ человѣколюбіе: сталъ между непріятелями, чтобы не допустить ихъ до кровопролитія, и взялъ на себя быть ходатаемъ мира. Юрій Ярославичь, внукъ бывшаго Великаго Князя, Святополка-Михаила (325), и Ростиславъ, сынъ Георгіевъ, мѣшали оному; но Владимірко, кроткій Вячеславъ и всѣхъ болѣе добродушный Андрей склонили Георгія прекратить несчастную вражду. Весною заключили миръ: Изяславъ призналъ себя *виновнымъ*, то есть, *слабѣйшимъ;* съѣхался съ дядями въ Пересопницѣ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ. Согласились, чтобы племянникъ княжилъ спокойно въ области Владимірской и пользовался данями Новогородскими; обязались также возвратить другъ другу всякое движимое имѣніе, отнятое въ теченіе войны. Изяславъ сложилъ съ себя достоинство Великаго Князя; а Георгій, желая казаться справедливымъ, уступилъ Кіевъ брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были слѣдствіемъ мира: одна дочь Георгіева,

Миръ.

именемъ Ольга, вышла за Ярослава Владимірковича Галицкаго, а другая за Олега, сына Святославова (326).

Всѣ казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгія. Въ угодность ему, какъ вѣроятно, Бояре его представили, что тихій, слабый Вячеславъ не удержитъ за собою Россійской столицы: Георгій, согласный съ ними, послалъ брата княжить въ Вышегородъ, на мѣсто своего сына, Андрея. Сверхъ того, будучи корыстолюбивъ, онъ не исполнилъ условій, и не возвратилъ Изяславу воинской добычи. Племянникъ жаловался: не получивъ удовлетворенія, занялъ Луцкъ, Пересопницу, гдѣ находился Глѣбъ Георгіевичъ. Давъ ему свободу, Изяславъ сказалъ: „У меня „нѣтъ вражды съ вами, братьями; но могу ли „сносить обиды? Иду на вашего отца, кото„рый не любитъ ни правды, ни ближнихъ.“ Увѣренный въ доброхотствѣ Кіевлянъ, онъ съ малочисленною дружиною пришелъ къ берегамъ Днѣпра и соединился съ Берендѣями; а Князь Суздальскій, изумленный нечаянною опасностію, бѣжалъ въ Городецъ (327).

Коварство Георгія.

Новая вражда.

Надѣясь воспользоваться симъ случаемъ, слабодушный Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и расположился во дворцѣ. Но граждане стремились толпами на встрѣчу къ Изяславу. „Ты „нашъ Государь!“ восклицали они: „не желаемъ „ни Георгія, ни брата его!“ Великій Князь послалъ объявить дядѣ, чтобы онъ, не хотѣвъ добровольно принять отъ него чести старѣйшинства, немедленно удалился, ибо обстоя-

тельства перемѣнились. „Убей меня здѣсь,“ отвѣтствовалъ *Вячеславъ:* „*а живаго не изго*-„*нишь.*“ Сія минутная твердость была безполезна. Провождаемый множествомъ народа изъ Софійской церкви, *Изяславъ* въѣхалъ на Дворъ Ярославовъ, гдѣ дядя его сидѣлъ въ сѣняхъ. Бояре совѣтовали Великому Князю употребить насиліе; нѣкоторые вызывались даже подрубить сѣни. Нѣтъ!“ сказалъ онъ: „я „не убійца моихъ ближнихъ; люблю дядю, „и пойду къ нему самъ.“ *Князья обнялися* дружелюбно. „Видишь ли мятежъ народа?“ говорилъ племянникъ: „дай миновать общему „волненію, и *для собственной безопасности* „иди въ Вышегородъ. Будь увѣренъ, что я не „забуду тебя.“ Вячеславъ удалился.

Добродушіе Изяслава.

Торжество Великаго *Князя было не долго*-временно. Сынъ его, Мстиславъ, хотѣлъ взять Переяславль: тамъ княжилъ Ростиславъ Георгіевичь, и *вмѣстѣ* съ Андреемъ *рѣшился* мужественною обороною загладить постыдное бѣгство отца; привелъ въ городъ Днѣпровскихъ кочующихъ Торковъ, готовыхъ соединиться съ Кіевлянами, и ждалъ врага неустрашимо. Великій Князь не имѣлъ времени заняться сею осадою: свѣдавъ о приближеніи Владимірка Галицкаго, друга Георгіева, также о соединеніи Давидовичей съ Княземъ Суздальскимъ, онъ поѣхалъ къ Вячеславу и вторично предложилъ ему сѣсть на тронъ Мономаховъ. „Для чего „же ты выгналъ меня съ безчестіемъ изъ Кіе-„ва?“ возразилъ *дядя:* „теперь отдаешь его „мнѣ, когда сильные враги готовы изгнать

„тебя самого." Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнялъ его съ нѣжностію, и заключивъ съ нимъ искренній союзъ надъ гробомъ Святыхъ Бориса и Глѣба, отдалъ ему всю дружину свою, знаменитую мужествомъ, чтобы отразить Владимірка. Изяславъ при звукѣ трубъ воинскихъ бодро выступилъ изъ столицы (328); но счастіе опять измѣнило его храбрости. Еще дружина Вячеслава не успѣла къ нему присоединиться: Берендѣи же и Кіевляне, встрѣтивъ Галичанъ на берегахъ Стугны, ужаснулись ихъ силы, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, разсѣялись. Онъ удерживалъ бѣгущихъ; хотѣлъ умереть на мѣстѣ; молилъ, заклиналъ робкихъ; наконецъ, видя вокругъ себя малочисленныхъ Венгровъ и Поляковъ, сказалъ дружинѣ съ горестію: „одни ли чужеземцы будутъ моими защитниками?" и самъ поворотилъ коня. Непріятель слѣдовалъ за нимъ осторожно, боясь хитрости. Великій Князь нашелъ въ Кіевѣ Вячеслава, и еще не успѣлъ отобѣдать съ нимъ во дворцѣ, когда имъ сказали, что Георгій на берегу Днѣпра, и что Кіевляне перевозятъ его войско въ своихъ лодкахъ. Исполняя совѣтъ племянника, Вячеславъ уѣхалъ въ Вышегородъ, а Великій Князь со всею дружиною въ область Владимірскую, занявъ крѣпости на берегахъ Горыни (329).

Чувствительность Вячеслава.

Побѣда Владимірко- ва.

Георгій и Князь Галицкій сошлися подъ стѣнами Кіева: съ первымъ находились Святославъ, племянникъ его (сынъ Всеволодовъ)

и Давидовичи. Напрасно хотѣвъ догнать Изяслава, они вступили въ городъ, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимірку. Сей Князь и Георгій торжествовали побѣду въ монастырѣ Печерскомъ, новыми обѣтами утвердили союзъ между собою и разстались усердными друзьями. Владимірко выгналъ еще Изяславова сына изъ Дорогобужа, взялъ нѣсколько городовъ Волынскихъ, отдалъ ихъ Мстиславу Георгіевичу, съ нимъ бывшему, но не могъ взять Луцка, и возвратился въ землю Галицкую, довольный своимъ походомъ, который доставилъ ему случай видѣть славные храмы Кіевскіе и гробъ Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба (330).

Бодрость и добросердечіе Андрея.

Георгій, боясь новыхъ предпріятій Изяславовыхъ, поручилъ Волынскую область свою надежнѣйшему изъ сыновей, храброму Андрею. Сей Князь болѣе и болѣе заслуживалъ тогда общее уваженіе: онъ смирилъ Половцевъ, которые, называясь союзниками отца его, грабили въ окрестностяхъ Переяславля, и не хотѣли слушать Пословъ Георгія; но удалились, какъ скоро Андрей велѣлъ имъ оставить Россіянъ въ покоѣ (331). Укрѣпивъ Пересопницу, онъ взялъ такія мѣры для безопасности всѣхъ городовъ, что Изяславъ раздумалъ воевать съ нимъ, и въ надеждѣ на его добродушіе предложилъ ему миръ. „Отказываюсь отъ Кіева" (говорилъ Великій Князь), „если отецъ твой уступитъ мнѣ всю Волынію. Венгры и Ляхи не братья мои: земля „ихъ мнѣ не отечество. Желаю остаться

„Русскимъ и владѣть достояніемъ нашихъ „предковъ." Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгій отвергнулъ мирныя предложенія, и заставилъ Изяслава снова обратиться къ иноземнымъ союзникамъ.

Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, поѣхалъ въ Венгрію и склонилъ Короля объявить войну опаснѣйшему изъ непріятелей Изяславовыхъ, Владимірку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общій врагъ Державъ сосѣдственныхъ. „Мы уймемъ его," сказалъ Гейза, и въ глубокую осень чрезъ горы Карпатскія вошелъ въ Галицію; завоевалъ Санокъ и думалъ осадить Перемышль. Желая безъ кровопролитія избавиться отъ врага сильнаго, хитрый Владимірко купилъ золотомъ дружбу Венгерскаго Архіепископа, именемъ Кукниша, и знатнѣйшихъ чиновниковъ Гейзиныхъ, которые убѣдили своего легковѣрнаго Монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы съ Великимъ Княземъ еще болѣе утвердилась: Владиміръ Мстиславичь женился на дочери Бана, родственника Королевскаго, и вторично посланный братомъ въ Венгрію, привелъ къ нему 10,000 отборныхъ воиновъ (332). Тогда Изяславъ, нетерпѣливо ожидаемый Кіевлянами, Берендѣями и преданною ему дружиною Вячеслава, смѣло выступилъ въ поле, миновалъ Пересопницу, и зная, что за нимъ идутъ полки Владимірковы, спѣшилъ къ столицѣ Великаго Княженія. Бояре говорили ему:

Хитрость Владимірка.

Г. 1151.

„у насъ впереди непріятель, за нами другой.“ Князь отвѣтствовалъ: „не время страшиться. Вы оставили для меня домы и села Кіевскія; я лишенъ родительскаго престола: „умру или возьму свое и ваше. Достигнетъ „ли насъ Владимірко, сразимся; встрѣтимъ „ли Георгія, также сразимся. Иду на судъ „Божій.“

Твердость Изяслава.

Граждане Дорогобужа встрѣтили Изяслава со крестами, но боялись Венгровъ. „Будьте „покойны,“ сказалъ Великій Князь: „я предводительствую ими. Не вы, люди моего отца и дѣда, а только одни враги мои должны ихъ ужасаться.“ Другіе города изъявляли ему такую же покорность. Онъ нигдѣ не медлилъ; но войско его едва оставило за собою рѣку Ушъ, когда легкій отрядъ Галицкаго показался на другой сторонѣ. Самъ Владимірко, вмѣстѣ съ Андреемъ Георгіевичемъ, стоялъ за лѣсомъ, въ ожиданіи своей главной рати. Началась перестрѣлка. Великій Князь хотѣлъ ударить на малочисленныхъ непріятелей: Бояре ему отсовѣтовали. „Рѣка и „лѣсъ передъ нами,“ говорили они: „пользуясь „ими, Владимірко можетъ долго сопротивляться, и задніе полки его приспѣютъ къ „битвѣ. Лучше не тратить времени, итти „впередъ и соединиться съ усердными Кіевлянами, ждущими тебя на берегахъ Тетерева.“ Изяславъ велѣлъ ночью разложить большіе огни, и тѣмъ обманувъ непріятеля, удалился; шелъ день и ночь, отрядилъ Владиміра Мстиславича къ Бѣлугороду, и надѣ-

Воинская хитрость.

ялся взять его незапно. Такъ и случилось. Борисъ Георгіевичь, пируя въ Бѣлогородскомъ дворцѣ своемъ съ дружиною и съ Попами, вдругъ услышалъ громкій кликъ и воинскія трубы; свѣдалъ, что полки Изяславовы уже входятъ въ городъ, и бѣжалъ къ отцу, не менѣе сына безпечному. Георгій жилъ спокойно въ Кіевѣ, ничего не зная: приведенный въ ужасъ столь нечаянною вѣстію, онъ бросился въ лодку и уѣхалъ въ Остеръ; а Великій Князь, оставивъ въ Бѣлѣгородѣ Владиміра Мстиславича для удержанія Галичанъ, вошелъ въ столицу, славимый, ласкаемый народомъ, какъ отецъ дѣтьми. Многіе Бояре Суздальскіе были взяты въ плѣнъ. Великій Князь, изъявивъ въ Софійскомъ храмѣ благодарность Небу, угостилъ обѣдомъ усердныхъ Венгровъ и своихъ друзей Кіевскихъ — а друзьями его были всѣ добрые граждане. За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры, и народъ, ликуя среди обширнаго двора Ярославова, съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ Венгерскихъ всадниковъ (33).

Безпечность Георгія и торжество Изяслава.

Ристаніе въ Кіевѣ.

Еще Кіевляне опасались Владимірка; но изумленный бѣгствомъ Георгія, онъ сказалъ Андрею, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ: „Сватъ мой есть примѣръ безпечности; господствуетъ въ Россіи, и не знаетъ, что „въ ней дѣлается; одинъ сынъ въ Пересопницѣ, другой въ Бѣлѣгородѣ, и не даютъ „отцу вѣсти о движеніяхъ врага! Когда вы „такъ правите землею, я вамъ не товарищъ. „Мнѣ ли одному ратоборствовать съ Изя-

„славомъ, теперь уже сильнымъ? Иду въ об-
„ласть свою.“ И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всѣхъ городовъ Волынскихъ. Обитатели, угрожаемые плѣномъ, сносили ему серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей съ печальнымъ сердцемъ пріѣхалъ къ отцу въ Городецъ Остерскій (334).

Справедливость Велик. Князя.

Утвердясь въ столицѣ, Великій Князь призвалъ дядю своего, Вячеслава, изъ Вышегорода. „Богъ взялъ моего родителя,“ говорилъ онъ: „будь мнѣ вторымъ отцемъ. Два раза я „могъ посадить тебя на престолѣ, и не сдѣ„лалъ того, ослѣпленный властолюбіемъ. Про„сти вину мою, да буду спокоенъ въ совѣсти. „Кіевъ твой: господствуй въ немъ подобно „отцу и дѣду.“ Добрый Вячеславъ, тронутый симъ великодушіемъ, съ чувствительностію отвѣтствовалъ: „Ты исполнилъ наконецъ „долгъ собственной чести своей. Не имѣя

Признательность Вячеслава.

„дѣтей, признаю тебя сыномъ и братомъ. „Я старъ, и не могу одинъ править землею: „будь моимъ товарищемъ въ дѣлахъ войны и „мира; соединимъ наши полки и дружину. „Иди съ ними на враговъ, когда не въ силахъ „буду дѣлить съ тобою опасностей (335)!“ Они цѣловали крестъ въ Софійскомъ храмѣ; клялися быть неразлучными во благоденствіи и злосчастіи. Старецъ, по древнему обыкновенію, далъ пиръ Кіевлянамъ и добрымъ союзникамъ, Венграмъ. Одаривъ послѣднихъ конями, сосудами драгоцѣнными, одеждами, тканями, Изяславъ отпустилъ ихъ въ отечество,

и въ слѣдъ за ними отправилъ своего сына благодарить Короля Гейзу. Сей Посолъ именемъ отца долженъ былъ сказать ему слѣдующія выразительныя слова: „Да поможетъ тебѣ Богъ, какъ ты помогъ намъ! Ни сынъ „отцу, ни братъ единокровному брату не „оказывалъ услугъ важнѣйшихъ. Будемъ всегда „за-одно. Твои враги суть наши: не златомъ, „одною кровію своею можемъ заплатить тебѣ долгъ. Но соверши доброе дѣло: еще имѣемъ врага сильнаго. Ольговичи и Князь Черниговскій, Владиміръ, въ союзѣ съ Георгіемъ, „который сыплетъ злато и манитъ къ себѣ „дикихъ Половцевъ. Не зовемъ тебя самого: „ибо Царь Греческій имѣетъ рать съ тобою. „Но когда наступитъ весна, мирная для Венгріи, то пришли въ Россію новое войско, „И мы въ спокойную чреду свою придемъ къ „тебѣ съ дружиною вспомогательною. Богъ „намъ поборникъ, народъ и Черные Клобуки „друзья." — Великій Князь звалъ также въ помощь къ себѣ брата, Ростислава Смоленскаго, который всегда думалъ, что старшій ихъ дядя имѣетъ законное право на область Кіевскую. Вячеславъ, увѣряя сего племянника въ дружбѣ, назвалъ его *вторымъ* сыномъ, и съ любовію принялъ Изяслава Черниговскаго, который, вопреки брату, Владиміру Давидовичу, отказался отъ союза съ Княземъ Суздальскимъ.

Благодарность къ Королю Венгерскому.

Георгій имѣлъ время собрать войско, и сталъ противъ Кіева, вмѣстѣ съ Ольговичами — то есть, двумя Святославами, дядею и племян-

никомъ — Владиміромъ Черниговскимъ и Половцами, разбивъ шатры свои на лугахъ восточнаго берега Днѣпровскаго. Рѣка покрылась военными ладіями; битвы начались. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о хитромъ вымыслѣ Изяслава: ладіи сего Князя, сдѣланныя о двухъ руляхъ, могли *не обращаясь* итти вверхъ и внизъ; одни весла были видимы: гребцы сидѣли подъ защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрѣлки. Отраженный Георгій вздумалъ переправиться ниже Кіева; ввелъ ладіи свои въ *Долобское* озеро (336), и велѣлъ ихъ тащить оттуда берегомъ до рѣки Золотчи, впадающей въ Днѣпръ. Изяславъ шелъ другою стороною, и суда его вступили въ бой съ непріятелемъ у *Витичевскаго брода.* Князь Суздальскій и тутъ не имѣлъ успѣха; но Половцы тайнымъ обходомъ разстроили Изяславовы мѣры: у городка Заруба, близъ Трубежскаго устья, они бросились въ Днѣпръ на коняхъ своихъ, вооруженные съ головы до ногъ, и закрываясь щитами. Святославъ Ольговичь и племянникъ его предводительствовали ими. Береговая стража Кіевская оробѣла. Напрасно Воевода Шварнъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ: „съ ними не было Князя (говоритъ Лѣтописецъ), а Боярина не всѣ слушаютъ.“ Половцы достигли берега, и Георгій спѣшилъ въ томъ же мѣсяцѣ переправиться черезъ Днѣпръ.

Осада Кіева.

Великій Князь отступилъ къ Кіеву и вмѣстѣ съ дядею сталъ у *Златыхъ* вратъ. Изяславъ Давидовичь между *Златыми* и *Жидов-*

скими вратами; подлѣ него Князь Смоленскій; Борисъ Всеволодковичъ Городненскій, внукъ Мономаховъ, у вратъ *Лятскихъ* или Польскихъ. Ряды Кіевлянъ окружили городъ. Черные Клобуки явились также подъ его стѣнами съ своими вежами и многочисленными стадами, которыя разсыпались въ окрестностяхъ Кіевскихъ. Дѣятельность, движеніе, необозримый строй людей вооруженныхъ, и самый безпорядокъ представляли зрѣлище любопытное. Пользуясь общимъ смятеніемъ, хищные друзья, Берендѣи и Торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяславъ, чтобы унять грабителей, велѣлъ брату своему, Владиміру, соединить ихъ и поставить у *Могилы Олеговой*, между оврагами. Воины, граждане, народъ, съ твердостію и мужествомъ ожидали непріятеля (337).

Но старецъ Вячеславъ еще надѣялся убѣдить брата словами мирными, и въ присутствіи своихъ племянниковъ далъ Послу наставленіе. „Иди къ Георгію,“ сказалъ онъ: „цѣлуй его „моимъ именемъ и говори такъ: Сколько разъ „молилъ я васъ, тебя и племянника, не про„ливать крови Христіанъ и не губить зем„ли Русской! Изяславъ, воставъ на Игоря, „велѣлъ мнѣ объявить, что ищетъ престола „Кіевскаго единственно для меня, втораго „отца своего; а послѣ завладѣлъ собственны„ми моими городами, Туровымъ и Пинскимъ! „Равно обманутый и тобою — лишенный Пе„ресопницы, Дорогобужа — не имѣя ничего, „кромѣ Вышегорода, я молчалъ; имѣя Богомъ

Миролюбіе Вячеслава.

„данную мнѣ силу, полки и дружину, терпѣ„ливо сносилъ обиды, самое уничиженіе, и ду„мая только о пользѣ отечества, унималъ „васъ. Напрасно: вы не хотѣли внимать со„вѣтамъ человѣколюбія; отвергая ихъ, нару„шали уставъ Божій. Нынѣ Изяславъ загладилъ „вину свою: почтилъ дядю вмѣсто отца; я „назвалъ его сыномъ. Боишься ли унизиться „предо мною? Но кто изъ насъ старшій? Я „былъ уже брадатъ, когда ты родился. Опо„мнись, или, поднявъ руку на старшаго, бой„ся гнѣва Небеснаго!“ — Посолъ Вячеславовъ нашелъ Георгія въ Василевѣ: Князь Суздальскій, выслушавъ его, отправилъ собственнаго Боярина къ брату; признавалъ его своимъ отцемъ; обѣщалъ во всемъ удовлетворить ему, но требовалъ, чтобы Мстиславичи выѣхали изъ области Кіевской. Старецъ отвѣтствовалъ: „У тебя *семь* сыновей: отгоняю ли ихъ „отъ родителя? У меня ихъ только два, и „не разстанусь съ ними. Иди въ Переяславль „и Курскъ; иди въ *Великій* Ростовъ, или въ „другіе города свои; удали Ольговичей, и мы „примиримся. Когда же хочешь кровопроли„тія, то матерь Божія да судитъ насъ въ семъ „вѣкѣ и будущемъ!“ Вячеславъ, говоря сіи послѣднія слова, указалъ на Златыя врата и на образъ Маріи, тамъ изображенный.

Георгій ополчился и подступилъ къ Кіеву отъ Бѣлагорода. Стрѣлы летали чрезъ Лыбедь. Пылкій Андрей устремился на другую сторону рѣки, и гналъ стрѣлковъ непріятельскихъ къ городу; но былъ оставленъ своими:

Пылкость Андрея.

одинъ Половчинъ схватилъ коня его за узду и принудилъ Героя возвратиться (338). Юный Владиміръ Андреевичь, внукъ Мономаховъ, спѣшилъ раздѣлить съ братомъ опасность: пѣстунъ силою удержалъ сего отрока. Дружина ихъ шла на полкъ Вячеславовъ и Великаго Князя за Лыбедью; прочее войско Георгіево сразилось съ Борисомъ у вратъ Лятскихъ. Изяславъ наблюдалъ всѣ движенія битвы: онъ велѣлъ братьямъ, не разстроивая полковъ, съ избранными отрядами и Черными Клобуками ударить вдругъ на непріятеля. Смятые ими, Половцы, Суздальцы бѣжали, и трупы наполнили рѣку Лыбедь. Тутъ вмѣстѣ со многими палъ мужественный сынъ Хана славнаго, Боняка, именемъ Севенчь, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечемъ врата Златыя (339). Съ того времени Суздальцы не дерзали переходить чрезъ Лыбедь, и Георгій скоро отступилъ, чтобы соединиться съ Владимірком: ибо Галицкій Князь, забывъ прежнюю досаду, шелъ къ нему въ помощь. Отступленіе Георгія.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпѣніемъ гнаться за врагомъ. Согласно съ характеромъ своимъ, Вячеславъ говорилъ, что они могутъ не спѣшить, и что Всевышній даетъ побѣду не скорому, а справедливому; но убѣжденный ихъ представленіями, и самъ немедленно сѣлъ на коня, вмѣстѣ съ племянниками совершивъ молитву въ храмѣ Богоматери. Никогда народъ Кіевскій не вооружался охотнѣе; никогда не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ Государямъ. „Всякой, кто можетъ дви-

Усердіе Кіевлянъ. „гаться и владѣть рукою, да идетъ въ поле!“ сказали граждане: „или да лишится жизни „ослушникъ!“ Борисъ Городненскій былъ отправленъ лѣсомъ въ слѣдъ за Георгіемъ, который думалъ взять Бѣлгородъ; но видя жителей готовыхъ обороняться, пошелъ на встрѣчу къ Галичанамъ (340). Изяславъ, стараясь предупредить сіе опасное соединеніе, настигъ его за Стугною. Сдѣлалась ужасная буря и тьма; дождь лился рѣкою, и ратники не могли видѣть другъ друга. Какъ бы устрашенныя несчастнымъ предзнаменованіемъ, оба войска желали мира: Послы ѣздили изъ стана въ станъ, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгій, принявъ ихъ совѣтъ, рѣшился на кровопролитіе; однакожъ убѣгалъ битвы, ожидая Владимірка, и ночью перешелъ за рѣку Рутъ (нынѣ Ротокъ). Изяславъ не далъ ему итти далѣе: надлежало сразиться. Андрей устроилъ Суздальцевъ (341); объѣхалъ всѣ ряды; старался воспламенить мужество въ Половцахъ и въ своей дружинѣ. Съ другой стороны Великій Князь, Полководецъ искусный, также наилучшимъ образомъ распорядилъ войско, и требовалъ благословенія отъ Вячеслава. Сей старецъ, утомленный походомъ, долженъ былъ остаться за строемъ. „Неблагодарный Георгій отвергнулъ миръ, „столь любезный душѣ твоей,“ говорили ему племянники: „теперь мы готовы умереть за „честь нашего отца и дяди.“ Вячеславъ отвѣтствовалъ: „Суди Богъ моего брата; я отъ

Битва.

„юности гнушался кровопролитіемъ.“— Битва началася. Изяславъ приказалъ всѣмъ полкамъ смотрѣть на его собственный, и слѣдовать ему въ движеніяхъ. Андрей встрѣтилъ ихъ, и сильнымъ ударомъ изломилъ свое копіе. Уязвленный въ ноздри конь его ярился подъ всадникомъ; шлемъ слетѣлъ съ головы, и щитъ Андреевъ упалъ на землю: но Богъ сохранилъ мужественнаго Князя. Изяславъ также былъ впереди; также изломилъ копіе: раненный въ бедру и руку, не могъ усидѣть на конѣ и плавалъ въ крови своей. Битва продолжалась. Дикіе варвары, союзники Георгіевы, рѣшили ея судьбу: пустивъ тучу стрѣлъ, обратились въ бѣгство; за Половцами Ольговичи, и наконецъ Князь Суздальскій. Многіе изъ его воиновъ утонули въ грязномъ Рутѣ; многіе легли на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Георгій съ малымъ числомъ ушелъ за Днѣпръ въ Переяславль.

Изяславъ раненъ.

Бѣгство Георгія.

Между тѣмъ Великій Князь, нѣсколько времени лежавъ на землѣ, собралъ силы, всталъ, и едва не былъ изрубленъ собственными воинами, которые, въ жару битвы, не узнали его. „Я Князь,“ говорилъ онъ. „Тѣмъ лучше,“ сказалъ одинъ воинъ, и мечемъ разсѣкъ ему шлемъ, на коемъ блистало златое изображеніе Святаго Пантелеймона (342). Изяславъ, открывъ лице, увидѣлъ общую радость Кіевлянъ, считавшихъ его мертвымъ; исходилъ кровію, но слыша, что Владимiръ Черниговскій убитъ, велѣлъ посадить себя на коня и везти къ его трупу; искренно сожалѣлъ объ

Чувствительность Изяслава.

немъ, и съ чувствительностію утѣшалъ горестнаго Изяслава Давидовича, который, обливаясь слезами, повезъ тѣло брата, сподвижника Георгіева, въ свою столицу, и едва успѣлъ защитить оную. Святославъ Ольговичь хотѣлъ силою и нечаянно въѣхать туда; но тучный, дебелый и до крайности утомленный бѣгствомъ, сей Князь принужденъ былъ отдыхать въ Остерѣ, гдѣ свѣдавъ, что братъ Владиміровъ уже въ Черниговѣ, онъ рѣшился ѣхать прямо въ Новгородъ Сѣверскій; а послѣ дружелюбно раздѣлился съ Изяславомъ Давидовичемъ: каждый изъ нихъ взялъ часть отцевскую (343).

Мстиславичи осадили Переяславль. Утративъ лучшую дружину въ битвѣ, и слыша, что Владимірко Галицкій, достигнувъ Бужска, возвратился, Георгій принялъ миръ отъ снисходительныхъ побѣдителей. ,,Отдаемъ ,,Переяславль любому изъ сыновей твоихъ,“ говорили они: ,,но самъ иди въ Суздаль. Не ,,можемъ быть съ тобою въ сосѣдствѣ, ибо ,,знаемъ тебя. Не хотимъ, чтобы ты снова ,,призвалъ друзей своихъ, Половцевъ, грабить ,,область Кіевскую.“ Георгій далъ клятву выѣхать, и нарушилъ оную подъ видомъ отмѣннаго усердія къ Св. Борису: праздновалъ его память, жилъ на берегу Альты, молился въ храмѣ сего Мученика и не хотѣлъ удалиться отъ Переяславля (344). Одинъ сынъ его, Андрей, гнушаясь вѣроломствомъ, отправился въ Суздаль. Узнавъ, что коварный дядя зоветъ къ себѣ Половцевъ и Галичанъ, Великій

Вѣроломство Георгія.

Князь грозно требовалъ исполненія условій: Георгій оставилъ сына въ Переяславлѣ, но выѣхалъ только въ Городецъ, и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Надеждою его былъ мужественный Владимірко. Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, велъ къ родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы, и своею неосторожностію лишился онаго. Вступивъ въ Волынію, онъ пировалъ съ Венграми, угощаемый дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ; слышалъ о приближеніи Галицкаго Князя, но безпечно легъ спать, въ надеждѣ на стражу и самохвальство Венгровъ (345). „Мы всегда готовы къ бою,“ го„ворили они, и пили безъ всякой умѣренности. Въ полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его сѣла на коней; но упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. Владимірко ударилъ на нихъ предъ разсвѣтомъ: билъ, истреблялъ — и Великій Князь получилъ извѣстіе, что сынъ его едва могъ спастися одинъ съ своими Боярами. Тогда Изяславъ призвалъ союзниковъ: Князя Черниговскаго и сына Всеволодова, его племянника; даже и Святославъ Ольговичь, повинуясь необходимости, далъ ему вспомогательную дружину. Сіе войско осадило Городецъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальскій долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней смириться: уступивъ Переяславль Мстиславу Изяславичу, возвратился въ наслѣдственный Удѣлъ свой и поручилъ Городецъ сыну Глѣбу (346). Но скоро

г. 1152. Изяславъ отнялъ у Георгія и сіе прибѣжище въ южной Россіи: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, самыя церкви, и сравнялъ крѣпость съ землею.

Наказавъ главнаго непріятеля, Великій Князь желалъ отмстить его союзнику, Владимірку, и Король Венгерскій, провождаемый братьями, Ладиславомъ и Стефаномъ, соединился съ шуриномъ своимъ на границѣ (347). Лѣтописцы наши прославляютъ взаимную искреннюю дружбу сихъ Государей. Бояре Гейзы отъ его имени привѣтствовали Великаго Князя на дорогѣ. Самъ Король, окруженный всѣми знаменитыми мужами Венгерскими, выѣхалъ на встрѣчу къ Изяславу, который велъ за собою многочисленное стройное войско. Съ любовію обнявъ другъ друга, они вступили въ шатеръ Королевскій, совѣтовались — и на разсвѣтѣ, ударивъ въ бубны, семдесятъ полковъ Венгерскихъ двинулись впередъ; за ними шли Россіяне и конные Берендѣи; вступили въ землю Галицкую и расположились близъ рѣки Сана, ниже Перемышля. Владимірко стоялъ на другой сторонѣ, готовый къ бою, и схватилъ нѣсколько *зажитниковъ* Королевскихъ (348). Тогда было Воскресенье: Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложилъ битву до слѣдующаго. По данному знаку союзное войско приступило къ рѣкѣ. Изяславъ находился въ срединѣ, и такъ говорилъ ратникамъ: „Братья и дружина! доселѣ Богъ „спасалъ отъ безчестія землю Русскую и сы„новъ ея: отцы наши всегда славились муже-

Помощь Венгровъ.

Рѣчь Изяслава и побѣда.

„спвомъ. Нынѣ ли уронимъ честь свою предъ „глазами союзниковъ иноплеменныхъ? Нѣтъ, „мы явимъ себя достойными ихъ уваженія." Въ одно мгновеніе ока Россіяне бросились въ Санъ: Венгры также, и смяли Галичанъ, стоявшихъ за валомъ. Побѣжденный Владимірко проскакалъ на борзомъ конѣ между толпами Венгровъ и Черныхъ Клобуковъ (одинъ съ какимъ-то Избыгнѣвомъ) и заключился въ Перемышлѣ. Союзники могли бы тогда взять крѣпость; но воины ихъ, грабя Княжескій богатый дворецъ на берегу Сана, дали время многимъ разсѣяннымъ битвою Галичанамъ собраться въ городѣ. Владимірко хотѣлъ мира: ночью отправилъ къ Архіепископу и Боярамъ Венгерскимъ множество серебра, золота, драгоцѣнныхъ одеждъ, и вторично склонилъ ихъ быть за него ходатаями. Они представили Гейзѣ, что Галицкій Князь, тяжело раненный, признается въ винѣ своей; что Небо милуетъ кающихся грѣшниковъ; что онъ служилъ копіемъ своимъ отцу Гейзину, Белѣ *Слѣпому*, противъ Ляховъ; что Владимірко, зная великодушіе Короля и готовясь скоро умереть, поручаетъ ему юнаго сына, и боится единственно злобы Изяславовой. Великій Князь не хотѣлъ слышать о мирѣ. „Если „умретъ Владимірко" — говорилъ онъ — „то „безвременная кончина его будетъ справедливою Небесною казнію. Сей вѣроломный, „клятвенно обѣщавъ намъ пріязнь свою, разбилъ твое и мое войско. Забудемъ ли безчестіе? Нынѣ Богъ предаетъ Владимірка въ

Притворство Владимірка.

„руки наши: возмемъ его и землю Галицкую.“ Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, еще ревностнѣе отца противился миру: напрасно Владимірко старался моленіемь и ласками обезоружить ихъ. Но Гейза отвѣтствовалъ: „не „могу убить того, кто винится,“ и простилъ врага, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ чужіе, занятые имъ города Россійскіе (Бужскъ, Тихомль, Шумскъ, Выгощевъ, Гнойницы) и навсегда остался другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, *не разлучился съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ.* Изъ шатра Королевскаго послали ко мнимо-больному Владимірку чудотворный крестъ Св. Стефана, и сей Князь далъ присягу. „Если онъ измѣ„нитъ намъ (сказалъ Гейза), то или мнѣ не „царствовать или ему не княжить.“ Услуживъ шурину и смиривъ надменнаго Владимірка, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ Греками, Король спѣшилъ къ берегамъ Сава, отразить Императора Мануила, хотѣвшаго отмстить ему за обиду своего Галицкаго друга (349). Изяславъ, возвратяся въ Кіевъ съ торжествомъ, изъявилъ благодарность Всевышнему, праздновалъ съ дядею Вячеславомъ, увѣдомилъ брата своего, Князя Смоленскаго, о счастливомъ успѣхѣ похода, и совѣтовалъ ему остерегаться Георгія, слыша, что онъ вооружается въ Ростовѣ.

Простодушіе Гейзы.

Князь Суздальскій еще болѣе возненавидѣлъ Мстиславичей за разрушеніе Городца, который былъ единственнымъ его достояніемъ въ полуденныхъ, любезныхъ ему странахъ Госу-

Любовь Георгія къ южной Россіи.

дарства. Тамъ онъ жилъ духомъ и мыслями; тамъ лежалъ священный прахъ древнихъ Князей Россійскихъ, славились храмы чудесами и жители благочестіемъ. Георгій въ наслѣдственномъ восточномъ Удѣлѣ своемъ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса и народъ грубый; считалъ себя какъ бы изгнанникомъ, и презирая святость клятвъ, думалъ только о способахъ удовлетворить своему властолюбію. Онъ призвалъ Князей Рязанскихъ и Половцевъ, кочевавшихъ между Волгою и Дономъ (350); занялъ область Вятичей и велѣлъ Князю Новагорода Сѣверскаго, Святославу Ольговичу, также быть къ нему въ станъ подъ Глуховъ. Владимірко, свѣдавъ о походѣ Георгія, думалъ вмѣстѣ съ нимъ начать военныя дѣйствія противъ Мстиславичей; но Изяславъ успѣлъ отразить его и заставилъ возвратиться. Князь Галицкій, мужествомъ достойный отца, не хотѣлъ уподобляться ему въ вѣрности слова: не боялся клятвопреступленія, и доказалъ ошибку снисходительнаго Гейзы, не исполнивъ обѣщанія, то есть, силою удержавъ за собою города Великокняжескіе, Шумскъ, Тихомль и другіе. Видя, что Георгій намѣренъ осадить Черниговъ, Князь Смоленскій, по сдѣланному условію съ братомъ, вступилъ въ сей городъ защитить Изяслава Давидовича, ихъ союзника. Тутъ находился и Святославъ Всеволодовичъ, который уже зналъ характеръ Георгіевъ, и не любилъ его. Они съ душевнымъ прискорбіемъ говорили: „будетъ ли конецъ нашему

Вѣроломство Владимірка.

„междоусобію?" Набожный Князь Суздальскій, подступивъ къ Чернигову въ день Воскресеный, не хотѣлъ обнажить меча для праздника [351]; но велѣлъ Половцамъ жечь и грабить въ окрестностяхъ! Двѣнадцать дней продолжались битвы, знамениты мужествомъ Андрея Георгіевича: онъ требовалъ, чтобы Князья, союзники Георгіевы, сами по очереди ходили на приступъ, для ободренія войска; служилъ имъ образцемъ, и собственною храбростію воспламенялъ всѣхъ. Осажденные не могли защитить внѣшнихъ укрѣпленій, сожженныхъ Половцами, и городъ былъ въ опасности; но Великій Князь спасъ его. Услышавъ только, что Изяславъ перешелъ за Днѣпръ, робкіе Половцы бѣжали: Георгій также отступилъ за Сновъ, и Князь Черниговскій встрѣтилъ своего избавителя на берегу рѣки Бѣлоуса.

Подвиги Андрея.

Святославъ Ольговичь удерживалъ Георгія и говорилъ ему: „Ты принудилъ меня воевать; „разорилъ мою область, вездѣ потравилъ „хлѣбъ, и теперь удаляешься! Половцы так- „же ушли въ степные города свои [352]. Мнѣ „ли одному бороться съ сильными?" Но Князь Суздальскій, оставивъ у Святослава только 50 человѣкъ дружины съ сыномъ Василькомъ, вышелъ изъ области Сѣверской и безъ сопротивленія овладѣлъ всею страною Вятичей.

Тогда была уже глубокая осень: Изяславъ дождался зимы, поручилъ Смоленскому Князю наблюдать за Георгіемъ, и вступивъ въ область Святослава Ольговича, отправилъ сы-

на, Мстислава, съ Кіевскою дружиною и съ Черными Клобуками воевать землю Половецкую. Великій Князь, осадивъ Новгородъ Сѣверскій, скоро примирился съ Ольговичемъ: а Мстиславъ разбилъ варваровъ на берегахъ Орели и Самары, захватилъ ихъ вежи, скотъ, и привелъ множество освобожденныхъ имъ Россійскихъ плѣнниковъ. Скоро онъ долженъ былъ вторично итти къ берегамъ Пела для отраженія Половцевъ, но возвратился безъ важнаго успѣха.

Г. 1153, въ февралѣ.

Великій Князь, желая покоя, отправилъ Боярина, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владимірку Галицкому. „Ты нарушилъ клятву" — говорилъ ему Посолъ — „данную тобою нашему Государю и Королю „Венгерскому въ моемъ присутствіи (353); но „еще можешь загладить преступленіе: возврати города Изяславовы и будь его другомъ." Владимірко отвѣтствовалъ: „Братъ мой Изяславъ нечаянно подвелъ на меня Венгровъ: „никогда не забуду того; умру или отмщу." Посолъ напоминалъ ему цѣлованіе креста. „Онъ былъ такъ малъ!" сказалъ Владимірко въ насмѣшку. „Сила онаго велика," возразилъ Петръ: „Вельможа Королевскій объявлялъ тебѣ, что если, цѣловавъ сей чудесный крестъ „Св. Стефана, преступишь клятву, то живъ „не будешь." Владимірко не хотѣлъ слушать, и велѣлъ Послу удалиться. Изяславовъ Бояринъ положилъ на столъ грамоты клятвенныя, въ знакъ разрыва. Ему не дали даже и подводъ. Петръ отправился на собственныхъ коняхъ;

Насмѣшка Владиміркова.

а Владимірко, пошедши въ церковь къ Вечернѣ и видя его ѣдущаго изъ города, смѣялся надъ нимъ съ своими Боярами. — Въ ту же ночь Отрокъ Княжескій, догнавъ сего Посла, велѣлъ ему остановиться. Петръ ожидалъ новой для себя непріятности, безпокоился, и на другой день, въ слѣдствіе вторичнаго повелѣнія, возвратился въ Галичь. Слуги Владимірковы встрѣтили его предъ дворцемъ въ *черныхъ* одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни: тамъ юный Князь Ярославъ сидѣлъ на мѣстѣ отца, въ черной мантіи и въ клобукѣ, среди Вельможъ и Бояръ, также одѣтыхъ въ печальныя мантіи. Послу дали стулъ. Ярославъ заливался слезами; царствовало глубокое молчаніе. Изумленный Бояринъ Изяславовъ хотѣлъ знать причину сей общей горести, и свѣдалъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отслушавъ Вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, упалъ, и принесенный во дворецъ, скончался. „Да будетъ воля Божія!" сказалъ Петръ: „всѣ люди смертны." Ярославъ отеръ слезы. „Мы желали извѣстить тебя „о семъ несчастіи," говорилъ онъ Послу: „скажи отъ меня Изяславу: *Богъ взялъ моего „родителя, бывъ судіею между имъ и тобою. „Могила прекратила вражду. Будь же мнѣ „вмѣсто отца. Я наслѣдовалъ Княженіе; вои„ны и дружина родительская со мною: од„но его копіе поставлено у гроба: и то бу„детъ въ рукѣ моей. Люби меня какъ сына „своего, Мстислава: пусть онъ ѣздитъ съ од„ной стороны подлѣ твоего стремени, а я*

Печальная одежда.

Смерть Владимиркова.

Рѣчь Ярослава.

„съ другой, окруженный всѣми полками Га„лицкими!“

Великій Князь изъявилъ сожалѣніе о внезапной кончинѣ знаменитаго, умнаго Владимірка, основателя могущественной Галицкой области, но требовалъ доказательствъ искренняго дружелюбія отъ Ярослава — то есть, возвращенія городовъ Кіевскихъ, и видя, что ему хотятъ удовлетворить только ласковыми словами, а не дѣломъ, прибѣгнулъ къ оружію. Войско Галицкое стояло на берегахъ Серета: Изяславъ, пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, перешелъ за сію рѣку. Мгла исчезла, и непріятели увидѣли другъ друга. Юный Князь Галицкій сѣлъ на коня. Усердные Вельможи сказали ему: „Ты у насъ одинъ: что „будетъ, если погибнешь? Заключись въ „Теребовлѣ: мы сразимся; и кто останется „живъ, тотъ придетъ умереть съ тобою.“ Въ сраженіи упорномъ и кровопролитномъ побѣда казалась сомнительною. Сынъ и братья Изяславовы не могли устоять; но Великій Князь одолѣлъ на другомъ крылѣ. Съ обѣихъ сторонъ гнались и бѣжали; обѣ стороны взяли плѣнниковъ, но Изяславъ болѣе. Онъ поставилъ на мѣстѣ битвы знамена непріятельскія и схватилъ многихъ разсѣянныхъ Галичанъ, которые толпами къ нимъ собирались, обманутые сею хитростію. Видя малое число своей дружины, и боясь вылазки изъ Теребовля, Изяславъ велѣлъ ночью умертвить всѣхъ несчастныхъ плѣнниковъ, кромѣ Бояръ, и съ покойною совѣстію возвратился въ Кі-

Сомнительная побѣда.

евъ, торжествовать вторый бракъ свой. Не-
Бракъ Изяславовъ. вѣстою его была Княжна Абазинская, безъ сомнѣнія Христіанка: ибо въ отечествѣ ея и въ сосѣдственныхъ земляхъ Кавказскихъ находились издавна храмы истиннаго Бога, коихъ слѣды и развалины донынѣ тамъ видимы (354). Мстиславъ, отправленный отцемъ, встрѣтилъ сію Княжну у пороговъ Днѣпровскихъ
г. 1154. и съ великою честію привезъ въ Кіевъ.

Готовясь къ новому междоусобному кровопролитію (ибо непримиримый Князь Суздальскій стоялъ уже съ войскомъ въ землѣ Вятичей, близъ Козельска), Изяславъ съ прискорбіемъ видѣлъ безчестіе своего меньшаго сына, Ярослава, изгнаннаго Новогородцами, кото-
Дѣла Новогородскія. рые — въ 1149 году положивъ на мѣстѣ 1000 Финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Водскую область (355) — въ теченіе пяти лѣтъ не имѣли иныхъ враговъ, кромѣ самихъ себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный симъ легкомысленнымъ народомъ, Ростиславъ Смоленскій, въ угодность ему, отправился княжить въ Новгородъ, а Ярославъ въ Владимірь Волынскій, на мѣсто умершаго Святополка Мстиславича.

Малочисленность союзныхъ Половцевъ и конскій падежъ заставили Георгія отложить войну (356). Между тѣмъ Изяславъ, не доживъ еще до глубокой старости, скончался, къ не-
Ноября 13. утѣшной горести Кіевлянъ, всѣхъ Россіянъ
Кончина Изяслава. и самыхъ иноплеменниковъ, Берендѣевъ, Торковъ. Они единогласно называли его своимъ *Царемъ* славнымъ, *господиномъ* добрымъ, *от-*

цемъ подданныхъ. Старецъ Вячеславъ, проливая слезы, говорилъ: „сынъ любезный! сему „гробу надлежало быть моимъ; но Богъ творитъ, что Ему угодно!“— Княженіе Изяслава описано въ лѣтописяхъ съ удивительною подробностію. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ любви народной, и для того часто пировалъ съ гражданами; говорилъ на Вѣчахъ, подобно Великому Ярославу; предлагалъ тамъ дѣла государственныя, и хотѣлъ, чтобы народъ, исполняя волю Государя, служилъ ему охотно и враговъ его считалъ собственными. Раздѣливъ престолъ съ дядею, добродушнымъ и слабымъ, Изяславъ въ самомъ дѣлѣ не уменьшилъ власти своей, но заслужилъ похвалу современниковъ; обходился съ нимъ какъ нѣжный сынъ съ отцемъ; одинъ бралъ на себя труды, опасности, но приписывалъ ему честь побѣдъ своихъ, и жилъ самъ въ нижней части города, уступивъ Вячеславу дворецъ Княжескій (357).

Характеръ его.

Готовый умереть за Кіевъ, Изяславъ удалялся отъ иныхъ случаевъ проливать кровь Россіянъ: не вступился за сына, оскорбленнаго Новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, котораго Полочане въ 1151 году свергнули съ престола, избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Минскаго, и признавъ Святослава Ольговича покровителемъ ихъ области (358). Такъ граждане своевольствовали въ нашемъ древнемъ отечествѣ, употребляя во зло правило, что

Своевольство Полочанъ.

благо народное священнѣе всѣхъ иныхъ законовъ.

Тѣло Изяслава было погребено въ монастырѣ Св. Ѳеодора, основанномъ Великимъ Мстиславомъ.

ГЛАВА XIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЪ.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новогородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

Г. 1154 — 1155.

Узнавъ о кончинѣ Великаго Князя, Изяславъ Черниговскій приплылъ къ Кіеву, и желалъ оросить слезами гробъ умершаго; но старецъ Вячеславъ и Бояре справедливо опасались коварныхъ намѣреній Давидовича, и не позволяли ему въѣхать въ столицу, ожидая Князя Новогородскаго и Смоленскаго. Граждане, Торки, Берендѣи, съ изъявленіемъ усердія встрѣтили Ростислава (который оставилъ въ Новѣгородѣ сына своего, Давида), и добродушный дядя сказалъ ему: „Я стою у дверей гроба; суды, расправа и безпокойства ратныя „уже не мое дѣло. Подобно Изяславу будь мнѣ „сыномъ и Государемъ Россіянъ. Отдаю тебѣ „полкъ и дружину свою.“ Бояре и народъ требовали отъ новаго Князя, чтобы онъ, слѣдуя

примѣру старшаго брата, всегда уважалъ дядю какъ отца, и въ такомъ случаѣ обѣщался служить ему вѣрно. — Въ Кіевѣ находился тогда Святославъ Всеволодовичъ: призванный Вячеславомъ, онъ уѣхалъ тайно отъ своихъ дядей и взялъ сторону Великаго Князя, отдавшаго ему за то Пинскъ и Туровъ.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу.

Съ другой стороны Изяславъ Черниговскій и Святославъ Ольговичь заключили союзъ съ Георгіемъ, котораго сынъ Глѣбъ, нанявъ Половцевъ, осадилъ Переяславль: Мстиславъ Изяславичь отразилъ ихъ съ помощію Кіевской дружины (359). Великій Князь, чтобы предупредить Суздальскаго, хотѣлъ воспользоваться сею первою удачею и шелъ къ Чернигову; но печальная вѣсть настигла его въ Вышегородѣ. Добрый Вячеславъ скоропостижно умеръ: ввечеру пировалъ съ Боярами и ночью заснулъ навѣки. Искренно сожалѣя о кончинѣ его, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ предать землѣ тѣло старца въ Софійскомъ храмѣ и быть свидѣтелемъ общей горести: ибо народъ любилъ кроткія, Христіанскія добродѣтели сего Мономахова сына. Въ похвалу Великому Князю Лѣтописцы сказываютъ, что онъ, созвавъ во дворецъ Вельможъ, Тіуновъ, Казначеевъ, Ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести его имѣніе: одежды, золото, серебро; все роздалъ по монастырямъ, церквамъ, темницамъ, богадѣльнямъ, и поручивъ исполнить сіе распоряженіе вдовствующей супругѣ отца своего, взялъ себѣ на память одинъ крестъ.

Г. 1155. Смерть Вячеслава.

Сановники придворные.

Когда Ростиславъ возвратился къ войску, Бояре его не совѣтовали ему итти далѣе. „Ты еще слабъ на престолѣ," говорили они: „утверди власть свою, заслужи любовь народ„ную, и тогда можешь не бояться Георгія." Великій Князь отвергнулъ благоразумный совѣтъ, приближился къ Чернигову и требовалъ, чтобы Изяславъ далъ ему клятву вѣрнаго союзника [360]. „Нѣтъ!" отвѣтствовалъ Изяславъ: „кто вступилъ въ мою область непріятелемъ, „съ тѣмъ не хочу дружиться" — и соединясь съ Глѣбомъ Георгіевичемъ, расположился станомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Онъ зналъ, кажется, врага своего: ибо Ростиславъ, устрашенный множествомъ Половцевъ, въ самомъ началѣ перестрѣлки далъ знать Черниговскому Князю, что уступаетъ ему Кіевскую область съ Переяславлемъ, желая одного мира. Съ негодованіемъ видя малодушіе дяди, Мстиславъ Изяславичь поворотилъ коня, и сказавъ: „не будь же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ „Кіева!" удалился съ своею дружиною. Войско разстроилось; свирѣпые Половцы гнали, рубили бѣгущихъ, и схватили, въ числѣ плѣнныхъ, Святослава Всеволодовича. Мстиславъ, взявъ въ Переяславлѣ жену, дѣтей, ушелъ въ Луцкъ, а бывшій Великій Князь въ Смоленскъ, лишась въ то же время и Новагорода: ибо тамошніе жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Посломъ въ Суздаль и призвали Мстислава Георгіевича княжить въ ихъ области [361].

Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава.

Гордость Мстислава.

Своевольство Новогородцевъ.

Кіевляне, услышавъ съ горестію о несчастіи Ростислава, должны были обратиться къ побѣдителю. Епископъ Каневскій, Даміанъ, ихъ именемъ сказалъ Изяславу (362): „Государь! „иди управлять нами, да не будемъ жертвою „варваровъ!“ ибо въ сіе время Половцы свирѣпствовали въ окрестностяхъ Днѣпра, и долго не могли быть усмирены Глѣбомъ Георгіевичемъ, которому Изяславъ Давидовичь отдалъ Переяславль. Между тѣмъ Георгій уже шелъ съ войскомъ, и близъ Смоленска получилъ вѣсть о новой, благопріятной для него перемѣнѣ обстоятельствъ; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился съ нимъ, и спѣшилъ къ Кіеву; простилъ и Святослава Всеволодовича, уваживъ ходатайство его дяди, Сѣверскаго Князя, и послалъ объявить Черниговскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы Мономаховой (363). Изяславъ колебался, медлилъ; говорилъ, что Кіевляне добровольно возвели его на престолъ; но убѣжденный Святославомъ Ольговичемъ, и не имѣя надежды отразить силу силою, отправился въ Черниговъ. Георгій, вступивъ въ Кіевъ, съ общаго согласія принялъ санъ Великаго Князя.

Кіевляне поддаются Изяславу.

Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

Марта 20.

ГЛАВА XIV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ИЛИ ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ *ДОЛГОРУКІЙ*.

Г. 1154 — 1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя.

Удѣлы.

Слѣдуя обыкновенію, онъ назначилъ сыновьямъ Удѣлы: Андрею Вышегородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку окрестности Роси, гдѣ жили Берендѣи и Торки (364); а Святославъ Ольговичь помѣнялся городами съ своимъ племянникомъ, сыномъ Всеволода, взявъ у него Сновъ, Воротынскъ, Карачевъ, и давъ ему за нихъ другіе.

Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу.

Опасаясь смѣлаго, пылкаго Мстислава, Великій Князь послалъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, съ Воеводами на Горынь (365): они взяли Пересопницу. Въ то же время зять Георгіевъ, Князь Галицкій, и Владиміръ, братъ Смоленскаго, осадили Луцкъ. Мстиславъ отправился искать союзниковъ въ Польшѣ; но меньшій братъ его, Ярославъ, заставилъ непріятелей снять осаду.

Достигнувъ главной цѣли своей, обремененный лѣтами и желая спокойствія, Георгій призвалъ Ростислава Смоленскаго, далъ ему слово забыть вражду Изяславичей, его племян-

никовъ, и хотѣлъ видѣть ихъ въ Кіевѣ. Ярославъ повиновался [366]; но Мстиславъ, боясь обмана, не ѣхалъ, и Георгій послалъ къ нему *крестную грамоту*, въ доказательство искренней дружбы. Узнавъ о семъ союзѣ и прибытіи въ Кіевъ Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговскій, недовольный Георгіемъ, также смирился и выдалъ дочь свою за его сына, Глѣба [367]. Великій Князь уступилъ Изяславу Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанскіе новыми крестными обѣтами утвердили связь съ Ростиславомъ Смоленскимъ, коего они признавали ихъ отцемъ и покровителемъ.

Россія наслаждалась тишиною, говорятъ Лѣтописцы [368]: сія тишина была весьма непродолжительна. Мстиславъ принялъ *крестную грамоту* отъ дѣда, но не далъ ему собственной, и выгналъ Георгіева союзника, Владиміра, роднаго дядю своего, изъ Владимірской области; плѣнилъ его семейство, жену; ограбилъ Бояръ и мать, которая съ богатыми дарами возвратилась тогда отъ Королевы Венгерской, ея дочери [369]. Оскорбленный Георгій, въ надеждѣ смирить внука съ помощію одного Галицкаго Князя, не хотѣлъ взять съ собою ни Черниговской, ни Сѣверской дружины, и выступилъ съ Берендѣями. Напрасно искавъ защиты въ Венгріи, изгнанникъ Владиміръ Мстиславичь прибѣгнулъ къ Великому Князю; но Георгій въ самомъ дѣлѣ не думалъ объ немъ, а хотѣлъ, пользуясь случаемъ, завоевать область Волынскую для *другаго* племянника, Вла-

Тишина въ Россіи.

Г. 1156.

димiра Андреевича, чтобы исполнить обѣщанiе, нѣкогда данное отцу его [370]. Жестокое сопротивленiе Мстислава уничтожило сiе намѣренiе: десять дней кровь лилась подъ стѣнами Владимiрскими, и Георгiй, какъ бы подвигнутый человѣколюбiемъ, снялъ осаду. „Изяславичь веселится убiйствами и враждою," сказалъ онъ дѣтямъ и Боярамъ: „желаю не погибели его, а мира, и будучи старшимъ, уступаю."— Владимiръ Андреевичь ходилъ къ Червену съ мирными предложенiями: напоминалъ тамошнимъ гражданамъ о своемъ родителѣ, великодушномъ ихъ Князѣ Андреѣ [371]; обѣщалъ быть ему подобнымъ, справедливымъ, милостивымъ; но уязвленный въ горло стрѣлою, удалился, отмстивъ жителямъ опустошенiемъ земли Червенской. Георгiй наградилъ его Пересопницею и Дорогобужемъ; а Мстиславъ, слѣдуя за дѣдомъ, жегъ селенiя на берегахъ Горыни.

Новое кровопролитiе.

Великiй Князь щадилъ старинныхъ друзей своихъ, Половцевъ. Они тревожили окрестности Днѣпра, и были наказаны мужественными Берендѣями, которые многихъ хищниковъ умертвили, другихъ взяли въ плѣнъ, и въ противность Георгiеву желанiю не хотѣли ихъ освободить, говоря: „мы умираемъ за Русскую землю, но плѣнники наша собственность." Георгiй два раза ѣздилъ въ Каневъ для свиданiя съ Ханами Половецкими, и не могъ обезоружить ихъ ни ласкою, ни дарами; наконецъ заключилъ съ ними новый союзъ, чтобы въ нужномъ случаѣ воспользоваться помощiю сихъ варваровъ [372]: ибо онъ, по то-

Берендѣи бьютъ Половцевъ.

Союзъ съ Половцами.

гдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

Ростиславъ Мстиславичь имѣлъ преданныхъ ему людей въ Новѣгородѣ, которые съ единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотятъ повиноваться Мстиславу Георгіевичу. Сдѣлалось смятеніе, и граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* вооружилась за Князя, *Софійская* противъ него, и мостъ Волховскій, съ обѣихъ сторонъ оберегаемый воинскою стражею, былъ границею между несогласными. Но сынъ Георгіевъ бѣжалъ ночью, узнавъ о прибытіи дѣтей Смоленскаго Князя (373), и такимъ образомъ уступилъ Княженіе Ростиславу, который, чрезъ два дни въѣхавъ въ Новгородъ, возстановилъ совершенную тишину.

Смятеніе въ Новѣгородѣ.

Г. 1157.

Сіе происшествіе долженствовало оскорбить Георгія: у него были и другіе враги. Изяславъ Давидовичь съ завистію смотрѣлъ на престолъ Кіевскій; искалъ друзей; примирился съ Ростиславомъ, и для того оставилъ безъ мести невѣрность своего племянника, Святослава Владиміровича, который, вдругъ занявъ на Деснѣ города Черниговскіе, передался къ Смоленскому Князю (374). Мстиславъ Изяславичь Волынскій также охотно вступилъ въ союзъ съ Давидовичемъ, чтобы дѣйствовать противъ Георгія, и сіи Князья, напрасно убѣждавъ Сѣверскаго взять ихъ сторону, готовились итти къ Кіеву, въ надеждѣ на свое мужество, неосторожность и слабость Георгіеву. Судьба отвратила кровопролитіе; Георгій, пиро-

Союзъ противъ Георгія.

вавъ у Боярина своего, Петрила, ночью занемогъ и чрезъ пять дней умеръ [375]. Свѣдавъ о томъ, Изяславъ Давидовичь пролилъ слезы, и воздѣвъ руки на небо, сказалъ: „благодарю Тебя, Господи, что Ты разсудилъ меня съ нимъ „внезапною смертію, а не кровопролитіемъ!“

Маія 15, Смерть Георгія.

Георгій властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей Исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края, древней Россіи, въ коемъ онъ провелъ всѣ цвѣтущія лѣта своей жизни. Распространивъ тамъ Вѣру Христіанскую, сей Князь строилъ церкви въ Суздалѣ, Владимірѣ, на берегахъ Нерли [376]; умножилъ число духовныхъ Пастырей, тогда единственныхъ наставниковъ во благонравіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности; основалъ новыя селенія и города: кромѣ Москвы, *Юрьевъ* Польскій, *Переяславль* Залѣсскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія симъ, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ [377]. Дмитровъ, на берегу Яхромы, также имъ основанъ и названъ по имени его сына, Всеволода-Димитрія, который (въ 1154 году) родился на семъ мѣстѣ. — Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни однимъ дѣйствіемъ добросердечія, свойственнаго Мономахову племени. Скромные Лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ Госуда-

Свойства его.

рей и только любятъ хвалить добрыя; но Георгій безъ сомнѣнія отличался первыми, когда, будучи сыномъ Князя столь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли, что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія: къ безславію его намъ извѣстно также слѣдующее происшествіе. Князь Іоаннъ Берладникъ, изгнанный Владиміркомъ изъ Галича, служилъ Георгію, и вдругъ, безъ всякой вины, (въ 1156 году) былъ окованъ цѣпями и привезенъ изъ Суздаля въ Кіевъ: Георгій согласился выдать его, живаго или мертваго, зятю своему, Владиміркову сыну [378]. Заступленіе Духовенства спасло жертву: убѣжденный человѣколюбивыми представленіями Митрополита, Георгій отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль; а люди Князя Черниговскаго, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастнаго узника. — Однимъ словомъ, народъ Кіевскій столь ненавидѣлъ Долгорукаго, что узнавъ о кончинѣ его, разграбилъ дворецъ и сельскій домъ Княжескій за Днѣпромъ, называемый *Раемъ*, также имѣніе Суздальскихъ Бояръ, и многихъ изъ нихъ умертвилъ въ наступленіи злобы. Граждане, не хотѣвъ, кажется, чтобы и тѣло Георгіево лежало вмѣстѣ съ Мономаховымъ, погребли оное внѣ города, въ Берестовской Обители Спаса.

Ненависть къ нему.

Церковныя дѣла сего времени достойны замѣчанія. Георгій не желалъ оставить Митрополитомъ Климента, избраннаго по волѣ

Дѣла церковныя.

ненавистнаго ему племянника, и согласно съ мыслями Нифонта, Епископа Новогородскаго, имъ уважаемаго, требовалъ инаго Пастыря отъ Духовенства Цареградскаго. Святитель Полоцкій и Мануилъ Смоленскій (379), врагъ Климентовъ, (въ 1156 году) съ великою честію приняли въ Кіевѣ сего новаго Митрополита, именемъ Константина, родомъ Грека; вмѣстѣ съ нимъ *благословили* Великаго Князя, *кляли память* Изяслава Мстиславича, и въ первомъ совѣтѣ уничтожили всѣ церковныя дѣйствія бывшаго Митрополита; наконецъ, разсудивъ основательнѣе, дозволили отправлять службу Іереямъ и Діаконамъ, коихъ посвятилъ Климентъ. Ревностный Нифонтъ не имѣлъ удовольствія видѣть свое полное торжество: онъ спѣшилъ встрѣтить Константина, но еще до его прибытія скончался въ Кіевѣ, названный славнымъ именемъ *поборника всей земли Русской* (380). Сей знаменитый мужъ, другъ Святослава Ольговича, имѣлъ и непріятелей, которые говорили, что онъ похитилъ богатство Софійскаго храма и думалъ съ онымъ уѣхать въ Константинополь: современный Лѣтописецъ Новогородскій опровергаетъ такую нелѣпую клевету, и хваля Нифонтовы добродѣтели, говоритъ: „мы только за грѣхи свои лишились сладост„наго утѣшенія видѣть здѣсь гробъ его!“ — Новогородцы, на мѣсто Нифонта, въ общемъ совѣтѣ избрали добродѣтельнаго Игумена Аркадія и еще непоставленнаго ввели въ домъ Епископскій: ибо избраніе главнаго духовна-

го сановника зависѣло тамъ единственно отъ народа [381].

ГЛАВА XV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ ДАВИДОВИЧЬ КІЕВСКІЙ.

Князь Андрей Суздальскій, прозванный Боголюбскимъ.

Г. 1157—1159.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Происшествія въ западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяславова. Бѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ.

Кіевляне, изъявивъ ненависть къ умершему Великому Князю, послали объявить врагу Георгіеву, Изяславу Давидовичу, чтобы онъ шелъ мирно властвовать въ столицѣ Россійской. Изяславъ, при восклицаніяхъ довольнаго народа, въѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ въ Черниговѣ племянника своего, Святослава Владиміровича, съ дружиною воинскою: ибо Князь Сѣверскій, хотя и миролюбивый, замышлялъ незапно овладѣть сею удѣльною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяславъ, желая имѣть въ немъ благодарнаго союзника, добровольно отдалъ ему Черниговъ; а племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, полу-

Г. 1157.

19 Маія.

чилъ въ Удѣлъ Княженіе Сѣверское. Они заключили миръ на берегахъ Свини (гдѣ нынѣ Березна) въ присутствіи Мстислава, Владимірскаго Князя, который, одобривъ условія, спокойно возвратился въ Волынію [382].

Паденіе Велик. Княженія Кіевскаго.

Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичь остался повелителемъ одной Кіевской области и нѣкоторыхъ городовъ Черниговской. Переяславль, Новгородъ, Смоленскъ, Туровъ, область Горынская и вся западная Россія имѣли тогда Государей особенныхъ, независимыхъ, и достоинство Великаго Князя, прежде соединенное съ могуществомъ, сдѣлалось однимъ пустымъ наименованіемъ. Кіевъ еще сохранялъ знаменитость, обязанный ею, кромѣ своего счастливаго положенія, торговлѣ, множеству избыточныхъ обитателей, богатству храмовъ, монастырей: скоро утратитъ онъ и сію выгоду, лишенный сильныхъ защитниковъ. Но въ то время, какъ *древняя* столица наша клонится къ совершенному паденію, возникаетъ *новая* подъ сѣнію Властителя, давно извѣстнаго мужествомъ и великодушіемъ.

Новое сильное Княженіе Владимірское.

Еще при жизни Георгія Долгорукаго сынъ его, Андрей, въ 1155 году уѣхалъ изъ Вышегорода (не предувѣдомивъ отца о семъ намѣреніи). Ѳеатръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва Небеснаго.

Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, *по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей,* удалился въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ [383]. Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ Государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Сей Князь набожный, вмѣсто иныхъ сокровищъ, взялъ съ собою Греческій образъ Маріи, украшенный, какъ говорятъ Лѣтописцы, тпятнадцатью фунтами золота, кромѣ серебра, жемчугу и камней драгоцѣнныхъ; избралъ мѣсто на берегу Клязмы, въ прежнемъ своемъ Удѣлѣ: заложилъ каменный городъ Боголюбовъ, распространилъ основанный Мономахомъ Владиміръ, украсилъ зданіями каменными, *Златыми* и *Серебряными вратами.* Какъ нѣжный сынъ оплакавъ кончину родителя, онъ воздалъ ему послѣдній долгъ торжественными молитвами, строеніемъ новыхъ церквей, Обителей въ честь умершему, или для спасенія его души; и между тѣмъ, какъ народъ Кіевскій злословилъ память Георгія, священный Клиросъ благословлялъ оную въ Владимірѣ. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые Намѣстниками Долгорукаго [384], единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долго-

временной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ *Удѣлѣ*; основалъ новое *Великое Княженіе Суздальское* или *Владимірское*, и приготовилъ Россію сѣверо-восточную быть, такъ сказать, истиннымъ сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ.

Происшествія въ западной Россіи.

Борисъ Георгіевичь, княживъ при отцѣ въ Туровѣ, или добровольно выѣхалъ оттуда въ Суздальскую область или былъ изгнанъ Юріемъ Ярославичемъ, Святополковымъ внукомъ, который, происходя отъ старшей вѣтви Княжескаго Дому, имѣлъ право на самую область Кіевскую. Изяславъ, желая доставить Удѣлъ Владиміру Мстиславичу, соединился съ Князьями Волынскими, Галицкимъ, Смоленскимъ, и приступилъ къ Турову. Юрій искалъ мира, но мужественно оборонялся, и чрезъ 10 недѣль многочисленное войско осаждающихъ удалилось, потерявъ большую часть коней своихъ отъ заразы [385].

Мятежный духъ Полочанъ.

Въ числѣ Изяславовыхъ союзниковъ находились и Полочане, которые едва ли уступали тогда Новогородцамъ въ своевольствѣ. Мы упоминали о несчастіи Князя Рогволода Борисовича, изгнаннаго ими безъ всякой основательной причины: Святославъ Черниговскій далъ ему вспомогательную дружину, и

Г. 1158.

жители Друцка съ великою радостію приняли его, выславъ Глѣба Ростиславича, ограбивъ домъ, Бояръ, друзей сего послѣдняго [386]. Отецъ Глѣбовъ, видя опасное волненіе и въ самомъ

Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами, и взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ сего Князя искать мира: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ братствѣ, и нарушилъ оную вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: „Князь „добрый! мы виновны, свергнувъ тебя съ пре„стола, и разграбивъ твое имѣніе: не помни „зла, и возвратися къ намъ: выдадимъ тебѣ „Ростислава Глѣбовича." Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою, и смѣлостію вселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго за городомъ, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ. „Вчера я былъ у васъ," отвѣтствовалъ Ростиславъ: „для чего же вы „не говорили о дѣлахъ?" однакожъ поѣхалъ въ городъ. Вѣрный Отрокъ Княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на Вѣчѣ и лилъ кровь Бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину, удалился въ Минскъ къ брату Володарю; а Рогволодъ, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, отнялъ Изяславлѣ у Всеволода Глѣбовича и предписалъ миръ его брату: остался Княземъ Полоцкимъ, далъ Всеволоду Стрѣжевъ, Изяславль Брячиславу Васильковичу, и возстановилъ тишину кратковременную. Володарь, третій сынъ Глѣ-

бовъ, воевалъ тогда съ Литвою: братья присягнули за него въ вѣрномъ исполненіи мирныхъ условій.

Изяславъ Давидовичь не долго жилъ въ союзѣ съ Галицкимъ и Волынскими Князьями. Поводомъ къ сему разрыву служилъ знаменитый Воевода перваго, Іоаннъ Берладникъ. Князь Галицкій, ненавидя и боясь сего брата двоюроднаго, изгнаннаго Владиміркомъ, умѣлъ склонить на свою сторону не только Венгерскаго Короля съ Поляками, но и многихъ Князей Россійскихъ, желая, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ убѣдили Изяслава выдать ему Іоанна (387). Гнушаясь дѣломъ столь жестокимъ, Великій Князь отвѣчалъ ихъ Посламъ въ Кіевѣ, что онъ никогда на то не согласится. Іоаннъ же, безчеловѣчно гонимый, хотѣлъ мстить Ярославу Владиміркович чу: ограбилъ нѣсколько богатыхъ судовъ на Дунаѣ, нанялъ 6000 Половцевъ и вступилъ въ Галицію; но скоро былъ оставленъ сими хищниками, ибо не дозволялъ имъ опустошать земли и щадилъ доброхотствующихъ ему жителей. Свѣдавъ, что Ярославъ вооружается, Великій Князь предложилъ Святославу Ольговичу тѣсный союзъ и два города, Мозырь и Чечерскъ. Тутъ Святославъ оказалъ безкорыстіе великодушное. „Признаюсь" — говорилъ онъ — „что я досадовалъ, когда „ты не отдалъ мнѣ всей области Черниговской; но сердце мое ненавидитъ злобу между родными. Если враги несправедливые угрожаютъ тебѣ войною, то они будутъ и мо-

Раздоръ за Берладника.

Безкорыстіе Святослава.

„ими врагами. Сохрани меня Богъ отъ мздо-„имства въ такомъ случаѣ: не хочу никакихъ „городовъ, и вооружаюсь [388].“ Пировавъ три дни, они дали знать Князю Галицкому, что готовы соединенными силами отразить его нападеніе. Ярославъ успокоился; но Великій Князь вздумалъ самъ объявить ему войну за Іоанна Берладника: ибо многіе Галичане звали сего Воеводу въ землю свою, увѣряя, что народъ толпами устремится подъ его знамена, и что сынъ Владимірковъ нелюбимъ гражданами. Святославъ Ольговичь не хотѣлъ итти; удерживалъ Великаго Князя; представлялъ ему, что Іоаннъ не сынъ, не братъ ихъ; но пылкій Изяславъ съ угрозами отвѣтствовалъ въ Васильковѣ Послу Черниговскому: „скажи брату, что онъ, по возвращеніи мо-„емъ изъ Галича, волею и неволею можетъ „отправиться назадъ въ Новгородъ Сѣвер-„скій!“ Добродушный Святославъ съ горестію видѣлъ несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира Государству.. „Богу открыто смиреніе души моей,“ сказалъ онъ Вельможамъ: „я не искалъ упра-„вы мечемъ, когда Изяславъ, вмѣсто цѣлой „области Черниговской, далъ мнѣ только „семь городовъ, опустошенныхъ Половцами „и населенныхъ *псарями.* Онъ еще не дово-„ленъ, и за миролюбивый, благоразумный со-„вѣтъ грозится, вопреки святой клятвѣ, вы-„гнать меня изъ Чернигова! Но Провидѣніе „караетъ вѣроломныхъ.“ *Оно въ самомъ дѣлѣ* наказало брата его. Галицкій, соединясь съ

Неблагодарность Изяслава.

Волынскими Князьями, Изяславичами и дядею ихъ, Владиміромъ Андреевичемъ, предупредилъ Великаго Князя и занялъ Бѣлгородъ. Изяславъ обступилъ ихъ съ войскомъ многочисленнымъ: однихъ Половцевъ было у него слишкомъ 20,000. Указывая на сильные полки свои, онъ съ гордостію требовалъ, чтобы союзники вышли изъ города. Но Берендѣи и Торки измѣнили ему; начальники ихъ тайно велѣли сказать Мстиславу: „Князь! отъ насъ все „зависитъ. Если будешь намъ другомъ, какъ „отецъ твой, и дашь каждому по доброму „городу, мы оставимъ Изяслава.“ Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли шатры свои, и съ грознымъ воплемъ ускакали въ городъ. Пробужденный ночною тревогою, Великій Князь сѣлъ на коня; увидѣлъ измѣну и бѣжалъ за Днѣпръ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ, его другомъ; Половцы также: многіе изъ нихъ утонули въ Роси; другихъ плѣнили Юрьевцы и Берендѣи.

Бѣгство Велик. Князя.

Декабря 22.

Союзники вошли въ столицу, пославъ объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престолъ Кіевскій, и будутъ ему послушны какъ старшему. Мстиславъ требовалъ только, чтобы низверженный Митрополитъ Климентъ снова управлялъ Церковію Россійскою: „ибо Константинъ (говорилъ онъ) клялъ память отца моего.“ Но Ростиславъ не хотѣлъ слышать о Климентѣ, избранномъ, по его мнѣнію, беззаконно. Наконецъ согласились, чтобы не быть Митрополитомъ ни тому, ни

другому и призвать новаго изъ Царяграда (389). Изгнанный Мстиславомъ, Константинъ уѣхалъ въ Черниговъ и скоро преставился, удививъ современниковъ и потомство странностію своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатанную духовную Святителю Черниговскому, Антонію, и требовалъ, чтобы сей Епископъ клятвенно обязался исполнить его послѣднюю волю. Антоній, въ присутствіи Князя Святослава, срѣзалъ печать, и съ изумленіемъ читалъ слѣдующее: „Не погребайте „моего тѣла: да будетъ оно извлечено изъ „града и повержено псамъ на снѣденіе!“ Епископъ не дерзнулъ нарушить клятвы; но Князь, страшась гнѣва Небеснаго, велѣлъ на третій день привезти тѣло Митрополита въ Черниговъ и съ честію предать землѣ въ Соборной церкви, подлѣ гроба Игоря Ярославича (390). Лѣтописцы разсказываютъ, что въ сіи три дни, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молнія въ Кіевѣ; что однимъ громовымъ ударомъ убило тамъ семь человѣкъ, и вѣтеръ сорвалъ шатеръ Ростислава, стоявшаго тогда въ полѣ близъ Вышегорода; что сей Князь старался молитвами въ церквахъ умилостивить Небо, и что вдругъ настала тишина, когда совершилось погребеніе Митрополитова тѣла.

Странное завѣщаніе Митрополита.

Въ княженіе Изяслава Новгородъ вторично испыталъ бѣдствіе мора: не успѣвали хоронить ни людей, ни скота; отъ смрада безчисленныхъ труповъ не льзя было ходить по городу, ни въ окрестностяхъ (391). Лѣтопис-

Моръ въ Новѣгородѣ.

цы не говорятъ о происхожденіи, свойствѣ и наружныхъ знакахъ сей язвы, которая свирѣпствовала единственно въ Новѣгородѣ.

ГЛАВА XVI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ ВТОРИЧНО ВЪ КІЕВѢ.

Андрей въ Владимірѣ Суздальскомъ.

Г. 1159 — 1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Городъ Берладъ. Владеніе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи. Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ. Кончина Великаго Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя.

Г. 1159. Ростиславъ — оставивъ сыновей княжить, Святослава въ Новѣгородѣ, Давида въ Торжкѣ, Романа въ Смоленскѣ — былъ съ честію и радостію принятъ отъ всѣхъ жителей Кі- Апрѣля 12. евскихъ (392). Племянникъ его, Мстиславъ, возвратился въ юго-западную Россію съ богатою добычею, взявъ имѣніе Изяславовыхъ Вельможъ, множество серебра, золота, рабовъ и всякаго скота.

Бывшій Великій Князь ушелъ въ Сожскую область, ему принадлежавшую, и съѣхался въ Гомьѣ, или нынѣшнемъ Гомелѣ, съ женою, которая въ слѣдъ за нимъ бѣжала изъ Кіева. Приписывая свое несчастіе брату Ольговичу, не хотѣвшему дать ему помощи, Изяславъ завоевалъ его область, землю Вятичей, плѣнилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностію или вѣномъ Княгини Черниговской; и тревожилъ города Курскіе. Тогда Святославъ, захвативъ имѣніе и семейства многихъ Бояръ сего злобнаго родственника, вступилъ въ союзъ съ Государемъ Кіевскимъ. Они съѣхались въ Моровскѣ, обѣдали другъ у друга, и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростиславъ подарилъ Черниговскому Князю нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и рыбьихъ зубовъ; а Святославъ Великому Князю парда и двухъ коней съ окованными сѣдлами [393].

Злоба Изяслава.

Союзъ Ростислава съ Святославомъ.

Сіи два Князя, бывъ отъ юности непріятелями, искренно клялися умереть друзьями, и согласились общими силами дѣйствовать противъ Изяслава. Надлежало прежде защитить южные предѣлы Государства отъ внѣшнихъ хищниковъ. Въ Молдавіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, находился тогда городъ многолюдный и крѣпкій, именемъ Берладъ (нынѣ мѣстечко), основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы [394]: онъ былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и Закона, коихъ главное ре-

Городъ Берладъ.

месло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю. Шайки ихъ взяли Олешье (знаменитое торговое мѣсто при устьѣ Днѣпра, гдѣ складывались Греческіе товары, отправляемые въ Кіевъ): Воевода Великокняжескій, Георгій Несторовичь, настигъ сихъ разбойниковъ и выручилъ многихъ взятыхъ ими плѣнниковъ вмѣстѣ съ богатою добычею [395]. — Надлежало еще отразить набѣгъ Половцевъ: сынъ Святославовъ въ Черниговской области, а дружина Галицкая, Князья Волынскіе и Берендѣи на западномъ берегу Днѣпра побили и гнали ихъ до границы.

Впаденіе Половцевъ.

Сіи хищники явились съ другой стороны, нанятые Изяславомъ Давидовичемъ, который, не теряя времени, осадилъ съ ними Черниговъ, гдѣ Святославъ и племянникъ его, Князь Сѣверскій, едва успѣли изготовиться къ оборонѣ, требуя войска отъ Ростислава. Но Кіевляне и Берендѣи, вѣря искреннему союзу дяди, не вѣрили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить ихъ, Святославъ Всеволодовичь прислалъ сына въ залогъ къ Ростиславу, и полки Великокняжескіе спасли Черниговъ. Изяславъ, устрашенный силою оныхъ, бѣжалъ въ степи [396]. Тамъ услышалъ онъ, что неосторожный Святославъ отпустилъ союзниковъ и самъ боленъ: чѣмъ желая воспользоваться, Изяславъ снова перешелъ за Десну съ Половцами. Князь Черниговскій дѣйствительно былъ нездоровъ; однакожъ съ супругою и съ дѣтьми стоялъ въ полѣ, успѣлъ возвратить Кіевлянъ и мужественно

отразилъ варваровъ. Союзники, гонясь за Изяславомъ, приступили къ Вырю, гдѣ оставалась его Княгиня съ казною. Тутъ Воевода Іоаннъ Берладникъ имѣлъ случай доказать ему свое усердіе: защитилъ городъ, и принудилъ осаждающихъ удалиться. Изяславъ отмстилъ имъ ужаснымъ разореніемъ Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, плѣнили въ ней болѣе десяти тысячь людей безоружныхъ, кромѣ множества убитыхъ; но видя превосходство силъ на сторонѣ враговъ, онъ искалъ союзника въ могущественномъ Князѣ Суздальскомъ.

Андрей Георгіевичь, не заботясь о Россіи южной, желалъ господствовать въ сѣверной единовластно и присвоить себѣ древнюю столицу Рюрикову, то есть, выгнать оттуда сыновей Великаго Князя: Святослава Ростиславича изъ Новагорода, а Давида изъ Торжка. Недоброхотствуя отцу ихъ, Андрей вступился за Изяслава, и помолвилъ дочь свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго тогда Княземъ Черниговскимъ въ городѣ Вщижѣ (397). Романъ и Рюрикъ, сыновья Великаго Князя, Владѣтель Сѣверскій съ братомъ, Полочане и дружина Галицкая были съ Святославомъ Ольговичемъ; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идетъ отразить ихъ отъ Вщижа, союзники склонились къ миру, и Святославъ Черниговскій снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его какъ старшаго въ родѣ. — Андрей съѣхался съ Изяславомъ въ Волокѣ

Андрей за Изяслава.

Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу дочери и послалъ сказать Новогородцамъ, что онъ намѣренъ искать ихъ Княженія, не любитъ кровопролитія, но готовъ воевать въ случаѣ
г. 1160. сопротивленія. Чиновники объявили о томъ народу. Слава Андреева давно гремѣла въ Россіи: Новогородцы плѣнились мыслію повиноваться столь знаменитому Князю; однакожъ, не имѣя причинъ жаловаться на своего, не вдругъ прибѣгнули къ средствамъ насилія: сперва сказали, что область Новогородская никогда не имѣла двухъ Князей, и что Давидъ долженъ оставить Торжекъ; когда же Святославъ Ростиславичь, угождая имъ, велѣлъ брату выѣхать оттуда въ Смоленскъ, они рѣшились, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять его подъ стражу. Увѣдомленный о семъ намѣреніи, Святославъ не хотѣлъ вѣрить. „Вчера" (говорилъ онъ Боярамъ) „граж„дане любили меня; вчера я слышалъ ихъ клят„вы, видѣлъ общее усердіе." Въ самое то время народъ вломился во дворецъ, неволею послалъ Князя въ Ладогу, заперъ его жену въ монастырь, разграбилъ казну, оковалъ дружину [398]. Андрей отправилъ племянника, Мстислава, Намѣстникомъ въ Новгородъ; а Святославъ Ростиславичь ушелъ изъ Ладоги къ отцу, который, въ первую минуту гнѣва, велѣлъ заключить въ душную темницу всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, бывшихъ въ Кіевѣ; но выпустилъ и разослалъ ихъ по городамъ, свѣдавъ съ прискорбіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ скоропостижно умерли въ оной. Хотя

Андрей властвуетъ въ Новѣгородѣ.

Великій Князь досадовалъ на Андрея Суздальскаго, однакожъ не думалъ мстить ему кровопролитіемъ, и желалъ спокойствія.

Къ несчастію, онъ не могъ удовлетворить своему искреннему миролюбію. Видя, что Андрей, довольный пріобрѣтеніемъ Новагорода, не расположенъ воевать съ Великимъ Княземъ, безпокойный *Изяславъ* снова обратился къ Половцамъ, и нашелъ единомышленника въ непостоянномъ Святославѣ Всеволодовичѣ; ихъ сторону взяли также нѣкоторые Бояре Кіевскіе и Черниговскіе, хотѣвшіе неустройства: ибо зло общее бываетъ иногда частною выгодою. Святославъ Ольговичь послалъ сына своего, Олега, въ Кіевъ, гдѣ Великій Князь желалъ дружелюбно угостить его (399). Клеветники увѣрили сего юношу, что Ростиславъ тайно готовитъ ему темницу, и легкомысленный Олегъ, не сказавъ ни слова отцу, присталъ къ Изяславу Давидовичу и Князю Сѣверскому. Святославъ душевно оскорбился вѣроломствомъ сына и племянника въ разсужденіи Великаго Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. „Знай" (говорили они своему Князю) „что „Духовникъ Ростиславича ѣздилъ изъ Смоленска къ Изяславу и предлагалъ ему Черниговъ: Государь Кіевскій притворяется другомъ твоимъ, но помогаетъ тебѣ *лѣниво*, „и до сего времени ты не видалъ никакой „пользы отъ его союза." Обманутый клеветою, Черниговскій Князь взялъ сторону брата; однакожъ самъ не хотѣлъ участвовать

Клевета на Ростислава.

въ войнѣ. Изяславъ съ союзниками ополчился; стоялъ двѣ недѣли подъ стѣнами Переяславля, убѣждая зятя своего, Глѣба Георгіевича, вооружиться противъ Великаго Князя; не успѣлъ въ томъ, и видя Ростислава готоваго къ битвѣ, удалился. Но вторичное его предпріятіе было счастливѣе: въ теченіе зи-
Г. 1161, мы усиленный множествомъ Половцевъ, онъ
Февраля 8. переправился за Днѣпръ выше Кіева и приступилъ къ Подолу, огражденному высокимъ тыномъ (400). Тутъ началось сраженіе. Половцы во многихъ мѣстахъ разсѣкли ограду, ворвались въ улицы и зажгли домы. Окруженные пламенемъ, дымомъ и мечами варваровъ, Кіевляне съ Берендѣями въ ужасѣ бѣжали на гору къ Златымъ вратамъ каменной стѣны. Тог-
Ростиславъ изгнанъ. да Великій Князь, принявъ совѣтъ дружины, оставилъ Кіевъ, и заключился въ Бѣлгородѣ, ожидая скорой помощи.

Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, освободилъ тамъ многихъ друзей своихъ, бывшихъ подъ стражею, и спѣшилъ осадить Бѣлгородъ. Великій Князь сжегъ деревянныя укрѣпленія или *острогъ*, и четыре недѣли оборонялся. Напрасно Святославъ Черниговскій склонялъ брата къ общему миру, совѣтуя ему снять осаду, возвратиться за Днѣпръ и ждать всего отъ справедливости. Изяславъ отвѣтствовалъ его Послу: „Ежели уйду за Днѣпръ, „то союзники оставятъ меня. Чтожъ будетъ „со мною? Въ степяхъ ли Половецкихъ най„ду для себя область? Лучше умру здѣсь отъ „меча, нежели отъ голода на берегахъ Сей-

„ма [401].“ Онъ говорилъ смѣло, но дѣйствовалъ малодушно: ибо услышавъ, что Торки, Берендѣи, Печенѣги Роськіе, Мстиславъ Волынскій и Галичане идутъ въ помощь къ Великому Князю, Изяславъ бѣжалъ, и погибъ безъ мужественной обороны: непріятельскій всадникъ, именемъ Выйборъ, разсѣкъ ему саблею голову. Великій Князь и Мстиславъ нашли его плавающаго въ крови, и не могли удержаться отъ слезъ искренней горести. „Вотъ „слѣдствіе твоей несправедливости!“ сказалъ первый: „недовольный областію Черниговскою, „недовольный самымъ Кіевомъ, ты хотѣлъ отнять у меня и Бѣлгородъ!“ Изяславъ не отвѣтствовалъ, но просилъ воды; ему дали вина — и сей несчастный Князь, взглянувъ дружелюбно на враговъ сострадательныхъ, скончался. Пишутъ, что онъ въ битвахъ обыкновенно носилъ власяницу брата своего, Николая Святоши, а въ сей день почему-то не хотѣлъ надѣть ее. Разбивъ Половцевъ, Олегову дружину Черниговскую и Князя Сѣверскаго, взявъ ихъ обозы, побѣдители отослали въ Черниговъ тѣло Изяслава, искренно оплаканнаго братомъ Святославомъ и еще искреннѣе Іоанномъ Берладникомъ. Сей злополучный Галицкій Князь, утративъ въ Изяславѣ единственнаго своего покровителя, уѣхалъ въ Грецію и кончилъ горестную жизнь въ Ѳессалоникѣ, отравленный ядомъ, какъ думали современники. Великій Князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнѣйшему Сѣвер-

Марта 6. Смерть Изяслава.

Берладникъ отравленъ въ Греціи.

скому Владѣтелю, нѣкогда имъ облаготворенному, удовольствовался ихъ новою присягою, и нашелъ способъ дружелюбно раздѣлаться съ Андреемъ, который добровольно уступилъ ему Новгородъ, извѣдавъ безпокойную строптивость его жителей. Обузданные согласіемъ двухъ сильныхъ Государей, они молчали, и Святославъ Ростиславичь возвратился управлять ими [402].

Ссора и миръ Велик. Князя со Мстиславомъ. Мирясь съ непріятелями, Ростиславъ оскорбилъ знаменитѣйшаго друга своего и племянника, Мстислава Волынскаго, который возвелъ его на престолъ и удержалъ на ономъ. Великій Князь отдалъ ему въ помѣстье Бѣлгородъ, Триполь, Торческъ, какъ будущему наслѣднику всей Кіевской области. Но пылкій Мстиславъ началъ, кажется, прежде времени господствовать въ оной самовластно, не хотѣлъ слушать выговоровъ дяди, и съ гнѣвомъ уѣхавъ въ Волынію [403], старался угрозами преклонить къ себѣ Владиміра Андреевича, княжившаго въ Пересопницѣ. Сей послѣдній отвѣчалъ ему: „Ты властенъ завоевать мою

Вѣрность Княжеская. „область, и я готовъ скитаться въ бѣдно„сти съ дѣтьми своими по землямъ чуждымъ; „но буду всегда душею и сердцемъ за Рости„слава.“ Огорченный злобою племянника, Великій Князь отнялъ у него города Днѣпров-

Г. 1162—1163. скіе, но съ радостію возвратилъ ему оные, когда Мстиславъ одумался, и прибѣгнулъ къ дядѣ съ извиненіями. — Столь же великодушно поступалъ Великій Князь и съ другими, ближними и дальними родственниками. Мень-

шій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, упорный союзникъ Изяслава Давидовича, самовольно властвовалъ въ Слуцкѣ: Ростиславъ принудилъ Владиміра выѣхать оттуда, но далъ ему пять городовъ Кіевскихъ; а внуку Вячеславову, именемъ Роману, два города въ Смоленской области, Васильевъ и Красный. Мы говорили о Туровскомъ Владѣтелѣ, Юріи Ярославичѣ, внукѣ Святополка-Михаила: отверженный отъ союза двухъ тогда господствующихъ Домовъ Княжескихъ, Мономахова и Черниговскаго, онъ держался единственно своимъ мужествомъ, и счастливо отразилъ приступъ соединенныхъ Князей Волынскихъ, хотѣвшихъ, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его изъ Турова. Великій Князь, любя справедливость, заключилъ съ нимъ миръ. — Тишина внутренняя была тѣмъ нужнѣе, что внѣшніе непріятели, Ляхи, въ сіе время безпокоили западную Россію и грабили въ окрестностяхъ Червена (404). Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ.

Андрей Георгіевичь, ревностно занимаясь благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ по крайней мѣрѣ свою область: то есть, отмѣнилъ несчастную Систему Удѣловъ, княжилъ единовластно, и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ. Можетъ быть, Бояре первыхъ осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать въ правленіи Кня- Единовластіе Андрея.

зей юныхъ, грабить землю и наживаться. Нѣкоторые думали также, что онъ незаконно властвуетъ въ Суздалѣ, ибо Георгій назначалъ сіе Княженіе для меньшихъ дѣтей; и что народъ, обязанный уважать волю покойнаго Государя, не могъ безъ вѣроломства избрать Андрея [405]. Можетъ быть, и братья сего Князя, слѣдуя внушенію коварныхъ Бояръ, изъявляли негодованіе, и мыслили рано или поздно воспользоваться своимъ правомъ. Какъ бы то ни было, Андрей, дотолѣ кроткій во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшился для государственнаго спокойствія на дѣло несправедливое по мнѣнію нашихъ предковъ: онъ выгналъ

Изгнаніе братьевъ его въ Грецію.

братьевъ: Мстислава, Василька, Михаила; также двухъ племянниковъ (дѣтей умершаго Ростислава Георгіевича) и многихъ знатнѣйшихъ Вельможъ Долгорукаго, тайныхъ своихъ непріятелей. Мстиславъ и Василько Георгіевичи, вмѣстѣ съ ихъ вдовствующею родительницею, мачихою Андрея, удалились въ Константинополь, взявъ съ собою меньшаго брата, осьмилѣтняго Всеволода (столь знаменитаго въ послѣдствіи). Тамъ Императоръ Мануилъ принялъ изгнанниковъ съ честію и съ любовію; желалъ ихъ утѣшить благодѣяніями, и далъ Васильку, по извѣстію Россійскихъ и Греческихъ Лѣтописцевъ, область Дунайскую.

Г. 1164—1166. Кончина Святослава: ея слѣдствія.

Въ Россіи южной кончина Святослава Черниговскаго произвела несогласіе между сыномъ его и племянникомъ. Святославъ, достопамятный своею привязанностію къ несчастному брату Игорю и миролюбіемъ, оставилъ на-

слѣдникамъ великое богатство. Старшій его сынъ, Олегъ, находился въ отсутствіи. Черниговскій Епископъ Антоній и Вельможи собралися къ горестной овдовѣвшей Княгинѣ, и боясь хищнаго Владѣтеля Сѣверскаго, рѣшились таить смерть Святослава до Олегова возвращенія. Всѣ дали въ томъ клятву, и во первыхъ Епископъ, хотя Бояре говорили ему: „нужно ли цѣловать крестъ Святителю? „любовь твоя къ Дому Княжескому извѣстна.“ Но Святитель былъ Грекъ, по словамъ Лѣтописца: хитръ и коваренъ. Онъ въ тотъ же часъ написалъ къ Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нѣтъ въ городѣ; что Княгиня съ меньшими дѣтьми въ изумленіи отъ горести, и что Святославъ найдетъ у нее сокровища несмѣтныя. Сей Князь немедленно отправилъ сына занять Гомель, а Бояръ своихъ въ другія Черниговскія области, и самъ хотѣлъ въѣхать въ столицу. Олегъ предупредилъ его; однакожь добровольно уступилъ ему Черниговъ, взявъ Новгородъ Сѣверскій. Святославъ клялся наградить братьевъ Олеговыхъ иными Удѣлами, и забывъ обѣтъ, присвоилъ себѣ одному города умершаго внучатнаго брата, сына Владимірова, Князя Вщижскаго. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Святославъ уже звалъ Половцевъ; но Великій Князь, будучи тестемъ Олеговымъ, примирилъ ссору и заставилъ Святослава уступить Олегу четыре города (406).

Вѣроломство Епископа.

Г. 1159—1116. Безпокойства въ землѣ Полоцкой.

Ростиславъ не могъ успокоить однихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. Глѣбовичи, нарушивъ миръ, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошнихъ Князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, въ оковы. Рогволодъ Полоцкій, требуя защиты Государя Кіевскаго, осадилъ Минскъ, и стоявъ тамъ шесть недѣль, освободилъ Васильковичей мирнымъ договоромъ; а послѣ, желая отнять Городокъ у Володаря Глѣбовича, самъ утратилъ Полоцкъ, гдѣ народъ призналъ своимъ Владѣтелемъ его племянника двоюроднаго, Всеслава Васильковича. Сынъ Великаго Князя, Давидъ, господствуя въ Витебскѣ, долженъ былъ вступиться за Всеслава, изгнаннаго мятежнымъ Володаремъ, и снова ввелъ его въ Полоцкъ, къ удовольствію народа (407). Въ сихъ ничтожныхъ, однакожь кровопролитныхъ распряхъ Литовцы служили Кривскимъ Владѣтелямъ какъ ихъ подданные.

Давно Россіяне, притупляя мечи въ гибельномъ междоусобіи, не имѣли никакой знаменитой рати внѣшней: Андрей, нѣсколько лѣтъ наслаждавшись мирнымъ спокойствіемъ, вспомнилъ наконецъ воинскую славу юныхъ лѣтъ своихъ, и выступилъ въ поле, соединясь съ дружиною Князя Муромскаго, Юрія Ярославича. Оскорбленный сосѣдственными Болгарами, онъ разбилъ ихъ войско многочисленное, взялъ знамена, и прогналъ Князя. Возвратясь съ конницею на мѣсто битвы, гдѣ пѣхота Владимірская стояла вокругъ Греческаго образа Богоматери, привезеннаго изъ Вышегоро-

Война съ Болгарами.

да, Андрей палъ предъ святою иконою, слезами изъявилъ благодарность Небу, и желая сохранить память сей важной побѣды, уставилъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею Церковію. Россіяне завладѣли на Камѣ *славнымъ* Болгарскимъ городомъ Бряхимовымъ, и нѣсколько другихъ городовъ обратили въ пепелъ (408).

Въ сіе же лѣто Новогородцы одержали побѣду надъ Шведами, которые, овладѣвъ тогда Финляндіею, хотѣли завоевать Ладогу и пришли на судахъ къ устью Волхова. Жители сами выжгли загородные домы свои, ждали Князя и подъ начальствомъ храбраго Посадника, Нѣжаты, оборонялись мужественно, такъ, что непріятель отступилъ къ рѣкѣ Вороной или Салмѣ (409). Въ пятый день приспѣлъ Святославъ съ Новогородскимъ Посадникомъ Захаріею, напалъ на Шведовъ и взялъ множество плѣнниковъ; изъ пятидесяти-пяти судовъ ихъ спаслись только двѣнадцать. Побѣда надъ Шведами.

Въ окрестностяхъ Днѣпра Половцы не преставали злодѣйствовать и грабить: чтобы унять ихъ, Ростиславъ призвалъ многихъ Князей съ дружинами. Казалось, что онъ хотѣлъ, подобно дѣду Мономаху, прославить себя важнымъ предпріятіемъ и надолго смирить варваровъ; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днѣпру, и нѣсколько времени стоявъ у Канева, разошлося, когда флотъ купеческій благополучно прибылъ изъ Греціи. — За то Сѣверскій Князь и братъ Черниговскаго, при

Россія не бьютъ Половцевъ въ степяхъ.

наступленіи зимы, отмѣнно жестокой, съ малочисленною дружиною дерзнули углубиться въ степи Половецкія; взяли станы двухъ Хановъ и возвратились съ добычею, серебромъ и золотомъ (410).

Ростиславъ, уже престарѣлый, всего болѣе заботился тогда о судьбѣ дѣтей своихъ: не смотря на слабое здоровье, онъ поѣхалъ въ область Новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ея престолѣ. Угощенный зятемъ Олегомъ въ Чечерскѣ, Великій Князь имѣлъ удовольствіе видѣть искреннюю любовь Смолянъ, которыхъ Послы встрѣтили его верстъ за 300 отъ города. Сынъ Романъ, внуки, Епископъ Мануилъ, вмѣстѣ съ народомъ, привѣтствовали добраго старца: Вельможи, купцы, по древнему обыкновенію, сносили дары Государю. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ, и призвавъ туда знатнѣйшихъ Новогородцевъ, взялъ съ нихъ клятву забыть прежнія неудовольствія на сына его, никогда не искать инаго Князя, *разлучиться съ нимъ одною смертію* (411). Щедро одаренный ими и Святославомъ, успокоенный ихъ согласіемъ, Великій Князь возвратился въ Смоленскъ, гдѣ Рогнѣда, дочь Мстислава Великаго, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться, чтобъ быть погребеннымъ въ церкви, имъ сооруженной. „Нѣтъ,“ сказалъ Ростиславъ: „я хочу лежать въ Кі„евской Обители Св. Ѳеодора, вмѣстѣ съ на„шимъ отцемъ; а ежели Богъ исцѣлитъ ме„ня, то постригуся въ монастырѣ Ѳеодосіе-

„вомъ.“ Онъ скончался на пути, тихимъ голосомъ читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христіанскаго умиленія. Г. 1167. Марта 14. Кончина Велик. Князя.

Сей внукъ Мономаховъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ Государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, нежели удовольствія. Онъ не искалъ Великаго Княженія, и дважды возведенный на престолъ онаго, искренно желалъ отказаться отъ власти. Любя Печерскаго Игумена, Поликарпа, Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе всякую Субботу и Воскресенье Великаго поста обѣдать во дворцѣ съ симъ благочестивымъ мужемъ и съ двѣнадцатью братьями Ѳеодосіевой обители; бесѣдовалъ о добродѣтеляхъ Христіанскихъ, и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобы краткую, *мимотекущую* жизнь посвятить Небу въ безмолвіи монастырскомъ, особенно послѣ кончины Святослава Ольговича; но разумный Игуменъ всегда ему отвѣтствовалъ: „Князь! Небо требуетъ отъ „тебя иныхъ подвиговъ; дѣлай правду и блю-„ди землю Русскую (412).“ Нѣтъ сомнѣнія, что Государь истинно набожный скорѣе инаго можетъ быть отцемъ народа, если одаренъ свыше умомъ и твердостію. Ростиславъ не отличался великими свойствами отца и дѣда; но любилъ миръ, тишину отечества, справедливость, и боялся запятнать себя кровію Россіянъ. Его свойства.

Сей Великій Князь былъ другомъ Императора Мануила, и помогалъ ему, какъ Государю единовѣрному, противъ Короля Венгерскаго, Стефана III. Мануилъ тогда же заключилъ союзъ и съ Галицкимъ Княземъ, Ярославомъ. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго выдать дочь свою за Стефана, Императоръ писалъ къ нему, что сей Король есть извергъ вѣроломства, и что супруга такого человѣка безъ сомнѣнія будетъ несчастлива. Письмо имѣло дѣйствіе, и хотя Ярославъ, уже отправивъ невѣсту въ Венгрію, не могъ отмѣнить брака, однакожъ взялъ сторону Грековъ. Стефанъ — кажется, досадуя на тестя — развелся съ молодою супругою и женился на дочери Австрійскаго Герцога. — Не смотря на союзъ съ Императоромъ, Галицкій Князь дружески принялъ врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакіева, бѣжавшаго изъ темницы Константинопольской, и далъ ему въ Удѣлъ нѣсколько городовъ (413). Андроникъ, какъ пишутъ *Византійскіе Историки*, всегда ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ, присутствовалъ въ его Совѣтѣ Государственномъ, жилъ во дворцѣ, обѣдалъ за столомъ Княжескимъ, и собиралъ для себя войско. Изъявивъ неудовольствіе Ярославу, Мануилъ прислалъ наконецъ въ Галичъ двухъ Митрополитовъ, которые уговорили Андроника возвратиться въ Царьградъ: Епископъ Галицкій, Козьма, и *Бояре Ярославовы съ честію проводили его за границу*. Сей изгнанникъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ сана Императорскаго: будучи

Союзы и бракъ.

Андроникъ живетъ въ Россіи.

признательнымъ другомъ Россіянъ, онъ подражалъ имъ во нравахъ: любилъ звѣриную ловлю, бѣганіе въ запуски, и низверженный съ престола, хотѣлъ вторично ѣхать въ наше отечество; но былъ пойманъ и замученъ въ Константинополѣ.

Ростиславъ въ 1160 году призвалъ изъ Греціи новаго Митрополита, Ѳеодора, умершаго чрезъ три года. Великій Князь, отдавая наконецъ справедливость достоинствамъ изгнаннаго Святителя, Климента, желалъ возвратить ему санъ Архипастыря нашей Церкви, и для того послалъ Вельможу, Юрія Тусемковича, въ Грецію; но сей Бояринъ встрѣтилъ въ Олешьѣ новаго Митрополита, Іоанна, поставленнаго въ Константинополѣ безъ согласія Великокняжескаго. Ростиславъ былъ весьма недоволенъ; однакожъ, смягченный дружескимъ письмомъ Мануила и дарами, состоявшими въ бархатахъ и тканяхъ драгоцѣнныхъ, принялъ Греческаго Святителя, съ условіемъ, чтобы впредь Императоръ и Патріархъ не избирали Митрополитовъ Россіи безъ воли ея Государей. — Исполняя требованіе честолюбивыхъ Новогородцевъ, Іоаннъ позволилъ ихъ Епископу, именемъ также Іоанну, мужу добродѣтельному, называться *Архіепископомъ* (414). Сей Митрополитъ, умершій не за-долго до кончины Великаго Князя, славился ученостію, и слыша о желаніи Папы, Александра III, знать особенные Догматы нашей Церкви, писалъ къ нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, Дѣла Церковныя.

истинное или подложное, напечатано на языкѣ Латинскомъ и достойно Пастыря Христіанскаго. „Не знаю" (говоритъ сочинитель), „какимъ образомъ произошли ереси въ „Вѣрѣ Божественной; не понимаю, какъ мо„гутъ Римляне именовать насъ аже-Христі„анами. Мы не слѣдуемъ такому примѣру, и „считаемъ ихъ своими братьями, хотя и ви„димъ, что они во многомъ заблуждаются." Предложивъ ученіе обѣихъ Церквей, и доказавъ согласіе нашего съ Апостольскимъ, добрый Митрополитъ убѣждаетъ Папу возстановить древнее единство Вѣры; кланяется ему отъ имени всего Духовенства, и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ Христіанъ (415).

ГЛАВА XVII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЬ КІЕВСКІЙ.

Андрей Суздальскій или Владимірскій.

Г. 1167 — 1169.

Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Бояръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Сыновья Ростислава, братъ его Владиміръ,
г. 1167. народъ Кіевскій и Черные Клобуки — исполняя извѣстную имъ послѣднюю волю умерша-

го Великаго Князя — звали на престолъ Мстислава Волынскаго. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряженіями въ своемъ частномъ Удѣлѣ, поручилъ Кіевъ племяннику, Васильку Ярополковичу, прислалъ новаго Тіуна въ Кіевъ, и скоро узналъ отъ нихъ, что дядя его, братъ Ярославъ, Ростиславичи и Князь Дорогобужскій Владиміръ Андреевичь, заключивъ тѣсный союзъ, думаютъ самовольно располагать областями: хотятъ присвоить себѣ Брестъ, Торческъ и другіе города [416]. Мстиславъ оскорбился; призвалъ Галичанъ, Ляховъ, и выступилъ къ Днѣпру съ сильною ратію. Усердно любивъ отца, Кіевляне любили и сына, знаменитаго дѣлами воинскими: народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію, и Князья смирились. Только Владиміръ Мстиславичь, малодушный и вѣроломный, дерзнулъ обороняться въ Вышегородѣ [417]: Великій Князь могъ бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступилъ ему Котелницу, и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ умыслахъ сего дяди. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. Свиданіе ихъ было въ Обители Печерской. „Еще *не обсохли* „уста твои, которыми ты цѣловалъ крестъ „въ знакъ искренняго дружества!“ говорилъ Мстиславъ, и требовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ оную, безсовѣстный дядя за тайну объявилъ Боярамъ своимъ, что Берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. „И

Вѣроломство Владиміра.

„такъ Отроки будутъ моими Боярами!“ сказалъ онъ и пріѣхалъ къ Берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ: ибо сіи варвары, бывъ дѣйствительно съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и Князьями и Боярами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастися бѣгствомъ. Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюроднымъ братомъ, Княземъ Дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздальскому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть; обѣщалъ ему Удѣлъ, и велѣлъ жить въ области Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: „ты свободна; „иди, куда хочешь; но могу ли быть съ тобою въ одномъ мѣстѣ, когда сынъ твой „ищетъ головы моей и смѣется надъ святостію крестныхъ обѣтовъ?“

Изгнаніе Святослава изъ Новагорода.

Андрей тогда же принялъ къ себѣ и другаго изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы — думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву — въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ умыслили изгнать своего Князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки, и велѣлъ объявить Новогородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. „А мы не хотимъ имѣть тебя Княземъ,“ отвѣтствовали граждане, клялися въ томъ иконою Богоматери, и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область, и съ помощію Андрея обративъ въ пепелъ Торжекъ, грабилъ окрестности. Съ другой

стороны Князь Смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки [418]. Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя защиты. Могущественный Андрей, дѣйствуя согласно съ Романомъ Смоленскимъ и Всеславомъ Полоцкимъ, хотѣлъ, чтобы Новогородцы смирились предъ Святославомъ. „Вамъ не будетъ инаго Князя," говорилъ онъ съ угрозами. Но упрямый народъ презиралъ оныя; убилъ Посадника и двухъ иныхъ друзей Святославовыхъ; готовился къ оборонѣ, и просилъ сына у Великаго Князя, Мстислава, обѣщаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новогородскіе могли проѣхать въ Кіевъ: ибо на всѣхъ дорогахъ стерегли ихъ и ловили какъ злодѣевъ. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ начальствовалъ умный Посадникъ Якунъ и заставилъ Святослава удалиться отъ Русы: сей Князь, имѣвъ сильное войско союзное, не дерзнулъ вступить въ битву, довольный разореніемъ многихъ селеній, и чрезъ два года умеръ, хвалимый въ лѣтописяхъ за его добродѣтель, безкорыстіе и любовь къ дружинѣ.

Г. 1168. Война съ Половцами.

Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ сиротствовалъ безъ Князя, съ нетерпѣніемъ ожидая его изъ Кіева. Въ сіе время Мстиславъ былъ занятъ воинскимъ предпріятіемъ. Въ торжественномъ собраніи всѣхъ Князей союзныхъ онъ сказалъ имъ: „Земля Русская, наше отечество, стенаетъ отъ Половцевъ, которые не премѣнили донынѣ ихъ древняго обычая: всегда клянутся быть намъ друзьями, „берутъ дары, но плѣняютъ Христіанъ, и мно-

Рѣчь Мстислава.

„жество невольниковъ отводятъ въ свои ве-
„жи. Нѣтъ безопасности для купеческихъ су-
„довъ нашихъ, ходящихъ по Днѣпру съ бога-
„тымъ грузомъ. Варвары думаютъ совершенно
„овладѣть торговымъ *путемъ Греческимъ* (419).
„Время прибѣгнуть къ средствамъ дѣйстви-
„тельнымъ и сильнымъ. Друзья и братья! оста-
„*вимъ междоусобіе; воззримъ на Небо, обна-*
„*жимъ* мечь, и призвавъ имя Божіе, ударимъ
„на враговъ. Славно, братья, искать чести
„въ полѣ и слѣдовъ проложенныхъ тамъ на-
„шими отцами и дѣдами!" Всѣ единодушно
изъявили согласіе умереть за Русскую землю,
и каждый привелъ свою дружину: Святославъ
Черниговскій, Олегъ Сѣверскій, Ростиславичи,
Глѣбъ Переяславскій, Михаилъ, братъ его,
Князья Туровскій и *Волынскіе. Бояре радо-*
вались согласію Государей, и народъ благо-
словлялъ ихъ ревность быть защитниками
отечества. Девять дней шло войско степя-
ми (420): Половцы услышали, и бѣжали отъ
Днѣпра, бросая женъ и дѣтей. Князья, оста-
вивъ назади обозъ, гнались за ними, разбили
ихъ, взяли многія вежи на берегахъ Орели,
освободили Россійскихъ невольниковъ и воз-
вратились съ добычею, съ табунами и плѣн-
никами, потерявъ не болѣе трехъ человѣкъ.
Сію добычу, слѣдуя древнему обыкновенію, раз-
дѣлили между собою Князья, Бояре и воины.
Народъ веселился и торжествовалъ побѣду въ
день Пасхи. Скоро, къ общему удовольствію,
прибылъ благополучно и богатый купеческій
флотъ изъ Греціи: Князья ходили съ войскомъ

я Марта.

на встрѣчу къ оному, чтобы защитить купцевъ отъ нападенія Половцевъ, еще не совсѣмъ усмиренныхъ.

Ни Мстиславъ, пируя тогда съ союзниками подъ Каневымъ [421], ни Кіевляне, радуясь побѣдѣ и товарамъ Греческимъ, не предвидѣли близкаго несчастія. Одна изъ причинъ онаго была весьма маловажна: Князья жаловались на Мстислава, что онъ, будучи съ ними на берегахъ Орели, тайно посылалъ ночью дружину свою въ слѣдъ за бѣгущими врагами, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ добычею. Два Боярина, удаленные Великимъ Княземъ отъ Двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьевъ, увѣряя Давида и Рюрика, что Мстиславъ намѣренъ заключить ихъ въ темницу [422]. Легковѣріе свойственно нравамъ грубымъ. Бояре Кіевскіе, знавшіе чистосердечіе Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословія; но Ростиславичи остались въ подозрѣніи, и не согласились выдать клеветниковъ брату, говоря: „кто жъ „захочетъ впредь остерегать насъ?“ Въ то же время дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичь, несправедливо требуя отъ него новыхъ городовъ, сдѣлался ему врагомъ и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Дорогобужъ. Такимъ образомъ Великій Князь лишился друзей и сподвижниковъ, столь нужныхъ въ опасности.

Клевета Бояръ.

Но главною виною паденія его было то, что онъ исполнилъ желаніе Новогородцевъ, и долго медливъ, послалъ наконецъ сына, име-

немъ Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть ихъ мстителемъ; разорилъ часть Полоцкой области, сжегъ Смоленскій городокъ Торопецъ, плѣнилъ многихъ людей. Андрей Суздальскій вступился за союзниковъ, и не могъ простить Мстиславу, что онъ, какъ бы въ досаду ему, объявилъ себя покровителемъ Новогородцевъ. Можетъ быть, Андрей съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ случай уничтожить первенство Кіева и сдѣлаться Главою Князей Россійскихъ: по крайней мѣрѣ, оставивъ на время въ покоѣ Новгородъ, онъ думалъ только о средствахъ низвергнуть Мстислава, издавна имъ нелюбимаго; тайно согласился съ Ростиславичами, съ Владиміромъ Дорогобужскимъ, Олегомъ Сѣверскимъ, Глѣбомъ Переяславскимъ и съ Полоцкимъ Княземъ; взялъ дружину у Владѣтелей Рязанскаго и Муромскаго, ему покорныхъ; собралъ многочисленную рать; поручилъ ее сыну Мстиславу и Воеводѣ Борису Жидиславичу; велѣлъ имъ итти къ Вышегороду, гдѣ княжилъ тогда Давидъ Ростиславичь, и гдѣ надлежало соединиться всѣмъ союзникамъ. Сіе грозное ополченіе *одиннадцати* Князей (въ числѣ коихъ былъ и юный Всеволодъ Георгіевичь, пріѣхавшій изъ Царяграда) шло съ разныхъ сторонъ къ Днѣпру [423]; а неосторожный Мстиславъ ничего не вѣдалъ, и въ то же время послалъ вѣрнаго ему Михаила Георгіевича, Андреева брата, съ отрядомъ Черныхъ Клобуковъ къ Новугороду [424]: Ростиславичи схватили сего Князя на пути вмѣстѣ съ купцами Новогородскими.

Ненависть Андрея ко Мстиславу.

г. 1169.

Мстиславъ едва успѣлъ призвать Берендѣевъ и Торковъ, когда непріятели стояли уже подъ стѣнами города; два дни оборонялся мужественно: въ третій союзники взяли Кіевъ *приступомъ:* чего не бывало дотолѣ. Сія, по слову древняго Олега, *мать* городовъ Россійскихъ, нѣсколько разъ осаждаемая и тѣснимая, отворяла иногда Златыя врата свои непріятелямъ; но никто не входилъ въ нихъ *силою.* Побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они Россіяне: въ теченіе трехъ дней грабили, не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы драгоцѣнныя, ризы, книги, самые колокола — и добродушный Лѣтописецъ, желая извинить грабителей, сказываетъ намъ, что Кіевляне были тѣмъ наказаны за грѣхи ихъ, и за нѣкоторыя ложныя церковныя ученія тогдашняго Митрополита Константина!... Мстиславъ ушелъ съ братомъ Ярославомъ въ Волынію, оставивъ жену, сына, Бояръ плѣнниками въ рукахъ непріятельскихъ (425), и едва не былъ на пути застрѣленъ измѣнниками, Черными Клобуками.

Марта 8. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Глѣбу; но сей городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ и преемники его уже зависѣли отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался истиннымъ *Великимъ Княземъ Россіи;* и такимъ образомъ городъ Владиміръ, новый и еще бѣдный въ сравненіи съ древнею столицею, заступилъ ея

мѣсто, обязанный своею знаменитостію нелюбви Андреевой къ южной Россіи.

Конецъ II тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КО II ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Въ печатн. *Несторѣ* стр. 69: „отецъ" (Владиміръ) „его не любяше."

См. Дитм. Chron. кн. VII. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, что сынъ Владиміровъ и зять Короля Польскаго, заключенный отцемъ въ темницу, ушелъ наконецъ къ своему тестю; а въ другомъ, что сей ушедшій къ Болеславу Россійскій Князь назывался Святополкомъ (Звентепулкомъ). Кадлубекъ пишетъ, что Болеславъ, взявъ Кіевъ (см. ниже), возвелъ на престолъ Россійскій своего родственника: sui sanguinis Regem creat (*Hist. Polon.* кн. II, стр. 648).

Дитмаръ прибавляетъ, что Король Польскій, свѣдавъ о заключеніи своей дочери, зятя и Реинберна, старался отмстить Владиміру: quantum potuit vindicare non destitit (стр. 418). Выше онъ говоритъ, что Болеславъ опустошилъ тогда великую часть Россіи: слѣдственно воевалъ съ Владиміромъ? Несторъ того не пишетъ.

(2) Рѣка Полтавской Губерніи, впадающая въ Трубежъ. Въ *Архангел. Лѣт.* сказано, что Борисъ имѣлъ у себя 8000 воиновъ.

(3) Въ *Пушкин.*: „призва Вышегородскые Болярьцѣ."

(4) Борисъ, по словамъ Нестора, сказалъ: „не створи ему (Святополку), Господи, въ семъ грѣха." Вотъ слава Христіанства! Въ *Ипат.*, *Хлѣбн.*, *Воскрес.* I, 167, и въ другихъ лѣтописяхъ сей Князь изображенъ такими словами: „Тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, „плеча высоцѣ, въ чреслѣхъ тонокъ, очима добръ и ве„селъ; брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще; свѣтясь цар„скы, крѣпокъ тѣломъ, всяческы украшенъ, аки цвѣтъ „во юности своей; на ратехъ храборъ, въ совѣтѣхъ „мудръ, и благодать Божія цвѣтяше на немъ." Новѣй-

шіе Лѣтописцы прибавили много пустыхъ словъ въ повѣствованіи о Борисовой кончинѣ.

(5) Кромѣ Моисея *Угрина*, Георгіева брата, ушедшаго въ Кіевъ къ Владиміровой дочери, Передславѣ. Вмѣстѣ со многими Россіянами плѣненный Болеславомъ, онъ, какъ вторый Іосифъ, не хотѣлъ промѣнять своего цѣломудрія и рабства на любовь одной знатной красавицы, которая, желая отмстить ему за такую нечувствительность, осудила его быть Абелардомъ (см. *Житіе Моисея* въ *Патерикѣ*). Ефремъ, Новогородскій Чудотворецъ, былъ также братъ Георгія Угрина (какъ написано въ *Прологѣ* Генв. 28), Конюшій Бориса и Глѣба. Онъ взялъ отрубленную голову брата и велѣлъ положить ее въ гробъ съ собою. Далѣе пишутъ, что Ефремъ, создавъ на берегу рѣки Твери церковъ во имя Св. Бориса и Глѣба, скончался въ 6523 году. Но сіи Мученики, кажется, признаны Святыми въ 6580 году (см. ниже).

Несторъ говоритъ, что добрые Россіяне *тайно* погребли тѣло Борисово въ Вышегородѣ, въ церкви Св. Василія, но не могли отыскать искаженнаго трупа Георгіева. Въ нѣкоторыхъ спискахъ именно означено, что Св. Борисъ убитъ Іюля въ 24 день.

(6) „И пришедшю ему на Волгу“ — въ нѣкоторыхъ спискахъ: *на усть Тмы* — „на поли подтчеся конь въ рвѣ,“ и проч. Какимъ образомъ Глѣбъ выѣхалъ изъ Мурома на берегъ Волги? Это не дорога въ Кіевъ. Развѣ гонецъ Святополковъ нашелъ его гдѣ нибудь въ Нижегородской Губерніи, которой часть принадлежала къ древнему Муромскому Княженію, то есть, за Волгою? или тогдашніе дремучіе лѣса Московской Губерніи были еще непроходимы, и Глѣбу надлежало ѣхать въ Смоленскъ черезъ Тверскую? Сочинитель *Миней* (Маія 2) заставилъ его отправиться изъ Мурома къ *устью Волги*, а оттуда *водою* къ Смоленску. Далѣе: „и пріиде къ Смоленску, и пойде отъ „Смоленска яко *зрѣемо*“ — то есть, сей городъ былъ у не-

го еще въ виду — „и спа на *Смядинѣ* въ насадѣ." Такъ называлась рѣчка, впадавшая въ Днѣпръ ниже Смоленска; она уже пересохла (см. *Описаніе Смоленска*).

Плачь Глѣбовъ о Борисѣ достоинъ замѣчанія въ лѣтописи: онъ нѣженъ и краснорѣчивъ. На примѣръ: „Увы „мнѣ, Господи! Луче бы ми умрети съ братомъ, нежели „жити на свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ „лице твое Ангельское, умерлъ быхъ съ тобою. Нынѣ „же что ради остахъ азъ единъ? Гдѣ суть словеса твоя, „яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже „не услышю тихаго твоего наказанья" — и проч. Въ *Арханг.* и въ другихъ новыхъ лѣтописяхъ здѣсь прибавлены маловажныя обстоятельства.

Вѣроятно, что поваръ Глѣбовъ былъ родомъ изъ Торковъ, и для того названъ *Торчинъ*.

Далѣе: „по семь же вземше везоша и положиша й (Глѣ„ба) у брата своего Бориса, у церкве Святаго Василія." Въ *Никон. Лѣт.*, въ *Новогород.* Попа Іоанна, въ *Степен. Книгѣ* и во многихъ другихъ сказано, что мѣсто, гдѣ лежало Глѣбово тѣло, ознаменовалось чудесами: „иногда показывался надъ нимъ столпъ огненный, иногда *свѣча*, не только ночью, но и *днемъ*; ловцы, пастухи, странники, часто слышали тамъ Ангельское пѣніе. Наконецъ граждане Смоленскіе вспомнили о Мученикѣ, послали туда Священниковъ со крестами, принесли его тѣло въ городъ," и проч. — Глѣбъ умерщвленъ, по извѣстію многихъ лѣтописцевъ, 5 Сент. *въ Понедѣльникъ*: такъ и было въ 1015 году. Христіанскія имена Бориса и Глѣба были Давидъ и Романъ.

(7) Левекъ, повѣривъ Щербатову, говоритъ, что Святославъ хотѣлъ бѣжать къ Андрею, Венгерскому Королю, женатому на его сестрѣ *Премиславѣ*. Но Андрей восшелъ на престолъ въ 1045 году (см. Прая Annal. Reg. Hungariae, кн. I, стр. 54) и супруга его была не Владими-

рова, а Ярославова дочь (см. Прая Dissert. VII in An. Vet. Hung. стр. 130: erat haec Nastasia Iaroslai filia). — Несторъ, сказавъ о братоубійствахъ Святополка, прибавляетъ: „Лютѣ бо граду тому, въ немъ же Князь унъ „(юнъ), *любяй вино пити съ гуслями* и со младыми свѣ-„тники" (совѣтники): „сяковыя даетъ Богъ за грѣхи, а „старыя и мудрыя отъемлетъ." Увидимъ ниже, что Святополкъ любилъ пить.

Далѣе: „и нача даяти овѣмъ *корзна*, а другымъ кунами." Татищевъ, вмѣсто перваго слова, написалъ *шкурами*. Но корзномъ называлась верхняя одежда. Такъ Князь Владиміръ, желая защитить Игоря, покрылъ его своимъ *корзномъ*, т. е. епанчею (см. въ печат. *Нест.* стр. 204).

(8) Въ *Троиц.* и *Пушкин.*: „Варязи бяху мнози у Яро-„слава и насилье творяху Новогородцемъ и женамъ ихъ." *Ракома* подлѣ Новагорода (нынѣ селеніе на берегу Ильменя) была тоже, что Берестовое подлѣ Кіева: сельскимъ жилищемъ Князей. Въ лѣтописи сказано, что Новогородцы побили Варяговъ на *дворѣ Парамоновомъ*. Въ *Новогород.* Попа Іоанна: „и се слышавъ Ярославъ, раз-„гнѣвася — и сбра воя славны тысящу, и обольстивъ ѧ̂ „исьсѣче, иже бяху Варягы тѣ изсѣкли, а друзіи бѣжа-„ша изъ города." — Передслава была, вѣроятно, дочь Рогнѣды. — Въ *Новогород.* Попа Іоанна: „топерво ми ихъ (Ярославу Новогородцевъ) *золотомъ* окупати." Тамъ же сказано, что Ярославъ собралъ 3000 Новогородцевъ, а Варяговъ 1000. Въ харатейныхъ: „собравъ Варягъ 1000" (въ *Ипат.* и *Хлѣбн.* 6000) „а прочихъ 40.000 (въ другихъ спискахъ 30.000) — т. е. не однихъ Новогородцевъ, но и другихъ Россіянъ, можетъ быть Чуди, Псковитянъ, Кривичей. Въ *Пушкин.* и въ *Троицк.* Ярославъ говоритъ словами Св. Писанія: „суди, Господи, по правдѣ, и да „скончается злоба грѣшнаго!"

(9) Въ Несторѣ: „и стояша мѣсяцѣ три." Въ харат. *Новогород.*: „и нача Днѣпръ мерзнути." Напомнимъ Чита-

телю, что Владимиръ скончался въ 1015 году, Іюля 15; ежели Ярославъ пришелъ къ Днѣпру въ 1016 году, какъ означено въ лѣтописи, и стоялъ безъ дѣйствія *три мѣсяца*, до осени и *заморозовъ*, то между кончиною Владиміровою и битвою Любечьскою прошло около 16 мѣсяцевъ: ибо Несторъ начинаетъ свои годы съ Марта (см. ниже, прим. 50). Татищевъ обратилъ для лучшей вѣроятности Несторовы *три мѣсяца* бездѣйствія въ три седмицы, и сказываетъ еще, что *большая вода* не позволяла войскамъ переправиться черезъ Днѣпръ. — Въ *Ипатьев.* и *Хлѣбн.* сказано, что Ярославъ стоялъ на *сей* сторонѣ Днѣпра, т. е. на правой.

Въ *Новгород. Лѣт.* Попа Іоанна и въ *Никон.* ругатель, Воевода Святополковъ, названъ *Волчій Хвостъ* (см. сей Исторіи Т. I, стр. 204). Онъ говоритъ: „а вы плотници суще, а „поставимъ вы (къ) хоромомъ рубити нашимъ.“ Видно, что Новогородцы были тогда лучшими плотниками. *Далѣе* въ харат. *Новогород.*: „и бяше Ярославу „мужъ въ пріязнь у Святополка, и посла къ нему Ярославъ нощью Отрокъ „свой и рекъ къ нему: *что тому велиши творити? меду мало варено, а „дружины много.* И рече ему мужъ тъ (тотъ): рци тако Ярославу: даче „(да аще) меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати.“ — По списку *Троицк.* говорятъ Новогородцы: „кто не пойдетъ съ нами, то сами погу„бимъ.“; а въ *Пушкин.*: „сами *потнемъ*“, то есть, убьемъ.

Далѣе: „и не бѣ лъзѣ озеромъ Печенѣгомъ помогати.“ Въ харат. *Новогород.* Ярославъ говоритъ своимъ передъ сраженіемъ: „знаменайтеся; повивайте собѣ убрусы (убрусами) голову.“

Здѣсь сказано въ *Кенигсберг.* и во многихъ другихъ спискахъ: „бѣ же Ярославъ тогда двадцати осьми лѣтъ.“ Это описка. Въ харатейной: „и бы тогда Ярославъ въ „*Новѣгородѣ* лѣтъ 28“; то есть, отъ 988 года, къ которому Лѣтописецъ относитъ раздѣленіе Государства на области, до 1016 года прошло 28 лѣтъ. — О награжденіи воиновъ говорится въ харат. *Новогород.* и Попа Іоанна лѣтописи. Если у Ярослава было, какъ пишетъ

Несторъ, 40.000 воиновъ, и если гривна XI вѣка равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 года, то сей Князь роздалъ имъ 125 пудъ серебра (см. сей *Исторіи* Т. I. примѣч. 298 и 527): много по тогдашнему времени! Надобно исключить убитыхъ: за то онъ далъ каждому старостѣ и Новогородцу 10 гривенъ. — Въ лѣтописи Попа Іоанна сказано, что Ярославъ тогда же сочинилъ *Правду* или законы для Новогородцевъ: въ *Никонов.* и въ другихъ лѣтописяхъ говорится о награжденіи воиновъ и сочиненіи *Правды* уже въ 1020 году, а здѣсь сказано, что Ярославъ построилъ Златыя врата (см. ниже) со многими церквами, и щедро наградилъ бѣдныхъ; что въ то же лѣто Печенѣги, обступивъ столицу, *всѣклись* въ Кіевъ, и что Ярославъ къ вечеру побѣдилъ ихъ. Къ сему извѣстію въ *Архангельск. Лѣт.* прибавлено: „Сѣтное и до сего дни словетъ." Тутъ чего нибудь не достаетъ.

(10) Императоръ въ Мерзебургѣ получилъ первое извѣстіе о вступленіи Россіянъ въ Польшу: что однако же не имѣло никакихъ важныхъ слѣдствій. Et tunc primo comperit Russorum Regem, ut sibi per internuntium promisit suum, Boleslaum petiisse, nihilque ibi ad urbem possessam profuisse (Дитм. кн. VII). Видно только, что Россіяне осаждали Польскій городъ. Дитмаръ относитъ сей случай къ 1017 году, и прибавляетъ, что *скоро* (т. е. въ 1018 году) самъ Болеславъ вступилъ въ Россію, снова возвелъ на престолъ своего зятя и возвратился съ торжествомъ. Въ VIII книгѣ онъ уже подробно описываетъ несчастія, претерпѣнныя тогда Россіею.

Собственныя наши лѣтописи подтверждаютъ истину Дитмарова сказанія о нападеніи Великаго Князя на Польшу въ 1017 году. Несторъ пишетъ: „въ лѣто 6525 „(1017) Ярославъ иде" (здѣсь пропускъ въ *Троицк.* и *Пушкин.* спискѣ).... „и погорѣ церквей много Кыевѣ." Кудажь ходилъ онъ въ семъ году? къ *Кіеву*, сказано во

многихъ новѣйшихъ спискахъ; но онъ былъ тамъ уже въ 1016. Древній *Новгород. Лѣт.* говоритъ: „въ лѣто 6525 „Ярославъ иде къ *Берестью:*“ такъ назывался въ старину нынѣшній Брестъ Литовскій, который принадлежалъ къ Туровскому Княженію и былъ тогда на границѣ Польской. — Нарушевичъ разсказываетъ въ своей Исторіи (Т. II, стр. 177—178), что Король въ семъ году, побѣдивъ Великаго Князя на Бугѣ, взявъ обозъ и нѣсколько городовъ, *осаждалъ Кіевъ, сжегъ часть его и вышелъ изъ Россіи, узнавъ о приближеніи Нѣмцевъ къ рѣкѣ Одеру.* Никто изъ Лѣтописцевъ не говоритъ о томъ. Дитмаровы, выше приведенныя слова: nihilque ad urbem possessam prufuisse, относятся къ осадѣ не Кіева, а Польскаго города (см. Нѣмецк. переводъ Дитмара стр. 512). Нарушевичъ сообщилъ свою догадку за вѣрное происшествіе. „Въ 1017 году“ — пишетъ онъ стр. 176 въ примѣч. — „былъ пожаръ въ Кіевѣ: нѣтъ „сомнѣнія (zapewne), что Болеславъ тогда осаждалъ сей „городъ!“

Дитмаръ именно говоритъ (въ концѣ VIII кн.), что Императоръ или Нѣмцы совѣтовали Болеславу воевать съ Россіянами, и что у Короля было 500 Венгровъ и 300 Нѣмецкихъ воиновъ, также 1000 Печенѣговъ.

(11) Въ *Никонов.* и во многихъ другихъ спискахъ Нестора: „погорѣ градъ, и церквей много, яко до *седьми* „*сотъ.*“ Татищевъ поправилъ: „*и домовъ* до 700,“ не вѣря такому великому числу церквей. — Не только въ *Никонов.*, но и въ древней *Новогород. Лѣт.* сказано, что въ 1017 году заложена церковь Св. Софіи въ Кіевѣ: она, по извѣстію Дитмара (стр. 426) была разрушена пожаромъ сего году. Ярославъ въ 1037 году заложилъ новую (см. ниже), распространивъ Кіевъ и сдѣлавъ *Златыя врата*, о коихъ *Никон.* и *Воскресен. Лѣтоп.* говорятъ еще въ 1017 году, въ противность Нестору.

(12) См. Мартин. Галлус. стр. 62, Кадлубека кн. II, стр. 648, и Длугоша кн. II, стр. 151—152. Въ послѣд-

немъ: Nil hoc hamo hactenus opus est, neque ut pisces comprehendamus, sed qualiter hosti occurramus curandum, ne hostis infesti et potentis, effusionem sanguinis nostri sitientis, hamo involvamur — то есть: „чтобы не попасться на уду врагу сильному,“ и проч.

Несторъ говоритъ: „Ярославъ же, совокупивъ Русь, „и Варяги, и Словени.“ Длугошъ прибавляетъ: „и Печенѣги;“ но Печенѣги были тогда съ Болеславомъ, по извѣстію Дитмара. — Въ *Воскрэсенск.* сказано, что Ярославъ пришелъ въ *Вильню* (Волынію) и сталъ на Бугѣ.

Въ *Троицк.* и во многихъ: „кормилецъ Воевода, имя „немъ *Блудъ.*“ Въ древнѣйшемъ *Пушкин.*, также въ *Кенигсберг.* и другихъ: „именемъ *Буды.*“ у Длугоша: Budy. Сей Воевода, пѣстунъ Ярославовъ, могъ быть дѣйствительно самый предатель Ярополковъ, и въ 1018 году лѣтъ семидесяти. Владиміръ не имѣлъ правилъ Фридриха Великаго въ разсужденіи измѣнниковъ, когда Анастасъ пользовался его милостію и довѣренностію.

(13) „Дато ти прободемъ *трескою*“ (въ новѣйшихъ спискахъ: *копіемъ*) „черево твое толстое.“ Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ также описываютъ сію брань. Русской *варваръ*, по ихъ словамъ, сравниваетъ Болеслава съ обойденнымъ вепремъ, съ дикою свиньею, которая валялась въ нечистотѣ, попалась въ тенета, будетъ затравлена собаками, и проч. (Кадлуб. Hist Polon, кн, II, стр. 649). Король въ отвѣтѣ своемъ называетъ гордаго Россіянина дикимъ осленкомъ, котораго съѣстъ *вепрь.* „Ежели я кабанъ“ — говоритъ онъ — „то знай, что „сильный кабанъ съ Божіею помощію можетъ растерзать собакъ. Но оружіемъ, а не словами перевѣдаюсь съ „тобою.“ Длугошъ говоритъ тоже, что Несторъ. — Читатель вспомнитъ подобную насмѣшку Короля Французскаго надъ тучностію Вильгельма Завоевателя. У Гомера также битвы начинаются перебранкою.

Далѣе: „бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко на кони „не могы сидѣти; но бяше смысленъ .... „и *бреде* въ рѣку." Нарушевичь говоритъ: iedni w brod, drudzy w plaw. Дитмаръ пишетъ, что Россіяне напрасно хотѣли противиться; что они въ бѣгствѣ своемъ потеряли множество людей, а Болеславъ мало; что изъ Нѣмцевъ былъ тогда убитъ рыцарь Генрикъ. Въ *Никон.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что Воевода Блудъ лишился жизни въ семъ несчастномъ сраженіи.

(14) Дитмаръ сказываетъ, что городъ, принадлежавшій брату Россійскаго *Короля*, (можетъ быть, Владиміръ, Брестъ или Туровъ) былъ взятъ приступомъ, а жители отведены въ неволю. Длугошъ замѣчаетъ, что тогдашніе города Россійскіе, построенные изъ одного дерева, безъ каменныхъ стѣнъ, не могли сопротивляться Болеславу (Hist. Polon. кн. II, стр. 151).

Дитмаръ говоритъ далѣе, что Болеславъ велѣлъ осадить Кіевъ Печенѣгамъ: urbs Kitana (Kiovia) ab hostibus *Pedenis*, hortatu Boleslai, crebra impugnatione invaditur; а Нарушевичь читаетъ: ab hostibus *Polonis*.

(15) Такъ пишетъ Дитмаръ, котораго знакомцы были тогда съ Королемъ Польскимъ и видѣли все собственными глазами. Нарушевичь именуетъ сего Архіепископа Анастасіемъ (Hist. Narodu Polsk. T. II, стр. 191). — Въ одномъ спискѣ Дитмара означено здѣсь 14 Августа, а въ другомъ XIX Сентября. Сей Лѣтописецъ говоритъ, что *девять* сестеръ Ярославовыхъ и жена его находились тогда въ Кіевѣ: Несторъ упоминаетъ только о двухъ Владиміровыхъ дочеряхъ. Польскіе Историки называютъ Передславину сестру *Мечиславою*, или *Мстиславою* (Длугошъ Hist. Pol. I, стр. 154).

Польскіе Историки разсказываютъ, что Болеславъ, въѣзжая въ Кіевъ, мечемъ своимъ, въ знакъ побѣды, разрубилъ тамошнія *Златыя врата* (Длугошъ: illam in sui medio diuidens); что сей удивительный мечь былъ данъ Бо-

леславу Ангеломъ (Богуфал. стр. 25 и Кадлуб. Hist. Polon. кн. II, стр. 645), и названъ *щербцемъ* по *щербинѣ*, которая сдѣлалась на его лезвеѣ отъ разрубленія Кіевскихъ воротъ (Март. Галлусъ стр. 62, Кадл. стр. 645, Богуфал. стр. 25); что онъ и въ позднѣйшія времена хранился въ арсеналѣ Краковскомъ, и что Короли Польскіе всегда ходили съ нимъ на войну (Кадлубек. стр. 645). Изрядныя басни: замѣтимъ ниже и другія.

Дитмаръ пишетъ, что жена Святополкова оставалась въ Россіи, когда сей Князь бѣжалъ въ Польшу.

(16) Въ *Троицк.* и въ иныхъ спискахъ названъ Посадникъ Новогородскій Константиномъ. — О *кунахъ* см. ниже. Въ Несторѣ: „начаша *скотъ*" (деньги)„ сбирати, „отъ мужа по 4 куны, отъ Старостъ по 10 гривенъ, а „отъ Бояръ по 18 гривенъ." По извѣстіямъ Скандинавскимъ, многіе Норвежцы пришли тогда на корабляхъ къ Ярославу (см. Торф. Hist. Norveg. Ч. III, стр. 97). Въ *Архангельск.* означено ихъ число: 14.100.

(17) См. Дитм. Chron. кн. VIII. Татищевъ говоритъ, что на Поляковъ были жалобы: въ лѣтописи нѣтъ того. Несторъ называетъ сей поступокъ Святополковъ *безуміемъ*. — Дитмаръ о сестрахъ Ярославовыхъ (стр. 426): quarum unam, prius desideratam, antiquus fornicator Boleslaus, oblita contectali sua, injuste duxerat. См. также Длугош. Hist. Polon. кн. II, стр. 168. Въ *Воскресенск.* спискѣ и во многихъ, кромѣ *Пушк.*, *Троицк.*, *Кенигсберг.*, сказано: „и „тогда Болеславъ положи себѣ на ложе Передславу, се„стру Ярославлю." Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, увѣряетъ, что она была главною причиною войны, и что Ярославъ, не хотѣвъ выдать сестры за Короля, сдѣлалъ его своимъ жестокимъ врагомъ. Ломоносовъ несправедливо называетъ сію Княжну *супругою* Болеслава (о женахъ его см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II. 202). — Польскіе Историки (Длугошъ, Кромеръ, Сарницкій и другіе) говорятъ, что Болеславъ, предъ вы-

вступленіемъ изъ Кіева, въ знакъ владычества своего надъ Россіянами, и слѣдуя примѣру Геркулеса, поставилъ столпы желѣзные въ Днѣпрѣ, гдѣ впадаетъ въ него рѣка *Сула.* Но древнѣйшій ихъ писатель, Кадлубекъ, сказываетъ, что желѣзный столпъ поставленъ Болеславомъ не въ Россіи, а въ *Саксоніи*, въ рѣкѣ *Салѣ*, и что въ Кіевѣ онъ зарубилъ только *Златыя врата*, означивъ сими двумя памятниками границы своихъ владѣній на Западѣ и Востокѣ (Hist. Polon. кн. II, стр. 648) Сарницкій пишетъ, что Король положилъ въ Днѣпрѣ мѣдныя трубы, которыя отъ теченія воды издаютъ звуки и произносятъ имя Болеслава. „Другіе же (говоритъ онъ) увѣряютъ, что сіи „звуки раждаются отъ пустоты, находящейся въ скалѣ „надъ рѣкою" (Sarnicii Annal. Polon. кн. VI, стр. 1048). Нарушевичь не осмѣлился повторить точныхъ словъ земляка своего (Hist. N. P. II, 194).

(18) Мартинъ Галлусъ (стр. 62, 63) и Кадлубекъ описываютъ дѣйствія въ такомъ порядкѣ:

Ярославъ, слыша о вступленіи Короля въ Россію, оставляетъ свое государство (по словамъ Кадлубека: hamum cum regno abiicit: см. выше, примѣч. 12) и бѣжитъ, не извѣстно куда. Болеславъ беретъ Кіевъ, возводитъ тамъ какого-то родственника на престолъ, идетъ назадъ и распускаетъ большую часть войска. Князь Россійскій гонится за нимъ, будучи во сто разъ сильнѣе его (по словамъ Мартина: hostes vera quasi centies tantum fuere); сражается на Бугѣ, и побѣжденъ. Чрезъ нѣсколько времени Великій Князь опять тамъ же сходится съ Болеславомъ, насмѣхается надъ нимъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ знаменитѣйшими вельможами (см. Кадлубека). Ихъ ведутъ къ Болеславу *на смычкахъ*, какъ гончихъ собакъ, и великодушный побѣдитель говоритъ: *низко ругаться надъ уничиженными судьбою; что случилось съ другими, можетъ случиться и съ нами.* „Однакожъ" — замѣчаетъ

остроумный Кадлубекъ — „плѣнникамъ не должно было „жаловаться на сіи *смычки*, ибо самъ Князь Россійскій „называлъ своихъ воиновъ псами" (см. выше, примѣч. 13).

Длугошъ описываетъ даже четыре сраженія, и въ разныя времена, такимъ образомъ: „Болеславъ въ 1008 году побѣдилъ Ярослава на Бугѣ, — взялъ столицу, и разставилъ войско свое по городамъ. Ярославъ думалъ тѣмъ воспользоваться и приближился къ Кіеву; но, снова побѣжденный, ушелъ въ Новгородъ. Король за вѣроломство Святополково отдавъ Кіевъ на разграбленіе Полякамъ (съ котораго времени сія столица утратила свое великолѣпіе) хотѣлъ спокойно возвратиться въ отечество; но Ярославъ въ 1009 году догналъ его на границѣ съ войскомъ Россіянъ, *Половцевъ*, *Печенѣговъ*, Варяговъ"..... (здѣсь Длугошъ превозноситъ удивительное мужество Болеслава, который, ободривъ своихъ малочисленныхъ Героевъ Демосѳеновскою рѣчью, нападаетъ на враговъ .... Omnia enim erant tumultus, timoris et fuga plena) .... „Ярославъ, въ *третій* разъ обращенный въ бѣгство, сбрасываетъ съ себя знаки Княжескаго достоинства, и на перемѣнныхъ лошадяхъ скачетъ — неизвѣстно, куда. Въ 1018 году онъ началъ *вторую* войну, сошелся съ Болеславомъ на томъ же несчастномъ Бугѣ, въ *четвертый* разъ бѣжалъ отъ него, и признавъ свое безсиліе, заключилъ съ нимъ миръ. Король удовольствовался данію весьма умѣренною, и плѣнныхъ Россіянъ отпустилъ домой (Hist. Polon. кн. II, стр. 151 — 168). Кромеръ, Стриковскій и другіе повторили сказку Длугоша, смѣсь Несторовыхъ и древнихъ Польскихъ извѣстій, раскрашенную вымысломъ. Но сказаніе Дитмара, современнаго Историка, утверждаетъ истину Несторова повѣствованія и лѣтосчисленія. Впрочемъ и Мартинъ Галлусъ относитъ взятіе Кіева къ 1018 году.

Длугошъ и Кромеръ говорятъ, что Болеславъ принялъ тогда данное ему отъ *Россіянъ* имя *Храбраго* (Chrobri,

hoc est, acris appellationem, propter exellentem virtutem et animi magnitudinem à Russis tributam, accepit), и построивъ новый замокъ близъ рѣки Вислецы, назвалъ его *Храбрецомъ*.

(19) Сраженіе было въ Пятницу. Въ Лѣтописяхъ *Никонов.* и Попа Іоанна прибавлено: „мнози вѣрніи видяху „Ангела помогающе Ярославу„ — Князь Щербатовъ думалъ, что Берестье и Берестовое есть одно мѣсто. — Лѣтописецъ сказываетъ, что Богъ, внявъ молитвѣ Ярослава, наказалъ Святополка подобно Каину: „Нападе нанъ „Бѣсъ, и разслабѣша кости его; не можаше сѣдѣти, и „несяхутъ на носилѣхъ .... Онъ же, въ немощи лежа, „всхопився (вскочилъ), глаголаше: о! се женутъ" — и проч. О смерти его говоритъ онъ только: „испроверже „злѣ животъ свой .... есть же могила его въ пустынѣ" (между Польшею и Богеміею)" и до сего дне; исходитъ „же отъ нея смрадъ золъ." Въ *Никонов.* прибавлено: „ибо „разсѣдшеся земля пожре его." Кромеръ пишетъ тоже; но Длугошъ, имѣвъ у себя древнѣйшій списокъ Нестора (въ коемъ не было еще прибавленій) не говоритъ о семъ обстоятельствѣ.

(20) Новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ: „того же лѣта „начатъ (Ярославъ) взыскати святыхъ тѣлесъ Бориса и Глѣба." Слѣдуетъ описаніе чудесъ, бывшихъ надъ тѣломъ Св. Глѣба. Во-первыхъ Несторъ и *древній рукописный* Прологъ молчатъ о томъ; во-вторыхъ Ярославъ имѣлъ время и прежде, то есть въ 1016 и 1017 году, узнать, гдѣ погребены святые Мученики. — Тѣ же Лѣтописцы, *Никонов.* и другіе, сказываютъ, что въ 1020 году Великій Князь разгнѣвался (Татищевъ прибавляетъ: *за непослушаніе*) на Косняшина, Посадника Новогородскаго, Добрынина сына, заточилъ его въ Ростовѣ (или въ Муромѣ) на три года, и велѣлъ наконецъ *умертвить*. Въ Новогород. лѣтописи Попа Іоанна упоминается только о *заточеніи*; но сіе извѣстіе сомнительно: его нѣтъ ни въ

древн. Несторовой, ни въ харат. Новогородской. — Въ Кирилловской лѣтописи XV вѣка (Синод. библіот. No 349, л. 229, на обор.) прибавлено, что въ сіе время скончался сынъ Ярославовъ *Илья, посаженный* отцемъ въ Новѣгородѣ (см. также лѣтопись Попа Іоанна, стр. 312).

(21) „И пришедшу ему (Брячиславу) къ *Судомѣ* рѣцѣ" (не *Судомѣрѣ*) „Ярославъ выйде изъ Кыева, и въ *седмый* „день постиже й му:" то есть, въ седьмый день обратнаго похода Брячиславова. Рѣка Судома означена на картѣ Рос. Государства, сочиненной при Импер. Депо. Тутъ селенія Дубровки, Порѣчье, Сорокино и проч.

Въ новѣйшихъ лѣтописяхъ прибавлено: „Призва его" (Ярославъ Брячислава) „и вда ему два града, *Свячъ* и „*Вибдескъ*, и рече ему: *буди же со мною одинъ*. И воє„ваша Брячиславъ съ Ярославомъ вся дни живота своего." *Вибдескъ* есть Витебскъ, а *Свячь* долженъ быть нынѣшнее мѣсто Усвятъ въ Витебской Губерніи.

(22) См. Торфеев. Hist. Norveg. Ч. III, стр. 97. Брячислава называютъ Норвежскіе Писатели *Вратиславомъ*, Ярослава *Ярислейфомъ*, а Святополка *Буриславомъ*.

(23) Memor. popul, Т. II, 1010. Кедринъ пишетъ, что Андроникъ завладѣлъ Тавридою съ помощію *брата* Владимірова (вмѣсто сына), именемъ *Сфенга*. Тогдашній Великій Князь, Святополкъ, занятый войною съ Ярославомъ, не могъ помогать Грекамъ.

(24) См. сей *Исторіи* Г. I, примѣч. 90, и Oriental Geography, въ предислов. стр. XXVIII. Левитъ Іегуда (Iehudah) назвалъ сію книгу *Сеферъ Козри*. Ученый Букcдорфъ напечаталъ ее въ Базелѣ, въ 1660 году, съ Латинскимъ переводомъ, и говоритъ объ ней: liber multiplicis doctrinae ac multae laudis. — Въ нашествіе Татаръ, въ XIII вѣкѣ, уже не видимъ никакихъ слѣдовъ Козарской Державы на берегахъ Каспійскаго моря. Ясы владѣли тогда городомъ при устьѣ Волги (См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 388).

(25) Святославъ побѣдилъ Касоговъ, однакожъ не овладѣлъ, кажется, ихъ страною (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 172). — Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Князь Мстиславъ Владиміровичь, сынъ *Мономаховъ*, сражался съ *Ординскимъ* Княземъ *Редегою*, убилъ его, взялъ двухъ Редегиныхъ сыновей, крестилъ, и назвавъ одного Юрьемъ, а другаго Романомъ, выдалъ за послѣдняго свою дочь. Нѣтъ сомнѣнія, что сія сказка основана на поединкѣ Касожскаго витязя Редеди со Мстиславомъ, сыномъ не Мономаховымъ, а Владиміра Святаго.

Въ то время, какъ Мстиславъ имѣлъ войну съ Касогами, Ярославъ, по *Ипатьев.* и *Хлѣбников. списку*, ѣздилъ въ Брестъ.

(26) Татищевъ, желая объяснять происшествія, разсказываетъ, что Мстиславъ требовалъ отъ Великаго Князя новыхъ земель въ прибавокъ къ своему Удѣлу и получилъ *Муромъ*, но не былъ тѣмъ доволенъ. Симъ вымышленнымъ извѣстіемъ Татищевъ хотѣлъ утвердить свое мнѣніе, что Тмуторокань находился въ сосѣдствѣ съ Муромскимъ Княженіемъ.

Козары должны были составлять знатнѣйшую часть жителей въ области Тмутороканской, гдѣ могли оставаться также потомки древняго Воспорскаго народа, смѣшаннаго съ Готѳами, Уграми и проч. См. сей *Исторіи* Т. I, стр. 41, примѣч. 88.

Несторъ въ первый разъ упоминаетъ здѣсь о Суздальской области, населенной прежде Мерею, т. е. Чудскимъ народомъ (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 35).

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора: „въ сеже лѣто въ„сташа волсви въ Суждали, избиваху *старую чадь*“ — въ *Воскресенск.* и въ другихъ прибавлено: *бабы* — „по Дьяволю наученью и бѣсованью, глаголаше, яко си держать *гобино*.“ Подъ именемъ *старой чади* разумѣются старыя люди; *гобино* есть *изобиліе* (см. Лексиконъ Кутеинскій). Несторъ называетъ здѣсь волхвами не обвиняемыхъ въ

чародѣйствѣ; но самихъ обвинителей, которые хвалились откровеніемъ свыше, увѣряя, что они знаютъ тайную причину голода, столь великаго, что мужья отдавали женъ своихъ въ рабство для прокормленія.

(27) Около сего времени былъ въ Скандинавіи знаменитый Ярль или Принцъ, Финъ *Слѣпый* (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. II. стр. 137 и Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 9). Баеръ считалъ сего Якуна Іаковомъ, сыномъ Швед. Короля Олофа и шуриномъ Ярослава (см. Баер. въ Коммент. Акад. IV, 291).

Лиственъ есть нынѣ мѣстечко близъ Городни. Тамъ видны остатки древнихъ укрѣпленій.

Татищевъ говоритъ, что Мстиславъ поставилъ *Сѣверянъ* въ срединѣ, а *Черниговцевъ* на крылѣ; но то и другое имя означало однихъ людей: Черниговъ былъ въ землѣ Сѣверянъ. Далѣе см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 182.

(28) Сей Городецъ былъ противъ Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, примѣч. 136, 183 и 204). Нынѣшній Остеръ назывался также *Городцемъ Стрецкимъ* и *Вѣстрѣскымъ*, т. е. Остерскимъ (см. *Воскр. Лѣт.* II, 8, и *Хлѣбников.* подъ годомъ 6649). Извѣстенъ еще и третій Городецъ, бывшій на Сеймѣ рѣкѣ (см. *Больш. Чертежъ*). Татищевъ же думалъ, что Городцами назывались Вышегородъ и Юрьевъ.

Въ Несторѣ: „И раздѣлиста по Днѣпръ Руськую землю: „Ярославъ прія *сю* сторону, а Мстиславъ *ону*.“ Надобно вспомнить, что Несторъ жилъ и писалъ въ Кіевѣ. — Далѣе:„ и начаста жити мирно и въ братолюбствѣ, и „уста (преста) усобица и мятежь, и бысть тишина вели„ка въ земли.“ Слово *усобица* гораздо лучше междоусобія, нынѣ употребляемаго въ семъ смыслѣ.

(29) См. Кельха Liefländ. Historia, стр. 31. Ярославъ, названный въ крещеніи Георгіемъ или *Юріемъ*, далъ Ливонскому *Юрьеву* свое имя. — Несторъ пишетъ: „Въ лѣ„то 6536 (1028) знаменье явися на небеси, яко видѣ-

„ши всей земли." Кедринъ упоминаетъ о сей Кометѣ: она являлась, по его извѣстію, 31 Октября (см. Cométographie I, 369). — *Никон. Лѣт.* говоритъ: „Въ лѣто „6537 Ярославъ ходи на *Ясы и взятъ* ихъ .... Въ лѣто „6538 преставися Новогородскій Епископъ Іоакимъ, и бя„ше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше." Сей невѣжда самъ себѣ противорѣчитъ, говоря за Несторомъ, что 6537 лѣто было *мирно*, и прибавляя, что въ семъ же году Ярославъ *воевалъ*. Слова: *взятъ ихъ*, дали мысль Татищеву написать, что Ясы *переведены* Великимъ Княземъ на берега Рси, или Роси. — Мы уже замѣтили, что древній Лѣтописецъ совсѣмъ не упоминаетъ о Епископѣ Іоакимѣ: въ харатейной Новогородской лѣтописи также нѣтъ ни слова о кончинѣ его въ 1030 году. Ефремъ означенъ въ Помянникѣ четвертымъ Новогородскимъ Епископомъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ прибавлено, что онъ училъ (Татищевъ говоритъ, языку *Греческому*) пять лѣтъ, а Епископства не сподобился.

(30) Белзъ и нынѣ существуетъ въ Галиціи. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора стоитъ *Бельзье*, въ другихъ *Белрзы*, *Бзы*, даже *Обезы*. Лѣтописецъ сказываетъ, что Ярославъ въ 1022 году ходилъ къ Берестью, на границу Польскую — не знаемъ, за чѣмъ: можетъ быть, онъ снова хотѣлъ тогда воевать съ Болеславомъ или вступить съ нимъ въ мирные переговоры. — Въ 1030 году Болеслава уже не было на свѣтѣ: онъ умеръ въ 1025 (см. Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II, 202). Несторъ говоритъ о мятежѣ, безпорядкахъ, избіеніи Бояръ, Епископовъ и Священниковъ въ землѣ Ляховъ по кончинѣ Болеслава *Великиго* (такъ онъ называетъ его); но сіе возмущеніе случилось уже по смерти Мечислава (см. Нарушев. Hist. N. P. II, 290, 291; въ Длугошѣ кн. II, стр. 193 — 194).

О войнѣ 1032 года упоминаетъ Длугошъ (а за нимъ и Кромеръ) единственно по извѣстію Нестора, прибавляя отъ себя, что Мечиславъ удержалъ въ подданствѣ Рос-

сійскіе города, завоеванные отцемъ его. Сей Историкъ говоритъ, что Ярославъ населилъ своими плѣнниками окрестности рѣки *Порси* (prope fluvium Porszy, etc.): то есть, Длугошъ не разумѣлъ, что въ словахъ Несторовыхъ: „посади по Роси,“ *по* есть союзъ. — Слѣдственно на Роси жили не Ясы, какъ пишетъ Татищевъ (см. выше, примѣч. 29). Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ быть Корсунь, Богуславъ, Юрьевъ.

31) Болтинъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на Исторію Щербатова, говоритъ, что кромѣ Полоцкаго были въ сіе время и другіе Удѣльные Князья въ Россіи, и что дѣти или внучата Святослава Владиміровича княжили тогда въ Древлянской землѣ, *хотя объ нихъ и не упоминается въ лѣтописяхъ:* по чему же Болтинъ зналъ, что Святославъ имѣлъ дѣтей, и что они владѣли Древлянскою землею, когда лѣтописи не говорятъ о томъ? Впрочемъ Болтинъ могъ бы сослаться на Никон. *Лѣт.* гдѣ сказано, что въ 1002 родился у Святослава Владиміровича сынъ Янъ. Въ Родословныхъ Книгахъ Святославъ показанъ бездѣтнымъ.

Мстиславова смерть въ *Пушкин.*, *Кенигсберг.* и многихъ другихъ спискахъ, согласно съ Византійскою хронологіею, означена въ 1036 году; но въ *Троицк.* и въ *Никонов.* въ 1033, а въ Исторіи Татищева въ 1034. — Мстиславъ названъ *Удалымъ* въ *Никон. Лѣт.* I, 131. — Далѣе: „И положиша (Мстислава) у Святаго Спаса, юже самъ „заложилъ: бѣ бо създано ея при немъ възвыше яко на „кони стояще досящи“ — то есть, человѣкъ, сидя на конѣ, не могъ уже рукою достать верхняго ряду кирпичей. — Татищевъ прибавляетъ, что Евстафій, сынъ Мстиславовъ, умеръ въ Тмутороканѣ.

(32) Стурлезонъ разсказываетъ, что какой-то Висивальдъ, Князь Русской, сватался за прекрасную вдовствующую Королеву Шведскую, Сигриду Сторраду, которая велѣла умертвить его вмѣстѣ съ другимъ женихомъ своимъ, Королемъ Вестфольдскимъ, за такую ихъ дерзость

(Hist. Reg. Sept. I, 261). Далинъ считаетъ сего Князя Всеволодомъ, сыномъ Владиміра, изгнаннымъ изъ Россіи войною междоусобною, и безъ всякаго хронологическаго соображенія пишетъ, что жестокая Сигрида не хотѣла ни въ чемъ уступить славной Ольгѣ, которая управляла тогда Россіею (Gesch. des R. Schw. I, 451). Ежели Сигрида въ 981 вышла за-мужъ, какъ онъ говоритъ, то по смерти Владиміровой — то есть, когда Всеволодъ могъ пріѣхать въ Швецію — сей красавицѣ было по крайней мѣрѣ лѣтъ 50.

(33) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 485, и Стурлез. Hist. Reg. Sept. I, 517. „Ингигерда" (говоритъ сей Лѣтописецъ) „отдала Альдейгобургъ въ управленіе родствен„нику своему, Ярлю (Принцу) Рагнвалду. У нее было *три* „сына отъ Ярослава: Вальдимаръ (Владиміръ), Висиволдъ „(Всеволодъ) и *Гольти*, то есть, *ловкій, быстрый*." Мы не знаемъ, котораго изъ сыновей Ярославовыхъ Скандинавы означали симъ послѣднимъ именемъ: можетъ быть, Илію (см. выше, примѣч. 20). Объ имени Анны см. ниже.

(34) „Тоняху въ *Сѣтомли*, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ." Мы не знаемъ рѣки Сѣтомли. Болтинъ думалъ, что рѣка Вета, ниже Кіева, могла такъ называться; но трудно вообразить, чтобы въ маленькой рѣчкѣ потонуло множество Печенѣговъ. Сіе имя означало, можетъ быть, рукавъ Днѣпра.

Вѣроятно, что многіе изъ Печенѣговъ ушли къ Дунаю, гдѣ обитали ихъ товарищи; нѣкоторые остались еще между Волгою и Днѣпромъ, гдѣ скоро начали господствовать Половцы.

См. описаніе *Златыхъ вратъ* Цареградскихъ въ Дюканж. Constantinopol. Christ. стр. 52—53. Ѳеодосій Великій соорудилъ ихъ, побѣдивъ тирана Максима. Онѣ названы такъ отъ *золотыхъ* украшеній. Слѣдующая надпись была изображена надъ оными:

Haec loca Theodosius decorat post fata tyranni. Aurea saecla gerit, qui portam construit auro.

Ярославъ надъ Златыми Кіевскими вратами сдѣлалъ церковь Благовѣщенія: „шого дѣля (для), атъ всегда радость граду тому святымъ благовѣщеніемъ будетъ" (см. *Ипат.* и *Хлѣбн*).

О Митрополіи см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 474. Въ лѣтописи: „при семъ (Ярославѣ) Черноризцы почаша „множитися и *монастыреве починаху* быти." И такъ прежде еще не было монастырей въ Россіи? Несторъ говоритъ ниже, что они уже существовали въ Антоніево время; но Антоній возвратился въ Россію въ княженіе Ярослава, а не Владиміра (послѣднее сказано въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ: см. ниже). — Далѣе въ *Ипат.* и *Хлѣбников.*: „Володимеръ землю взоре" (вспахалъ) „Ярославъ же насѣа книжными словесы сердца вѣрныхъ людей."

Обстоятельство, что Ярославъ построилъ вмѣстѣ монастырь Св. Георгія, ему соименнаго, и Св. Ирины, заставило думать Татищева, что Великая Княгиня, Ингигерда, называлась Христіанскимъ именемъ Ирины: вѣроятно; однакожъ на ея древнихъ иконахъ, которыя хранятся въ Новогородскомъ Архіерейскомъ домѣ, изображено имя *Анны.* Въ письменномъ *Софійскомъ Уставѣ* она также называется *Анною*, подъ 5 числомъ Сентября и четвертымъ Октября. Согласимъ одно съ другимъ, положивъ, что Ярославова супруга именовалась въ свѣтѣ Ириною, а передъ кончиною постриглась и была названа въ монашествѣ Анною. Память ея празднуется въ Софійскомъ Новогородскомъ Соборѣ Февраля 10 и еще Окт. 4, вмѣстѣ съ памятію сына Ярославова, Владиміра. Неизвѣстно, кто уставилъ первое празднество; а второе Архіепископъ Евфимій въ 1439 году, какъ сказано въ Софійской лѣтописи подъ годомъ 6947. Гробъ ея стоитъ внутри Новогородской Софійской церкви на южной сторонѣ,

съ надписью: „Святая благовѣрная Княгиня Анна, мать „Св. благовѣрн. Кн. Владиміра Ярославича, Королевна „Шведская, Олава перваго Шведскаго Короля дочь, назы- „валася въ своей земли Ингегерда, которая прежде была „невѣста Олава, Короля Норвежскаго, потомъ супруга „Ярослава Владиміровича Новгородскаго и Кіевскаго; пре- „ставилася въ лѣто отъ С. М. 6559, отъ Р. Х. 1051; „положены мощи ея въ Новогородскомъ Софійскомъ Собо- „рѣ." Въ Софійской лѣтописи прибавлено: „Архіепископъ „Евфимій позлати гробъ Князя Владимера, внука Вели- „каго Владимера, и *подписа*; такожде и матери его Анны „гробъ *подписа*, и покровы положи, и память имъ устави „творити Октоврія въ 4 день." Но слогъ вышеприведен- ной надписи, изображенной на стѣнѣ, не есть древній. Самыя имена Ингигерды и Олава едва ли были извѣст- ны Россіянамъ XV вѣка. Годъ Анниной кончины также означенъ несогласно съ лѣтописями: сія Княгиня умерла въ 6558, а не 6559 году.

Въ харатейныхъ: „и книгамъ прилѣжа Ярославъ и по- „читая ѐ часто въ нощи и въ днѣ." Слѣдуетъ похвала ученію, въ которой сказано, что *книжныя словеса суть рѣки напаяющія вселенную; что ими утѣшаемся въ печа- ляхъ*, и проч. Далѣе: „Ярославъ же, якожь рекохомъ, лю- „бимъ бѣ книгамъ; многы написавъ, положи въ Святѣй „Софьи церкви." Слѣдственно онъ и *самъ* списывалъ книги.

(35) Донынѣ Подлѣсье, или Полѣсье, гдѣ жили Ятвя- ги, богато рыбными ловлями и пчеловодствомъ. Польскіе Историки описываютъ характеръ сего народа дикимъ и неукротимымъ. Въ *Никонов.* и *Воскресен. Лѣт.* прибавлено, что Ярославъ *не могъ взять Ятвяговъ*.

Мазовшане отложились отъ Королевства Польскаго во время тамошняго междоцарствія. — Здѣсь подъ именемъ Литвы должно разумѣть жителей сѣверовосточной Прус- сіи и нынѣшней Литовской Губерніи, особенно ея сѣвер- ной части; ибо южная принадлежала къ землѣ Ятвяж-

ской. Древній народъ *Литовскій* жилъ въ густыхъ лѣсахъ. Стриковскій сочинилъ его Исторію, выбравъ оную изъ *лѣтописей* Польскихъ, отчасти изъ нашихъ, Ливонскихъ, Прусскихъ, изъ пѣсенъ и сказокъ. Мнимыя древнія извѣстія о происхожденіи Великаго Герцогства Литовскаго баснословны и явно основаны на догадкахъ. Говорятъ, что какой-то знаменитый Римлянинъ Палемонъ, во время *или* Августа Кесаря, *или* Нерона, *или* Аттилы, приплылъ въ Литву, образовалъ ея дикихъ жителей и началъ тамъ властвовать какъ Государь. Его сыновья: Боркъ, Спера, Конъ, были основателями замковъ или городовъ Юрборга, Ковна, Сперы. Двое умерли бездѣтными. Третій оставилъ сыновей Керна и Гимбута, которые въ 1058 году воевали съ Россіянами (см. Матф. Стриковск. Хронику Литовск., гл. VII). *Сколько же вѣковъ* жилъ Палемонъ съ *дѣтьми* своими, если Августъ, Неронъ или Аттила заставили его бѣжать изъ Италіи, и если *внуки* Палемоновы господствовали въ Литвѣ около половины XI столѣтія? Смѣтливый Кояловичь, сократитель Матфея Стриковскаго, видя такую хронологическую нелѣпость, прибавилъ отъ шести до десяти вѣковъ, и пишетъ (Hist. Litv. стр. 29), что Италіянскіе выходцы долженствовали поселиться въ Литвѣ около 900 года. Исторія Палемонова есть сказка, основанная единственно на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ языка Литовскаго съ Латинскими. Слѣдственно и въ древней Россіи надобно искать Римскихъ поселенцевъ, ибо языкъ нашъ также сходствуетъ съ Латинскимъ? — Въ лѣтописи Кведлинбургской упоминается о Литвѣ подъ 1009 годомъ: in confinio Russiae et Litvae etc (въ Лейбниц. изданіи стр. 287). Изъ другихъ Лѣтописцевъ никто не говоритъ объ ней ранѣе Нестора.

Въ *Новгород.* Попа Іоанна и въ *Никон. Лѣт.* прибавлено, что Владиміръ, или Ярославъ, въ годъ Литовской войны (1044), весною, заложилъ Новгородъ: крѣпость ли

тамошнюю? или *Никон. Лѣт.* говоритъ здѣсь о Литовскомъ Новогродкѣ? — Въ Несторѣ такъ означены годы происшествій: въ 1038 война съ Ятвягами, въ 1040 съ Литвою, въ 1041 „иде Ярославъ на Мазовшаны въ лодьяхъ.“ Въ 1042 Владиміръ ходилъ на Ямь. Несторъ причисляетъ Ямь къ данникамъ Россіи (въ печат. стр. 10): то есть, Новогородцы издревле ходили въ Финляндію собирать дань съ ея жителей или разорять сію землю.

(36) см. Memor popul. II, 1010—1016. Такъ Византійскіе Лѣтописцы говорятъ о причинѣ войны: изъ нихъ взяли мы всѣ обстоятельства, которыхъ нѣтъ въ нашемъ Лѣтописцѣ. Они справедливо полагаютъ смерть Мстислава въ 1036 году, но ошибаются, говоря въ тоже время о кончинѣ Ярослава и восшествіи на престолъ Изяслава. Имена сихъ Князей такъ написаны въ Кедринѣ: *Носиславосъ*, *Ярославосъ*, *Зиниславосъ* (Mem. pop. II, 1011). — Тогда, по ложному сказанію Византійскихъ Историковъ, царствовалъ въ Россіи Владиміръ, человѣкъ вспыльчивый и необузданный, который, желая отмстить Грекамъ, и призвавъ вспомогательное войско съ *сѣверныхъ острововъ Океана*, посадилъ 100.000 ратниковъ на суда.

(37) Memor. pop. II, 1014. Фунтъ Византійскій состоялъ изъ 72 золотниковъ. Греческіе Историки справедливо называютъ сіе требованіе нелѣпымъ.

(38) Въ харатейныхъ: „*и взя Князя въ корабль Иванъ* „*Творимиричь, и Воеводы Ярославля.*“ — Въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Россіяне, пришедши къ Дунаю, говорили Князю: „станемъ здѣсь на полѣ;“ а Варяги: „пойдемъ къ Царюграду;“ что Владиміръ исполнилъ желаніе Варяговъ; что Греки, видя ихъ, начали погружать въ море пелены съ мощами Святыхъ; что вдругъ сдѣлалась буря, и Варяги обратились въ бѣгство. — *Въ Никон. Лѣт.*: „и сташа на брезѣ нази, и хотяща пойти въ Русь, и не „иде съ ними никто же отъ дружины Княжей. Вышата „же рече: *пойду къ Ярославу* — выйде изъ корабля, и

„рече Вышата: *азъ иду съ ними.*" Это противорѣчіе. Воины хотѣли итти въ Россію, слѣдственно къ Ярославу. Щербатовъ же сдѣлалъ Вышату бунтовщикомъ!

Византійцы пишутъ о 24 галерахъ, Несторъ о 14 ладіяхъ, разбитыхъ Владиміромъ.

(39) См. въ Бандури (Т. I, стр. 18) безъименнаго описателя Константинопольскихъ древностей, жившаго около 1100 году; также Memor. popul. II, 1038, и Гиббона Hist. of the Decl. гл. LV, примѣч. 66. Сія мѣдная статуя, привезенная изъ Антіохіи, изображала Іисуса Навина или Беллерофона (an odd dilemma! говоритъ Гиббонъ), побѣдителя баснословной Химеры. Французы, овладѣвъ Константинополемъ въ началѣ XIII вѣка, сплавили оную.

(40) Сіе извѣстіе находится въ Мартинѣ Галлусѣ, Богуфалѣ и новѣйшихъ Польскихъ Историкахъ: Нарушевичь сомнѣвается въ его истинѣ (Hist. Narodu Polsk. II, 264--288). Разсказываютъ, будто Папа выпустилъ Казимира изъ монастыря на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы Поляки ежегодно присылали въ Римъ нѣкоторую сумму денегъ на масло особенной лампады въ церкви Св. Петра; 2) чтобы они подбривали себѣ голову, какъ Монахи тогдашняго времени; и 3) чтобы Дворяне, въ большіе праздники, носили на шеѣ епитрахиль, какъ Священники и Діаконы (см. Длугош. Hist. Pol. I, 211, и Кром. стр. 50).

Несторъ говоритъ о супружествѣ Казимира въ описаніи 1043 году. Мартинъ Галлусъ, почти современникъ Несторовъ, называетъ жену Казимирову только *благородною* Россіянкою (nobilem de Russia), а Богуфалъ дочерью *Романа Одоновича, Князя Россійскаго.* Лѣтописецъ Саксонскій (Annalista Saxo) не именуетъ отца ея, говоря просто: duxitque (*Казимиръ*) *uxorem Regis Russiæ filiam. Длу*гошъ и Кромеръ, взявъ свое извѣстіе объ ней изъ Нестора, прибавляютъ, что она была дочь Анны, Греческой Царевны. Анна умерла въ 1011 году: слѣдственно супруга Казимирова не могла имѣть въ 1043 году менѣе 32 лѣтъ.

Несторъ и сочинитель житія Моисея Угрина упоминаютъ только о двухъ Владиміровыхъ дочеряхъ, взятыхъ въ плѣнъ Болеславомъ: Передславѣ и другой безъименной. Возвратились ли онѣ? и сія Марія была ли плѣнницею? не знаемъ.— О богатствѣ невѣсты пишетъ не только Длугошъ (Hist. Pol. I, 218), но и Мартинъ Галлусъ: cum magnis divitiis (стр. 70).

О Рос. плѣнникахъ, тогда освобожденныхъ, сказано въ печатномъ Несторѣ, *Воскресенск.* и *Никон. Лѣт.* (гдѣ Болеславъ несправедливо названъ отцемъ Казимировымъ); но въ харатейныхъ просто: „и вдасть Казимиръ за вѣно людій 800."

О великанѣ Моиславѣ см. въ Длугош. Hist. Pol. I, 220. Длугошъ несправедливо пишетъ, что Мазовія названа такъ по имени Моислава (см. Наруш. Hist. Narodu Polsk. II, 328). Сей Историкъ и Кромеръ говорятъ, что Ярославъ только *помогъ* Казимиру. Вотъ слова нашего Лѣтописца; „Ярославъ иде на Мазовшаны, и Князя ихъ уби Моислава и „покори а̂ Казимиру."

(41) См. Исторію Гаральда въ Стурлез. Hist. Reg. Sept. II, 54. Греческая Императрица Зоя, воспламененная къ нему страстію, не хотѣла отпустить его; но онъ, съ помощію своей дружины Варяжской, тайно ушелъ къ Ярославу. — Будучи не только герой, но и стихотворецъ, Гаральдъ въ своихъ походахъ сочинилъ 16 пѣсенъ, изъ коихъ всякая заключалась воспоминаніемъ о любезной дочери Ярославовой; на примѣръ: „Мы видѣли берега Сициліи, „и плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, для того, что смѣлые подвиги воинскіе лучше бездѣйствія, и „чтобы заслужить любовь Русской красавицы." Маллетъ перевелъ на Французской языкъ слѣдующую Гаральдову пѣсню:

„Легкія суда наши окружили Сицилію. О время славы „блестящей! Темный корабль мой, людьми обремененный, „быстро разсѣкалъ волны. Думая только о войнѣ и бит-

„вахъ, я не искалъ *инаго счастія*; но Русская красавица „меня презираетъ!

„Въ юности своей я сражался съ народами Дронтгеймскими. Число непріятелей было велико: кровь лилась „рѣкою. Младый Царь ихъ палъ отъ руки моей. Но Русская красавица меня презираетъ!

„Однажды было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ: зашумѣла буря; взволновалось море, и грузный корабль наполнился водою — мы вычерпали оную, и спаслися. Я надѣялся быть счастливымъ; но Русская красавица меня презираетъ!

„Въ чемъ я не искусенъ? сражаюсь храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ; но Русская красавица „меня презираетъ!

„Развѣ не слыхала она, какую храбрость оказалъ я въ „землѣ южной, въ какой жестокой битвѣ одержалъ побѣду, и какіе памятники славы моей тамъ остались? Но „красавица Русская меня презираетъ!

„Рожденный въ Верхней Норвегіи, гдѣ жители столь „искусно стрѣляютъ изъ луковъ, я захотѣлъ лучше плавать на корабляхъ, страшныхъ для поселянъ, между „скалами морскими, и былъ въ неизмѣримости Океана, за „предѣлами земель обитаемыхъ. Но Русская красавица меня презираетъ!“

Елисавета *не презирала его:* онъ слѣдовалъ единственно обыкновенію тогдашнихъ нѣжныхъ Рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своихъ любовницъ. — По лѣтосчисленію Далина, Гаральдъ женился на Елизаветѣ въ 1045 году (см. Gesch. des R. Schw. II, 7). Она скоро умерла, оставивъ двухъ дочерей, Ингигерду и Марію (Стурлез. Hist. Reg. Sept. II, 94): первая вышла за Филиппа, Короля Шведскаго. Мужественный зять Ярославовъ положилъ свою голову въ Англіи, сражаясь съ Королемъ Гаральдомъ Годвинсономъ въ 1066 году.

(42) Г. Левекъ въ своемъ Mémoire sur les anciennes relations de la France avec la Russie (*Mémoires de l'Institut National*, T. II) говоритъ слѣдующее: „Генрикъ зналъ, чего стоило отцу его, Роберту, супружество съ Бертою, „родственницею ему въ четвертомъ колѣнѣ. Папа отлучилъ Роберта отъ Церкви: такаяже участь готовилась „всякому Монарху, который осмѣлился бы сочетаться „бракомъ съ самою отдаленнѣйшею родственницею, въ „пятомъ или шестомъ колѣнѣ; а Генрикъ былъ родственникомъ почти всѣхъ Государей Европейскихъ. Онъ лишился первой супруги, дочери Иператора Конрада, и „женился на Аннѣ, Княжнѣ Россійской. Можетъ быть, „самъ Папа, чтобы войти въ сношеніе съ Россіею, хотѣлъ сего союза,“ и проч. —

Acta Sanctorum, въ житіи Констант. Философа или Кирилла (въ Шлецер. Нест. ч. III, стр. 232): Anno incarnati Verbi 1048, quando Henricus Rex Francorum misit in Rabastiam (Россію) Catalaunensem (Шалонскаго, т. е. Шалона на Марнѣ) Episcopum Rogerum, pro filia Regis illius terræ, Anna nomine, quam debebat ducere uxorem, deprecatus est Odalricus, praepositus S. Mariae Remensis Eclesiæ, eandem Episcopum, quatenus inquirere dignaretur, utrum in illis partibus esset Cersona (Херсонъ), ubi S. Clemens requiescere legitur . . . . . Quot et fecit: nam a Rege illius terræ, scilicet Ierosolavo, hoc didicet, etc. То есть: „въ 1048 „году Р. Х., когда Генрикъ послалъ въ Россію Шалонскаго Епископа Рогера за невѣстою своею Анною, дочерью „тамошняго *Короля*, Одальрикъ, Настоятель Реймской „церкви Св. Маріи, просилъ сего Епископа развѣдать, въ „тѣхъ ли странахъ находится Херсонъ, гдѣ, по сказанію, лежатъ мощи С. Климента? Что Рогеръ и сдѣлалъ, свѣдавъ отъ Короля оной земли, Ярослава“, и проч.

См. также Rerum Gallicarum et Francicarum Scriptores, T. XI, стр. 167, 161, 197, 219, 247, 319, 365,

409, 411, 443, 499, 563, 564, 565, 653. Французскіе Лѣтописцы несогласны въ означеніи года свадьбы Генриковой: нѣкоторые полагаютъ ее въ 1044 году, иные въ 1051, и сказываютъ, что за невѣстою ѣздилъ Вальтерій или Готье (Gautier), Епископъ Москій, съ другими сановниками. Выписываемъ здѣсь любопытнѣйшее: Misit Rex Walterium, Meldensem Episcopum, et Wascelinum de Chalinaco cum aliis ad quemdam Regem in finibus Greciæ, qui vocabatur Gerisclo, de terra Rusciae, ut filiam ejus sibi nuptum daret; quod ille gratanter accepit, eamque cum multis donis in Franciam misit, ut ex Clario Monacho discimus.... Rex duxit uxorem Scythicam et Russam....Bertradam (вмѣсто Анны), Julii Claudii Regis Russiæ filiam....A. 1052 Philippus natus est, Regis filius ex Anna, filia Georgii, Regis Sclavorum.., Li Roi Henriz prist à fame Annte, la fille au Roi Ruffin. Jcele dame pensoit plus aux choses à venir que aux choses presentes, ce est à dire, qu'elle pensoit plus à Dieu qu'aux choses du siecle: dont il avint qu' ele fist estorer à Senlix une yglise en l'enor S. Vincent .... Гервазій, Архіепископъ Реймскій, въ 1062 году писалъ къ Папѣ Александру: Regnum nostrum non mediocriter conturbatum est: Regina enim nostra Comiti Radulpho (де-Крепи) nupsit, quod factum Rex noster quam maxime dolet. Для сего брака Рудольфъ де-Крепи оставилъ первую жену свою. Гервазій говоритъ о томъ: de uxore vero Comitis Radulphi, quae vestræ conquesta est paternitati, se a viro injuriâ esse dimissam, id vobis notum esse volumus, и проч. — Папа Николай II (въ 1059 г.) въ ласковомъ письмѣ къ Аннѣ, gloriosæ Reginæ, хвалитъ ея набожность и благодѣтельность; совѣтуетъ ей питать въ Королѣ усердіе ко благу Государства и Церкви, воспитывать сыновей въ чистыхъ нравахъ, и проч.

Іезуитъ Менетріе увѣрялъ, что онъ нашелъ во Франціи гробъ Королевы Анны, въ Аббатствѣ Вильерскомъ, близъ Ферте-Але (en l'Abbaye de Villers, prés de la Fer-

tè-Alais, en Gâtinois) съ надписью: hic jacet domina Agnes, uxor quondam Henrici Regis (см. Iournal de Savans, 22 Іюня 1682); но отецъ Менетріе отъ себя прибавилъ слово Regis, чтобы Агнесу, вдову какого-то Генрика, обратить въ Королеву Французскую.

Въ лѣтописи Ламберта Ашаффенбургскаго подъ годомъ 1043 находится слѣдующее извѣстіе: Rex (Henricus) Incarnationem Domini Goslariae celebravit . . . Ibi, inter diversarum provinciarum Legatos, Legati *Ruscorum* tristes redierunt, quia de filia Regis sui, quam Regi Henrico nupturam speraverant, certum repudium reportabant. То есть: „въ 1043 году послы Россійскіе съ неудовольствіемъ уѣхали изъ Гослара отъ Короля Нѣмецкаго, Генрика: ибо надѣялись, что онъ женится на дочери ихъ Князя, но получили отказъ.“ Вѣроятно, что Ярославъ предлагалъ Королю Нѣмецкому руку той самой дочери, которая послѣ вышла за Государя Французскаго.

(43) См. Mémoire Левек. и Récueil des Historiens de France, T. XI, 433 и 564.

(44) Туроц. Chron. Hung. гл. XLII, стр. 108, и Праев. Annal. Reg. Hungariæ, кн. I, стр. 54. Послѣдній говоритъ (*Dissertatio* VII *in annal vet.*): erat haec Nastasia Iaroslai Wladimerovichii filia, à nostris deinde Agmunda dicta. — См. нашей *Исторіи* T. I, примѣч. 302. Въ грамотѣ Гейзы II, писанной въ 1058 году, упоминается о Герцогѣ Дамаславѣ, жившемъ при Андреѣ I: Прай считаетъ сего Дамаслава Россіяниномъ, пріѣхавшимъ въ Венгрію съ Агмундою или Анастасіею (Dissert. VII in annal. vet 130).

(45) Саксон. Грам. *Hist. Dan.* кн. XI, стр. 207: Cujus (Гаральдовы) filii duo confestim (послѣ Гастингскаго сраженія) in Daniam cum sorore migrarunt, quos Sveno paterni eorum meriti oblitus, puellamque Rutenorum Regi *Waldemaro*, qui et ipse *Iarislavus* a suis est appellatus, nuptum dedit. — Въ Торфеев. *Hist. Norv.* ч. III, стр. 377: Regis Haraldi Godvini filia, nomine Gyda, nupsit Valdemaro, Rus-

siæ Regi, *filio* Iarisleifi ex Ingigerde Sveciae Regis Olafi, cognomento Sveonis, filia. Увидимъ ниже, что супругъ Гидинъ былъ *дѣйствительно* Владиміръ и Великій Князь (Rex) Россійскій, но только не *сынъ*, а *внукъ* Ярославовъ. Владиміръ Ярославичь, женатый, по нашимъ лѣтописямъ, неизвѣстно на комъ, имѣлъ сына Ростислава и *Ярополка*, какъ показано въ Родословныхъ Книгахъ. Могъ ли сей Владиміръ, умершій прежде отца, жениться на дочери Гаральда, когда сей послѣдній самъ женился только въ 1055 году (см. Юмову Англ. Исторію въ описаніи сего года), и когда Гида выѣхала изъ Англіи черезъ 14 лѣтъ по смерти своего мнимаго супруга?

Несторъ пишетъ, что Владиміръ въ 1045 году заложилъ Св. Софію въ Новѣгородѣ, а въ 1052 умеръ и погребенъ въ сей церкви, имъ созданной. Но въ харат. *Новогород. Лѣт.* прибавлено, что въ 1045 году по заутренѣ въ 3 часу, въ *Субботу Марта* 15 (разьѣ 16?) сгорѣла Св. Софія, и въ тоже лѣто заложена Владиміромъ новая: слѣдственно прежде каменной была деревянная. Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна сказано, что Владиміръ началъ строить каменную церковь въ 1045 году, а деревянная, *дубовая*, сгорѣла въ 1049, въ Субботу, Марта 4 (сіе число было тогда дѣйствительно Субботнымъ днемъ). Послѣдняя стояла въ концѣ Епископской улицы, на берегу Волхова (гдѣ какой-то Сотко заложилъ въ 1167 году каменную церковь Бориса и Глѣба); славилась внутреннимъ украшеніемъ и своими *тринадцатью верхами*. Въ нѣкоторыхъ историческихъ рукописяхъ находится слѣдующее обстоятельство: „Деревянная церковь Софіи была сооружена Епископомъ Іакимомъ. Каменную строили „семь лѣтъ, а служба отправлялась тогда въ придѣлѣ „Іоакима и Анны, гдѣ лежитъ тѣло перваго Епископа „Іоакима. Живописцы, призванные изъ Царяграда, хотѣли написать въ главѣ образъ Христа съ рукою *благословляющею*; но сія рука чудеснымъ образомъ *сжалась*.

„Живописцы поправили: опять сдѣлалось тоже — и въ четвертый день они услышали голосъ: *не пишите меня съ „рукою благословляющею, ибо я въ рукѣ держу Великій „Новгородъ, и когда разниму персты, тогда будетъ ему „гибель.*"

Владиміръ Ярославичь родился въ 1020 году: слѣдственно жилъ только 32 года. Онъ умеръ Октября 4, по сказанію древней Новогородской лѣтописи, и рака его стоитъ въ храмѣ Софійскомъ близъ олтаря. Въ Эпитафіи, на стѣнѣ, означены лѣта жизни и дѣла сего Князя: походъ на Ямь и на Грековъ. Архіепископъ Евфимій въ 1439 году уставилъ праздновать его память въ Новогородскомъ Соборѣ (см. выше, примѣч. 34). Нынѣшніе гробы Владиміра и супруги Ярославовой суть деревянные и не старинной работы: древніе, можетъ быть обложенные серебромъ, похищены, какъ вѣроятно, въ началѣ XVII вѣка Шведскимъ Генераломъ Яковомъ де-ла-Гарди, который бралъ изъ церквей Новогородскихъ все драгоцѣнное.

(46) Изяславъ родился въ 1025 году, Святославъ въ 1027, Всеволодъ въ 1030, Вячеславъ по *Троицк.* и *Никонов.* списку въ 1033, а по *Кенигсберг.*, *Пушкин.* и другимъ въ 1036, т. е. въ годъ Мстиславовой смерти. Татищевъ говоритъ, что Вячеславъ родился въ 1034, а Игорь въ 1036; годы послѣдняго не означены въ лѣтописяхъ. Сей же Историкъ прибавляетъ, что въ 1032 году Богъ далъ Ярославу дочь.

Въ *Воскресенск. Лѣт.* (I, 187) и многихъ другихъ: „сей „же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына „Ярославля." Въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ (Синод. библ. No 163) Изяславова супруга названа только Ляховицею, а въ печатномъ (см. житіе Моисея Угрина) дочерью Болеслава *Храбраго*. Болеславъ имѣлъ трехъ дочерей, изъ коихъ одна умерла Игуменьею, другая была за Маркграфомъ Мейсенскимъ, а третья за Святополкомъ (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. II, 202). въ Поль-

скихъ лѣтописяхъ упоминается только объ одной дочери Мечислава, выданной за Принца Венгерскаго (см. Наруш. II, 248, 249). — Супруга Ярославова скончалась въ 1107 году (см. *Ипат.*, *Хлѣбников.* и *Воскр. Лѣт.*).

(47) Евдокія, Θеодора и Зоя были дочери Константина, брата супруги Св. Владиміра. Евдокія постриглась; вторая скончалась въ глубокой старости дѣвицею. Зоя не имѣла дѣтей ни отъ котораго мужа (см. Дюкан. Famil. August. Byzant. стр. 144, 145, и Русск. переводъ Кедрина, листъ 172 и слѣд.).

(48) *Historia Archiepiscoporum Bremensium*, въ Линденбр. изданіи стр. 89: Ida, nobilis foemina de Svevia nata, fuerat filia fratris Imperatoris Henrici III, filia quoque sororis Leonis Papae, qui et Bruno. Haec nupsit Lippoldo, filio Dominae Glismodis, et peperit *Odam* sanctimonialem de Rinthelen, quam postea claustro absolvit. . . . . . et tradidit *Regi* Ruziae, cui peperit *filium Warteslaw*; sed Rege mortuo, Oda infinitam pecuniam in opportunis locis sepeliri fecit, et in Saxoniam rediit *cum filio* et partae pecuniae, et sepultores occidi fecit. . . . Warteslaw autem, revocatus in Ruziam, pro patre regnavit, et ante obitum suum recuperavit pecuniam, quam mater absconderat. То есть: „Ида, племянница Императора Генрика III и Папы Леона, вышла за Леопольда, Графа Штадскаго, и родила Оду, которая, живъ нѣсколько времени Монахинею въ обители Ринтельнской, возвратилась въ свѣтъ, сочеталась бракомъ съ Россійскимъ Княземъ и родила ему сына *Вартеслава*; а по смерти мужа, зарывъ великія сокровища въ нѣкоторомъ удобномъ мѣстѣ, выѣхала съ сыномъ и съ деньгами въ Саксонію (гдѣ вышла за втораго мужа). Вартеславъ чрезъ нѣсколько времени былъ призванъ въ Россію, княжилъ на престолѣ отца, и воспользовался сокровищами, оставленными тамъ его матерію.“ То же разсказываетъ и Альбертъ Штадскій въ своей хроникѣ, и также не именуетъ супруга Одина. По собственнымъ нашимъ лѣтописямъ не знаемъ никакого

Князя *Вартеслава.* Г. Траеръ въ своемъ разсужденіи: (Abstammung Russ. Kays. Hauses und Braunschweig-Lüneburg. Herzoge von einer Deutsch. Stamm-Mutter), доказывалъ, что Ода была за Всеволодомъ, и что Вартеславъ есть Владиміръ Мономахъ; но мать Владимірова — Гречанка, по извѣстію Нестора — умерла прежде супруга. Гораздо вѣроятнѣе, что Нѣмецкіе Лѣтописцы обратили *Вячеславича* (Бориса) въ Вартеслава. — О Кунигундѣ говоритъ такъ называемый Саксонскій Лѣтописецъ (Annalista Saxo, (въ Эккард. Corp. hist. med. aeui T. I, стр. 493): Cunigunda nupsit Regi Ruzorum, genuitque filiam, quam nobilis quidam de Thuringia, Gunterus nomine, accepit, genuitque ex illa Sizonem Comitem ..... Въ другомъ мѣстѣ (стр. 599): Habuit idem Cono Comes uxorem, nomine Cunigundam, filium Ottonis Marchionis de Orlagemunde. Haec primum nupserat Regi de Ruzia, quo defuncto, reuersa in patriam, nupsit huic Cononi. То есть: „Кунигунда, дочь Оттона, Графа Орламиндскаго (и Маркграфа Мейссенскаго) вышла за Князя Россійскаго и прижила съ нимъ дочь, на которой женился послѣ Гинтеръ (Графъ Шварцбургскій); отъ сего брака родился Графъ (Шварцбургскій) Сицо. По смерти Князя Россійскаго Кунигунда возвратилась въ отечество и сочеталась вторымъ бракомъ съ Кономомъ (Графомъ Бейхлингенскимъ).“ Г. Реникъ полагаетъ Кунигундинымъ супругомъ Святослава (см. Versuch einer zuverlässigen Nachricht von dem ersten Gemahle der Gr. Kunigunde); но Святославъ умеръ пятидесяти лѣтъ: супруга его не могла быть молодою вдовою; или надобно предположить, что она была втораго брака. Вячеславъ умеръ двадцати-четырехъ лѣтъ (см. выше, примѣч. 46), Игорь также въ юношествѣ; первый оставилъ только *одного* сына, а второй *двухъ* (см. ниже).

(49) Въ годъ Мстиславовой смерти Несторъ говоритъ только: „Епископа постави Жидяту.“ Въ *Новогородск. Лѣт.* Попа Іоанна, *Никонов.* и другихъ онъ названъ Лукою.

Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Ярославъ, ради войны съ Греками, избралъ Митрополита безъ согласія Патріарха Константинопольскаго; но это одна пустая догадка. Несторъ говоритъ, что Россіяне черезъ *три* года заключили миръ съ Греціею: слѣдственно въ 1051 году они уже не имѣли войны. — Вѣроятно, что Митрополитъ Ѳеопемптъ скончался прежде Иларіонова избранія. — Въ нашихъ рукописныхъ *Каталогахъ* означены всѣ Митрополиты и Епископы Россійскіе, время ихъ жизни и паствы; но сіи Каталоги сочинены въ новѣйшія времена, обезображены грубыми историческими ошибками и не согласны одинъ съ другимъ. Они выбраны изъ лѣтописей, и безъ всякаго разсмотрѣнія.

(50) „Аще ли будете ненавидно живуще, въ распряхъ „и которающеся, то погибнете сами и волость отецъ „своихъ и дѣдъ своихъ погубите, юже налѣзоша тру„домъ своимъ и потомъ.“

Ни въ *Пушкин.*, ни въ *Кенигсберг.* спискѣ не упоминается здѣсь объ *Игорѣ,* пятомъ сынѣ Ярослава; а въ *Троицк.* уже *другою рукою* написано внизу: „а Игорю Володимерь.“ Новѣйшіе Лѣтописцы включили имя сего Князя, видя въ послѣдствіи, что онъ господствовалъ въ Владимірѣ. Но городъ Владиміръ принадлежалъ сначала къ области Великаго Княженія, и былъ отданъ Игорю уже отъ брата старшаго какъ *частный* Удѣлъ *Кіевскій. Для* того, по смерти Вячеслава, братья перевели Игоря въ Смоленскъ, Удѣлъ особенный. — Въ одной лѣтописи XV вѣка (Синодал. Библіот. No 349, л. 227) и въ *Новогород.* Попа Іоанна (стр. 311) сказано, что Изяславъ взялъ себѣ Новгородъ и Кіевъ съ городами его; Святославъ Черниговъ и *всю страну восточную* до Мурома; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволожье (то есть мѣста по Волгѣ). Такъ въ самомъ дѣлѣ были раздѣлены между ими области. — Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Синодал. Библ. No 354, лист. 257) одинъ сынъ Ярославовъ названъ

Романомъ, другой Юрьемъ (вѣроятно Игорь), а третій Андреемъ: думаю, Всеволодъ, который построилъ въ Кіевѣ церковь во имя Св. Андрея (см. ниже).

Въ лѣтописи означено, что Ярославъ умеръ *семидесяти-шести лѣтъ* въ 6562 году, въ первую *Субботу* поста Св. Θеодора: то есть, въ Θеодорову Субботу (такъ въ харат. *Пушкинск.* спискѣ): слѣдственно 19 Февраля (а не 20, какъ прибавлено въ другихъ спискахъ: ибо Пасха была тогда 3 Апрѣля), и въ 1054 году по нынѣшнему счисленію съ Генваря, а по древнему въ 6561: ибо Несторъ *начинаетъ годъ съ Марта,* а *не съ Сентября.* Вотъ доказательства: Изяславъ, по извѣстію Лѣтописца (см. ниже) ушелъ изъ Кіева *Сентября 15* въ 6576 году, а возвратился въ столицу черезъ *семь* мѣсяцевъ (и 16 дней) Маія 2, 6577 году: что случилось бы не въ *двухъ,* а въ *одномъ* году, если бы онъ начинался съ Сентября. — Олегъ въ *Февралѣ* мѣсяцѣ воевалъ съ Мстиславомъ, и Лѣтописецъ говоритъ: „се же бысть *исходящу* лѣту 6604, Индикта 4 на полы" (въ половинѣ): слѣдственно Индиктъ считался тогда въ Россіи, какъ и въ Греціи, съ Сентября, а годъ съ Марта. — Въ 6615 году, *Августа* 12, разбитъ непріятель; а *послѣ,* въ Генварѣ *того же году,* умерла мать Святополкова; въ 6617, Іюля 10, скончалась Евпраксія, и въ *тоже* лѣто, *Декабря* 2, Дмитръ Иворовичь взялъ Половецкія вежи; въ 6618 *весною* Святополкъ и Владиміръ ходили къ Воиню, и въ *тоже* лѣто, *Февраля* 11, явился огненный столпъ надъ монастыремъ Печерскимъ; въ 6621 умеръ Давидъ Маія 25, и въ *тожь* лѣто преставилась Янка Ноября 3: слѣдственно новый годъ не былъ начинаемъ съ Сентября.

Ежели Ярославу въ 1055 году было *семдесятъ-шесть* лѣтъ, то Владиміръ женился на Рогнѣдѣ прежде 980 года.

Лѣтописецъ говоритъ, что во время кончины отца Изяславъ былъ въ Новѣгородѣ, а Святославъ въ Владимірѣ.

Въ харатейныхъ: „Всеволодъ же спряша тѣло отца сво-„его; взложьше на сани везоша й Кыеву, Попове поюще „обычныя пѣсни.“

(51) Сей памятникъ, вышиною 2 аршина, длиною 3½, шириною 19 вершковъ, сдѣланъ изъ мрамора бѣло-сине-ватаго, и находится въ придѣлѣ съ лѣвой стороны большаго олтаря. Половина монумента скрыта въ стѣнѣ. На камнѣ вырѣзаны кресты, съ буквами *IC. XC.*, также птичьи головы, деревья, цвѣты, и проч.

(52) См. харат. *Новогородск. Лѣт.* стр. 112, гдѣ сказано: „(Князь Михаилъ) цѣлова крестъ на всей воли „Новогородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ“ (см. также сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 5).

Въ харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 80: „Мстиславъ же „сзва Вѣче на *Ярославлѣ* дворѣ.“ Сей Дворъ былъ на *Торговой Сторонѣ* въ Новѣгородѣ, за мостомъ отъ Софійскаго Собора. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: „близъ рѣки Волхова, идѣже нынѣ Николая Чудо-„творца церковь; и донынѣ зовется *Ярославле дворище.*“

(53) Въ 1044 году. Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Ярославъ положилъ ихъ кости въ Владимірской церкви Св. Богородицы; но древній Лѣтописецъ говоритъ здѣсь о Кіевской.

(54) Въ *Никон. Лѣт.* и въ рукописныхъ Новогородскихъ: „и собравъ отъ Старостъ и отъ Пресвитеровъ „дѣтей 300, и повелѣ учити книгамъ.“

(55) Кромеръ, стр. 45: Ex Polonia agrestes complures ad Porsam (вмѣсто Рси) amnem non procul à Kiovia collocantur (Ярославъ и Мечиславъ) ut agros ob assidua bella cultoribus exinanitos colerent.

(56) Святый Георгій представленъ съ вѣнцемъ на главѣ; на плечахъ хламида, изъ-подъ коей видна часть брони; на лѣвой рукѣ щитъ, въ правой копье. Надпись: ὁ Γεωργιος, и буквы точно имѣютъ образъ Греческихъ первагонадесять вѣка. На другой сторонѣ, вокругъ: ✕ *Яросла-*

вле сребро. Въ срединѣ надписи знакъ подобный трезубцу; на бокахъ стоятъ 3 буквы: М. А. И. Думаю, что сіи буквы Греческія; а не Русскія, что третья есть N, и что онѣ знаменуютъ: Μεγαλε Αρχωντος νόμισμα, то есть: *Великаго Князя монета.* Византійцы дѣйствительно именовали нашихъ Князей *Архонтами* (Memor. popul. II, 976). Можетъ быть, Ярославъ первый хотѣлъ имѣть собственныя серебряныя деньги въ Россіи, и велѣлъ художнику Византійскому сдѣлать въ Кіевѣ нѣсколько монетъ для опыта. — Сію драгоцѣнность видѣлъ я въ Кабинетѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина.

(57) См. *Никонов. Лѣт.* I, 142, и *Степен. Кн.* I, 224. Тамъ сказано, что въ 1051 году пріѣхали изъ Греціи въ Кіевъ три пѣвца съ своими семействами. Названіе *демественное* есть *Греческое* испорченное и происходитъ отъ слова Δομέστικος, *уставщикъ*, qui curat, ut recte canatur (говоритъ Дюканжъ), cantum imponit seu inchoat.

(58) См. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 745 и слѣд. Сей Лѣтописецъ разсказываетъ, что Ярославъ хотѣлъ отдать Олофу землю *Вулгарію*, гдѣ жили язычники (можетъ быть, область сосѣдственную съ Казанскою Болгаріею: ибо народъ Болгарскій не зависѣлъ отъ Россіи). Занимаясь единственно святостію, Олофъ думалъ только о спасеніи души своей, лечилъ больныхъ и дѣлалъ чудеса (стр. 748 и 749); но увидѣвъ, къ несчастію, во снѣ тѣнь Олофа Тригтвасона, которая подала ему надежду быть снова Королемъ Норвежскимъ, рѣшился, въ противность совѣту Ярославову и жены его Ингигерды, возвратиться въ отечество, гдѣ онъ положилъ свою голову на мѣстѣ сраженія въ 1030 году. Сынъ его Магнусъ жилъ въ Россіи до 1033 году.

(59) Многіе Лѣтописцы говорятъ, что Король Шведскій отослалъ несчастныхъ Англійскихъ Принцевъ, Эдвина, или Эдмунда, и Эдуарда къ Королю Венгерскому *Соломону*; но Соломона еще не было тогда на свѣтѣ (см.

Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 28). Даже и славный Историкъ Юмъ повторилъ слова невеждъ. Далинъ угадывалъ, что Монахи Летописцы вместо Holmgardia поставили Hungaria (Gesch. Schw. I, 475). Онъ не зналъ, кажется, что Адамъ Бременскій, почти современный Историкъ, именно такъ пишетъ: filii ejus (Эдмундовы) in *Ruzziam* exilio sunt damnati (въ Линденброг. изданіи стр. 26). Впрочемъ быть можетъ, что Англійскіе Принцы выехали после изъ Россіи въ Венгрію (см. Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 28).

Венгерскіе Принцы, Андрей и Леванта, дети Ладислава *Плешиваго* и какой-то безъименной Россіянки (Туроц. Chron. Hung. стр. 108 въ Швандтнер. изданіи) долгое время жили въ нашемъ отечестве: тамъ Андрей узналъ, что Венгерцы избираютъ его въ Короли (см. Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 50).

(60) См. въ Кіевск. Патерике *сказаніе о церкви Печерской*. Симонъ, по сему известію, Князя Африкана сынъ, былъ изгнанъ изъ отечества своимъ дядею, Якуномъ *слепымъ*, и привелъ съ собою въ Россію около 3000 Варяговъ, также несколько Латинскихъ Священниковъ. Въ Скандинавскихъ Историкахъ нетъ ни слова о Князе Африкане.

(61) См. о Пермякахъ и Самоедахъ въ печат. *Нест.* стр. 10, 145, 146, и ниже, примеч. 64. Следственно Шлецеръ (Nord. Gesch. 292) и другіе несправедливо говорятъ, что Русскіе узнали Самоедовъ только въ XV веке. Имя сего народа производятъ отъ *Самеядна*: такъ Лапландцы называютъ свою землю; а Русскіе, говоритъ Фишеръ (въ *Сибирск. Исторіи*, стр. 72, 73) считали некогда Лапландцевъ (Лопарей) и Самоедовъ за одинъ народъ. Иные толкуютъ, что Самоядь есть Финское слово Suomihäti, то есть, *Финнами оставленные* жители: сіе изъясненіе предполагаетъ, что те и другіе обитали вместе, и что Финны оставили наконецъ Самоедовъ (см. Прая Dissert. in ann. vet. Hung. стр. 40). Языкъ последнихъ

отличенъ отъ Финскаго и сходствуетъ съ языкомъ Остяковъ Томскихъ, Нарымскихъ, Енисейскихъ, Каймашей, Карагасовъ и проч. (см. Фиш. *Сибирск. Исторію*): думаютъ, что Самоѣды были изгнаны изъ Сибири Татарами. — Часть Лапландіи принадлежала Новугороду еще прежде Ярослава, если Руническая харатейная грамота, въ 1677 году напечатанная въ Норвежскомъ городкѣ Шеенѣ, не есть изобрѣтеніе какого нибудь любителя древностей. Ученый Спарфенфельдъ получилъ оную отъ Пастора Николая Голфварда. Она содержитъ въ себѣ распредѣленіе границъ между Россіею и Норвегіею во время Свенона I, Датскаго Короля, жившаго въ концѣ X вѣка. Въ ней сказано, что Государь Россійскій можетъ брать дань съ жителей приморскихъ, горныхъ и лѣсныхъ до самыхъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ Норвегіи. Я нашелъ сіе извѣстіе въ рукописномъ извлеченіи, сдѣланномъ въ Штокгольмѣ изъ Лѣтописцевъ Скандинавскихъ для Екатерины Великой.

(62) Главные изъ нихъ были Тореръ и Карлъ, отправленные для торговли въ Біармію самимъ Королемъ Олофомъ. Приплывъ туда во время *славной* ярмонки и накупивъ *мѣховъ*, они вздумали еще ограбить кладбище: ибо жители имѣли обыкновеніе зарывать въ могилу часть богатства, оставляемаго умершими. Сіе мѣсто было окружено лѣсомъ и заборомъ; въ срединѣ, на площади, стоялъ истуканъ бога Йомалы, съ драгоцѣннымъ ожерельемъ на шеѣ; а передъ нимъ, въ серебряной чашѣ, лежали деньги. Норвежцы зашли туда въ глубокую ночь, и похитили все, что могли; но желая еще снять ожерелье съ идола, крѣпко привязанное, отсѣкли ему голову.... Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога. Воры спаслись бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи неискусны въ дѣлѣ воинскомъ, не могли ничего сдѣлать

отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до кораблей своихъ (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. I, гл. CXLII, de itinere in Biarmiam, стр. 618 и слѣд.).

Стурлезонъ не именуетъ города Біармскаго. Въ Dissertation sur les anciens Russes, стр. 36, приведено одно мѣсто изъ Торфеевой Норвежской Исторіи, гдѣ столица Біарміи названа Гольмгардомъ: я не умѣлъ найти сего мѣста въ Торфеѣ. Онъ пишетъ (Hist. Norv. T. I, стр. 165), что Гольмгардъ былъ древнею столицею и Княжествомъ Россіи, которое досталось на часть Ярославу, сыну Владиміра Великаго. Мы знаемъ, что Ярославъ княжилъ въ Новѣгородѣ: слѣдственно имя Гольмгардъ, по Торфееву сказанію, означало сію первобытную столицу Россіи, а не Біарміи. Струбе, Авторъ Диссертаціи, и Миллеръ непремѣнно хотѣли доказать, что наши Колмогоры и древній Гольмгардъ есть одно мѣсто. Имя сходно; но Колмогоры по нашимъ историческимъ памятникамъ извѣстны только съ XIV вѣка: въ первый разъ упоминается объ нихъ въ грамотѣ Вел. Кн. Іоанна Іоанновича, сына Калитина (см. сей *Исторіи* T. IV, примѣч. 386); тамъ жили Новогородскіе Двинскіе Посадники. Г. Крестининъ, Архангельскій уроженецъ, пишетъ, что Колмогоры составились изъ трехъ деревень: Курцева, Качкова, Падрокурья (см. его *Начертаніе исторіи* сего города). Имя ихъ есть, кажется, вмѣстѣ и Финское и Русское: *колмь* на Финскомъ языкѣ значитъ *три*. И въ Большомъ Чертежѣ и въ Двинской лѣтописи сей городъ всегда называется Колмогорами, а не Холмогорами. — Мнимый Іоакимъ, Татищевъ и Елагинъ искали Гольмгарда въ окрестностяхъ Новагорода, не знавъ, что Скандинавскіе писатели называли такъ иногда самый Новгородъ, иногда всю Россію сѣверную.

Вотъ баснословное описаніе Йомалина храма: „Построенный весьма искусно изъ самаго лучшаго дерева, онъ „былъ украшенъ золотомъ и камнями драгоцѣнными, ярко „озарявшими всѣ окружныя мѣста (Sturlaugs Saga, стр,

„46, 49). На головѣ Йомалы блистала золотая корона „съ двѣнадцатью рѣдкими камнями; ожерелье его цѣнилось „въ 300 марокъ (150 фунтовъ) золота; на колѣняхъ сего „идола стояла золотая чаша, наполненная золотыми мо„нетами, и такой величины, что четыре человѣка мо„гли напиться изъ нее досыта. Его одежда цѣною своею „превосходила грузъ трехъ самыхъ богатѣйшихъ кораб„лей.“ См. Herrauds и Bosa Saga, стр. 53, въ Шлецер. Nord. Gesch. стр. 439.

Норвежцы до самаго XIII вѣка ходили на корабляхъ въ Біармію (см. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 144, въ примѣч.). Бѣлое море и часть Ледовитаго къ берегамъ Архангельской Губерніи долго назывались въ Россіи *Мурманскимъ*, то есть, Норманскимъ или Норвежскимъ моремъ (см. Двинск. лѣтопись въ *Труд. Вольн. Рос. Соб.* Т. I, стр. 126). Но Болтинъ говоритъ, что Мурманское значитъ *поморское* (Примѣч. на Леклера Т. I, стр. 45): ибо Татищевъ увѣрялъ, что *Маурена* значитъ на *Сарматскомъ* языкѣ *поморье*.

(63) См. Отерово путешествіе въ Форстер. Gesch. der Entdeckungen in Norden.

(64) Двинской Лѣтописецъ (*Труд. Вольн. Рос. Собр.* Т. I, стр. 114, 115) говоритъ, что они зависѣли отъ Новагорода еще при Владимірѣ, который просвѣтилъ ихъ крещеніемъ вмѣстѣ съ Россіянами. Первое вѣроятно, ибо народъ въ Архангельской Губерніи донынѣ сохранилъ (см. *Записки Лепех.* Т. IV) нѣкоторые обычаи *языческихъ Славянъ*: изъ чего можно заключить, что Россіяне еще въ идолопоклонствѣ овладѣли Двинскою областію; но второе сомнительно: ибо Норвежцы, посланные Королемъ Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ въ Біармію, нашли ея жителей идолопоклонниками. Г. Крестининъ полагаетъ, что земля Двинская была завоевана Новогородцами прежде Рюриковыхъ временъ (см. *Начерт. Ист. Холмог.* и *Начатки*). Но страна Веси (послѣ область Бѣлозерская),

тогда еще независимая, находилась между сею землею и Новогородскою.

Объ имени Заволочья см. Двинск. Лѣтоп. стр. 113. *Волокъ* означаетъ 1) пространство между рѣками судоходными, чрезъ кое перевозили или перетаскивали суда; 2) также мѣсто лѣсное, закрытое, *заволоченное* (см. *Словарь Географ. Рос. Государ.* I, 977 и 1021). Естьли Двинская земля названа *Заволочьемъ* въ первомъ смыслѣ, то подъ *волокомъ* разумѣлось пространство между Онегою и Двиною.

Въ Архангельскомъ монастырѣ уцѣлѣли двѣ, весьма древнія грамоты харатейныя Новогородскаго Архіерея Іоанна: первая къ тамошнему Игумену Лукѣ, вторая къ Двинскимъ Посадникамъ (см. Крестинина *Начертаніе Холмогоръ*, стр. 4 и 5). Въ нихъ годъ не означенъ; но въ лѣтописяхъ, въ Помянникѣ и въ Каталогѣ Новогородскихъ Святителей наименованы два Іоанна: первый хиротонисанъ въ 1110 году, а вторый въ 1165. Грамота писана тѣмъ или другимъ.

Несторъ пишетъ (въ печатн. стр. 145, 146): „се же „хочю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже „сказа ми Юря Тароговичь Новьгородецъ, глаголя сице: „яко послахъ отрокъ свой въ Печеру — людіи, яже суть „дань дающе Новугороду — и пришедшю отроку моему „къ нимъ, и оттуда иде въ Югру: Югра же языкъ есть „*нѣмъ*“ (т. е. иноплеменный) „и съсѣдятьсн съ Самоѣды „на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: давно находимъ мы чюдо, его же нѣсьмы слышали „преже сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть „горы заидуче лукоморя“ (т. е. къ морю), „имъ же вы„сота до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, „и сѣкуть гору, хотяче высѣчися, и въ горѣ той про„сѣчено оконце мало, и ту де молвять, и есть не разу„мѣти языку ихъ, да кажутъ на желѣзо, и помаваютъ „рукою, просяче желѣза. Кто дасть имъ ножъ, ли сѣки-

„ру, даютъ скорою (шкурами) прошиву. Есть же путь „до горъ тѣхъ, и непроходимо пропастьми, снѣгомъ и „лѣсомъ: тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и „подаль на полунощьи. — Мнѣ же рекшю къ Юряти: *си* „*суть людье заклепени Олександромъ Макидоньскимъ* „*Царемъ*, яко же сказаеть Меѳодій Патарійскій": или Патарскій, Епископъ, славный врагъ Оригеновой ереси (см. его житіе въ Минеяхъ и въ Прологѣ Іюня 20). Я нашелъ въ Синодальной библіотекѣ и сочиненіе Меѳодіево, о коемъ здѣсь говоритъ Несторъ, подъ заглавіемъ: *Меѳодіа, Епископа Патарскаго, слово о царствѣ языкъ послѣдчихъ временъ* (см. книгу въ листѣ подъ No 20) Изъ сего древняго перевода выпишу здѣсь мѣста, на кои ссылается Несторъ: „Свободися Израиль отъ работы сыновъ Измаилевѣхъ: „съи бо Гедеонъ съсѣче пльки ихъ и отгна ихъ отъ вьселенныя въ пустыня Еѳривьскую, изъ нея же бѣху, и „оставше 12 колѣнъ ..... Александръ, исьшедъ на вьстокъ, „уби Даріа Мидскаго, и облада градовы и странами многами, и обыде вься земля, и сьниде до морѣ нарицаемаго *Солнечнаа страна*, идѣ же видѣ нечистыя языкы „скврьнны; сынове же сыновъ Іафетовѣхъ и внуци его „гнушахуся ихъ; ихъ же нечистоту видѣвъ Александръ: „ядѣху бо вьсѣкъ (всякъ) нечистый видъ и прочаа животна мрьскаа же (мерзкая) и скврьнна, коморя и мухы „и змія и мрьтвыя плъти (плоти) и изврьгъ младыихъ „(выкидышей) ... мрьтьвця же (мертвеца) не погрибааху, „ но и тѣхъ ядѣху. Сіа вьсѣ видѣвъ Александръ, помолися Богу прилѣжно, и събра вьсѣхъ ихъ, и жены и чяда „ихъ, и изъведе ихъ отъ Вьстока и погна въ слѣдъ ихъ „до предѣлъ Сѣверныихъ, имъ же нѣсть вьхода отъ Вьстока до Запада: понеже бѣ Александръ помолился Богу, и „услыша его, и повелѣ Богъ двѣма горама, има же „имя *Мази* и *Вэра*, и приближистѣ ся другъ другу яко „лактій 12, и сьтвори врата мѣдна, и помаза ихъ *асингитомъ*, яко да аще помыслять отьврѣсти желѣзомъ,

не възмогуть; аще ли растопити огнемъ, то и тако не възмогуть (см. Баер. de muro Caucas. въ его Opusc. стр. 112, и Observat. du Moine Bacon въ Бержерон. Voyages): „естьство же Асингипово ни желѣзнаго разсѣченiа боится, ни огньнаго растопленiа . . . Слыши убо Iезекiилево „пророчьство, глаголящее: въ послѣдняя дьни и времена „изыдять на земля Израилеву отъ странъ сѣверныхъ „Гогь и Магогь", и проч. (см. въ Mem. de l'Acad. des Inscr. „г. 1761 - 1763 сочиненiе д'Анвиля du rempart de Gog „et de Magog). Оставимъ повѣсть Византiйскаго Мееодiя и догадку Несторову; но сказанiе Юрья Тароговича весьма любопытно и важно для нашей Исторiи, свидѣтельствуя, что *Россiяне въ XI вѣкѣ уже бывали за хребтомъ горъ Уральскихъ*, и что Сибирскiе народы вымѣнивали въ Югрѣ желѣзныя орудiя на шкуры.

Въ *Никонов.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что въ 1032 году ходилъ какой-то *Улѣбъ* изъ Новагорода на *Желѣзныя врата*, и что многiе Новогородцы тамъ погибли: сего извѣстiя нѣтъ ни въ Несторѣ, ни въ харатейной Новогородской, ни въ лѣтописи Попа Iоанна: для того мы не внесли его въ Исторiю. *Желѣзными вратами* называли Россiяне Дербентъ (см. въ *Воскр. Лѣт.* житiе Князя Михаила Ярославича Тверскаго, гдѣ сказано, что Царь Татарскiй находился *за рѣкою Теркомъ, близъ Вратъ желѣзныхъ*); но Татищеву хотѣлось, чтобы сiе имя означало хребетъ сѣверныхъ Уральскихъ горъ, и для того онъ прибавилъ, что Новогородцы, ходившiе на *Желѣзныя врата*, были побѣждены отъ Югровъ. Миллеръ принялъ его мнѣнiе. — Можно думать, что подъ именемъ *Желѣзныхъ вратъ* разумѣли у насъ и землю Мордовскую или Черемисскую: въ баснѣ о древнемъ Словенскѣ (см. сей *Исторiи* Т. I, примѣч. 70) страна ихъ названа *Сидерами*; по-Гречески *Сидера* или *Сидира* есть *Желѣзная*.

((65) Въ лѣтописи, напечатанной въ *Продолж. Древ. Рос. Вивлiоеики*, сей уставъ весьма не полонъ, и впо-

рая часть его несправедливо названа *Правдою дѣтей Ярославовыхъ*, которыя не сочиняли *новыхъ* законовъ, но только отмѣнили одинъ (см. ниже), утвердивъ всѣ другіе: „а ина все, яко же Ярославъ судилъ, тако же и „сынове его уставиша" (см. новое изд. *Русск. Правды*, стр. 10). Татищевъ пишетъ, что Ярославъ въ 1035 году велѣлъ дѣтямъ своимъ, Изяславу и Святославу, призвать знатныхъ людей въ Кіевъ изъ разныхъ городовъ и сочинить законы для Государства: сего извѣстія нѣтъ нигдѣ. Въ 1035 году Изяславу было 10, а Святославу 8 лѣтъ отъ роду.

Новые Издатели *Русской Правды* сдѣлали другую ошибку, не менѣе важную, назвавъ первую часть Ярославовымъ уставомъ, а вторую *Мономаховымъ*. Причиною сей ошибки было то, что подъ статьею о мѣсячныхъ ростахъ сказано въ подлинникѣ: „а се уставилъ Володи„меръ Всеволодичь, по Святославлѣ съзвавъ дружину „свою" — (и проч.) — „и устави *до третьяго рѣза*" (роста). Издатели вообразили, что все слѣдующее есть уже Владиміровъ уставъ. Но здѣсь внесенъ только прибавленный Мономахомъ законъ о ростахъ, подобно какъ выше вписанъ новый законъ Ярославичей о денежныхъ пеняхъ за всякое убійство: уставъ же съ начала до конца Ярославовъ. Вѣроятно ли, чтобы Ярославъ не предписалъ еще никакихъ правилъ для наслѣдства, столь важныхъ и необходимыхъ въ гражданскомъ обществѣ? И въ Олегово время были уже на то законы въ Россіи (см. сей *Исторіи* т. I, стр 139). — Представимъ другое неоспоримое доказательство. Въ мнимомъ уставѣ Владиміровомъ (гл. V, стат. 2) сказано: „аще гдѣ налѣзетъ „ударенный своего истьця (холопа), кто ударилъ, то „Ярославъ былъ уставилъ убити, но сынове его по отци „уставиша на куны." Спрашиваю: гдѣ Ярославъ говоритъ о томъ, ежели уставъ его кончится, по раздѣленію Издателей, двадцать-девятою главою? И какимъ образомъ

законъ Ярослава и дѣтей его могъ бы зайти въ уставъ Мономаховъ?

Самый древнѣйшій списокъ *Правды* нашелъ я въ библіотекѣ Синодальной, въ харатейной Кормчей Книгѣ (No 82). Въ началѣ стоитъ слѣдующая надпись: „Въ лѣто „*шесть тысячь, семь сотъ*“ — третья числительная буква изгладилась) — „написаны быша книги сія повелѣніемъ благовѣрнаго Князя Новогородьского Дмитрія“ (сына Александра Невскаго) „а стяжаніемъ боголюбиваго Архіепископа Новогородьского Климента“ (слѣдственно около 1280 году) „и положены быша въ церкви „Св. Софія, на почитаніе (чтеніе) Священникомъ и на „послушаніе Крестьяномъ (Христіанамъ), а собѣ на спасеніе души.“ Сія книга, любопытная и по другимъ, внесенымъ въ нее сочиненіямъ, въ началѣ XVI вѣка была уже въ Москвѣ, и Великій Князь Василій Іоанновичь (что написано на ея переплетѣ), отпуская въ Новгородъ Архіепископа Макарія въ 1524 году, далъ ему оную какъ драгоцѣнность и велѣлъ снова положить въ Софійскую церковь. — Въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина есть другой, также харатейный, но, думаю, новѣйшій списокъ *Правды*, которымъ я также пользовался. Въ печатномъ же находятся неисправности, большею частію умышленныя, то есть, мнимыя поправки.

(66) На примѣръ, въ нихъ говорится объ *Изгояхъ* (см. ниже), жителяхъ Новогородскихъ, и проч. Но Ярославъ, будучи Великимъ Княземъ, безъ сомнѣнія далъ сей уставъ цѣлому государству. Дѣти Ярославовы и Мономахъ съ *Боярами Кіевскими, Переяславскими, Черниговскими* (см. ниже) отмѣнили и прибавили нѣкоторыя статьи: ясно, что въ Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ дѣла судились также по законамъ Ярославовымъ, весьма сходнымъ съ гражданскимъ уставомъ Децемвировъ (см. Commentaire sur la loi des douze tables par Bouchaud). Та же простота и краткость; но Римляне, будучи стѣснены въ Ита

ліи на маломъ пространствѣ, имѣли нужду въ лучшей земской *исправѣ* (полиціи) и въ точнѣйшемъ означеніи недвижимой собственности. Не предвидя еще многихъ тяжбъ, весьма обыкновенныхъ въ долговременномъ гражданскомъ общежитіи, законодатели Римскіе опредѣляютъ уже мѣру дорогъ и пустырей между строеніями; опредѣляютъ также, что плодъ, упавшій съ вѣтви на чужую землю, принадлежитъ хозяину дерева! У насъ были совсѣмъ другія обстоятельства: малое число жителей и владѣнія обширныя. Римлянамъ надлежало скорѣе образоваться, Россіянамъ долѣе сохранить естественную простоту нравовъ. Во всѣхъ юныхъ обществахъ гражданскихъ родители имѣли власть неограниченную надъ дѣтьми своими: въ *двѣнадцатидскахъ* она утверждается закономъ; но въ Ярославовой *Правдѣ* нѣтъ объ ней ни слова: надобно думать, что сія власть была еще святѣе въ Россіи, когда законодатель не считалъ нужнымъ говорить и о томъ.

(67) Издатели *Русской Правды* напечатали:, „аще „убіетъ *мужъ* мужа — то положити за голову 80 гривенъ. „Аще ли будетъ Русинъ, ли Гридинъ, ли купецъ, 40 гри„венъ положити занъ.“ Думая, что за убіеніе *мужа* платили вдвое, нежели за Гридня и купца, они толкуютъ, что подъ именемъ перваго надлежитъ разумѣть Боярина. Нѣтъ; въ харатейныхъ подлинникахъ сказано такъ: „Оже „убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата . . . Оже „ли не будетъ кто его местя, то положити за голову 80 „гривенъ, аче будетъ *Княжъ мужъ* или Тіуна Княжя“ (о Тіунѣ см. ниже) . . . „Ачи ли будетъ Русинъ (въ Пушк. „*горожанинъ*) любо Гридь (Гриденъ), любо купецъ, любо „Мечникъ, то 40 гривенъ положити занъ.“ *Мужъ* только съ прибавленіемъ *Княжъ* означалъ Боярина; но слова: „оже „убьетъ мужъ мужа,“ надобно разумѣть: „ежели чело„вѣкъ убьетъ человѣка.“ Первый союзъ *аче* относится къ предъидущему: Издатели напрасно отдѣлили его точкою; напрасно выпустили слова: *Мужъ Княжъ*; напра-

сно также, слѣдуя худому списку Попа Іоанна, вставили здѣсь имя *ябетника*, которое есть описка, вмѣсто: *любо Тіунъ*, и котораго нѣтъ въ другихъ спискахъ.

Въ уставѣ помѣщенномъ въ Новогородской лѣтописи Попа Іоанна (стр. 338), сказано, что Изяславъ, сынъ Ярославовъ, по сему закону велѣлъ жителямъ Дорогобужа (Дорогобудьцамъ) внести 80 гривенъ за его *стараго конюха* (или Тіуна Конюшаго, чиновника важнаго) ими убитаго. — Издатели *Правды* сравниваютъ Огнищанъ съ нынѣшними Однодворцами, и толкуютъ, что сіе имя принадлежало свободнымъ людямъ, которые имѣли собственныя земли въ деревняхъ, нанимали работниковъ, не платили податей и могли избирать добровольно всякое иное состояніе. Слова написанныя единственно изъ головы! Огнищанами именовались вообще люди нарочитые, граждане первостепенные. Такъ въ древней *Новогород. Лѣт.* (стр. 35, Москов. изд.) сказано, что Князь Ростиславъ, будучи въ Великихъ Лукахъ, звалъ къ себѣ на судъ изъ Новагорода Огнищанъ, Гридней (Мечниковъ, военныхъ людей) и лучшихъ купцевъ. Однодворцы не могли бы стоять въ гражданскомъ порядкѣ выше богатаго купечества и воиновъ. Тіуномъ *Огнищнымъ* именовался ихъ судія. — Имя Огницанъ, которое встрѣчается только въ лѣтописяхъ Новогородскихъ, произошло въ глубокой древности отъ слова *огнище* или *очагъ*, знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ обратилось въ названіе *Житыхъ* людей (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 306, и Т. V, примѣч. 106).

Людинъ есть число единственное *людей:* такъ назывались, кромѣ Бояръ, собственно всѣ граждане вольные. Народы Германскіе то же разумѣли подъ именемъ Leute (Leudes въ законахъ Визиготскихъ, Лонгобардскихъ и проч. См. Дюканж. или Дюфрен. Glossarium ad Script. mediae et infimae Latinitatis). — Здѣсь мы соединили главу I, III, VII, VIII и IX по раздѣленію новыхъ Издателей Правды. Писцы безъ сомнѣнія перемѣшали статьи.

Въ подлинникѣ (статья 1): „*Изгой* любо Словенинъ.“ *Изгоями* назывались жители области пограничной съ Ливоніею (см. нашу *Исторію* Т. IV, примѣч. 336 и новое изд. Правды. стр. 8), и населявшіе особенную улицу въ Новѣгородѣ: объ нихъ упоминается въ древнемъ Новогородскомъ *Уставѣ о мостовыхъ* (см. ниже) и въ лѣтописи Псковской; вѣроятно, что они были Латышскаго или Чудскаго племени.

См. XVIII главу мнимаго Устава Мономахова. Въ Софійскомъ подлинникѣ: „оже кто убьетъ жену, то тѣмъ „же судомъ судити, яко же и мужа; а оже будетъ *ви*„*новатъ*, то полвиры, 20 гривенъ.“ Издатели напечатали: *виновата*, вмѣсто *виноватъ*, и толкуютъ: „если мужъ „за важную вину жену наказуя, убьетъ ее до смерти, „то взыскать съ него полвиры.“ Они думали, что жена означаетъ здѣсь *супругу*; но супруга была тогда собственностію мужа, который ни въ какомъ случаѣ не отвѣтствовалъ правосудію за свои поступки въ отношеніи къ ней. Законодатель говоритъ о *женщинѣ*: изобличенный убійца ея платилъ вдвое менѣе, нежели убійца мужчины.

См. въ печатн. *Рус. Правдѣ* стр. 84. Въ подлинникѣ: „а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ „безъ вины убьенъ, за холопа урокъ заплатити“ — т. е. господинъ убитаго получалъ сей урокъ — „или за ра„бу, а Князю 12 гр. продаже.“ Издатели вообразили, что сей законъ наказывалъ убійцу *своего* раба; но здѣсь говорится о *чужомъ* рабѣ, котораго, по уставу Ярославову (въ печатн. стр. 69), свободный человѣкъ могъ умертвить законнымъ образомъ въ случаѣ обиды.

Въ *Правдѣ лѣтописи* Новогородской (стр. 338) названъ сельскій Тіунъ *Старостою*. — Тіуномъ сельскимъ и ремесленникомъ могъ быть конечно и свободный человѣкъ; но здѣсь говорится о людяхъ рабскаго состоянія: иначе за ихъ убіеніе надлежало бы взыскивать виру или 40 грив., а не 12. Выше сказано (въ печатн. стр. 11): „аже кто

„убьеть Княжя Мужа.... то 80 гривенъ; паки ли людинъ (людина или свободнаго), то 40 гривенъ."

Въ подлинникѣ (въ печатн. стр. 24): „А за *смердій холопъ 5* гривенъ." Имя *смердъ* означало обыкновенно крестьянина и чернь, то есть, простыхъ людей, не военныхъ, не чиновныхъ, не купцевъ. Въ первомъ смыслѣ оно часто употребляется въ древней лѣтописи; на примѣръ (въ печатн. *Нест.* стр. 168): „оже то начнеть *орати* смердъ." Въ Русской Правдѣ (печатн. стр. 47) сказано: „то ти уроци *смердомъ*, оже платять Князю продажю." Здѣсь подъ именемъ смердовъ разумѣется вообще простой народъ. Олегъ (см. въ печат *Нест.* стр. 142), не желая совѣтоваться въ Кіевѣ съ Духовенствомъ, съ Боярами и съ градскими людьми, отвѣтствовалъ на приглашеніе Князей: „Нѣсть мене лѣпо судити Епископу или *смердомъ*." Симъ названіемъ онъ хотѣлъ унизить Бояръ Княжескихъ; но употребилъ оное въ смыслѣ *черни*, а не *земледѣльцевъ*. — Вѣроятно, что имя *смердъ* произошло отъ глагола *смердѣть*. Американцы, жители береговъ Миссисипи, также называютъ чернь людьми *смрадными* (см. Робертсонову *Исторію Америки*, Т. II, въ статьѣ *о правленіи*).

Издатели Правды вмѣсто: „а за смердій холопъ," т. е. простаго, не Боярскаго холопа, напечатали: „а смерди и холопъ 5 гривенъ," и толкуютъ, что за голову земледѣльца и холопа платили равную пеню. Ошибка грубая: ибо смерды были свободные люди, и ни въ какомъ случаѣ не могли равняться съ холопями; здѣсь говорится не о смердахъ, но объ ихъ рабахъ. Смерды платили Князю *продажу*, дань или пени; а съ холопа не было никакого денежнаго взысканія, ибо онъ не имѣлъ собственности.

За рабу, какъ видимъ, платили болѣе, нежели за раба: по тому ли, что убіеніе слабой жены считалось важнѣйшимъ преступленіемъ? Но выше сказано, что убійца сво-

бодной жены вносилъ въ казну только полвиры. Не уже ли раба, какъ вещь или товаръ, стоила въ то время дороже холопа?

(68) См. законы Саксонцевъ, Франковъ и проч., изданные Голдастомъ, Линденброкомъ, Георгишемъ. Въ древнихъ Шведскихъ сказано: „*наслѣдники* убитаго имѣютъ право мести.“ (Стирнгок. de Iure Sueonum ac Gothorum antiquo, кн. II, гл. IV, стр. 349; см. также *Рѣчь* Струбе о *началѣ Рос. законовъ*, стр. 10).

Не одни народы Нѣмецкіе, но и Греки во время Троянской войны брали деньги съ убійцъ, и сіи пени назывались ΑΠΟΙΝΑΙ (смотр. въ IX книгѣ Иліады рѣчь Нестора къ Ахиллесу.) Древніе Ирландцы имѣли такое же обыкновеніе: см. Юмову *Англ. Исторію* Т. II, *о законахъ Англо-Саксонскихъ*.

(69) См. Ире Glossarium и Юмову *Англ. Исторію*, Т. II, о *правленіи и нравахъ Англо-Саксонцевъ*. — Издатели Русской Правды и Татищевъ думали, что Тіунами назывались судьи *уѣздные*; но сіе имя вообще знаменовало Вельможу или Намѣстника Государева, имѣвшаго судебную власть. Такъ въ древней лѣтописи Новогородской, напечатанной въ Синодальной типографіи, сказано (стр. 110), что Ярославъ оставилъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей съ *Тіуномъ* Якимомъ; такъ въ одной изъ Новогородскихъ грамотъ XIV вѣка предлагается условіе Князю, чтобы онъ не держалъ въ Вологдѣ своего Тіуна или Намѣстника. Судебникъ Царя Іоанна Василіевича представитъ намъ должность Тіуновъ въ XVI вѣкѣ.

(70) То есть, конюшіе, повара, хотя, можетъ быть, и холопи. Увидимъ ниже, что Тіунъ или чиновный слуга Боярскій, поставленный здѣсь наровнѣ съ людьми свободными, былъ рабскаго состоянія.

(71) См. въ печатн. *Правдѣ* стр. 58, 61, 95, 97.

(72) „Оже будетъ убилъ или въ *свадѣ* или въ *пиру*.“ Свада значитъ сваръ или ссору на языкѣ Богемскомъ. Въ

пиру тоже, что въ хмѣлю или въ пьянствѣ. --- См. въ печатн. *Рус. Правдѣ* стр. 11, 16, 26.

Кажется, что слово *вервь*, употребленное въ смыслѣ округи, есть Норманское или Шведское Hwarf.

„Въ которой верви голова лежитъ" — значитъ: *гдѣ совершится убійство*, а не тамъ, *гдѣ будетъ мертвое тѣло поднято*, какъ говорятъ Издатели *Рус. Правды*.

По Шведскимъ законамъ округа или волость также платила 40 марокъ пени, въ случаѣ, если убійца скрывался (см. *Рѣчь Струбе* стр. 12.)

„Будетъ ли сталъ на разбой безъ всякія свады." Издатели Русской Правды весьма благоразумно замѣтили, что здѣсь слово *разбой* употреблено въ смыслѣ убійства; иначе выраженіе: „разбой безъ всякой ссоры," не имѣло бы никакого смысла. Въ Кормчей Книгѣ (Градскаго закона грань 39) сказано: „нарочитіи разбойницы на „мѣстѣхъ, на нихъ же разбой творяху, повѣшени да бу„дутъ, да видѣнія ради убоятся начинающіи таковая, и „да будетъ утѣшеніе сродникомъ убіенныхъ отъ нихъ." Слѣдственно именемъ разбойниковъ означены убійцы.

Здѣсь сказано просто: „на потокъ;" но въ другомъ мѣстѣ (нов. изд. статья XVII, стр. 38) изъяснено, кому отдавали злодѣевъ: „выдати его Князю на потокъ." Человѣкъ, лишенный такимъ образомъ вольности, дѣлался рабомъ, холопомъ, и Князь могъ продать его какъ товаръ. Издатели *Правды Русской* думали, что *потокъ* есть заточеніе.

Далѣе въ подлинникѣ: „на разграбленіе" — то есть, преступникъ лишался не только свободы, но и собственности. Не думаю, чтобы народъ могъ дѣйствительно разграбить его имѣніе: гораздо вѣроятнѣе, что оно также шло въ казну.

(73) Въ подлинникѣ: „рогомъ." Въ лѣтописи Псковской сказано (год. 6981), что Посадники, наливъ кубки и *роги злащенны* медомъ и виномъ, били челомъ Софіи, невѣ-

стѣ Вел. Князя Іоанна. Въ старину пивали изъ роговъ или сосудовъ, на подобіе рога сдѣланныхъ. — См. Въ Нов. Изд. *Рус. Правды* стр. 31 и 34.

(74) Нѣмецкіе законы опредѣляли цѣну особенную всякому поврежденному члену: головѣ, глазу, носу, ушамъ, зубамъ, бородѣ, усамъ, рукѣ, ногѣ; даже всякому пальцу и составу его: см. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 12; далѣе см. въ печатн. *Рус. Правдѣ* стр. 69, 70, 71, 76, 77.

(75) У Шведовъ былъ такой же законъ: см. *Рѣчь* Струбе, стр. 12 и 13, въ печатн. *Рус. Правдѣ* стр. 67, и Юмов. *Англ. Исторію* Т. II, о законахъ Англо-Саксонскихъ.

(76) „Аще ли кровавъ придетъ, али будетъ самъ почалъ, а вылѣзутъ послуси, то то ему платежъ, оже „и *билъ*" (въ другомъ харатейномъ спискѣ *били*). Смыслъ ясенъ. Издатели Русской Правды говорятъ: „вмѣсто „удовлетворенія, котораго *онъ искалъ*, да вмѣнятся ему „тѣ язвы, кои онъ получилъ." Выходитъ насмѣшка, о которой совсѣмъ не думалъ законодатель. Раны не могли быть удовлетвореніемъ для раненнаго. Сказано только, что онъ, начавъ самъ драку, и бивъ другихъ, терялъ право на законное удовлетвореніе; или, по другому списку, не наказывался: ибо раны уже были ему наказаніемъ.

(77) См. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 10.

(78) См. статью XII, въ печатн. стр. 38, также стат. XXIII, стр. 46. Клѣтью называлась прежде всякая горница, а не одна кладовая. — Воръ по Русскимъ законамъ платилъ *три гривны*, а по Датскимъ *три марки*. Обыкновенная *вира* или пеня за убіеніе людина состояла у насъ, какъ выше показано, въ 40 *гривнахъ*, а въ *Швеціи* въ 40 *маркахъ* (см. Рѣчь Струбе, стр. 10): и такъ здѣсь марка и гривна означаютъ одно. Впрочемъ у Скандинавовъ были разныя марки: 1) *марка серебра* состояла изъ 16 лотовъ сего металла, иногда же только изъ 8; 2) *марка лотная*, mark lodig, изъ трехъ золот-

никовъ серебра; 3) *марка ортуговъ*, mark ortugh, изъ 24 ортуговъ, т. е. мѣдныхъ монетъ (см. Ире Glossarium Suiogothicum). — Славяне Дунайскіе держали хлѣбъ въ *ямахъ*: и Россійскіе также. Въ подлинникѣ (печатн. стр. 47): „То ти уроци смердомъ, оже платять Князю про„дажю; а оже будуть холопи татье... ихъ же Князь „продажею не казнитъ, то двойци платити истьчю за „обиду.“ Издатели *Правды* ошиблись, написавъ: „се суть „цѣны уставленныя, по коимъ взыскивать съ поселянъ „пеню на Князя.“ Нѣтъ: здѣсь уставлена цѣна въ пользу хозяина украденныхъ вещей, а не для казны; ибо воръ платилъ оную единственно въ томъ случаѣ, когда не могъ возвратить вещи лицемъ (въ печатн. стр. 46: *паки ли лица не будетъ*); а слова: „оже платять Князю,“ объясняются слѣдующими: „а оже будуть холопи татье.“ Вотъ истинный смыслъ: „сіи цѣны уставлены для ви„новныхъ смердовъ, т. е. свободныхъ простыхъ людей, съ „*которыхъ* обыкновенно взыскивается и въ казну пеня; „но если воры будутъ холопи, съ коихъ (ибо они не „суть вольные люди) Государь не беретъ пени, то хо„зяинъ взыскиваетъ съ нихъ (съ господина) за вещь двой„ную цѣну.“ Пеня казенная за воровство означена выше (см. въ печатн. *Правдѣ* стр. 45 и 46).

Прежде сказано, что коневый тать лишается достоянія и вольности. Можно согласить то и другое: имуществомъ вора удовлетворяли хозяину коня; прочее отдавали на разграбленіе, а вора Князю. — Здѣсь въ Пушк. харатейномъ спискѣ *Правды* сказано: „а будетъ былъ „*Княжь* конь, то платити за него 3 гривны, а за *иныхъ* „по 2 гривны.“ Въ Новогородской лѣтописи, напечатанной въ Вивліоѳикѣ: „а за Княжь конь, иже той съ *пятномъ*“ — т. е. съ клеймомъ — „3 гривны, а за смердій“ (то есть, за лошадь простаго человѣка) „2 гривны.“

Въ подлинникѣ: „за *лонщину*.“ И нынѣ во многихъ Гу-

берніяхъ называютъ годовиковъ *лонщаками.* Польское слово Lonsk и Богемское Lonsky значатъ тоже.

(79) Въ одномъ спискѣ *Правды*, полученномъ мною отъ Г. Горюшкина, и въ лѣтописи *Засѣцкаго*, писанной въ XV вѣкѣ и хранящейся въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, No 602, находится подъ статьею о *рѣзоимствѣ* вычисленіе, сколько прибыли въ извѣстное число лѣтъ можно имѣть отъ всякаго скота; и сей расчетъ несомнительно опредѣляетъ цѣну *ногатъ* и *рѣзаней*, то есть, отношеніе ихъ къ *гривнѣ*. На примѣръ: „отъ 22 козъ „приплода на 12 лѣтъ 90,112 козъ, а по кунами 27,033 „*гривны* и 30 *рѣзанъ*; а коза метана по 6 *ногатъ*.“ Слѣдственно въ *гривнѣ* 20 *ногатъ*, а въ *ногатѣ* 2½ *рѣзани*. Второй примѣръ: „а на тѣхъ овчахъ и на баранѣхъ рунъ „360,446, а на тѣхъ рунѣхъ кунами 7,208 *гривенъ* и „46 *рѣзанъ*; а руно чтено по *рѣзани*:“ слѣдственно въ *гривнѣ* 50 *рѣзаней*. И такъ Издатели *Русской Правды* ошиблись, сказавъ на угадъ (стр. 18), что въ гривнѣ кунъ 20, въ кунѣ четыре ногаты, а въ ногатѣ рѣзаней 8. Они не сообразили того, что за овцу, по уставу Ярославову, надлежало платить 5 кунъ, а за жеребенка 6 ногатъ: не уже ли первая была дороже послѣдняго? — И кунъ не могло быть 20 въ *гривнѣ*; слѣдующія мѣста *Правды* служатъ доказательствомъ: „начинщикъ драки (стр. 33) „платитъ 3 гривны за окровавленіе битаго; а ежели нѣтъ „знаковъ, то 60 кунъ:“ для чего же не *три* гривны, когда въ *гривнѣ двадцать* кунъ? и можно ли платить одно за побои безъ язвы и съ язвою? Далѣе, стр. 46: „за коня „Княжескаго 3 гривны, за инаго двѣ... за корову 40 „кунъ:“ для чего же и за послѣднюю не *двѣ гривны*, какъ за коня, если въ гривнѣ 20 кунъ? Далѣе стр. 74: „Отъ„року *двѣ* гривны и 20 кунъ:“ для чего же не *три гривны*? Судя по означенной цѣнѣ вещей, видимъ, что гривна содержала въ себѣ около 20 кунъ, но *не двадцать*, а безъ сомнѣнія *двадцать пять*: ибо ни въ лѣтопи-

сяхъ, ни въ *Правдѣ* не находимъ сего числа въ показаніи, *ни пятидесяти*, ни *семидесяти пяти кунъ*; но вмѣсто того, чтобы сказать *двѣ гривны и* 10 *кунъ*, *гривна и* 15 *кунъ*, говорили и писали *шестьдесятъ*, *сорокъ кунъ* (такъ и нынѣ говоритъ народъ: *сорокъ алтынъ*, вмѣсто *рубля двадцати копеекъ*). Въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библ. No 82), гдѣ вписаны Ярославовы законы, находятся также отвѣты Новогородскаго Епископа Нифонта (жившаго около половины XII вѣка), на вопросы какого-то Кирика: въ нихъ сказано, что за *грйвну* служатъ въ церквахъ *пять* сорокоустій, а за *шесть* кунъ одно („сорокоустье на гривну пятью служити, а на шесть кунъ одиною"). Мѣста, выше приведенныя нами изъ устава Ярославова, свидѣтельствуютъ, что въ гривнѣ не могло быть *тридцати* кунъ; но въ заказанныхъ вдругъ пяти сорокоустьяхъ Священники могли уступать на каждое по кунѣ. Въ прибавленіи Горюшкинскаго списка и лѣтописи Засѣцкаго нѣкоторый скотъ оцѣненъ дороже, нежели въ *Правдѣ*: кобыла въ 3 гривны, корова въ 2 гривны, овца въ 6 ногатъ, баранъ въ 10 рѣзаней, свинья въ 10 ногатъ или ½ гривны. Тутъ же показано, что *рой пчелъ* стоитъ 10 ногатъ. Ежели въ XI вѣкѣ гривна Новогородская въ отношеніи къ серебру равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 году (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 298 и 527) то, полагая гривну или полфунта серебра въ 10 рублей серебряныхъ, можемъ опредѣлить цѣну сихъ вещей въ отношеніи къ нынѣшней монетѣ такимъ образомъ:

По законамъ Ярославовымъ:	Рубл.	Коп.	*По упомянутому прибавленію Горюшк. списка:* Руб.	Коп.
Конь Княжескій	7	50	. . . .	
Простой	5	. .	. . . .	
Кобыла	6	. .	7	50
Жеребецъ неѣзжалый	2	50	. . . .	
жеребенокъ	. .	75	. . . .	

	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Волъ	2	50		
Корова	4	.	5	.
Трехлѣтній быкъ	3	.		
Годовикъ	1	25		
Теленокъ		50		
Свинья		50	1	25
Просенокъ		12½		
Овца		50		75
Баранъ		12½		50
Рой пчелъ			1	25

Сія оцѣнка покажется чрезмѣрно высокою, особенно тѣмъ, которые, судя о достоинствѣ старинныхъ монетъ— на примѣръ, рублей XV и XVI вѣка — по ихъ нынѣшнимъ названіямъ, привыкли удивляться тогдашней дешевизнѣ вещей и не знаютъ, что рубль Великаго Князя Василія Іоанновича содержалъ въ себѣ около пяти нынѣшнихъ серебряныхъ: о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь представимъ только слѣдующія нужныя замѣчанія: 1) въ половинѣ X вѣка молодая лошадь стоила въ Константинополѣ 12 червонцевъ, а мулъ пятнадцать (Constant. Porph. de Cerim. стр. 265, въ сочин. Г. Круга Münzkunde Russlands стр. 102); въ древнихъ Саксонскихъ законахъ оцѣненъ конь и быкъ въ два червонца (см. *Рѣчь Струбе* стр. 13). 2) Нѣтъ сомнѣнія, что Россійскій законодатель цѣнилъ самыхъ *лучшихъ* коней, лучшихъ быковъ, и проч.: пять дурныхъ лошадей не стоятъ двухъ хорошихъ. Выпишемъ еще нѣкоторыя статьи изъ прибавленій лѣтописи Засѣцкаго и Горюшкинскаго списка *Правды:* „А въ селѣ сѣяно ржи на два плуга 16 кадей" (64 четверти: см. сію *Исторію* Т. III, примѣч. 8) „Ростовьскыхъ, „а того на одно лѣто прибытка на 2 плуга 100 копенъ „ржи, а на 12 лѣтъ 1000 копенъ и 200 копенъ ржи. А „ржи немолоченые 40 копенъ, а на ту рожь прибытка на „одно лѣто 20 копенъ . . . А полбы немолоченой 15 копенъ, „а на то прибытка на одно лѣто 7 копенъ . . . А овса молоче- „наго 20 половникъ и единъ, а на то прибытка на одно лѣ-

„то 11 половникъ *овса*. Ячмени молоченаго 6 половникъ, а „на то прибытка на едино лѣто 3 половникы . . . . А того же села пять стожей (стоговъ) сѣна, а то на 12 „лѣтъ 60 стогъ сѣна, а стогъ по гривнѣ. А жонка съ „дчерью, тѣмъ *страды* (жалованья) на 12 лѣтъ по гри- „внѣ на лѣто 20 гривенъ и 4 гривны кунами.“

Въ 1209 году жители Оденпе или Медвѣжьей Головы (какъ называется сей городъ въ нашихъ лѣтописяхъ) заплатили Князю Россійскому 400 марокъ (или гривенъ) *ногатами*. Въ 1210 году осажденные жители Варполя (нынѣ Верпеля въ Эстоніи) дали ему 700 марокъ также *ногатами* (см. изданную Груберомъ Liefländ. Chronik, T. I, стр. 78 и 95).

(80) Такъ въ Пушкинскомъ харатейномъ спискѣ и во всѣхъ другихъ (см. въ печатн. стр. 71); а въ Софійскомъ ошибкою вмѣсто *бобра* поставлена *борть*, о которой ниже говорится особенно. Слова: „аже будетъ на земли „знаменіе, имъ же ловлено, или сѣть,“ доказываютъ, что здѣсь идетъ дѣло о звѣрѣ, а не о деревѣ бортномъ.

(81) Въ печатн. стр. 80.

(82) Въ печатн. стр. 72. Въ подлинникѣ: „аже разнаменаетъ (раззнаменуетъ) борть.“ Можетъ быть, не всѣ знаютъ, что борть есть выдолбленное дерево, въ которомъ водятся дикія пчелы; хозяинъ на сихъ деревьяхъ изображалъ знаки.

(83) Въ печатн. стр. 75. Въ подлинникѣ: „оже будутъ „бчелы (пчелы) не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли *олекъ*, „то 5 кунъ.“ Ясно, что *олекъ* значитъ *пустой*. Сіе неизвѣстное Руское слово напоминаетъ Нѣмецкое leck.

(84) Въ печатн. стр. 78. Въ харатейномъ Пушкинскомъ: „аще кто посѣчетъ *верею* перевѣсную.“ Въ Софійскомъ: „аще перетнетъ вьрвь (вервь) въ перевѣсѣ.“ Издатели напечатали то и другое. *Верея* не ошибкою ли поставлена вмѣсто *верви*? если не ошибкою, то она должна значить столбикъ или шестъ, къ которому привязываютъ сѣть.

Въ подлинникѣ: „ за куря." Рѣчь идетъ о дикихъ птицахъ. — Въ харатейномъ Пушкинскомъ упоминается здѣсь о псѣ украденномъ: но въ Софійскомъ нѣтъ его; кажется и быть не должно.

(85) Въ печатн. стр. 77. Въ Софійскомъ безъ сомнѣнія описка: *семь кунъ*, вмѣсто *шестидесяти* Въ подлинникѣ конецъ числительной буквы могъ стерется, и *Кси* показалось З. — Донынѣ говорятъ: „ лодки съ *набоями*." Г. Кругъ (въ сочин. Münzkunde Russlands, стр. 82) думалъ, что здѣсь говорится о лодкахъ *обитыхъ* кожею.

(86) Въ печатн. стр. 47, 68 и 101. Въ подлинникѣ: „оже будутъ холопи татье, любо Княжи, или Боярстіи „или *черньчи*." Издатели думали, что симъ послѣднимъ именемъ означались монастырскіе холопи; но мы видѣли выше (см. примѣч 67, и въ печатн. *Правдѣ* стр. 3, 24), что холопи были обыкновенно или Княжескіе, или Боярскіе, или *смерды*, то есть, простыхъ людей; ихъ же безъ сомнѣнія называли и *черньчими*, или холопами *черни*.

(87) Въ печатн. стр. 36. 38, 40, 41. Въ спискѣ Попа Іоанна сказано здѣсь, что всякой гражданинъ долженъ или немедленно *итти* на *сводъ*, или представить поручителей *за пять дней*, т. е. въ 5 дней.

(88) Въ печатн. стр. 41: „оже кто познаетъ челядь „свою украденную, и пойметъ й, то вести по *конамъ*" — т. е. по *означеніямъ* или *показаніямъ*; *конъ* есть граница, предѣлъ — Далѣе: „а то" (украденный холопъ) „есть не скотъ; не льзѣ речи: *не вѣдаю, у кого купилъ* „*есмь;* но по языку ити до конча."

(89) См. Въ печатн. стр. 35, 97, 98, 99. Выраженіе (стр 99): „повѣсти дѣеть," значитъ: „указываетъ ему „дорогу."

(90) Въ печатн. стр. 100. Въ Софійской: „аже кто „*крьнеть* чюжъ холопъ:" слово происходящее отъ *корня*; то есть: „кто *укоренитъ*, закабалитъ холопа."

(91) См. *Рѣчь* Струбе, стр. 16. Въ *Руской Правдѣ*, стр. 36: „аще кто всядетъ на чюжь конь не прошавъ, „то *три* гривны" — (а не одна гривна, какъ въ печатной). Въ Ютландскихъ законахъ, низкимъ языкомъ Нѣмецкимъ: Ritt jemand eines andern Mannes Perd, ane des sinen Willen, deme dat Perd thohöret, de brikt davor dre Mark an den Bonden. Ютландскій законъ новѣе Ярославова; но сіе сходство доказываетъ, что основаніемъ того и другаго былъ одинъ древнѣйшій законъ Скандинавскій или Нѣмецкій.

(92) Въ печатн. стр. 64, 65. Въ харат. Пушкинскомъ: „Еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же „*копу* емлеть." Въ Софійскомъ: „*кову* емлеть." Издатели говорятъ, что „*копа* есть денежная плата: ибо донынѣ въ Малороссіи называется такъ числительная умственная монета, состоящая изъ 50 копеекъ." Но думаю, что истинное слово подлинника есть *кова*, и что оно происходитъ отъ глагола *ковать*, въ образномъ смыслѣ, вмѣстѣ съ именами *ковъ* и *ковникъ*. Такъ могли называться деньги, за которыя слуга шелъ въ неволю временную: онъ ими какъ бы *оковывалъ* себя. Далѣе въ подлинникѣ: „оже „ли господинъ отслетъ его на свое *орудье*, а погынетъ „(погибнетъ) безъ него, того ему не платити." Издатели справедливо изъяснили, что здѣсь *орудье* значитъ дѣло.

Въ Софійскомъ: „изъ хлѣва," а въ Пушкинскомъ: „изъ „*забоя*," въ смыслѣ загороды.

Далѣе: „аже господинъ преобидитъ *закупа* (наемника), а „уведетъ *кову* (въ Пушкинскомъ: *копу*) его или *отарицю*." Не разумѣя словъ: „уведетъ *кову*" (т. е. не дастъ полнаго договорнаго жалованья), многіе писцы поставили: увѣдетъ вра„жду," зная смыслъ *кова*. Нѣкоторые прибавили еще: „утвердитъ цѣну." Издатели не ошиблись въ главномъ смыслѣ; но пустое слово *вражда* заставило ихъ сказать лишнее. *Отарицею* называли плату, получаемую наемными земледѣльцами отъ хозяина или господина.

(93) Въ печатн. стр. 48, 52. Въ Софійскомъ спискѣ деньги названы здѣсь *скотомъ*: „а оже кто *скота* възы-„щеть.“

(94) „Аже кто купьць купцю дасть въ *куплю* куны „или въ *гостьбу*.“ Издатели *Правды* толкуютъ, что *купля* есть торгъ мелочной, а *гостьба* оптовой или воловой. Лучше сказать, что гостями назывались купцы иногородные, или которые въ чужихъ земляхъ торговали.

(95) Въ печатн. стр. 57, 58, 59, 60 и 100.

(96) Въ печатн. *Правдѣ*, стр. 50, сказано: „занеже „ему было годѣ, ялъ и хранилъ.“ Здѣсь слова раздѣлены не такъ, и не имѣютъ смысла. Въ харатейныхъ: „зане-„же ему бологодѣялъ (благодѣялъ) и хоронилъ товаръ „его.“

(97) Въ печатн. стр. 50 и 51: „Аже кто дасть ку-„ны въ *рѣзы* (рость) или медъ въ *наставы*, или жито „въ *присопъ*.“ Издатели справедливо говорятъ, что *наставъ* и *присопъ* означаютъ придачу, лихву, и что до нашихъ временъ сохранилось между крестьянами обыкновеніе брать хлѣбъ въ займы *подъ гребло*, а возвращать его съ *верхомъ*. Увидимъ послѣ законъ Мономаховъ въ облегченіе должниковъ. — Издатели *Правды* (стр. 54) доказываютъ ошибку Татищева, который въ примѣчаніяхъ на Судебникъ (статья 36) утверждаетъ, что у насъ въ старину заимодавцы брали только *десять на сто*. Онъ, по ихъ мнѣнію, не вразумился въ истинный смыслъ Іоаннова Устава, гдѣ (въ статьѣ 133) сказано: „впредь отъ „лѣта 7071 новые долги на служилыхъ людехъ правити „вся сполна; да *вполы* на деньги росты, *какъ идетъ на* „*пять шестой*.“ Здѣсь — говорятъ Издатели — Царь велитъ брать съ людей служивыхъ на *пять шестой*, или одинъ на пять, какъ *половинные* росты: „слѣдственно „*полные*, обыкновенные росты были *два на пять* или 40 „на 100.“ Нѣтъ, обыкновенно брали тогда уже *одинъ на*

пять, а Царь уменьшаетъ сей ростъ вдвое для служивыхъ людей.

(98) Въ печатн. стр. 26, 34. Въ подлинникѣ: „ожели будетъ Варягъ или *Колбягъ*." Татищевъ думалъ, что Колбягами назывались жители Колберга, пріѣзжавшіе торговать къ Новогородцамъ.

(99) Въ печатн. стр. 70, 81, 82. Въ харатейныхъ: „оже иметъ (возметъ) на желѣзо по свободныхъ людій „рѣчи, любо *запа* нань будетъ, любо *прохоженіе ночное*." Издатели не хотѣли включить сего мѣста въ свой переводъ, замѣтивъ единственно, что сіи слова должны относиться къ обрядамъ, кои наблюдались при желѣзномъ испытаніи. Смыслъ кажется мнѣ яснымъ. *Запа* есть *чаяніе*, *подозрѣніе*. Говорятъ: *внезапу*, *нечаянно*. Ежели свободные люди не могли совершенно уличить судимаго, но свидѣтельствовали одну вѣроятность, одно подозрѣніе, сказывая, что они видѣли сего человѣка *идущаго ночью*, въ необыкновенный часъ, близъ того мѣста, гдѣ совершилось преступленіе: въ такомъ случаѣ истецъ могъ обвиняемаго вызвать на опытъ желѣза: ибо въ случаѣ яснаго свидѣтельства не было нужды въ семъ испытаніи. — Выше сказано, что присяга достаточна и въ *трехъ* гривнахъ (въ печатн стр. 52).

(100) Сіе обыкновеніе перешло къ намъ изъ Скандинавіи. Въ древнихъ Шведскихъ законахъ сказано: „всѣ со„мнительныя дѣла должны быть рѣшены *желѣзомъ* и су„домъ Божіимъ. Кого огонь не сожжетъ, тотъ невиненъ; „кого сожжетъ, тотъ преступникъ (Стирнг, de jure „Sueonum). Въ Софокловой Антигонѣ вѣстникъ говоритъ Царю Клеону. что стража его, въ *доказательство своей невинности, готова вынуть руками изъ огня желѣзо раскаленное.* Слѣдственно и древніе Греки употребляли сіе испытаніе. Плиній разсказываетъ, что нѣкоторые жрецы въ день торжества, посвященнаго солнцу, босыми ногами плясали на пылающихъ угляхъ. Извѣстно, что

Кафры Мозембикскаго берега, Гвинейскіе Негры, жители Сіама и даже Калмыки прибѣгаютъ къ огню въ недоказанныхъ обвиненіяхъ (см. Petersburg. Journal, г. 1778, стр. 270).

Гаральдъ Гилле, бывшій послѣ Королемъ Норвежскимъ, доказалъ свое законное рожденіе тѣмъ, что раскаленное желѣзо не сожгло ногъ его. Король Сигурдъ, Магнусъ и другіе прибѣгали къ сему испытанію (см. Стирнг. de jure Sueonum). Въ Англіи Эмма, мать Эдуарда *Исповѣдника*, также должна была оправдаться дѣйствіемъ огня.

Монтескьё говоритъ (Esprit des lois, Кн. XXVIII, гл. XVII), что огненное испытаніе дѣйствительно, по крайней мѣрѣ отчасти, доказывало невинность или преступленіе. „Кожа у людей воинственныхъ (древнихъ Германцевъ) должна была такъ загрубѣть, что слѣды обожженія легко могли исчезать на ней; когда же черезъ три дни оставался знакъ, то онъ свидѣтельствовалъ малодушную нѣгу обвиняемаго, которая предполагала и другіе пороки.“ Вотъ остроуміе!

(101) См. Origine des Lois, par Goguet, T. I.

(102) Въ печатн. стр. 84 — 95. Въ Софійскомъ: „аже „въ Боярѣхъ или въ дружинѣ, то за Князя задница“ (оставшееся имѣніе),, нейдетъ.“ Въ Пушкинскомъ: „аще въ „Боярстѣй дружинѣ.“ Вѣроятно, что Князь былъ наслѣдникомъ только однихъ смердовъ, или простыхъ, не военныхъ гражданъ.

(103) Надобно думать, что въ городахъ или мѣстечкахъ, гдѣ небыло собственныхъ Княжескихъ домовъ, судъ производился у Тіуновъ.

(104) См. въ *Русск Правдѣ* стр. 17, 18. 22, 26, 73, 74, 81, 93. 94 *Дѣтскій* тоже, что Отрокъ. Издатели *Правды* толкуютъ, что въ старину, когда еще не было письма въ обыкновеніи, помощникъ судейскій *мѣтилъ* на биркахъ, сколько взято денегъ съ виновныхъ, и для того названъ *мѣтельникомъ*; можетъ быть и для того, что

онъ *мѣтилъ на хартіи*, или записывалъ доносы, свидѣтельства, взысканія. Впрочемъ Отрокъ и писецъ, или Мѣтельникъ, не одинъ человѣкъ: первому давали въ нѣкоторыхъ случаяхъ 2 гривны и 20 кунъ; а второму 10 кунъ (см. въ печатн. стр. 73). И въ другомъ мѣстѣ говорится о каждомъ особенно (стр. 18). Вирнику съ Отрокомъ шло на недѣлю 7 ведеръ солоду, пшена 7 *уборковъ* (бураковъ, небольшихъ мѣръ), гороху тоже, хлѣбовъ 7, соли 7 *голважен*ъ или ступокъ, баранъ или полоть ветчины, или деньгами двѣ ногаты, въ скоромный день 2 курицы, а въ постный деньгами куна. Онъ имѣлъ четырехъ лошадей и бралъ на нихъ овса, сколько они могли съѣсть (*а конемъ на воротъ всути овесъ*). Изъ двойной *виры*, то есть осьмидесяти гривенъ, давали ему 16 гривенъ, 10 кунъ и 12 *векшей*, также гривну *ссадную* — или *прикладную*, *перекладную* — да за *голову* 3 гривны.„*Перекладною*" — такъ говорятъ Издатели — называлась гривна, которую получалъ Вирникъ за то, что, объѣзжая волость, онъ *перекладывался* съ воза на возъ.„ — Въ статьѣ о *накладахъ* или прибавкахъ къ 12 гривнамъ *продажи*, взыскиваемымъ въ казну за срубленіе межеваго столба и за другія вины, сказано (въ печатн. стр. 73): „Отроку (судьѣ) 2 гривны, „и 20 кунъ, а самому ѣхати съ Отрокомъ„ (т. е. съ помощникомъ или писаремъ: см. въ печатн. стр. 88, гдѣ товарищъ *мостника* также названъ Отрокомъ)„ на дву „коню, сути же на ротъ овьсъ (овесъ), а мясо дати овынъ „(барана) или полть, а инѣмь кормомь, что има чрево „възметь" (сколько они двое съѣдятъ).„ Писчю (писцу) „10 кунъ, *перекладнаго* пять кунъ, а за мѣхъ" (въ которомъ, думаю, писецъ возилъ свои хартіи)„ двѣ ногатѣ." Судья, въ случаѣ неосновательнаго уголовнаго доноса, взыскивалъ съ доносителя гривну, съ отвѣтчика, освобожденнаго отъ виры, гривну и еще 9 кунъ такъ называемаго *помощнаго* (а мѣтельникъ 9 *векшей*) — Издатели говорятъ: „отъ верви;" но въ харатейныхъ спискахъ поставлено:

„отъ виры.“ Сіе же взысканіе разумѣлось подъ именемъ платежа *отъ свободы:* Издатели, обманутые новѣйшими списками, напечатали: „освободивше челядинъ.“ Отъ спорной борпной земли давали Опроку 30 кунъ, и наконецъ отъ всякаго дѣла (*инѣхъ всѣхъ тяжь, кому помогуть*) 4 куны (а мѣтельнику 6 *векшей*): что называлось *судебными уроками.* Другая судейская пошлина называлась *ротною* или присяжною: Опрокъ получалъ за *голову* или убійство 30 кунъ, и 27 кунъ за тяжбу о землѣ пашенной и бортной (вѣроятно, съ виновнаго).

Здѣсь въ первой разъ мы упоминаемъ о *векшахъ* или мелкихъ кожаныхъ монетахъ: сколько ихъ было въ кунѣ, не знаю, но не болѣе *десяти*, какъ думаю. Издатели *Правды Русской* полагаютъ въ гривнѣ 400 векшей, а Татищевъ 380, увѣряя, что онъ видѣлъ сіи древніе лоскутки въ Новѣгородѣ.

(105) См. Новогород. Лѣт. Попа Іоанна стр. 337, и *рѣчь* Струбѣ, стр. 17.

(106) Чему доказательствомъ служитъ законъ, по которому за убійство въ ссорѣ виновный лишался жизни (если родственники убитаго хотѣли того); а смертоубійца разбойникъ лишался единственно свободы (см. выше).

Слѣдующія мѣста находятся только въ новѣйшихъ спискахъ *Русской Правды* (и для того мы не внесли ихъ въ содержаніе):

I. „А кто конь купитъ Княжь, Боярынъ или купечь или „*сирота*, а будетъ въ конѣ червь или проѣсть (рана), а „то пройдетъ къ Государю, у кого будетъ купилъ, а тому свое *серебро* взяти опять взадъ.“ Нигдѣ въ Ярославовыхъ законахъ не упоминается о *серебрѣ*; деньги обыкновенно разумѣются подъ именемъ *кунъ*. Смыслъ тотъ, что за проданную больную лошадь надлежало возвратить деньги.

2. „Иже изломить копье другу, любо щить, любо порть „(одежду). да аще у себя начнеть держати, то пріяти „скота (деньгами) у него, иже что есть изломиль; аще ли „начнеть скотомь примешати, заплатити ему предъ чадію (людьми) „или начнеть вѣдати, колько будеть даль на „немъ" Смыслъ: „кто, взявъ чужую вещь, испортить оную, тоть обязанъ деньгами удовольствовать хозяина, и при свидѣтеляхъ; или хозяинъ имѣеть право взыскать съ него цѣну вещи."

3. „Оже человѣкъ, полгавъ куны у людей, а побѣгнеть „въ чужую землю, вѣры ему не яти, яко и татю" Но какимъ же образомъ въ чужей землѣ могли знать, что ему не надлежало вѣрить? Или здѣсь говорится о бѣглецѣ пойманномъ?

4. „Иже утяжуть въ муцѣ, а посѣдить у *Дворянина*, 50 „(не 80) ногать за ту муку, а у колокольницы бьють кну„томъ, за ту муку 80 гривенъ." Смыслъ:„ Если доказано будеть, что Дворянинъ безъ вины держалъ въ темницѣ слугу вольнаго, или сѣкъ его кнутомъ у колокольни, то взыскать съ Дворянина (означенную) пеню." Имя *Дворянина* новѣе Ярославовыхъ временъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ онаго ни въ *Правдѣ*, ни въ лѣтописи Несторовой.

Въ Уставѣ Ярослава опредѣлено и жалованье, которое давалось *городнику* и *мостнику*, или строителямъ городскихъ стѣнъ и мостовъ; первый бралъ куну за начало работы, ногату при совершеніи дѣла, и на всякую недѣлю 7 хлѣбовъ, 7 *уброковъ* пшена, 7 *луковъ* овса на 4 лошади (вѣроятно, около двухъ четвертей), солоду 10 луковъ на все время, а деньгами (на мясо, рыбу, и за *вологу*, или проволочку) 7 кунъ еженедѣльно. *Мостнику* давали ногату за 10 локтей, а въ починкѣ стараго моста куну за всякую *городню* (такъ назывались рѣжи или срубы мостовые въ водѣ), сверхъ нужной пищи и овса на двухъ лошадей, ибо онъ ѣздилъ обыкновенно самдругъ, съ Отрокомъ или помощникомъ (см. въ печатн. стран. 87, 88).

(107) См. Esprit des Lois, кн. XXVIII, гл. III.

(108) Ярославовъ Уставъ о мостовыхъ выписываю изъ Пушкинской харатейной *Правды:*

„А се уставъ Ярославль о мостѣхъ: Осмепиномъ попла„та въ Людинъ Конецъ чрезъ греблю (ровъ) до Добрыни „улици, въ городняя ворота до Пискупли улици, съ *Прусы*“ — жителями Прусской улицы — „до Бориса и Глѣба; а Тиго„жанамъ до Коломлянъ, а Нередицинамъ до Бережанъ, а Бе„режанамъ до Пидьблянъ; а Пидьблянамъ до Чюдницевѣ ули„цѣ, съ Загородци до городнихъ воротъ; а Владыцѣ (Епи„скопу) сквозѣ городняя ворота съ Изгои, и съ другимъ „(другими?) Изгои до Острой городни.“ Здѣсь описываются — неизвѣстно, для чего — Сотни, на которыя были раздѣлены граждане. „1) Давыжа ста, 2) Слѣпчева ста, 3) „Бобыкова ста, 4) Олексина ста, 5) Ратиборова ста, „6) Кондратова ста, 7) Романова ста, 8) Сидорова ста, „9) Гаврилова ста, 10) Княжа ста, 11) Княжа ста.“ — За симъ именуются области Новогородскія: 12) „Ржев„ская, 13) Бѣжичкая, 14) Вочкая“ (отъ имени народа Водь) „15) Обониская“ (или Обонежская, т. е. за Онегою) „16) Луская“ (отъ рѣки Луги) „17 Лопьская“ (одинъ изъ уѣздовъ Новогородскихъ назывался *Лопцею*: см. въ Т. VI сей *Исторіи* договоръ Новогородцевъ съ Королемъ Польскимъ въ 1471 году) „18) Волоховская, 19) Яжелбич„кая.“ Слѣдуетъ продолженіе городскаго устава о мостовыхъ: „до торгу (мостить) Софьяномъ“ (жителямъ Софійской части) „до Тысячкого, Тысячкому до Вощникъ“ (гдѣ, можетъ быть, продавался воскъ) „отъ Вощникъ „Посаднику до Великаго ряда, Князю до Нѣмецкого *вымо„ла*“ (не мельницы ли?) „Нѣмчемъ до Еваня вымола, отъ „Еваня вымола Гтомъ (Готамъ) до Геральда вымола до „задьнего, отъ Геральдова вымола до Бутятина вымола“ — въ другихъ спискахъ прибавлено: *Огнищанамъ* — „Ильин„цамъ до Матвѣева вымола, Михайловѣ улицѣ“ (или *Михайловцамъ*, какъ въ другихъ спискахъ) „до Бардовѣ у-

„лици, а Витковлянамъ до клемяныхъ (клейменыхъ?) „сѣней.“

Сказано, что всякая городская часть даетъ или дѣлаетъ *двои рилѣ*. Сіе названіе относится къ мостовымъ; но собственное значеніе онаго мнѣ неизвѣстно. Въ другомъ мѣстѣ *рилинами* названы, кажется, сваи (см. Т. V, примѣч. 386, подъ годомъ 1435).

Ярославъ, какъ вѣроятно, только учредилъ обязанности городскихъ жителей, а Посадники записали и всегда наблюдали сіе учрежденіе. Онъ не могъ написать: „до Бо„риса и Глѣба,“ ибо сей церкви Новогородской тогда еще не было (см. выше, примѣч. 45); чтобы яснѣе означить мѣсто, въ новѣйшія времена назвали оную въ Уставѣ. — Имя Конца Неревскаго или Неровскаго происходитъ отъ рѣки Наровы, Горничьскаго отъ гончаровъ, а Плотинскаго отъ плотины или плотниковъ. Сверхъ пяти Концевъ тамъ были еще три: *Людинъ*, *Неровской за городомъ* и *Петровской*.

Въ *Указатель Россійскихъ законовъ* напечатанъ — и весьма неисправно — мнимый Ярославовъ *Уставъ о церковныхъ судахъ*. Предлагаемъ его здѣсь согласно съ лучшими списками (впрочемъ не имѣю ни одного харатейнаго и древнѣе XVI вѣка).

„Се язъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью отца сво„его сгадалъ есмя съ Митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми со Гре„ческимъ Номоканономъ, аже не подобаетъ сихъ тяжь судити Князю и „Бояромъ. Далъ есмь Митрополитомъ и Епископомъ тѣ суды, что пи„саны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ городамъ и по всей обла„сти, гдѣ Крестьянство есть. Аже кто умчитъ“ (уведетъ или похитить) „дѣвку или насилитъ, аже Боярская дчи“ (дочь) „за соромъ“ (срамъ) „ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а *меньшихъ* „Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота. Добрыхъ людей“ (ихъ дочери) „за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ“ (съ похитителей) „по гривнѣ серебра Епископу; а Князь казнитъ. Аже кто поши„баетъ“ (ударитъ) „Боярскую дщерь или Боярскую жену, за соромъ ей „5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ Бояръ гри„вна золота, а Епископу гривна золота; а нарочитыхъ людей“ (именитыхъ гражданъ) „3 *рубли*, а Епископу 3 рубли, а простой чади“ (за дочь простаго гражданина) „15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ, а Князь

„казнитъ. — Аже пуститъ Бояринъ *великѣ* жену безъ вины, за соромъ „ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а нарочныхъ лю„дей 3 рубли, а Епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а Епи„скопу 15 гривенъ; а Князь казнитъ. Аже у отца и у матери дщи дѣв„кою дитяти добудетъ“ (родитъ) „обличивъ ю поняти въ домъ церков„ный, а чимъ ю родъ окупитъ“ (т. е. родные должны выкупить преступницу). „Аже дѣвку умолвитъ“ (пригласитъ) „кто къ себѣ и дастъ въ „толоку“ — (позволитъ кому наглымъ поступкомъ оскорбить ея цѣломудріе) — „на умолвницѣ“ (съ того, кто звалъ ее къ себѣ) Епископу 3 „гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны серебра, а на толочныхъ“ (съ обидчиковъ) „по рублю, а Князь казнитъ. Аже мужъ отъ жены бля„детъ, Епископу въ винѣ“ (виноватъ передъ Епископомъ) „а Князь каз„нитъ. Аже мужъ оженится иною женою, съ старою не распустився, „мужъ Епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный“ — (чтобы родные выкупили ее) — „а съ старою жити. Аже женѣ лихій недугъ бо„литъ, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее не пустити“ (не разводиться съ нею) „такоже и женѣ не лзѣ пустити мужа. Аже кумъ „съ кумою створитъ блудъ, Епископу гривна золота, и въ епитимьи. „Аже кто *зажжетъ дворѣ или гумно* или что иное, Епископу 100 гри„венъ, а Князь казнитъ. Аже кто съ сестрою согрѣшитъ, Епископу 100 „гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону. Аже ближній родъ“ (ближняя родня) „поймется, Епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучитъ, а епи„тимью да примутъ. Аже двѣ жены кто *водитъ*“ — (возметъ, и потому „Несторъ назвалъ Владиміровыхъ женъ *водимыми*) — „Епископу 40 гривенъ, „а которая подлегла“ (то есть, послѣдняя) „та поняти въ домъ церков„ный, а первую держати по закону; а иметъ лихо водити ю“ — (если будетъ не хорошо обходиться съ нею) — „казанью казнить его. Аже „мужъ съ женою по своей воли распуститься, Епископу 12 гривенъ; а „*буде не вѣнчался*, Епископу 6 гривенъ. Аже кто сблудитъ съ черницею, „Епископу сто гривенъ, а съ животиною 12 гривенъ, а въ епитимью вло„житъ. Аже свекоръ съ снохою сблудитъ, Епископу 100 гривенъ, а епи„тимья по закону. Аже кто съ дѣвкою сестрами пагенися“ (попадется), „Епископу 30 гривенъ. Аже кто съ мачехою сблудитъ, Епископу 40 гри„венъ. Аже два брата будутъ со единою женою, Епископу 100 гривенъ, „а женка въ домъ церковный. Аже дѣвка не восхощетъ замужъ, а отецъ и „мати силою дадутъ, а что створитъ“ (дѣвка) „надъ собою, отецъ „и мати Епископу въ винѣ, а исторъ“ (протори) имъ платити; „тако же и отрокъ“ (т. е. они виноваты, если и сына женятъ насильно. „Аже кто зоветъ чюжу жену блядью Великихъ Бояръ“ (т. е. ихъ жену) „за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а „Князь казнитъ; а будетъ“ (жена) „меньшихъ Бояръ, за соромъ ей 3 гри„вны золота, а Епископу 3 гривны золота; а будетъ“ (жена) „город„скихъ людей, за соромъ 3 гривны серебра, а Епископу 3 гривны серебра; „а сельскихъ людей за соромъ гривна серебра, а Епископу гривна сереб„ра. Аже пострижетъ голову или *бороду*, Епископу 12 гривенъ, а Князь „казнитъ. Аже мужъ иметъ красти коноплю или ленъ и всякое жито,

„Епископу въ винѣ со Княземъ на полы; тако же и женка, иже имешь „краспи" (если и женщина украдетъ). „Аже мужъ крадетъ бѣлые порты или полотна, портищи и понѣвы" (поневы) „тако же и женка, Епископу въ винѣ со Княземъ на полы. Свадебное и сговорное, бой убійство и душегубство аже что чинится, платятъ виру Князю на полы со „Владыкою. Аже мужа два бьеться, одинъ другаго укуситъ или одеретъ, „Епископу 3 гривны. Аже мужъ бьетъ чюжу жену, за соромъ ей по закону, а „Епископу 6 гривенъ. Аже сынъ бьетъ отца или матерь, да казнятъ его волостельскою" (гражданскою) казнію, а Епископу въ винѣ. — Аже Чернець, или Черница, или Попъ, или Попадья, или проскурница (просвирница) впадуть въ блудъ, тѣхъ судити Епископу опрись (опричь) міранъ, и во что ихъ осудитъ воленъ. Аже Попъ или Чернецъ упьються „безъ времени" (не вовремя) „Епископу въ винѣ. Аще Чернецъ или Черница разстрижеться, Епископу въ винѣ, во что ихъ обрядитъ" (осудитъ). „А что дѣется въ домовныхъ людехъ и въ церковныхъ и въ монастырехъ, а не вступаются Княжи волостели въ то, а то вѣдаютъ „Епископли волостели, и *безатщина* ихъ" — (думаю, *беззадщина*, имѣніе человѣка умершаго, который не оставилъ наслѣдниковъ) — „Епископу „идетъ. — А кто уставленіе мое порушитъ" (нарушитъ), или сынове „мои, или внуцы мои, или правнуцы мои, или отъ рода моего кто, или „отъ Бояръ, а порушитъ рядъ мой и вступиться въ суды Митрополичи, что есми далъ Митрополиту и Епископамъ по всѣмъ городомъ, по „правиломъ Святыхъ Отецъ судивше казнити по закону; а кто иметься „въ тѣ суды въ церковныя вступати, Крестьянско (Христіанское) имя „не нареченься на томъ, а отъ Святыхъ да будетъ проклятъ."

Въ *Указателѣ* напечатаны тутъ же сельскіе законы Греческіе (см. *Судебникъ*, издан. при Академіи, стр. 217), которыхъ нѣтъ въ спискахъ Ярославова Церковнаго Устава, и которые не имѣютъ съ нимъ ни малѣйшей связи. Сей подложный Уставъ не былъ еще извѣстенъ у насъ въ XIII вѣкѣ, ибо не вписанъ въ Софійскую Новогородскую книгу законовъ (см. выше, примѣч. 65) или Кормчую. Не говоря о многихъ другихъ его нелѣпостяхъ, замѣтимъ слѣдующую: вѣроятно ли, чтобы за брань, оскорбительную для жены Боярской виновный платилъ 10 гривенъ (5 фунтовъ) золота, когда убійца Боярина наказывался только осьмидесятью гривнами кунъ при Ярославѣ? Зажигатель гумна и дома, какъ уставлено въ *Правдѣ*, судился гражданскимъ судомъ: а здѣсь сказано, что онъ даетъ пеню Епископу. То же противорѣчіе въ законѣ о побояхъ и воровствѣ. *Архангельск. Лѣт.* сообщаетъ од-

но начало сего Устава, съ прибавленіемъ: „далъ есми Ми„трополитомъ и Епископомъ, и Попомъ, и Дьякономъ, „свободу по всѣмъ градомъ; не емлютъ съ нихъ, ни съ „ихъ людей, ни мытъ, ни явку, ни *тамгу*, ни восмьничья.“ Сомнѣваюсь, чтобы слово *Тамга* употреблялось въ Россіи прежде нашествія Батыева.

(109) См. выше, примѣч. 50. Берега Угры и Протвы составляли часть Смоленскаго Удѣла (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 289, 291); также и городъ Торопецъ.

(110) Татищевъ сказалъ — а за нимъ Болтинъ и другіе повторили — что Стриковскій упоминаетъ о *Голядахъ*, обитавшихъ гдѣ-то въ Литвѣ: ни Стриковскій, ни Кояловичь не говорятъ объ нихъ ни слова. Имя Прусской *Галиндіи* есть весьма древнее (см. Гарткноха Alt und Neues Preussen); и въ Птолемеевой Географіи, между Европейскими Сарматами, находимъ Galindæ. Уже Ярославъ Великій воевалъ въ Мазовіи, которая граничитъ съ Галиндіею. — Святославъ Ольговичь, по нашимъ лѣтописямъ, въ 1147 году *взялъ людъ Голядь вверхъ Поротвы* (въ *Никонов.* и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ поставлено *градъ* вмѣсто *людей*). Несторъ въ описаніи Славянъ Россійскихъ не упоминаетъ о *Голядахъ:* они могли быть переселенцами изъ Галиндіи.

(111) Татищевъ прибавляетъ отъ себя, что Князья плѣнили множество Торковъ и разселили ихъ по городамъ. — Въ Несторѣ о первомъ Всеволодовомъ походѣ (въ 1055 году) сказано такъ: „иде Всеволодъ на Торкы зимѣ „къ *Воиню.*“ Издатель Кенигсберскаго списка напечаталъ: „иде *войною*,“ не знавъ, что Воинемъ называлось мѣсто за Сулою (см. ниже). Въ другой разъ ходили Ярославичи на Торковъ въ 1060 году.

(112) Несторъ говоритъ по харатейнымъ спискамъ (въ *Никонов.* II, 14): „Кумани, рекше Половцы.“ Половцы есть Русское имя: нѣкоторые производятъ его отъ *поля*, другіе отъ *лова;* второе справедливѣе. Польское слово

polow значитъ добычу. Половцы сами себя называли Capchat, какъ говоритъ путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ (см. его Voyages въ Бержерон. изд. стр. 26). Абульгази даетъ общее имя *Кипчакъ* всѣмъ народамъ обитавшимъ между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ или Ураломъ, и причисляетъ ихъ къ Татарамъ (см. его Hist. des Tat. 45, 47).

О сродствѣ Печенѣговъ съ Половцами см. печатн. Нестор. или *Рос. Библіот.* стр. 145. Анна Комнина пишетъ, что Печенѣги и Команы говорили однимъ языкомъ (Memor. popul. III, 908).

Объ Узахъ-Торкахъ см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90. Узы около 1050 года имѣли войну съ Печенѣгами, а въ 1065 году перешли за Дунай, опустошили землю Болгарскую, Македонію и часть Ѳракіи. Константинъ Дука хотѣлъ отразить ихъ; но свѣдалъ, что они, истребленные отчасти *голодомъ*, язвою, Печенѣгами и Болгарами, отступили за Дунай. Наконецъ Узы добровольно поддалися Императору, и въ царствованіе Романа Діогена и Алексія Комнина воевали подъ знаменами Греческими (Memor. popul. III, 938---947). — Обитая между Волгою и Дономъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, Узы въ нашествіи своемъ на Дунайскую Болгарію долженствовали захватить часть Россіи; а Несторъ около сего времени говоритъ о Торкахъ, сказывая, что они въ 1060 году ушли изъ Россіи и *погибли отъ голода:* то же говорятъ Византійскіе лѣтописцы объ Узахъ.

Думаю, что Восточные Печенѣги изгнаны Половцами въ 1036 году: тогда они ворвались въ южную Россію, и будучи побѣждены Ярославомъ (см. выше), ушли въ Молдавію. Нѣкоторые изъ нихъ оставались еще между Половцами (см. ниже, примѣч. 218).

Въ печатн. *Несторѣ* стр. 14:,, Половцы законъ держать „отецъ своихъ кровь проливати, и хвалящесь о семъ, и „ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомеки и сусолы,

„и поимають мачехи своя и ятрови.“ См. также Шлецер. Gesch der Deutsch. in Siebenburg. 225. Въ Chron. Zwetl. сказано: Chomani (Половцы), gens immundissima, quae carnibus utebatur fere crudis pro cibo, et lacte equorum et sanguine pro potu. — Сраженіе Всеволода съ Половцами было 2 Февраля.

(113) Рѣка Волховъ шла вверхъ: Татищевъ замѣчаетъ, что сіе могло быть отъ причины весьма естественной; а именно, весною, отъ скопленія льду выше пороговъ. Волховъ дѣйствительно течетъ иногда обратно въ озеро Ильмень.

О Кометѣ см. Cométographie стр. 373. Несторъ упоминаетъ объ ней въ 1064 году: но кажется, что она являлась въ 1066.

Несторъ говоритъ, что младенца урода бросили въ *Сѣтомль*: см. выше, примѣчаніе 34. Далѣе: „его же *позоровахомъ* до вечера:“ слѣдственно онъ жилъ тогда въ Кіевѣ. Далѣе: „на лицѣ ему срамніи удове; иного не „льзѣ сказати срама ради. И солнце не бысть свѣтло, „но аки мѣсяцъ бысть, его же невѣгласи глаголють *снѣдаему сущю*“ (и такъ сія басня о причинѣ затмѣній была тогда извѣстна въ Россіи).

Далѣе въ харатейныхъ спискахъ: „Нарицающеся Хрестьяне, а погански живуще; се бо не погански ли живемъ? „Аще бо кто усрящеть черноризца, *единицъ* ли, свинью „ли, или конь *лысъ*, то взвращается. Се бо по Дьяволю „наученью *кобь* сію держать. Друзіи же и зачиханью вѣрують, еже бываеть на здравіе главѣ .... Дьяволъ льститъ, „превабляя ны отъ Бога трубами и скоморохи, гусльми „и *русальче*: видимъ бо игрища уполочена и людей много множество, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоять (пусты). Егда же бываеть „годъ (время) молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви,“ и проч. *Единицами* не назывались ли Монахини? Сіе Греческое слово также происходитъ отъ Μονος. *Кобь* зна-

чить то же, что *кобленіе*, т. е. волхвованіе (оттуда происходить глаголъ *кобенить*, т. е. коверкать); *русалье* игрище. — Примѣту *лысыхъ* коней мы уже забыли; но другія и нынѣ извѣстны.

(114) Онъ умеръ въ 1063 году. — Здѣсь замѣтимъ хронологическое несогласіе въ харатейныхъ спискахъ. По *Суздальскому* или *Пушкинскому*, Вячеславъ умеръ въ 1058 году; Ярославичи освободили Судислава въ 1059; Игорь скончался и Торки погибли въ 1060; Половцы разбили Всеволода въ 1061. По *Троицкому* все годомъ ранѣе; но далѣе лѣтосчисленіе согласно: ибо въ *Пушкин.* означенъ мирнымъ только одинъ 1062 годъ, а въ *Троиц.* два: 1061 и 1062.

Замѣтимъ также разныя прибавки Никоновской и другихъ новѣйшихъ лѣтописей:, „Изяславъ оставилъ въ Новѣгородѣ Посадникомъ Остромира — Татищевъ назвалъ его Стромиломъ — который въ 1054 году ходилъ на Чудь и былъ въ сраженіи убитъ непріятелями." Остромиръ тогда дѣйствительно управлялъ Новымгородомъ. Лѣтопись Попа Іоанна упоминаетъ объ немъ и — что всего достовѣрнѣе — писецъ древняго Софійскаго Евангелія заключаетъ трудъ свой словами:„ Почахъ ѐ" (т. е. Евангеліе)„ писати въ лѣто 6564 (1056), а оконьчахъ ѐ въ „лѣто 6565. Написахъ же Евангеліе се рабу Божію на-„речену сущу въ крщеніи *Іосифъ*, а мірьскы *Остромиръ*, „близоку" (ближнему Боярину)„ сущу Изяславову Князю. „Изяславу же Князю тогда предръжащу обѣ власти, и „отца своего Ярослава, и брата своего Володиміра. Самъ „же Изяславъ Князь правляаше столъ отца своего Яросла-„ва Кыевѣ, а брата своего столъ поручи правити близоку „своему Остромиру Новѣгородѣ." Сей писецъ, Діаконъ Григорій, желаетъ въ концѣ здравія Остромиру и подружію (т. е. супругѣ) его, Ѳеофанѣ, и чадамъ ея, подружіямъ чадъ ея, и проч. Вотъ явное доказательство, что Остромиръ былъ живъ въ 1057 году, и что *Никонов.* *Лѣт.*

несправедливо говоритъ о его смерти въ 1054. Далѣе: „2) Изяславъ въ томъ же году самъ (по *Воскресенск. Лѣт.* Остромиръ) пошелъ на Чудь и взялъ *Осекъ Кединичъ*"— въ другихъ спискахъ: *Кепедивъ*, *Декипивъ* — „или *Солнечную руку.*" Солнце по-Эстонски *пявъ* или *пяйвъ*, рука *кясси.* — 3) „Въ 1055 году Новогородскій Епископъ Лука былъ оклеветанъ своимъ холопомъ Дудикомъ въ непристойныхъ рѣчахъ. Митрополитъ Кіевскій, Ефремъ" — объ немъ совсѣмъ не упоминается въ Несторѣ — „призвавъ Луку въ Кіевъ, осудилъ его, будучи обманутъ клеветникомъ и товарищами его, Демьяномъ и Козмою; но черезъ три года Епископъ оправдался, а Дудикъ, которому отрѣзали носъ и обѣ руки, ушелъ къ Нѣмцамъ. Лука умеръ на возвратномъ пути изъ Кіева въ Новгородъ." А въ лѣтописи Попа Іоанна сказано, что онъ снова управлялъ тамошнею Церковію. — 4) „Въ 1059 году Изяславъ воевалъ съ какими-то Ссолами" — въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: съ *Колыванцами*, или нынѣшними Ревельцами — „и велѣлъ имъ платить въ казну 2000 гривенъ; но сіи люди изгнали собирателей дани, и пожгли около Юрьева *города* и *хоромы.* Наконецъ Псковичи и Новогородцы сразились съ ними: Россіянъ убито 1000, а Ссоловъ безчисленное множество." Ни современный Лѣтописецъ, ни древній Новгородскій не упоминаютъ о семъ народѣ. Означеніе дани также весьма сомнительно. Кадлубекъ говоритъ о *Солодамистахъ*, Длугошъ о *Слонцахъ*, Кромеръ о *Солингахъ*, обитавшихъ въ Литвѣ или на границахъ Пруссіи. Въ Ливоніи была область Saccala (см. Liefländ. Chron. издан. Груберомъ, стр. 69). 5) „Въ 1060 году поставленъ Епископъ Новогородскій Стефанъ, котораго черезъ 8 лѣтъ задавили свои холопи на пути въ Кіевъ." — Въ *Воскресен. Лѣт.* сказано, что Ярославичи по смерти Игоря раздѣлили Смоленскъ на три части.

(115) Татищевъ даетъ ему, по смерти отца, Ростовъ и Суздаль, а по смерти Игоря Владиміръ Волынскій, говоря,

что сей Князь, не будучи доволенъ своимъ удѣломъ, завоевалъ Тмуторокань. Но во многихъ спискахъ Нестора именно сказано, что Ростиславъ бѣжалъ изъ Новагорода. Болтинъ укорялъ К. Щербатова и тѣмъ, что сей Историкъ вѣрилъ лѣтописямъ болѣе, нежели Татищеву.

(116) Въ Несторѣ: „Ростиславъ же отступи кромѣ (вонъ) „изъ города, не убоявся его, но не хотя противу стрые„ви (дяди) оружья взяти." — Татищевъ пишетъ, что въ томъ же 1064 году Изяславъ разбилъ 12,000 Половцевъ на *Сіовскѣ:* что такое Сіовскъ? Былъ городъ Сновскъ, на рѣкѣ Сновѣ. Не Изяславъ, но Святославъ (какъ увидимъ ниже) разбилъ Половцевъ, и не въ 1064, а въ 1068 году.

(117) Татищевъ пишетъ отъ себя: „Ростиславъ, *Князь „Владиміра* и *Червени,* бралъ дань отъ Касоговъ и Ясь, „его же убоявся, Греки послали Катопана," и проч. Ему хотѣлось, кажется, чтобы Ростиславъ умеръ въ Галиціи или Волыніи: ибо онъ не именуетъ здѣсь Тмутороканя. Сей Историкъ прибавляетъ еще, что Херсонцы убили Катопана, *боясь мщенія отъ Русскихъ.* — Несторъ такъ повѣствуетъ о смерти несчастнаго Князя: „Пьющу Ро„стиславу съ дружиною своею, и рече Котопанъ: *Княже! „хочю на тя пити.* Ономуже рекшю: *пій.* Онъ же испивъ „половину, а половину дасть Князю пити, *дотиснувся „пальцемъ* въ чашю: бѣ бо имѣя *подъ ногтемъ* растворе„нье смертное." Врачи наши едва ли повѣрятъ, чтобы можно было отравить человѣка такимъ образомъ. — Когда злодѣй, будучи уже въ Херсонѣ, объявилъ день Ростиславовой смерти, то ясно, что сей городъ находился не далеко отъ Княженія Тмутороканскаго; въ пять или шесть дней онъ не могъ бы доѣхать до Севастополя изъ Рязани, ни съ береговъ Ворсклы, гдѣ Татищевъ и Болтинъ искали Тмутороканя. — Былъ еще городокъ сего имени въ области Кіевской: по крайней мѣрѣ въ описаніи городовъ Русскихъ, включенномъ въ разные списки Нестора (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 20) сказано: „на Днѣпрѣ Кіевъ,

Вышегородъ, Мирославици, *Тмуторокань.*" Впрочемъ Авторъ могъ здѣсь имѣть въ мысляхъ и древній Воспорскій городъ, знавъ только его имя по лѣтописямъ XI вѣка. Сей географическій отрывокъ достоинъ примѣчанія, хотя онъ писанъ уже въ то время, когда въ Москвѣ были *каменныя стѣны:* слѣдственно не ранѣе XIV вѣка.

Ростиславъ положенъ въ Тмутороканской, созданной Мстиславомъ церкви Святыя Богородицы. Татищевъ пишетъ, что онъ былъ ростомъ *средній*, вмѣсто *лѣпъ*, и прибавляетъ еще, что „Княгиня его хотѣла уѣхать съ „дѣтьми, по смерти мужа, въ *Венгерскую землю къ от-* „*цу своему*, и что Изяславъ не далъ ей дѣтей, а самой „ѣхать не запретилъ." Ни слова въ лѣтописяхъ; и мы не знаемъ, на комъ былъ женатъ Ростиславъ.

(118) Несторъ говоритъ въ 1064 году: „Всеславъ же въ се лѣто рать почалъ." Въ Псковской Синодальной лѣтописи (No 349, л. 166.) сказано, что Всеславъ въ 1065 году осаждалъ Псковъ: „много тружався съ многыми за„мысленіи и пороками" (стѣнобитными орудіями) „ши„бавъ, отъиде, ничтоже успѣвъ." — О ненависти Полоцкихъ Князей къ роду Ярославичей см. въ печатн. *Несторѣ* стр. 186.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора: „Матери бо ро„дивши, бысть ему (Всеславу) язвено на главѣ его; рекоша бо волсви матери его: *се язвено: навяжи нань, да носить ѐ до живота своего* — еже *носитъ Всеславъ и до* „*сего дне* на собѣ; сего ради не милостивъ есть на кро„вопролитье." И такъ Всеславъ, умершій въ 1101 году, былъ еще живъ, когда Несторъ сочинялъ свою лѣтопись.

Всеславъ взялъ Новгородъ, по харатейнымъ спискамъ Нестора, въ 1067 году, а по древней Новогородской лѣтописи въ 1066. Въ послѣдней сказано: „и колоколы съи„ма у Святыя Софіи. О! великая бяше бѣда въ часъ тый! „и паникадила съима!" Кажется, что въ Новѣгородѣ начальствовалъ тогда сынъ Великаго Князя Мстиславъ, ко-

торый, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ. Сіе можно заключить изъ слѣдующаго мѣста одной краткой лѣтописи XV вѣка (въ Синодальн. библіот. No 349): „въ Новѣгородѣ Изяславъ посади сына своего, Мьстислава, и побѣдиша й на Черехѣ, й бѣжа къ Кыеву, и по „взятіи града преста рать.“ То же и въ лѣтописи Попа Іоанна (стр. 312).

Въ харатейныхъ о взятіи Минска: „а жены и дѣти „вдаша на щиты.“ *Взять на щитъ* значило *плѣнить*. Сіе выраженіе было весьма употребительно: также и другое: „взять городъ копьемъ,“ то есть, приступомъ (см. въ печатн. *Нест.* стр. 61).

Лѣтописецъ называетъ рѣку Нѣменъ Немизою. — Далѣе: „и тако яша Всеслава на Рши у Смоленска.“ Татищевъ прибавляетъ, что *Святославъ* далъ совѣтъ обмануть Всеслава.

(119) Несторъ говоритъ здѣсь, что Богъ наводитъ *иноплеменниковъ* на землю грѣшныхъ, а войны *междоусобныя* бываютъ отъ Діавола: нельзя сильнѣе и короче выразить ужаса послѣднихъ.

Здѣсь видимъ, что Князья, выходя въ поле, раздавали оружіе и коней воинамъ.

Далѣе Несторъ пишетъ: „Нача людіе корити на Воеводу на Коснячка; „идоша на гору съ Вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше „его, сташа у двора Брачиславля, и рекоша: *пойдемъ, высадимъ дружи- „ну свою изъ погреба*; а половина ихъ иде по мосту. Си же придоша на „Княжь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ съ дружиною своею, нача- „ша прѣтися со Княземъ, стояще долѣ (внизу) Князю же изъ оконца зря- „щю, и дружинѣ стоящю (стоящей) у Князя, рече Тукы, братъ Чюдинъ, „Изяславу: *видиши, Княже, людь взвыли: посли*, атъ (да) *Всеслава блю- „дутъ*. И се ему глаголющу, другая половина людій приде отъ погреба, „отворивше погребъ, и рекоша дружина Князю: *се зло есть: посли ко Все- „славу, атъ призвавше лестью ко оконцю пронзутъ и мечемъ*. И не по- „слуша сего Князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю, и проч Народъ отворилъ *сперва* городскую темницу, именуя заключенныхъ въ ней *дружиною своею*, а *послѣ* вздумалъ освободить и Всеслава. Наши Историки не такъ по-

нимали сіе мѣсто. — Въ лѣтописи сказано, что заключенный Всеславъ въ день Воздвиженія *Креста* (14 Сентября (усердно молилъ его о своемъ избавленіи, которое и случилось на другой день, въ наказаніе Изяславу, преступившему клятву и *крестное* цѣлованіе. — Здѣсь въ *Кенигсберг.* годы означены несправедливо; слѣдую харатейнымъ.

(120) Въ печатномъ Кіевскомъ Патерикѣ, въ житіи Св. Никона, сотрудника Антоніева (см. ниже), сказано, что „Никонъ, по смерти Ростислава ходивъ изъ Тмутороканя „въ Черниговъ, упросилъ Святослава Ярославича снова „отправить туда сына своего, Глѣба,“ который дѣйствительно княжилъ въ Воспорской области черезъ два года по кончинѣ Ростислава. Въ царствованіе Екатерины Великой найденъ между развалинами древняго Тмутороканя, или Фанагоріи, мраморный камень съ надписью: „въ лѣ„то 6576 (1068), Индикта 6, Глѣбъ Князь мѣрилъ море „по леду отъ Тмутороканя до Кърчева (Керчи) 10.000 и „4000 (то есть, 14.000) *саженъ*“ (см. *Изслѣдованіе* о *Тмуторoccanѣ*".replace('','') стр. 58 и *Письмо* о *Тмутороканскомъ камнѣ* А. Н. Оленина). Сей камень хранится тамъ и нынѣ.

(121) Длугошъ называетъ ее Вышеславою, „единственною дочерью Князя Россійскаго, которой по наслѣдству „принадлежала большая часть Россіи“ (Principis Russiæ filia, patris sui unica, cui magna pars Russiæ ex successione paterna debebatur). Кромеръ (стр. 56) говоритъ, что имя родителя ея неизвѣстно (cujus non extat nomen). Губнеръ въ своихъ генеалогическихъ таблицахъ вздумалъ назвать сію Княжну дочерью *Выслава*, сына Ярославова, Князя Владимірскаго, котораго не бывало. Ломоносовъ написалъ имя *Вячеслава* вмѣсто *Выслава*. Татищевъ, знавъ Кромера по Русскому переводу, не хотѣлъ оставить читателей въ недоумѣніи, и говоритъ въ своей Исторіи: „сего году (1065) выдана Вышеслава, дочь *Святослава* Черниговска„го, за Болеслава Польскаго.“ — Не знаю также, гдѣ

сей Историкъ нашелъ, что въ 1067 году умерла *Княгиня Всеволодова*.

(122) Щербатовъ говоритъ за Стриковскимъ, что народъ встрѣтилъ Изяслава въ *тридцати верстахъ* отъ столицы. — Несторъ пишетъ: „и сѣде Всеславъ въ Кые„вѣ мѣсяцъ семь." Изяславъ ушелъ Сентября 15, а возвратился въ столицу Маія 2: слѣдственно черезъ 7 мѣсяцевъ и 16 дней. — Стриковскій разсказываетъ, что Князья Литовскіе, Кернъ и Гимбутъ, пользуясь несчастіемъ Россіи, утѣсненной тогда Болеславомъ и Половцами, опустошили ея предѣлы, и завоевали Бряславль въ области Князя Полоцкаго. Никто изъ современныхъ Лѣтописцевъ не говоритъ о томъ. Кернъ и Гимбутъ никогда не существовали. Имена городовъ и мѣстъ служили поводомъ къ изобрѣтенію сказки о древнихъ Князьяхъ Литовскихъ (см. выше, примѣч. 35).

(123) Длугошъ. Hist. Pol. кн. III, стр. 265, Кромер. стр. 57, Наруш. II, 401. Они несправедливо говорятъ, что Болеславъ *взялъ* Перемышль: ибо въ семъ городѣ и послѣ того, какъ увидимъ, властвовали Князья Россійскіе. Несправедливо также, чтобы Король прожилъ цѣлый годъ въ Кіевѣ: онъ вступилъ въ нашу столицу 2 Маія, а въ Мартѣ, съ котораго начался новый годъ, Поляковъ уже тамъ не было. Длугошъ описываетъ сію войну по извѣстіямъ Несторовымъ, украшая ихъ собственными вымыслами. Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ (первый на стр. 71, второй стр. 659) разсказываютъ только, что Болеславъ, довольствуясь славою побѣды, возобновилъ на вратахъ Кіевскихъ *зарубку* своего прадѣда (см. выше, примѣч. 15) и *выбралъ Князя* для Россіянъ, который звалъ Болеслава къ себѣ въ гости, обѣщая дать ему столько *талантовъ* или *марокъ золота*, сколько шаговъ ступитъ его конь на семъ переѣздѣ; что Болеславъ, вошедши къ нему во дворецъ, схватилъ Князя за бороду, и въ знакъ особенной милости едва не выдралъ ее, говоря Бо-

Боярамъ Россійскимъ: *вотъ страшная голова, которой вамъ надобно бояться! вотъ человѣкъ, отъ насъ удостоенный чести!*

(124) Въ харат. *Новогород. Лѣт.* сказано, что въ сіе время сгорѣло *Подоліе*; однакожь не въ Кіевѣ, а въ Новѣгородѣ, коего часть также называлась Подоломъ.

(125) Въ харат. *Новогород.*: „Мѣсяца Октября въ 23 (г. 1069) на Святаго Якова брата Господня, въ Пятничю, въ часъ 6 дни, опять приде „Всеславъ къ Новугороду. Новгородци же поставиша полкъ противу ихъ „у звѣринця на *Кѣземли*. И пособи Богъ Глѣбу Князю съ Новгородци. О! „велика бяще сѣця (сѣча) Вожаномъ! и паде ихъ безчисльное число; а самого Князя отпустиша Бога дѣля; а на заутріе обрѣтеся крестъ честный Володиміръ у Святѣй Софіи, при Епископѣ Өедорѣ.“ Въ 1069 году Октября 23 было дѣйствительно въ Пятницу. — Въ Никоновской и въ другихъ поставлено: *на Гзени*, вмѣсто: на *Кземли*; у Татищева: на рѣкѣ *Визени*.“ Сраженіе было подъ самымъ Новымгородомъ, гдѣ нѣтъ никакой *рѣки Визени*. *Кземлею* называлось урочище подлѣ городскаго звѣринца. — Въ 1068 году Глѣбъ княжилъ еще въ Тмутороканѣ (см. выше, примѣч. 120). Вѣроятно, что Святославъ (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 312) по изгнаніи Великаго Князя отправилъ Глѣба въ Новгородъ, чтобы не дать сей области хищнику Всеславу. — Князь Полоцкій, ограбивъ въ 1066 году Софійскую церковь, взялъ тамъ и крестъ Владиміра Ярославича: Новогородцы отняли сей крестъ у побѣжденнаго. — *Вожанами* или *Водью* назывались Чудскіе жители нынѣшней Ораніенбаумской округи, принадлежавшей Новугороду: они, какъ видно, потеряли много людей въ сраженіи.

Въ 1069 году заложена была церковь Св. *Михаила* въ Кіевскомъ Выдубецкомъ монастырѣ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 459) названномъ послѣ *Всеволодовымъ*.

Мстиславъ Изяславичь умеръ въ 1069 году. — Ярополкъ побѣдилъ Всеслава у *Голотичьска*: въ географическомъ отрывкѣ XIV или XV вѣка (см. выше, примѣч. 117). сей городъ именованъ подъ надписію Литовскихъ. На рѣ-

нѣ Нѣменѣ, въ Литовской Губерніи, есть нынѣ мѣстечко *Олита*. — Татищевъ говоритъ, что Ярополкъ *овладѣлъ* и городомъ Полоцкимъ; но тамъ княжилъ Всеславъ до самой кончины.

Далѣе: „воеваша Половци у *Растовця* и у *Неятина*.“ Татищевъ пишетъ: „у Ростовца и Снятина на рѣкѣ Су„лѣ.“ Снятинъ былъ конечно на Сулѣ: но это совсѣмъ другой городъ. Въ географическомъ, вышеупомянутомъ отрывкѣ сказано: „на *Деснѣ* Черниговъ, Омѣльники, Сно„вескъ, Брянечьскъ, *Рястовечь*, *Неятинъ*, Новгородъ Сѣ„верскій,“ и проч. Города по Деснѣ и Сулѣ были построены Владиміромъ Великимъ.

(126) Въ харат. *Новогород. Лѣт.* сказано, что мощи Бориса и Глѣба были тогда перенесены съ Альты; но онѣ уже давно лежали въ Вышегородѣ, по извѣстію Нестора.

Съ Митрополитомъ Георгіемъ были тамъ Епископы Переяславскій Петръ, Неофитъ Черниговскій, Никита Бѣлогородскій (см. *Воскресен. Лѣт.*), Михаилъ Юрьевскій, и многіе Игумены: Θеодосій Печерскій, Софроній Михайловскій, Германъ Спасскій, Николай Переяславскій и другіе. *Никон. Лѣт.* именуетъ здѣсь Іоанна, Епископа *Хелмскаго*; но тогда не было еще и города Хельма или Холма, основаннаго Даніиломъ Галицкимъ въ XIII вѣкѣ.

Несторъ пишетъ, что „Митрополитъ Георгій худо вѣрилъ святости новыхъ Мучениковъ; но когда открыли Борисову деревянную раку, вся церковь исполнилась благоуханія, и Георгій, объятый *ужасомъ*, палъ ницъ, моля Святыхъ Угодниковъ простить ему невѣріе. Ярославичи цѣловали Борисовы мощи и переложили въ каменный гробъ. Глѣбова каменная рака остановилась въ дверяхъ; народъ воскликнулъ: *Господи помилуй!* и въ ту минуту она прошла свободно.“ Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора (см. *Воскресен. Лѣт.* I, 205) находится слѣдующее обстоятельство; „Митрополитъ рукою Св. Глѣба благо-

сдовилъ Князь. Святославъ прикладывалъ оную къ головѣ, глазамъ и къ вереду, бывшему у него на шеѣ. Въ то время, какъ пѣли Литургію, сей Князь почувствовалъ у себя что-то на головѣ, и снялъ *клобукъ* свой. Вельможа, именемъ Борисъ, увидѣлъ на ней ноготь Глѣбовъ, и подалъ его Святославу, который съ великою радостію принялъ такую святыню." Слѣдственно Князья, вмѣсто короны, носили *клобуки* и не снимали ихъ въ церкви? — Въ *Воскр. Лѣт.* прибавлено, что съ того времени *утвердился* въ Россіи праздникъ Бориса и Глѣба, 2 Маія.

Житіе Бориса и Глѣба описано, вмѣстѣ съ житіемъ Владиміра и Θеодосія Печерскаго, въ самыхъ древнихъ харатейныхъ Прологахъ, гдѣ нѣтъ ни слова даже о Св. Ольгѣ, ни слова о Св. Антоніи Печерскомъ. Бандури пишетъ, что самые Уніаты чтутъ сихъ братьевъ-мучениковъ Святыми (см. его Animadvers in lib. Constant. Porph. de Adm. стр. 116) — „вмѣстѣ съ Ольгою и Владиміромъ," прибавляетъ Ассемани (Kalend. E. U. IV, 52). Въ обыкновенныхъ Уніатскихъ мѣсяцесловахъ я не нашелъ Россійскихъ Святыхъ; къ Греческимъ прибавленъ тамъ одинъ Іосафатъ, Архіепископъ Полоцкій, *убіенный*, какъ сказано, *отъ распролюбныхъ враговъ*: симъ именемъ они величаютъ насъ Православныхъ. Но въ концѣ Требника ихъ, въ *Соборникѣ дванадесяти мѣсяцей*, дѣйствительно поставлены Св. Борисъ, Глѣбъ, Владиміръ, Антоній и Θеодосій (Ольги нѣтъ).

(127) „Святославъ же и Всеволодъ внидоста въ Кіевъ мѣсяца Марта „22, и сѣдоста на столѣ на *Берестовомъ*," т. е. въ загородномъ дворцѣ Кіевскомъ; а Татищевъ говоритъ, что они въ слѣдъ за Изяславомъ ходили съ войскомъ къ *Берестью*, т. е. въ Брестъ. Также несправедливо пишетъ онъ, что въ семъ же году *освящена* церковь Печерская. Слова Лѣтописца: „*основана* бысть церковь Печерская Игуменомъ Θеодосьемъ и „Епископомъ Михаиломъ (Юрьевскимъ!): Митрополиту Георгію тогда сущу въ Грьцѣхъ."

(128) Ламбертъ Ашаффенбургскій говоритъ о томъ въ описаніи 1075 году, а Зигбертъ Гемблурскій (Gemblacensis) въ 1073. По извѣстію перваго, Изяславъ (Ruzenorum Rex, Demetrius nomine) видѣлся съ Генрикомъ въ исходѣ Декабря или въ Генварѣ, и былъ порученъ отъ Императора Саксонскому Маркграфу Деди. — Зигбертъ именно говоритъ, что Великій Князь обѣщалъ Генрику признать себя его данникомъ (se et regnum Russorum ei submittens, si ejus auxilio restitueretur), ежели онъ возвратитъ ему престолъ.

Ламбертъ называетъ Бурхарда братомъ супруги Князя Россійскаго; Изяславова гонителя, женатаго, по мнѣнію Траера, на Одѣ, дочери Леопольда, Графа Шталекаго, и сестрѣ Бурхардовой, или, по мнѣнію Реника, на Кунигундѣ, дочери Оттона, Графа Орламиндскаго. Реникъ *предполагаетъ*, что Ламбертъ ошибся: ибо Кунигунда была не *сестра*, а *племянница* Бурхарду. Мы признаемъ супругомъ Одинымъ Вячеслава (см. выше, примѣч. 48). Ошибка Ламбертова состоитъ единственно въ томъ, что Изяслава выгнали другіе братья, а не шуринъ Бурхардовъ, давно умершій.

Татищевъ по своему раздѣлилъ государство, и пишетъ смѣло, что Святославъ отдалъ Всеволоду Черниговъ, Борису, *сыну* своему (*пле-*

мяннику, какъ увидимъ) Вышегородъ, Глѣбу Переяславль, Давиду Новгородъ, Олегу Ростовъ. Лѣтописецъ не говоритъ о томъ; а въ Кіевскомъ Патерикѣ (листъ 54) именно сказано, что Святославъ, по изгнаніи брата, сѣлъ въ Кіевѣ на престолъ, а Всеволодъ возвратился въ Переяславль.

(129) Ламбертъ: tantum regi deferens auri et argenti, et vestium (*одеждъ*, но вѣроятнѣе *мѣховъ*) preciosarum, ut nulla retro memoria tantum regno Teutonico uno tempore illatum referatur.

(130) Quorum unus vester notus est et fidus amicus: вѣроятно, знаменитый духовный чиновникъ, коего Изяславъ могъ узнать въ Польшѣ. Сіе письмо напечатано въ Барон. Annal. Eccl. T. XI, стр. 472. Вотъ важнѣйшее мѣсто подлинника: Filius vester, limina Apostolorum visitans, ad nos venit, et quod regnum illum dono S. Petri per manus nostras vellet obtinere, eidem Beato Petro debita fidelitate exhibita, devotis precibus postulavit, indubitanter asseverans, illam suam petitionem vestro consensu ratam fore ac stabilem, si Apostolicæ authoritatis gratia ac munimine donaretur. Cujus votis et petitionibus, quia justæ videbantur, tum ex consensu vestro, tum ex devotione poscentis, tandem assensum præbuimus, et regni vestri gubernacula sibi ex parte Beati Petri tradidimus, и проч.

Григоріево къ Болеславу письмо, отъ 12 Маія, есть 73 въ Epist. Greg. VII, кн. 2. Папа именно говоритъ о деньгахъ или сокровищахъ: pecunia quam Regi Russorum abstulistis. Нѣтъ ни слова о земляхъ и городахъ, какъ нѣкоторые пишутъ.

(131) Здѣсь Татищевъ разсказываетъ множество подробностей, будто бы взятыхъ имъ изъ Нестора. „Князь Чешскій (говоритъ онъ), слыша, что Россіяне соединились съ Поляками, заключилъ миръ съ Королемъ *Владиславомъ* (развѣ Болеславомъ?) чрезъ Воеводу своего, *Лопату*, и далъ ему 1000 гривенъ серебра. *Владиславъ* (опять таже ошибка въ имени) объявилъ Россійскимъ Князьямъ, что онъ не хочетъ воевать съ Богемскимъ Герцогомъ, а желаетъ итти на Поморянъ и Пруссовъ. Но Владиміръ и Олегъ сказали: *мы враги Чехамъ, а не Пруссамъ*; не *остыдимъ своихъ отцевъ и не возвратимся безъ мира* — пошли въ Богемію и завоевали Глацъ. Вратиславъ, тогдашній Герцогъ Богемскій, прислалъ ко Владиміру брата своего, Епископа, и многихъ Вельможъ съ дарами. Князья взяли 1000 гривенъ серебра и благополучно возвратились въ отечество." Въ лѣтописяхъ нѣтъ о томъ ни слова.

Самъ Владиміръ Мономахъ въ *Духовной* своей (стр. 32) пишетъ слѣдующее: „идохъ Переяславлю (къ) отцю, а по Велицѣ дни Володимерю *на сутейску*" (на границу) „*мира творить съ Ляхы*; оттуда" (изъ Переяславля) „пакы на лѣто Володимерю опять. Та посла мя Святославъ въ „Ляхы; ходивъ *за Глоговы*" (Глогау въ Силезіи) „до Чешскаго лѣса; ходивъ „въ земли ихъ 4 мѣсяца; и въ то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее, „Новгородское" — т. е. сынъ Мстиславъ, Князь Новгородскій — „та „оттуда Турову, а на весну та Переяславлю; та же Турову." Мстиславъ и по *Кіевск. Лѣт.* родился въ 1076 году.

Нарушевичъ, согласно съ Длугошемъ, относитъ войну Богемскую къ 1062 году. Мартинъ Галлусъ не означаетъ времени; но Кадлубекъ гово-

ритъ объ ней уже гораздо послѣ войны Россійской, бывшей въ 1069 году. Ламбертъ Ашаффенбургскій пишетъ, что Герцогъ Польскій — такъ онъ называетъ Болеслава — превожилъ землю Чешскую въ 1073 году (см. Гебгарди Gesch. des R. Böhm. кн. VII, 390). Извѣстіе Нестора всего достовѣрнѣе.

(132) „Преставися Святославъ мѣсяца Декабря въ 27 день, отъ *рѣзанья* „*желвве*, и положенъ Черниговѣ у Св. Спаса, и сѣде по немъ Всеволодъ „на столѣ мѣсяца Генваря.“ Татищевъ пишетъ, что Святославъ умеръ отъ *чирьев.* Желвію называлась всякая затвердѣлость: отъ сего слова происходитъ *желѣза* и *желвакъ*.

Далѣе: „Пойде Изяславъ съ Ляхи; Всеволодъ же поиде противу ему.“ Ежели бы самъ Король вторично приходилъ съ Изяславомъ, то Лѣтописецъ безъ сомнѣнія, какъ и прежде, упомянулъ бы объ немъ. Вѣроятно, что Болеславъ только позволилъ Великому Князю набрать охотниковъ. Но здѣсь Длугошъ обрадовался случаю выдумать цѣлую исторію къ мнимой чести Короля своего, и разсказываетъ, какъ Болеславъ завоевалъ всю Волынію, и взялъ аманатовъ отъ *Владимірскаго Князя Игоря* (умершаго за 17 лѣтъ передъ тѣмъ); какъ, собравъ *Префектовъ*, *Трибуновъ*, *Центуріоновъ* и рядовыхъ своихъ воиновъ, сильною рѣчью оживилъ ихъ мужество, разбилъ Всеволода, осадилъ Кіевъ; какъ въ столицѣ нашей сдѣлался миръ; какъ послы Русскіе слезно кланялись Болеславу; какъ онъ въ *другой разъ* завладѣлъ Кіевомъ, и впалъ тамъ въ гнусный порокъ самаго неумѣреннаго сластолюбія: in spurcissimum Sodomiæ scelus, Ruthenorum detestabiles mores imitatus, и проч. и проч. Кромеръ и Нарушевичъ повторяютъ Длугошеву басню. Не имѣю нужды говорить здѣсь о другой, весьма старой, взятой изъ Геродота, Трога Помпея, или Юстина, о рабахъ Польскихъ (вмѣсто Скиѳскихъ), которые въ отсутствіе господъ своихъ женились на ихъ супругахъ и дочеряхъ: то же самое разсказывали у насъ о холопяхъ Новогородскихъ (см. Т. I, примѣч. 458). Добродушному читателю остается жалѣть о бѣдныхъ Историкахъ, которые съ важностію и легковѣріемъ описываютъ такія происшествія.

(133) „Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца Маія 4 день, и бысть княженія „его 8 дній, и бѣжа.“ Татищевъ и другіе называютъ Бориса сыномъ Святослава: ошибка важная, ибо сей Князь достопамятенъ по крайней мѣрѣ своею гордою смѣлостію. Не только въ харатейныхъ спискахъ, но и въ другихъ новѣйшихъ, въ самомъ печатномъ Никоновскомъ, въ самой Родословной Книгѣ онъ названъ Борисомъ *Вячеславичемъ*, т. е. сыномъ Вячеслава, Смоленскаго Князя, умершаго въ 1057 году. — Далѣе Татищевъ прибавляетъ, что Владиміръ Мономахъ *выгналъ* Бориса изъ Чернигова; что Царь Греческій Михаилъ требовалъ помощи отъ Князей Россійскихъ; что Мономахъ ходилъ на Херсонцевъ; что Михаилъ тогда *умеръ*, а Никифоръ возшелъ на престолъ Византійскій.“ Михаилъ тогда не умеръ, а былъ постриженъ, и Никифоръ сдѣлался Императоромъ не въ 1076, а въ 1078 году. Г. Сестренцевичъ повторилъ сказаніе Татищева (Hist. de la Tauride I, 308), воображая, что оно взято изъ лѣтописей.

Въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна (стр. 312) сказано, что Новогородцы *выгнали* Глѣба, и что онъ, *бѣжавъ* за Волокъ, былъ тамъ убитъ Чудью — а

Татищевъ говоритъ: „Клью." Тѣло Глѣба погребено въ Черниговѣ Іюля 23, за церковію Спаса, близь могилы Святославовой. Въ житіи Никиты Печерскаго (Патер. л. 115) написано, что сей затворникъ угадалъ день Глѣбовой смерти и велѣлъ объявить о томъ Изяславу.

(134) Въ *Духовной Мономаха*, стр. 33: „И Святолавъ умре, и язъ паки Смоленьску, а (изъ) Смоленьска *той же зимѣ* та къ Новугороду, на „весну Глѣбови въ помочь" — воевавшему тогда, можетъ быть, съ сосѣдственною Чудью — „а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ, а на *другую зиму* съ Святополкомъ подъ Полтескъ, и ожгоша Полтескъ. Онъ иде „Новугороду, а язъ съ Половци на *Одрьскъ*" — описка вмѣсто *Дрьютескъ*, бывшій городъ Друцкъ на рѣкѣ Друцѣ въ Минской Губерніи — „а та „Чернигову. И пакы къ отцю придохъ Чернигову, и *Олегъ приде изъ Во„лодимеря выгаденъ*, и возвахъ й къ собѣ на обѣдъ съ отцемъ въ Черни„говѣ на краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривенъ золота" — то есть, 150 фунтовъ; но сіе число, означенное въ подлинникѣ буквою Т, кажется мнѣ сомнительнымъ; а другихъ списковъ Владимірова завѣщанія мы не имѣемъ. — Ежели Святославъ умеръ въ Декабрѣ 1076 году, то Владиміръ въ 1077, *весною*, ходилъ въ Новгородъ ко Глѣбу (еще до прибытія Изяслава, за годъ до Глѣбовой смерти); въ томъ же 1077 году, *лѣтомъ*, въ область Полоцкую со Всеволодомъ, въ Іюлѣ или въ Августѣ, когда уже Изяславъ возвратился; а *зимою* въ 1078 съ Святополкомъ, который оттуда отправился въ Новгородъ, чтобы заступить мѣсто Глѣба, въ семъ году убитаго. Олегъ, по сказанію Нестора, бѣжалъ изъ Чернигова въ Апрѣлѣ 1078 года, и могъ обѣдать у Владиміра или въ концѣ зимы, или въ началѣ весны.

(135) Несторъ именуетъ Ивана Жирославича, Тукія, Чюдина брата, и Порѣя, заключая: „и инии мнози въ 25." Думаю, что въ подлинникѣ стояло тутъ число съ *мѣсяцемъ*. Сраженіе было на берегахъ *Сожицы*: не *Оржицы ли*, между Золотоношею и Пирятинымъ?

Татищевъ пишетъ, что Святославичи не были довольны Тмутороканскою и *Муромскою* областями: ему хотѣлось приближить одну къ другой.

(136) Въ *Духовной* Мономаха, стр. 34: „И пакы и (изъ) Смоленьска же „пришедъ и проидохъ сквозѣ Половечьскыи вои, бьяся до Переяславля."— Несторъ: „Олга же тогда и Бориса не бяше въ градѣ" (въ Черниговѣ). Татищевъ сказываетъ намъ, что они ѣздили въ Тмутороканъ.

Далѣе: „Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ отъ Стреже„ни (рѣки Стрижени) и *отя* (отбивъ) врата, и отвориша градъ околній, „и пожгоша, и людемъ же вбѣгшимъ въ *днѣшній* градъ:" въ новѣйшихъ спискахъ справедливо поставлено: *„внутренній* градъ:" ибо слово *днѣ* означало *внутри*: такъ въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукоп. стр. 717) сказано: „позлащенъ *днѣ* и *внѣ*." Въ лѣтописи о мѣстѣ сраженія: „у села, на *Не„жатинѣ нивѣ*." — Далѣе: „Привезоша й (тѣло Изяслава) въ лодьи и по„ставиша противу *Городцу*, и изыдоша противу ему весь градъ Кыевъ." Сей Городецъ или Городокъ былъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кіева (см. выше, примѣч. 28).

Изяславъ убитъ 3 Октября 1078. Супруга его вдовствовала 30 лѣтъ и скончалась въ 1107 году.

(137) См. выше, стр. 72.

(138) Въ житіи Антонія (*Патер.* л. 2) сказано, что онъ въ первый разъ возвратился въ Россію при Владимірѣ, и жилъ близъ села Берестова въ пещерѣ, ископанной Варягами (см. ниже); при Святополкѣ ходилъ снова въ гору Аѳонскую, и вторично возвратился въ Княженіе Ярослава. Извѣстіе современнаго Лѣтописца достовѣрнѣе.

Далѣе Несторъ: „ископа (Иларіонъ) печерку малу двусажену." — Пишутъ (*Патер.* Кіевск. л. 193), что Антоній постригъ Иларіона: когда же? Первый былъ еще самъ бѣльцемъ, когда вторый уже пасъ Церковь. Слова Несторовы: „Богъ Князю вложилъ въ сердце, и постави й Митро„политомъ, а си печерка тако спа; *и не по многѣхъ* днехъ бѣ нѣкій че„ловѣкъ, именемъ мірскимъ (какимъ?) отъ града Любча, и вложи сему „Богъ въ сердце въ *страну* ити (т. е. въ чужую); онъ же устремился „въ Святую гору ..... И умоли Игумена (Аѳонскаго), дабы нань взло„жилъ образъ Мнишескы," и проч.

Лѣтописецъ сказываетъ, что пещеры находились подъ *ветхимъ монастыремъ:* ибо въ его время былъ уже новый монастырь, на другомъ мѣстѣ.

Далѣе Несторъ: „А самъ (Антоній) иде въ гору, и ископа печеру, яже „есть подъ новымъ монастыремъ, *въ ней же сконча животъ свой*, не вы„ходя изъ печеры лѣтъ сорокъ." Слѣдственно Антоній скончался не въ 1073 году, какъ означено въ *Патерикѣ* и *Никон. Лѣтоп.* а гораздо послѣ. Странно, что Издатель *Патерика* худо зналъ Нестора: иначе, опровергая въ предисловіи (л. 4) ложь Католиковъ о мнимомъ гробѣ Антонія, будто бы въ Римѣ находящемся, онъ сказалъ бы, что сей мужъ Святый, *по точнымъ словамъ нашего древняго Лѣтописца*, преставился въ Кіевѣ.

Далѣе Несторъ: „въ сиже времена приключися прити Изяславу изъ Ля„ховъ и нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ (за) Всеслава, *и присла* „въ ночь поя Антонья Чернигову." Въ *Патерикѣ* сказано, что Святославъ, узнавъ о семъ гнѣвѣ, прислалъ за Антоніемъ. Онъ жилъ тамъ на Болдиныхъ горахъ, въ пещерѣ, имъ выкопанной, гдѣ послѣ основали монастырь Св. Богородицы, и возвратился въ Кіевъ, можетъ быть, по вторичномъ изгнаніи Великаго Князя.

Слова въ *Патерикѣ*, л. 46: „случися имъ ити мимо *единого* села Печерскаго монастыря," доказываютъ, что монастырю принадлежали разныя села. См. тамъ же, л. 74, 77, 79, 80. Святославъ отдалъ подъ церковь загородное мѣсто, собственно ему принадлежавшее.

Далѣе сказано въ Патерикѣ, что Симонъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ тремя тысячами Варяговъ и многими Духовными, которые всѣ оставили Вѣру Латинскую для Греческаго православія; что Антоній предсказалъ Ярославичамъ несчастное слѣдствіе Альтскаго сраженія съ Половцами, а Симону долголѣтную жизнь и мирную кончину; что Св. Ѳеодосій, любя сего знаменитаго Варяга, далъ ему *прощальную* хартію или письменную молитву, которую съ *того времени начали* влагать въ руки умершихъ,

что Бояринъ Изяславовъ, именемъ Судиславъ Геуевичь или Климентъ, подарилъ въ монастырь двѣ гривны или фунтъ золота, (л. 46), также златый вѣнецъ и богатое Евангеліе, исполняя обѣтъ свой, произнесенный имъ въ часъ кровопролитной битвы.

Несторъ: „*Изяславъ же постави монастырь Св. Димитрія,* и выведе Варлаама *на Игуменство* къ Св. Димитрію, хотя створити выше сего мона-„стыря, надѣяся богатьству. Мнози бо монастыри отъ Царь и отъ Бо-„яръ и отъ богатства поставлени, но не суть таци (такіе), каци суть „поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ. Антоній бо не имѣ „злата, ни серебра, но стяжа слезами,“ и проч. Несторъ былъ краснорѣчивый Писатель своего времени.

Далѣе Несторъ: „(Ѳеодосій) совокупи братье числомъ *сто*, и нача ис-„кати правила Черничьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ Чернецъ мона-„стыря Студійскаго, *иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ Митрополитомъ* Ге-„оргіемъ, и нача у сего искати устава Чернецъ Студійскыхъ, и обрѣтъ „у него, и списа,“ и проч. Въ *Патерикѣ* сказано, что Монахъ Печерскій Ефремъ списалъ сей уставъ въ Константинополѣ (*Пат.* л. 100 на об. и выше, л. 42, 44 и 55).

Несторъ: „Братья несоша й (Ѳеодосія) въ келью и положиша на одръ, „и шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде къ нему Свято-„славъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ, и сѣдящама у него, рече ему Ѳеодосій: „*се предаю ти монастырь на сблюденье* .... Князь же цѣловалъ его,„ — и проч. И такъ Глѣбъ пріѣзжалъ въ то время (въ 1074 году) къ отцу своему въ Кіевъ.

Въ Кіевскомъ Патерикѣ Синодальной Библіотеки, писанномъ, думаю, въ XV вѣкѣ, въ посланіи Симона Епископа (жившаго въ XII вѣкѣ) къ блаженному Поликарпу находится слѣдующее: „Отъ того, брате, Печерска-„го монастыря мнози Епископи поставлени быша во всю Руськую землю, „яко отъ самаго Христа, Бога нашего, Апостоли во всю вселенную по-„слани быша. Первый *Ростовскій Леонтій Священномученикъ*, его же „Богъ прослави нетлѣніемъ, и се бысть первопрестольникъ, его же не-„вѣрніи, много мучивше, *убиша*; и се третій гражданинъ небесный бысть „*Руськаго* мра съ онѣма Варягома“ — убитыми въ Кіевѣ при Владимірѣ — „вѣнчався отъ Христа.“ Для чего въ печатномъ (л. 193) выпущено сіе любопытное мѣсто, которое свидѣтельствуетъ, что Леонтій Ростовскій былъ не Грекъ, присланный отъ Патріарха Фотія, тогда уже давно истлѣвшаго, къ Владиміру Святому (какъ пишутъ въ *Прологѣ*), а Россіянинъ и Монахъ Печерскій, Изяславовъ современникъ (см. Патерикъ л. 103)? И такъ *добродѣтельный Леонтій былъ дѣйствительно жертвою* своей ревности къ успѣхамъ Христіанства въ Ростовѣ? чего мы также не знали. — О Кукшѣ говоритъ Симонъ: „Вятичи крести и много чудеси створи. По многихъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ.“ Слѣдственно Вятичи приняли Вѣру Христіанскую или въ исходѣ XI или уже во XII вѣкѣ. Они *жили* въ Курской, Орловской и въ Калужской Губерніи: Брянскъ, Козельскъ, Мценскъ, называются *ихъ* городами въ лѣтописяхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ Писателей думали, что Вятичами называ-

лись жители города Вишки! — Далѣе Симонъ пишетъ къ Поликарпу: „Аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца *стараго Ростовскаго*.“ Думаю, что онъ называетъ такъ Несторову лѣтопись, переписанную въ Ростовѣ. Поликарпъ заключаетъ житіе Агапиты сими словами „якоже бла„женный *Нестеръ* въ лѣтописцѣ написа.“ Вѣроятно, что оба ссылаются на одну книгу.

Въ Патерикѣ, въ житіи Антонія (*л.* 3.), сказано, что Изяславъ за постриженіе любимца своего Ефрема и Варлаама разгнѣвался на Монаховъ Печерскихъ, и что Антоній со всею братіею хотѣлъ удалиться въ иную страну; но супруга Изяславова, *Ляхиня*, умолила Великаго Князя оставить ихъ въ покоѣ. Современный Лѣтописецъ не упоминаетъ о семъ вторичномъ гоненіи.

Варлаамъ, сынъ Іоанна и внукъ Вышаты, несправедливо, кажется, названъ тамъ правнукомъ *Остромира*. Знаменитый Новогородскій Посадникъ Остромиръ имѣлъ дѣйствительно сына Вышату, который въ 1064 году ушелъ съ Ростиславомъ въ Тмутороканъ; но могъ ли внукъ сего Вышаты быть постриженъ въ 1056 году (см. *Патер. л.* 97)? Дѣдъ Варлаамовъ былъ конечно главный Воевода Ярославовъ, плѣненный Греками (см. выше, стр. 30); сынъ его Іоаннъ, или Янь Вышатичь, около 1071 году собиралъ государственную дань на Бѣлѣозерѣ и послѣ былъ Тысячскимъ или Воеводою въ Кіевѣ (см. ниже и въ печатн. *Несторѣ* стр. 129).

(139) Memor. popul. II, 975.

(140) См. въ печат. *Нест.* стр. 123, и Memor. popul. II, 1036, 1037.

(141) Въ Ростов. Лѣт.: „Глаголюще, яко сіи жито держатъ, а сіи медъ, а сіи „рыбы, а сіи скору... Они же (волхвы) въ мечтѣ прорѣзавше за плечима, выни„маста любо жито, любо рыбы, или вѣверицу ... И бѣ у нихъ людей 300 чело„вѣкъ...Испытавъ (Янь), чія еста смерда, и рече: выдайте волхва, яко смерда мо„его Князя и моя. Они же не послушаша. Янь же самъ пойде безъ ору„жія, и рѣша Отроки: не ходи безъ оружія; изсрамотятъ тя. И бѣ 12 „Отроковъ съ нимъ, и пойде къ лѣсу. Они же исполчившеся... Яневи же „идущу съ топоркомъ, и выступиша отъ нихъ три мужа, глаголюще: ви„дя идеши на смерть. Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ пойде; и „они сунушася на Яня, и единъ грѣшися“ (промахнулся) „Яня топоромъ; „а Янь, оборотивъ топорокъ, удари тыліемъ, и повелѣ Отрокомъ сѣщи „я. Они же бѣжаша въ лѣсъ, и убиша ту Попина Янева. Янь же рече Бѣ„лозерцомъ: аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ за лѣто... и ре„че има: что ради изгубиша только человѣкъ? Они же рѣша, яко тіи „держатъ обиліе... аще ли хощеши, то предъ тобою выймевѣ жито или „рыбу. Янь же рече: лжета: сотворилъ Богъ человѣка отъ земли, соста„вленъ костьми и жилама и отъ крове, и нѣсть въ немъ ничто же,“ и пр. Далѣе говорятъ волхвы: „Богъ мывся въ мовници и вспотився, отре„ся *вѣхомъ*, и верже съ небесе на землю.“ *Вѣхъ* тоже, что ветошка.

Далѣе въ харатейныхъ: „и повелѣ Янь вложити *рубль* въ уста има и „привязати я къ *упругу* и пусти предъ собою (въ) лодьѣ.“ И такъ *рублемъ* называли клинъ, брусокъ, отрубокъ. *Упругъ* не есть ли мачта или щогла? Янь велѣлъ повѣсить злодѣевъ при устьѣ Шексны, тѣмъ людямъ,

у которыхъ они умертвили матерей, сестеръ или дочерей. Тѣла ихъ были съѣдены дикими медвѣдями. — Се случилось тогда, какъ Изяславъ находился въ изгнаніи, а братъ его, Святославъ, княжилъ въ Кіевѣ.

(142) См. Т. Ливія, кн. I, отдѣл. 56: itaque quum ad publica prodigia Etrusci tantum vates adhiberentur, etc. — Въ *Ростов. Лѣт.*: „ключися нѣкоему Новогородцу пріити въ Чудь къ кудеснику: онъ же нача призывати „бѣсы во храмину свою... Новогородцу же сѣдящу на празѣ. Кудесникъ же лежаше оцѣпенѣвъ, и шибе имъ бѣсъ... Онъ же (Новогородецъ) помянувъ на себѣ крестъ, и отшедъ постави крестъ кромѣ тоя храмины... „Онъ же (волхвъ) рече: бози наши живутъ въ безднѣ, образомъ черни и „крылаты, хвосты имуще; восходятъ же и подъ небо слушающе Бога „вашего; и аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то возносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ, той въ бездну. Иначеже женами бѣсовская волшвенія бываютъ; искони бо бѣсъ жену прельсти, а жена мужа... Жены „волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою," и проч.

(143) Топоръ былъ у него подъ *скутомъ*, говоритъ лѣтописецъ: т. е. спрятанъ подъ одеждою. Епископомъ Новогородскимъ, по новѣйшимъ лѣтописямъ и Каталогу, былъ тогда Θеодоръ. Объ немъ сказано въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: „свой песъ его уяде, и съ того умре." Мѣсто Θеодора заступилъ въ Новѣгородѣ Епископъ Германъ въ 1078 году, по сказанію *Никон. Лѣт.*

(144) Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ, что древній Россійскій городъ *Владимиръ* былъ не на Клязмѣ, а въ Волыніи близъ Турова. — Татищевъ отдаетъ сей послѣдній городъ не Ярополку, а Давиду, сыну умершаго Игоря Ярославича.

(145) Несторъ: „приде Романъ съ Половци къ *Воиню*. Всеволодъ же ста „у Переяславля и сотвори миръ съ Половци." И такъ урочище *Воинь* было не далеко отъ Переяславля. Нынѣ есть рѣка *Вюнка*, впадающая въ Остеръ. — Мономахъ въ своей *Духовной* говоритъ: „идохомъ Переяславлю и стахомъ въ обровѣ" — т. е. *околѣ*.

Романа умертвили 2 Августа. Несторъ: „суть кости его (Романовы) и доселѣ"... гдѣ? не сказано.

Читателямъ извѣстно, кто былъ Ростиславъ: внукъ Ярославовъ, отравленный ядомъ въ Тмутороканѣ. Давидъ и Володарь бѣжали туда 18 Маія — Татищевъ говоритъ: „первый изъ Турова, второй изъ Перемышля."

Игуменъ Даніилъ, современникъ Несторовъ, говоритъ въ своемъ *Хожденіи* или путешествіи ко Святымъ Мѣстамъ (см. ниже): „и въ томъ островѣ „(Родѣ) былъ Олегъ, Князь Руськы, двѣ лѣтѣ и двѣ зимѣ." По сказанію Нестора, сей Князь, сосланный въ 1079 году, возвратился уже въ 1083. Команы или Половцы, заключивъ миръ съ Императоромъ Никифоромъ въ 1078 году, были тогда союзниками и друзьями Грековъ (Memor. popul. III, 960). Татищевъ пишетъ, что Козары отвезли Олега въ Грецію; но они, какъ говоритъ Лѣтописецъ, были только совѣтниками Половцевъ. И такъ Болтинъ напрасно удивляется невѣжеству Щербатова, сказывая намъ, что „Половцы не могли отослать Олега въ Константинополь, не имѣвъ „никогда и никакой связи съ Греками." Козары Тмутороканскіе соста-

вляли часть войска Романова и брата его въ семъ несчастномъ для обоихъ походѣ.

Татищевъ разсказываетъ, что въ „сіе время — то есть, въ 1082 году — *Царь Нѣмецкій* Генрикъ присылалъ ко Всеволоду Епископа Ольмуцкаго Адельберта, упрашивая Великаго Князя итти войною на Гейзу, Короля Венгерскаго; что Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ и съ племянниками, Давидомъ и Ярополкомъ, выступилъ къ горамъ (Карпатскимъ), но возвратился, жалѣя войска, и послалъ Боярина Чудина къ Императору, стараясь примирить его съ Гейзою.“ Сего извѣстія нѣтъ въ лѣтописяхъ, и Короля Гейзы давно уже не было тогда на свѣтѣ (см. Прая Annal. Regum Hung. кн. II, стр. 77). — Татищевъ въ описаніи сего же лѣта говоритъ о морѣ, бывшемъ гораздо послѣ.

(146) См. *Духовн. Мономаха*, стр. 34, 35, 36. Владиміръ говоритъ: „тѣмъ „же пущемъ по Всеславѣ пожегъ землю, и повоевавъ до *Лукамля* и до „*Логожьска*, та на Дрьютьскъ воюя,“ и проч. Лукамль, нынѣ Лукомля, есть мѣстечко въ Могилевской Губерніи (въ округѣ Сѣннаго). Логожскъ былъ или тамъ же, или въ Минской Губерніи, гдѣ на Польскихъ картахъ означено мѣстечко Lohoysk. — Далѣе: „и на ту осень идохомъ съ Черниговцы „и съ Половци-Читѣевичи къ Меньску, изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ „у него ни челядина, ни скотины.“

Несторъ: „заратишася Торци *Переяславстіи*“ остатокъ народа кочующаго, отчасти истребленнаго моромъ въ 1060 году (см. выше).

Въ *Духовн. Мономаха* стр. 35: „А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и язъ шедъ съ Черниговцы и съ Половци, на Деснѣ изымахомъ Князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша, и на заутрее за „Новымгородомъ (Сѣверскимъ) разгнахомъ сильны вои Белкатгина, а „Семичи“ (которые жили по Семи) „и полонъ весь отъяхомъ. — А въ Вятичи „ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ первую зиму.... Томъ же лѣтѣ гнахомъ по Половцихъ за Хоролъ, „иже Горошинъ (на Сулѣ) взяша... И ходихомъ за Супой“ (рѣку впадающую въ Днѣпръ) „и ѣдучи къ Прилуку городу“ (въ Полтавской Губерніи) „и срѣтоша ны внезапу Половечьскіе Князи 8000, и хотѣхомъ съ ними *ради* битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и „внидохомъ въ городъ; только Семцю яша одиного живого, и смердъ нѣколико, а наши онѣхъ болѣ избиша и изымаша, и не смѣша ни коня поняти въ руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи, и заутра на Госпожинъ „день идохомъ къ Бѣлѣ Вежѣ (въ верховьѣ Остера), и Богъ ны поможе, „и Святая Богородица: избиша 900 Половецъ, и два Князя яша, Багубарсова брата Асиня (Осеня) и Сакзя, а два мужа только утекоста. И „потомъ на Святославль“ (городъ неизвѣстный) „гнахомъ по Половцихъ, „и потомъ на Торческый“ городъ (за Стугною отъ Кіева) „и потомъ на „Гюргевъ“ (Юрьевъ на Роси) „по Половцихъ. И паки на той же сторонѣ „у Красна“ (близъ Василева) „Половци побѣдихомъ, и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина „(можетъ быть, у Вороны, древняго городка на Сулѣ) „веже взяхомъ.“ — Мы не можемъ опредѣлить точнаго времени сихъ происшествій Всеволодова княженія, о коихъ Лѣтописецъ не упоминаетъ,

сказывая, что Олегъ сосланъ и Ратиборъ сдѣланъ Посадникомъ Тмутороканскимъ въ 1079 году; что Торки усмирены Владиміромъ въ 1080; что Давидъ и Володарь ушли Маія 18 и завладѣли Тмутороканемъ въ 1081; что въ 1082 умеръ *Осень* (а не *осенью*, какъ въ печатномъ) Ханъ Половецкій, отецъ Азпы и дѣдъ снохи Мономаховой (см. *ниже*), и что Олегъ возвратился изъ Греціи въ 1083.

(147) Татищевъ пишетъ, что Ярополкъ, уже изгнанный Ростиславичами *и Давидомъ Игоревичемъ*, пріѣхалъ въ Кіевъ; но въ лѣтописи: „при„ходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день; въ се же время выбѣго„ста Ростиславича два“ (о Давидѣ Игоревичѣ ни слова) „отъ *Ярополка* „и пришедше прогнаста Ярополка.“ Слѣдственно онъ прежде былъ у Всеволода. Надобно думать, что Ростиславичи, въ отсутствіе его завладѣвъ Княженіемъ, прогнали дядю, когда онъ возвращался въ свою отчину.

Объ Олешьѣ упоминается въ нашихъ лѣтописахъ 1224 году, когда Россіяне шли противъ Татаръ; оно названо во многихъ спискахъ Опшельемъ, въ другихъ именно Олешьемъ (*Новогор. Лѣт.* стр. 101), и есть нынѣшнее селеніе Алешки, противъ Херсона. Генуэзцы называли его Elice.

Древній городъ Дорогобужъ есть нынѣ мѣстечко того же имени на берегу Горыни, близъ Ровна.

(148) Мономахъ въ своей *Духовной* пишетъ только: „и пакы (ходихъ) „по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ.“ Слѣдственно и другой сынъ Изяславовъ, Святополкъ, Новогородскій Князь, возставалъ на дядю? Впрочемъ сіи слова не весьма ясны, и мы не хотѣли внести въ Исторію обстоятельства сомнительнаго. — Микулинъ былъ городъ Червенскій или Галицкій (см. *Никонов. Лѣтоп.* II, 85).

Татищевъ объявляетъ намъ, что *Ярополкъ* озлобился на Всеволода за то, что сей Князь отдалъ Дорогобужъ Давиду Игоревичу; а Болтинъ удивляется, что Щербатовъ не зналъ сего вымышленнаго обстоятельства! Татищевъ сказываетъ еще, что Мономахъ *отправилъ* въ Кіевъ мать и жену Ярополкову, а самъ *остался* въ Владимірѣ. Лѣтописецъ говоритъ: „матерь Ярополчю и жену его и дружину *приведе* Кыеву.“

Длугошъ по своему обыкновенію вымыслилъ, что *Болеславъ*, Король Польскій, хотя и не могъ самъ итти съ Ярополкомъ, но далъ ему отрядъ войска, который испугалъ Владиміра и заставилъ его примириться съ изгнанникомъ (Hist. Polon. кн. III, стр. 289). Длугошъ ошибся здѣсь въ лѣтосчисленіи *осмью* годами: въ 1086 царствовалъ уже *Владиславъ*, а не *Болеславъ*. — Татищевъ сказываетъ, что Всеволодъ возвратилъ Ярополку семейство и казну его. — Мономахъ въ своей *Духовной* три раза упоминаетъ о походѣ въ Владиміръ (стр. 35, 36, 38): „*и на ту весну* (хо„ходихъ) къ Ярополку совокупляться на Броды (городъ въ Галиціи) .... И „на ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь „велику створихомъ .... И потомъ ходивъ Володимерю, пакы Ярополка „посадихъ, и *Ярополкъ умре.*“

Звенигородъ существуетъ и нынѣ въ Галиціи подъ именемъ *Дзвиногрода*, между Станиславовымъ и Каменцемъ-Подольскимъ; онъ принадлежалъ пот-

да къ Владимірской области. — Другой Звенигородъ находится въ Кіевской Губерніи, недалеко отъ Богуславля.

Въ лѣтописи: „лежащу (Ярополку) на *возѣ*.“ въ Кенигсберг. спискѣ сей возъ нарисованъ и поставленъ на сани: искусный художникъ XVI вѣка догадался, что 22 Ноября могла быть зима! — Отроки Ярополковы, *Радко Вонкинъ* и другіе, отвезли его тѣло въ Владиміръ, изъ Владиміра въ Кіевъ.

(149) Несторъ, описывая собраніе Князей въ 1097 году, сказываетъ, что Давидъ Игоревичь и Ростиславичи взяли себѣ въ удѣлъ города *отданные имъ Всеволодомъ*: первый Владимірскую область, а послѣдніе Перемышль и Теребовль.

(150) Несторъ: „со псалмы и пѣсни проводиша до Св. Дмитрея, спрятавше „тѣло его, съ честью положиша й въ рацѣ мраморянѣ, въ церкви Св. Апо„стола *Петра*, юже бѣ самъ началъ здати прежъ, мѣсяца Декабря въ „5 день.“ Въ крещеніи онъ былъ названъ, думаю, Петромъ. Татищевъ прибавляетъ, что Кіевляне имѣли къ нему великую любовь, и желали, чтобы Ярополкъ княжилъ въ столицѣ по смерти Всеволодовой.

(151) Скоро увидимъ, что Посадники Черниговскаго Князя правили Муромомъ. — Татищевъ прибавляетъ (будто бы изъ Нижегородскаго и Макарьевскаго списка), что торгующіе Болгары, ограбленные на Окѣ и Волгѣ, жаловались Олегу и брату его, Ярославу, но не получивъ управы, взяли Муромъ. Въ сіе время Олегъ жилъ въ Тмутороканѣ: Татищевъ воображалъ сію область близъ Мурома. Онъ говоритъ еще о походѣ Всеволода *для усмиренія* Ростиславичей и войнѣ съ Поляками въ 1088 году: чего также нѣтъ въ лѣтописяхъ. Въ Ростовской и другихъ сказано только: „ходи Всеволодъ къ Перемышлю.“ Въ семъ году умеръ Никонъ, знаменитый Игуменъ Печерскій (см. его житіе въ *Патерикѣ*); а въ 1089, по лѣтописи Священника Іоанна, дочь Всеволодова (чего нѣтъ въ другихъ). — Въ 1091 году Игуменъ и Монахи Печерскіе отрыли мощи Св. Өеодосія и перенесли ихъ въ церковь. Самъ Несторъ выкопалъ ихъ (рогаліею или заступомъ) и собственными глазами видѣлъ, что составы тѣла не распались и волосы на головѣ лежали плотно (*притяскли бяху*). — Любопытные могутъ читать о томъ въ *Патерикѣ*; а мы замѣтимъ здѣсь одно обстоятельство: Епископъ Стефанъ, желая видѣть мощи, пріѣхалъ въ Лавру *на конѣ*. — Татищевъ *прибавляетъ*, что Великій Князь съ Княгинею и дѣтьми былъ на другой день въ монастырѣ Печерскомъ и послѣ далъ праздникъ у себя, во дворцѣ Кіевскомъ. — По *Воскресен. Лѣт.* Несторъ, говоря о пренесеніи мощей, прибавляетъ: „азъ грѣшный, иже и лѣтопи„саніе се въ то время писахъ.“

(152) „Въ си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, „якоже глаголаху продающе *корсты*, яко продахомъ *корсты* отъ Филип„пова дне до мясопуста 7000.“ Въ Кенигсбергскомъ спискѣ стоитъ *кресты*, а догадливый Издатель поставилъ *кресты*. Но корстами назывались гробы (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 488). — Слѣдственно въ Кіевѣ умирало тогда около ста человѣкъ въ день.

Затмѣніе солнца было, по сказанію Нестора, въ 1091 году, Маія 21 во второмъ часу дня: точно такъ показано и въ астрономическихъ табли-

цахъ, напечатанныхъ въ l'Art de verifier les Dates, T. I, стр. 72. Въ томъ же году случилось и землетрясеніе (*стукну земля*, говоритъ Несторъ), а въ 1092 какое-то знаменіе небесное (*яко кругъ бысть посредѣ неба*). — Осудимъ ли суевѣріе Нестора, когда и Ѳукидидъ, приступая къ описанію войны Пелопонесской, съ ужасомъ говоритъ о солнечныхъ затмѣніяхъ, чрезвычайныхъ засухахъ, тогда бывшихъ, и проч.; когда Титъ Ливій, исчисляя угрозы Неба при вступленіи Аннибала въ Италію, сказываетъ намъ, что курицы обращались тогда въ пѣтуховъ, а пѣтухи въ курицъ (кн. XXII въ началѣ)?

Несторъ: „въ се же лѣто (1091) Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за „Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и *кличаномъ* (крикунамъ) кликнув„шимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье." въ *Степенной* (стр. 229): „Хотя ему (Всеволоду) Богъ возбранити отъ само„утѣшнаго въ человѣцѣхъ обычая, иже съ богопротивнымъ волхвованіемъ „начать таковые позоры отчеругатель, Хама сынъ, именемъ Нимродъ, „гигантъ создавый Вавилонъ." Далѣе говоритъ Сочинитель, что *земля стукнула, когда* упалъ *змій*. — Духовенство, какъ видно, не одобряло звѣриной ловли, любимой охоты нашихъ древнихъ Князей. — Въ томъ же 1091 году являлся волхвъ въ Ростовѣ, *скоро* погибшій.

Далѣе въ лѣтописи: „Предивно бысть Полотьскѣ, въ нечтѣ бываше въ „нощи *тутно* станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣсы," и проч. Татищевъ изъясняетъ, что *Тутонъ* есть *Сарматское* имя *мертвеца*; но въ Куппенскомъ лексиковѣ 1653 году (стр. 174) показано, что *тутно* значитъ *громъ*. Лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что былъ шумъ на улицахъ.

(153) Въ *Большомъ Чертежѣ* Песоченъ названъ городомъ *Песочною*: нынѣ село въ Полтавской Губерніи. — Лѣтописецъ говоритъ *о трехъ* городахъ, взятыхъ Половцами; но именуетъ только два: Татищевъ дополнилъ его, назвавъ здѣсь городъ Устье, который находился близъ Переяславля (см. въ печатн. *Нест*, стр. 143).

Болтинъ, ссылаясь на лѣтопись Кривоборскаго, которая есть не что иное, какъ сокращеніе Несторовой, наполненное описками (она теперь у меня), говоритъ, что Василько воевалъ не Польшу, а Кіевскую область: ибо сей Князь, по словамъ нашего Критика, не имѣлъ причины тревожить Польскую землю. Болтинъ не вспомнилъ слѣдующихъ словъ Васильковыхъ (см. въ печатн. *Нест.* стр. 159): „азъ бо Ляхомъ много зла со„творилъ." Даже и Польскіе Историки описываютъ сію войну. „Василько — говоритъ Длугошъ, Hist. Pol. кн. III, стр. 320 — „узнавъ о бѣгствѣ Ко„роля Болеслава и нашихъ мятежахъ, съ наемными Половцами разорилъ „многія области Государства Польскаго." Далѣе онъ баснословитъ, что скоро вся Россія, будто бы до того времени подвластная его Королямъ, отложилась отъ Владислава (кн. IV, 316-317).

(154) Несторъ: „Се же Кыевѣ княжа, быша ему печали болше паче „неже сѣдящю ему въ Переяславли. Печаль бысть ему отъ сыновецъ (пле„мянниковъ) своихъ, яко начата ему стужати, хотя власти изъ." — Далѣе: „нача любити смыслъ уныхъ (юныхъ), свѣтъ (совѣтъ) творя съ ни„ми. Си же начата заводити негодовати дружины своея перныя и людемъ

„не ходити Княжей правды (на судъ Княжескій) и начата Тіуни грабити люди," и проч. — Хваля Всеволода, Лѣтописецъ говоритъ: „въздержася отъ пьянства и отъ похоти." Слѣдственно трезвость была тогда не весьма обыкновенною добродѣтелію.

(155) Ярославъ (какъ повѣствуетъ здѣсь Лѣтописецъ) сказалъ Всеволоду: „да ляжеши, идѣ же азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тебя „паче братьи твоей." — Онъ умеръ (въ 1093, а не въ 1094, какъ въ *Никон. Лѣт.*) въ Среду на Страстной недѣлѣ, и погребенъ въ Четвертокъ: доказательство, какъ спѣшили тогда хоронить мертвыхъ!

(156) Евпраксія постриглась въ 1106 году, а скончалась въ 1109, Іюля 10, Екатерина (по *Кіевск. Лѣт.* Ирина) въ 1108, Янка въ 1113 году. Евпраксія положена въ монастырѣ Печерскомъ у южныхъ дверей. Лѣтописецъ говоритъ: „и сдѣлаша надъ нею *божонку* (божницу), идѣ же лежитъ „тѣло ея." О Янкѣ сказано въ *Ростов. Лѣт.* (лист. 74, а въ печатн. *Воскрес.* I, 217): „въ лѣто 6594 (1086) Всеволодъ заложи церковь Св. Андрея, „и сотвори у нея монастырь, въ немъ же постр ижеся и дщи его дѣвою, „именемъ Янка, и совокупи Черноризицы многи, и пребываше съ ними по „монастырскому чину." Въ *Степен.* то же другими словами (стр. 228). Татищевъ прибавляетъ, что Монахиня Янка любила читать книги, и сама учила молодыхъ дѣвицъ грамотѣ, пѣть, шить и проч.

Вторая супруга Всеволодова, мать Ростислава (см. въ печатн. *Несторѣ* стр. 137 и 157), наименована Анною во многихъ спискахъ Нестора: кто она была, неизвѣстно. Миллеръ и другіе называютъ ее Княжною Половецкою: съ чего же? Сія Княгиня скончалась въ 1111 году Окт. 7, и положена въ монастырѣ Св. Андрея (см. *Кіевск. Лѣт*).

(157) Въ Chronic. Th. Engelhusen, въ *Лейбниц.* Script. Brunsv. II, 1090: Anno 1089 Imperator duxit filiam Regis Russorum (женился на дочери *Короля* Россійскаго). Тутъ Лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: „Желая испытать „цѣломудріе Агнесы, Генрикъ велѣлъ одному Барону искать ея любви. Она „не хотѣла слушать прелестника; наконецъ, докуками его выведенная изъ „терпѣнія, назначила ему мѣсто и время для тайнаго свиданія. Вмѣсто Барона явился самъ Императоръ, ночью, въ потемкахъ, и вмѣсто любовницы встрѣтилъ дюжихъ слугъ, одѣтыхъ въ женское платье, которые, „исполняя приказъ Императрицы, высѣкли его безъ милосердія, какъ оскорбителя ея чести. Въ мнимомъ Баронѣ узнавъ своего мужа, Агнеса сказала: для чего шелъ ты къ законной супругѣ въ видѣ прелюбодѣя? Раздраженный Генрикъ, считая себя обманутымъ, казнилъ Барона, а цѣломудренную Анну обругалъ съ гнусною жестокостію: нагую показалъ молодымъ людямъ, велѣвъ имъ также раздѣться." См. еще Гебгарди Erläuterung der Europ. Kayser-und Königl. Häuser, табл. 9, гдѣ приведены свидѣтельства разныхъ Нѣмецкихъ Лѣтописцевъ. Агнеса или Адельгейда чрезъ 3 года развелась съ Генрикомъ.

Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, называетъ Евпраксію только *Русскою дѣвою* (Ruthena puella), а Длугошъ (Hist. Pol. кн. IV, 312) именно родною сестрою Святополка, Изяславова сына (см. также Нарушев. Hist. Nar. Polsk. III, 22).

(158) Сей достопамятный остатокъ древности находится въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Старыхъ Софійскихъ правилахъ* (Синод. библ. No 82) подъ такимъ оглавленіемъ: „Іоанна Митрополита Рускаго, нареченнаго *Пророкомъ Христа*, написавшаго *Правило церковное* отъ Святыхъ книгъ вкратцѣ Іакову Черноризьцю." Здѣсь выписываю тѣ мѣста, о которыхъ упоминаю въ *Исторіи*:

„Иже дщерь благовѣрнаго Князя дають за мужъ въ иную страну, идѣ служатъ опрѣсноки и скверноядѣніемъ отметаються, не достойно и зѣло не подобно правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ. Съчтаніемъ (сочетаніемъ) Божественный уставъ и мірскый уставъ тоя же Вѣры благовѣрьство повелѣваетъ поимати."

„Прошалъ (спрашивалъ) о нѣкыхъ еси (*Черноризецъ Іаковъ*) иже купять челядь, створившимъ общихъ молитвъ, ядшимъ съ ними (*съ которыми они и молились и ѣли вмѣстѣ*), послѣди же продавше въ поганыя, которую симъ пріяти епитемью, и рчемъ, якоже рчено есть въ законѣ: креспьяна (*Христіанина*) человѣка ни Жидовину, ни еретику продати."

„Иже своею волею ходять къ поганымъ купли ради и скверньно ядять, сихъ отвѣщеваемъ къ схыщники и лихиманьники (лихоимцы) и неправедники и мездьники." Но далѣе говоритъ, что ихъ не должно за ихъ *скотолюбіе* (т. е. любовь къ *деньгамъ*) отлучать отъ церкви, но что имъ надобно очиститься молитвою.

„Иже третьи братучада поимають (*съ ними совокупляются*), аще и внѣшній законъ повелѣваетъ, нъ (*но*) и сихъ въ опитемью вложи." *Братучадами* первыми назывались двоюродные, т. е. дѣти двухъ братьевъ; вторыми внучатные, третьими правнучатные (см. Кормчую Книгу *о беззаконныхъ бракѣхъ*, гл. 51).

„Яко же еси реклъ, оже не бываютъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но Бояре токмо и Князи вѣнчаються; простымъ же людемъ яко именемъ и *плесканіемъ* разумъ даемъ всякъ.... Иже кромѣ (*внѣ*) Божественыя церкви, кромѣ (*безъ*) благословенія творяще свадбу, тайно поимаяніе нарчетъ (*должно назвать тайнымъ совокупленіемъ*). Иже тако поимають, яко же блуднымъ опитемьи дають." Сіе *плесканіе* (водою) конечно было въ Россіи остаткомъ языческихъ брачныхъ обрядовъ.

„Иже третья жену поялъ и Іерей благословилъ будетъ, вѣдая или не вѣдая, да извержеться."

„Подабаетъ воину наказаніе имъ (Іереямъ) дати" — т. е. Іереи *должны* наставлять воиновъ. Далѣе: „О горе вамъ, яко имя мое васъ ради хулу пріимаетъ въ языцѣхъ! Иже въ монастырехъ часто пиры творять, съзываютъ мужи вкупѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ другу преспѣваютъ, кто лучій творитъ пиръ (*стараются превзойти другъ друга въ пированіи*) .... подобаетъ сихъ всею силою възбраняти Архіереи, научающе.... яко пьянство зла много послѣдуетъ (*производитъ много иного зла*): невъздержаніе, нечистота, блудьство, нечистословіе; да не реку: и злодѣяніе! Къ симъ и болѣзнь тѣлесная."

„Иже свое подружіе оставять и поимають (*возмутъ*) иныхъ, такоже и жены (*если и жены оставятъ мужей*), не пріимаемъ въ причащеніе, дон-„деже престанутъ отъ грѣхъ. Такоже жену не-дѣвицю свари" (*накажи словами ту, которая выходитъ замужъ, утративъ дѣвство*).

Гдѣ же пеня денежная, будто бы собираемая нашимъ древнимъ Духовенствомъ съ прелюбодѣевъ, какъ означено въ мнимомъ церковномъ уставѣ Князя Ярослава (см. выше, примѣч. 108)? Епископы учили добродѣтели, а не корыстовались порокомъ, и наказаніе состояло единственно въ отлученіи отъ церкви. —

О чудесахъ, бывшихъ при строеніи Лавры Кіевской, см. въ *Патерикѣ* листъ 74 и слѣд. Повѣствуютъ, что огнь и роса чудесно ознаменовали мѣсто, гдѣ надлежало строить церковь Печерскую; что сама Богородица выслала изъ Царяграда зодчихъ въ Кіевъ, давъ имъ намѣстную икону свою, мощи Святыхъ Артемія, Полієвкта, Леонтія, Акакія, Аревы, Іакова, Өеодора, и что на сихъ мощахъ основаны церковныя стѣны, размѣренныя златымъ поясомъ Варяга Симона (см. выше): въ широту на 20 поясовъ, въ длину на 30, въ высоту на 50; что купцы Византійскіе, удивленные разными, бывшими тогда чудесами, подарили на украшеніе олтаря мусію, привезенную ими въ Кіевъ для продажи; что лице Богоматери само собою изобразилось въ олтарь, гдѣ работали Греческіе художники вмѣстѣ съ Св. Алимпіемъ, Монахомъ Печерскимъ, который учился у нихъ составлять мусію; что каменная дска и столпцы для престола были невидимою рукою внесены въ запертую церковь; что Ангелы призвали Епископовъ на освященіе храма, Іоанна Черниговскаго, Исаія Ростовскаго, Антонія Юрьевскаго, Луку Бѣлогородскаго, и пѣли: *кто есть сей Царь славы*, и проч. Все сказанное описано блаженнымъ Епископомъ Симономъ, который жилъ въ XII и въ началѣ XIII Вѣка. Говоря о мастерахъ и живописцахъ Византійскихъ, скончавшихъ житіе въ Кіевской Лаврѣ, онъ пишетъ къ другу своему, Св. Поликарпу (такъ въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ): „Суть же и нынѣ у насъ свитки ихъ въ полатахъ и книги „ихъ Греческія блюдоми въ памяти." Онъ разсказываетъ еще, что Мономахъ, въ юности своей исцѣленный отъ недуга златымъ поясомъ Варяга Симона, снялъ мѣру Печерской церкви и создалъ такую же въ своемъ Княженіи, въ городѣ Ростовѣ, а сынъ его Георгій въ Суздалѣ, означивъ на хартіи, гдѣ чему быть.

Несторъ называетъ здѣсь Кіевскую Лавру *Монастыремъ Өеодосіевымъ*. — При Всеволодѣ освятили еще церковь Св. Михаила Выдубицкаго или (какъ тогда именовали) *Всеволожа* монастыря, въ 1088 году.

(159) Несторъ: „его же людье вси рекоша: се *навье* (навъ) пришелъ." Во многихъ спискахъ поставлено: „се *нимъ* пришелъ." *Навъ* или *навье* означало *мертвеца*. Описавъ, какъ въ Полоцкѣ невидимые Духи убивали гражданъ, Несторъ прибавляетъ: „человѣци глаголаху, яко *навье* бьютъ Полочаны." Такъ объяснено сіе слово и въ *Каталогѣ Епископовъ*.

(160) Въ *Троиц. и Кенигсберг.* спискѣ: „въ се же лѣто (6597 или 1089) „преставися Іоаннъ Митрополитъ .... въ се же лѣто приведе Янка Ми-„трополита Іоанна скопчину .... отъ *года бо до* года пребывъ упре

„(слѣдственно въ 1090).... Въ се же лѣто (то есть, въ 1089) священа „бысть церковь Св. Михаила Ефремомъ, *Митрополитомъ тоя* церкви.... „бѣ бо *преже* въ Переяславли Митрополья." Въ *Ростов. Лѣт.* сказано, что *Митрополитъ* Ефремъ святилъ церковь Св. Михаила въ 1088 году, Митрополитъ Іоаннъ скончался въ 1089, другой Іоаннъ скопецъ прибылъ съ Янкою въ 1090, и въ томъ же году Митрополитъ Ефремъ, строитель Переяславской церкви Св. Михаила, заложилъ тамъ другія церкви. Слѣдственно въ *одно время* были въ Россіи Митрополитами Іоаннъ и Ефремъ? Надобно думать, что Всеволодъ, любя Переяславль, учредилъ тамъ особенную Митрополію, уничтоженную по его кончинѣ, ибо Несторъ говоритъ: „бѣ бо *преже*." Не разумѣвъ того, *Никон. Лѣт.* прибавилъ отъ себя: „живяху множае тамо (въ Переяславлѣ) Митрополиты „Кіевстіи и всея Россіи." Нѣтъ, Ефремъ не былъ *тогда Кіевскимъ*. Несторъ и въ 1091 году, описывая пренесеніе мощей Өеодосіевыхъ, называетъ сего Святителя Переяславскимъ; но быть можетъ, что онъ, по смерти Іоанна скопца, заступилъ его мѣсто и сдѣлался Митрополитомъ всей Россіи: съ чѣмъ согласенъ и *Каталогъ Епископовъ*, гдѣ Ефремъ показанъ Митрополитомъ Кіевскимъ съ 1092 году (Синод. библ. No 67). Болтинъ (*Примѣч. на Ист. Щерб.* II, 48., и слѣд.) ошибся, утверждая, что въ Россіи не бывало Ефрема Митрополита, и что во всѣхъ *Степенныхъ спискахъ* Іоаннъ скопецъ означенъ десятымъ, а Никифоръ первымънадесять Митрополитомъ. Во первыхъ что такое *Степенные списки*? Каталоги Епископовъ? или Степенныя книги? Но и въ тѣхъ и въ другихъ преемникомъ Іоанна скопца названъ Ефремъ, Ефремовымъ Николай, а Никифоръ уже Николаевымъ (см. ниже). Далѣе пишетъ Несторъ: „Се бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ; бѣ бо тогда много зданья воздвиже. Докончавъ церковь Св. Михаила (въ Переяславлѣ), заложи на воротѣхъ *городныхъ* во „имя Өеодора, и по семъ Св. Андрея отъ церкве у воротъ, и строенье „*банное* — сего же не бысть преже въ Руси — и *градъ* бѣ заложилъ „каменъ отъ церкве Св. Өеодора." *Никон. Лѣт.*, не довольный *баннымъ* строеніемъ, прибавляетъ, что Ефремъ завелъ больницы, гдѣ даромъ лечили бѣдныхъ, и что онъ тоже самое сдѣлалъ и въ *своемъ* городѣ *Мелитинѣ* (въ Малой Арменіи). Отдадимъ справедливость благоразумной догадкѣ Болтина, который *первый* замѣтилъ, что Несторъ подъ словомъ *градъ* разумѣетъ здѣсь *ограду* церковную, а *баннымъ* строеніемъ называетъ особенное зданіе, гдѣ ставили купѣль для крещенія взрослыхъ людей. Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи, дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ Христіанскихъ (на примѣръ, въ Софійской Цареградской) и назывались *Баптистиріонъ* (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles говоритъ Дюканжъ, стр. 174). Слово *баня* и въ нашемъ Новомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ крещенія (*баня пакибытія*, въ Посл. къ Тим. III, 5). Самъ Несторъ (въ *Никоновск.* II, 8) говоритъ о Христѣ: „*баню нетлѣнія* дарова, свою кровь за насъ излія." Невѣжды думали, что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи сего мѣста, предложенномъ въ особенной книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Ма-

лороссіи называется *банею глава церковная*, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви съ главами! Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ построенные еще до временъ Ефремовыхъ и донынѣ цѣлые, свидѣтельствуютъ противное. Мы; не ѣздивъ въ Кіевъ, знали, что Польское слово bania знаменуетъ какъ *главу*, такъ и всякое *круглое зданіе*) съ *круглою* кровлею.) — Въ *Патерикѣ* сказано, что Ефремъ скопецъ былъ первымъ Бояриномъ Великаго Князя, Изяслава, который гналъ Св. Антонія за постриженіе сего любимца; сказано еще, что Ефремъ, ходивъ въ Царьградъ, списалъ тамъ уставъ Студійскаго монастыря для своей Печерской обители: обстоятельство несогласное съ извѣстіемъ Лѣтописца (см. выше, примѣч. 138). Въ древнемъ *рукописномъ* Патерикѣ нѣтъ о томъ ни слова; однакожь Епископъ Симонъ въ письмѣ къ Поликарпу (см. выше) именуетъ Святителя Ефрема въ числѣ знаменитыхъ Печерскихъ иноковъ. Въ Каталогахъ онъ названъ Грекомъ (что и вѣроятно: ибо предки наши *не скопились*). Грекъ и евнухъ могъ постричься въ Кіевѣ; но сомнительно, чтобы такой человѣкъ былъ первымъ Вельможею Изяславовымъ (*предержай у него вся*).

(161) Вотъ что сказано въ Каталогѣ Епископовъ (лист. 7, Синод. Библ. No 67): „Повѣствуется же и сіе, яко во дни сего Митрополита (Ефре„ма) бѣ пренесеніе мощей Святителя Христова Николая изъ Миръ Ли„кійскихъ въ Баръ градъ Италійскій, и сей Митрополитъ уставилъ въ „Россіи праздновати той пренесенія Николаева праздникъ.“

(162) См. *Никонов. Лѣт.* Ч. I, стр. 192. Хр. Готл. Фризій въ сочиненіи: de Episcopatu Kiovien. Commentatio, пишетъ, что будто бы еще Ярославъ Великій просилъ Епископа у Папы Бенедикта VIII, и что Бенедиктъ въ 1021 году прислалъ въ Кіевъ Святителя Алексія, Болгарскаго уроженца, искуснаго въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ; что сей Алексій основалъ новую Кіевскую Епископію, и первый служилъ въ Софійской церкви, но долго терпѣвъ отъ зависти Греческаго Духовенства, наконецъ выѣхалъ изъ Россіи и скончался въ Болгаріи. Фризій ссылается на Орловія, также Никанора и Кассіана, писавшихъ de initiis Religionis Christianæ in Russia.

(163) Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 312, 313: „Сынъ Изяславль „(Святополкъ) иде къ Кыеву, и присла Всеволодъ внука своего (въ Нов„городъ) Мьстислава, сына Володимеря,“ и проч. Сіе обстоятельство, что Всеволодъ *тогда же* прислалъ въ Новгородъ Мстислава, утверждается словами пословъ Новогородскихъ въ 1102 году: „а сего (Мстислава) „ны далъ Всеволодъ, а вскормили есмы собѣ Князь“ (въ печатн. *Нест.* 167).

(164) Въ лѣтописи: „но свѣтъ (совѣтъ) створи (Святополкъ) съ пришед„шими съ нимъ.“ Далѣе говорятъ ему Бояре: „Аще бы пристроилъ 8000, „не лихо то есть.“ Татищевъ думалъ, что они говорятъ здѣсь о числѣ Половцевъ. — Далѣе: „наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ *про„дажъ*“ — т. е. отъ налоговъ, или отъ судныхъ пошлинъ.

Несогласіе было между Святополкомъ и Владиміромъ: ибо Ростиславъ во всемъ слушался брата. Лѣтописецъ говоритъ въ *двойственномъ* числѣ: *уладита, цѣловаста*, и проч. Соединенное войско стояло у Св. Михаила Выдубецкаго. Татищевъ, по своему обыкновенію, вымышляетъ здѣсь *причины* Княжеской ссоры.

(165) Торческъ есть нынѣ селеніе Торчица, на берегу Торчи, въ Пятигорскомъ уѣздѣ. Несторъ называетъ жителей сего города Торками (въ печати. стр. 137). Триполь или Треполь, на Днѣпрѣ, ниже Кіева. О Янѣ, Воеводѣ Кіевскомъ, см. въ печати. *Несш.* стр. 129. Лѣтописецъ (см. *Никон.* Ч. I, стр. 194), говоритъ, что Ѳеодосій весьма любилъ Яня и жену его, Марію, за ихъ благочестіе и согласіе. Однажды спросила у него Марія, гдѣ будетъ гробъ ея? „тамъ же, гдѣ и мой,“ отвѣтствовалъ Св. Игуменъ. Она дѣйствительно была погребена въ Лаврѣ, близъ Ѳеодосіева гроба.

(166) Въ лѣтописи: „межи валома:“ ибо тогда всякой укрѣпленный городъ былъ окружаемъ *двумя* валами, между которыми оставалось не малое пространство. — Неважныя прибавленія Татищева оставляемъ въ семъ мѣстѣ безъ замѣчанія.

Святополкъ ушелъ въ Триполь; оттуда же ночью въ Кіевъ.

Ростиславу было тогда 23 года: онъ родился въ 1070 году (въ печат. *Нест.* стр. 121), и погребенъ въ Софійской церкви близъ Всеволодова гроба. — Въ *Патерикѣ* (л. 132) написано, что Григорій, Чудотворецъ Печерскій, предсказалъ Ростиславу кончину его; что сей юный Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: „мнѣ ли смерть повѣдаеши отъ воды, умѣю„щу плавати посредѣ ея? самъ тоя вкусиши“ — и велѣлъ утопить святаго мужа.

(167) Въ лѣтописи: „на Желани.“ Нынѣ есть село Жиляны близъ Кіева и Бѣлогородки. — Несторъ (сказавъ, что сіе несчастіе случилось на канунѣ памяти Св. Бориса и Глѣба) пишетъ: „Бысть плачь въ градѣ, а „не радость, грѣхъ нашихъ ради . . . . Се бо на ны Богъ попусти пога„ныхъ, и не яко милуя ихъ, но насъ кажа (наказывая); се бо есть батогъ „Его.... Въ *праздники* Богъ намъ наводитъ сѣтованье: яко же ся створи въ се лѣто первое зло на Вънесенье Господне, второе же въ празд„никъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ *новый* Руськыя земли.“ — Половцы, оставивъ Торческъ, грабили между Кіевомъ и Вышегородомъ (въ лѣтописи: „пустиша *на воролѣ*“). Татищевъ говоритъ, что Половцы отняли воду у жителей Торческа, пересыпавъ рѣку и давъ ей другое теченіе; говоритъ еще, что они разбили Святополка посредствомъ употребленной ими хитрости: въ лѣтописи нѣтъ ни того, ни другаго обстоятельства. — Въ сіе время (г. 1093) умеръ Ростиславъ, сынъ Мстислава, извѣстнаго по его злодѣянію въ Кіевѣ (см. выше, стр. 74) и внукъ Изяслава. Въ *Кенигсберг.* онъ названъ ошибкою сыномъ Изяславовымъ.

(168) Сказаніе о женитьбѣ Святополка во многихъ спискахъ пропущено, но есть въ *Кенигсберг.*, *Ростов.* и проч. — Святополкъ, по харат. *Новогород. Лѣт.* (стр. 3) родился въ 1050 году. На комъ онъ былъ же-

тать прежде, неизвѣстно; но тогда имѣлъ уже взрослаго сына, *Ярослава* (*или Ярославца*) и двухъ дочерей (см. ниже).

Несторъ: „се уже третіе наведе (Олегъ) поганыя на Русьскую землю.“ Издатель печатнаго Нестора безъ всякаго смысла поставилъ здѣсь *Бога*, вмѣсто *Олега*, который дѣйствительно въ *третій* разъ привелъ тогда варваровъ съ собою: 1) вмѣстѣ съ Борисомъ, 2) съ Романомъ (см. выше, стр. 82, 91).

Мономахъ пишетъ въ своей *Духовной* (стр. 38): „Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бипася дружина моя съ нимъ 8 дній о малу..... Не вдадуче имъ въ острогъ“ (здѣсь не льзя разобрать нѣкоторыхъ словъ)..... Жаливси Хрестьяныхъ душь и селъ горящихъ, „и монастырь, и рѣхъ: *не хвалитеся поганымъ* — и вдахъ брату отца „своего мѣсто (городъ)... И выидыхомъ на Св. Бориса день изъ Чернигова... И ѣхахомъ (стр. 33) сквозѣ полкы Половечьскіе не въ 100 дружинѣ“ (т. е. съ нимъ было менѣе 100 человѣкъ) — „и съ дѣтьми и съ „женами, и облизахутся на насъ акы волци стояще.“

(169) Сіе прекрасное мѣсто лѣтописи Несторовой выпущено Издателемъ (см. оное въ *Никон. Лѣт.* Ч. II, *7 и* 8). Далѣе говоритъ Лѣтописецъ: „и не бѣ сего слышано въ днехъ первыхъ въ земли Русьстѣй, яже „видѣста очи наша за грѣхи наши.“

Въ семъ же 1094 году скончался Владимірскій Епископъ, Св. Стефанъ, Апрѣля 27. Онъ былъ Печерскимъ Игуменомъ послѣ Ѳеодосія, достроилъ славную церковь Богоматери, перевелъ Монаховъ въ новый монастырь, оставивъ нѣкоторыхъ въ старомъ для погребенія тамъ мертвыхъ, и первый уставилъ пѣть Литургію за умершую братію и блаженныхъ *Ктиторовъ* или строителей храмовъ. Изгнанный (неизвѣстно, за что) иноками Печерскими, Стефанъ основалъ другой монастырь, близъ Лавры, на Кловѣ, во имя Богоматери Влахернской, и въ память ея чудеснаго явленія художникамъ Греческимъ, посланнымъ ею въ Кіевъ для украшенія Лавры (см. выше, примѣч. 153). Наконецъ онъ былъ Владимірскимъ Епископомъ (см. Кіевск. *Патер. л.* 89 и 90).

(170) Святополковъ Бояринъ, Славята, начальствовалъ надъ ними; однакожь не онъ, но дружина уговорила Владиміра быть клятвопреступникомъ (Татищевъ ошибся). Далѣе: Присла Володимеръ отрока своего „Бандюка по Итлареву чадь, и рече Бандюкъ Итлареви: зоветь вы „Князь Володимеръ, рекъ тако: *обуващеся въ теплѣй избѣ, заутрокавше у* „*Ратибора, прїидете ко мнѣ*. И рече Итларь: тако буди. Яко влѣзоша въ „*истопку* (въ горницу), тако запрени быша. Влѣзше на истопку, про„копавша верьхъ, и тако Олбегъ Ратиборичь прїимъ лукъ свой и наложивъ „стрѣлу, удари Итларя въ сердце.“

(171) Татищевъ искалъ Юрьева при устьѣ Остера; но сей городъ стоялъ на берегу Роси. Въ Несторѣ: „придоша Половци къ Гюргеву, стояша около его лѣто все и мало не взяша его. Святополкъ же омири ѐ. „Половци же не идоша за *Рось*“ — слѣдственно тутъ былъ Юрьевъ — „Гюргевци же выбѣгоша и идоша Кыеву“ (съ Епископомъ Мариномъ). Въ Кодиновой росписи Епархій, подчиненныхъ Кіевской Митрополіи, также

сказано, что Юрьевъ на берегу Роси: o agios Georgios eis ton Rooson potamon (см. Memor. popul. II, 1037).

Лѣтописецъ говоритъ что Половцы сожгли *оставленный* жителями Юрьевъ, и что Великій Князь, построивъ Святополчь на *Витечевѣ холмѣ*, населилъ сей городъ Юрьевцами, также *Засаковцами*, и проч. Городъ *Витичевъ* былъ на Днѣпрѣ, ниже Кіева (см. *Больш. Чертежъ*): тамъ, вѣроятно, находился и Святополчь, о коемъ еще упоминается въ лѣтописяхъ при нашествіи Татаръ въ 1224 году. Юрьевцы скоро возвратились на прежнее свое мѣсто (см. ниже). Саковъ былъ гораздо ниже Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, примѣч. 398).

(172) Въ харат. *Новогород.* стр. 8: „въ лѣто 6603 иде Святопълкъ и Во„лодимеръ на Давыда Смольнску, и вдаша Давыду Новъгородъ.“ Въ *Новогород.* Попа Іоанна, стр. 313: „княживъ пять лѣтъ (Мстиславъ въ Но„вѣгородѣ), иде къ Ростову; а Давыдъ приде къ Новугороду княжить, и „*по двою лѣту* выгнаша й, и приде Мьстиславъ опять.“ Если Давидъ, какъ сказано выше, въ 1095 году изгнанъ изъ Смоленска, то онъ не жилъ *двухъ лѣтъ* въ Новѣгородѣ: ибо Мстиславъ возвратился изъ Ростова въ томъ же 1095 году.

Татищевъ пишетъ *отъ себя,* что „Владиміръ самъ ѣздилъ тогда въ Новгородъ; что жители дали клятву быть вѣрными Мстиславу до его смерти и не имѣть иныхъ Князей, кромѣ Мономаховыхъ потомковъ; что Владиміръ женилъ Мстислава на Крестинѣ, *дочери Новогородскаго Посадника,*“ и проч.

Сей Историкъ назвалъ Изяслава Княземъ Смоленскимъ, разсказывая, что Давидъ выслалъ его изъ Смоленска, и что самъ Владиміръ Мономахъ велѣлъ сыну занять Муромъ; но мы увидимъ ниже, что Мономахъ былъ недоволенъ симъ Изяславовымъ поступкомъ. — Нѣтъ также въ лѣтописяхъ, чтобы Олегъ (какъ пишетъ Татищевъ) грабилъ Ростовскую и Суздальскую землю, и чтобы Владиміръ въ 1095 году воевалъ съ Херсонцами.

Въ Несторѣ: „въ се же лѣто (1095) придоша *прузи* (саранча) Іюля въ 28 „день, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно; идяху къ полунощнымъ „странамъ, ядуще траву и проса.“ Здѣсь Стрыковскій, а за нимъ и Щербатовъ, говорятъ о нападеніи *Пруссовъ* на Россію!

(173) Олегъ ушелъ Маія 3 изъ Чернигова въ Стародубъ, который былъ въ осадѣ 33 дни. Татищевъ пишетъ, что Святополкъ хотѣлъ сжечь Стародубъ, но Владиміръ тому воспротивился; что они сдѣлали *приметъ* къ стѣнамъ (т. е. обклали оныя деревомъ) и грозили обратить городъ въ пепелъ, желая единственно устрашить жителей; что Великій Князь и Мономахъ, смиривъ Олега, тайно между собою положили отдать сму Муромъ, Давиду Святославичу Черниговъ, братьямъ его, Ярославу и *Святославу, Сѣверскую землю* и Тмутороканъ, а Смоленскъ Изяславу Владиміровичу. Но Сѣверскою землею называлась самая Черниговская область, и *Святослава* Святославича не бывало.

(174) Въ лѣтописи: „воева Куря съ Половци у Переяславля, и Устье пож„же.“ Слѣдственно сіе мѣсто находилось близъ Переяславля, вѣроятно при самомъ устьѣ Трубежа.

Далѣе: „и придоста къ *Зарубу*, перебродистася." И сіе мѣсто было на западномъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Трубежа, гдѣ въ *Большомъ Чертежѣ* (стр. 146) означена гора *Зарубина*.

Далѣе: „*акы тестя* своего и врага (Святополкъ Тугоркана) привезше „и Кыеву, погребоша и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другимъ въ монастырь идуще." Татищевъ говоритъ о высокой могилѣ. — Далѣе: „того же мѣсяца (Іюня), въ Пятокъ, приде второе Бонякъ безбожный *шелудивый* отай (тайно) хыщникъ Кыеву внезапу, и „мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша *болонье*" — (не *лѣсъ*, какъ сказано въ Академическомъ словарѣ, а пространство между двумя городскими валами, гдѣ бывали огороды, нѣкоторыя строенія, пастбища для скотины: *см.* выше, примѣч. 166, *Ростов. Лѣт. л.* 80 на обор. и Болт. Примѣч. на Истор. Щерб. II, 194) — „И взвратишася въ монастырь и выжгоша „Стефановъ и деревней Германѣ" — не *деревни*, какъ думалъ Татищевъ, а „*деревянный* Германовъ — „и придоша въ монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря и поставиша *стяга* (знамя) два предъ враты монастырьскыми; намъ „же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ взбѣгшимъ на полати. Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата и поидоша по кельямъ, „высѣкающе двери, выношаху аще что обрѣтаху въ кельи. По семъ вы„жгоша домы Св. Владычицы и придоша къ церкви и зажгоша двери, еже „къ Угу (Югу) устроеніи, и вторыя еже къ Сѣверу, влѣзше въ притворъ „у гроба Θеодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога „и законъ нашъ. Богъ же терпяше: еще бо не скончалися бяху грѣси „ихъ. Тѣмъ глаголаху: *гдѣ есть Богъ ихъ* (Русскихъ)? *да поможетъ имъ*. „И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмѣхающеся: не вѣ„дуще, яко Богъ кажетъ (наказываетъ) рабы своя напастьми ратными, да „явятся яко злато искушено въ горну. Хрестьяномъ бо многыми скорбь„ми внити въ царство небесное; а симъ поганымъ и ругателямъ, на семь „свѣтѣ пріимшимъ веселье и *просторечество* (просторъ, покой), а на ономъ „свѣтѣ пріимуть муку.... Убиша нѣколико отъ братья нашея," и проч.

Вѣроятно, что Бонякъ спѣшилъ удалиться, свѣдавъ о несчастіи Тугоркана. Мономахъ въ Духовной пишетъ (стр. 400): „Идохомъ съ Святополкомъ на Боняка, за Рось."

Сей Ханъ взялъ тогда въ плѣнъ двухъ святыхъ Печерскихъ иноковъ, Евстратія Постника и Никона Сухаго (*см. Патер. л.* 172 на об.).

(175) Въ харатейной *Пушк.* и въ другихъ: „Олегъ же выйде изъ Стародуба и приде Смоленьску, и не пріяша его Смольняне, и иде къ *Рязаню*" (Рязани: здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ городѣ). Слѣдуетъ описаніе войны съ Половцами, а тамъ: „Олгови обѣщавшося прити съ братомъ (Давидомъ) Кыеву и обрядъ (порядокъ) положити, и не восхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смоленьску, и поимъ вои, пойде къ Мурому." Татищевъ счелъ за нужное прибавить, что Давида не было тогда въ Смоленскѣ, и что сей Князь находился въ Торочцѣ. Но смѣлый народъ часто дѣлалъ по своему въ древней Россіи, не слушаясь Князей, и граждане Смоленскіе могли, въ противность Давидовой волѣ, не принять

Олега, боясь его безпокойнаго характера. — Замѣтимъ, что упомянутый городъ Торопецъ уже существовалъ въ сіе время. Несторъ, описывая житіе Черноризца Исакія, называетъ его Торопчаниномъ (въ *Никонов*. Ч. I, стр. 174). — Изяславъ убитъ подъ Муромомъ. О воинахъ его говоритъ Лѣтописецъ: „побѣгоша овы черезъ *лѣсъ*, друзіи въ городъ." Татищевъ, вмѣсто лѣса, написалъ рѣку *Лесію*.

(176) Лѣтописецъ: „Мстиславъ же сдумавъ съ Новгородци и посласта Добрыню;" а Татищевъ все распложилъ. Далѣе: „Токмо остави (Олегъ въ Суздалѣ) дворъ монастырскій (*Печерскаго* монастыря) и церковь, яже тамо есть „Св. Дмитрея, еже бѣ далъ Ефремъ и съ селы." Суздаль, будучи Всеволодовымъ городомъ, принадлежалъ къ Епархіи Ефрема Переяславскаго.

(177) Сіе письмо взято изъ древнѣйшаго харатейнаго списка Несторова, т. е. Пушкинскаго, и напечатано вмѣстѣ съ *Духовною* Мономаха, стр. 48 и слѣд. Оно было послано или съ Вячеславомъ или въ тоже время, ибо Владиміръ говоритъ въ своей грамотѣ, что сей меньшій сынъ его находится съ братомъ Мстиславомъ въ дѣдовской области (стр. 57), но писано еще прежде Олегова изгнанія изъ Мурома — что доказывается словами: „а ты (Олегъ) сѣдиши въ своемъ" (удѣлѣ). — Я ничего не прибавилъ, а только сократилъ. Вотъ нѣкоторыя изъ сихъ мѣстъ въ подлинникѣ (стр. 52): „А мы что есмы? Человѣци грѣшни, ли сей день живи, „а утро мертви; день въ славѣ и въ чти, а заутра въ гробѣ и безъ памяти: иніи собранье наше раздѣлять. Зри, брате, отца наю" (нашихъ двухъ отцевъ): „что взяста, или чимъ има порть? Токмо оже еста" (они двое сотворили) створила души свои" (душѣ своей) .... „И бяше тебѣ „зрѣвше кровь его (Изяславову) и тѣлу увянувшю, яко цвѣту нову „процвѣтшю, якожь агнцю заколену, и рещи бяше стояще надъ нимъ: „*Увы мнѣ! что створихъ? Свѣта сего мечетнаго* (мечтательнаго) „*кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы*. . . . . „А сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсь въ ней ни зла, ни добра, да „быхъ обуимъ оплакалъ, мужа ея и оны сватбы ею въ пѣсни имѣсь" — (думаю, *которая въ пѣсняхъ* совершилась) — „не видѣхъ бо ею (ихъ двухъ) „первѣе радости, ни вѣнчанья ею за грѣхи своя! А Бога дѣля пусти ю ко „мнѣ вборзѣ (скоро) съ первымъ словомъ, да съ нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядетъ акы горлица на сусѣ древѣ жалѣючи, а язъ утѣшуся о Бозѣ." Надобно думать, что Изяславъ, подобно Мстиславу крестный сынъ Олеговъ, женился въ Ростовѣ или въ Муромѣ, не за долго до кончины своей. Далѣе, въ подлинникѣ стр. 55, 57: „да не выискивати „было чужего, ни мене въ соромъ, ни въ печаль ввести; научиша бо и „паробци (слуги), да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. „Ожели кто (изъ) васъ не хочетъ добра, ни мира Хрестьяномъ, а не „буди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его." Мономахъ говоритъ еще въ письмѣ: „съ братомъ твоимъ (Давидомъ) *рядилися* (а не *родилися*, какъ въ печатномъ) „есвѣ" (мы *двое*, т. е. Святополкъ и Владиміръ) „а не поможетъ" (не можетъ) „рядитися безъ тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже; ни рекла есвѣ" (мы *двое* не сказали ему): *слы ко брату, донделѣ утадимся*." Видно, что Олегъ, взявъ Ростовъ, отвѣти-

ствовалъ тѣмъ миролюбивому Мстиславу: *сли къ отцу*, и проч. — Въ харатейной лѣтописи за Мономаховою грамотою слѣдуетъ молитва къ Богоматери, выписанная также (какъ вѣроятно) изъ бумагъ Владимировыхъ.

(178) Въ лѣтописи: „и наста Ѳеодорова недѣля поста и приспѣ Ѳеодорова Суббота" (т. е. первой недѣли, день, въ который обыкновенно отправляется служба Св. Мученику Ѳеодору) — „а Мстиславу сѣдящю на „обѣдѣ, приде ему вѣсть," и проч. Въ сіе время Ѳеодорова Суббота была (по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Января) 1097 году, Марта I. Далѣе: „И вдасть Мстиславъ *стягъ* Володимирь (знамя Владимирово) Половчину, именемъ Кунуй;" (а Татищевъ назвалъ самого Половчина *Владиміромъ Куманомъ*) — „И вдавъ ему пѣшьцѣ (пѣхоту) и постави й на правѣмъ крылѣ, и заведъ Кунуй пѣшьцѣ, напя (натянулъ) стягъ Володимерь, „и убояся (Олегъ) .... *И* поидоша къ боеви противу собѣ, Олегъ противу Мстиславу, и *Ярославъ* (братъ Олеговъ) противу *Вячеславу*. Мстиславъ же, перешедъ пожаръ" (выжженныя Олегомъ мѣста) „съ Новогородци и ступишася на Кулачьцѣ" (не рѣкѣ ли Каменкѣ?) „и бысь брань „крѣпка, и нача одолати (одолѣвати) Мстиславъ, и видѣ Олегъ, яко стягъ „Володимірь нача заходити въ тылъ его, побѣже." Татищевъ украсилъ описаніе битвы многими подробностями, и пишетъ, что Мстиславъ имѣлъ въ рукахъ своихъ жену и дѣтей Олеговыхъ; что онъ, взявъ Муромъ, вынулъ тѣло брата и велѣлъ отвезти въ Новгородъ. Перваго обстоятельства нѣтъ въ лѣтописяхъ; что касается до втораго, то Лѣтописецъ, сказавъ о смерти Изяславовой, *непосредственно* говоритъ: „Положиша й „въ монастыри Св. Спаса, и оттуду перенесоша й Нову городу:" должно заключить, что это было еще прежде Мстиславовой побѣды. — Описаніе сей войны также опровергаетъ мнѣніе Щербатова и другихъ, которые утверждали, что Владиміръ на Клязмѣ существуетъ съ X вѣка: если бы между Суздалемъ и Муромомъ былъ тогда городъ, то Лѣтописецъ безъ сомнѣнія упомянулъ бы объ немъ. Я думаю, что сіе описаніе внесено въ Несторову лѣтопись какимъ нибудь очевидцемъ, т. е. Муромскимъ, Суздальскимъ или Ростовскимъ жителемъ: оно подробностію своею отличается отъ всѣхъ Несторовыхъ сказаній. Индиктъ и годъ означены въ концѣ: чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ: „Пойде (Мстиславъ) Новугороду, „въ свой градъ, молитвами преподобнаго *Епископа* (а не Архіепископа) Никиты. Се же бысть исходящю лѣту (6604), Индикта 4 на полы." Мстиславъ началъ воевать съ Олегомъ въ Февралѣ 6604, но возвратился уже въ 6605 году по тогдашнему лѣтосчисленію съ Марта. Сраженіе подъ Суздалемъ было уже въ началѣ 6605: такъ и показано въ харатейной Новогородской, съ прибавленіемъ, что въ томъ же году сгорѣло зарѣчье (онъ полъ) и дѣтинецъ (замокъ или крѣпость), и побила *Княжу чадь* (вѣроятно людей Княгининыхъ) въ Новѣгородѣ. — *Въ Никон. Лѣт.* сказано, что Владыка Новогородскій, Никита, поставленъ въ 1096 году на мѣсто Германа умершаго въ 1095. Сей Никита на свои деньги велѣлъ расписать Св. Софію и скончался въ 1108 году. Преемникомъ его былъ Іоаннъ (см. *Нов. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 377).

Татищевъ пишетъ, что въ 1096 году умеръ Митрополитъ Ефремъ, и что Великій Князь на его мѣсто избралъ Святителя *Полоцкаго* Никифора, *поставленнаго Епископами Россійскими*. Историкъ нашъ не замѣтилъ, что прежде Никифоръ былъ еще Митрополитомъ Николай.

(179) О семъ древнемъ обыкновеніи см. въ печатн. *Несш.* стр. 165, гдѣ Владиміръ говоритъ Давиду: „сѣдиши съ братьею на *одномъ* коврѣ." — Штриттеръ, видя въ *Никонов.* слова: „сняшася на *любяч* (вмѣсто *на Любечѣ*) пишетъ, что собраніе Князей было въ Кіевѣ. Но Лѣтописецъ говоритъ далѣе: „цѣловавшеся пойдоша въ свояси, и *приде* Святополкъ *Кыеву*: слѣдственно изъ другаго мѣста. — Здѣсь Татищевъ влагаетъ въ уста Святополку длинную рѣчь. Слова Несторовы: „глаголаша (всѣ Князья) къ собѣ рекуще: *на что губимъ Русьскую* землю, сами на ся котору (вражду) дѣюще," и проч.

Въ раздѣлѣ городовъ не упоминается о Смоленскѣ; но обстоятельства доказываютъ, что сей городъ остался за Владиміромъ. Въ лѣтописяхъ сказано, что Мономахъ въ 1100 или въ 1101 году (см. въ *Никонов.* Ч. II, стр. 33) основалъ въ *Смоленскѣ* каменную церковь Богородицы. Къ тому же Владиміръ въ своей *Духовной* (стр. 40. и 42) пишетъ, что онъ, заключивъ миръ съ Давидомъ Святославичемъ, и женивъ сына на Аэпиной дочери (см. ниже), часто ѣздилъ въ Смоленскъ и Ростовъ.

Вообще сіе извѣстіе о тогдашнемъ раздѣлѣ государства искажено отчасти писцами отчасти нашими Историками. Въ *Пушкин.*: „Придоша Святополкъ, Володимеръ, Давидъ Игоревичь и Василько Ростиславичь и Давидъ *Ростиславичь* (вмѣсто *Святославича*) и братъ его Олегъ" — и проч. Далѣе: „кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ *Изяславль* (Изяславовъ). Володимеръ Всеволожъ" (*Всеволоже*, т. е. что принадлежало Всеволоду) „Давидъ и Олегъ и Ярославъ и *Святославлъ*" (вмѣсто: *Святославле*, или что принадлежало Святославу) — „а имъ же розъдаялъ Всеволодъ городы Давиду (Игоревичу) Володимеръ, Ростиславичема (двумъ Ростиславичамъ) Перемышль Володареви, Теребовль Васильковы." Но въ *Ростов. Лѣт.* (л. 83 на обор.) нѣтъ здѣсь ни одной описки. — Татищевъ говоритъ о *сыновцахъ* или родныхъ племянникахъ Святополковыхъ; о Новѣгородѣ, отданномъ тогда Великому Князю; *о Тмутороканѣ*, Удѣлѣ Святославичей. Лѣтописецъ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ. Въ Новѣгородѣ княжилъ Владиміровъ сынъ, Мстиславъ, до 1102 году (см. ниже). — Теребовль есть нынѣ мѣстечко въ Галиціи на рѣкѣ Серетѣ и называется Трембовла.

(180) См. выше, стр. 94.

(181) И такъ сіи города принадлежали къ области Кіевской. — Святополкъ, отвѣтствуя посламъ Владиміра и Святославичей (см. ниже), сказываетъ, что онъ боялся еще потерять Берестье (Брестъ) и *Поборину*: *не Погорину ли*, т. е. мѣста по рѣкѣ Горыни? Василько стоялъ близъ Кіева станомъ на рѣчкѣ Рудицѣ. — Татищевъ сказываетъ, что сей Князь за *домашнею нуждою* спѣшилъ въ Теребовль; но Василько, по словамъ Лѣтописца, отвѣтствовалъ Святополку: „не могу ждати, еда будетъ рать дома." — Татищевъ прибавляетъ еще, что Святополкъ и Давидъ не смѣ-

ли сдѣлать никакого зла Мономаху, весьма уважаемому народомъ. — Давидъ посылалъ и своего человѣка звать Василька, приказавъ ему сказать: „не ослушайся *брата* старѣйшаго:“ *дяди*; но Князья обыкновенно назывались тогда братьями.

(182) Въ лѣтописи: „пріѣха въ малѣ дружинѣ (Василько) на Княжь дворъ „и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша въ *истопку* (горницу) .... „И рече Святополкъ: *да заутракай, брате, посѣдита вы здѣ, а азъ лѣ„зу, наряжу* .... И не бѣ въ Давидовѣ гласа, ни послушанья .... И ре„че: *кдѣ есть братъ?* Они же (слуги) рѣша ему: *стоитъ на сѣнехъ*. И „вставъ Давидъ рече: *азъ иду лонь* .... И запроша Василька, и оковаша „й въ двои оковы.“ Нѣтъ въ лѣтописи, чтобы онъ требовалъ свиданія съ Великимъ Княземъ, желая знать вину свою. Татищевъ прибавляетъ; что Кіевскіе Вельможи совѣтовали Государю своему увѣдомить объ всемъ другихъ Князей, и что Давидъ сказалъ Святополку: „отъ заключеннаго „въ Кіевѣ Василька жди того же, что было Изяславу отъ *Всеслава*“ (Всеслава). Далѣе въ лѣтописи: „яста Василька (Сновидъ Изечевичь, ко„нюхъ Святополчь, и Дмитръ, конюхъ Давидовъ) и хотяща й поврещи, и „борящеся съ нимъ крѣпко, и не можаста его поврещи, и си влѣзше „друзи, и повергоша, и связаша, и снемше доску съ печи и взложиша „на перси его и сѣдоста оба полы (съ обѣихъ сторонъ) Сновидъ Изече„вичь и Дмитръ, и не можаста удержати, и приступиста ина два, и сня„ста другую доску съ печи, и сѣдоста и удавиша й рамяно, яко персемъ „троскотати (трещать), и приступи Торчинъ, именемъ Беренди, овчюхъ“ (*овчаръ*, а не *евнухъ*, какъ думалъ Татищевъ) „Святополчь, держа ножъ „и хотя ударити во око, и грѣшися ока (не попалъ въ глазъ) и перерѣза „ему лице, и *есть* рана та Василькѣ и *нынѣ*“ — (слѣдственно это писано при жизни сего Князя) — „и посемъ удари въ око,“ и проч.

Городъ Здвиженскъ (а не Воздвиженскъ) былъ на рѣкѣ Здвижѣ. Въ лѣтописи: „сняша на торговищи и сволокоша съ него сорочку кроваву су„щю и вдаша *попадьи* прати.“ Домы Священниковъ, какъ лучшіе въ селахъ и древнихъ городахъ, служили пристанищемъ для путешественниковъ. Далѣе: „Поидоша съ нимъ въ скорѣ на колѣхъ (на колесахъ), а по „*груднy* пути (т. е. по снѣгу): бѣ бо тогда мѣсяць *Груденъ*, рекше *Но„ябрь* и придоша съ нимъ Володимери въ 6 день. Приде же и Давидъ съ „нимъ, акы нѣкакъ уловъ уловивъ, и посадиша й въ дворѣ Вакѣевѣ, и при„ставиша 30 мужь стеречи, и два Отрока Княжа, Уланъ и Колчко.“ Издатель Нестора вздумалъ поправить Лѣтописца и напечаталъ, вмѣсто Ноября: „Груденъ, рекше *Декабрь*:“ ибо Поляки называютъ сей послѣдній мѣсяцъ Grudzien (см. Т. I, примѣч. 152).

(183) Они стояли противъ Кіева *за Днѣпромъ въ бору*, сказываетъ Лѣтописецъ; а ниже, говоря о томъ же (Несторъ или другой) пишетъ: „сташа у *Городца*:“ слѣдственно Городецъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣ„пра (см. выше примѣч. 28 и 136). — Въ *Кіев. Лѣт.*: „въ се же лѣто (1098) „заложи Володимеръ церковь камену Св. Богородица въ Переяславли на „Княжѣ Дворѣ и городъ на Вѣстри,“ — т. е. крѣпость въ Остерскомъ Городцѣ.

Въ *Пушк.*, въ *Ростов.*, *Кенигсберг.* и другихъ лучшихъ спискахъ Нестора названъ здѣсь Митрополитъ Николаемъ, а въ *Никонов.* ошибкою Никифоромъ, котораго тогда еще не было въ Россіи. Въ лѣтописи: „И „преклонися (Владиміръ) на молбу Княгинину; чтяшеть ю аки матерь, „отца ради своего .... И Митрополита тако же чтяше.“

(184) Въ спискѣ *Пушкин.*, *Хлѣбн.*, *Ипат.* и другихъ: „Да се, Василю, „шлю тя; *иди* къ Васильковй, *тезу* (тескѣ) своему.“ Слѣдственно это писано *Василіемъ*. Въ такія посольства обыкновенно употреблялись Священники или Монахи. Сей Василій — будучи жителемъ Червенской или Волынской области, какъ вѣроятно — дополнилъ Нестора, знавъ лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія: отъ чего вышли повторенія. На примѣръ, война Святополкова съ Давидомъ, бѣдствіе Венгровъ (см. ниже) въ Галиціи, и кончина Мстислава описаны весьма обстоятельно, а послѣ сказано: „въ лѣто 6607 изы„де Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхы; въ се же лѣто побьени Угри у Перемышля; въ се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь.“ Одинъ человѣкъ не могъ писать сперва подробно, а тамъ коротко о томъ же случаѣ. — Татищевъ *прибавилъ* къ словамъ Несторова дополнителя слѣдующее: „случилося мнѣ быть тогда въ Владимірѣ *смотрѣнія ради* „*училищъ* и *наставленія учителей!*“

Города именую здѣсь такъ, какъ они въ *Пушкин.*, въ *Хлѣбн.* и въ *Ипатьев.* спискѣ именованы. Перемиль и Шеполь были Галицкими городами. — Въ *Никон. Лѣт.* поставленъ Теребовль; а Татищевъ написалъ, что сей городъ былъ завоеванъ Давидомъ.

(185) Вопреки Болтину, который говоритъ, что Василько не имѣлъ причины воевать съ Поляками. — О Берендичахъ или Берендѣяхъ см. ниже, примѣч. 218. — Печенѣги жили тогда въ окрестностяхъ Дуная и вели кровопролитныя войны съ Императоромъ Алексіемъ (см. Memor. popul.). Нѣкоторые оставались еще и на Донскихъ степяхъ. Далѣе въ *Пушкин.*: „реку брату своему Володареви и Давидови.“ Здѣсь названіе *брата* относится только къ Володарю. Василько хотѣлъ требовать войска отъ Давида единственно по сосѣдству съ его владѣніемъ. — Далѣе: „И посемъ „хотѣлъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половцы, да „любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю.“ Издатель Нестора напечаталъ: „просити *вои* у Святополка,“ и проч. Сей разговоръ Василька, описанный нами отъ слова до слова, безъ малѣйшаго прибавленія (какъ и все другое), есть безъ сомнѣнія зеркало великой души.

(186) Василько ослѣпленъ въ Ноябрѣ 1097 году, разговаривалъ въ темницѣ съ Василіемъ при наступленіи Великаго Поста, въ началѣ Февраля 1098, а Володарь освободилъ заключеннаго брата около Святой недѣли (*приходящу Велику дни*). Въ томъ же году Мономахъ и Святославичи примирились съ Святополкомъ, подъ Кіевомъ у *Городца* (см. выше, примѣч. 183), какъ мы уже описали: слѣдственно они *нѣсколько* мѣсяцевъ ничего не дѣлали, а только готовились къ войнѣ. Что Владиміръ могъ тогда воевать съ Половцами, заключаю изъ слѣдующаго мѣста его *Духовной*

(стр. 41): „Идохомъ противу имъ (Половцамъ) на Сулу:" чему, кажется, надлежало быть около сего времени. — Въ *Ростовск.* и *Воскресенск. Лѣт.* сказано, что Василько дѣйствительно чрезъ посла *уговорилъ* Святополка и *Владиміра* не превожить Давида и не проливать крови; но сіе обстоятельство, думаю, несправедливо. Описаніе Святополкова похода въ Волынію въ 1099 году начинается словами: „Святополку же обѣщавшюся „прогнати Давида, пойде же къ Берестью" слѣдственно *Мономахъ* и Святославичи не освободили Великаго Князя отъ даннаго имъ обязательства.

Городъ Бужскъ называется нынѣ Бускъ, между Бродами и Лемберхомъ. Татищевъ пишетъ, что у Володаря были союзниками Венгры. Сей Историкъ, желая оправдать Ростиславичей, сказываетъ намъ, что Давидъ не исполнилъ своего обѣщанія и не возвратилъ имъ *всѣхъ* городовъ Червенскихъ; что Володарь и Василько требовали тогда Мономаховой помощи, и проч.

(187) „И неволя бысть выдати я̑, и рече Давидъ: *нѣту ихъ здѣ*; *бѣ бо* „*я̑ послалъ* Лучьску (въ Луцкъ). Онѣмъ же (Владимірцамъ) пошедшимъ „Лучьску, *Турякъ* бѣжа Кыеву; а *Лазарь* и *Василь* воротистася Турійску" (мѣстечку на дорогѣ отъ Владиміра въ Ковель) .... „Давидъ же „посла и приведе Василя и Лазаря и дастъ я̑ .... А заутра по зори (по „зарѣ) повѣсиша Василя и Лазаря, и разстрѣляша стрѣлами *Васильковичи.*" Въ *Ростов. Лѣт.* поставлено „Васильковы *Отроци*," то есть, молодые люди его отборной дружины (а не сыновья). Такъ въ другомъ мѣстѣ воины Мстиславовы названы *Мстиславичами* (см. *Рос. Библіот.* стр. 260). Татищевъ сказываетъ, что наперсниковъ Давидовыхъ повѣсили *за ноги.*

(188) „Святополкъ свѣтъ створи съ Ляхы; пойде Пинску, пославъ по „воѣ (по воиновъ), и приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и пойде на Давида." Слѣдственно Великій Князь приходилъ въ Брестъ съ малымъ числомъ войска, думая тамъ набрать Поляковъ. Владиславъ обманулъ Давида, однакожъ не хотѣлъ явно помогать его непріятелю. — Далѣе: „и стоя Святополкъ около града 7 недѣль, и поча Давидъ молитися: *пусти мя изъ града.* Святополкъ же обѣщался ему, и цѣловаше „крестъ межи собою, и изыде изъ града и приде въ *Червенъ*" (близъ Хельма) „а Святополкъ вниде въ градъ въ Великую Субботу (9 Апрѣля), а „Давидъ бѣжа въ Ляхы." Татищевъ несправедливо говоритъ, что Великій Князь отдалъ Червенъ Давиду: сей послѣдній требовалъ единственно личной для себя безопасности, и былъ въ Червенѣ проѣздомъ. Историкъ нашъ прибавляетъ здѣсь и многія другія обстоятельства, разсказывая, какъ Святополкъ и Владиславъ угощали другъ друга, и какъ Великій Князь помолвилъ тогда дочь свою за Болеслава, Королевскаго сына, отложивъ бракъ на 5 лѣтъ, за малолѣтствомъ жениха и невѣсты.

(189) Татищевъ описываетъ все по своему, и заставляетъ Ростиславичей убѣдительно доказывать Святополку, что ему должно оставить ихъ въ покоѣ. — Въ лѣтописи: „Володарь и Василько поидоста противу, „воземше крестъ, его же бѣ целовалъ (Святополкъ) къ нима .... И срѣ-

„тошася на поли на *Рожни*" (неизвѣстное урочище) .... „И Василько „възвыси крестъ, глаголя (и проч.) ... *И мнози человѣци благовѣрніи ви„дѣша крестъ надъ Васильковы вои възвышься вельми*."

Далѣе: „Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимъ сына его два, „и Ярополчича (племянника) два, и *Святоша, сынъ Давида Святославича* .... „Посади въ Володимери Мстислава, иже бѣ ему отъ наложницъ, а Яро„слава посла въ Угры." Издатель Нестора назвалъ Святошу (стр. 164) *Ярополковымъ* сыномъ, а Татищевъ Коломана, Государя Венгерскаго, зятемъ Святополковымъ (см. ниже, прим. 209).

(190) Въ *Никонов.* и *Ростов.* Давидъ названъ здѣсь *Ростиславичемъ*; но Володарь и Василько не имѣли третьяго брата, кромѣ умершаго Рюрика. Потому вездѣ упоминается о Ростиславичахъ въ двойственномъ числѣ, какъ въ мѣстоименіяхъ, такъ и въ глаголахъ. Татищевъ породнилъ Давида съ Володаремъ, сказывая, что первый былъ женатъ на сестрѣ Ростиславичей; въ лѣтописяхъ нѣтъ того. Мартинъ Галлусъ пишетъ (стр. 80), что одна изъ дочерей Польскаго Герцога Владислава была тогда за Княземъ Россійскимъ (una quarum in Russia viro nupsit): не за Давидомъ ли, который два раза искалъ Владиславовой помощи?

(191) „И заутріе Бонякъ исполчи вои, и бысть Давиду вои 100, а у „самаго (Боняка) 300; и, раздѣли на 3 полкы, и пойде къ Угромъ, и пу„сти *навворопъ*" — (для скораго *нападенія*, а Татищевъ говоритъ: *для добычи языковъ*) — „Алтунопу съ 50 чади, а Давида постави подъ *стя„гомъ*" (въ *боевомъ порядкѣ*, а Татищевъ говоритъ: въ *засадѣ*) — „а самъ „раздѣлился на двѣ части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася *на „заступы* (на ряды): бѣ бо Угръ числомъ 100,000" (въ *Никонов.* и другихъ: „*и быша нарядни въ доспѣхахъ, акы вода колеблющеся, и бѣ видѣ„ти ихъ страшно*). Алтунопа же пригна къ первому заступу, и стрѣ„ливше побѣгнуша предъ Угры; Угри же погнаша по нихъ, яко бѣжаще; „минуша Боняка" — (слѣдственно онъ, а не Давидъ былъ въ засадѣ) „и „Бонякъ погнаше сѣка въ тылъ; а Алтунопа возвратяшеться вспять, не „допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая, сбиша ѐ въ мячь, „яко се соколъ сбиваетъ галицъ, и побѣгоша Угри, и мнози истопоша „въ *Вягру*" (рѣкѣ впадающей въ Санъ) „а друзіи въ Сану" (рѣкѣ, на которой стоитъ Перемышль). Число Венгровъ, думаю, увеличено, а число побѣдителей уменшено. Володарь *могъ* сдѣлать вылазку, а Татищевъ увѣрительно говоритъ, что она рѣшила битву.

См. Прая Annales Regum Hungariæ, кн. II, стр. 99 — 100. Годъ показанъ тотъ же самый, т. е. 1099; но Венгерскіе Лѣтописцы не знали причины войны. Quid causae obmoti belli fuerit, non comperio, говоритъ Прай: жаль, что онъ не могъ читать нашихъ лѣтописей. — Кто была сія Ланка (можетъ быть Янка) quae a defuncto marito rerum isthic potiebatur? Не вдовствующая ли супруга Володарева брата, Рюрика, который прежде господствовалъ въ Перемышлѣ? — Уронъ Венгровъ былъ чрезмѣрный, какъ говоритъ Прай: nusquam alias tam insignem jacturam ab hoste nostros accepisse, domestici annales memorant. — Татищевъ разсказываетъ, что Воло-

дарь долго не хотѣлъ звать къ себѣ Половцевъ, и всячески убѣждалъ Коломана заключить миръ.

Туроцъ (Chron. Hung. стр. 66) пишетъ, что Король Ладиславъ, предмѣстникъ Коломановъ, воевалъ съ Россіянами за то, что они совѣтовали Половцамъ опустошать Венгрію: тогда — говоритъ сей Лѣтописецъ — устрашенные Россіяне испросили миръ у Ладислава, et promiserunt regi fidelitatem in omnibus.

(192) Въ *Пушкин.* и *Кенигсбрг.* спискѣ: „*Давидъ заимъ* (на) *Сутѣску* Червень, приде внезапу и зая Володимерцы." Въ *Никон Лѣт.*: „заемъ грады „Суетескъ"—въ *Ростов.* Сутѣскь — у Татищева *Сутень* — „и Червенъ." Въ географическомъ отрывкѣ, на который мы часто ссылаемся (см. выше, примѣч. 117) показанъ Сутескъ въ числѣ восточныхъ городовъ Литовскихъ: здѣсь безъ сомнѣнія не объ немъ упоминается. Въ Духовной Мономаха (стр. 32) сказано: „идохъ Володимерю на *Сутѣйску* мира творить съ Ляхы." *Сутѣскъ* или *сутискъ* вообще означалъ, кажется, *границу*.

Далѣе: „а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою (съ гарнизономъ), „иже бѣша у него Берестьяне, Пиняне (жители Пинска), Выгошевци" (Волынскій городъ Выгошевъ названъ, думаю, послѣ Вышгородомъ ..... „Мстиславу же хотящю стрѣляти, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою на забороѣхъ" (на стѣнѣ деревянной) „сквозѣ деску скважнею" (сквозь отверстіе доски). Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Давидъ приступалъ къ городу *подъ вежами*, т. е. подъ башнями.

Въ *Патерикѣ* (л. 153), въ житіи Ѳеодора и Василія, повѣствуется (другими словами) слѣдующее о Мстиславѣ: Инокъ Ѳеодоръ нашелъ въ пещерѣ своей множество серебра и сосудовъ драгоцѣнныхъ; хотѣлъ сперва уйти съ ними, но раскаялся, и зарылъ ихъ. Мстиславъ, сынъ Святополковъ, свѣдалъ о томъ и требовалъ сокровища отъ Ѳеодора, который ему отвѣтствовалъ: „еще при жизни Св. Антонія слышалъ я, что въ сей „пещерѣ было древнее Варяжское хранилище, и что она по тому самому названа *Варяжскою*. Правда, что я видѣлъ тамъ много золота и сосудовъ *Латинскихъ*; но Богъ отнялъ у меня память, и теперь не знаю, „гдѣ они скрыты мною." Жестокій Мстиславъ велѣлъ мучить Святаго, и будучи *шуменъ отъ вина*, пустилъ стрѣлу въ друга Ѳеодорова, блаженнаго Василія, который, вынувъ оную изъ себя и бросивъ къ ногамъ юнаго Князя, сказалъ, что скоро Мстиславъ будетъ самъ уязвленъ ею. Пророчество исполнилось. Мстиславъ, раненный въ Владимірѣ на стѣнѣ, узналъ стрѣлу свою и сказалъ: умираю за Ѳеодора и Василія!"

(193) Въ харатейной лѣтописи: „и рѣша людье: се Князь убьенъ; да „аще ся вдамы, Святополкъ (а не Давидъ) погубитъ ны вся."

(194) Именемъ Василя. — Съ Давидомъ Игоревичемъ былъ тогда сыновецъ, или братнинъ сынъ, Мстиславъ: слѣдственно Игорь имѣлъ двухъ сыновей. — Татищевъ пишетъ, что въ 1099 году Мономахъ возобновилъ Городецъ на Остерѣ, сожженный Половцами. Сей Историкъ считалъ за одно мѣсто Городецъ и Юрьевъ, возобновленный не Мономахомъ, а Святополкомъ (см. ниже).

(195) Въ лѣтописи: „Братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, „Володимеръ, Давидъ, Олегъ въ Увѣтичихъ“ — у Татищ. *на Вятичевѣ*: можетъ быть, въ городѣ Витичевѣ, на Днѣпрѣ, ниже Триполя. — Въ *Пушк.* и *Кенигсберг.* стоитъ 10 и послѣ 30 Августа; но въ *Троицк, Ростов.*, *Никон.* и другихъ 30 Іюня. Въ нѣкоторыхъ означено, что Давидъ Игоревичь пріѣхалъ 2 Іюля.

Послами были къ Игоревичу отъ Святополка Путята, отъ Владиміра Орогостъ и Ратиборъ, отъ Святославичей Торчинъ. Они говорятъ: „Шедъ сади въ Бужскѣмъ въ Острогѣ“ (а Татищевъ обратилъ сей городъ въ два, въ Бужскъ и въ Острогъ) — „Дубенъ и Черторыескъ то „ти даетъ Святополкъ:“ ибо сіи города принадлежали Великому Князю.

Татищевъ назвалъ и Ярослава побочнымъ сыномъ Святополковымъ. Здѣсь же говоритъ онъ о землетрясеніи въ Кіевѣ и Владимірѣ, отъ котораго церкви едва устояли, кресты падали съ храмовъ, и проч. Но въ лѣтописяхъ упоминается о томъ гораздо послѣ (см. ниже), и кратко: „потрясеся земля.“

(196) Длугошъ разсказываетъ (кн. IV, стр. 346), что въ сіе время, — т. е. въ 1101 году — Князья наши: Владиміръ *Новогородской*, Олегъ и Давидъ *Переяславскій*, Володарь и Ярославъ. Ярополковичь, ограбивъ Польскія владѣнія, съ великимъ богатствомъ и со многими плѣнными возвращались въ Россію, но что юный Болеславъ настигъ ихъ близь границы и ночью разбилъ на голову. Длугошъ, худо понимая Русскія лѣтописи, не умѣлъ даже и назвать Князей; но быть можетъ, что Володарь дѣйствительно воевалъ тогда Польшу: ибо Мартинъ Галлусъ (стр. 85) также упоминаетъ о сей войнѣ.

Въ лѣтописи о Ярославѣ: „и молись о немъ Митрополитъ и Игумени, „и умолиша Святополка, и заводиша й у раку Св. Бориса и Глѣба“ — то есть, Ярославъ у гроба сихъ Мучениковъ далъ клятву смириться. Далѣе (въ 1102 году): „выбѣже Ярославъ Ярополчичь изъ Кыева Окт. въ 1 день. То„гожь мѣсяца на исходѣ прельстивъ Ярославъ Святополчичь Ярослава Яро„полчича и ятъ й на Нурѣ“ — рѣкѣ впадающей въ Бугъ — „и приведе й къ от„цю Святополку и окоеаша.“ — Далѣе (въ 1103 году): „преставися Яро„славъ Ярополчичь мѣсяца Августа въ 11 день.“

(197) См. выше, примѣч. 163. Слова Новогородцевъ: „аще ли двѣ главѣ „имѣетъ сынъ твой, то пошли.“

(198) „Совокупишася вся братья (въ 1101 году) Святополкъ, Володимеръ, „и Давидъ, и Олегъ, и Ярославъ, на Золотьчи“ — рѣчкѣ, впадающей въ Днѣпръ противъ Кіева съ лѣвой стороны: см. печат. *Нест.* 218 — „и прислаша По„ловци слы отъ всѣхъ Князій ко всей братьи, просяще мира .... И сташася „(съѣхались) у Сакова, и створиша миръ,“ Сент. 15. Съѣздъ Князей Россійскихъ былъ *на Долобскѣ*. Озеро выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, называлось *Долобское* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 218).

Владиміръ говоритъ Князьямъ: „*лошади* жалуете, ею же оретъ смердъ.“ И такъ имя *лошадь* употреблялось въ Россіи прежде нашествія Татарскаго. Здѣсь оно нѣсколько разъ повторено.

(199) Всеславъ, княживъ 57 лѣтъ, скончался въ 1101 году, Апрѣля 14, въ 1 часу дня. Въ Пушк. спискѣ прибавлено: въ Среду; но въ семъ году 14 Апрѣля было Воскресеньемъ. Татищевъ пишетъ, что въ 1102 году сынъ Всеславовъ, Борисъ, ходилъ на Ятвяговъ, и возвратясь съ побѣдою, основалъ новый городъ, Борисовъ.

Мы сказали выше, что Олегъ Святославичь былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой. (см. ниже, примѣч. 302).

(200) „Выйде (въ 1100 году) Мстиславъ отъ Давыда на море мѣсяца Іюня „въ 10.“ Вѣроятно, что сей Князь, подобно Норманскимъ, выѣзжалъ на море (думаю, Черное) собирать дань съ купеческихъ судовъ. — Вячеславъ Ярополковичь, о коемъ здѣсь упоминается, умеръ въ 1104 году, Декабря 13. Далѣе въ лѣтописи: „и придоша ниже порогъ и сташа въ протолчехъ, „въ Хортичемъ островѣ“ — думаю, протокахъ или рукавахъ Днѣпра, обтекающаго сей островъ; а Татищевъ пишетъ: въ Торкахъ. — Далѣе: „вси моляху Бога и обѣты вданяху Богу и матери Его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогимъ, иніи же монастырямъ требованья . . . . И пойдоша полкове „аки борове, не бѣ презрѣти ихъ“ — (т. е. какъ необозримый боръ; а нѣкоторые новѣйшіе Лѣтописцы поставили: „яко звѣріе дивы,“ воображая, что здѣсь говорится о боровахъ, или сильныхъ кладеныхъ самцахъ) — „и Русь поидоша противу имъ, и Богъ великый вложи ужасть велику въ Половцѣ и „страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Рускыхъ вой, дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; нашы же съ веселъемъ,“ и проч.

Имена убитыхъ Хановъ: Урусоба, Кчій, Арсланапа, Китанопа, Кумзъ, Асупъ, Куртокъ, Ченегрепа, Сурьбарь. Нѣкоторые думали, что Азовъ который назывался въ древности Танаисомъ, получилъ имя свое отъ имени Асупа, Князя Половецкаго (см. Ake Azowische Begebenh. въ Sammlun. Russ. Gesch. II, 78).

Лѣтописецъ именно говоритъ, что Россіяне взяли тогда Печенѣговъ и Торковъ съ вежами. Остатки сихъ народовъ еще кочевали на степяхъ Екатеринославской Губерніи.

(201) Сей Исторіи Т. I. Несторъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Зимеголы.

Мы не упоминаемъ въ Исторіи о слѣдующихъ происшествіяхъ сего времени: въ 1101 году (по Ростовск. Лѣт. въ 1102) родился у Владиміра сынъ Андрей, а въ 1104 у Святополка Брячиславъ; въ 1103 году снова явилась саранча, Авг. 1; въ 1105 году Бонякъ приходилъ къ Зарубу на Торковъ и Берендѣевъ. — Въ Ростов. сказано, что въ 1107 году Болгары осаждали Суздаль, гдѣ не было тогда Князя; что жители молились и Богъ чудеснымъ образомъ ослѣпилъ непріятелей: въ древнѣйшихъ спискахъ нѣтъ сего извѣстія.— Въ 1107 же году, Маія 7, скончалась вторая супруга Мономахова: онъ называетъ ее въ своей Духовной (стр. 41) матерію Георгія, (см. также выше, примѣч. 46). — Въ 1108 году, Генваря 30, преставился Новогородскій Епископъ Никита (см. харат. Новогород. Лѣт. стр. 79). Въ Патерикѣ сказано, что онъ былъ затворникомъ въ Кіевской Лаврѣ, зналъ наизусть многія Жидовскія книги и Ветхій Завѣтъ, но не читалъ Нова-

го, обольщенный Діаволомъ, отъ котораго едва избавили его молитвами своими Григорій Чудотворецъ, Никола Епископъ Тмутороканскій и Несторъ Лѣтописецъ, тогдашніе Монахи Печерскіе. Въ Каталогахъ несправедливо означены годы церковной паствы и кончины сего Епископа. Мощи Св. Никиты, обрѣтенныя уже въ XVI вѣкѣ, хранятся въ Новогородскомъ Соборѣ, и гробница, сооруженная Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, окована серебромъ. — Въ 1108 же году довершили церковь Богоматери на Кловѣ и трапезницу Печерскаго монастыря, при Игуменѣ Ѳеоктистѣ, который заложилъ оную по обѣту Глѣба (Татищевъ пишетъ *Святославича*; но его уже не было на свѣтѣ при Игуменѣ Ѳеоктистѣ: развѣ Глѣба *Всеславича*?). Тогда же была сильная вода въ Днѣпрѣ, Деснѣ и Припети. — Въ 1109 году, по извѣстію *Никон. Лѣт.*, на церкви Св. Михаила явилась неизвѣстная птица: „величествомъ бѣ со овна, и сіяше всякими „цвѣты, и пѣсни безпрестанно и много сладости имуще изношашась отъ „нея, и сѣде на церкви по 6 дней и отлетѣ, и никто же нигдѣ не можаше видѣти ея.“

(202) „Въ лѣто 6614 воеваша Половци около *Зарѣчьска*, и посла по „нихъ Святополкъ Яня, Иванька Захарьича Козарина, и угониша Половци „и полонъ отъяша.“ Гдѣ былъ Зарѣчьскъ, точно не знаемъ; но вѣроятно въ Кіевской области. Въ *Никон.* названъ здѣсь Янъ *Вышатичь*, еще *Путята, братъ его*; а въ *Ростов. Лѣт.* за словами: *полонъ отъяша*, написано: „и гониша ихъ до Дуная біюще ихъ. Въ *Новогород.*: „избиша Половци „на Дунаи.“ Татищевъ говоритъ, что Половцы въ сей годъ ходили къ *Дунаю* на Болгаровъ. Въ сраженіи 12 Авг. были съ Мономахомъ сыновья его, Вячеславъ и Ярополкъ. Въ лѣтописи: „убиша же Таза, Бонякова брата, „а Сугра яша и брата его. Шуруканъ едва утече.“

(203) Одинъ изъ сихъ Хановъ назывался Аэпа, Осеневъ сынъ, а другой Аэпа же, сынъ Гиргеневъ. На Осеневой внукѣ женился Георгій или Юрій Владиміровичь, а на Гиргеневой сынъ Олеговъ. Татищевъ называетъ послѣдняго Святославомъ, и пишетъ, что Россійскіе Князья надѣялись сими брачными союзами склонить Половцевъ къ принятію Вѣры Христовой и къ жизни гражданской; что Владиміръ, *Давидъ* и Олегъ съ *великимъ убранствомъ* выѣхали на рѣку Хороль, и проч. Далѣе въ лѣтописи: „6617, „мѣсяца Декабря въ 2 день, Дмитръ Игоровичь взя веже Половецкые у „Дону.“ — Въ *Ростов.*: „1000 вежъ.“ Въ 6618 (1110): „Идоша веснѣ на По„ловци Святополкъ, Володимеръ и Давидъ“ (вѣроятно Святославичь) „и „дошедше Воиня“ (близъ Переяславля) „воротишася. Того же лѣта Полов„ци воеваша около Переяславля по селомъ и взяша полонъ у Чючина“ (см. *Кіевск. Лѣт.*). Татищевъ пишетъ, что Князья наши возвратились отъ Воиня „ради падежа конскаго.“

(204) Въ *Кіевск. Лѣт.* подъ 1111 годомъ вторично описывается то, что сказано было подъ 1102 годомъ: „Срѣтостася (Святополкъ и Владіміръ) „на Долобску и сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святоп. съ своею дружиною, „а Володим. съ своею, и бывшю молчанію, и рече Володим.: брате! ты „еси старѣй; почни глаголати. И рече Святоп.: „брате! ты почни.“ Тутъ Владиміръ доказываетъ, что не надобно жалѣть земледѣльцевъ и лошадей

ихъ, когда надобно спасти отечество, и проч. — Въ походѣ 1111 года были, кромѣ Великаго Князя и Мономаха, Давидъ Святославичь и сынъ его Ростиславъ, Давидъ Игоревичь, Всеволодъ и Святославъ Ольговичи, Ярославъ Святополковичь, Мстиславъ и Ярополкъ Владимировичи.

Въ 1102 году: „бысть знаменье на небеси, мѣсяца Генваря въ 29 день, „по три дни, аки по каркая заря отъ Встока и Уга (Юга) и Запада и „Сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы отъ луны полнь свѣтящь-„ся. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ мѣсяца Февраля въ 5 день. „Того жь мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ Солнцѣ: огородилося бяше „солнце въ три дуги, и быша другыя дуги хребтъ къ собѣ; и сія видя-„ще знаменья благовѣрни *Черньци* со вздыханіемъ моляхуся къ Богу и со „слезами, дабы Богъ обратилъ знаменія Его на добро: знаменья бо быва-„ютъ ово на зло, ово ли на *добро*. На придущее лѣто вложи Богъ мысль „добру въ Руськые Князи, и умыслиша дерзнути на Половци." — Въ 1104 году „бысть знаменье, стояще солнце въ крузѣ, а посредѣ круга крестъ, „а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солн-„цемъ кромѣ круга дуга, рогами на Сѣверъ. Такожъ знаменье и въ лунѣ „тѣмъ же образомъ, мѣсяца Февраля въ 4, 5 и 6 день, въ днѣ по три дни, „а въ нощь въ лунѣ по 3 нощи." — Въ 1103 году, Февр. 5, было землетрясеніе. Въ 1111 году (Февраля 11) „бысть знаменье въ Печерстѣмъ мо-„настырѣ: явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а мольнья (молніи) „освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1 нощи, и весь міръ „видѣ. Се же столпъ первѣе ста на трапезницѣ каменнѣй, яко же не ви-„дѣти бысть креста, и постоявъ мало, ступи на церковь и ста надъ „гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ, аки ко Встоку лицъ „и потомъ невидимъ бысть." Лѣтописецъ толкуетъ, что сей столпъ былъ не что иное, какъ Ангелъ, посылаемый Богомъ для спасенія людей, и говоритъ: „не се ли Ангелъ вожь былъ на супостаты?" Въ *Никонов.* (II, 43) и другихъ прибавлено, что самъ Владиміръ видѣлъ сіе счастливое явленіе, находясь тогда въ Городцѣ, куда столпъ удалился отъ монастыря (слѣдственно Городецъ былъ на Востокѣ близъ Кіева: см. примѣч. 28 и 136). Въ *Ростов.*: „ту бо бѣ Князь Владиміръ *врадостився*;" а въ *Никонов.*: „въ Радосыни:" такъ называлось мѣсто у Городца (см. ниже). Читатели не имѣютъ нужды въ изъясненіи столь обыкновенныхъ феноменовъ, свойственныхъ климату сѣверному. — Татищевъ, имѣвъ у себя переводъ Ликостенова *Хроникона* (Chronicon prodigiorum), зналъ, что въ 1106 году, Февр. 5, являлась Комета, и по тому единственно пишетъ объ ней въ своей Исторіи. Наши Лѣтописцы не примѣтили сей Кометы, говоря здѣсь только о Сѣверныхъ сіяніяхъ, и проч.

Когда Святополкъ, въ 1107 году побѣдивъ варваровъ, пришелъ въ Лавру 15 Августа, въ самую заутреню, тогда всѣ монахи съ радостію цѣловали или поздравляли его (*братья цѣловаша съ радостью великою яко врази наши побѣждены быша*).

Въ *Пушкин.* два раза сказано о возвращеніи нашихъ Князей съ Войны, въ 6618 (что и справедливо) и въ 6619; а битва на Сальницѣ положена въ 6620, и весьма кратко описана. Числа и дни недѣли, означенныя въ Кі-

еиск. Лѣт. и многихъ другихъ, свидѣтельствуютъ, что Князья выступили 26 Февр. 1111 году, во вторую Недѣлю (Воскресенье) Великаго поста. Разбивъ непріятеля 24 Марта, они праздновали на другой день и Благовѣщеніе и *Лазарево Воскресеніе,* которыя въ семъ году были точно въ одинъ день.

Въ *Кіев. Лѣт.:* „Пойдоша въ 2 Недѣлю поста, а въ Пятокъ быша на „Сулѣ . , . Въ Суботу на Хоролѣ, ту и сани пометаша; а въ Недѣлю, въ „нюжь крестъ цѣлуютъ" (четвертую поста) „пріидоша на Пселъ , . . и сташа на рѣцѣ на Голтѣ, и ту пождаша вой, и двдоша Ворьскла: ту жь за „утра въ Среду крестъ цѣловаша съ многими слезами . . . Въ 6 недѣлю поста „придоша къ Донови, во Вторникъ," и проч. Во всѣхъ лѣтописяхъ именно сказано здѣсь: *Донѣ,* а не *Донецъ,* какъ поставилъ Татищевъ, вообразивъ, что рѣка Салница, гдѣ было тогда сраженіе, есть упоминаемая въ Большомъ Чертежѣ и впадающая въ Донецъ ниже Изюма. Нѣтъ, здѣсь названа Салницею рѣка Саль, впадающая въ Донъ близъ Семикараковской Станицы. Святополкъ и Мономахъ отъ Кіева до Ворсклы шли 9 дней: могли ли они итти оттуда до Изюма около трехъ недѣлъ? Войско наше перешло за Ворсклу въ Среду на четвертой недѣлѣ, а сразилось на Сальницѣ или Салѣ въ Понедѣльн. Страстной недѣли.

(205) И такъ воины не носили тяжелыхъ латъ въ походѣ, когда непріятель былъ еще далеко. Мономахъ въ своей *Духовной* (стр. 36) сказываетъ намъ, что они и самое оружіе посылали на возахъ впередъ ко сборному мѣсту,

Ниже въ *Никонов.* и многихъ другихъ сказано, что войско шло къ городу Руканю — въ *Кіев. и Воскресен.:* „Шаруканю" — въ *Ростов.* спискою „Тороканю." Онъ же назывался и *Осеневымъ.* Далѣе въ *Ростов. и Кіевск.:* „Князь Володимеръ повелѣ Попомъ своимъ, предъ полки идуще, пѣти тропари и кондаки и каноны Кресту и Богородицѣ. И пріидоша ко граду „*Осеневу*" (здѣсь нѣсколько строкъ выпущено въ *Никонов.*). *Осеневѣ* безъ сомнѣнія названъ такъ отъ имени Хана Осеня, дѣда Владиміровой снохи. Далѣе: „и *Половцы* вышедше изъ града (Осенева или Шаруканя) поклонишася Княземъ Рускимъ, и прележаша нощь ту, и заутра въ Среду по„идоша къ Сугрову, и зажгоша й; а въ Четверт. пойдоша съ Дона" (къ Салу или Салницѣ). Побѣда одержана Россіянами на „Изпокѣ Дегея" (въ *Ростов. Лѣт.* прибавлено: „или *Салнѣ* рѣцѣ); а вторая на *Салницѣ.* Рѣка Салъ составляется изъ рѣчехъ Юрукъ-Сала, Кара-Сала и другихъ.

Далѣе Въ *Ростов., Никон.* и другихъ: „И многихъ ихъ (Русскіе Половцевъ) руками яша, и рекоша имъ: како толико васъ сила, и не возмогосте стати? . . . Они же рѣша: како можемъ съ вами битися, а другіи „верху васъ ѣздятъ во оружіи свѣтлѣ? . . . Вспомянуша же здѣ и видѣніе „оно въ Печерскомъ монастырѣ," и проч. — Татищевъ не хотѣлъ писать о мнимомъ чудѣ, но придумалъ въ описаніи битвы, той и другой, многое отъ себя; на примѣръ, восклицаніе Мономахово: *кто Богъ великій, яко Богъ нашъ* — и слова Лѣтописца: *грянули аки громъ* (то есть, сильно ударили) обратилъ въ дѣйствительную грозу. Онъ пишетъ, что Князья Россійскіе извѣстили Греческаго Царя, Польскаго, Венгерскаго, Чешскаго и другихъ о сей великой побѣдѣ, и въ знакъ любви уступили имъ вѣ-

сколько плѣнныхъ. Въ *Кіевск. Лѣт.* сказано только: „возвратишась съ „славою великою *къ своимъ людемъ и къ всѣмъ странамъ дальнимъ*, „рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, донде же и до Рима, „пройде на *славу* Богу." Здѣсь говорится единственно о слухѣ, а не о посольствахъ. — Татищевъ въ описаніи похода передвинулъ рѣки, и кладетъ Голтву за Ворсклою.

(206) Надобно различать Исторію Татищева и лѣтописи, въ которыхъ не упоминается о Воспорской области послѣ 1094 году, когда Олегъ пришелъ изъ Тмуторокана съ Половцами къ Чернигову.

(207) То есть, Князь Владимірскій. У него были еще два брата, Изяславъ и Брячиславъ, которые не имѣли кажется, удѣловъ и скончались оба въ одномъ году: первый Дек. 13 1127 г., а вторый Марта 28, и *погребенъ* Апр. 5 (слѣдственно *не тамъ*, гдѣ умеръ: ибо умершихъ обыкновенно погребали тогда на другой день). Брячиславъ, меньшій сынъ, родился въ 1104 году. — Давидъ Игоревичь преставился Маія 25: „и положе„но бысть тѣло его въ 29, въ церкви Св. Богородица въ Влахернѣ на Кловѣ (см. *Кіевск. Лѣт.*): слѣдственно въ Кіевѣ.

Въ 1111 году были пожары въ Новѣгородѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ, Кіевскомъ Подолѣ, и скончался Епископъ Черниговскій Іоаннъ Марта 23, достойный примѣчанія тѣмъ, что онъ 25 лѣтъ за болѣзнію не могъ отправлять службы, къ огорченію народа и Князя. На его мѣсто былъ поставленъ Игуменъ Печерскій Ѳеоктистъ въ 1112 году, Генваря 11 (а по нѣкоторымъ спискамъ уже въ 1113). Лѣтописецъ говоритъ: „И радъ бѣ „Князь Давидъ (Черниговскій) и вси людіе: жадаху бо Епископли службы; „а въ Печерскій монастырь поставленъ бысть Игуменъ Прохоръ."

(208) Святополкъ умеръ въ годъ солнечнаго затмѣнія, слѣдственно въ въ 1113, а не въ 1114 году (какъ означено въ нѣкоторыхъ спискахъ, гдѣ годы перемѣнены),.. О семъ затмѣніи сказано въ нашихъ лѣтописяхъ: „Бысть знаменье въ солнцѣ въ 1 часу дне; бысть видѣти всѣмъ людемъ; „остася его мало, акы мѣсяць долу рогата, мѣсяца Марта въ 19"...(въ *Кіевской*: „се знаменіе проявляше Святополчю смерть")...По таблицамъ астрономическимъ оно было 19 Марта въ 6 часу утра (см. l' Art de vérifier les dates). Представимъ еще другое доказательство: Мономахъ по кончинѣ Святополковой въѣхалъ въ Кіевъ 20 Апрѣля въ Недѣлю, а сіе число было Воскресеньемъ въ 1113 году. — Въ *Кіев.*: „приспѣ праздникъ „Пасхы, и по праздницѣ разболѣся Князь, и преставися Апр. въ 16 день „за Вышегородомъ, и привезоша его въ лодьи къ Кыеву, и спряташе тѣ„ло его, и вложиша йна сани, и плакашась по немъ Бояре и дружина его „вся." Татищевъ пишетъ, что Святополкъ жилъ 54 года; что онъ былъ высокаго росту, сухъ, имѣлъ черноватые и прямые волосы, длинную бороду, острое зрѣніе и хорошую память; читалъ книги; ѣлъ мало по слабости здоровья, и пилъ рѣдко, единственно въ угожденіе другимъ; не любилъ войны; скоро могъ осердиться, но скоро и забывалъ оскорбленіе; слушался наложницы своей и никогда безъ слезъ не разставался съ нею." Я не нашелъ сего описанія въ лѣтописяхъ. Святополкъ жилъ не 54, а 62 года, ибо онъ родился въ 1050 году (см. харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 3.)

Святополкъ былъ *неблагодаренъ и подозрителенъ*: ибо, всѣмъ обязанный Владиміру, не усомнился признать его врагомъ своимъ — *робокъ въ несчастіи*: ибо смиренно извинялся предъ Боярами младшихъ Князей, и думалъ бѣжать отъ Мономаха и Святославичей — *высокомѣренъ въ счастіи*: ибо, побѣдивъ Давида Игоревича, хотѣлъ выгнать и Ростиславичей изъ ихъ Удѣла.

Въ лѣтописи (г. 1107): „Такъ бо обычай имѣяше Святополкъ: коли идяше на войну или инако, поклонився у гроба Ѳеодосьева и молитву „вземъ у Игумена ту сущаго; тоже идяше на путь свой."

Кіевская церковь Св. Михаила заложена въ 1108 году, Іюля 11. — Далѣе въ лѣтописи (г. 1108): „вложи Богъ въ сердце Ѳеоктисту, Игумену „Печерскому, и нача възвѣщати Князю Святополку, дабы вписалъ Ѳеодо-„сья въ Синодикъ, и радъ бывъ, обѣщася и створи: *повелѣ* Митрополиту „вписати въ Синодикъ, и повелѣ вписывати по всѣмъ Епископьямъ, и „вси же Епископи съ радостью вписаша поминати ѝ на всѣхъ зборѣхъ."

О Жидахъ Кіевскихъ см. ниже. Въ *Патерикѣ*, въ житіи Св. Прохора, л. 145, сказано: „тогда совѣща (Святополкъ) съ совѣтники своими, да цѣна „соли будетъ многа, и да отъемъ у Прохора, самъ продаетъ оную чрезъ „своихъ;" а выше л. 144 на обор.: „въ то убо время велію нестроенію су-„щу и грабленію беззаконному; не пустиша купцевъ къ Кіеву изъ Галича „и Перемышля, и не бысть соли во всей Россійской земли, и бѣ видѣти „тогда людей сущихъ въ велицѣй печали." Сочинитель Прохорова житія (л. 143) говоритъ въ началѣ: „во дни Княженія Святополка Изясла-„вича въ Кіевѣ много насилія отъ Князя сотворися людемъ: домы бо „сильныхъ безъ вины искорени и имѣнія многихъ отъя." Онъ сослалъ въ Туровъ Іоанна, Игумена Печерскаго, обличавшаго корыстолюбіе и грабительство его; но боясь Мономаха, дозволилъ сему благочестивому Игумену возвратиться въ свою обитель (см. *Патер. л.* 146).

(209) Въ лѣтописи подъ 6610 годомъ сказано, что сдѣлалось въ Октябрѣ, Декабрѣ, Генварѣ и Февралѣ, и потомъ: „на *придущее* лѣто Рус-„скые Князи умыслиша дерзнути на Половци; въ *се же* лѣто" — и такъ въ слѣдующее — „преставися Ярославъ Ярополковичь мѣсяца *Августа* въ „11 день. Въ *се же* лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава мѣсяца „*Ноября* въ 16 день." Ярославъ былъ пойманъ въ исходѣ Октября 1102 году (см. выше), и скончался въ Августѣ: слѣдственно уже въ 1103. Въ томъ же году вышла и Сбыслава за-мужъ: что согласно и съ Польскими лѣтописями (см. Нарушевича Hist. Nar. Polsk. кн. II, стр. 92 и слѣд., гдѣ описаны всѣ обстоятельства).

Дочь Болеслава Храбраго была за Святополкомъ, усыновленнымъ племянникомъ Св. Владиміра; дочь Владимірова за Казимиромъ; Владиславова за Россійскимъ Княземъ (можетъ быть, Давидомъ Игоревичемъ); Болеславъ Смѣлый женился на Княжнѣ Россійской; сынъ его, Мечиславъ, также.

Въ *Пушкин*: „въ то же лѣто (6614) прибѣже Избыгнѣвъ къ Свято-„полку" (см. также Длугоша Hist. Polon. кн. IV, стр. 360).

Далѣе: „въ томъ же лѣтѣ (1104) ведена бысть Предслава, дщи Свято-„полча, въ Угры за *Королевича*, мѣс. Августа въ 21." Коломанъ Венгер-

сій имѣлъ трехъ сыновей: *Ладислава, Стефана и Николая*, умершаго въ 1112 *году*. Супруги перваго и третьяго неизвѣстны; а за Стефаномъ была дочь Апулійскаго Герцога.

Далѣе въ лѣтописи: „въ лѣто 6612 ведена дщи *Володарева* за Царевичь „Олексиничь (сына Алексіева) Царю городу Іюля въ 20 *день*." Татищевъ назвалъ Володаря Владиміромъ. — Алексій Комнинъ имѣлъ трехъ сыновей: 1) Іоанна или Калоіоанна, женатаго на Иринѣ, дочери Венгерскаго *Короля* — 2) Андроника — 3) Исаакія. Супруги двухъ послѣднихъ неизвѣстны (см. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 176 и 179).

Въ *Кіевск. Лѣт.* г. 6620 (1112): „ведоша Евфимью Володимерну въ Угры за Короля." См. Туроц. Chron. Hung. гл. LXI, стр. 69. Лѣтосчисленіе согласно. — *Прай* (Annal. Hung. кн. II) говоритъ о Борисѣ: Borichium sive ex Colomano, sive ex alio, nam id incertum est, sublatum peperisset; а Туроцъ прямо: quae (Евфимія) ex adulterio peperit filium, nomine Borich. Миллеръ *думалъ*, что супругомъ Евфиміи былъ Король Бела, женатый на дочери Графа Сербскаго (см. Туроц. Chron. гл. 63). Сія дочь Мономахова жила до 1138 года (см. *ниже*, примѣч. 240).

(210) О Митрополитѣ Никифорѣ сказано въ лѣтописи: „въ томъ же „лѣтѣ (1104) приде Митрополитъ Никифоръ въ Русь, мѣсяца Декабря „въ 6 день; тогожъ мѣсяца въ 18 на столѣ посаженъ." Въ 1105 году онъ поставилъ трехъ Епископовъ: Амфилохія Владимірскаго Авг. 27, Лазаря Переяславскаго Нояб. 22, Мину Полоцкаго Дек. 13, а въ 1112 Θеоктиста Черниговскаго. *Новогород. Лѣт.* (стр. 9) называетъ Никифора Сурскимъ, т. е. уроженцемъ города Суры (въ Ливіи).

Святоша или *Святославъ* (такъ именно въ *Пушкин.*) постригся въ 1106 году, Февр. 17 (см. *Патерикъ*, л. 177). Въ день его кончины народъ стекался къ нему толпами, требуя благословенія.

См. *Прологъ*, Августа 3. Тамъ сказано, что Антоній, находясь еще въ Италіи, положилъ въ делву церковные сосуды и разныя драгоцѣнныя вещи, и бросилъ ее въ море, а самъ чудеснымъ образомъ приплылъ на камнѣ въ Новгородъ; что рыбаки, имъ нанятые, закинувъ сѣти, вытащили оную изъ рѣки Волхова, близъ того мѣста, гдѣ существуетъ его обитель (въ двухъ верстахъ отъ Новагорода) и проч. Въ запискахъ Антоніева монастыря прибавлено, что сіи церковные сосуды были сердоликовые, яшмовые и хрустальные, украшенные золотомъ, алмазами и яхонтами, и что Царь Іоаннъ Васильевичь взялъ ихъ въ Москву; что пять образовъ мусійныхъ и каменный крестъ остались въ монастырѣ, гдѣ показываютъ и зеленую трость Антоніеву; что камень, на коемъ онъ приплылъ, находится въ паперти съ изображеніемъ Св. Угодника; что на золото и серебро, бывшее въ делвѣ, Антоній *купилъ* у Посадниковъ землю *для обители*, совершилъ каменную церковь въ 1122 году (см. *ниже*, примѣч. 225), а трапезу теплую въ 1130 также и колокольню съ теплыми погребами; что сіи зданія цѣлы донынѣ; что Антоній скончался въ 1147 году, имѣя 79 *лѣтъ отъ рожденія*; что мощи его обрѣтены и положены въ окованную серебромъ раку въ 1597 году, Іюля 1, а съ 1731 года лежатъ въ новой кипарисной, также серебромъ око-

жанной, и проч. Въ семъ монастырѣ хранятся также слѣдующіе списки двухъ грамотъ Антоніевыхъ:

„Се труд, Госпоже моя пресвятая Богородица, имъ же трудихся на мѣ„стѣ семъ. Купилъ есми землю Пречистыя въ домъ у Смехка и у Прохка у „Ивановыхъ дѣтей у Посадничихъ, а далъ есми сто *рублевъ*, а обводъ той „земли отъ рѣки отъ Волхова Витковою ручьемъ вверхъ до Люцикъ, да Люци„комъ ко кресту, а отъ креста на Коровей прогонъ, а Коровьимъ прогономъ „на Олху, а отъ Олхи на Еловой кустъ, а отъ Еловаго куста на верховье „на Донцовое, а Донцовымъ внизъ, а Донецъ впалъ въ Дереваницу, а Дереваии„ца впала въ Волховъ; а той землѣ и межа; а кто на сію землю наступитъ а „то управитъ Мати Божія."

Сей списокъ свидѣтельствованъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ пришествіе его въ Великій Новгородъ лѣта 7081 Авг. въ 15, и подписанъ Дьякомъ его, Иваномъ Собакинымъ. Вторая грамота есть духовная Антоніева: „Се азъ Антоній, худшій во Мнисѣхъ, изыдохъ на мѣсто се, не „пріяхъ имѣнія ото Князя, ни отъ Епископа, но токмо благословеніе „отъ Никиты Епископа, и паша по чюжей землѣ, ни вдвое, ни воедино, „на себѣ покоя не дахъ, и братьи, и сиротамъ, и здѣ Крестьяномъ до„сажая. да то управитъ Мати Божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ „семъ. Се поручаю Богу и Св. Богородицѣ и Крестьяномъ, и даю въ сво„боду, и се поручаю мѣсто се на Игуменство (кто мое слово худое пре„ступитъ, судитъ ему Богъ и Св. Богородица) *или* Богъ отведетъ, а „кого изберутъ братья, но отъ братьи ниже кто въ мѣстѣ семъ тер„питъ, а которой братъ нашъ *да* отъ мѣста сего начнетъ хотѣти Игу„менства *или* насильемъ, да будетъ проклятъ; *или* ото Князя начнетъ „по насилью дѣяти кому, или по мздѣ, да будетъ проклятъ; или Епископъ „по мздѣ начнетъ кого ставити, *или* онъ станетъ насильемъ творити „на мѣстѣ семъ, да будетъ проклятъ. И се возвѣщаю, да егда сѣдохъ на „мѣстѣ семъ, далъ есмь на землю и на тони 70 гривенъ, на селѣ есмь далъ „гривенъ сто на Волховскомъ. Тудоръ съ женою и съ дѣтьми *одеренъ*" (крѣпостный), „Волосъ съ женою и съ дѣтми одеренъ, Василей съ женою „и съ дѣтми одеренъ. Аще сію грамоту кто преступитъ, да будетъ про„клятъ треми сты Свв. отецъ и и осьмонадесятъ, и буди ему со Іудою „причастье." — Слогъ довольно старъ; но чтобы судить объ истинѣ сихъ грамотъ, надлежало бы видѣть подлинникъ, коего нѣтъ. См. ниже примѣч. 225.

(211) Сіе путешествіе или *Хожденіе Данила Руськыя земли Игумена* сохранилось въ монастырскихъ библіотекахъ и находится, только не полное, при Кенигсбергскомъ спискѣ Нестора. Печать древности еще видна въ слогѣ, отчасти поновленномъ неблагоразумными писцами. — Вѣроятно, что Игуменъ Даніилъ родился или жилъ въ Черниговской области: ибо онъ рѣки Обѣтованной земли обыкновенно примѣняетъ къ *Снову*. Сей путешественникъ могъ быть Юрьевскимъ Епископомъ Даніиломъ, поставленнымъ въ 1113 году.

Даніилъ говоритъ о Балдвинѣ: „Азъ худый и недостойный въ ту Пятницу въ 7 часъ дни ходихомъ къ Князю тому Балдвину и поклонихся

„ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ собѣ съ любовію „и рече ми: что хощеши, Игумене Русьскы? Позналъ мя баше добрѣ и любя мя вельми, яко же есть мужъ благодѣленъ и смиренъ вельми, „и не *гордить*. Язъ рекохъ ему: Княже мой Господине! молю ти ся „Бога дѣля и Князей дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ святомъ отъ всея Русьскыя земли. Онъ „же съ тщаньемъ и съ любовью повелѣ ми поставити кандило; посла „съ мною мужа своего, слугу лучшаго," проч. Даніилъ сказываетъ, что онъ поставилъ свою *лампаду* въ гробѣ, тамъ, гдѣ лежали ноги Спасителя; что кандило Греческое стояло въ головахъ, кандило Св. Саввы на персяхъ, а *Фрязкое* висѣло вверху. Далѣе говоритъ: „заутражь въ „Великую Субботу въ 6 часъ *дне* сбираются вси людье передъ церковь „Св. Воскресенья отъ всѣхъ странъ, пришельцы отъ Вавилона и отъ „Египта и отъ всѣхъ конецъ земли ту ся сбирають, и велика тѣснота, „томленье и лютѣ людьямъ тѣмъ бываетъ: мнози бо человѣци ту ся *задыхають* (задыхаются). Иния людье вси стоять съ свѣщи невзженны, ждуть „отверзенья дверей церковныхъ. Внутрь же церкви токмо Попове „едины суть, и ждуть Попове и вси людье, дондеже придеть „Князь съ дружиною...... И вси людье вся глаголють токмо: *Господи помилуй*! и зовуть неослабно и вопиють сильно, якъ *тутнати* (гремѣть) и гремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людей, и ту источницы слезами проливаются отъ вѣрныхъ людей; аще бо кто каменно „сердце имать, но тоть можеть прослезитися... Всякъ бо человѣкъ глаголеть къ собѣ: егда моихъ дѣля грѣховъ не снидеть свѣтъ святый..... „И яко бысть 7 часъ дни, пойде Балдвинъ Князь къ гробу Господню и съ „*дружиною* изъ дому своего, вси боси, пѣши, и присла въ *Метохію*" (Metóxiov, *келлiи*: см. Дю-Канжа) Св. Саввы, и позва Игумена съ братіею ко „гробу Господню, и язъ худый *мужь*, и придохомъ къ Князю тому и поклонихомся ему вси. Тогда онъ поклонихся Игумену и всей братіи, и „повелѣ Игумену Св. Саввы и мнѣ худому близъ собе повелѣ ити, а „инымъ Игуменомъ и Черцемъ повелѣ передъ собою ити, а дружинѣ „повелѣ позади ити, и придохомъ къ церкви Св. Воскресенья къ западнымъ дверемъ, и се множество людей заступили двери, и Князь Балдвинъ „повелѣ воиномъ, и разгнаша людей и створиша улицю ольно до гроба. „И такъ могохъ пройти сквозѣ людье, ольно до гроба... И Князь по „насъ приде и ста на мѣстѣ своемъ на деснѣй странѣ у перегроды великаго олтаря: ту бо есть мѣсто Княже сдано высоко; и менежь худаго повелѣ поставити высоко надъ самими двери гробными, яко дозрѣти ми бяше въ двери гробныя... Латинскіи же Попове въ велицѣмъ олтарѣ стояша, и яко бысть 8 часъ *дни*, и начаша Вечерню пѣти, и Попове благовѣрніи, и Черноризцы, и вси духовніи мужи, пустынницы многи „и Латыни въ велицѣмъ олтари вѣщати свойски.... Язъ ту стояше, прилѣжно зря къ дверемъ гробнымъ, и яко начаша чести паремьи, изыде „Епископъ съ Дьякономъ изъ великаго олтаря, и приде къ дверемъ гробнымъ, и „позрѣ въ гробъ сквозѣ крестецъ дверей тѣхъ; и не узрѣ свѣта и возвратися опять. И яко начаша чести паремью 6, тотъ же Епископъ приде къ

„дверемъ гробнымъ, и не видѣ ничтоже, и вси людье воспѣша съ слезами: „*Кирie Елейсонъ*, еже есть: Господи помилуи! И яко бысть 9 часу минув-„шу, и нача пѣти пѣснь проходную: *Господеви поемъ*! Тогда приде вне-„запу туча мала отъ Встока лиць, и ста надъ верхомъ непокрытымъ „тоя церкви, дождь малъ надъ гробомъ святымъ и смочи ны добрѣ, и вне-„запу вся свѣтъ святый во гробѣ томъ, и изыде блистанье страшно и „свѣтло изъ гроба Господня святаго, и пришедъ Епископъ съ четырмя „Дьяконы, отверзо двери гробныя, и взяша свѣщу у Князя того Бал-„двина и вниде въ гробъ, вжже свѣщу Княжю первѣе; изнесше изъ гроба „свѣщу и даша самому Князю въ руцѣ, и ста Князь на мѣстѣ своемъ, „свѣщу держа съ радостію великою, и отъ того вси свѣщи вжьхомъ, а „отъ нашихъ свѣщь вси людье вжгоша. Свѣтъ же святый не тако яко „огнь земный, но чюдно инако свѣтъ тотъ изрядно, и пламя его чер-„влено есть яко киноварь... И тако вси людье стоятъ съ свѣщами, и „вопіютъ вси людье велегласно: Господи помилуй! съ радостію великою и съ веселье́мъ," и проч. Сіе описаніе въ своемъ родѣ достойно примѣчанія.

Далѣе: „Облобызавъ съ любовью мѣсто тое святое, идѣ же лежало тѣ-„ло Господа нашего І. Х., измѣрихъ собою гробъ вдоль и въ ширину и вы-„ше, колико есть (при людехъ бо не возможно есть измѣрити его нико-„муже) и почтихъ гробъ Господень по силѣ моей, яко *моги*, и тому клю-„чареви подахъ нѣчто мало и худое благословенье свое. Онъ же видѣвъ „любовь мою сущю къ гробу Господню, и къ тому ми удвину доску въ „главахъ гроба святаго, и ять ми того святаго камени мало благослове-„нья дѣля, и запретивъ мя никому жь повѣдати въ Іерусалимѣ. Язъ же „поклонився святому и ключареви, и вземъ кандило свое съ масломъ свя-„тымъ, изыдохъ изъ гроба Господня, съ радостью великою обогатився, и „нося въ руку мою даръ святаго мѣста и знаменья Св. гроба, и идохъ „радуяся, яко нѣкако сокровище и богатство нося. Богъ тому послухъ „и Св. гробъ Господень, якъ въ всѣхъ мѣстѣхъ святыхъ не забыхъ именъ „Князей Руськыхъ и Княгинь, и дѣтей ихъ, и Епископъ, и Игуменъ, и „Боярь, и дѣтей моихъ духовныхъ. И о семь похвалю Бога моего благо, „яко сподобилъ мя худаго имена Князей Руськыхъ написати въ Лаврѣ „Св. Саввы, и нынѣ поминаются имена ихъ въ Ектеніяхъ и съ женами, и „съ дѣтми. Сеже имена ихъ: Михаилъ-Святополкъ, Василій-Владиміръ, „Давидъ Святославичь, Михаилъ-Олегъ, Панкратій (Святоша) Святосла-„вичь, Глѣбъ Мѣнскій (Минскій), и сколько есть помнилъ, опричь всѣхъ „Князей Руськыхъ и Болярь, и отпѣхомъ Литургію за Князей Русь-„скыхъ, и за вся Хресьяне 50 Литургій, и за усопшія Литургію отпѣ-„хомъ. И буди же всѣмъ почитающимъ (читающимъ) се съ вѣрою и любо-„вью благословенье отъ Бога и отъ Св. гроба и отъ всѣхъ мѣстъ святыхъ. „Бога дѣля, братіе и господіе мои, не зазрите худоумью моему и грубо-„сти моей. Да не будетъ въ похваленье написанье се мене ради, но гро-„ба Господня ради кто съ любовью почтетъ, да мзду приметъ отъ Бога „Спаса нашего, и Богъ мира съ всѣми вами въ вѣки вѣковъ. Аминь." Лю-бители отечественныхъ древностей не подосадуютъ на меня за сіи выписки.

Далѣе: „Мнѣ же худому Богъ послухъ есть, Св. гробъ Господень и вся „дружина, Рустіи сынове, приключившійся въ тотъ день" — въ церкви „Воскресенія, во время вышеописаннаго Даніиломъ чуда — „Новогородстіи, „Кіане: Изяславъ Ивановичь, Городиславъ Михайловичь, Кашкича (два) и „иніи мнозіи."

(212) См. харатейную *Кормчую Книгу* Синодал. библіотеки No 82. Тамъ, въ LXII отдѣленіи, въ сочиненіи названномъ: *Вѫпроси Кюрьяка, еже вѫпроси Епископа Новогородскаго Нифонта* (умершаго около половины XII вѣка) сказано: „ходили бяху ротѣ (обѣщались), хотяче въ Іерусалимъ, „повелѣ ми опитемью дати: *та бо*, рече, *рота губитъ землю сію*" — т. е. многіе не исполняли своего обѣта.

(213) Несторъ: „въ се же лѣто (6614) преставися Янь, старецъ доб„рый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ; живъ по закону Божью не „хуже первыхъ Праведникъ; отъ него же и язъ многа словеса слышахъ, „еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ. Бѣ бо мужъ благъ и кротокъ и „смиренъ, огтребаяся всякія вещи, его же гробъ есь въ Печерскомъ мо„настыри въ притворѣ, идѣже лежитъ тѣло его, положено мѣсяца Іу„ня въ 24." Сей Воевода Кіевскій, Янь Вышатичь (см. *Патерикъ*, л. 64 на обор.) погребенный вмѣстѣ съ супругою Маріею, семидесяти семи лѣтъ, т. е. въ 1093 году, еще сражался съ Половцами на берегахъ Стугны.

Татищевъ думалъ, что Несторъ писалъ только до 1094 году, или до мѣста, гдѣ поставленъ Аминь; но сего Аминя нѣтъ въ древнихъ спискахъ, ни въ самыхъ новѣйшихъ, *Никонов.* и другихъ подобныхъ; впрочемъ онъ и не могъ бы служить доказательствомъ. Напротивъ того ясно видимъ, что Несторъ писалъ еще въ 1096 году, говоря (лѣт. 6604): *„намъ су*„щимъ по кельямъ почивающимъ" (въ Лаврѣ), ибо другаго *Печерскаго* Лѣтописца не знаемъ. Гдѣ же точно онъ заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 году, подъ коимъ во многихъ древнихъ спискахъ находятся слѣдующія строки: „Игуменъ Сильвестръ Св. „Михаила *написахъ* книгы си *лѣтописецъ*, надѣяся отъ Бога милость „пріяти, при Князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время „игуменѣющю у Св. Михаила въ 6624, Индикта 9 лѣта; а иже чтетъ „книгы сія, то буди ми въ молитвахъ." И такъ здѣсь былъ перерывъ. Многіе изъ слова: *написахъ*, заключали, что Сильвестръ продолжалъ Нестора, и считали сего Игумена вторымъ нашимъ древнимъ Лѣтописцемъ; но тутъ *написахъ* значитъ *списалъ*: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи. Если бы Сильвестръ (Несторовъ современникъ и послѣ Епископъ Переяславскій), былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году не оставилъ бы *шести* лѣтъ (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ инаго, для насъ безъименнаго человѣка. Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безъименный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе.

(214) Такъ въ *Ростов.* и *Воскресен. Лѣт.* Татищевъ прибавляетъ, что Кіевскій народъ не хотѣлъ видѣть Святославичей на престолѣ и раз-

грабилъ домы Вельможъ, которые держали ихъ сторону; что Жиды, видя свою бѣду, собрались въ Синагогѣ и долго оборонялись; что Владиміръ, убѣжденный общею къ нимъ ненавистію (ибо они многихъ людей отвращали отъ Христіанства и завладѣли торговлею), призвалъ Князей на совѣтъ, и выслалъ всѣхъ Жидовъ; что съ того времени *не было* ихъ въ нашемъ отечествѣ, и народъ обыкновенно *убивалъ тѣхъ*, которые *дерзали пріѣзжать въ Россію*. Въ лѣтописяхъ напротивъ того сказано, что въ 1124 году *погорѣли Жиды въ Кіевѣ*: слѣдственно ихъ не выгнали. — Татищевъ прибавляетъ еще, что Мономахъ посадилъ въ Смоленскѣ, вмѣстѣ съ Вачеславомъ, другаго сына, именемъ *Глѣба* (коего не знаемъ); что Мстиславъ воевалъ съ Олегомъ, который хотѣлъ быть Великимъ Княземъ, и проч. Мстиславъ дѣйствительно побѣдилъ Олега, но гораздо ранѣе (см. выше, стр. 112).— Въ годъ Мономахова восшествія на престолъ, въ 1113, Вячеславъ Владиміровичь отправился княжить въ Смоленскъ, Романъ Владиміровичь *женился на дочери Володаря*, горѣлъ Новгородъ и поставленъ Даніилъ Епископомъ Юрьеву, а Никита Бѣлугороду. — въ *Кіевской*: „*Преставися Игуменья Лазорева монастыря, свята житіемъ*, мѣс. Сент. „въ 14 день, живши лѣтъ 60 въ Черничествѣ, а отъ рожденія 92." Въ семь же году Мстиславъ основалъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Николая близь торговой площади на Княжескомъ Дворѣ. Въ одной Новогород. рукописи сказано, что Князь Мстиславъ, будучи въ тяжкомъ недугѣ, видѣлъ во снѣ Николая Чудотворца, велѣвшаго ему послать въ Кіевъ за его образомъ, который стоялъ въ Софійской церкви; что Бояринъ Мстиславовъ отправился туда озеромъ Ильменемъ, и что поваръ сего Боярина, черпая воду, увидѣлъ самую ту икону, за коею они ѣхали; что Мстиславъ, выздоровѣвъ, поставилъ ее въ храмѣ Св. Николая на Княжескомъ Дворѣ; что Царь Іоаннъ Васильевичь перевезъ оную въ Москву, въ церковь Благовѣщенія на Царскомъ Дворѣ, гдѣ сія икона черезъ 25 лѣтъ сгорѣла во время пожара; что Новогородскій Архіепископъ Климентъ въ 1292 году построилъ церковь Св. Николая на Липнѣ, въ семи поприщахъ отъ Новагорода, на берегу Ильменя, куда приплылъ изъ Кіева образъ сего Угодника. — Въ 1114 году, Марта 6, поставленъ Епископъ Кириллъ (но куда, неизвѣстно); умеръ Святославъ, Мономаховъ сынъ, въ Переяславлѣ, куда перевелъ его отецъ изъ Смоленска; также Романъ Всеславичь Полоцкій и Мстиславъ, внукъ Игоревъ. Святослава погребли у церкви Св. Михаила.

(216) Украшеніе раки Св. Бориса и Глѣба описано въ *Степен. Книгѣ* Ч. I, стр. 211, 212. Татищевъ, именуя Духовныхъ сановниковъ, бывшихъ при семъ обрядѣ, пишетъ: „и *Азъ* Сильвестръ Михайловскій." Сего мѣстоименія нѣтъ въ лѣтописяхъ. Владиміръ три дни угощалъ *народъ*. Въ *Пушкин.* сказано: „и повелѣ Володимеръ метати паволокы, фофудьи (кафтаны) и *орницѣ* (а не *ирнице*) бѣль людемъ." Въ *Кіевск.* прибавлено: „ово же *сребренникы*." *Орницами* назывались опушки у кафтановъ, отъ Византійскаго слова Orna, limbus. — Авторъ *Степен: Книги* говоритъ, что Олегъ, видя разрушеніе деревянной Вышегородской церкви, гдѣ лежали мощи Святыхъ, построилъ на свои деньги каменную еще въ 1112 году, но Святополкъ не

хотѣлъ въ угодность ему перенести туда раки ихъ. Освященіе церкви было 1 Маія, а перенесеніе мощей 2; поставили же ихъ на своемъ мѣстѣ въ четвертый *день*. Въ *Кіевск. Лѣт.*: „распри же бывши межи Володи„меромъ и Давыдомъ и Олгомъ, Володимеру бо хотящю поставити среди „церкви и теремъ сребренъ поставити надъ нима, а Давыдъ и Олегъ хо„тяша поставити я̀ въ комору, идѣже отецъ, рече, мой назнаменалъ, на „правой странѣ, идѣже бяше устроенѣ комарѣ има. И рече Митрополитъ „и Епископи: връзете (бросьте) жребій, да гдѣ изволита мученика, ту „я̀ поставимъ . . . и положи Володимеръ свой жребій, а Давыдъ и Олегъ „свой на Св. *трапезѣ*, и выняся жребій Давыдовъ и Олговъ, и поставиша я̀ въ комару, гдѣ нынѣ лежита."

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора включено весьма подробное изображеніе всѣхъ Небесныхъ благодѣяній, коими Россія обязана предстательству Бориса и Глѣба. Тамъ сказано: „еста заступника Русьстѣй земли, „молящаяся воину (выну) ко Владыцѣ о своихъ людехъ: покориша пога„ныя подъ нозѣ Княземъ нашимъ," и проч. (см. въ *Никонов.* I, 121).

(216) См. о ростахъ выше, и *Русскую Правду* стр. 55. Тамъ сказано: „Владиміръ по Святополцѣ созвавъ дружину на Берестовомъ:" въ началѣ своего правленія, какъ надобно думать.

(217) См. Губер. Liefländ. Chronik, T. I, стр. 69, Оденпе не далеко отъ Дерпта. Въ лѣтописи: „приведе Володимеръ сына своего, Мсти„слава, изъ Новагорода въ Кыевъ, и дасть ему Бѣлгородъ" — а не Вышегородъ, какъ пишетъ Татищевъ.

(218) „Прогна Володимеръ (въ 1121 году) Берендичи изъ Русьскіе земли, „а Торцы и Печенѣзи сами бѣжаша; и тако мятущеся здѣ и ондѣ, и та„ко погибоша." Въ описаніи 1114 года сказано: „Бишася Половци съ Тор„ки и съ Печенѣги у рѣки *Дону*, и сѣкошася два дни и двѣ нощи, и при„идоша Торцы и Печенѣзи къ Володимеру." Гдѣ въ однѣхъ лѣтописяхъ говорится о Торкахъ, Берендѣяхъ и Печенѣгахъ, тамъ въ другихъ названы только Черные Клобуки (см. *Рос. Библіот.* стр. 225. и *Воскресен. Лѣт.* II, 28). Сіе имя было для нихъ общимъ и дано имъ, безъ сомнѣнія, отъ черныхъ шапокъ. Тоже значитъ имя нынѣшнихъ Каракалпаковъ, нѣкогда обитавшихъ, по собственному ихъ преданію, въ Россіи Восточной (см. Рычкова *Оренбург. Топографію*, I, 173 — 174). Сихъ же Черныхъ Клобуковъ называли Черкасами (см. *Воскресен. Лѣтоп.* II, 21). Въ самомъ началѣ Мономахова княженія Половцы приближались къ Вырю: „Володимеръ же „съвокупивъ сыны своа и сыновци, иде къ Выру, и съвокупися съ Ол„гомъ: Половци же бѣжаша" (см. *Кіевск. Лѣт.*).

Годы всѣхъ описанныхъ происшествій: Мстиславъ, побѣдивъ Чудь въ 1113 году, взялъ *Медвѣжью голову* въ 1116 на память Сорока Мучениковъ; въ томъ же году Ярополкъ воевалъ Половецкую землю; въ 1117 Мстиславъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ и Бѣловежцы пришли въ Россію (см. *Кіевск. Лѣт.*); въ 1120 Ярополкъ ходилъ за Донецъ и *Донъ* (нигдѣ не встрѣтивъ Половцевъ) а Георгій на Болгаровъ; въ томъ же или въ 1121 году Берендѣи, Печенѣги и Торки ушли изъ Россіи; походъ Всеволода Мстиславича на *Ямь* былъ въ 1123 году.

(219) Развалины Малороссійской Бѣлой Вежи находятся отъ вершины Остера въ 10 верстахъ, отъ Борзны въ 30, отъ мѣстечка Батурина въ 40, на открытой и ровной степи. Тамъ видны еще три вала и ровъ, который простирается въ длину на четыре версты; также нѣсколько кургановъ или высокихъ могилъ. Въ окрестности сего мѣста съ 1767 года живутъ иностранцы. Они поселены въ шести деревняхъ: главная именуется Екатеринополь, и выстроена на самыхъ развалинахъ древней крѣпости. Г. Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Шафонскій, описывая *Бѣловежскую Колонію* въ 1786 году, упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ каменныхъ остаткахъ городской стѣны, воротъ, башенъ и погребовъ; но онъ несправедливо считалъ сію Бѣлую Вежу древнею Козарскою, взятою Святославомъ въ 965 году (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90 и 387, и Т. V, примѣч. 133). Россіяне еще при Олегѣ завоевали нынѣшнюю Черниговскую Губернію, гдѣ жили Сѣверяне. — Рукописное сочиненіе Г. Шафонскаго и планъ Бѣлой Вежи получилъ я отъ покойнаго Черниговскаго Губернатора, Ѳедора Ивановича Френздорфа.

(220) Въ *Степен. Книгѣ*. (I, 247) сказано только, что Владиміръ, за свое мужество, принялъ діадиму Константина Мономаха и другую Царскую утварь; что Неофитъ, вмѣстѣ съ Епископомъ *Митулинскимъ* (*Митилинскимъ*) и Милитинскимъ (Мелитинскимъ) вѣнчалъ сего Великаго Князя въ Соборной церкви, какъ перваго Царя Россійскаго. Авторъ *Синопсиса*, несправедливо ссылаясь на древнія лѣтописи, сказываетъ, что Алексій написалъ тогда ко Владиміру слѣдующее письмо: „Алексій Комнинъ, милостію Божіею православный Царь Греческій, Великому въ державныхъ Князехъ Россійскихъ, Владиміру, радоватися. Понеже съ нами единыя Вѣры еси, пачеже и единокровенъ намъ: отъ крове бо Великаго Константина Мономаха идеши, сего ради не брань, но миръ и любовь подобаетъ намъ имѣти. Нашу же любовь да познаеши паче, юже имамы къ твоему благородію, се посылаю ти вѣнецъ Царскій еще Конст. Мономаха, отца матери твоея, и скиптръ, и діадиму, и крестъ съ животворящимъ древомъ златый, гривну и прочая Царская знаменія, и дары, ими же да вѣнчаютъ благородство твое посланныи отъ мене Святителіи, яко да будеши отселѣ Боговѣнчанный Царь Россійскія земли." Въ повѣстяхъ рукописныхъ (изъ коихъ самая древнѣйшая, мнѣ извѣстная, писана въ началѣ XVI вѣка: см. Синод. библ. No 365) находится весьма обстоятельная о томъ сказка (сокращенная въ печатн. *Воскресен. Лѣт.* стр. 257 и въ *Царственномъ*): вотъ ея *содержаніе*: „Великій Князь Владиміръ призываетъ другихъ Князей Русскихъ, сродниковъ, Бояръ, Синклитъ, Митрополита, Епископовъ, и говоритъ имъ: *Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ, Всеволодъ брали дань съ Константинополя; но Греки не хотятъ нынѣ давать ее: что дѣлать?* Принудить ихъ, Государь! отвѣтствовалъ Совѣтъ единодушно — и Владиміръ отправилъ пословъ къ Императору Константину Мономаху" (умершему лѣтъ за пятьдесятъ до того времени). „Сей Императоръ съ гордостію отвергнулъ требованіе Россіянъ, и Великій Князь велѣлъ Мстиславу наказать Грековъ. Мужественный сынъ его завоевалъ Ѳракію и другія Греческія

„области. Тогда Императоръ, видя бѣду, совѣтовался съ Патріархомъ „Иларіемъ" (котораго не бывало) „и вздумалъ послать въ Кіевъ Ефес-„скаго Митрополита, Неофита, съ другими Святителями и чиновника-„ми: снялъ съ шеи своей животворящій крестъ, а съ головы вѣнецъ, и „положилъ на золотое блюдо; спросилъ также *крабійцу* сердоликовую „(изъ коей пивалъ Августъ Кесарь) цѣпь золотую и многія иныя драго-„цѣнности; вручилъ оныя посламъ и велѣлъ сказать Владиміру: *оставь въ* „*покоѣ Христіанъ единовѣрныхъ; возьми украшенія древнихъ Царей Гре-„ческихъ; будь также Царемъ и моимъ братомъ*! Владиміръ согласился, „и Неофитъ въ Соборной церкви возложилъ на него вѣнецъ, крестъ жи-„вотворящій, порфиру, виссонъ и гривну златую, назвавъ Великаго Кня-„зя Мономахомъ, подобно Императору Константину. Наконецъ, умирая, „сей Государь Россійскій собралъ знаменитое Духовенство, Бояръ, куп-„цевъ, и сказалъ имъ: *да не вѣнчаютъ никого на Царство по моей смер-„ти! Отечество наше раздѣлено на многія области: если будетъ Царь, „то удѣльные Князья отъ зависти начнутъ воевать съ нимъ, и госу-„дарство погибнетъ*. Онъ вручилъ Царскую утварь шестому сыну сво-„ему, Георгію; велѣлъ хранить оную какъ душу или зѣницу ока и пере-„давать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ Царя, истиннаго Само-„держца, въ государствѣ Велико-Россійскомъ." — Въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ, на дверяхъ Императорскаго мѣста, есть надпись такого же содержанія, какъ и сія повѣсть, съ прибавленіемъ, что Константинъ Мономахъ воевалъ тогда *съ Латиною* (развѣ Алексѣй Комнинъ?), и что послѣ Олега ходилъ къ Царюграду *Всеславъ* (Святославъ) *Игоревичь*. Poëticis decora fabulis! — Князь Россійскій *Владиміръ* дѣйствительно воевалъ съ Константиномъ Мономахомъ, но только не *Всеволодовичь*, а *Ярославичь*, какъ мы выше описали. По крайней мѣрѣ Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ въ 1561 году письменно утвердилъ истину Владимірова Царскаго вѣнчанія въ грамотѣ своей къ Царю Іоанну Василіевичу (см. въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ Греческія дѣла No I, *л. 175*, и сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 163).

(221) См. Констант. Багрянородн. въ Бандури, Т. I, стр. 63; см. также духовныя грамоты Великихъ Князей Іоанна Іоанновича, Донскаго и наслѣдниковъ его, хранимыя въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, или *Древн. Рос. Вивліоѳ*. I, 67, 107, 151. Каждый изъ нихъ отказывалъ большому сыну *цѣпь золотую съ крестомъ, шапку золотую, бармы и коробку сердоликовую*. — Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при отцѣ Царя Іоанна Василіевича, сказываетъ (R. M. Com. стр. 5), что Россійскіе Государи въ день коронованія употребляютъ Мономахову утварь. Стрийковскій (который жилъ въ XVI вѣкѣ) пишетъ, что Владиміръ отнялъ у Генуэзцевъ городъ Кафу, въ единоборствѣ побѣдилъ Воеводу ихъ, и снялъ съ него золотую цѣпь, хранимую въ сокровищѣ Московскихъ Князей, носимую ими въ часъ торжественнаго помазанія, и называемую *Барма*! Шведъ Петрей (издавшій свою Московскую Хронику въ 1620 году) слышалъ отъ Русскихъ, какъ онъ говоритъ (стр. 533), что Царская одежда Мономахова привезена симъ Великимъ Княземъ также изъ Кафы, гдѣ онъ

воевалъ съ *Татарами*. Испанскій Историкъ, Антоній Герера, современникъ Филиппа II, увѣряетъ, что *Митра*, ожерелье (mobile) и скипетръ Мономаховы суть трофеи побѣды, одержанной Владиміромъ надъ Кафимскимъ *Консуломъ*: чему радовался Генуэзскій Патриціи, Іеронимъ де Маринисъ, восклицая: „такъ уважаютъ Россіяне нашу знаменитую Республику!" См. Sammlung Russ. Gesch. II, 80. Стриковскій, Петрей и Герера не справились съ хронологіею: въ княженіе Мономаха не было еще въ Кафѣ ни Татаръ, ни Генуэзцевъ, которые завладѣли ею въ XIII вѣкѣ.

(222) Въ *Пушкин.*, *Троицк.*, *Кіевск.* и другихъ спискахъ, г. 6624 (1116): „въ се жь лѣто иде *Леонъ*, зять Володемерь, на Киръ Олексѣя Царя, и „вдася ему городовъ Дунайскыхъ нѣколико, и въ Дрьстрѣ городѣ лестію „убиста й два Сърачинина, посланая Царемъ, мѣс. Авг. *15*." Въ *Кіевск.* подъ тѣмъ же годомъ: „Князь Великый Володимеръ посла Іоанна Войтишича и посажа Посадникы по Дунаю... Того жь лѣта ходи Вячеславъ на Дунай съ Ѳомою Ратиборичемъ, и пришедъ къ Дерьстру, и не „успѣвше ничтоже, воротишась." — См. *жизнь Алексія Комнина*, описанную его дочерью Анною, кн. IX, гл. 5, и кн. X, гл. 2 и 3; также Русск. переводъ Кедрина, Ч. III, л. 11. Анна, любя хвалить отца, описываетъ единственно такія происшествія, которыя могли дѣлать ему честь: о другихъ молчитъ. — Сынъ Маріи Владиміровны, убитый въ 1136 году, названъ въ *Кіевск. Лѣт.* „Царевичемъ Василькомъ *Леоновичемъ*," а въ другихъ только внукомъ Мономаховымъ и *Маріинемъ* или сыномъ Маріи, умершей въ 1147 году, Генв. 20 („въ Недѣлю; а въ Понедѣльникъ вложена „бысть въ гробъ въ своей церкви, въ ней же и пострижеся").

Татищевъ вздумалъ назвать Леона сыномъ *Алексія Седьмаго*!! прибавляетъ также, что Греки въ 1116 году выгнали Мономаховыхъ Посадниковъ изъ городовъ Дунайскихъ; что Владиміръ въ 1119 году снова отправилъ туда Воеводу Яна Вышатича и готовился самъ къ походу; что Алексій Комнинъ (умершій въ 1118 году!) прислалъ ему вѣнецъ съ дарами, заключилъ съ нимъ миръ и сосваталъ его внуку, дочь Мстислава, за сына своего Іоанна. Сей Историкъ не зналъ, что Іоаннъ Комнинъ былъ женатъ на Венгерской Княжнѣ.

(223) Вмѣстѣ съ Ярополкомъ ходилъ къ Друцку Давидъ Черниговскій. — „Ярополкъ сруби городъ *Желній*, и дасть его Дручаномъ (жителямъ „Друцка), ихъ же полони." Въ Курской Губерніи есть или была рѣчка *Желенъ* (см. *Больш. Черт.* стр. 142): не тамъ ли находился и городъ *Желній*? Курскъ принадлежалъ Мономаху. — О сей войнѣ съ Глѣбомъ сказано въ Духовной Владиміра такъ (стр. 42, 43): „къ Менску ходихомъ на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ" См. *Кіев. Лѣт.* г. 6624 (1116), гдѣ вмѣсто *Смоленска* надобно читать *Менскъ*. „Володимеръ же нача „ставити *избу* у товара (стана) своего противу граду. Глѣбови же узрѣвшу, ужасеся сердцемъ, и нача ся молити... Володимеръ же сжалися тѣмъ, иже пролитаіеся кръвь во дни Великого поста, и вдасть „ему миръ. Глѣбъ же вышедъ изъ города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру.... Володимеръ же, наказавъ его о всемъ, вдасть „ему Менескъ." — Татищевъ пишетъ, что Мономахъ, изъ уваженія къ

предстательству иныхъ Князей, согласился забыть вину Глѣба и далъ ему съ его семействомъ великій миръ.

Владиміръ сперва *только* осаждалъ Минскъ, а взялъ его уже черезъ три года. Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ въ 1119 году, Сентября 13. Онъ былъ женатъ на дочери Ярополка Изяславича, убіеннаго Нерядцемъ въ 1086 году. Супруга его вдовствовала 40 лѣтъ, а жила 84 года. Объ ней сказано въ лѣтописяхъ (*Воскресен.* II, 44): „положена бысть въ Печерскомъ „монастырѣ у Св. Ѳеодосья въ головахъ; имѣяшеть бо великую любовь „къ Св. Богородици и къ отцю Ѳеодосью, и со Княземъ своимъ ревную„ще отцю своему Ярополку: Ярополкъ бо всю жизнь дая (Богородицѣ) „Небольскую волость и Деревскую и Лучьскую и около Кыева; а Глѣбъ „вда въ животѣ своемъ съ Княгинею 600 гривенъ сребра, а по животѣ „его Княгиня дась 100 гривенъ сребра, а 50 золота, а по своемъ животѣ „села и съ челядью и со всѣмъ.“

(224) См. печатн. *Новогород. Лѣтоп.* стр. 11: „и разгнѣвася на ты, „оже ограбили Даньслава и Ноздрчю, и на Сочьскаго на Ставра.“

Далѣе въ лѣтописяхъ: „приде Борисъ изъ Кыева посадничать въ Новгородъ.“ Предшественники его были Добрыня, Дмитрій Завидичь и Костянтинъ Моисеевичь: первый умеръ въ 1117 году, Дек. 6; вторый 1118, Іюля 9; а третій въ 1119. Родъ Добрыни, Владимірова дяди, жительствовалъ въ Новѣгородѣ по кончинѣ сего знаменитаго Воеводы. Костятинъ и Завидичь были также Новогородцы. Дочь Дмитрія Завидича называется *Новогородскою* (см. *Лѣтоп. Новогород.* стр. 12).

(225) Въ лѣтописяхъ сказано, что Ярославъ бѣжалъ сначала въ Венгрію; но онъ, кажется, ушелъ туда уже въ то время, когда отчаялся въ храбрости и силѣ Поляковъ.

Длугошъ пишетъ, что Мономахъ несправедливо считалъ Князя Владимірскаго своимъ тайнымъ врагомъ, и что Ярославъ, чувствуя свою невинность, явился безоружный въ станѣ Кіевлянъ, усовѣстилъ дядю и заключилъ съ нимъ миръ; что Владиміръ, снова подозрѣвая его въ опасныхъ замыслахъ, велѣлъ ему пріѣхать въ Кіевъ; но что Ярославъ, обманутый совѣтниками, ушелъ къ Болеславу съ женою и дѣтьми, поручивъ свой городъ дружинѣ (Hist. Polon. кн. IV, стр. 410, 411). Романъ, сынъ Мономаховъ, умеръ, по нынѣшнему лѣтосчисленію, въ 1119 году, Генв. 6. Андрей женился на Тугоркановой внукѣ въ 1117 году. Болеславъ Кривоустый былъ женатъ на родной сестрѣ Ярослава (см. выше, примѣч. 209).

Татищевъ, не довольный краткостію нашихъ Лѣтописцевъ, прибавляетъ, что Намѣстникъ Ѳома подослалъ къ Ляхамъ Василя Бора, мнимаго измѣнника, который уговорилъ ихъ жечь и грабить окрестныя села; что хитрый Червенскій Посадникъ доставилъ имъ также нѣсколько бочекъ вина и меду, и разбилъ непріятелей, когда они разсѣялись для грабежа, и пили въ станѣ; что Мономахъ далъ за то Ѳомѣ гривну съ золотою цѣпію и сдѣлалъ его Тысячскимъ города Владиміра.

Въ лѣтописяхъ о смерти Ярослава: „изъ града вышедше два Ляха и „скрыстася, легше на увозъ на пути, юду же ему минути ихъ. Ярославъ же возвратився пойде отъ града, и бывшу ему на увозѣ, идѣ же

„Ляха та ловяста его, и яко миноваше ихъ, они же вскочивше и пробо„доста й *оскепомъ*“ (копьемъ). Сіе описаніе, взятое изъ Ростовской и другихъ хорошихъ лѣтописей, достовѣрнѣе Никоновскаго; а Татищевъ разсказываетъ, что Ярославъ или Ярославецъ выпросилъ у Болеслава и *Коломана* Венгерскаго (развѣ Стефана) 7000 человѣкъ и съ ними обступилъ Владиміръ; что Андрей, видя безпорядокъ въ его войскѣ, напалъ и разбилъ Ярослава; что сей послѣдній былъ самъ въ числѣ убитыхъ и погребенъ въ Владимірѣ; что союзники его спѣшили заключить миръ съ Андреемъ; что Коломанъ далъ пиръ, также Болеславъ, Андрей, и проч. Сіи обстоятельства взялъ Татищевъ изъ Матѳ. Стриковскаго, а Стриковскій изъ Длугоша (Hist. Pol. кн. IV, 420), а Длугошъ изъ головы своей, прибавляя, что Ярославъ убитъ осаждая *Кіевъ*! Сей Историкъ называетъ Коломана братомъ Стефановымъ; но у Стефана не бывало такого брата.

Годы описанныхъ происшествій: Ярополкъ Владиміровичь взялъ Друцкъ въ 1115 году и построилъ Желній въ 1116; Мономахъ осадилъ Минскъ въ 1115, Генваря 28, а завладѣлъ имъ въ 1119; призывалъ Бояръ изъ Новагорода въ 1112, и послалъ туда Намѣстника Бориса въ 1120; ходилъ на Ярослава въ 1117; сей послѣдній, удаливъ отъ себя жену и свѣдавъ о вторичномъ походѣ Мономаха ко Владиміру, бѣжалъ въ 1118 году, приступалъ къ Червену въ 1121, а ко Владиміру въ 1123.

Замѣтимъ также происшествія сего времени, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи. Въ 1115 году затмѣніе солнца. Вой гость заложилъ церковь Ѳеодора Тирона въ Новѣгородѣ, Апр. 28, и былъ ужасный моръ на лошадей, такъ, что Князь Мстиславъ и дружина его лишились всѣхъ коней своихъ. Въ 1116, Іюня 20, умеръ Мина, Епископъ Полоцкій. Въ 1117, Маія 14, во время Вечерни, убило громомъ Діакона въ Софійской Новогородской церкви, и бывшіе люди не могли устоять на ногахъ (въ ту же ночь видѣли въ лунѣ какое-то знаменіе). Мономахъ заложилъ каменную церковь Бориса и Глѣба на Альтѣ, а Игуменъ Антоній (Римлянинъ: см. выше, примѣч. 210) каменный храмъ Богоматери, достроенный въ 1119, и монастырь въ Новѣгородѣ. Болгары отравили ядомъ Хана Аэпу и многихъ Половцевъ. Умеръ Лазарь, Епископъ Переяславскій, Сент. 16, а мѣсто его, Генв. I, заступилъ Сильвестръ, который списывалъ Несторову Лѣтопись. Въ 1119 Новогородскій Игуменъ Киріакъ и Князь Всеволодъ Мстиславичь основали каменную церковь и монастырь Св. Георгія. (Тамъ находится надпись слѣдующаго содержанія: „Лѣта 6627 *заложилъ* цер„ковь каменну Князь Великій Мстиславъ Св. Георгія въ монастырѣ Юрь„евѣ, а *совершилъ* ею Великій Князь Всеволодъ, сынъ Мстиславичь Гаврі„илъ; а освятилъ ею въ лѣто 6648 мѣсяца Іюня на память Св. Апостолъ „Петра и Павла при Игуменѣ Исаіи, а зачата бысть при Игуменѣ Кирь„якѣ; а мастеръ дѣлалъ Петръ церковь о трехъ верхахъ“). — Въ 1120 умеръ сынъ Давида Черниговскаго, Ростиславъ (см. *Кіевск. Лѣт.*). Въ 1121, въ Копыревѣ Концѣ (въ Кіевѣ), основана церковь Св. Іоанна. Въ 1122, Марта 10, было *знаменіе въ солнцѣ* (затмѣніе), а въ лунѣ Марта 24 (не 30 и не 20); умеръ, Сент. 9, Даніилъ, Епископъ Юрьевскій, и Амфилохій Вла-

димірскій; а въ 1128 Епископъ Сильвестръ въ Великій Четвертокъ, Апр. 12, и Θеоктистъ Черниговскій Авг. 6; Симеонъ поставленъ въ Епископы Владиміру; въ томъ же году Митрополитъ Кіевскій, какъ сказано въ *Никон. Лѣт.*; заключилъ въ *своемъ* городѣ Синельцѣ (Синцѣ на Сулѣ) злаго еретика *Дмитра*; въ *другихъ лѣтописяхъ* нѣтъ сего извѣстія. Въ 1124 (а не въ 1123) Маія 10, въ Субботу, упала въ Переяславлѣ церковь Св. Михаила, созданная Митрополитомъ Ефремомъ, и скончалась вдовствующая Великая Княгиня, жена Святополкова, Февр. 28; а Всеволодъ, сынъ умершаго Давида, Князя Черниговскаго, женился въ Муромѣ на какой-то *Ляховкѣ* (Полькѣ).

Означимъ также *прибавленія* Татищева: „Въ 1116 году умеръ Романъ „*Святославичь* Рязанскій" (Романъ Святославичь убитъ Половцами еще въ 1079 году). — „Въ 1117 году Ярославецъ заключилъ союзъ съ Поляками, „въ намѣреніи отнять Владиміровы области и выгнать Ростиславичей. — „Мономахъ разселилъ купцевъ Бѣловежскихъ по городамъ. — Въ 1118 го„ду Великій Князь перевелъ сына своего *Глѣба* (котораго не бывало) „изъ Смоленска въ Переяславль, ѣздилъ въ Суздаль, и призвавъ *туда* луч„шихъ Новогородцевъ, взялъ съ нихъ письменное обязательство, чтобы „они зависѣли всегда отъ старѣйшаго въ родѣ его. — Въ 1119 году Глѣбъ „Минскій началъ воевать Смоленскую область: Мономахъ послалъ Мсти„слава и велѣлъ ему плѣнить самого Глѣба. Володарь ходилъ на Грековъ „съ Королемъ Венгерскимъ, и возвратился съ великимъ богатствомъ. — „Въ 1120 году Владиміровъ Воевода, *Андріанъ* Почаинъ, разорялъ Болесла„вовы области. — Въ 1122 Мономахъ отпустилъ внуку свою, *Добродѣю*, „въ Царьградъ за Императора Іоанна." Историкъ нашъ сказалъ выше, что въ 1119 году сей бракъ отложили на два года *ради младости жениха* и невѣсты; но Іоаннъ былъ тогда уже слишкомъ тридцати лѣтъ (см. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 178) и давно женатъ на Венгерской Княжнѣ. Далѣе: съ невѣстою ѣздилъ Россійскій Епископъ Никита, котораго „тамъ поставили въ Митрополиты. — *Ляхи*, увѣривъ Володаря въ сво„емъ мирномъ расположеніи, вдругъ напали на его войско и плѣнили сего „Князя. Василько далъ за брата *двѣ тысячи* гривенъ серебра," и проч. какъ пишутъ Длугошъ и Стриковскій; но Татищевъ въ десять разъ уменьшилъ сумму. Далѣе: „въ 1123 году Мономахъ шелъ на помощь къ Ан„дрею, и на берегахъ Стыря узналъ, что Россія освободилась отъ не„пріятелей. Въ 1124 погорѣло въ Кіевѣ 30 церквей" (вмѣсто шести сотъ).

(226) См. Туроц. Chron. гл. LXIII, и Прая Reg. Hung. 120. Туроцъ называетъ Ярослава *Безеномъ*.

(227) Такъ пишутъ древній безъименный Сочинитель *Жизни Оттоновой*, Богуфалъ и Кадлубекъ (см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. III, 232 — 236).

Длугошъ, который обыкновенно выдумываетъ и дополняетъ, изъ одного случая сдѣлалъ два: Володарь, по его разсказамъ, плѣненъ въ *сраженіи*; а коварный Петръ обманомъ увезъ Великаго Князя *Ярополка* въ 1136 году (чего никогда не бывало). Болтинъ чувствовалъ нелѣпость такой сказки: жаль только, что онъ не зналъ древнѣйшихъ Польскихъ Лѣто-

писцевъ и не могъ ими опровергнуть Длугоша: ибо Длугошъ, а не Кромеръ изобрѣлъ оную.

Сочинитель *Жизни Оттоновой* (II, отдѣл. 4) говоритъ, что онъ выкупа Володарева вся Россія обѣднѣла: ita ut Ruthenia tota insolita paupertate contabesceret. Длугошъ пишетъ, что Болеславъ требовалъ 80.000 марокъ или гривенъ серебра за освобожденіе Володаря, но помирился на двадцати тысячахъ; что Василько заплатилъ ему деньгами 12.000, придавъ 500 сосудовъ серебряныхъ: блюдъ, чашъ и стакановъ Греческой работы (Hist Pol. кн. IV, стр. 418). Кадлубекъ сказываетъ, что Володарь былъ искупленъ сыномъ Владимиркомъ (Hist Pol. кн. III. 723 — 724).

Нарушевичь прибавляетъ (кн. III, 235 — 236), что Василько убѣдилъ Короля заключить миръ съ нашимъ отечествомъ. По извѣстію сочинителя *Оттоновой Жизни*, Россіяне дали слово не входить никогда въ союзъ съ Поморянами и другими язычниками, врагами Болеслава, Пруссами, Половцами.

(228) Олегъ, женатый на Княжнѣ Половецкой, умеръ въ 1115 году, Авг. 1, а погребенъ 2, въ Черниговской церкви Св. Спаса, у гроба отца своего (см. *Кіевск. Лѣт.*); а Давидъ скончался въ 1123. Читателю извѣстенъ характеръ перваго. Авторъ *Степен. Книги*, сказывая, что братья любили добродушнаго, честнаго, смиреннаго Давида какъ отца, описываетъ чудо, бывшее при его смерти: Черниговскій Епископъ Ѳеоктистъ, видя Давида по краткопременной болѣзни отходящаго, велѣлъ пѣть канонъ кресту. Въ ту самую минуту *разступился* верхъ терема, влетѣлъ бѣлый голубь и сѣлъ на грудь умирающаго; Князь закрылъ глаза навѣки, и голубь исчезъ: храмина исполнилась благоуханія. Послѣ Вечерни отнесли тѣло въ церковь Преображенія: тогда явилась звѣзда надъ самымъ крестомъ ея; но тронулась съ мѣста и стала надъ созданною Давидомъ церковію Бориса и Глѣба, когда тѣло его *перенесли* съ сей храмъ. Гробъ еще не былъ готовъ, и Епископъ сказалъ: *солнце заходитъ; оставимъ погребеніе до утра*. Но многіе люди пришли объявить Епископу, что солнце не скрывается, и стоитъ на одномъ мѣстѣ. Ѳеоктистъ восхвалилъ Бога; работники спѣшили обтесать камень, и какъ скоро вложили тѣло въ гробъ, солнце сѣло." Оставляя чудо, замѣтимъ, что древніе Россіяне считали долгомъ погребать мертвыхъ въ самый день ихъ кончины, и единственно за неимѣніемъ готовой раки отлагали сей обрядъ до слѣдующаго дня. Авторъ, славя Давидову святость, съ жаромъ говоритъ о заблужденіи тѣхъ людей, которые думаютъ, что спастися могутъ одни безбрачные, пустынники и Монахи: ибо Давидъ жилъ въ мірѣ, правилъ Княжествомъ, уступавшимъ въ силѣ одному Кіевскому, имѣлъ жену, дѣтей и былъ святъ. *Степ. Кн.* I, 234. — Въ *Кіевск. Лѣт.*, г. 1116, сказано: „Предслава Черница Святославна преставися:" сестра Олега и Давида.

Володарь умеръ 19 Марта и погребенъ въ церкви Св. Іоанна, имъ созданной въ Перемышлѣ: такъ пишетъ Длугошъ (Hist. Pol. кн. IV, 423 — 425) сказывая, что Володарь нарушилъ заключенный союзъ съ Болеславомъ, снова разорялъ его области и былъ имъ побѣжденъ при мѣстѣ Ви-

ликовъ въ 1125 году; но сей Князь Перемышльскій скончался въ 1124. — О сыновьяхъ Володаревыхъ и Васильковыхъ см. ниже.

(229) Въ лѣтописяхъ: „Даръ си отъ Бога прія, да егда въ церковь вни„дяшеть и слыша пѣнье, и абье слезы испущашеть." О другихъ его добродѣтеляхъ см. въ *Никонов.* Ч. II, стр. 24, 57, 58. Татищевъ къ описанію Мономахова характера прибавляетъ, что сей Государь былъ лицемъ красенъ, ростомъ не великъ, но крѣпокъ и силенъ; имѣлъ большіе глаза, волосы рыжеватые и кудрявые, лобъ высокой, бороду широкую; и что, только одинъ разъ побѣжденный близъ Триполя, не могъ никогда говорить о семъ бѣдствіи, отъ сожалѣнія о братѣ Ростиславѣ, частію же отъ стыда.

(230) Сія *Духовная* или *Поученіе* Владимірово находится въ Пушкинскомъ харатейномъ спискѣ Нестора и напечатано особенно въ 1793 году.

Стр. 1: „Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ благовольнымъ (а не *благо„гласнымъ*) славнымъ нареченемъ" (должно читать: *нареченный*) „въ крещеніи *Василій*, Русьскымъ именемъ Володимеръ, отцемъ възлюбленнымъ и ма„терью своею Мономахы." Имя Василія ясно написано въ подлинникѣ. Такъ называетъ Мономаха современный Игуменъ Даніилъ (см. выше, примѣч. 211); но Татищевъ далъ ему Христіанское имя Θеодора. — Здѣсь узнаемъ отъ самого Владиміра, что Мономахомъ прозвали его отецъ и мать: слѣдственно не за мнимое единоборство съ Кафинскимъ Воеводою (какъ думалъ Стрыковскій) и не за полученный вѣнецъ Константина Мономаха.

Далѣе, стр. 2: „Сѣдя на *санехъ*": ибо мертвыхъ отвозили тогда въ церковь на саняхъ и зимою и *лѣтомъ* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 93). Стр. 2, 12, 13: „Велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя! Ни какъ же разумъ че„ловѣческъ не можеть исповѣдати чудесъ Твоихъ . . . Како небо устро„ено, како ли солнце, луна, звѣзды, и тма и свѣтъ? И земля на водахъ „положена, Господи, Твоимъ промысломъ. Звѣрье разноличніи, и птицы, „и рыбы украшены Твоимъ промысломъ, Господи! И сему чуду дивуемся, „какъ отъ персти создавъ человѣка, како образи разноличніи въ человѣче„скыхъ лицахъ: аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но „кый же своимъ лиц образомъ по Божіи мудрости. И сему ся подиву„емъ, како птицы небесныя изъ *Ирья* идуть" — (*Ирь* и въ нашемъ древнемъ языкѣ значилъ тоже, что Греческое *Иръ*, то есть *весну*, *утро*) — „и первѣе въ наши руцѣ, и не ставять ся (не остаются) на одной „земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, да наполнять „ся лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, „на веселье." — Владиміръ напоминаетъ также дѣтямъ многія прекрасныя мѣста изъ Василія Великаго (стр. 7). „При старыхъ молчати, премуд„рыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными (равными) и мень„шими любовь имѣти, безъ луки (кривизны) бесѣдующе, не обильно смѣя„тися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ (безстуднымъ) не „бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ." Далѣе, стр. 11: „Ни оди„ночьство, ни Чернечьство, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но ма„лымъ дѣломъ улучити милость Божію." — Слѣдующее говоритъ Владиміръ на стр. 16, 17, 18.

(231) См. въ печатн. стр. 3, 18, 24. Послы Князей нашли тогда Владиміра на берегу Волги, какъ онъ сказываетъ: вѣроятно, въ 1097 году.

Далѣе Мономахъ не велитъ слѣдовать тогдашнему суевѣрному мнѣнію, что встрѣча на пути съ Инокомъ или Попомъ бываетъ несчастлива.

(232) Стр. 21: „оружья не снимайте съ себе вборзѣ (скоро), не розглядавше *лѣнощами*: внезапу бо человѣкъ погибаетъ." Въ печатномъ не такъ раздѣлены слова. — Далѣе см. стр. 22, 23, 24. Въ подлинникѣ: „Напойте, „накормите *унеина*," вмѣсто хозяина. *Унна* значитъ домъ на языкѣ Кабардинскомъ (см. *Сравнительн. Слов.* Ч. II, стр. 117). Россіяне могли заимствовать сіе слово отъ Козаровъ, или Касоговъ, Торковъ, Половцевъ: ибо его нѣтъ въ Славянскомъ и Скандинавскомъ языкахъ.

(233) Стр. 27: „отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языковъ." Какихъ же? вѣроятно Греческій, Скандинавскій, Половецкій и Венгерскій, кромѣ Русскаго. Далѣе см. стр. 15, 16, 26—31, 46, 47.

(234) Мы вмѣстили ихъ въ описаніе Святополкова и Мономахова княженія.

(235) Въ печатн. стр. 43, 44. Издатели ошиблись въ изъясненіи словъ: „а дая скота много и многы порты свое." Не Владиміръ, а Ханы Половецкіе давали ихъ за свой выкупъ. Слѣдующее говоритъ Мономахъ въ печатн. на стр. 43—48.

(236) Мы только сократили оное и предложили Владиміровы мысли въ естественномъ ихъ порядкѣ, безъ всякихъ украшеній и прибавленія.

(237) Non vitia hominis, sed vitia saeculi: *пороки не человѣка, а вѣка.* — См. выше, стр. 105.

(238) Въ лѣтописяхъ: „Володимеръ устрои мостъ через Днѣпръ," (а Татищевъ прибавляетъ: „въ Вышегородѣ"), въ 1113 *или* 1115 году. — См. Мономахово поученіе, стр. 41

Въ Синодальной лѣтописи временъ Василія Темнаго (въ Библ. No 349, *л.* 224) и во многихъ другихъ новѣйшихъ сказано: „Мономахъ, правнукъ „Великаго Князя Володиміра, поставилъ градъ Володимерь Залѣшьскый въ „Суждальской земли, и осыпа его спомъ" (окружилъ валомъ) „и създа первую церковь Св. Спаса, за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія." Ниже означено, что славная Владимірская, *Златоверхая* церковь Богоматери совершена въ 1166 году: слѣдственно Мономахъ основалъ городъ Владиміръ въ 1116. Но въ харатейныхъ и другихъ лѣтописяхъ относится построеніе сей церкви къ 1160 году; въ 1161 она расписана, а въ 1164 Андрей Боголюбскій внесъ въ нее чудотворную икону Богоматери. — Старый городъ Владиміръ былъ въ *длину* 620 саженъ (см. лѣтоп. Синодальн. библ. No 111, *л.* 58 *на обор.*).

Въ древней Новогороской печатн. лѣтописи, стр. 11: „въ лѣто 6624 „(1116) Мьстиславъ заложи Новгородъ болій пѣрваго. Павлъ, Посадникъ *Ладожскый, заложи Ладогу* городъ камянъ" — т. е. каменную городскую стѣну. Въ другихъ лѣтописяхъ: „заложи Ладогу каменіемъ *на приспѣ*." Татищевъ изъ приспа, т. е. *вала*, сдѣлалъ *лесокъ*. Многіе лѣтописцы говорятъ о томъ подъ лѣтомъ 1114. Въ *Кіевскомъ*: „пришедшю *ми* въ Ладогу, повѣдаша ми Ладогожане, яко се здѣ, егда будетъ туча велика, бе-

„рушь дѣши наши глазкы сшькляныя, и малы и великы, проверщаны, а „другые подлѣ Влъхвъ берушь, еже выполоскиваешь вода, ошь нихъ же „вая болѣ сша; сушь же различь (различны). Сему же ми ся дивящу, ре-„коша: се не дивно; и еще у насъ мужи сшары, иже сушь ходили за Югру „и за Самоѣдь, яко видѣвше сами на полунощныхъ сшранахъ, спаде шуча „велика, и въ шой шучи спаде вѣверица млада, акы шонерво (шеперь) „рожденна, и възрасшыши и расходишся по земли, и пакы бываешь вшо-„рая шуча, и спадающь оленци мали въ ней, и възрасшающь, и расходяшся „по земли. Сему же ми есшь послухъ Павелъ Посадникъ Ладожскый и „вси Ладожане." За шѣмъ Лѣшописецъ ссылаешся на Греческіе Хроногра-фы и выписываешь изъ нихъ примѣры: Несшоръ или другой? неизвѣсшно. Видимъ единсшвенно, чшо онъ былъ шогда въ Ладогѣ.

(239) Въ *Ростов. Лѣт.* л. 97. на обор. и въ печашн. *Воскресен.* I, 263: „въ лѣшо 6632 бысшь бездождіе велико и пожаръ великъ въ Кыевѣ, яко „погорѣвшу ему мало не всему, Іюнія въ 23 день, яко церквей единыхъ сго-„рѣло мало не 600; а на Рождесшво Іоанна Предшечи погорѣ гора и мо-„насшыри всѣ, чшо ихъ было въ градѣ, и *Жидове* погорѣша." Ташищевъ разсудилъ за благо уменьшишь число церквей (см. выше, примѣч. 225).

Въ *Новогород. Лѣт.* сшр. 13: „въ лѣшо 6633" (въ годъ Мономаховой кон-чины) „бяше буря велика съ громомъ и градомъ, и хоромы разъдра, и съ „божницъ възны (кровлю) разъдра; сшада скошины исшопи въ Волховѣ, „а другыя одва перенчаша живы. Въ шоже лѣшо иcпьсаша (расписали) „божницю Авшонову."

(240) См. выше, сшр. 34, и примѣч. 45. Гида сочешалась бракомъ по-слѣ Гасшингскаго сраженія, бывшаго въ 1066 году; а какъ первый сынъ Владиміровъ, Мсшиславъ, родился въ 1075 *или* 1076 году (см. выше, при-мѣч. 131), шо вѣрояшно, чшо Мономахъ и женился около сего времени.

О кончинѣ вшорой Владиміровой жены см. выше, примѣч. 201. Трешія умерла въ 1126 году, Іюня 11. Ломоносовъ называешъ ее несправедливо Ев-фиміею: въ 1138 году дѣйсшвишельно умерла Евфимія, но шолько не жена, а дочь Мономахова: „пресшавися Евфимья *Володимерна,* и положена бысшь „на Бересшовѣмъ у Св. Спаса." Одинъ *Никон. Лѣт.* именуешь сію Евфи-мію супругою Владиміровою, и самъ себѣ прошиворѣчишь, сказывая, чшо *Княгиня* Мономахова умерла въ 1126 году, а Евфимія въ 1138 (см. выше, примѣч. 209).

(241) См. Торфеев. Hist. Norv. III, 377: Gyda nupsit Waldemaro, Russiae Regi. Waldemari ex Gyda filius Haraldus, Russiae Rex (Мсшиславъ), cui uxor Kristina *Sueciae* Regis *Ingii Steinkelis* filia, eorum filiae Malfridis et Ingibiorg. Malfridis nupsit primo *Sigurdo Hierosolymipetae*, Norvegiae Regi, deinde Eirico Eymunio, Daniae Regi. *Sed* Ingiborg, *soror* ejus, Knuto, Obotritorum Regi et Slesvici Duci, qui postea *Sanctorum* Collegio acces-sit. Eorum liberi Magnus ille Danorum Rex, Waldemarus *primus*. Ломоносовъ ошибся, назвавъ Христину первою супругою Мономаха: она вышла за сына Гидина, а Мономахъ родился ошь Гречанки. Владиміръ имѣлъ уже дѣшей въ 1076 году (см. выше, примѣч. 131), а Хрисшининъ ошецъ былъ шогда еще двадцаши одного году (см. Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 20).

Въ харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 12: „преставися Мстиславля (жена) Хр„стина" (г. 1122). Мудрено догадаться, что заставило Миллера въ родословной Великихъ Князей (см. *Ежемѣсяч. Сочиненія* годъ 1775, стр. 10) назвать Христину *Королевною Изобесъ*. Положимъ, что надобно читать: „изъ Обесъ или земли Абазинской"; но въ лѣтописяхъ нѣтъ и сего извѣстія. Болтинъ смѣялся за то надъ Щербатовымъ, который единственно повторилъ Миллерову ошибку.

(242) Въ лѣтописяхъ: „въ лѣто 6630 дщи Мстиславля ведена въ Греки „за Царевича." См. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 179. Алексій родился въ 1106 году, и могъ быть обрученъ шестнадцати лѣтъ. Ѳеодоръ Бальзамонъ, Патріархъ Антіохійскій, говоритъ, что супруга Алексіева употребляла какое-то волшебство въ леченіи болѣзней, и сама наконецъ въ страшныхъ мукахъ умерла отъ того. Бальзамонъ писалъ въ концѣ XII вѣка.

(243) Сіи два посланія нашелъ я въ Синодальн. библіотекѣ, въ книгѣ Меѳодія Патарійскаго, подъ No 375, съ заглавіемъ: *Посланіе отъ Никыфора Митрополита Кыевскаго къ Володимеру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля.* Первое начинается словами: „Вопрашалъ еси „былъ, благородный Княже, како отвръжени быша Латина отъ Св. пра„вовѣрныя церкве, и се якожь отвѣщався благородству твоему, повѣдаю „ти вины ихъ." Слѣдуетъ описаніе, въ чемъ Паписты уклонились отъ древняго ученія Церкви. Въ концѣ: „прочитай же, Княже мой, не единою, „ни дважды, но множицею, и ты, Княже, и сынове твои."

Во второмъ посланіи Никифоръ доказываетъ, что виною поста есть грѣхъ Адамовъ; что *житіе* человѣка есть двоякое, словесное и безсловесное, безплотное и тѣлесное; что самая душа имѣетъ три части, силы или свойства: *словесное, яростное и желанное*; что постъ *креститъ* страсти, и проч. Далѣе: „Увѣдалъ еси, Княже, тричастное душа (души); увѣждь „же слуги ея, и Воеводы, и споминателя, ими же служима бываетъ, без„плотна сущи, и пріимаетъ въспоминанія. *Та убо душа сѣдитъ въ главѣ,* „*умъ имущи якожь свѣтлое око въ себѣ*, и исполняющи все тѣло силою „своею. Яко же бо ты, Княже, сѣдя здѣ, въ сей своей земли, Воеводами, „слугами своими, дѣйствуеши по всей земли, и самъ ты еси Господинъ и „Князь: такъ и душа по всему тѣлу дѣйствуетъ пятью слугъ своихъ, „рекше пятью чювствій: очима, слухомъ, обоняніемъ, еже естаноздрима, „вкушеніемъ и осязаніемъ, еже еста руцѣ... Многа ина имѣлъ быхъ изре„щи на похваленіе поста, аще къ иному бы было писаніе се; а понеже „къ тобѣ, добляя глава наша, его же Богъ издалече проразумѣ, его же „изъ утробы освяти и помазавъ, отъ Царьское и Княжьское крови смѣ„сивъ.... Умъ твой быстро летаетъ, и не убѣжитъ ему пишемое... „Что подобаетъ глаголати къ такому Князю, иже болѣ на земли спитъ „и дому бѣгаетъ, и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ, и по лѣсомъ ходя „сиротину носитъ одежду, и по нужи въ градъ входя, власти дѣля, въ „Властительскую ризу облачитъ ся? И о вкушеніи такожь, иже въ брашнѣ и питіи бываетъ, и вѣмы, яко же инѣмъ и на обѣдѣ свѣтлѣ готови„ши... и самъ убо служиши и стражеши рукама своима (твориши же „то Княженія ради и власти)" и объядающимся инѣмъ и упивающимся

„самъ пребываеши сѣдя и позоруя... Рука твоя къ всѣмъ простираютъся „и николижъ ти съкровище положено бысть, ли злато, ли сребро ищъ„щено бысть, но вся раздавая обѣма рукама; но скотница (казна) твоя „по Божьей благодати нескудна есть и не истощима.... Не мога самъ „вся творити очима своима, отъ служащихъ орудіемъ твоимъ и прино„сящимъ ти въспоминанія, то отъ тѣхъ нѣкако приходитъ ти пакость... „О семъ испытай; Княже мой; о томъ помысли, о изгнанныхъ отъ тебе, „о осужденныхъ, о презрѣнныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изрекль, „и кто кого оклеветалъ, и самъ суди и разсуди таковыя... Не опечали „же ся, Княже мой, о словеси семъ, или мнити, яко кто пріиде къ мнѣ „печаленъ, и того дѣля написахъ ти се; просто тако написахъ на въспо„минаніе тебѣ, яко великія пласти и великомъ въспоминаніемъ требуютъ „и многъ, яко и вельми пользуютъ и велику пакость имѣютъ; и сего ра„ди дръзнухомъ мы, яко уставъ есть церковный и правило, въ время се „и къ Княземъ глаголати что полезное. Не не вѣдаемъ бо сего, яко грѣ„шници остроуплени суще и гноемъ истекающе, инѣхъ цѣлити начинаемъ... „аще бо и мы тацы, но слово Божіе, иже въ насъ, здраво есть и цѣло; „и подобаетъ учимомъ словомъ искушати, и еже отъ слова исцѣленія пріи„мати, не испязати жь прочая: человѣкъ бо въ лицѣ, Богъ въ сердцѣ."

Списокъ сихъ посланій не старѣе четвертаго-надесять вѣка. — Самый переводъ Меѳодія достоинъ вниманія, будучи весьма древенъ.

(244) Въ лѣтописяхъ сказано: „Мстиславъ княжа съ кротостію въ *Ростов.*: „еще сый *дѣтескъ*." Но ему было уже около 50 лѣтъ (см. ниже). Должно читать: „еще сый дѣтескъ, бися на Колокшѣ съ Олгомъ Свято„славичемъ" (см. *Никон.*). Лѣтописецъ напоминаетъ Читателю о побѣдѣ, одержанной Мстиславомъ въ юности его надъ Олегомъ. Глупые писцы вообразили, что сія война была въ 1125 году, хотя Олегъ умеръ за 10 лѣтъ до того времени. *Никон. Лѣт.* припуталъ здѣсь Тмуторокань къ Рязани, вмѣсто Мурома. Далѣе въ лѣтописи:, Половци (въ 1125 г.) прису„нушася вборзѣхъ и наворопиша изгономъ" (набѣгомъ) „къ Барочю и къ „Браны" (въ окрестностяхъ Альты: см. ниже, примѣч. 262). Далѣе: „и „постиже я у Полкостѣня." Въ другихъ же: „постиже *Ярополкъ Стѣня.*" Прежде упоминалось мѣсто Сушенъ на границѣ земли Половецкой.

(245) „И приде ихъ (Половцевъ) 7000 со Селукомъ и съ Ташемъ, и ста„ша у Ратьмирѣ добровы за *Выргмъ*" (рѣкою Виромъ въ Слобод. Украин. Губерн.). Въ харат. и *Кенигсберг.*: „Ярополчи бо бяхутъ Посадници „по всей Семи и Мстиславича Изяслава посадилъ (Ярополкъ) въ Курскѣ, „и имаша послы ихъ на *Локнѣ*:" думаю, одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ Семь или Сеймъ. Обстоятельство, что Ярополкъ сдѣлалъ Изяслава начальникомъ въ Курскѣ, доказываетъ, что сей городъ принадлежалъ тогда къ области Переяславской.

(246) 1126 года, Марта 9.

(247) Ярославъ умеръ въ 1129 году. Татищевъ пишетъ, что сей Князь, изгнанный изъ Чернигова, ушелъ въ Тмуторокань, и тамъ, въ *Рязани*, оставилъ *брата своего Святополка*; что Мстиславъ вмѣстѣ съ Ярополкомъ Владиміровичемъ *осадилъ* Черниговъ; что Всеволодъ просилъ тестя

своего удовольствовать Ярослава однимъ *Тмутороканскимъ Удѣломъ*; что Великій Князь отвѣтствовалъ длинною рѣчью Игумену Григорію; что Ярославъ, возвратясь въ Муромъ, отдалъ *Сѣверское* Княженіе дѣтямъ Давидовымъ, своимъ племянникамъ. Все несправедливо. 1) о Тмутороканѣ совсѣмъ не упоминается здѣсь въ лѣтописяхъ; 2) Ярославъ не имѣлъ брата *Святополка*; 3) Мстиславъ только готовился итти къ Чернигову, ибо Ярославъ, пріѣхавъ изъ Мурома, сказалъ Великому Князю: „крестъ еси ко „мнѣ цѣловалъ *пойти* на Всеволода;" и 4) Мстиславъ не говорилъ никакой рѣчи; 5) Ярославъ не могъ отдать Сѣверскаго Княженія племянникамъ, ибо Сѣверское и Черниговское было тогда одно.

Въ лѣтописи: „и плакася (Мстиславъ) того вся дни живота своего." Игуменъ Григорій твердилъ ему: „на мя будетъ грѣхъ, оже преступишь „крестъ; то есть лжѣе (легче) ноже прольяти кровь." Напрасно говоритъ *Левекъ*: L'humain et pacifique Gregory avoit raison; toute guerre est injuste, à moins qu'elle ne poursuive une nation toute criminelle. Autrement elle fait couler des flots de sang innocent, pour punir un coupable, ou tout-au-plus un petit nombre de coupables, que meme la punition n'atteint presquè jamais. Мысли совершенно ложныя. 1) Никогда *цѣлый* народъ не можетъ быть преступникомъ: слѣдственно всякая война, по мнѣнію Левека, не справедлива. 2) Государь въ особѣ своей представляетъ весь народъ, и сей послѣдній отвѣтствуетъ за его дѣла. Черниговцы были виноваты, ибо они не защитили Ярослава, и признавъ Всеволода Княземъ своимъ, подвергались наказанію. Обѣтъ Государя есть то же, что государственный договоръ, всегда священный по Народному Праву.

(248) „Мстиславъ посла вои своя, и загна Половцы не токмо за Донъ, „но и за Волгу" (*Воскр. Лѣт.* I, 269).

(249) См. *Кіев. Лѣт.* г. 6635, и Длугош. Hist. Polon. кн. IV, стр. 425 и 427. Сей Историкъ говоритъ, что дружина Владиміркова и Ростиславова въ 1126 году воевала Польшу. Татищевъ называетъ Короля Венгерскаго тестемъ Владимірка.

(250) Изяславъ, Всеволодъ. — Татищевъ прибавилъ, что Князья Полоцкіе безпокоили тогда области Мстиславовыхъ дѣтей и братьевъ. — Далѣе въ харат. и *Кенигсберг.*: „посла (Мстиславъ) братію свою, Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Володимеря, *Всеволодка* изъ *Городна* (*не Городца*), Вячеслава *Ярославича* изъ *Клеческа*" (не *Изяслави* и не изъ Луцка). Мѣстечко Городно существуетъ и нынѣ въ Минской Губерніи, между рѣками Стыремъ и Горынью, а Клечьскъ или Клецкъ близъ Несвижа. Вячеславъ долженъ быть сыномъ Ярослава Святополковича, убитаго въ 1123 году, и племянникомъ Мстислава по матери. Всеволодко *Давидовичъ* (см. *Росс. Библіот.* стр. 195 и Татищ. подъ годомъ 1141), сынъ Давида Игоревича, столь извѣстнаго ослѣпленіемъ Василька Теребовльскаго, былъ супругомъ Агаѳіи, дочери Мономаховой. Въ *Кіевск. Лѣт.* г. 6624: „Володимеръ отда дщерь свою Огаѳью за Всеволода." Въ сей же лѣтописи, г. 6652, названы дочери Всеволодковы внуками Мономаха. Татищевъ сказываетъ, что Мстилавъ въ 1125 году утвердилъ братьевъ Вячеслава за Туровскомъ княженіи, Юрія на Ростовскомъ, Андрея на Владимірскомъ,

отдавъ сыну Изяславу Курскъ, а другому, Ростиславу, Смоленскъ. Съ котораго времени Вячеславъ княжилъ въ Туровѣ, а Ростиславъ въ Смоленскѣ, не знаемъ; Изяслава же посадилъ въ Курскѣ не Мстиславъ, а Ярополкъ.

Далѣе въ лѣтописи: „а Всеволоду Ольговичу повелѣ ити съ своею „братьею на Стрѣжевъ къ Борисову." Стрѣжеву надлежало быть въ нынѣшней Минской Губерніи .... „Изяславъ же ускори днемъ передъ бранью, и зая люди отъ города (Логожска); они же устрашившеся передашася, а Изяславцы почаша битися съ Вячеславомъ и съ Андреемъ. Изяславъ же перестрялавъ (промедливъ) два дни у Логожска, иде," и проч.

(251) Въ харат. и *Кенигсберг.*: „и бывшю вечеру, Воротиславъ, Андреевъ Тысячскый, и Ванко Вячеславль (Вячеславовъ) всласта Опроки своя „въ городъ, и свитающю (на разсвѣтѣ) увидѣвше вся вои, и тако взяша „и на щитъ; и една *Мстиславны*" (т. е. дочери Великаго Князя, Брячиславовой жены) „товарь ублюдоша, и то съ нужею бьющеся." Татищевъ, вмѣсто Мстиславны, написалъ: „домъ и пожитки *Князя* Мстислава." Далѣе: „*Потомъ* же и Новгородци придоша со Мстиславичемъ со „Всеволодомъ къ *Неколочю*." Сего мѣста нѣтъ въ описаніи Литовскихъ и Полоцкихъ городовъ (см. *Воскр. Лѣт.* I, 21). — Татищевъ справедливо замѣтилъ, что генеалогія Князей Полоцкихъ не ясна: ибо нѣкоторые изъ нихъ назывались однимъ именемъ, и древній Лѣтописецъ не сказываетъ намъ ихъ отчества. Въ *Родослов. Книгѣ* показаны у Всеслава только два сына, Борисъ и Ростиславъ; у Бориса сынъ Рогволодъ, который женился въ 1144 году; а Рогволода дѣти Василій, Иванъ, Ростиславъ. Но Давидъ, Глѣбъ, Романъ, (о коихъ мы упоминали) были также Всеславичи, и Рогволодъ, который сдѣлался Княземъ Полоцкимъ въ 1127 году, и коего дѣти въ 1129 сосланы въ Царьградъ (см. ниже), долженъ быть не сынъ Борисовъ, а братъ. Авторъ *Степен. Книги* (I, 270) пишетъ, что Всеславъ имѣлъ *многихъ* сыновей, и что меньшій, отецъ Св. Евфросиніи или Предславы, назывался Георгіемъ. О сей Полоцкой Княжнѣ разсказываютъ, что она, будучи прелестна и благонравна, отказала всѣмъ женихамъ и постриглась въ монастырѣ, гдѣ находилась тетка ея, супруга Романова, также Черница. Евфросинія жила нѣсколько времени при Софійской церкви въ голубцѣ, списывая книги священныя; завела Спаскій и Маріинъ монастырь въ Сельцѣ, гдѣ хоронили Епископовъ; постригла тамъ родную сестру, Гориславу, и двоюродную, Звениславу, дочь Борисову, также двухъ племянницъ, дочерей ея брата, *Вячеслава*; выпросила у Греческаго Императора Мануила и Патріарха Луки Ефесскую икону Св. Богоматери, написанную Евангелистомъ Лукою; отправилась съ братомъ *Давидомъ* въ Палестину; встрѣтилась на пути съ Мануиломъ, который шелъ противъ Венгровъ; была имъ обласкана, равно какъ и Патріархомъ Цареградскимъ; наконецъ скончалась въ Іерусалимскомъ *Русскомъ* монастырѣ Св. Богоматери и погребена въ Ѳеодосіевой обители, гдѣ лежатъ матери Святыхъ Саввы, Ѳеодосія, Козмы и Даміана. Сему надлежало быть за половину XII вѣка: ибо Лука Хрисовергій правилъ Константинопольскою Церковію отъ 1156 до 1169 году.

(252) См. *Воскресен. Лѣт.* I, 269, и *Кіев. г.* 1140, гдѣ прибавлено, что Князья Полоцкіе отвѣтствовали Мстиславу: „Бонякови шолудивому въ здоровье.“ Татищевъ пишетъ, что жители Полоцкой области, не захотѣвъ воевать, принудили Князей ѣхать на судъ въ Кіевъ; что Мстиславъ отправилъ ихъ въ Царьградъ къ *зятю* своему, Императору Іоанну, который далъ имъ жалованье, и что они, служа ему, храбро воевали съ Арабами. Въ *Воскресен. Лѣт.*: „пославъ по Кривскіе Князи, по Давыда и по Ростислава и Святослава, и по Рогволодича два, и по Ро„стислава и по Василія и по Ивана;“ а въ *Ростов.* справедливѣе: „по Рог„володича два, по *Василія* и по Ивана“ (см. ниже примѣч. 259). Въ Византійскихъ лѣтописяхъ не упоминается о сихъ изгнанникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ по кончинѣ Великаго Князя возвратились въ Россію. Въ *Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1140 сказано: „Взыдоста Княжича два изъ Царягорода; зато„чени были Мьстиславомъ.“ — Далѣе въ лѣтописяхъ: „по городомъ ихъ поса„жа (Мстиславъ) мужи свои.“ Увидимъ ниже, что тамъ княжилъ Изяславъ.

(253) Въ *Новогород. Лѣт.* (стр. 14): „иде Всеволодъ съ Новогородцы на „Чудь (въ 1130 году) зимѣ въ говѣніе, и сами исѣце (изсѣче), а хоромы „пожже, а жены и дѣти приведе.“ Стр. 151: „на зиму (въ 1131 или 1132) „иде Всеволодъ на Чудь, и створися пакость: много добрыхъ мужъ из„биша въ *Клинѣ* Новогородьць Генв. въ 23, въ Суботу.“ Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Мстиславъ посылалъ со Всеволодомъ, въ 1130 году, Изяслава и Ростислава. Въ *Степен. Книгѣ* (I, 255): „*отступниковъ* „Русскаго царствія, богомерскую Чудь, рекомую *Торму*, самъ (Мсти„славъ) поплѣни. На прочую Чудь посла сыны своя. Они же про„тивящихся ихъ побѣдиша; покоряющихся устроиша въ повиновеніи бы„ти. Всеволодъ и градъ ихъ Ригу ратова. И паки Мстиславъ съ Ново„градскими и Псковскими мужами и со Княземъ ихъ (Псковичей) *Влади„міромъ* Борисовичемъ ратоваша по Церовѣ и къ морю, и подъ градомъ „Воробьинымъ“ (Верпелемъ). Риги въ сіе время еще не было (см. Грубер. Liefländ. Chronik, I, 29); а Князь Владиміръ княжилъ во Псковѣ около 1212 года! Тогда дѣйствительно Князь *Мстиславъ* (но только не сынъ Мономаховъ, а другой) воевалъ *Торму*, осаждалъ Воробьинъ, и проч. (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 78, 79). Подъ Воробьинымъ находился со Мстиславомъ не Владиміръ, а Всеволодъ *Борисовичь*: Владиміръ же Псковскій назывался *Мстиславичемъ* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 129). — Татищевъ говоритъ о *двухъ* походахъ Великаго Князя на *Литву*. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Ходи Мстиславъ на Литву (въ 1132) съ сынми своими и съ Ол„говичи и съ Всеволодомъ Городенскимъ, и пожгоша я, а сами ся расхо„ронища (спрятались); а Кыянъ тогда много побиша Литва; не утягли „бо бяху съ Княземъ, но послѣди идяху по немъ особѣ“ (т. е. не успѣли выступить съ Княземъ, и шли позади). Въ *Степен. Книгѣ* прибавлено, что Мстиславъ нашелъ въ Литвѣ великое богатство.

(254) Мстиславъ родился въ годъ Мономахова похода въ Богемію (см. его *Духовн.* стр. 32,) въ 1076 году, а скончался Апр. 15, въ 1132 (не 14 Апр. и не въ 1133 г.), въ Пятницу на Св. недѣлѣ, и погребенъ въ церкви Св. Θеодора. Татищевъ сказываетъ, что онъ занемогъ въ седмицу

Страстную; что въ его время всѣ Князья жили въ совершенной тишинѣ; что Мстиславъ *уравнялъ подати*, и проч. Сей Князь названъ *Великимъ* въ древней *Новогород. Лѣт.* стр. 46. По его кончинѣ Ярополкъ въѣхалъ въ Кіевъ на *третій день*; Апр. 17. — Въ *Новгород. Лѣт.* стр. 12. „оженися Мстиславъ Кыевѣ" (1120 году) „поя Дмитровну Новѣгородѣ Завидица." Татищевъ называетъ ее Любавою. Она жила еще въ 1167 году. Неизвѣстно, когда дочь Мстиславова вышла за Всеволода Олговича. Въ 1140 году меньшій сынъ перваго названъ въ лѣтописяхъ шуриномъ Всеволода Черниговскаго. Татищевъ написалъ, что Мономахъ въ 1116 году выдалъ за сего Князя *Мстиславову* дочь, *Агаѳію*; но Агаѳія была дочь Мономахова и вышла за Всеволодка или Всеволода Городненскаго, а не Черниговскаго (см. выше, примѣч. 250).

(255) Сей голодъ подробно описанъ только въ *Новогород. Лѣт.*; но онъ безъ сомнѣнія былъ общій въ сѣверной Россіи: цѣна хлѣба не могла бы такъ возвыситься въ Новѣгородѣ, если бы онъ въ то же самое время продавался дешево во Псковѣ, области Полоцкой, Суздальской, Смоленской. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано только: „бысть вода велика (въ 1128 г.); потопи люди и жито, и хоромы снесе." Въ *Новогор. Лѣт.* стр. 13 и 14: „вода бяше (въ 1127) велика въ Волховѣ, а снѣгъ лежа до „Яковля дни; а *на осень* уби морозъ вържь" (рожь по другимъ спискамъ) „всю и озимицѣ, и бысть голодъ, и перезъ зиму ржи осминка по полугривнѣ. — Въ се же лѣто (1128) лютѣ бяше; осминка ржи по гривнѣ „бяше; ядаху люди листъ липовъ, кору березову, иніи молицѣ истлъкше „мятуце съ пельми" (истолченную молицу мѣшая съ плевами) „и съ соломою; иніи *ушь*, мхъ, конину." *Ушь* не то ли, что Польское Uszyca? родъ лютика или купальницы, ranunculus pratensis, употребляемый въ пищу Нѣмецкими крестьянами (см. Бомара). Далѣе: „Вода бяше велика и хоромъ много сноси." Вѣроятно ли, чтобы осенній холодъ былъ столь вреденъ для озимей? Татищевъ отъ себя написалъ, что морозъ побилъ жито въ наливѣ и на цвѣту. — Мы оцѣнили здѣсь осмину хлѣба не по догадкѣ: семь Новогородскихъ гривенъ въ 1230 году составляли гривну или полфунта серебра (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 298 и 527), а фунтъ сего металла стоитъ нынѣ около двадцати серебряныхъ рублей; но вѣроятно, что въ 1128 году гривна кожаной монеты была еще дороже въ отношеніи къ серебру.

(256) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 15: „въ се же лѣто (1130) идуще ис „(изъ) заморія съ Готъ, потопи лодіи 7, и сами истопоша и товаръ, а „друзіи вылѣзоша, нъ (но) наги; а изъ Дони (Даніи) придоша споровѣ" (здоровы).

Случаи Мстиславова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе:

Въ 1125 году Всеволодъ утвержденъ на престолѣ Новогородскомъ, и Митроп. Никита, исполняя волю Князя Ярополка, Октя. 4, посвятилъ Епископомъ Переяславскимъ Марка, (или, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, Іоанна) бывшаго Игуменомъ въ монастырѣ Св. Іоанна (или Св. Марка). Въ 1126 году Всеволодъ ѣздилъ въ Кіевъ къ отцу; одѣлавъ

Посадникомъ въ Новѣгородѣ Мирославъ Горяшиничъ; скончались Митрон. Никита, Марта 9, и вдовствующая Супруга Мономахова, 11 Іюня. — Въ 1127 Всеволодъ, женатый съ 1123 года, заложилъ въ Новѣгородѣ, на Петрятинѣ дворѣ, церковь Св. Іоанна, во имя сына своего, а Игуменъ Антоній каменую трапезницу у себя въ монастырѣ. Въ *Новогород Лѣт.*: „въ „то же лѣто паде *метыль густъ* по земли, и по водѣ, и по хоромомъ „по двѣ нощи и по 4 дни;“ а въ *Ростов.*: „*шелъ* 4 дни 2 нощи.“ *Метыль* то же, что *мотылъ*: *гной* (см. *Лексик. Кутеинскій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шелъ такъ называемый *сѣрный дождь*, pluie de soufre (см. Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса. Но Татищевъ вообразилъ, что здѣсь рѣчь идетъ о *мотылькахъ*, бабочкахъ; а какъ и *мотыльки и саранча летаютъ*, то онъ написалъ, что въ семъ году „*напала* великая *саранча*, кото„рая 4 дня *стояла* вездѣ подобно туману, и съѣла хлѣбъ, плоды, листья „на деревьяхъ.“ — Въ 1128 году скончались Игуменъ Киріакъ Св. Георгія, Князь Полоцкій Борисъ Всеславичь, Іоаннъ сынъ Всеволода Мстиславича, 16 Апрѣля, и Завидъ Димитріевичь, Новогород. Посадникъ, избранный въ томъ же году; Мстиславъ основалъ каменную церковь Св. Ѳеодора, а *Печеряне*, несправедливо завладѣвъ церковію Св. Димитрія, назвали оную именемъ Св. Петра. Въ 1129 году отправленъ изъ Кіева Даніилъ посадничать въ Новѣгородѣ и преставился Михалко Вячеславичь, внукъ Мономаховъ (въ Туровѣ, а не въ Рязани). Въ 1130 Всеволодъ ѣздилъ къ отцу; Іоаннъ добровольно оставилъ Новогородскую Епископію, бывъ 20 лѣтъ Епископомъ, а на мѣсто его посвятили Нифонта, мужа добродѣтельнаго, прибывшаго туда Генв. 1; совершена церковь Св. Іоанна въ Новѣгородѣ, и Петрилъ избранъ въ Посадники. Георгій Шимоновичь, Ростовскій Тысячскій, оковалъ гробъ Ѳеодосіевъ при Игуменѣ Тимоѳеѣ (см. *Кіев. Лѣт.*).— Въ 1131 Мстиславъ заложилъ Кіевскую церковь Богоматери *Пирогощую* (*или*, по другимъ спискамъ, въ *Пирогощитѣ*). Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что въ семъ году Рязанскіе, *Пронскіе и* Муромскіе Князья разбили Половцевъ; но сего извѣстія нѣтъ въ лучшихъ и древнѣйшихъ спискахъ: о Пронскѣ нигдѣ еще не упоминалось. 30 Марта было затмѣніе солнца, и Нифонтъ поставилъ Игуменомъ Антонія. Въ 1132 году родился у Мстислава сынъ Владиміръ.

Означимъ прибавленія Татищева. Онъ сказываетъ, что Мстиславъ, по смерти отца, собиралъ Князей на совѣтъ, и что *Князья* Черниговскіе негодовали на его властолюбіе; что въ 1128 году *кадь* ржи стоила въ Новѣгородѣ 4 гривны; что въ 1129 *Ляхи* ограбили ѣдущихъ изъ Моравіи купцевъ Русскихъ; что въ 1130 дочь Мстиславова Елена выдана за Королевича Венгерскаго Гейзу, а Великая Княгиня слюбилась съ какимъ-то Прохоромъ Васильевичемъ. Одинъ евнухъ — такъ повѣствуетъ нашъ Историкъ, хотя и другими словами — сказалъ Мстиславу: „ты, Князь, воюешь, занимаешься дѣлами или веселишься съ друзьями; а не знаешь, что дѣлается у твоей Княгини: съ нею видится наединѣ Прохоръ Васильевичь.“ Мстиславъ отвѣчалъ съ улыбкою какъ Философъ: „я любилъ свою первую жену, Христину; однакожъ, будучи молодъ, любилъ и дру-

нихъ красавицъ; она видѣла и молчала. Теперь моя очередь видѣть и молчать на старости; совѣтую и тебѣ не говорить о томъ." Однакожъ Тіунъ Прохоръ былъ сосланъ въ Полоцкъ и скоро умеръ." Наши Лѣтописцы не выдумывали такихъ непристойныхъ басенъ. Сія сказка взята изъ Длугоша (Hist. Pol. стр. 463); но тамъ дѣло идетъ о Королѣ Польскомъ.

Татищевъ именуетъ Мстислава Петромъ такъ же справедливо, какъ Мономаха Ѳеодоромъ. Мстиславъ посвятилъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Николаю, въ Кіевѣ Св. Ѳеодору, а не Петру.

Харатейная грамота Мстислава находится въ монастырѣ Юрьевскомъ, и писана въ то время, когда Мстиславъ былъ уже Великимъ Княземъ. Вотъ она по списку, мнѣ доставленному: „Се азъ Мьстиславъ, Володимирь сынъ, держа Руську землю въ свое Княженіе, повелѣлъ есмь сыну „своему Всеволоду отдати Буйцѣ Святому Георгіеви съ данію и съ вирами и съ продажами:" (наверху приписано: *и Вено Вотское*) . . . „да же который Князь по моемъ Княженіи почьнетъ хотѣти отъяти у Св. Георгія, а „Богъ буди за тѣмъ и Св. Богородица, и тъ (тотъ) Св. Георгій у него „то отнимаетъ; и ты, Игумене Исаіе, и вы, братіе, донелѣ же ся міръ „съ (сей) стоитъ, молите Бога за мя и за мое дѣти, кто ся изостанетъ въ монастыри, то вы тѣмъ дълъжни есте молити за ны Бога, и „при животѣ и въ съмьрти; а язъ далъ рукою своею и *осеньнее полюдіе „даровьное* полътретія - десяте гривьнъ Святому же Георгіеви. А се я „Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрьно въ 30 гривенъ серебра Святому же „Георгіеви; велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли Игуменъ обѣдаетъ; да „же кто затьрпитъ или ту дань и се блюдо, да судитъ ему" (слово *Господь* стерлось) „въ день пришествія Своего и тъ Св. Георгій." На печати съ одной стороны изображенъ Іисусъ Христосъ, а съ другой воинъ. *Полюдьемъ* назывались объѣзды Княжескіе для собиранія дани или даровъ (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ).

(257) „Съ заутрья сѣде въ немъ (Всеволодъ въ Переяславлѣ), а до обѣда „выгна и Гюрги." Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Георгій и Святополкъ (какой же?) убили тогда многихъ людей въ Переяславлѣ.

Въ *Новогород. Лѣт.*, стр. 75: „и рече Гюргій и Андрей: се Ярополкъ, „братъ наю, по смерти своей хощетъ дати Кыевъ Всеволоду, братану „(братнину сыну) своему." Мономахъ, будучи наслѣдникомъ, княжилъ въ Переяславлѣ, и за нѣсколько времени до кончины своей отдалъ его Мстиславу и Ярополку вмѣстѣ (см. *Россійск. Библіот.* стр. 187).

Георгій княжилъ въ Переяславлѣ только 8 дней. *Никон. Лѣт.*, въ противность древнему, говоритъ, что Ярополкъ силою *выгналъ* Георгія. Изяславъ пріѣхалъ туда на *Госпожинъ день*, т. е. 15 Августа.

(258) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 15, 16. Мы видѣли, что Мономахъ и Мстиславъ отправляли туда Посадниковъ изъ Кіева; но въ 1132 году самъ народъ избралъ Посадника Новогородскаго и Псковскаго: *Мирославу даша посадницати* въ *Пльсковѣ*, а *Рагуйлови* (Рагуйлу) *въ городѣ* (Новѣгородѣ).

(259) Въ *Ростов.*, *Воскр.* и *Никон. Лѣт.* названъ Василько, Полоцкій Князь, сыномъ умершаго Святослава Владиміровича: слѣдственно внукомъ

Мономака; но сей Князь былъ сынъ *Рогволода Всеславича* (см. выше, примѣч. 252): потому въ житіи Св. Всеволода (см. ниже, примѣч. 265) сказано, что добрый Василько забылъ наслѣдственную вражду и все претерпѣнное родомъ его отъ Мстислава, изгнавшаго Князей Полоцкихъ. Не только въ *Словѣ* о *полку Игоревѣ* (стр, 33), но и въ *Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1178 названъ сынъ *Васильковъ*, Всеславъ, внукомъ (правнукомъ) *Всеслава* Полоцкаго.

(260) Татищевъ пишетъ, что Вячеславъ *требовалъ* Переяславля, и что Ярополкъ былъ защитникомъ Мстиславичей, у которыхъ его братья хотѣли отнять Удѣлы. — Изяславъ, бывъ Княземъ Полоцкимъ, владѣлъ и городомъ Минскимъ.

Лѣт. Никон. выдумалъ рѣчь, будто бы произнесенную тогда Великимъ Княземъ въ собраніи братьевъ: „И прослезився и рече: братіе! суетно „есть житіе сіе, и вся мимо идутъ. Гдѣ отцы наши и дѣды и прадѣды? „не умроша ли? такожде и намъ умрети есть, и кождо воспріиметъ по „дѣломъ своимъ.“ Татищевъ, вмѣсто сей рѣчи, помѣстилъ свою. *Никон. Лѣт.* прибавляетъ еще, что Ярополкъ далъ Изяславу Дрочевъ (Дрогичинъ) и множество даровъ, жемчугу, золота, серебра, одеждъ, коней, доспѣховъ; и что въ то же время крестился въ Рязани Половецкій Князь Амуратъ.

Въ лѣтописи: „и даша *дани* Печерскіе и отъ Смоленска *даръ*; и тако „*крестъ цѣловаша.*“ *Никонов.* прибавляетъ: „дань отъ Смоленска и *Ду*„*найска!*“ Великій Князь получалъ отъ Удѣльныхъ *произвольные дары*, а Новгородъ платилъ ему, думаю, *опредѣленную* сумму или количество драгоцѣнныхъ вещей за свою Двинскую и Печерскую область. Въ уставѣ Князя Николы или Святослава Ольговича (см. ниже) также говорится въ особенности о *дани* и *дарахъ*. — Татищевъ, выдумками объясняя случаи, пишетъ, что Новогородцы отказались было платить сію дань. Слова *о цѣлованіи креста* свидѣтельствуютъ, кажется, что Изяславъ заставилъ тогда Князей, Всеволода Новогородскаго и Ростислава Смоленскаго, присягнуть дядѣ въ вѣрности.

Въ 1133 году Вячеславъ оставилъ Переяславль, но изъ Городца возвратился; а въ 1134, зимою, въ противность волѣ Ярополковой, уѣхалъ въ Туровъ. Георгій выпросилъ у брата Переяславль въ 1135: тогда огорченный Изяславъ отправился въ Минскъ и Новгородъ, гдѣ Мстиславичи вошли въ союзъ съ Ольговичами (см. ниже). — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Вячеславъ ходилъ не въ Городецъ, а въ Рязань, и что Ярополкъ велѣлъ сказать ему: „сѣди не волнуяся: не взимай нрава Половецкаго.“ Татищевъ вставилъ и Городецъ и Рязань. Забывъ, что Туровъ былъ отданъ Изяславу, сей Историкъ называетъ Андрея Туровскимъ Княземъ. — *Никон. Лѣт.* еще объявляетъ намъ, что Георгій въ 1134 году основалъ на устьѣ Нерли городъ *Константинъ* и много каменныхъ церквей въ Суздальской области. Такого *города* не бывало. Есть *село* Константиново въ нынѣшней Владимірской Губерніи, не далеко отъ Нерли; однакожь на другой рѣкѣ: на Жабнѣ.

(261) Юрьевъ былъ взятъ Всеволодомъ въ 1133 году, Февр. 9. Татищевъ прибавляетъ, что *Лифляндцы*, данники Новогородскіе, взбунтовались и *завладѣли* Юрьевымъ; но что Всеволодъ отнялъ у нихъ сей городъ и взялъ дань *со всей Лифляндіи*.

Въ *Новогородск. Лѣтоп.* стр. 16: „Новогородци убиша мужь свой и „свьргоша й (его, а не ихъ) съ моста въ Суботу Пятникосньную" (Пятидесятницы или передъ Троицею). Въ 1136 году они *бросили* съ мосту какого-то Георгія Жирославича, а въ 1141 Якуна (стр. 19, 23). — На возвратномъ пути Новогородцы смѣнили Посадника Петрила и выбрали на его мѣсто Иванька Павловича (стр. 17), а послѣ Мирослава Гюрятинича. — *Мы не знаемъ, для чего Всеволодъ не дошелъ до Суздаля*; но Татищевъ сказываетъ, что Новогородцы не захотѣли быть союзниками Ольговичей и вмѣстѣ съ ними дѣйствовать противъ сыновей Мономаховыхъ.

Митрополитъ Михаилъ былъ преемникомъ Никиты, и названъ въ Каталогахъ Грекомъ. Онъ прибылъ въ Россію по *Кіев. лѣт.* въ 1130 или 1131 году; а въ Каталогахъ сказано, что Михаилъ пасъ Церковь 19 лѣтъ и выѣхалъ изъ нашего отечества въ 1145 году: слѣдственно былъ Митрополитомъ уже въ 1126? явная ложь: ибо и въ 1127, по сказанію Лѣтописцевъ (см. *Рос. Библіот.* стр. 183 или *Воскр. Лѣт.* I, 266), Россія еще не имѣла Митрополита. — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Михаилъ въ 1135 *послалъ запрещеніе на весь Новгородъ*; что Всеволодъ и Епископъ Нифонтъ, огорченные такою строгостію, прислали въ Кіевъ Игумена Исаію и Якуна Иванькова, которые его умилостивили и вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ Новгородъ. *Запрещеніе* состоитъ въ томъ, чтобы не производить въ церквахъ службы, не ходить Священникамъ въ домы ни съ какими требами, не давать Причастія больнымъ, не отпѣвать умершихъ (см. Платон. *Церковную Рос. Исторію* I, 80). Сей случай невѣроятенъ: ибо древній *Новогород.* и *Кіев. Лѣт.* молчатъ объ ономъ. Первый сказываетъ только, что Игуменъ Исаія ѣздилъ посломъ въ Кіевъ, и что съ нимъ пріѣхалъ Митрополитъ, который убѣждалъ Новогородцевъ не ходить въ Суздаль. Вотъ слова Михаиловы по *Новогород. Лѣт.*: „не ходите; „мене Богъ послушаетъ;" а въ *Никонов.* прибавлено. Въ житіи Св. Всеволода (*Кн. Степен.* I, 257) сказано: „Новградстіи же людіе, не внемлюще „*запрещенію* Митрополита," и проч. Думаю, что сіе слово подало мысль *Никонов. Лѣтописцу* выдумать сказку о *запрещеніи* церковномъ. Татищевъ, вмѣсто онаго, говоритъ о *клятвѣ*, и пишетъ, что Митрополитъ дѣйствовалъ по волѣ Ярополка, оскорбленнаго Новогородцами. — „Новогородцы не хотѣли пустить отъ себя Митрополита для того, пишетъ Татищевъ, чтобы онъ не увѣдомилъ Ярополка и Георгія о походѣ ихъ." Въ *Новогород. Лѣт.* просто (стр. 17): „Пустиша Митрополита Кыеву „Февр. въ 10 въ мясопустную Недѣлю" (по нынѣшнему въ 1135 году) „а „на Суждаль идуце не пустиша его." Далѣе: „и много ся зла створи; и „убиша Посадника Новгородьскаго Иванка, мужа храбра зѣло, мѣс. Генв. „въ 26, и Петрила Микулцица, и много добрыхъ мужей, а Суждальць „*болѣ*; и створиша миръ." Въ другихъ: „*побѣдиша* Ростовци . . . . и воро-

„пишася съ побѣдою великою." Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что со Всеволодомъ были Нѣмцы (такъ и въ *Кн. Степен.*), и что, кромѣ двухъ упомянутыхъ Новогородцевъ, убиты еще Жирята Якуновъ и *Даньша Якщичъ*. Татищевъ изобрѣлъ обстоятельства и военныя хитрости, приписавъ ихъ Князю Георгію и Боярину его Коробу Якуну. Война Суздальская, по *Новогород. Лѣт.*, была въ 6642 году, а по другимъ въ 6643.

(262) „Иде Изяславъ (въ 1135 г.) Новугороду къ братьи и сложишася „съ Олговичи и съ Давидовичи," т. е. дѣтми умершаго Князя Черниговскаго, Давида, брата Олегова.

Въ *Пушкин. Лѣт*: „Заратишася Олговичи съ Володимеричи, и идоша „Ярополкъ, Гюрги, Андрей къ Чернигову на Олговичи, и сташа не дошедше города, и стояша нѣколико дни, и воротишася опять мѣсяца „Ноября." Въ *Кіев. Лѣт.*: „еще бо бяху Половци къ нему" (Всеволоду Ольговичу) „не пришли... И Половцемъ пришедшимъ, Всеволодъ со братіею. со Изяславомъ и Святополкомъ Мстиславичема, поидоша воюючи „села и городы Переяславское волости, и люди сѣкуще даже и до Кыева, „и Городецъ" (противъ Кіева) „зажгоша на Св. Андрея день, и ѣздяху по „оной сторонѣ Днѣпра, люди емлюще, а другія сѣкуще, не могучи перевезтися черезъ Днѣпръ. Забравши скотъ весь, 3 дни стоявше за Городцемъ въ бору, и идоша къ Чернѣгову, и оттуда шлючи межи собою, „сотвориша миръ. И паки Олговичи начаша просити у Ярополка, что „нашъ отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хощемъ; аже не „вдасть, то не жалуйте: что ся удѣетъ, то на васъ будетъ кровь. Тое „же зимы (1135) Ярополкъ совокупи вся Кыевскыя, а Гюргій Переяславци, и стояша 8 (или 20) дній у Кыева (противъ Олговичей) и умиришась; и даше (Вел. Князь) Переяславль Андреevи, а Володимерь Изяславу."

Въ *Пушкин.* и въ другихъ сказано, что Ольговичи, воюя въ Переяславской области, взяли *Нѣжатинъ* (близъ Альты) и Баручь (см. выше, примѣч. 244).

Изяславъ участвовалъ въ первомъ походѣ Всеволодовомъ на Суздаль; когда жъ Новогородцы съ Дубны или Волги (какъ въ другихъ лѣтописяхъ сказано) возвратились, сей Князь остался *на Волокѣ* (въ Волоколамскѣ) и свѣдавъ, что сыновья Мономаховы идутъ къ Чернигову, пошелъ туда же, съ намѣреніемъ, какъ думаю, пристать къ Ольговичамъ. Болтинъ, зная Татищева, но не хотѣвъ справиться съ лѣтописями, винилъ Щербатова, что сей Историкъ принялъ Волгу за Волокъ.

Татищевъ пишетъ, что Юрій, или Георгій, лишенный тогда Переяславля, отправился въ свою прежнюю область, въ *Бѣлую Русь*; но Суздаль и Ростовъ никогда не назывались Бѣлою Русью. — Въ послѣдствіи увидимъ, что нынѣшній Остеръ или древній Городецъ остался за Георгіемъ (см. ниже, примѣч. 311).

О Нифонтѣ см. въ *Новогород. Лѣт.* стр. 17 и 18. Тамъ упомянуто о сраженіи Всеволода съ Ярополкомъ; но оно было уже послѣ заключеннаго мира въ слѣдующемъ году.

(263) Въ *Пушкин.*: „начаша (Ольговичи) воевати села и города по Сулѣ, „и придоша къ Переяславлю и многи пакости сотвориша, и Устье пож-

„тоша." Въ *Кіев.*: „Стояша у города (Переяславля) 3 дни, и бишася у „Епискуплихъ воротъ и у Княжихъ, и почутиша Ярополка идуща на „верхъ Супоя." — Въ *Пушкин.* „погнаша ихъ" (Половцевъ) Володимеричей дружина, и воротишася опять на полчище" (мѣсто битвы) „и не „обрѣтоша Княжье вое, и впадоша Ольговичемъ въ руцѣ, и тако изъимаша держащаго стягъ (знамя) Ярополчь, и яша Бояръ, Давида Яруповича, „Тысячьскаго Кыевскаго, и Станислава добраго Тудковича (въ *Никоновск.* „Ивана Даниловича, богатыря славнаго, Дамьяна, Янка), и прочихъ много, „и внукъ Володимерь, Василько Маричицъ, убьенъ бысть ту." А въ *Кіев. Лѣт.*: „Василько Леоновичь Царевичь, внукъ Володимеръ Маричинъ." Въ послѣдней сказано выше: „братія Ярополкъ, Вячеславъ, Гюргій и Андрей, видѣвше полки своя возмятени, отъѣхаша во свояси." О Василькѣ см. выше, стр. 147. Татищеву захотѣлось похвалить умъ и храбрость его.

Халепъ есть нынѣ село ниже Триполья. Въ *Пушкин.*: „Ольговичи съ Половци взяша Треполь и Халепъ (въ Никоновск. *дѣтинескъ*, т. е. крѣпость) пуста и придоша къ Кыеву, хотя еще прольяти кровь Хресьянскую, хвалящеся въ гордости своей, и Богъ не вда имъ того створити. А Ярополкъ собра вои многы съ братьею своею; моглъ бы ся бити съ ними, но того не створи, Бога ся уболвъ, но умирися съ ними." Въ *Кіев. Лѣт.*: „Андрей возвратися въ Переяславль. Всеволодъ же, перешедъ Десну, ста противу Вышегороду съ вои .... и постоя за 7 дний, „иде къ Чернѣгову, и сослаша межи собою послы и не могоша ся уладити. Паки же Олговичи съ Половци перейдоша Днѣпръ Дек. въ 29 день, „и почаша воевати отъ Треполя около Краина и до Бѣлагорода и Василева, олны же и до Кыева, и по Желани, и до Вышегорода, и до Деревъ (Древлянской области), и чрезъ Лыбедь стрѣляшася. Ярополкъ же, „убояся суда Божія, сотворися мній (меньшій) всѣхъ, хулу и укоръ „пріа на с... отъ братія своея и отъ всѣхъ, и сотвори съ ними миръ въ „12 Генв. (уже въ 1337 г.) и цѣловаша крестъ, ходящу межъ ими Митрополиту Михаилу, и вда Ярополкъ отчину свою ко Олговичемъ, чего „хотѣли." — Увидимъ ниже, что Курскъ отошелъ къ Черниговскимъ Князьямъ.

(264) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 18, 19, и *Степен. Кн.* I, 258. Въ первомъ (стр. 9): „постряжеся Святоша, тьсть (тесть) Всеволожь." Наши Историки думали, что зять Святошинъ былъ Черниговскій Всеволодъ Ольговичь, женатый, вмѣсто того, на дочери Мстислава. Далѣе: „всадиша (Всеволода) Маія въ 28 и сѣде 2 мѣсяца, и пустиша изъ города „Іюля въ 15, а Володиміра, сына его, пріяша" (оставивъ у себя). Татищевъ прибавляетъ, что Ярополкъ наказалъ изгнаннаго Всеволода словами, и проч.

(265) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 19: „стрѣлиша Князя (Святослава) милостьницы" (пріятелы) „Всеволожи, нъ (но) живъ бысть." — О великодушіи Князя Полоцкаго см. въ житіи Всеволода, *Степ. Кн.* I, 259. Въ рукописной Псковской лѣтописи, Архивской и Синодальной, есть также сіе извѣстіе: „Василько, Всеволоду идущу мимо Полотска, самъ выѣха къ нему, проводи его съ честію, не забывъ заповѣди Божія, забы

„злобу отца его (Мстислава), что бяше сотворилъ всему роду его; „вшедшу ему въ руцѣ его, ничто же о немъ лукавно помысли, яко же „подобаше по человѣчеству; но и крестъ межи собою цѣловаста, яко не „поминати, что ся дѣяло прежъ сего."

(266) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 20: „не всхотѣша людье Всеволода, и „побѣгоша друзіи къ Всеволоду, и взяша на разграбленіе домы ихъ: Костянтинъ, Нѣжатинъ и инѣхъ много. Кто Всеволоду пріятель (изъ) Бояръ, „тъ (то) имаша на нихъ не съ полуторы тысяче гривенъ, и даша купцемъ *крутитися*" (готовиться) на войну; къ (но) сягоша" (достали, зацѣпили) „и невиноватыхъ." Татищевъ все переиначилъ; говоритъ о бунтѣ Всеволодовыхъ друзей, о казняхъ, о заключеніяхъ въ темницу, о деньгахъ отданныхъ не *купцамъ*, а войску.

На мѣсто Посадника Константина (въ *Никоновск.* Дашкова), ушедшаго ко Всеволоду въ Вышегородъ вмѣстѣ съ Жирятою, Псковскимъ Бояриномъ, Новогородцы выбрали Якуна Мирославича. — Далѣе въ лѣтописи: „Святославъ съвкупи всю землю Новогородьскую, и брата своего приведе Глѣба съ *Куряны* и съ Половци, и идоша на Пльсковъ." Курскъ зависѣлъ прежде отъ Князя Переяславскаго. *Никон. Лѣт.* выдумалъ, что Новогородцы дѣйствительно желали снова имѣть Всеволода Княземъ; что многіе ушли къ нему и на пути грабили села и домы; что Святославъ нѣкоторыхъ Бояръ казнилъ, другихъ посадилъ въ темницу, и проч. — Дубровна есть село за три почты отъ города Пскова. Въ *Новог. Лѣт.* стр. 20: „(Пльсковици) бяхуть ся устерегли, засѣкли осѣкы вьсѣ, „и сдумавше Князь и людье на пути, вспятишася на Дубровнѣ, и еще „рекше: не проливаймѣ кръви съ своею братьею, негли Богъ управитъ „своимъ промысломъ."

См. Ильинскаго *Описаніе Пскова*, стр. 8. Въ житіи Св. Всеволода-Гавріила (*Кн. Степ.* I, 260) сказано объ немъ: „вдовицамъ и сиротамъ заступникъ и кормитель бяше, всѣмъ имѣя нѣдра своя отверста, и никто же изыде изъ дому его алченъ." Тамъ же написано, что Новогородцы, узнавъ о кончинѣ сего Князя, умершаго 11 Февраля, велѣли Протопопу своему, именемъ Полюду, взять Гавріиловы мощи; но рака Святаго была неподвижна, и только одинъ ноготь отъ руки его былъ привезенъ въ Новгородъ. Далѣе: „мощи Всеволода положены быша въ градѣ „Псковѣ, въ церкви Димитрія Солунскаго" — (а въ древнихъ лѣтописяхъ сказано: *„у церкви Св. Троицы, юже бѣ самъ* создалъ) — бранное „же его оружіе, мечь и щитъ, поставлено бысть на гробѣ его на хвалу „и на утвержденіе граду Пскову." — Святополкъ Мстиславичь пріѣхалъ туда вмѣстѣ со Всеволодомъ изъ Вышегорода. — На мечѣ Гавріиловомъ подписано: honorem meum nemini dabo (*никому не отдамъ чести своей*). Это отзывается духомъ новѣйшихъ временъ.

(267) Мы означили цѣну хлѣба въ Новѣгородѣ по харатейному списку лѣтописи: въ новѣйшихъ стоитъ 7 гривенъ. Въ 1128 году осмина стоила тамъ гривну: слѣдственно въ семь разъ дороже (ибо въ гривнѣ было 50 рѣзаней). Татищевъ пишетъ, что Новогородцы имѣли еще недостатокъ

въ соли, и догадывается, что въ Россіи тогда не варили ее, а покупали Испанскую.

Въ *Новгород. Лѣт* стр. 19: „въ тоже (1136) лѣто оженися Святославъ „Новѣгородѣ и вѣнцяся своими Попы у Св. Николы; а Нифонтъ его не „вѣнця, ни Попомъ свашбу, ни Церенцемъ (Черцамъ) дасть глаголя: не „достоитъ ея пояти." На комъ онъ женился, и за что Нифонтъ не хотѣлъ вѣнчать его, не знаемъ. Татищевъ говоритъ, что сія *вторая* Святославова жена была дочь Петрила, и что люди Княжескіе убили отца ея. Онъ ссылается на Ростовскій списокъ; но сего обстоятельства тамъ нѣтъ. — Изъ словъ: „Нифонтъ его не вѣнця," Щербатовъ заключилъ, что Князей обыкновенно вѣнчали Епископы.

Уставъ Святославовъ нашелъ я въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Древнихъ Софійскихъ правилахъ* (Синодальн. Библіот. № 82). Вотъ онъ:

„Уставъ бывшій преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ „имати Пискупомъ десятину отъ даній и отъ виръ и продажь, что входитъ въ Княжь дворъ всего. А здѣ въ Новѣгородѣ что есть десятина, „обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими Князи, толико отъ виръ и „продажь десятины зрѣлъ, олико даній въ руцѣ Княжи и въ клѣть (клѣ„ти) его. Нужа же бяше Пискупу, нужа же Князю въ томъ въ десятой „части Божіи. Того дѣля уставилъ есмь Св. Софьи, ать (а) емлетъ Пи„скупъ за десятину отъ виръ и продажь 100 гривенъ *новыхъ кунъ*, иже „выдаваетъ Домажиричь изъ Онѣга; аче не будетъ полна ста у Домажи„рича, а осмьдесятъ выдастъ, а дополнокъ взметъ (возметъ) 20 гривенъ „у Князя изъ клѣти. Урядилъ есмь азъ Св. Софьи и написалъ *Никола* „Князь Новгородьскый Святославъ: въ Онѣгѣ, на Волдутовѣ погостѣ, два „сорочка (сорока), на Тудоровѣ погостѣ 2 сорочка, на Ивани погостѣ „съ даромъ" (т. е. вмѣстѣ съ даромъ) „3 сорочкы, на Ракулѣ 3, на Спирко„вѣ 2, у Вихтуя сорочекъ, въ Пинезѣ 3, въ Кегрелѣ 3, устъ Емцѣ" (съ устья рѣки Емцы) „2, устье Вагѣ 2, у Пуйтѣ сорочекъ, у Чюдина пол„сорочька, у Лигуя съ даромъ 2, у Вавдита съ даромъ 2, у Вели 2, у „Вѣкшензѣ 2, на Борку сорочекъ, въ Отмінѣ сорочекъ, въ Тоймѣ соро„чекъ, у Помѣ полсорочька, у Тошьмѣ сорочекъ, у Пененича сорочекъ, „у Порогопустьцѣ полсорочка, у Валдита 2 сорочка, на Волоцѣ въ „Моши два, у Еми скора" (у Финляндцевъ шкурами) „а на мори отъ „*чрена* и отъ *салгы*" — (лодки ли такъ назывались или ихъ принадлежности? *Чренъ* не мачта ли?) — „по *лузу* (монетѣ?), у Тудора „сорочекъ. — Въ лѣто 6645 (1137) Индикта 15. Ожели кто въ кото„рое время а то рюшитъ (нарушитъ), или отъиметъ, что я урядилъ „Князь Никола-Святославъ съ Владыкою Нифонтомъ, Князь ли или „инъ кто (изъ) сильныхъ Новогородецъ, а будетъ Богу противенъ и Св. „Софьи. — А се Обонѣзьскый рядъ: во Олонци 3 гривны, на Свѣри гри„на, въ Юсколѣ 3 гривны, въ Тервиничихъ 3 гривны, у Вьюницѣ гривна, „устье Паши гривна, у Пахитка на Паши полгривны, на Кукуевѣ горѣ „гривна, у Пермина гривна, у Кокорка полгривны, на Масіегѣ низъ Сяси „полгривны; въ поѣздѣ отъ всей земли Владыцѣ 10 гривенъ, а Попу 2 „гривны; у Липсуевичь полгривны у Тойвапа гривна, въ Липнѣ полгривны.

„А се Бѣжичьскый рядъ: въ Бѣжичехъ 6 гривенъ и 8 кунъ, (въ) Городецькѣ „полшины гривны, въ Змени 5 гривенъ, Езьскѣ 4 гривны и 8 кунъ, Рыбаньскѣ *гривна Волжьская*, Вышьскѣ полгривны Волжьская." Епископъ *сверхъ* ста гривенъ, отпускаемыхъ ему изъ казны, получалъ съ уѣздовъ означенную дань. Въ старину считали деньги *сороками*: здѣсь разумѣется, думаю, *сорокъ кунъ*: что составляло болѣе ста гривенъ, кромѣ десяти объѣздныхъ и пошлины съ морскихъ судовъ. Когда Новогородскій Епископъ имѣлъ ежегодного доходу 250 гривенъ, то Князю надлежало имѣть 2500 гривенъ, слѣдственно 6250 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, если гривна кунъ была и тогда четвертою частію гривны серебра, подобно какъ въ началѣ XIII вѣка (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 527).

Далѣе въ *Новогород. Лѣт.* стр. 21: „выгнаша Святослава Апр. 17 въ Недѣлю 3 по Пасхѣ, сѣдѣвша 2 лѣта безъ 3 мѣсяць. А въ 23 того мѣсяца „поплошишася людье: солгаша бо, яко Святополкъ (братъ Св. Всеволода) „у города (Новагорода) съ Пльсковици; и высунушася весь городъ къ *Сильницю*, и не бысть ничто же" (т. е. Новогородцевъ испугали ложною вѣстію, что Святополкъ идетъ на нихъ съ войскомъ) — „Святославлю „(жену) яша (удержали) въ Новѣгородѣ съ лучьшими мужи; а самаго „Святослава яша на пути Смольняне и стрежахуть его на Смядынѣ въ „монастыри, яко же и жену его въ Новѣгородѣ у Св. Варвары въ монастыри, жидуще оправы Ярополку съ Всеволодкомъ" (ожидая, чѣмъ кончится распря между ими). Татищевъ говоритъ, что Новогородцы разсердились на Святослава за обиды, сдѣланныя имъ войскомъ его, и что Смоленскіе жители признали Святослава Княземъ своимъ; но монастырь и темница не престолъ. Въ Смоленскѣ княжилъ Ростиславъ Мстиславичь, который держалъ сторону дяди, Ярополка. *Никон. Лѣт.* упоминаетъ только о казнѣ, отнятой у Святослава, и выдумалъ еще, что Ляхи и Чудь грабили въ сіе время Россію, а Половцы взяли Курскъ. „Всякое раздѣленное царство запустѣетъ," прибавляетъ онъ изъ Св. Писанія, и проч.

(268) Въ *Пушкин.*: „и восхотѣ (Андрей) лишитися Переяславля; и тако „бысть пагуба Посульцемъ (живущимъ по Сулѣ) ово отъ Половець, ово „же отъ своихъ Посадниковъ." Городъ Прилукъ есть нынѣ Прилуки въ Полтавской Губерніи. Далѣе въ лѣтописи: „Ярополку же скопившю множество вой: Ростовцѣ, Полочаны, Смолняне, Угры, Галичане, и Берендѣевъ 1000" (въ нѣкоторыхъ 30,000, въ *Никон.* 40,000; а Татищ. говоритъ, что Король Венгер. прислалъ ихъ къ Великому Князю 10,000, и что Ярополкъ имѣлъ всего войска 60,000). Берендѣи или Берендичи одинъ народъ съ Торками, или нѣкоторое особенное племя его (см. выше, примѣч. 218).

Далѣе *Никон. Лѣт.* заставляетъ Черниговскаго Епископа говорить рѣчь, а Князя Всеволода отвѣтствовать: „увы мнѣ грѣшному! кто есмь „азъ песъ смердящій, таковая злая содѣвая?" По древнимъ спискамъ Черниговскій Князь (*яко смысленъ сый*) сказалъ только, *вошедши въ себя*: „луче есть смиритися Бога ради." *Никон.* пишетъ также о слезахъ Ярополка и Всеволода: „и плакаша много межи собою." Въ первую ночь

мира, заключеннаго въ Моравійскѣ (нынѣ Моровскѣ), было на небѣ какое-то знаменіе.

(269) Въ *Никон.* поставлено 8 Ноября, вмѣсто 18 Февраля. По нынѣшнему лѣтосчисленію съ Генваря, Ярополкъ скончался уже въ 1139. Онъ былъ схороненъ въ голубцѣ у церкви Св. Андрея; но вдовствующая супруга его, именемъ Елена, въ 1145 году перенесла Ярополково тѣло въ самую церковь и положила рядомъ съ тѣломъ Янки, сестры Мономаховой. — Въ *Никон. Лѣт.*: „бѣ бо премного Христолюбивъ и любя прочитаніе Божественныхъ словесъ, и почитая Епископы . . . на ратныя же враги страшенъ бѣ, и вси *бояхуся* и трепетаху его.“ Мы видѣли, что Князья Черниговскіе *не боялись* злодѣйствовать. Татищевъ сказываетъ намъ, что милостивый и правосудный Ярополкъ былъ *веселаго взора*, охотно со всѣми говорилъ, и для того подданные любили его какъ отца.

Замѣтимъ случаи Ярополкова времени, о коихъ мы не упоминали: Въ 1133 было знаменіе въ солнцѣ или затмѣніе, сдѣлали новый мостъ черезъ Волховъ, построены 2 деревянныя церкви, Богоматери и Св. Георгія, на торговой площади Новогородской; въ 1134 преставился Изяславъ Глѣбовичь, внукъ Олеговъ, Маія 14 (см. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ еще прибавлено: „въ „се же лѣто принесена бысть дъска оконечная гроба Господня Діонисіемъ; „послалъ бо бѣ Мирославъ“). Авг. 4 сгорѣла въ Новѣгородѣ вся торговая сторона отъ Ручья Плотничнаго до конца Холма и 10 церквей; въ семъ же году нѣкоторые Новогородцы были заключены въ Даніи („*рубоша* „Новгородьцѣ за морезѣ въ Дони.“ т. е. были посажены въ порубъ, а не *изрублены*: см. *Новогород. Лѣт.* стр. 17 и 26). Въ 1135 году, Генв. 6, скончался Переяславскій Епископъ Маркеллъ (или Маркъ), Всеволодъ Новогородскій и Нифонтъ Епископъ заложили каменную церковь Богоматери на торговой площади, а Рожнетъ Св. Николая на Яковлевой улицѣ; слышали громъ Декабря 10, а въ Рязани убитъ (какъ сказано въ *Никон. Лѣт.*) Тысячскій Иванъ Андреевичь Долгій. Въ 1136, Генв. 28, умеръ Посадникъ Мирославъ, на мѣсто коего Новогородцы избрали Константина Микульчича, въ отсутствіе Епископа Нифонта, возвратившагося изъ южной Россіи Февр. 4; въ Новѣгородѣ сгорѣла церковь монастыря Воскресенскаго, и Декаб. 5 освятили церковь Св. Николая. Въ Кіевѣ довершена церковь Пирогощая. Преставился Симеонъ, Епископъ Владимірскій; въ Рязани (только по *Никоновск.*) убитъ въ бѣгствѣ Печенѣжскій богатырь Темирхозя. Въ 1137 посвящены два Епископа, Смоленскій Мануилъ скопець и Ѳеодоръ Владимірскій, также скопецъ — въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Мануилъ былъ искусный Пѣвецъ; что онъ пріѣхалъ къ Мстиславу изъ Греціи самъ-третей, и что Смоленскъ прежде того не имѣлъ Епископовъ. Въ томъ же году Георгій уѣхалъ въ Ростовъ, и дочь Всеволода Мстиславича, Верхуслава, выдана за Польскаго Князя. — Въ 1138 (по *Кенигсберг.*) умеръ Глѣбъ Ольговичь (Татищевъ прибавляетъ: *въ Курскѣ*).

(270) См. Кадлуб. Hist. Polon. кн. III, стр. 724—730. Объ имени *Галича* см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 134. Нарушевичь (Hist. Narodu Polsk. III, 269) именуетъ Венгерца измѣнника Ворисомъ, по догадкѣ весьма невѣроятной. Могъ ли Владимірко такъ жестоко поступить съ Княземъ Яросла-

вовой крови? Борисъ же, внукъ Мономаховъ, является послѣ живъ и здоровъ (см. ниже). — Сказочникъ Длугошъ сдѣлалъ грубую ошибку, приписавъ взятіе Вислицы (въ 1136 году) Ярополку. Не сей Великій Князь, но Венгры разбили Болеслава (см. Кадлуб. Hist. Pol. кн. III, стр. 731, для сравненія съ Длугош. Hist. Pol. кн. IV, стр. 444). Щербатовъ и Левекъ повторили нелѣпости Длугошевы, взявъ оныя изъ М. Стриковскаго. Татищевъ зналъ сію басню, и написалъ другую о мнимой войнѣ Ярополка съ Болеславомъ. Нашъ Историкъ прибавилъ хитрости, засады, Воеводу Зева, рѣчь Андрееву, бубны, огни, и проч.

(271) См. выше, стр. 138, и Прая Annales Reg. Hung. кн. II, стр. 125. Сія война была въ первый годъ Ярополкова княженія, т. е. въ 1132. Владимірко, оставивъ Бориса, скоро объявилъ себя союзникомъ Белы и ходилъ разорять Польшу съ Герцогомъ Богемскимъ (см. Прая Ann. кн. II, стр. 127: Sobjeslaus cum Russis, и проч). Самъ Владимірко (см. ниже) упоминаетъ о томъ въ нашихъ лѣтописяхъ.

(272) См. Прая Ann. R. Hung. кн. II, стр. 135, 136, 142; Туроц. Chron. гл. 64 и 66, и Memor. popul. III, 645 и 659.

(273) Въ *Ростов.* и другихъ: „ста у города въ Копыревѣ концѣ, и нача „зажигати дворы, Марта въ 4 день." Всеволодъ привелъ съ собою Вышегородцевъ, подданныхъ Государя Кіевскаго. Вячеславъ требовалъ единственно, чтобы Всеволодъ далъ ему время выйти изъ Кіева, и въ тотъ день отступилъ къ Вышегороду. Татищевъ прибавляетъ, что Кіевляне не захотѣли сражаться. Далѣе см. *Никон. Лѣт.*, гдѣ сказано еще, что Всеволодъ ходилъ на Половцевъ (чего нѣтъ въ другихъ).

(274) Въ харатейныхъ: „дошедше Горины (рѣки Горыни), пополошивше„ся (испугавшись), бѣжаша." См. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано: „Всеволодъ иде „на Андрея съ братомъ своимъ Святославомъ, а Изяслава Давидовича по„сла съ Половци, Ивана Васильковича и Володаревича изъ Галича, Володи„мера жь на Вячеслава и на Изяслава." — Объ Андреѣ см. выше, стр. 149. Святославъ княжилъ въ Курскѣ. Далѣе: „и гониша по нихъ до Каранѣ, а „далѣ не пусти Андрей дружины своея." Карань есть нынѣ слобода, не далеко отъ Переяславля, къ Днѣпру. Татищевъ, любя подробности, говоритъ, что на Святослава ударилъ прежде Воевода Андреевъ, а тамъ уже самъ Князь. — Въ харатейныхъ: „на ту нощь загорѣлся городъ (Переяславль) „мѣс. Сен. въ 1 день, но не отъ ратныхъ." Въ *Кіев. Лѣт.*: „Всеволодъ же „бяше не цѣловалъ креста еще, но исполнився страха Божія, и не посла „къ городу никого же." Послѣ онъ сказалъ Андрею: „аже бы лиха хо„тѣлъ, то что бы ми годно, то быхъ створилъ." Малотинъ былъ гдѣ нибудь около Сулы и Днѣпра.

(275) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Володаревичь же и Васильковичь привабиша къ „собѣ Изясл. Мстиславича и не урядившеся" (въ пользу Всеволода) „възвра„тишась. Изяславъ же (Давидовичь) иде съ сынома и воева волость Вяче„славлю, и възвратишась; Ляхове же Володимерскую волость, помогаючи „Всеволоду."

(276) Въ *Новогород. Лѣт.*: „бѣжа Ростиславъ Смольнску изъ Новагорода *Сентября* 1, сѣдѣвъ въ Новѣгородѣ 8 *лѣтъ* и 4 мѣсяцѣ;" но онъ пріѣ-

халъ туда въ 1138, Маія 10, а выѣхалъ въ 1139: слѣдственно княжилъ только годъ и 4 мѣсяца; а Татищевъ говоритъ: „*4 года* и 4 мѣсяца!“ Далѣе: „И бѣ мятежъ Новѣгородѣ, а Святославъ дълго (долго) не бяше.“ Въ нѣкоторыхъ сказано: „*для того*, что Всеволодъ былъ занятъ войною „съ Андреемъ и Мстиславичами.“ Татищевъ прибавилъ, что Новогородцы, долго ожидавъ Святослава, опять призвали Ростислава. Далѣе: „по„тоцина (въ 1140 году) Кыеву къ Всеволоду Кѣсниатина Микульцица, и „паки по немь инѣхъ мужъ 6, оковавше Полюда Кснятинича, Дьмьяна и „инѣхъ колико.“ Далѣе, стр. 23: „призваша изъ Суждаля Судилу, Нежату, „Страшка, оже бѣху бѣжали изъ Новагорода Святославъ дѣля (ради Свя„тослава) и Якуна.“ Въ *Кіев. Лѣт*: „По малѣ же времени почаша въста„вати Новогородци у Вѣчи (на Вѣчѣ) на Святослава про его злобу. Онъ „же посла къ брату Всеволоду, река ему: тягота, брате, въ людехъ сихъ; „а не хочю у нихъ быти; а кого тобѣ любо, того пошли. И посла къ „нимъ Ивана Войтѣшича, прося у нихъ мужъ лѣпшихъ; и поимавъ я при„веде къ Всеволоду; и хотяше послати сына своего, Святослава (Всево„лодовича). И слышавъ, иже въстали Новогородци въ Вѣчи, избиваютъ „пріятеле Святославле про его насиліе, и спріяя (содружилъ) ему кумъ „Тысяцкій его: Княже! хотятъ тя яти. Онъ же убоявся и бѣжа съ „женою и съ дружиною на Полтескъ къ Смоленску; и се слышавъ Все„володъ, не пусти сына... И присл̃аша Новогородци Епископа къ Все„володу, рекучи: дай намъ сынъ твой... и посла къ нимъ сынъ свой.“

Далѣе въ *Новогород. Лѣт.* (стр. 23) именно сказано, что *самъ* Всеволодъ вздумалъ послать сына на мѣсто брата. — Якуна схватили на рѣкѣ Плисѣ или Полистѣ: „обнажише яко мати родила и свергша й съ „моста; нъ Богъ избави: прибрьде къ берегу.“ Татищевъ выдумалъ, къ чести Нифонта, что сей Епископъ умолилъ гражданъ не бросать Якуна въ рѣку. Они приковали ему руки къ шеѣ, и взяли съ него 1000 гривенъ (не *рублей*, какъ въ *Никоновск.*), а съ брата, Прокопія, 100 гривенъ, обложивъ пенію и друзей Якуновыхъ.

(277) „Всеволодъ же прия шурина своя и да има Берестій (Брестъ) „и река: Новагорода не березета“ (не брегите его или не княжите тамъ) „атъ (да) сѣдять о своей силѣ, гдѣ си Князь ни налѣзутъ.“ Невѣжда Никоновскій написалъ: „посади его съ Епископомъ и съ Новогородцы въ „Берести *за сторожи*,“ и ввелъ нашихъ Историковъ въ ошибку.

(278) Въ *Кіев. Лѣт.*: „и про то“ (за призваніе Ростислава Георгіевича въ Новгородъ) „разгнѣвася Всеволодъ, и зая Городецъ Вьстрьскый... По„сла Изяславъ ко сестрѣ своей, и рече: испроси намъ у зятя Новъгородъ „Великый брату Святополку. Она жь тако створи.“

Татищевъ пишетъ, что заступленіе Митрополита освободило Нифонта и Новогородскихъ пословъ; что Ростиславъ и Святополкъ въ одно время отправились въ Новгородъ; что тамошніе жители просили Святополка возвратиться съ дороги; что онъ, разсердясь на нихъ, взялъ Торжекъ; что Великій Князь послалъ къ нимъ Святослава, брата своего, для котораго они выслали Ростислава Георгіевича; что Игорь и Святославъ, съ помощію дяди своего, Ярослава, Князя Рязанскаго (*давно умершаго*: см.

выше, примѣч. 247) воевали область Суздальскую, и проч. Все спутано. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Новогородцы *повели* Ростислава въ домъ Епископскій и взяли съ него присягу княжить *по ихъ волѣ*; что Всеволодъ, узнавъ о томъ, приставилъ въ Кіевѣ стражу къ Епископу Нифонту, а пословъ Новогородскихъ засадилъ въ погребъ: такъ сказано и въ другихъ лѣтописяхъ, кромѣ древнихъ, Кіевской и Новогородской, т. е. самыхъ достовѣрнѣйшихъ. Новогородцы заключили Ростислава въ Епископскомъ домѣ такъ же, какъ Св. Всеволода въ 1136 году.

(279) Андрей родился въ 1102 году, а скончался въ 1141, Генв. 22 — „а въ третій межи *десяма*" (въ спискѣ *Пушкин.* и *Кенигсберг.*; а въ *Троицк.: межи десятьма*) „похороненъ у Св. Михаила" (въ *Ростов.* и другихъ: „въ *Переяславлѣ*"). Татищевъ пишетъ: „погребенъ между *двумя* „*дѣдами*" — какими же? Всеволодъ, Изяславъ, Святославъ лежали не въ Переяславлѣ. — Лѣтописцы разсказываютъ за чудо, что во время Андреева погребенія сіяли три солнца, три столпа отъ земли до неба, въ образѣ дуги, и луна.

Въ харатейныхъ говорится ниже только объ Игорѣ, а въ *Кіев.* объ Игорѣ и Святославѣ; въ первыхъ сказано, что Игорь въ 1141 году занялъ города Суздальскіе, а въ *Кіев.* приписано сіе дѣйствіе Великому Князю (что, кажется, несправедливо). Станъ Игоревъ находился близъ Переяславля на рѣкѣ *Стрекве*: имя теперь неизвѣстное. — *Кіев. Лѣт.* повѣствуетъ о причинахъ войны: „Бѣжащю Святославу изъ Новагорода (въ „1141 году) идущю въ Русь къ брату, и посла Всеволодъ противу ему, „и рече: брате! пойди сѣмо. Святославъ же ѣха къ нему изъ Стародуба, „и не уладися съ нимъ о волости, и иде къ Курску: бѣ бо и въ Новѣго„родѣ сѣдя Сиверску. Въ тожъ лѣто Всеволодъ, розлучивая съ братомъ „своимъ, и да ему Бѣлгородъ" (отнявъ у него Курскъ и Новгор. Сѣвер.)... „Въ то жь лѣто ходи Игорь къ Чернѣгову на Давидовича и створиста „миръ... Бысть братьи его (Всеволода) тяжко сердце, Игореви и Свя„тославу: волости бо даетъ сынови, а братьи не надѣли. И позва Все„володъ (въ 1142 году) братію къ собѣ, и сташа въ Олжичихъ, Свято„славъ и Володимеръ и Изяславъ, а Игорь у Городца, и ѣха Святославъ „къ Игореви, и рече: что ти даетъ братъ старѣйшій? и рече Игорь: „даетъ намъ по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыескъ и Клецескъ, „а отчины своея не дастъ Вятичь. И цѣлова Святосл. крестъ съ бра„томъ Игоремъ, и на утрій день цѣловаста Володимеръ и Изяславъ съ „Игоремъ... И посла ихъ Всеволодъ звати на обѣдъ, и не ѣхаша, рекуще: „се въ Кыеви сѣдиши, а мы просимъ у тобе Черниговское и Новогород„скаа волости, а Кыевскые не хотимъ. Онъ же Вятичь неступяше, но „даяше имъ 4 городы, яже преди нарекохомъ. Они же рѣша: а намъ са„мѣмъ особѣ поискати, и поѣхаша къ Переяславлю... И посла Всеволодъ „Лазоря Саковскаго съ Печенѣгы своя Вячеславу въ помоцъ... И поможе „Богъ Изяславу (Мстиславичу), и бися съ ними, и побѣгоша въ городы „своя. Въ тожь время идущю Ростиславу съ Смоленск. полкомъ къ зятю „своему къ Кыеву, и слышавъ (о войнѣ) и пойде на волость ихъ, и взя „около Гоміа (Гомелл) область ихъ всю" (по харатейн. 4 города)... „Изя-

„славъ же ѣха въ землю Черниговскую, и повоева около Десны села ихъ, „и възвратися въ свояси съ честію. Игорь же съ братьею ѣхаша къ Переяславлю другое, и бишась 3 дни, и възвратишась." Татищевъ пишетъ, что гордый Игорь велѣлъ сказать Изяславу Мстиславичу: „не шуми, „сидя за печью какъ *сверчокъ*;" что Изяславъ разбилъ его, и тогда вошло на *Руси* въ пословицу: „сверчокъ *тму таракан*ъ (Каламбуръ!!) побѣдилъ:" ибо Князья Черниговскіе назывались прежде *Тмутороканскими*; что Вячеславъ изъ благодарности отдалъ Изяславу свою юговосточную область, и проч.

(280) Въ *Кіев Лѣт.*: „Посла по нихъ Всеволодъ брата своего Святошю, река имъ: возмете съ любовію, что вамъ даю: Городецъ, Рогачевъ, „Берестій, Дорогичинъ, Клецескъ; болѣ не воюйтеся съ Мстиславичи. „Они же сташа на воли его, и позва ихъ къ собѣ къ Кыеву, и пріѣхаша: „Всеволодъ же не хотѣ того, иже ся братья съвокупила на едну мысль, „посла къ Давидовичема, река имъ: отступите отъ Игоря и Святослава, „а азъ васъ надѣлю. Они же преступивше крестное цѣлованіе, отступиста отъ Игоря и отъ Святосл. къ брату Всеволоду. Всеволодъ же „радъ бывъ ихъ разлученію, и да Берестій и Дорогичинъ и Вщижь (см. „ниже, примѣч. 397) *Орминь* (?), а братома пославъ и да има, Игореви „Городецъ Гургевъ и Рогачевъ, а Святославу Клецескъ и Черторыескъ; „и тако разыдошася... Ольговичи, братья Всеволожа, поропташа нань, „иже любовь имѣеть съ Мьстиславичи, а съ нашими вороги, осажался „ими около, а намъ безголовье и безмѣстье... И докучиваху ему пойти „ратью на Мстиславичи; онъ же воли ихъ не учини."

(281) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Приведена бысть дъщи Всеволожа въ Ляхы" (въ 1141 году)... „Тогоже, лѣта 1142) отда Всеволодъ дъщерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава." Въ другихъ мѣстахъ лѣтописи Владиславъ называется зятемъ Всеволода. Длугошъ пишетъ, что сей Герцогъ въ 1121 году женился на Христинѣ, дочери Императора Генрика V, которая была еще жива и въ 1146 году; что братья Владиславовы, Болеславъ и Мечиславъ, въ 1151 году сочетались бракомъ съ дочерьми *Всеволдимîра*, Князя *Галицкаго*, первый съ Анастасіею, вторый съ Евдокіею. Длугошевы извѣстія не имѣютъ достовѣрности современныхъ. Нарушевичъ доказываетъ свидѣтельствами древнѣйшихъ Лѣтописцевъ, что супруга Владиславова была не дочь Генрика V (см. Hist. Nar. Polsk. III, 181, 187), а сестра Императора Конрада. Она, какъ вѣроятно, умерла прежде 1141 года, и Владиславъ послѣ того женился на Княжнѣ Россійской, умершей въ третій годъ его изгнанія, какъ пишетъ Богуфалъ. — Мнимый Длугошевъ *Всеволдимîръ Галицкій* есть Всеволодъ Кіевскій и Всеволодъ-Гавріилъ Псковскій (см. выше, примѣч. 269). Длугошъ сказываетъ еще, что Болеславъ, по смерти Анастасіи, женился въ 1160 году на Еленѣ, дочери Ростислава Перемышльскаго, внукѣ Володаревой.

Далѣе въ лѣтописи: „сняшася вси (Князья Русскіе) у Чьрньска (Черска на Вислѣ?), и воевавше воротишася, болѣ вземше мирныхъ Ляховъ, „неже ратныхъ."

(282) См. ниже, примѣч. 322. По смерти Моравскаго Герцога Оттона, въ 1126 году, сынъ его, именемъ также Оттонъ, ушелъ въ Россію, и жилъ тамъ до 1141 году (см. Гебгарди Gesch. des St. Mähren, кн. VII, 54, 55). — Невѣста Святополка Мстиславича (а не Всеволодовича, какъ сказано въ Софійской лѣтописи) пріѣхала въ 6657 между Рождествомъ и Крещеніемъ: слѣдственно онъ женился въ началѣ 1144 году.

Въ *Новогород. Лѣт.*, стр. 24: „приходи Свейскій Князь съ Епископомъ „въ 60 *шнекъ* (лодкахъ) на гость, иже изъ морья шли въ 3 лодьяхъ, и „бишася; не успѣша (Шведы) ничтоже, и отлучиша ихъ 3 *лодье*“ (Новогородцы взяли 3 *лодки* Шведскія); „избиша ихъ (Шведовъ) 150.“ Татищевъ думалъ, что Шведы побили Новогородцевъ. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Свеяхъ*. Прежде называли ихъ у насъ общимъ именемъ Варяговъ.

Въ *Новог. Лѣт.* стр. 24: „въ тоже лѣто (1142) приходиша Емь. Избиша ѣ (ихъ) *Ладожане* 400, и не пустиша ни мужъ.“ Татищевъ думалъ, что *Ладожане* были разбиты Емью. — „Въ тоже лѣто ходиша Корела на Емь и отбѣжаша; а *лойву* *бити*“ — а въ лѣтописи Попа Іоанна: „а „*лойвъ* избили.“ Что такое *лойва*? не *засмоленная ли лодка*? *лой* есть смола. — Въ другомъ мѣстѣ *Новогород. Лѣт.* сказано (стр. 159): „совкупися вся волость Новогородская, Пльсковичи, *Ладожане*, *Корела*:“ слѣдственно сія страна принадлежала Новугороду.

(283) Святославъ женился на дочери Василька еще въ 1143 году, а Рогволодъ въ 1144. Свадьба была въ Переяславлѣ.

Когда умерли Ростиславъ Володаревичь и Григорій Васильковичь, не знаемъ; а Иванъ Васильковичь въ 1141 году по *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано: „и прія волость его Володимерко Володаревичь, сѣде въ обою волостію „княжити въ Галичи.“ Далѣе, подъ годомъ 1144: „роскоторастася Всеволодъ съ Володимеромъ про сына, иже сѣде въ Володимери, и почаста на „ся искати вины, Володимерко възверже ему грамоту *крестную*.“

Всеволодко Городненскій умеръ въ 1142 году, Февр. 1. Въ *Кіев. Лѣт.*, кромѣ другихъ Князей и Владислава Польскаго, зятя Всеволодова, которые ополчились на Владимірка, именованы еще сынъ Великаго Князя Святославъ и Ростиславъ Глѣбовичь, внукъ Олеговъ (см. выше, примѣч. 269).

(284) Банъ тоже, что Панъ: тогда знаменитое достоинство. Сей Банъ названъ *уемъ* Короля, т. е. дядею по матери; слѣдственно онъ былъ роднымъ братомъ Елены, дочери Сербскаго Графа. — О Теребовлѣ см. выше, примѣч. 179. Не замѣчаю маловажныхъ ошибокъ *Никон. Лѣт.* и прибавленій Татищева. — Ушица въ Подольской Губерніи. — Изяславъ Давидовичь былъ отправленъ за Половцами еще изъ Переяславля. — Мѣсто, гдѣ стоялъ Всеволодъ противъ Галицкаго Князя, занявшаго высоты близъ Серета, названо въ лѣтописяхъ *Рожье Поле*.

Въ *Воскресенск.* и въ *Ростовск. Лѣт.* описаны здѣсь кровопролитныя битвы подъ стѣнами Звенигорода; но сіе было уже во время другаго Всеволодова похода въ Галицію (см. ниже). Далѣе въ лѣтописи: „Всеволодъ ста по сей сторонѣ (Звенигорода), а Володимеръ обону страну „(въ *Никонов.* на Лебежнемъ полѣ), сшедъ съ горы; а межи ими рѣка нелъ

„ка (въ *Кіев.* Вѣжка. въ *Никонов.* Грезка.); и повелѣ Всеволодъ чинити „гати комуждо своему полку, и заутра перейдоша рѣку и взяша горы „(въ *Ник.* Соколи) за Володимеромъ. Володимеръ же мня, яко къ нему „идуть, ста исполчився передъ городомъ на болони. Симъ же полкомъ „не лзѣ бяше битися тѣсноты ради, зане болота притли ноли подъ „горы" (подъ самыя горы)... „Взыдоша Рускыи полци на горы и зайдо-„ша отъ Перемышля," и проч.

Ниже въ *первый разъ* говорится въ лѣтописяхъ *о гривнахъ серебра.* *Никонов. Лѣт.* пишетъ опять *рубли*, вмѣсто *гривенъ*, сказывая, что Всеволодъ не оставилъ у себя *ни сребреницы*, раздавъ деньги войску. Въ древнихъ: „подѣли сребромъ *братью* свою, почень (начавъ) отъ старѣйшихъ „и до меньшихъ . . . . Увергш (возвратилъ) Всеволодъ Упишю и Мику-„линъ." — Надобно еще замѣтить, что *Никон. Лѣт.*, выдумавъ глупую рѣчь Игоря, называетъ Галицкаго и другихъ безъ разбора Великими Князьями. Татищевъ пишетъ, что Владимірко *винился* передъ Всеволодомъ. Въ *Кіев.*: „Вдавъ Владимірко за трудъ Всеволоду 1000 и 400 гривенъ сребра, „переди много глаголавъ, а послѣди много заплативъ. Всеволодъ же цѣ-„ловавъ его съ братьею, рече ему: се цѣловалъ еси; къ тому не съгрѣ-„шай." Сей Лѣтописецъ называетъ Галицкаго Князя *многоглаголивымъ*.

(285) Отъ Берлада, нынѣ Бырлата или Барлада, между Прутомъ и Серетомъ. Сей нѣкогда многолюдный и крѣпкій городъ (см. Кантемирово *Описаніе Молдавіи*) основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы (см. Бишинг. Erdbeschr. II, 789) былъ населенъ бродягами, которые славились разбоями на морѣ и сухомъ пути (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ). Вѣроятно, что Іоанна Галицкаго назвали *Берладникомъ* въ смыслѣ *бродяги* по его образу жизни.

Въ *Кіев. Лѣт.*: „на туже зиму шедшю Володимеру въ Тисмяницу (въ Галиціи) на ловы," и проч. Далѣе: „бишась 3 дни; въ Недѣлю же Мясопу-„стную на ночь выступи на ня Иванъ съ Галичаны, и побиша у Ивана „дружины много, и заступиша й отъ города....и пробѣже сквозь полкъ „къ Дунаю, и оттуду полемъ прибѣже къ Всеволоду."

(286) О собраніи Князей въ Кіевѣ см. *Кіев. Лѣт.*: „и сѣдшимъ всѣмъ „братіи у Всеволода на сѣнехъ, и рече Всеволодъ," и проч. Далѣе: „пова-„бливаетъ мене Володиславъ, Ляцкый Князь, на брата своа; и рече И-„горь: не ходи, но пойдемъ мы... И иде Игорь съ братомъ Святославомъ „и съ Володимеромъ (Давидов.), а Изяславъ Мстисл. разболѣся и не иде. „Изъ Володимеря Святосл. Всеволод. иде, и идоша на средь земли Ляд-„ское; найдоша брата 2 Владиславля, Болеслава и Мъжеку стоача за „болотомъ, и переѣхавша на сю сторону, и поклонистася Игореви съ „братьею и цѣловавше крестъ межи собою ... И даста брату Влади-„славу 4 городы, а Игореви съ братьею Визну ... Тое же зимы Влади-„славъ, Ляцкый Князь, емъ мужа своего, Петрока, и ослѣпи его, и язы-„ка ему урѣза, и домъ его разграби; токмо съ женою и съ дѣтми выгна „изъ земли своея, и иде къ Русь" (кто? Петрокъ или Владиславъ?) . . . „Ею же мѣрою мѣрить, възмѣрить ти ся. Ты емъ лестію Володаря, и умучивъ й, имѣніе его всхити все." Длугошъ говоритъ, что Владиславъ, из-

гнанный братьями, бѣжалъ изъ Польши въ 1146 году: увидимъ, что онъ при смерти Всеволода уже находился въ Россіи. Сей же Историкъ пишетъ, что Россіяне въ 1145 году, осаждая Познанъ, были на голову побиты.

(287) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Всеволодъ съ Игоремъ иде къ Галичю, и съ Давидовичема и съ Вячеславомъ, Изяслав. и Ростислав., и Святослава поя сына „своего и *Болеслава*, Лятскаго Князя, зятя своего, и Половци дикыя, и „бысть множество вой.“ Вмѣсто *Болеслава* надобно, думаю, читать *Володислава*, который тогда ушелъ изъ Польши. Далѣе: „и бысть дождь, „и спече снѣгъ ... Пожгоша около его (Звенигорода) острогъ въ первый „день, а въ вторый день створиша Вѣче Звенигородци, хотячи ся передати ... и Воевода, Иванъ Халдѣевичь, изыма въ нихъ мужь 3 и уби „я̀, и когождо ихъ перетне наполъ, верже я̀ изъ города ... Въ 3 же день „приступиша вси вои къ граду, по зори бишась до позднья вечери, и зажгоша городъ въ трехъ мѣстѣхъ. Гражане же угасиша ... и възваша: „*Киріе елей сонъ*“ (Господи помилуй). — Далѣе въ харатейныхъ: „приде „Володимеръ Галичьскый и взя Прилукъ“ (на границѣ Кіевской и Подольской Губерніи, нынѣ Прилука)... „и совокупи Всеволодъ братью „свою на Родосыни (см. выше, примѣч. 204) „и сложи путь съ Бориша „дни“ (положилъ выступить въ Борисовъ день, или Іюля 24) „на Володимера, и нарече оба Изяслава (Давидовича и Мстиславича) оставити „дома, и перебы нѣколико и разболѣся,“ и проч. *Никонов. Лѣт.* прибавляетъ, что Великій Князь отправилъ гонцевъ въ Чехи, Лахи, Угры, требуя войска.

(288) Въ харатейныхъ: „и везоша й Вышегороду.“ Въ *Кіев.*: „и посла „по брата своего, по Игоря и по Святослава, и ста подъ Вышегородомъ въ островѣ, и призва къ себѣ Кыяны, и нача имъ молвити: азъ есмь „боленъ уже вельми, а се вамъ братья моя, Игорь; имете ся зань. Они же „рекоша: Княже! ради; ся имемъ. И поѣхаше Игорь въ Кыевъ, иде съ ними подъ Угорскый, и съзва Кіаны всѣ; они же цѣловаша къ нему крестъ, „рекучи: ты намъ Князь — и яшась понь лестію. За утрій же день ѣха „Игорь къ Вышегороду, и цѣловаша къ нему крестъ Вышегородци. Всеволодъ же посла къ Изяславу Мстиславичю Володислава, зятя своего, а „къ Давидовичема Мирослава Андреовича, река: стоите ли въ крестномъ „цѣлованіи у Игоря? и рѣша: стоимы. Въ утрій же день преставися Всеволодъ мѣс. Авг. въ 1 день“ (по харатейнымъ Іюля 30) и „спрятавше „тѣло его въ церкви Св. мученику (Бориса и Глѣба). — Татищевъ пишетъ, что Вельможа Улѣбъ колебался признать Игоря наслѣдникомъ; что Великій Князь озлобился, но старѣйшина Лазарь Сокольскій утишилъ его гнѣвъ; что Всеволодъ былъ толстъ и плѣшивъ, имѣлъ широкую бороду, не малые глаза, долгій носъ; могъ въ судахъ оправдывать или обвинять, кого хотѣлъ; но что любя наложницъ, болѣе занимался удовольствіями, нежели расправами; что народъ страдалъ, и только одни любовницы оплакали кончину Всеволодову; что граждане нетерпѣли и наслѣдника его, зная свирѣпый нравъ Игоревъ, и проч. Въ лѣтописи названъ Всеволодъ *смысленымъ*.

Вотъ маловажные случаи его княженія: Въ 1140 году, Марта 20, затмѣніе солнца; родился у Вел. Князя сынъ Ярославъ. Въ 1141 поставленъ Епископъ Переяславскій Евфимій. Въ 1142 преставился Черниговъ. Епископъ Пантелеймонъ. Въ 1143 (по *Новогород. Лѣт.*) „стояша вся осенина „дъждева (*дождлива*) отъ Госпожина (Успенія) до *Корочюна*“ (такъ назывался, думаю, постъ предъ Рождествомъ, отъ *короткихъ* дней) — „тепло, „дъждь, и бы вода велика вельми въ Волховѣ, и всюдѣ сѣно и дръва разнесе; озеро морози въ нощь, и растьрза вѣтръ, и внесе въ Волхово, и „поломи мостъ 4 городнѣ; *отинудь бѣ знать*“ (никакого знака не осталось) „бѣ занесе (унесло).“ Въ *Кіев. Лѣт.*: „бысть буря велика, яко же „не была николиже около Котелници, и розноси хоромы и товаръ и „клѣти и жито изъ гуменъ, и просто рещи, яко рать взяла, и не оста„ся въ клѣтехъ ничтоже; и нѣціи налѣзоша бронѣ (бороны) въ болотѣ, „занесены бурею.“ — Въ 1144 зимою Всеволодъ на одной недѣлѣ выдалъ двухъ дочерей Всеволодковыхъ, внукъ Мономаховыхъ, одну за Владиміра Давидовича Черниговскаго, а другую за Юрія Ярославича, внука Святополкова (см. *Кіев. Лѣт.*). 9 Іюня Всеволодъ заложилъ въ Каневѣ церковь Св. Георгія; въ Новѣгородѣ сдѣланъ новый мостъ, сгорѣлъ Холмъ (часть города) и церковь Св. Иліи, Епископъ Нифонтъ расписалъ притворъ Св. Софіи, избранъ въ Посадники Нежата Твердятичь, совершена на торговой площади каменная церковь Богоматери, и *поставленъ Священникомъ сочинитель древней Новогородской лѣтописи*. Въ *Кіев. Лѣт.*: „За Днѣпромъ „въ Кыевской области летящю по небеси до земля яко кругу огненному „и остася по слѣду его знаменіе въ образъ змія великого, и стоя по не„бу съ часъ и разыдеся. Паде снѣгъ въ Кыевской сторонѣ коневи до чре„ва на Великъ день (Свѣтлое Воскресенье). Священа бысть церкви въ „Бѣлгородѣ Св. Апостолъ. Поставиша Епископа къ Турову, именемь „Якымъ.“ — Въ 1145 передъ жатвою стоялъ двѣ недѣли ужасный жаръ (въ *Новогородской*: „яко искра гуце“ или *жгуче*) и наконецъ шли дожди до самой зимы, такъ что много пропало хлѣба и сѣна; осенью наводненіе, а зима малоснѣжная и сумрачная до Марта; утопули 2 Попа, и Епископъ Нифонтъ запретилъ ихъ отпѣвать. Въ Смоленскѣ, на *Смядыни*, заложена церковь Бориса и Глѣба. Митрополитъ Михаилъ ѣздилъ въ Царьградъ, и сгорѣла въ Кіевѣ часть Подола. Явилась на Западѣ большая звѣзда съ лучами. Въ Муромѣ скончался Святославъ Ярославичь, оставивъ престолъ брату Ростиславу; а въ Рязань поѣхалъ княжить меньшій сынъ Ростиславовъ, Глѣбъ.

(289) *Дворъ Ярославовъ* находился въ Кіевѣ на горѣ. Въ *Кіев. Лѣт.*: „съзва Кіаны всѣ на гору, на Ярославль Дворъ.“

Въ *Ростовск.*, *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* Ч. I, стр. 282: „и паки совокупив„шеся вси Кіяны у *Туровы божницы* и послаша по Игоря. Игорь же „поемъ Святослава, иде къ нимъ и ста съ дружиною, а брата посла въ „Вѣче..... Святославъ же съсѣдъ съ коня, цѣлова крестъ въ Вѣчи. Кыя„не же вси, съшедше съ коней, начаша молвити,“ и проч.

(290) Въ *Кіев. Лѣт.*: „устремишася на Ратшинъ дворъ грабити и на „Мечникы.... Въземъ (Изяславъ) молитву въ Св. Михаилѣ у Еписк. Евф.

„и перейде Днѣпръ у Заруба, и ту прислашася къ нему Черніи Клобуци „и все Поросье (мѣста по рѣкѣ Русу или Роси)... „и войде Изяславъ „къ *Дрѣвскому*, и ту совокупишась вси Клобуци и Поршане. Въ томъ „же мѣстѣ прислашась къ нему Бѣлогородци и Василевци.... Игорь же „посла къ Володимеру и Изяславу (Давидовичу), и рече: стоита ли у „мене въ крестномъ цѣлованіи? Она же выпросиста у него волости много: „Игорь же има вда, и повелѣ има пойти къ собѣ.... Изяславъ же Давидов. ѣха вборзѣ къ Игореви. Епископъ же Черниговскій, Онуфрій, Про„стаперомъ своимъ рече: аще кто сего цѣлованія (Давидовичей къ Игорю) „съступивъ, да проклятъ будетъ Господскыма 12 праздникома. И по ма„лѣ дній съступиста Давидовича крестное цѣлованіе. Начальници же бы „съвѣту злому Улѣбъ Тысячкый и Иванъ Войтишичь и Лазорь Саков„скый, а въ Святославли полку Василь Полочанинъ, Мирославъ Хиличь „внукъ, и совокупиша около себе Кіаны."

(291) Въ 1116 году.

(292) Въ *Кіевс. Лѣт.*: „пріиде Изяславъ къ валови, идѣ же есть *Надово* „озеро, у *Шелвова борку*, и ту ста" (въ харатейныхъ: на *Желани*) „съ „сыномъ Мьстиславомъ. Кыяне же особно сташа у Олговы могилы" (на горѣ Щековицѣ или нынѣшней Скавицѣ).. „и видѣвъ Игорь, иже Кыяне „пославшеся и пояша у Изяслава Тысячского и съ стягомъ и приведоша „й къ собѣ, и Берендичи, переѣхавше Лыбедь, взяша Игоревы то„вары предъ Золотыми вороты и подъ огороды... и Улѣбови и Ива„нови Войтишичю рече: поѣдта въ своя полкы. Пріѣхавъ же въ свой „полкъ, и повергля стягы, и поскочиша къ Жидовскымъ воротомъ. Видѣвъ „же то Игорь и Святославъ и сыновець его Всеволодичь, не святотась, „но поидоша противу Изяславу на перекъ озера, и ту быша пророви отъ „озера, а друзіи изъ Сухоа Лыбеди... Въѣхаша Берендичи съ саблями и по„чаша я сѣчи, и ту побѣже Игорь и Святославъ въ *слуды* (болота) До„рогожичьскыя, и Изяславъ же съ Мьстиславомъ, сыномъ своимъ, и съ „всею дружиною въѣха въ бокъ имъ, и начаша сѣчи, и разлучишась другъ „отъ друга, и съ Игоремъ же не бѣ кто улучася, и бѣже Игорь въ бо„лото Дорогожичское, и угрязе подъ нимъ конь и не може ему яти, бѣ „бо ногами болитъ; а Святославъ бѣже на устье Десны, за Днѣпръ; а „Всеволодичь Святославъ вбѣже въ Кыевъ къ Св. Оринѣ въ монастырь, и „ту его яша. Идоша по нихъ до Вышегорода и до Днѣпра, до устья Де„сны и до перевоза до Кыевского, сѣкуще я, а другыя въ водѣ избива„ху... Выидоша противу ему (Изяславу) множество народа, Игумени съ „Чернориэци и Попове всего города Кыева въ ризахъ, и пріѣха къ Св. „Софіи... Бояры многы изымаша: Данила Великаго и Гургя Прокопьча, „Ивора Гюргевича, Мирославля внука, и инѣхъ много въ Кыевѣ... и раз„грабиша Кыяне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожи, и „села и скоты, и взяша имѣнія много въ домѣхъ и въ монастырехъ."

(293) Племемъ Владиміру. Въ лѣтописи: „отъ радости (Вячеславъ) не „приложи чти къ Изяславу...и отъя городы опять, иже бяше отъ него „Всеволодъ отъялъ." Рѣчь Вячеславова (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 13) свидѣтельствуетъ, что племянникъ обѣщалъ прежде завоевать для него Кіев-

скую область. Съ Ростиславомъ ходилъ въ Волынію и сынъ Всеволодовъ. — Татищевъ говоритъ, что Вел. Князь послалъ дары Венгерскому Королю; что Святославъ Ольговичъ уѣхалъ въ Новгородъ *Великій* къ *Ростиславу*: но Ростиславъ княжилъ въ *Смоленскѣ*, а Святославъ уѣхалъ въ Новгородъ *Сѣверскій*.

Пересопница, нынѣ селеніе того же имени, находится между Луцка и Дорогобужа, Ровна и Клевани на рѣкѣ Спублѣ или Струбелкѣ, впадающей въ Горынь.

(294) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Святославъ же убѣже въ Черньговъ съ маломъ „дружины, послася къ братома и рече: стоита ли въ крестномъ цѣлованіи, еже есвѣ цѣловали пяты днiй?... Се вамъ оставливаю Костянка, „мужа своего.... А самъ ѣха къ Курску, и оттуда къ Новугороду..... „И посластася (Давидовичи) къ Изяславу: Игорь яко тобѣ золъ былъ, „тако и намъ; а дръжи его твердо.“

(295) См. *Кіев. Лѣт.* Олегъ былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой. — Князь Рязанскій названъ *Святославичемъ* (см. ниже, примѣч. 299). — О *Берладникѣ* см. выше, примѣч. 285.

(296) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Давидовича же рекоста: се есвѣ зачала дѣло зло, „а съвершивѣ до конца; искоренивѣ брата Святослава... И выпросиста „Изяслава ити на Святослава. Въ томъ же лѣтѣ ходи Изяславъ къ Давидовичема на снемъ, и рече има: пойдета на Олговичь.“ Онъ вмѣстѣ съ сыномъ прислалъ къ нимъ какого-то Ина Ольговича. Далѣе: „и поидоша „къ Новугороду, и сташа у пересны (вала), и идоша стрѣльци и съ то„вары (съ обозомъ) къ граду, къ вратомъ Черньговскымъ, и ту бишеся. „Въ утрій же день поидоша къ вратомъ Курскымъ, и посла Мстиславъ „къ Давидовичема и рече: отецъ мой реклъ: къ городу не приступайте, „доколѣ же пріиду азъ... И не идучи, накъ града стаста близъ, и пу„стиша стрѣлцы къ граду, и Христіяны и Берендьи... И бысть налога „(тягость) велика горожаномъ; и вбодоша я въ врата острожная, и много бысть убитыхъ. Убиша Дмитра Жирославича и Андреа Лазоревича. „Бившимся имъ до вечера, и шедше сташа у Мелтеко въ селѣ... И за„грабиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахни кобылъ стад„ныхъ 3000, а коней 1000.... Поидоста на Игорево сельце, идѣ же баше „устроилъ дворъ добрь: бѣ же ту готовизнины много въ *бретьяницѣхъ*,“ и проч. Тутъ была церковь Св. Георгія. Изяславъ Мстиславичь далъ жителямъ Путивля своего Посадника. Татищевъ заставляетъ ихъ говорить умную рѣчь. — Болтинъ несправедливо называетъ Путивль городомъ Вятичей: онъ былъ въ области Сѣверской.

Далѣе: „и ту дворъ Святославль раздѣли (Изяславъ въ Путивлѣ) на че„тыре части, и *скотницы* (казну), и бретьяницы, и въ погребахъ 500 „берковецъ (у Татищева *берестенъ*) меду. И церковь Вознесенія Господ„ня всю обоимаша, сосуды двои сребрены и индитіи (одежды престоль„ныя) и судари (убрусы, платки), а все шито златомъ; и кадильницы двѣ, „и каце (какое) Евангеліе ковано, и книгы, и колоколы.“

(297) Въ *Никонов. Лѣт.* „приде вѣсть къ Святославу, что хотять „(Князья) за нимъ вси ити къ Новугороду и взяше его *селѣпити.*" — Въ лѣтописяхъ сказано, что Изяславъ Давидовичь хвалился поимать Святослава, или по крайней мѣрѣ его жену съ дѣтьми. Далѣе: „иде (Изя„славъ) изъ Путивля на Сѣвескъ и на *Болдыжъ* (неизвѣстное мѣсто); „прека бо" (поперечный, а въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ *прость*) — „бѣ ему путь къ Корачеву. И ту прибѣгоша зажитницы. Увѣдавъ же „Святославъ, оже припали пать, и посла на нихъ дикія Половцы, и ата „нѣколико передничь" (переднихъ Изяславовыхъ зажитниковъ). „Святосла„ву же не бѣ гдѣ дѣтися, любо выдати жену и дѣти и дружину на по„лонъ, или главу свою положити... И помолився Богу, изыде противу." *Никон. Лѣт.* далъ Изяславу 14,000 воиновъ вмѣсто 3000. — Именемъ *дикихъ* Половцевъ означались, кажется, степные или кочующіе: ибо другіе, въ окрестностяхъ Донца, уже обитали въ городахъ. Татищевъ говоритъ, что Святославъ былъ раненъ въ битвѣ. — Далѣе: „повоевавъ (Свя„тославъ) Корачевъ, бѣжа за лѣсъ въ Вятичи." Слѣдственно область Вятичей была за Карачевымъ, на Востокъ и Сѣверъ. Татищевъ называетъ оную Удѣломъ Святослава Всеволодовича; но Черниговскіе Князья говорятъ послѣ Изяславу: „Ольговичь Святославъ занялъ волость *нашю* Вя„тичи."— Далѣе: „Изяславъ Мстиславичь съ братіею, отпустивше Изя„слава Давидовича изгономъ на Святослава, сами по немъ идоша: прешед„шимъ же имъ лѣсъ Болдыжъ, стаща ту на обѣдъ, и прибѣже къ нимъ „мужъ, и рече имъ: брата вашего побѣди Святославъ. Слышавъ же то „Изяславъ, и ражже сердце свое больма (весьма) на Святослава: бѣ бо „храбръ и крѣпокъ на рати.... Изяслава же (Давидовича) долго не бѣ; „уже въ полдни прибѣже къ нимъ... Идоша (Князья) тотъ день оли до „ночи, и бысть въ *лягомъ*" (время, когда ложатся спать) „и приде вѣсть „изъ Корачева, иже Святославъ бѣжа въ Вятичи." — Далѣе: „рече (Изя„славъ) братома своима: чего еста хотѣла волости, то есмь вамъ изы„скалъ: се вамъ Новгородъ и вся Святославля волость; а что будеть „Игорева въ той волости, челяди и товара, то раздѣлимъ на части."

(298) Въ харатейныхъ: „Игорь же слышавъ въ порубѣ сый, оже идеть „Изяславъ на брата его, посла къ Изяславу," и проч. — Далѣе см. *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* I, 287.

(299) Городъ Дѣдославль назывался послѣ Дѣдиловымъ (нынѣ село верстахъ въ 30 отъ Тулы): см. *Больш. Чертежъ* стр. 10. — Брянскъ назывался *Дебрянскимъ.* — Далѣе: „пришедшю же Святославу въ Колтескъ „городъ, и ту присла ему Юрій помощи 1000 бронникъ дружины Бѣло„верскія." Сей Колтескъ называется Кулатескъ и Култескъ въ описаніи Рязанскихъ городовъ XIV или XV вѣка (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, стр. 22). Татищевъ вымыслилъ отвѣтъ Вятичей на предложеніе Князей. Далѣе: „Святославъ же пойде оттуду (изъ Дѣдославля) къ Осетру (рѣ„кѣ Тульской Губерніи), и ту *отступи* отъ него Иванко Ростиславичь „Берладникъ къ Ростиславу, Смоленскому Князю, *веземъ* у Святослава „200 гривенъ сребра, а 12 злата." Татищевъ пишетъ, что Берладникъ силою отнялъ ихъ у Святослава. *Никонов. Л.* именуетъ сего Ивана Ро-

стиславича сыномъ Смоленскаго Князя и прибавляетъ: „Князь же Святославъ Ольговичь иде въ Рязань, и бывъ во Мченскѣ и въ Тулѣ, и въ „Дубкѣ на Дону, и въ Ельцѣ, и въ Пронскѣ, и приде въ Рязань на Оку „и пребылъ во *градѣ* Осетрѣ!" — Владиміръ Рязанскій былъ сынъ Святослава Ярославича. Въ *Воскресен. Лѣт.* I, 24, 25: „Ярославъ преставися „въ Муромѣ, а на Муромѣ и на Рязани осталися дѣти его, Ростиславъ, „да Святославъ, да Юрій; и Ростиславъ да Святославъ были на Рязани, „а Юрій на Муромѣ . . . у Святослава Ярославича сынъ Володимеръ." См. выше, примѣч. 288, г. 1145. — Далѣе: „Святославъ же хотѣ ити съ Бѣ„лозерцы на Давидовича, и въ то время нача изнемогати Іоаннъ Юрьевичь. „Святославъ же не ѣха отъ него, ни дружины своея пусти . . . . . . Пре„ставися Іоан. Юрьевичь, (Февр. 24, въ *Понедѣлокъ* ночью на Масленой недѣ„ли; пріѣхаста (въ Колтескъ) ту на Донъ два брата его, Борисъ и Глѣбъ, „и сотвориста плачь великъ, и вземше тѣло его идоша къ Суждалю; а „Святославъ пойде вверхъ по Окѣ, и пришедъ ста на устъ Поротвы въ „городѣ Любыныцѣ" — (станѣ Любутскомъ, Тульской Губ. въ Алексин. округѣ) — „и ту присла къ нему Георгій, тѣша его река: *не тужи. о „сыну моемъ; аще того Богъ взялъ, то другой послю ти.* Присла жь „ту и дары многи, паволоками и скорою; одари и жену его и дружину „его." *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что Георгіевъ сынъ Іоаннъ умеръ въ Любимцѣ. *Амосовъ.* — Далѣе: „Поидоста Юрьевичи, Ростиславъ и Андрей, „къ Рязаню на Ростислава на Ярославича. Ростиславъ же бѣжа въ По„ловци ко Аттукови (Хану) . . . Святославъ взя людъ Голядь верхъ Порот„вы." Татищевъ сказываетъ, что Георгій хотѣлъ наказать Новогородцевъ за ихъ привязанность къ Мстиславичамъ.

(300) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Олегъ же (сынъ Святославовъ) ѣха напредъ къ „Юрьеви, и да ему пардусъ" (не Юрій Олегу). Вѣроятно, что Россіянамъ доставляли сихъ звѣрей Греки или Половцы. — О вельможѣ Петрѣ: „на „Вербницю ту преставися (на берегу Оки) добрый старецъ Петръ „Ильичь, иже былъ мужь отца его (Святославова); уже бо отъ ста„рости не можаше на конь сѣсти: бѣ бо 90 лѣтъ" — Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что въ 1147 году умеръ Князь Рязанскій Давидъ, котораго не бывало, и наслѣдникомъ его сдѣлался братъ Игорь, котораго также не бывало.

(301) „Посла же къ нему (Святославу) Юрій, рекъ: буди, брате, ко мнѣ „къ *Москвѣ*." Далѣе: „любезно цѣловастася въ день Пятка, на *Похвалу „Богородицы*" — слѣдственно на пятой недѣлѣ Великаго поста. Сей день въ 1147 году былъ 28 Марта, а не 28 Іюля, какъ у Татищева.

См. Лѣтопись о зачалѣ царствующаго Великаго Града Москвы, въ Синодал. Библ. No 92. Сія повѣсть сочинена въ новѣйшія времена и содержитъ въ себѣ явныя ошибки. Тамъ сказано:

Въ лѣто 6633 (1125), по преставленіи благовѣрнаго Царя и В. Кн. Вла„диміра Всеволодича Мономаха, сѣде на Великомъ Княженіи въ Кіевѣ сынъ „его, Князь Юрій; а сынове его, Князь Всеволодъ съ братією, съ нимъ „быша; а старѣйшаго сына, Князя Андрея, посади въ Суждалѣ. Въ лѣ„то 6666 (1158) сему Великому Князю Юрью грядущу изъ Кіева во Вла-

„димірь къ сыну своему Андрею, пріиде на мѣсто, идѣ же нынѣ цар„ствующій градъ Москва, обонолы *Москвы рѣки.* Сими же селы владаю„щу тогда Болярину нѣкоему, богату сущу, именемъ Кучку Иванову; „той Кучко возгордѣвся зѣло и не почте Вел. Князя, и поносивъ ему. „Князь же Великій, не стерпя хулы, повелѣ Болярина того смерти пре„дати; сыны же его видѣвъ млады сущи и лѣпы зѣло (именемъ Петръ „и Іоакимъ) и дщерь едину благообразну (именемъ Улиту), отсла во „Владимірь ко Андрею. Самъ же взыде на гору и обозрѣ очима своима „сѣмо и овамо по обѣ страны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюби „села оныя, и повелѣваетъ вскорѣ содѣлати малъ древянъ градъ и прозва „его Москва градъ" — (то есть, именемъ рѣки) — „и потомъ Князь Ве„ликій отходитъ къ сыну Андрею во Владимірь и сочетоваетъ его бра„комъ со дщерію Кучковою. И бывъ у него Вел. Князь Юрій довольно, „заповѣда ему градъ Москву людьми населити и распространити; и па„ки возвращается въ Кіевъ." — Сочинитель не зналъ, что въ 1125 году Мстиславъ наслѣдовалъ престолъ Кіевскій; что Всеволодъ еще тогда не родился, и что въ 1158 году Юрія уже не было на свѣтѣ. Но вѣроятно, что сія сказка основана на древнемъ, истинномъ преданіи, по которому Юрій или Георгій застроилъ Москву, умертвивъ господина тамошнихъ селъ, Стефана Кучка. Татищевъ, ссылаясь на мнимую *Раскольничью лѣтопись*, прибавляетъ, что Георгій любился съ женою Стефана Кучка *Тысяцкаго*; что мужъ, пользуясь отсутствіемъ Князя, увезъ жену въ деревню на берегъ Москвы рѣки, и хотѣлъ бѣжать къ Изяславу; что Георгій, оставивъ подъ Торжкомъ войско, спѣшилъ избавить любовницу, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.

У насъ есть другая, гораздо обстоятельнѣйшая повѣсть о началѣ Москвы, писанная размѣромъ старинныхъ Русскихъ сказокъ, но изобрѣтенная совершеннымъ невѣждою, который баснословитъ, что сынъ Александра Невскаго, Даніилъ, былъ умерщвленъ любовниками его Княгини, Улиты, и сыновьями Стефана Кучка; что Вел. Князь, Андрей Александровичь, казнивъ невѣстку свою и Кучковичей вмѣстѣ съ ихъ отцемъ Стефаномъ, завладѣвъ его красными селами на Москвѣ рѣкѣ, основалъ тамъ городъ въ 1291 году и соорудилъ первую церковь Благовѣщенія Іюля 27 (см. въ Синодал. библ. подъ No 529 *Книгу о древностяхъ Рос. Государства*, Ч. I, Т. 2, *л.* 141 и *слѣд.*). Если бы Авторъ заглянулъ въ лѣтописи, то онъ увидѣлъ бы, что самъ Даніилъ Александровичь жилъ въ Москвѣ и называется обыкновенно *Московскимъ*; что о семъ городѣ нѣсколько разъ упоминается въ Исторіи XII вѣка, и что Кучковичи убили Андрея Боголюбскаго (см. ниже), а не Даніила.

Ссылаясь на изустныя преданія, новѣйшіе Историки Москвы расказываютъ (см. *Историч. и топограф. описаніе Москвы*), что на ея мѣстѣ села Кучковы назывались 1) Воробьево (гдѣ нынѣ горы сего имени), 2) Симоново (гдѣ Симоновъ монастырь), 3) Высоцкое (гдѣ Петровскій монастырь), 4) Кудрино, 5) Кулишки, 6) Сухощаво (Сущево), и 7) Кузнецкая слобода (гдѣ мостъ Кузнецкій); что сверхъ упомянутыхъ деревень были еще иныя на Вшивой Горкѣ близъ Андроніева монастыря, на Кра-

стыхъ и Чистыхъ прудахъ, гдѣ находился домъ самого Кучка; что въ густомъ непроходимомъ лѣсу (гдѣ возвышается Кремль), среди болота, на маленькомъ островѣ, стояла хижинка, а въ хижинкѣ обиталъ пустынникъ, именемъ *Букалъ*; что на семъ мѣстѣ, прозванномъ *Букалово*, основанъ нынѣшній дворецъ, а церковь *Спасъ на бору* стоитъ точно тамъ, гдѣ была хижина пустынникова; что рѣка Москва именовалась прежде *Смородиною*, названа же Москвою *отъ мостиковъ*; что Георгій велѣлъ построить на ея берегу деревянный городъ, назвавъ его по новому имени рѣки Москвою, а другому городу, основанному тамъ, гдѣ нынѣ монастырь Знаменскій, далъ имя *Китая*, ибо такъ прозывался сынъ его Андрей, и проч. и проч. Какія же историческія свидѣтельства подтверждаютъ истину сихъ извѣстій?

Каменевичъ-Рвовскій, о коемъ мы упоминали въ примѣчаніяхъ, расказываетъ съ важностію (см. *Книгу о древностяхъ Рос. Государства*, въ Сѵнодал. библ. No 529, Ч. I, Т. 2, л. 499 и 500), что сынъ Іафеѳовъ, Мосохъ, первый обиталъ съ родомъ своимъ въ Московской Губерніи, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Кву*, сына *Я*, дочь *Взу*; что ихъ четырмя именами названы рѣки *Москва* и *Яуза*; что Мосохъ, первый Князь и Патріархъ Россіи, основалъ *городъ Московскій* на устьѣ Яузы (гдѣ въ исходѣ XVII вѣка была церковь Никиты Мученика). Впрочемъ мысль производить имя Москвы отъ Мосоха гораздо старѣе временъ забавнаго Каменевича, писавшаго въ 1699 году. Татищевъ изъяснялъ сіе имя языкомъ *Сарматскимъ*, на которомъ оно, по словамъ нашего ученаго Историка, знаменуетъ *искривленное, излучистое*; а славный Баеръ, худо зная по-Русски, думалъ, что городъ Москва такъ названъ отъ *мужескаго* монастыря (см. его Origin. Russ. въ Коммент. Академіи, Т. VIII, стр. 400): Moscua non a fluvio (fuit enim fluvio vetus nomen Smorodinæ) sed a veteri monasterio Moskoi nomen habuit. Moskoi a Mus, et Musik, viro, quasi virorum sedem dicas!! — Въ *Кіев. Лѣт.* сказано: „идоша до *Кучкова*, рекше „до *Москвы*" (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 39).

(302) „Святославъ же пришедъ съ Москвы и ста у *Серенъска*" (на рѣкѣ Серенѣ близъ Мещовска) „и ту пріидоша къ нему послы изъ Половецъ отъ *уевъ* (братьевъ матери) его, Тюряка Осуколовича и Каносы, „съ Василемъ Половчиномъ 66 человѣкъ; прислалися бо къ нему бяху впрошающе здоровья его, и глаголаша къ нему: когда велишь намъ къ „себѣ съ силою притти? Въ тоже время прибѣгоша изъ Руси Дѣтскіе „и повѣдаша ему Володимера въ Черниговѣ, а Изяслава въ Стародубѣ. Святославъ же приде къ Дѣдославлю, и ту придоша къ нему друзіи Половцы Токсобичи, и приставя къ нимъ Судиміра Кучебича и Горева, и „посла я на Смольняны, и повоеваша Угры верхъ... Посадницы Володимери и Изяславли выбѣгоша изъ Вятичь и изъ Брянска и изъ Мченьска „и изъ *Облове*. Святославъ же иде *Дѣвягорску* и зая всѣ Вятичи и до „Брянска и до *Воробины* по Деснѣ и *Домагощь* и Мченескъ. Тогда же „пріидоша къ нему *Бродници* и Половци мнози, уеве его." Путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ, сказываетъ, что между Волгою и Дономъ жили многіе Русскіе, Аланскіе и Венгерскіе *или* Башкирскіе разбойники,

составляя какъ бы народъ особенный (см. его Voyage въ Бержерон. собраніи стр. 20 и 38): вѣроятно, что они именуются въ нашихъ лѣтописяхъ *Бродчиками*, то есть, *бродягами*, сволочью (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 164 и 304). — Далѣе: „Изяславъ же Давидовичь тогда изъ Нова„городка иде къ Чернигову, а къ Святославу Юрій присла сына своего „Глѣба въ *Девягорескъ*, и пойде Святославъ ко Мченску съ Глѣбомъ и со „Владимеромъ Святосливичемъ и съ Половци, и ту давъ имъ дары многи „и пойде ко Крому (Кромамъ), и ту угониша й послы Черниговстіи,“ и проч. Такія маловажныя подробности не входятъ въ Исторію. Имена городовъ, напечатанныя здѣсь косыми буквами, теперь совсѣмъ неизвѣстны. Нѣкоторые изъ нихъ, Облове и Девягорскъ, названы вмѣстѣ со Мценскимъ городами Литовскими въ географич. отрывкѣ XIV или XV вѣка (*Воскр. Лѣт.* I, 21, 22).

(303) Въ лѣтописи (*Воскресен.* I, 291): „Всеволодичь же Святославъ тог„да бяше држа (держа) у Изяслава 5 градовъ: Божьски (въ Галиціи), Ме„жибожье (въ Подольск. Губерніи), Котельницу и прочихъ два.“ Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Свят. Всеволод. господствовалъ тогда въ *десяти* городахъ. — Далѣе: „Давидовичи пойдоша отъ Корачева къ Дебрянску, а „Святославъ Всеволодичь оста въ Корачевѣ, и оттуда посла въ Козлескъ „(Козельскъ) ко стрыеви своему Святославу, глаголя: Изяславъ Мсти„славичь пошелъ Кыеву; а Давидовичи съ Ростиславомъ Смоленскимъ хо„тятъ ити по тобѣ.“ — По *Кіев. Лѣт.* Давидовичь, обѣщавъ Святославу возвратить всѣ его владѣнія, того не исполнили.

(304) Въ харатейныхъ: „въ лѣто 6653 (1145) *ходи* Митрополитъ Ми„хаилъ Царьгороду.“ Въ *Каталогѣ* (Синод. библ. No 74) написано: „сту„жавъ отъ нестроенія Князей Русскихъ, отыде въ Царьградъ, и бѣ пре„столъ безъ Пастыря более года, донелѣже Михаилъ въ Царѣградѣ пре„ставися.“ Слово: *ходи*, употребленное Лѣтописцемъ древнимъ, заставляетъ думать, что Митрополитъ *возвратился* изъ Греціи. И въ *Степен. Книгѣ* (I, 251) не сказано, чтобы Михаилъ скончался въ Царѣградѣ. — Въ Каталогахъ находится объ немъ слѣдующее: „сему Михаилу „Царикъ Нагайскій по вся лѣта даяше дань, яко исцѣли болящу дщерь „его: святъ бо бѣ и чудотворецъ.“ Ногайской Орды тогда еще не было.

О грамотѣ Патріарха къ Нифонту см. *Степен. Книгу* (I, 250, 251), въ *Патерикѣ* житіе Нифонта и Каталоги Епископовъ. Въ лѣтописяхъ: „*Изяславъ* постави Митрополита Клима Смолятича (въ *Никон. Смолня„нина*) *Калугера* (Каллогера или *добраго старца*) особь съ шестью Епи„скопы.“ Въ *Степен. Кн.* наименованы Онуфрій Черниговскій, Ѳеодоръ Бѣлогородскій, Даміанъ Юрьевскій, Ѳеодоръ Владимірскій, Нифонтъ и Мануилъ Смоленскій; а въ *Патерикѣ* еще прибавлены Евфимій Переяславскій, Іоакимъ Туровскій, Козма Полоцкій, которые вмѣстѣ съ Мануиломъ и Ѳеодоромъ Бѣлогородскимъ держали Нифонтову сторону. — О Климентѣ говорятъ Лѣтописцы: „Изяславъ выведъ его изъ *заруба* (въ *Ни„коно*в.: изъ молчальныя его кельи); бѣ бо Черноризецъ и Скимникъ; бысть „же книжникъ и Философъ; преже бо его и не бывалъ таковъ въ Руси.“ Въ *Никон. Лѣт.*: „и много писанія написавъ предаде.“ Тамъ же: „Изя-

„славъ совѣщова съ Епископы, яко плѣнежа ради и многихъ волненій не „возможно ити къ Патріарху ставитися Митрополиту." Въ Каталогахъ: „понеже тогда не бѣ Патріарха въ Царѣградѣ: Михаилъ бо Окситъ „оставилъ престолъ; по немъ Козма Аттикъ точію 10 мѣсяцей Патріархъ бывъ, завистливыми изгнася; и бяше смущеніе въ Патріархіи." Михаилъ Окситъ сложилъ съ себя достоинство Патріарха въ 1146 году; Козма лишенъ сана въ 1147, Февр. 26, а Николай IV, прозваніемъ Музалонъ, поставленъ въ Декабрѣ того же году и правилъ церковію до 1151: слѣдственно онъ, а не другой, писалъ грамоту къ Нифонту (см. *Патерикъ*, л. 190 на об.): „ублажая его о величествѣ разума и крѣпости, и причитая того къ древнимъ Святымъ Отцемъ."

Въ *Патерикѣ* печатномъ сказано, что Нифонтъ, опровергая избраніе Климента, говорилъ: „сіе противно есть преданію Св. Восточныя Церкви, „иже крещеніемъ сыновъ Россійскихъ просвѣти отъ престола Константинопольскаго, оттуду же и *перваго* Кіеву *Митрополита* подаде *Михаила*, иже *рукописаніемъ утверди*, яко не достоитъ иному быти въ „Кіевѣ Митрополиту, точію отъ благословенія Патріарха Константина града." По древней *Кіев. Лѣт.* Мануилъ и Нифонтъ сказали Клименту: „*мы взяли* отъ Михаила отъ Митрополита рукописаніе, яко не достоитъ *намъ* безъ Митрополита у Св. *Софіи* служити." Здѣсь говорится не о *первомъ* Митрополитѣ Михаилѣ, но о *послѣднемъ*: ибо во время крещенія земли Руской не было еще въ Кіевѣ и *Софійской* церкви, основанной Ярославомъ Великимъ.

(305) „Миръ створи съ Половци у Воиня" (за Переяславлемъ). Въ *Никонов.* „въ Рязани."

(306) Татищевъ пишетъ, что самъ Изяславъ Давидовичъ ѣздилъ къ Великому Князю. — Въ лѣтописяхъ: „Всеволодичь же Святославъ пріиде „тогда въ Кыевъ и нача у Изяслава проситися напередъ къ Чернигову, „река: отче, пусти мя ко братьи; тамо ми жизнь вся, и хочю у нихъ „волости просити." Въ *Никонов.* сказано, что въ Черниговъ пріѣхалъ тогда изъ Рязани съ Ельца Князь Андрей Ростиславичь, и что Митрополитъ удерживалъ Изяслава въ Кіевѣ. — Изяславъ сказалъ Кіевлянамъ, что братъ его, Князь Смоленскій, придетъ къ нему въ помощь и съ Новогородцами.

(307) Въ харатейныхъ: „перебродися (Изяславъ) черезъ Днѣпръ и ста „надъ Черторыею (противъ Кіева) и оттуду посла Улѣба къ Чернигову, а самъ пойде на *Супой*." По *Кіев. Лѣт.* Изяславъ сталъ на Альтѣ, послѣ у *Нежатина*, а послѣ у *Ростины*, откуда послалъ Улѣба: тому и другому мѣсту надлежало быть между Альтою и Супоемъ. Татищевъ и Болтинъ думали, что Нежатинъ есть Нѣжинъ; но послѣдній называется въ лѣтописяхъ Унѣжемъ. Изяславъ приказалъ къ Давидовичамъ: „яко на „семъ пути *тяжи* (тяжбы) не имѣти, ни извѣта." Татищевъ вымышляетъ здѣсь не только *рѣчи*, но и *письма*. Давидовичи въ искреннемъ признаніи говорятъ послу Изяславову: „аще *ли* бы мы, поимавши брата твоего, Ростислава, держали, то любо *ли* бы тобѣ было?" — Изяславъ, узнавъ отвѣтъ Давидовичей, вторично прислалъ къ нимъ Боя-

рина съ *крестными грамотами*. Далѣе: „И посла Изяславъ къ Ростиславу, брату своему, въ Смоленскъ, и рече ему: брате! что были есмя „здумали пойти на дядю нашего, то уже тамо не ходи, но пойди сѣмо „ко мнѣ; а тамо уряди Новгородьцевъ и Смольнянъ, да стеретусь отъ „Юрья; а къ *ротникомъ* ся шли въ Рязань." Ротниками назывались тѣ, которые дали роту или присягнули быть союзниками. Видно, что Ростиславъ Ярославичь, изгнанный сыновьями Георгія, тогда уже возвратился въ Рязань (см. выше, примѣч. 299).

(308) Въ Кіевъ пріѣхали отъ Изяслава два Боярина, Добрынка и Радила. Татищевъ вездѣ хочетъ украшать; а мы разсказываемъ точно, какъ въ лѣтописяхъ. Ниже о смерти Игоря: „Идяхуть людье по мосту убить „Игоря; онъ же (Владиміръ) не мога ихъ минути, уворотя коня на право „мимо Глѣбовъ дворъ" .... Въ *Кіев. Лѣт.*: „и манатью на немъ отръгаша; „онъ же рече: крестъ цѣловали есте къ мнѣ, яко имѣти мя собѣ Княземъ; нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ мя Богъ „Мнишескій чинъ въспріяти. Лукавый же съборъ болѣ вышаше, глаголя: „побійте! и тако изъ свитки извлекоша его. Онъ же възгласивъ: нагъ бо „изыдохъ изъ чрева матере моея, и нагъ отыду тамо!.. И срѣте и Володимеръ въ воротѣхъ монастырскихъ, и рече Игорь взря: *охъ брате!* „*камо?* .... И удариша Володимера, бьючи Игоря .... Михаль скочи съ „коня, хотя помочи Володимеру; Володимеръ же, вомча Игоря во дворъ „матере своея, затвори ворота, а Игоря пусти на кожюховы сѣни. Михаля же бьюще и оторгоша на немъ крестъ, и цѣпи въ гривну злато .... И ту убиша (Игоря); поверзше за нозѣ волокоша и сквозѣ Бабинъ торжекъ до Св. Богородици — (въ *Степен. Книгѣ*: до мраморныя „церкви) — и ту обрѣтоша мужа стояща съ колы" (съ колесами, съ телегою) „и возложше и на кола, везоша и на Подолье." — Въ *Степен. Кн.* и въ *Прологѣ* Михаль несправедливо названъ Княземъ: онъ былъ мужъ или Бояринъ Владиміровъ, о коемъ вторично упоминаютъ Лѣтописцы подъ 1169 годомъ (см. *Воскресен.* II, 73). — Сей Игорь причтенъ ко Святымъ. Онъ убитъ не 9 *Сент.* въ *Субботу*, какъ сказано въ *Степен. Книгѣ*, а 19 *Сент.* въ *Пятницу* (см. *Кіев. Лѣт.*). Въ харатейныхъ: „Повелѣ Лазарь „взяти Игоря и понести въ церковь Св. Михаила въ Новгородьскую божницю, и ту положиша и въ гробъ, ѣхаста на гору, и лежа нощь ту. „Суботѣ же свитающи, посла Митрополитъ Игумена Ананью Св. Θеодора, и пріѣхавъ Игуменъ видѣ и нагаго и облече и, и отпѣ надъ нимъ „обычныя пѣсни," и проч. *Кіев. Лѣт.* говоритъ: „человѣци же благовѣрніи приходяще възимаху отъ крове его и отъ прикрова сущаго на тѣлѣ его на спасеніе себѣ и на исцѣленіе, и покрываху наготу тѣлесе его „своими одеждами... На туже ночь зажгошась свѣчи всѣ надъ нимъ въ „церкви. Наутріе же Новогородци" (жители одной Кіевской части, такъ называемые) „повѣдаша Митрополиту. Митрополитъ же запрети, да „никому же не повѣдять." Тутъ же сказано, что монастырь Св. Симеона былъ монастыремъ отца и дѣда Игорева.

Татищевъ пишетъ, что Игорь, готовясь умереть, просилъ Духовника, но что народъ отвѣтствовалъ: „когда вы съ братомъ Всеволодомъ женъ

„и дочерей нашихъ брали на постели и домы грабили, тогда Попа не „спрашивали.“ Далѣе Татищевъ говоритъ, будто бы именемъ Лѣтописца: „сей Игорь Ольговичъ былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ „звѣрей, читатель книгъ и въ пѣніи церковномъ ученъ. Часто *мнѣ* слу„чалось въ церкви съ нимъ пѣть, когда онъ былъ въ Владимірѣ“ (но Игорь тамъ не живалъ). „Чинъ священническій мало почиталъ и постовъ не хра„нилъ; того ради у народа мало любимъ былъ. Ростомъ былъ средній и „сухъ, смуглъ лицемъ; власы какъ Попъ носилъ долги; брада же узка и „мала. Егда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда прилѣжно уста„вы иноческіе хранилъ; но притворно ли себя показуя, или совершенно „въ покаяніе пришелъ, сего не вѣмъ.“

(309) См. *Никонов.* и *Степен. Кн.* I, 268. Далѣе въ лѣтописи: „и посла „Володимера въ Городецъ“ (въ нѣкоторыхъ же спискахъ: *по Владимера*) „а по Ростислава Смоленску.“ — О горести Изяслава сказано въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ же прослезился и рече: аще былъ вѣдалъ, то моглъ быхъ „далече отслати Игоря... И рече своей дружинѣ: то мнѣ есть порока „всяко отъ людей не уйти; тѣмъ есть рѣчь: *Изяславъ велѣлъ убити*; но „тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ ни научити. И рѣша ему мужи „его: безъ лѣпа о немъ печаль имѣеши . . . то Богъ вѣдаетъ и вси людіе, „яко не ты его убилъ, но убили суть братія его, иже лесть надъ то„бою хотѣли учинити. Изяславъ же рече: иже ся тако учинило, а тамъ „намъ всѣмъ быти, а то уже Богови судити... и жалова на Кыяны.“

(310) См. *Кіев. Лѣт.* Въ харатейныхъ только: „Приде Глѣбъ Гюргевичь „и (изъ) Суждаля Чернигову въ помочь Ольговичемъ, и пребывъ у нихъ „нѣколико, приде на Городокъ, и слышавъ Изяславъ, посла къ нему, зова „й къ собѣ Кыеву.“ Но сіе было уже послѣ. Владиміръ Давидовичь Черниговскій извѣстилъ Святослава о смерти Игоря. Татищевъ въ своемъ повѣствованіи смѣшалъ обстоятельства. Далѣе: „Куряне же послашася „къ Глѣбу, и взяша собѣ у него Посадника. Глѣбъ же пойде оттуду къ „Выреви“ (у Татищева *Киремы*: см. выше, примѣч. 245) „къ Святосл. „Ольговичю и посажа Посадникы своя по Семи за полемъ; и ту у Выря „Половци мнози заходиша съ нимъ ротѣ. Туже приде къ нимъ Свят. Все„володичь и послашася къ Выревцемъ... Они же рекоша: Князь у насъ „Изяславъ.... Идоша къ Бьеханю (думаю, Обояню) и не успѣша ни что „же. И оттуду къ Попашю“ (названному Пропашескъ въ географическомъ отрывкѣ: см. *Воскрес. Лѣт.* I, 21) „и ту приде къ нимъ Изясл. Давидо„вичь, и взяша градъ Попашь. Изяславъ же Мстиславичь скопя вои мно„гы, и отъ Вячеслава“ (дяди, княжившаго тогда въ Пересопницѣ) „приде „ему помощь (въ *Никонов.* съ Воеводою Станиславомъ) и изъ Володимеря „полкъ, и пойде къ Переяславлю. Ту же приде ему вѣсть и отъ брата „его, Ростислава, яко Любечь пожеглъ... Слышавъ же се Изяславъ, пой„де тихо, ожидая Ростислава, и ста у Черной могилы, и ту приде Ро„стиславъ... и начаста думати съ дружиною и съ Черными Клобукы.... „и поидоша къ Сулѣ.“ Изяславъ, по совѣту дружины, хотѣлъ отрѣзать своихъ непріятелей отъ Всеволожа (города Черниговскаго), но не успѣлъ. Въ лѣтописи: „сташа (Изяславъ съ войскомъ) около Всеволожа и взяша

„его: въ немъ же бяху и ша два города (т. е. жители ихъ) сѣдяща: вбѣ-„гли бо бяху ту твердости ради. Слышавше же и иніи гради, Унѣжъ „(Нѣжинъ) и Бѣла Вежа, и Бохмачь" (нынѣ село, близъ Конотопа) „оже „Всеволожь взять, и побѣгоша (жители) къ Чернигову. Изяславъ же и „Ростиславъ посласта и постигоша 3 ты грады, а иніи уйдоша. Изяславъ „же повелѣ зажещи тѣ грады. Слышавъ же Глѣбльцы окрѣпишася" (у Татищев. *Ольговцы:* Глѣбль называется нынѣ Старымъ Глѣбовымъ ниже Чернигова, между Десною и Днѣпромъ) — „и начаша крѣпко битися. И „тако избави Богъ и Св. Мученика, Борисъ и Глѣбъ."

(311) Сынъ Вел. Князя, Мстиславъ, начальствовалъ въ семъ городѣ. „По-„слушавъ (Глѣбъ) Жирослава (у Татищ. *Волослава*), рекуща ему: пойди „Переяславлю; хотять тебя людье..... Стоя Глѣбъ до заутрока и воро-„тися. Мстиславъ же скопивъ дружину, и обѣдась угони й у Носова „на Рудѣ" (нынѣ село Рудня) „изымаше нѣколико дружины его, и самъ „(Глѣбъ) иде въ Городець, а Мстиславъ воротися Переяславлю, и поѣха „къ отцю." *Никон. Лѣт.* разсказываетъ, что у Мстислава въ Переяславлѣ находился богатырь Демьянъ Куденевичъ; что Мстиславъ, встревоженный нападеніемъ Глѣба, сказалъ Демьяну: *нынѣ, о человече Божій! время Божіей помощи и твоей крѣпости*; что Демьянъ съ слугою Тарасомъ и пятью Отроками разбилъ войско Глѣба; что въ то же лѣто сей богатырь, выѣхавъ одинъ на Половцевъ и не имѣя на себѣ латъ, былъ раненъ смертельно; что Мстиславъ предлагалъ ему дары, и Демьянъ отвѣтствовалъ: *о суеты человѣческія! кто мертвъ сый желаетъ дарованія тлѣннаго и власти погибающія?*... Выдумка заимствованная, можетъ быть, изъ народной старинной сказки! Татищевъ пишетъ, что сей Демьянъ убилъ Глѣбова Боярина Волослава. Близъ Переяславля есть селеніе Демьянцы.— *Никон. Лѣт.*, говоря два раза о неудачѣ Глѣбовой, прибавляетъ, что сей Князь ходилъ къ Рязани, ко *Черленому яру* и къ Великой *Воронѣ*. — Далѣе: „Послаша" (Ольговичи, дядя и племянникъ, и Давидовичи) „дружину „свою съ Половци и повоеваша *Брягинѣ*" (въ *Никонов.* Дегинъ). Татищевъ пишетъ, что Брягинъ есть Городецъ и Юрьевъ! Сіе мѣстечко Брагинъ донынѣ существуетъ близъ Любеча на правомъ берегу Днѣпра. Далѣе: „По-„сла Глѣбъ къ Володимеру и къ Святосл. Ольговичю, рече имъ: *отпустите „ко мнѣ помощь*. Они же не возмогоша... Изяславъ приде и стоя около „Городка 3 дни. Глѣбъ же убоявся... и поклонися Изяславу. Изяславъ же „возвратися, а Глѣбъ посла къ Володимеру и Святославу, глаголя: *по не-„воли есмь крестѣ цѣловалъ Изяславу; нынѣ же съ вами хощю быти за „одинъ.*" Въ *Кіев. Лѣт.*: „Въ лѣто 6656 (1148) пакы пойде Изяславъ къ „Чернѣгову, поя полкъ у стрыя своего, Вячеслава, и Угры приведе въ по-„мощь собѣ и Володимерскый полкъ и Берендѣи... и стояше на Олговѣ „поли 3 дни... и пожже села ихъ оли до *Боволося*; и нача молвити: они „къ намъ не выйдуть, а пойдемъ къ Любечю, идѣ же ихъ вся жизнь... „Идоша до Любеча 5 дній... и пріидоша Володимеръ (съ союзниками) и „Половци съ ними, и есть рѣка у Любча, и прешедше сташа, заложившеся „ею; и въ Недѣльный день Изяславъ пойде противу имъ, и не лзѣ бѣ ему „полковъ доѣхати тою рѣкою; но стрѣлци ся біяху; и бысть на ту ночь

„дождь великъ; на утрій же день Изяславъ видѣвъ, иже Днѣпръ казится, „и рече: се съ симъ намъ ся полкомъ нелзѣ бити сею рѣкою, а ото ся за „нами Днѣпръ росплывется . . . и иде за Днѣпръ въ Понедѣльникъ, и на утрій „день рушися Днѣпръ. Изяславъ же по оной сторонѣ иде къ Кыеву. Угре „же на бору ся обломиша на озерѣ, и ту ихъ потопе нѣколико.“ Далѣе сказано, что Изяславъ посылалъ къ брату, Смоленскому Князю, спросить у него о здоровьѣ, и съ извѣстіемъ объ успѣхѣ похода.

(312) Въ *Кіев. Лѣт.*: „пріѣхаша послы ихъ отъ Гюргя, и не обрѣтоша „собѣ въ немъ помочи.“

(313) То есть, Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два. См. *Кіев. Лѣт.*, гдѣ сказано, что Ростиславъ Георгіевичь поссорился съ отцемъ, не хотѣвшимъ дать ему Удѣла, и для того уѣхалъ въ Кіевъ; но по харатейнымъ и другимъ лѣтописямъ такъ: „посла Юрій сына своего, Ростислава, въ помощь Олговичемъ на Изяслава,“ и проч., какъ мы описали. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Въ то же время съвѣщався Гюргевичь Глѣбъ съ Переяславци и ѣха къ нимъ изъ Городца; Мстиславъ же изыде противу съ Переяславци . . . Глѣбъ же бяше въ малѣ, и рече: прелстили мя Переяславци . . . „и поскочи. Они же постигаючи дружину его изымаша, а другыя избиша, „и Станиславича ту яша и казниша казнью злою; а самъ Глѣбъ убѣже въ „Городокъ, и не стрья (стерпя) въ немъ быти, бѣжа къ Чернѣгову къ „Володим. Давидовичю.“

(314) Въ харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 26 и 27: „Ходи Нифонтъ Суждалю „мира дѣля къ Гюргеви, и пріятъ й съ любовью Гюрги, и церковь святи Св. „Богородицы великымъ священіемъ, и Новтържцѣ всѣ выправи, и гость весь „цѣлъ, и посла съ цьстію (честью) Новугороду, нъ мира не дасть.“

(315) „А ты“ (говоритъ Изяславъ Ростиславу Георгіев.) „иди въ Божьскый, постерези отполѣ Руськыя земли, и буди тамо, донелѣже схожу „на отца твоего, миръ ли съ нимъ возьму, или како съ нимъ ся ни управлю.“ — Въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ дари Ростиславу“ (брату своему, Смолен. Князю) „отъ Рускыя земле и отъ всѣхъ Царскыхъ (Греческихъ) „земль; Ростиславъ же дари Изяславу, что отъ верхнихъ земль и отъ Варяговъ.“

Въ *Новогородск. Лѣт.* стр. 27: „той же осени (1188) присла Изяславъ „изъ Кыева сына своего, Ярослава, и пріяша Новгородьци, а Святопълка „выведе *злобы его ради*, и дасть ему Володимірь.“ Татищевъ пишетъ, что Вел. Князь разгнѣвался на брата за его тайныя сношенія съ Георгіемъ. — Далѣе: „И выидоша противу его“ (Новогородцы на встрѣчу Вел. Князю) „за три дни зъ города, а иніи срѣтоша й за день, и вниде во „градъ въ день Недѣльный.“ Далѣе: „послаша *Подвойскіе* и Биричи . . . повелѣ (Изяславъ) *звонити Вѣче*.“

(316) „Вашихъ дѣла обидъ оставя *Руськую землю*.“ *Русью* называлась тогда собственно Кіевская область. Въ *Кіев. Лѣт.*: „сынъ мой вы прислалися есте къ мнѣ, иже вы обидитъ стрый мой Гюрги . . . . Они же „рекоша: ты нашь Князь, ты нашь Володимеръ, ты нашь Мстиславъ,“ и проч. Татищевъ прибавляетъ къ Псковитянамъ и Кореламъ Заволочанъ Двинскихъ, а *Никонов. Лѣтоп.* Галичанъ, Венгровъ, Богемцевъ! — По *Кіев.*

Лѣт. народъ говоритъ Князю: „аче и Діакъ, и гуменцо ему простриженe, „а не поставленъ будешь, и тъ (попъ) пойдетъ." — Вел. Князь ждалъ Ростислава на устьѣ Медвѣдицы 4 дни. Далѣе: „придоша къ *Скнятину*" (въ *Никонов.* Снятину) — „къ *Углечю полю*" (городу Угличу). Скнятинъ неизвѣстенъ. — Татищевъ несправедливо пишетъ, что тутъ въ первый разъ упоминается о Ярославлѣ (см. выше, стр. 89). — Далѣе: „уже бо бяше „подъ весну; бродяху бо по Волзѣ и по Молозѣ по черево коню . . . . По„хромоша и кони у нихъ."

(317) Въ *Кіев. Лѣт.*: „въ то время стояше Изяславъ противу Св. Ми„хаилу у Выдобыча въ островѣ: Ростиславъ же пріѣха ту; Изяславъ же „посла по него насадъ свой, и что съ нимъ дружины, влѣзѣ въ насадъ; съ „тѣмъ же и перевезоша его, и поставиша ему особно шатеръ, и посла „къ нему мужи своя," и проч. Слѣдуютъ упреки Изяславовы: „Волости „тобѣ есмь далъ, яко ни отецъ того тобѣ далъ, и еще есмь и земли Ру„ской приказалъ стеречи . . . Ты же еси, брате, удумалъ былъ такъ, иже „бы на мя Богъ отцю твоему помоглъ, и тобѣ было въѣхавши въ Кыевъ „брата моего яти, и сына моего, и жену мою, и домъ мой взяти. Ростиславъ „же ему то отвѣща: брате и отче! яко ни въ умѣ своемъ, ни на сердци „ми того не было; паки ли кто на мя молвилъ, Князь ли который, а се „я къ нему; мужь ли который въ Христіанѣхъ или въ поганыхъ, а ты „мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди. Изяславъ же рече: того на мнѣ „не проси, хотя мя заворожити (поссорить) съ Христіанами и съ пога„ными," и проч. Далѣе: „Ростиславъ же, пришедъ къ отцу своему въ „Суждаль, и удари передъ нимъ челомъ, и рече: слышалъ есмь, иже хо„щетъ тебя вся Руская земля и Черныи Клобуки, и тако молвятъ: и „насъ есть обеществовалъ, а пойди нань."

(318) „Въ лѣто 6657 (1149) Ростиславъ Смоленьскый испроси дщерь у „Святослава Ольговича за сына своего, Романа, Смоленьску, и ведена бысть „изъ Новагорода (Сѣверскаго) въ Недѣлю по Водокрещахъ, мѣс. Генв. въ „9 день."

Въ *Кіев. Лѣт.*: „Съвокупивъ (Георгій) силу свою и Половци, пойде Ію„ля въ 24, и иде на Вятичи. Володимеръ же Давидовичь посла къ Изясла„ву, река ему: се Гюргій идетъ на тя, а мы есмы крестъ цѣловали съ „тобою быти. Изяславъ же нача доспѣвати, а къ Володимеру посла мужь „свой, река: Богъ ти помозе, брате. Се мужь мой, а ты приставь свой „мужь: поплевѣ же къ Святославу Олговичю . . . Посланіи же придоша „къ Святославу . . . Святославъ же ничто же имъ отвѣща; толко имъ „то рече: пойдете въ товары своа, а опять вы взову . . . И држа послы „недѣлю, а сторожи постави о товары ихъ, дабы къ нимъ никто же не „пришелъ. Послалъ бо баше къ Гюргеви, река ему: въ правду ли идеши „на Изяслава? Гюргей же рече ему: како хощю не въ правду ити! Изя„славъ волость мою повоевалъ, и еще сына моего выгналъ. Любо сѣромъ „(срамъ) сложю свой, пакъ ли голову свою сложю. Святославъ же, слы„шавъ Гюргевъ отвѣтъ, възва къ собѣ послы Изяславлѣ и Володимери, и „рече . . . Изяславъ же посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: „крестъ еси цѣловалъ, яко съ мною быти, а вражду еси про Игоря отло-

„жилъ и товаръ его... а я есмь безъ тебе и на Волгу ходилъ.... Гюр-„гій же пришедъ и ста у *Ярышова*" (въ хратейныхъ: „ко Бычаю" или Обояну). Далѣе: „И ту пріѣха къ нему Святославъ Олговичь" (съ хратейныхъ: *оба Святослава*) „на Спасовъ день, и ту Святославъ позва его „къ собѣ на обѣдъ. Въ утрій же день въ Недѣлю рано, всходящю солнцю, „родися у Святослава дщи Марія... Въ тъ день пойде Гюрги напередъ, „и Святославъ въ Понедѣльникъ постиже Гюргя... и послаша къ Давидо-„вичема... Они же отвѣщаста: *душею не можемъ перать, и оттрекостася, и послетася* къ *Изяславу... и пойде* (Георгій) *оттуду на Бѣлу Ве-„жю на Старую*" (но въ хратейныхъ и во всѣхъ другихъ нѣтъ *старой*: здѣсь говорится о Черниговской Бѣлой Вежѣ)... „И стояша у Бѣлы Ве-„жи мѣсяць, ожидаючи къ собѣ Половець и отъ Изяслава покоренія... и „поидоша къ Супоеви, и ту пріѣха къ нему Святославъ Всеволодичь не-„волею, стрыя своего дѣля, Святослава Олговича; и Половци дикіи прі-„доша къ Гюргеви... Изяславъ же посла по брата своего, Ростислава, и „рече ему: се есвѣ угадали тако, иже Гюргій помѣнить (минетъ) Чернѣ-„говъ, а тобѣ прійти къ мнѣ; нынѣ же, брате, Гюргій уже поминулъ „Чернѣговъ, а пойди, атъ оба видива по мѣсту, што намъ Богъ дасть... „И къ Володимерю посла полкы... И Ростиславъ пойде къ брату. Гюр-„гій же рече: пойдемъ къ Переяславлю; тупа ему (Изяславу) прійти, да „негли ту покорится... И сташа у *Кудново* сельца, перешедше Стря-„ковъ, Володимеру сущу въ засади въ Переяславли, и Ярополку (Свято-„полку) Мьстиславичю съ *Поршаны*" (жителями береговъ Роси, Торками, Берендѣями)... „Изяславъ же ста пришедъ у Вишева, и ту пріиде къ „нему *Ростиславъ... и перебредоста Днѣпръ*, и поидоша въ Олто (въ „Алтѣ), и ту пріиде вѣсть въ полудне, иже уже стрѣлци переѣхали че-„резъ Стряковъ, а Половци идуть къ городу. Изяславъ же и Ростиславъ „поидоста къ Переяславлю, и примчаша къ нима Половчина дикаго, и на-„часта его прошати, отъ котораго есте становища поѣхали? Онъ же „рече: издалеча; но того дѣля Георгій борзо ѣхалъ, творяше ся до тебе „передати Переяславлю. Изяславъ же повелѣ Половчина перетяти (пере-„рубить) тако и съ отоною; а Черныя Клобуки и молодь свою пусти-„ста напередъ... Пришедши же стрѣлци отъ Изяслава и възбиша рат-„ныя (непріятелей) отъ города и гнаша я оли до полку ихъ. Изяславъ „же и Ростиславъ, переѣхавше Алтицю (малую Альту), поидоста за го-„родъ и сташа по Трубежю; а Гюргій стоя 3 дни у Стрякова, а въ 4 „день пойде по зори мимо городъ исполчився, и ста межи валома, обону „сторону Трубежа, за звѣринцомъ у рощенья (рощи). Стояша же полци „оли до вечера, а стрѣлци біахуся межи полкома. На ту же нощь при-„слася къ нему (Изяславу) Гюргій," и проч. Не замѣчаю здѣсь ошибокъ *Никон. Лѣт.* въ именахъ.

(319) „Пойде Изяславъ изъ церкви, Ефимью Епископу слезы проливаю-„щю." Въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено: „къ Ефимью;" а Татищевъ *догадался*, что сей Епископъ за болѣзнію не былъ въ церкви! Историкъ нашъ прибавляетъ нѣкоторыя обстоятельства въ описаніи битвы; вмѣсто: *исполчиться*, пишетъ: *изплеститься*, и сказываетъ намъ, что воины тог-

да спускали одинъ рукавъ въ битвахъ! въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ же вы-„правися весь изъ города и ста на болоньи за огороды... Гюргій же стоя-„ше за Янчиномъ селцемъ (нынѣшними Яненками)... И тако исполчи воя „своа и перейде (Изяславъ) за Трубежь, не въсходя на гору, и ста на „лузѣ противу Кузньчимъ воротомъ; и бысть въ полдне, и побѣже пе-„рескокъ (перебѣжчикъ) отъ Гюргя изъ полку: они же погнаша по немъ; „стражіе же Изяславли потолошишась (испугались), рекучи: рать! Изя-„славъ же выступи на поле, идѣ же есть Красный дворъ. Видѣвъ же Гюр-„гій и Святославъ, поидоша противу имъ, и прошедше валъ, и ту сташа, „зрящимъ на ся; стрѣлцемъ біющемся межи полкома; и тако стояша пол-„ци оли и до вечера. Гюргій же и Святославъ поидоша въ товары своа. „Изяславъ же нача думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Изя-„славомъ Давидовичемъ и съ сыномъ своимъ Мстиславомъ и съ Андреееви-„чемъ Володимеромъ" (внукомъ Мономаховымъ)... „и пойде по нихъ... „и постави Гюргій сыны своя по праву, а Святосл. Олг. по лѣву и сы-„новца его, Всеволодича Святослава," и проч.

(320) Въ *Кіев. Лѣт.*: „и бысть лесть въ Переяславцѣхъ, рекучи: Гюр-„гій намъ Князь свой; того было намъ искати и далече, то рекучи, и „*послочиша*" (вѣроятно: *поскочиша*, т. е. оставили битву; или: *опочиша*, т. е. перестали биться; а въ *Новогород. Лѣт.*: „сѣдоша на щитѣ науче-„ніемъ Гюргя.")... „Изяславъ же съ полкомъ своимъ съѣхася съ Свято-„славомъ Олговичемъ и съ половиною полка Гюргева, и тако проѣха сквозѣ, и за ними будучи, узрѣ, иже полци вси побѣгли, и побѣже и пере-„бреде (Днѣпръ) на Каневъ... А наутріа Гюрги вниде въ Переяславль, и „поклонився Св. Михаилу, и пребысть 3 дни, и пойде къ Кыеву, и ста „противу Св. Михаилу по лугови," и проч., какъ мы разсказываемъ въ Исторіи. Далѣе: „Гюргій же поѣха въ Кыевъ, и множество народа выйде „противу съ радостію великою, и сѣде на столѣ отца, и посла по Воло-„димера Давидовича къ Чернѣгову, и пріѣха Володимеръ и поклонися; а „Святославъ Олг. поча ему молвити: держиши отчину мою. И тогда „влязъ Курескъ и съ Посемьемъ, и Сновскую тысячю у *Изяслава* (Дави-„довича), и Случескъ и Клецескъ, и вся Дрегвичи; и тако ся уладивше „разъѣхашась."

(321) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 27: „въ лѣто 6657 (1149) иде Нифонтъ „въ Русь (въ Кіевъ) званъ Изяславомъ и Климомъ Митрополитомъ; ста-„вилъ бо его бяше Изяславъ съ Епископы Русьскыя области, не славъ „Царюграду; а Нифонтъ тако мълвяше: *не достойнѣ есть сталъ, оже не „благословенъ есть отъ великаго Сбора*; а онъ (Изяславъ) про то не бързо „отрядивъ его" (не скоро отпустилъ) „нъ посади й въ Печерстѣмъ мо-„настырѣ.... Въ лѣто 6658 (1150) приде Нифонтъ изъ Кыева, пущенъ „Гюргемъ; и ради быша людье Новѣгородѣ." Слѣдственно Нифонта заключили въ Лаврѣ уже черезъ два года по избраніи Митрополита. Мы видѣли, что онъ въ 1148 году ѣздилъ изъ Новагорода въ Суздаль (см. выше, стр. 217). Въ *Патерикѣ* (л. 190) сказано, что Климентъ велѣлъ ему служить обѣдню съ собою, и что Нифонтъ отвѣтствовалъ: „ты истин-„ный волкъ еси (не Пастырь); яко же не соизволяхъ на твое освященіе,

„сице и нынѣ за сіе нетое дѣло не достоитъ мнѣ служити съ тобою, „ниже поминати тя при моемъ служеніи имамъ, понеже ни не поминаеши „Патріарха.“

Въ *Новогородск. Лѣт.* стр. 28: „Идоша данници (собиратели дани) Нов„городстіи вмалѣ, и учутъ (услышавъ) Гюрги, оже вмалѣ шли, и посла „Князя Берладьского съ вои, и бившеся мало негдѣ, стаппа Новогородьци „на островѣ; а они противу ставше, начаша городъ чинити (дѣлать). Въ „лодьяхъ идоша Новгородьци къ нимъ на третій день, и бишася, и мно„го леже обоихъ, нъ Суждальцъ безъ числа.“

(322) См. Прая Ann. Regum Hung. Кн. III, стр. 136. Лѣтописцы Венгерскіе сказываютъ, что Король ихъ въ 1148 году помогалъ Русскому Князю *Мстиславу* и женился на *его* дочери. Отецъ Евфросиніи былъ дѣйствительно *Мстиславъ*; но Гейза помогалъ въ семъ году не *тестю*, давно умершему, а *шурину* Изяславу (см. ниже, примѣч. 332 и 369).

Въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ же, пришедше въ Володимерь, почася слати „въ Угры къ зятю своему, Королеви, и въ Ляхи къ *свату* своему, Бо„леславу, и Межцѣ (Мешкѣ), и Индрихови, и къ Ческому Князю, *свату* „своему, Володиславу ... Король же ему отречеся, река: ратенъ есмь съ „Царемъ (Греческимъ); оже буду порожень (празденъ), самъ пойду ... А „Ческый Князь рече: я готовъ есмь самъ ... Изяславъ же опять посла „съ дары и съ честію, и рече: съ Рожества Христова всядете на кони ... „Король пусти ему Угоръ 10,000, и рече: а самъ хочю подступити подъ „горы Галицкого Князя, не дати же ся ему двигнути ... Болеславъ же „самъ поѣха съ братомъ Индрихомъ, а Межку остависта стеречи землѣ „своея отъ Прусъ. Вячеславъ же, то слышавъ, посла къ Гюргеви, рече „ему: се Угры уже идутъ ... любо дай Изяславу, чего ти хочешь; пакы „ли пойди къ мнѣ, заступи волость мою. Изяславъ ми то молвитъ: ты „ми буди въ отца мѣсто; пойди, сяди въ Кыевѣ; съ Гюргемъ не могу жи„ти; не хочеши ли мене въ любовь пріати, я хочю волость твою поже„чи .... Нынѣ же, брате, пойди змо; пакы ли не поѣдеши, а на мя не „жалуй.“ Здѣсь говорится о сватовствѣ Изяслава съ Польскимъ и Богемскимъ Государями: дочь Всеволода Мстиславича была за братомъ Государя Польскаго, Болеслава, а родственница Владислава Богемскаго, какъ вѣроятно, за Святополкомъ, меньшимъ братомъ Изяслава Мстиславича (см. выше, примѣч. 281, 282). Сверхъ того наши и Польскіе Лѣтописцы называютъ внука Изяславова, Романа Мстиславича, племянникомъ Казимира, брата Болеславова, сыномъ дочери Болеслава Кривоустаго (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 77).

(323) Нынѣ Чечерники, не далеко отъ Люблина. — Въ *Кіев. Лѣт.*: „Гюргій, съвокупя силу свою, пойде изъ Кыева, и Половци бо бяше ди„кіе привелъ къ собѣ въ помочь ... Выступи Изяславъ“ (на другой день по прибытіи къ нему союзниковъ) „изъ Володимеря, и пришедъ къ Луц„ку, и ту пребы 3 дни, и ту пасаше Болеславъ сыны Боярскы мечемъ „многы; и въ то время прійдоста въ Пересопницю Гюргевичи два, Ро„стиславъ и Андрей, и помочь Володимеря изъ Галича; а самъ Володи„мерь приступилъ бяше ближе къ Шумску“ (въ Волынск. Губерніи, меж-

ду Заславомъ и Кременцемъ) „и убоявшась Ляховъ и Угре; и пріиде Гюр„гій къ брату Вячеславу ... Изяславъ же (съ союзниками) пойдоша и спа„ша у Чемерина на Олыцѣ. Въ то же время приде вѣсть Болеславу отъ „Межкы, иже идуть Пруси на землю ихъ ... Изяславу же бысть вельми „не любо ... и здумавша послаша мужи своя къ Вячеславу и къ Гюргеви; „а Угре отъ Короля своя мужи, рекучи: вы намъ еста въ отца мѣсто, „а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и съ сыномъ Изяславомъ; „а мы есмы по Бозѣ всѣ Христіане ... а мы хочемъ, абы вы быста ула„дилася: вы сѣдѣта въ Кыевѣ, а Изяславу се его Володимерь и Луцескъ; „а что его городовъ, атъ сѣдитъ въ томъ ... атъ возворотитъ Гургій „Новугороду Великому дани всѣ. Вячеславъ же и Гюргій тако рекоста: „Богъ помози зятю нашему Королеви и *брату* нашему Болеславу и *сы„нови* нашему Индрихови, иже межъ нами добра хочета ... но атъ Изя„славъ пойдетъ въ свой Володимерь, а вы во свою землю ... И не уладив„шась, пріѣхъ (Георгій) свѣтника (совѣтника) Гюргя Ярославича" (см. ниже). — Татищевъ пишетъ объ *Андреѣ Чешскомъ*, о Владиславѣ *Шлонскомъ*, о *Банѣ* Венгерскомъ, и сказываетъ, что Изяславъ перевелъ Владиміра Андреевича изъ Владиміра въ Брестъ; но въ Владимірѣ княжилъ братъ Изяславовъ, Святополкъ.

(324) *Никон. Лѣт.*, не разумѣя, какимъ образомъ Воевода Половецкій могъ называться Жирославомъ, вставилъ имя Темиръ-Хозя! Сіи варвары, чувствуя тогда превосходство Россіянъ въ гражданскомъ образованіи, заимствовали отъ нихъ и самыя имена. Въ лѣтописяхъ: „Гюргя съ бра„томъ своимъ Вячеславомъ и со всѣми дѣтми пойдоша къ Лучьску. Ро„стиславу Гюргевичю съ Андреемъ ходящю напередъ съ Половци, став„шимъ имъ у Муравицѣ" (у мѣстечка Моравицы, близъ Олыки) „бысть „въ ночь *пололохъ* (тревога) золъ," и проч. На другой день Андрей за Половцами отступилъ къ Дубну въ ожиданіи Георгіевой помощи (*посилья*). Ниже мостъ названъ *гроблею*. Далѣе: „единъ же отъ Нѣмчичь (Нѣм„цевъ) хотѣ просунути рогатиною" (Андрея). Сей Князь говоритъ: „се „ми хочетъ быти Ярославича смерть." Въ нѣкоторыхъ спискахъ ошибкою поставлено: *Ярославля Святополчича*, и *Ярославля Изяславича*. Далѣе: „конь же его ... умре; онъ же (Андрей), жалуя *комонства* его," и проч. Мы уже замѣтили, что кони назывались и *комонями*. *Никон. Лѣт.* прибавляетъ наставленіе Андрею и говоритъ: „сняша съ него доспѣхъ, и „много ранъ не имуще крови обрѣтоша на немъ." Далѣе о конѣ: „повелѣ „раскопати землю, и вставити тамо срубъ."

(325) То есть (см. въ *Никон. Лѣт.* II, 114) сынъ убитаго подъ Владиміромъ Ярослава Святополковича (см. выше, стр. 149), а не Ярослава Ярополковича, умершаго въ заключеніи (см. выше, стр. 128). Въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ же доспѣвъ изъ Володимеря ... и въ то время пойде Во„лодимерко Князь изъ Галича и ста на Полоной, межи Володимеромъ и „Луцкомъ, и тако разъѣхась. Добрый бо Князь Володимерко, братолю„біемъ свѣтяся, миролюбіемъ величаяся, не хотя никому зла; того дѣля „межи ими ста, хотя я уладити. Изяславъ же посла къ Володимерку, „*свату* (см. ниже) Гюргеву, глаголя ему: введи мя въ любовь къ стрыеви.

„Володимеру же молящуся о Изяславѣ, глаголя: Богъ поставилъ насъ вълостеле (властителей) въ месть злодѣемъ, и въ добродѣтель благочестивымъ... сыновець ваю не творится правъ, но кланяется." Тогда Галицкій Князь еще не былъ *сватомъ* Суздальскаго: ибо сынъ его женился на дочери Георгіевой уже послѣ мира.

(326) См. *Кіев. Лѣт.*

(327) О вѣроломствѣ Георгія по заключеніи мира такъ сказано въ *Кіев. Лѣт.*: „Кресть цѣловаша, яко по Переяславскомъ полку (битвѣ) что будеть пограблено, или стада, или челядь, что ли кому свое познаити, „поимати жь по лицу. Изяславъ же пославъ мужи своя и Тивоны (Тіуны) своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, его же бяше отшелъ, а „мужи своего дѣля сами ѣхаша, а друзіи Тивоны своя пущаша, и тако „пріѣхаша къ Гюргеви и начаша познавати свое: Гюргій же того всего не „управи... Изяславъ же посла къ Вячеславу и къ Гюргеви съ жалобою," и проч. — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что граждане Кіевскіе, любя Вячеслава за простоту, желали имѣть его своимъ Княземъ, но что сыновья Георгіевы подучили Бояръ тому воспротивиться. — Въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ же пріѣхавъ сѣде въ Луцку; въ утрій же день поѣха въ Пересопницу, и ту изъѣха Глѣба" (коему былъ порученъ и Дорогобужъ). „Глѣбъ „же стояше выше города . . . и одва утече самъ въ городъ, а товары „его взяша, и дружину изымаша, и конѣ его заяша, и ину дружину его „заѣхаша отъ города; и не бѣ, съ кымъ стояти противу. Выславъ же „Глѣбъ и рече Изяславу: яко мнѣ Гюргій отець, тако мнѣ и ты отець; „а азъ ти кланяюсь; ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешь, а мене пусти „къ отцу, и цѣлуй къ мнѣ Св. Богородицю, яко мене не пріимеши.... „Изяславъ позва его къ собѣ на обѣдъ, и оттуда поя съ собою до Дорогобужа, и ту приставі сына своего къ нему, Мьстислава, до Корьца, „и тако приводи й за Торческъ, и рече ему Мьстиславъ: поѣди жь, брате, къ отцю, а волость отца моего и моя по Горыню... Глѣбъ пойде „на Ушескъ, а Изяславъ на *Гольско Такушилю*" (мѣста неизвѣстныя) „въ Черныя Клобуки, и ту пріѣхаша къ нему вси Черніи Клобуки. — „Возма (Изяславъ) съ собою мало дружины и иде на сѣни къ Вячеславу, „и поклонися ему; Вячеславъ же ссъта противу Изяславу, и цѣловаста-„ся, и сѣдоста оба по мѣсту," и проч.

(328) „Изяславу, освоившю Кыевъ, посла Мстислава въ Каневъ. Мстиславъ же послася *на ону сторону* (Днѣпра) къ Турпѣемъ (Торкамъ)." Слѣдственно они жили на восточномъ берегу Днѣпра. Далѣе: „Гюрги же „посла Ростиславу въ помочь брата Андрея. Ростиславъ же гна къ Сакову, изгони Турпѣи у Днѣпра:" слѣдственно Саковъ былъ на той же сторонѣ. — Въ *Кіев. Лѣт.*: „Пріиде къ Изяславу вѣсть, иже Володимерко уже перешелъ *Болоховъ*, идеть мимо *Мунаревъ* къ *Володаревъ*" (въ нынѣшней Подольск. Губерніи). „Изяславъ же посла къ Мьстиславу, сынови своему, река ему: идеть на мя Володимерь Галицкый, а пойде вборзѣ, поймя Берендичи. Самъ же Изяславъ съ Бояры своими ѣха къ Вячеславу Вышегороду," и проч. Изяславъ шелъ отъ Кіева къ Звенигороду, оттуда же къ рѣкѣ Стугнѣ и Ольшаницѣ, и сразился съ Кн. Галицкимъ.

у *Тумаща* (нынѣшней Томашовки въ Васильковскомъ Уѣздѣ). Съ первымъ были братъ Владимірь и сынъ Мстиславъ. Жены и дѣти Берендѣевъ оставались въ городѣ Пороскомъ, т. е. на берегу Роси. Далѣе: „Володимерко стояше верхъ Олшаници, и ту отъ Изяслава ѣхавше до солнца „и удариша на кони его, и нѣколико мужей яша, а у Черн. Клобуковъ „мужа яша, и приведше къ Володимерку," и проч. Далѣе: „Володимерко же, „видѣвъ, иже Кіане побѣжать, а Черніи Клобуци занъ ѣдуть, и рече: „лесть есть; быти ту Изяславу нѣгдѣ съ полки своими въ горахъ. И за „тѣмъ полкъ Изяславль уцѣлѣ; а они не смѣша ся по нихъ распустити."

(329) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ же прибѣже къ Кыеву. Володимеря же „дружина постиже задъ его, овы изымаша, а другыя избиша; Вячеславъ „же бяше до него въѣхалъ въ Кыевъ и сѣлъ на Ярославли Дворѣ. Изяславъ „же пріѣха къ Вячеславу, и ту думавше, начаста обѣдати; и въ то время пріиде Гюргій съ сынми своими, и Володимеръ и Изяславъ Давидовича, и Олговичь Святославъ и сыновець его на берегъ противу Кыеву „(въ *Пушк.* къ Черторьѣ). Кыане же мнози поѣхаша въ насадѣхъ къ Гюргеви, а друзіи почаша дружину его перевозити въ Подоліе. Вячеславъ „же съ Изяславомъ рекоста: наю не веремя нынѣ есть . . . и повелѣ (Изяславъ) дружинѣ своей събратися у *Дорогожича* (см. сей *Исторіи* Т. „I, примѣч. 422), а самъ, дождавъ ночи, поѣха изъ Кыева. Въ утрій же „день пріиде Володимеръ Галицкый къ Олговѣ могилѣ (въ *Пушк.* къ Теремцу), тако же и Гюргій пріѣха къ нему" (вмѣстѣ съ другими Князьями) „и ту ся цѣловаша не ссѣдаючи съ коней у Сѣтомли на болоньи, и „здумавше послаша по Изяславѣ Святослава Всеволодича, Бориса Гюргевича, и гониша до Чертова лѣса, и не постигше его, взвратишась . . . И „ѣха Володимерко къ Вышегороду къ Св. Мученикома поклонитися . . . и „къ Св. Софіи, и къ Св. Богородицѣ Десятинцѣй, и въ Печерской монастырь."

(330) Въ Луцкѣ начальствовали братъ Изяславовъ, Святополкъ, и сынъ Мстиславъ. Владимірко оставилъ Георгіева сына въ Пересопницѣ. — Татищевъ говоритъ о прибытіи въ Кіевъ *Игоря, внука Игоря Давидовича* — о досадѣ Черныхъ Клобуковъ на Георгія — о походѣ Новогородцевъ въ Ростовскую землю," и проч.

(331) „Придоша Половци въ помочь Гюргеви на Изяслава. Гюргеви еще „не распустившю вои ни Олговичь, посла Святослава Всеволодича Переяславлю къ сынови своему Ростиславу, дабы й укрепилъ" (въ *Пушк.* укрѣпилъ, можетъ быть ротою или присягою) „и воротилъ опять. Онѣмъ же пакостящимъ, людемъ збѣгшимся въ городъ, не смѣющимъ ни „скота выпустити, посла Гюргій Андрея, и створите миръ съ ними . . . . „Андрей оста у брата Переяславли; приспѣвшю празднику Въздвиженія „честнаго Креста (14 Сент.), праздноваша въ церкви Св. Михаила. На „утрій же день ѣха Андрей Кыеву. Тое же осени да ему отецъ волость „Туровъ и Пинскъ, и Дорогобужъ, и Пересопницу. Андрей же поклонився отцю и шедъ сѣде въ Пересопници . . . . . Тое же зимы присылатися нача Изяславъ къ Андреєви, река: *брате! введи мя въ отцю въ „любовь.* И присла же къ нему *розирая* (смотря) нарядъ его, и како

„строить городъ: бѣ бо прежъ изъѣхалъ братъ его ту, Глѣбъ (Глѣба);
„того же и здѣ ловяше. Но не сбыся мысль его.“ Георгій, по изобрѣтенію Татищева, отвѣтствовалъ на предложенія Изяславовы: „когда онъ „не уляжется во Владимірѣ, то я дамъ ему такую же область, какую „онъ далъ Игорю.“

(324) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ рече: стрый ми волости не дасть; не „хочеть мене въ Русской земли, а Володимеръ Галицкый по его велѣнію „землю мою взялъ, а опять къ Володимерю хочеть прійти на мя. Изяславъ „же то здумавъ и посла брата своего, Володимера, въ Угры, къ Королеви, и „рече ему: ты ми еси самъ реклъ, якоже Володимеръ не смѣеть головы въсклонити“ (не смѣетъ тронуться)... „Володимеръ же прогналъ мя изъ Кыева.“ Выступивъ въ походъ, Гейза совѣтовалъ Изяславу итти на Галичь съ другой стороны. Далѣе: „Володимерку же бяху пріятели въ Угрѣхъ, и повѣдаша ему... Володимерко же въ то время стояше у Белза, и ту поврьга (оставивъ) возы своа, а самъ погна съ дружиною къ „Перемышлю. Король же прошедъ гору и взя Санокъ городъ и Посадника его яша... Володимеръ же послася къ Архіепискупу Кукнишеви и „ко инѣма двѣма Бискупома и къ нужемъ Королевымъ .... Бяше бо о „Дмитріевѣ дни уже... Король же пойде (назадъ), и Володимера, шюрина своего, поялъ съ собою въ Угры. Въ тожь время Изяславъ згадався „съ зятемъ и съ *сестрою* своею, *Королевою*, пояша у *Бана* дщерь за Володимера“ (см. о *Банѣ* выше, примѣч. 284) „и послаша ю къ Изяславу къ „Володимерю напередъ. Король же велику честь створи ему (Владиміру) „и сестра его, одаривше его и отпустиша. Король же рече (Изяславу): „Царь на мя Греческый въставаеть ратью, и сеа ми зимы и весны нелзѣ на конь всѣсти; но обаче, отче, твой щитъ и мой не разно еста... „И рече Изяславъ брату своему: Богъ ты помози, иже ся еси потрудилъ; но здѣ пакы моей сносѣ, а твоей женѣ *удолжилося*“ (время казалось долго). „Въ тожь время Изяславъ послалъ бяше Угры на кормъ (въ) „*Устилогъ*, и тако пославъ приведе Бановну за брата.“ Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: „Изяславъ пришедъ и ста выше Пересопницы и пожже *Зарѣческъ*.“ Тутъ описывается совѣтъ Изяславовъ съ Боярами. Далѣе: „оттолѣ же „пусти брата своего, Святополка, блюсти Володимеря, а самъ пойде съ „братомъ Володимеромъ и съ сыномъ Мстиславомъ и съ Борисомъ Городенскымъ къ Дорогобужу... и перешедъ Гориню, ту и ста на *Хотри*, и „оттолѣ пойде къ Корецку (Корецу), и Корчане вышедше поклонишась ему, „и ста на рѣцѣ, не дошедъ Случи“ (въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что онъ отъ Зарѣчска пошелъ къ *Мыльску*: то и другое мѣсто находилось въ окрестностяхъ Горыни). „Володимеръ же Галицкый присла къ Андреви Василька Ярополчича (неизвѣстнаго) река: пойде, брате, къ мнѣ. Андрей сняся съ нимъ у Мыльска... Изяславу же приде вѣсть, иже Волод. „Гал. и Андрей Гюрг. и Володимеръ Андреевичь (внукъ Мономаховъ) пришли къ Дорогобужю съ силою великою и правятся черезъ Горинію; въ „утрій же день Изяславъ перейде Случь и пойде черезъ Черновъ лѣсъ къ „Ушску, и перейде рѣку Уппю подъ Ушскомъ... и ту пріидоша стрѣлци „Володимерка на берегъ ... Изяславъ же отступивъ, и есть рѣчка мала

„до города, и ту исполчися, и стрѣляхуся о ню ... и яша у Галичавъ „мужа, и въпрошаша, Князь твой гдѣ? Онъ же рече: за городомъ, пръвый „лѣсъ; ту ста, тако рече: сила наша за нами; ту ся съждемъ..... Изя- „славъ же оттолѣ шедъ и ста у Святославлѣ *критицы* (источника)... „яко же Изяславлимъ сторожемъ зрѣти бяше на Галицкыя огни ... И „угада Изяславъ пойти черезъ ночь къ Мичьску ... и ту срѣтоша й дру- „жина многое множество, иже сѣдяху по Тетереви, и Мичане съ ни- „ми ... Изяславъ же перешедъ за Тетеревъ" (въ другихъ лѣтописяхъ: за Рось и за твердь, или укрѣпленіе) „и ту съсѣде конемъ опочивати ... „и пойде къ Вздвиженю, и спа до вечера ... и рече: здѣ ли стояти, ци „ли быхомъ сея ночи поѣхали?.. иже намъ будешь лзѣ на Бѣлгородъ вь- „ѣхати, то Гюргій готовъ предъ нами бѣгати ... Пакы ли не лзѣ, а въ „Черныя Клобуки вьѣдемъ ... И рекоша Угре: мы гостіе твои есмы ... „а комонѣ (кони) подъ нами ... И рече Изяславъ брату Володимеру: по- „ѣди напередъ къ Бѣлугороду ... а почнутъ ся съ тобою бити, ты къ „намъ вѣсть пошли, а самъ ся біи и до обѣда, а азъ на Абрамль мостъ „переѣду, любо другойдѣ вьѣду въ Черныя Клобуки ... поѣду жь на Гюр- „гя къ Кыеву. Пакы ли изъѣдешь Бѣлгородъ, а съ тымъ къ намъ пошли, „и мы къ тобѣ ... Борисъ піаше на сѣнци съ дружиною и съ Попы ... „Аще бы не мытникъ устерегъ и мостъ перемешалъ, то яли быша ... „Полци (Изяславовы) пріѣхавше къ мосту, кликнуша и въ трубы вь- „струбиша ... Бѣлогородци же потекоша къ мосту ... и помостиша „вборзѣ мостъ ... Изяславъ же переправи полкы Угорскыя до свѣта „чрезъ мостъ, иде къ Кыеву ... Борисъ же прибѣже къ отцу ... Гюрги „бяше на красномъ дворѣ," и проч.

(333) Въ *Кіев. Лѣт.*: „тогда же Угри на *фарѣхъ* и на *скокохъ* играху „на Ярославлѣ Дворѣ." Князь Щербатовъ (подобно Татищеву) вообра- зилъ, что здѣсь говорится о музыкѣ, и что *фаръ* есть fanfare! Нѣтъ: *фарами или фарями* назывались иногда вообще кони, иногда въ особен- ности Арабскіе (см. Дюканж. Gloss. подъ словомъ Pharas). Въ старинной Русской сказкѣ, названной *Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита*, и сочи- ненной, какъ надобно думать по слогу, во XII или въ XIII вѣкѣ (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 272) сказано: „кто сему не дивится, како дръзость „яви уноша (юноша), како лось нагони бръже (скорѣе) *фаря* бръзаго." А въ другомъ мѣстѣ: „како *фаръ* подъ нимъ (Девгеніемъ) скакаше, а онъ го- „раздно на немъ играетъ." Подъ *скоками* же разумѣются скакуны. — *Ни- коновск. Лѣт.* сказываетъ, что Изяславъ, лаская Кіевлянъ, называлъ ихъ отцами, а себя рабомъ!

(334) Владиміръ стоялъ у Мичска и взялъ дань съ его жителей, назван- ныхъ въ *Воскресен. Лѣт.* и *Ростов.* Галичанами, вмѣсто Мичанъ. Далѣе: „пойдоша" (Андрей и братъ его двоюродный Владиміръ Андреевичь) „на „устъ Припети и на *Давыдову боженку*; оттолѣ же пойдоша во Сътрец- „скый (Остерскій) городокъ къ отцю своему." Въ харатейныхъ: „и пе- „ребредъ Днѣпръ на *Воровицѣ* и иде (Андрей) въ Городокъ." — *Никонов. Лѣт.* вездѣ соединяетъ съ Венграми Чеховъ.

(335) „*Во утрій же день* Изяславъ посла къ *дяди* своему Вячеславу, и

проч. — Мы поставили здѣсь, какъ въ лѣтописяхъ, 1151 годъ, т. е. съ Марта; но Изяславъ и къ Кіеву шелъ уже въ семъ году по нынѣшнему счисленію съ Генваря. Далѣе: „*Во утрій же день* посла Вячеславъ къ Изя-„славу, река: сыну! аще еси на мнѣ честь положилъ," и проч. Далѣе: „азъ „уже есма старъ и дѣлъ всѣхъ дѣлати не могу," и проч. Далѣе: „Во *тре-„тій* день позваста къ собѣ Угры." — Изяславъ говоритъ Князю Смо-„ленскому: „много ми еси, брате, понуживалъ положити честь на „стрыеви нашемъ." — Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: „Гюргій же посла къ Чернѣ-„гову къ *Давидовичю Володимеру и* къ Святосл. къ Олговичу, река та-„ко: се уже Изяславъ въ Кыевѣ: пойдета ми въ помочь. Святославъ же „не дожда Велика дне, но пойде въ Понедѣльникъ Св. недѣли" (Страстной?) „а во Вторникъ родися у него сынъ, въ крещеніи Георгій, а мірскы И-„горь; Великъ же день взя (Святославъ) въ *Блестовитѣ*, и оттуда пой-„де къ Чернѣгову, и съ братомъ Володимеромъ поидоста оба въ лодіяхъ „къ Городку къ Гюргеви. Тогда же Изяславъ Давидовичь иде къ Кыеву „къ Вячеславу и къ Изяславу ... И сташа у Городка (Святославъ и „Владиміръ), и ту праздноваша Георгіевъ день."

(336) Такъ въ *Пушкин.* называется сіе озеро; въ *Троицк.* было написано: *Долѣбское*, а другою рукою поправлено: *Дулѣбское*, какъ въ новѣйшихъ спискахъ. — На рѣкѣ Золотчѣ находится мѣстечко Вишенки.—Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Георгій стоялъ въ *Родуніи*.— Витичевъ былъ ниже Триполя (см. *Больш. Чертежъ*, стр. 1[5]). Въ *Кіев. Лѣт.*: „сташа на Вытечевѣ у *Мирослав-„скаго* села противу себѣ." — Гдѣ былъ городокъ Зарубъ, (см. *Больш. Чер-тежъ*), тамъ нынѣ селеніе Зарубанцы. — Половци бросились въ Днѣпръ на коняхъ, а Россіяне ѣхали за ними въ лодкахъ (см. *Кіев. Лѣт.*). — Татищевъ прибавляетъ, что Изяславъ купилъ много Греческаго оружія; что Владиміръ Черниговскій неохотно присталъ къ Георгію, вопреки совѣту Тысячскаго Азарія; что Святославъ Ольговичь сказалъ Азарію: „ты под-„купленъ Изяславомъ или не хочешь оставить молодой жены;" что Изяславъ Давидовичь съ тайнаго Владимірова согласія пошелъ къ Великому Князю. Нашъ Историкъ говоритъ еще, что многіе Русскіе Игумены ѣздили тогда въ Царьградъ съ Константиномъ Епископомъ, желая видѣть его на мѣстѣ Климента Митрополита; что Мануилъ, ненавистникъ Монаховъ, въ письмѣ совѣтовалъ Изяславу разорить монастыри, и проч.

(337) Въ *Кіев. Лѣт.*: „*Стояху*" (Изяславъ и союзники его) „*у Ивана*, и „воротитась къ Кыеву, и почаша думати. Изяславъ же съ братомъ Рос-„тисл. хотяше противу имъ битися, дружина же (его и всѣхъ Князей) „утягиваху отъ того, и Кіане ... и Черн. Клобуци рекоша: рати на-„ши на конихъ; а ты къ нимъ поѣдиши, а онъ (Георгій) пойдеть ко Руси, „и тобѣ будеть оставити своя пѣшца ... Поѣдте въ Кыевъ, а къ намъ „приставите брата своего, Володимера, ать поѣдемъ къ своимъ вежамъ, „заяти жены и дѣти и стада; пойдемъ же къ Кыеву, а вы будете до „вечера въ Кыевѣ ... Хочемъ головы своя сложити за васъ."

(338) „Половчинъ ятъ конь подъ нимъ за поводъ и взврати, и *лая* дру-„жинѣ своей:" то есть, *браня* своихъ. — „Друзіи противу Лядскымъ во-„ротомъ на песцѣхъ (пескахъ) біахуся."

(339) См. выше, стр. 106.

(340) „Кыяне же рекоша: да пойдемъ всяко и безъ отъмки, аще кой „можетъ уже древо" (въ другихъ: *жлудъ*) „въ руцѣ взяти," и проч. Далѣе: „того дне" (Кіевляне, пѣшіе и конные) „пришедше сташа у Звенигорода" (уже не существующаго) „а на утріе же сташа у Василева къ обѣду. — „Гюрги же пришедъ и рече Бѣлогородцемъ: вы есте людье мои: отвори-„те ми городъ. Ркоша Бѣлогородци: а Кыевъ ти ся отворилъ ли? а у насъ „Князи Вячеславъ, Изяславъ, Ростиславъ. Гюрги же пойде черезъ боръ къ *Вер-„неву*" (а въ другихъ: къ Черневу) и оттуду иде за валъ и ста у *Бзяницѣ*; „ту бо надѣяшеться Галичьскаго Князя къ собѣ, послалъ бо бяшеть къ „нему, отступя отъ Кыева, сыновца своего Володимера Андреевича."

(341) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Стороже вѣ ѣхавше подъ Гюргеви полкы и гони-„шась съ ними. Въ 4 день прежъ солнца Вячеславъ и Изяславъ пройдоша „валъ на чистое поле ... Стоящимъ же имъ до вечера, прешедъ Гюргій „за Рутъ (Ротокъ). Свитающю жь *Пятку*, пойде Изяславъ. Гюргій же „не хотяше еще битися: Изяславу же паче приступающу, и устрой „Богъ мьглу ... только до конець копіа видѣти .... И припрошась къ „озеру обои, и разиде (разведе) й озеро ... Мглажь подъяся въ полдне, „и узрѣшась полци обаполы озера ... и біахуся на крылѣхъ, а самѣмъ „полкы не лзѣ бѣ съѣхатися. Яко же бѣ къ вечеру, и пойде Гюргій за „*шоломя* ... Вячеславъ же и Изяславъ пойдоша по немъ на връхъ озера. „Гюргій же зайде за Малый Рутецъ, и перейдя грязину ту, и ста на „ночь. Вячеславъ же и Изясл. и Ростисл. сташа противу ему, яко же „стрѣлы не доходяху. На утрій же день, въ *Пятокъ* (здѣсь вторично именованъ тотъ же день, что и прежде) „яко зорѣ початась заимати, „прежъ у Гюрга въ полку въ бубны и въ трубы вьструбиша, такожь „и у Изяслава ... Гюргій же пойде на верхъ Рутца. Вячеславъ же и „Изясл. и Ростисл. такожь ... Тогдажь Гюргій, *поворотячи* полкы своя, „пойде къ великому Рутови (назадъ), не хотяче битися, но хотяше зай-„ти за Рутъ и ждати Володимера Галичского. Вячеславъ же и Изяславъ „пустиша по нихъ стрѣлци своя, и тако начаша ѣздити въ задъ полковъ „и возы у нихъ отымати. Видѣвъ же то Гюргій и сынове его, иже не „лзѣ имъ перейти за Рутъ, и тако оборотячися," и проч. По харатей-нымъ лѣтописямъ, Изяславъ догналъ Георгія у Перепѣтовыхъ за Стугною; тутъ сильный дождь съ вѣтромъ помѣшалъ битвѣ; начались переговоры, и Георгій ввечеру зашелъ за Рутъ; а въ *Пятницу* было сраженіе (17 Іюля, какъ сказано въ *Новогород. Лѣт.*; но сіе число приходилось тогда во *Вторникъ*). — Георгій, оставивъ мѣсто битвы, въ полдень того же дня переправился за Днѣпръ въ Витичевѣ. — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено, что въ Пятницу самые Ольговичи (дядя и племянникъ) хотѣли уже мира; но Половцы все еще желали битвы.

(342) „Изяславу же лежащю на побоищи и яко восхотися, пѣшци же „Кыяне хотѣша убити й, мняще противнаго" (считая его непріятелемъ). „Онъ же рече: *Князь есмь*; и рече единъ отъ нихъ: *таковъ есь и на-„добенъ*," и проч. (см. *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.*). Вѣроятно, что Христіанское имя Изяслава было Пантелеймонъ когда онъ носилъ на шлемѣ об-

разъ сего Святаго. Обрадованные воины, поднявъ Изяслава, восклицали: *Кирїелейсонъ*! Татищевъ сказанное въ лѣтописи объ Изяславѣ отнесъ ко Владиміру Черниговскому.

(343) „И ту убиша Володимера Давыдовича, *добраго* и *кроткаго* Князя Черниговскаго," хотя онъ и не стыдился грабить своихъ ближнихъ, быть измѣнникомъ, клятвопреступникомъ. — Жена Владимірова по кончинѣ его *бѣжала* къ Половцамъ и вышла за ихъ Хана Башкорда (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 48). — Татищевъ говоритъ, что Тысячскій убитаго Черниговскаго Князя, Азарій Чюдинъ, гнался за Святославомъ Ольговичемъ, отрубилъ головы двумъ главнымъ его совѣтникамъ и послалъ къ Святославу. Въ *Кїев. Лѣт.*: „Рече (Великій Князь) Изяславу Давидовичю: „сего (Владиміра) уже намъ не кресити... Ты, брате, нарядися; возьми „своего брата, ѣди къ Чернѣгову; а азъ ти помочь припряжу. Буди же „нынѣ до вечера въ Вышегородѣ. Изяславъ же, сдумавъ съ братомъ Ростиславомъ, и пустиша съ нимъ Романа, сына Ростиславля... и дружину. И поѣха Изяславъ съ Романомъ... и сѣде на столѣ въ Чернѣговѣ... „Святославъ Олговичь и Всеволодичь Святославъ перебѣгоста Днѣпръ повыше Заруба и бѣжаста въ Городецъ. Святославъ же Ольговичь бѣ тяжекъ тѣломъ...и оттуда посла къ Чернѣгову Святослава Всеволодича, „а самъ не може ѣхати. Святославъ же пригна къ перевозу Десны, и ту „бысть ему вѣсть, иже уже Изясл. Давидовичь и Романъ въѣхали въ Чернѣговъ; и то слышавъ, побѣже опять, а стрыеви своему посла рекучи: „не ѣзди сѣмо..... Святославъ же Олговичь, слышавъ, иже Гюргій съ Вячеславомъ и съ Изяславомъ уладился... и совокупитась съ сыновцемъ „своимъ, съ Свят. Всеволодичемъ, и посластася къ Изяславу (Давидовичу), „рекуче: брате! миръ стоитъ до рати, а рать до мира; братья есвы собѣ, а пріими насъ къ собѣ, а се отчинѣ межи нама двѣ: одина моего отца, а другая твоего: ты жь пріими Давыдово, а что Олгова, а то намъ „дай... Изяславъ же христіански учини, и отчину има възворотити, а свою „собѣ прія."

(344) „Половци идоша во своиси. Изяславъ же съ стрыемъ возвратитася въ Кыевъ... Изяславъ, слыша Гюргя въ Переяславли, съ Вячеславомъ и братомъ Святополкомъ и съ Берендичи перебродися у Заруба и „сташа у Мажева (нынѣ Мазинки) сельца товары (станомъ).... и битась у Переяславля по два дни; въ третій же день много избиша пѣшца „и *передгородье* пожгоша. Вячеславъ же и Изяславъ посласта къ Гюргеви," и проч. О возвращеніи Князя Галицкаго отъ Бужска см. въ *Кїев. Лѣт.*

Георгій оставилъ сына своего, Глѣба, въ Переяславлѣ: ибо Ростиславъ Георгіевичь, бывшій Княземъ Переяславскимъ, умеръ въ томъ году на Страстной недѣлѣ, рано въ Великую Пятницу, и погребенъ братьями, Андреемъ, Глѣбомъ и Мстиславомъ, въ церкви Св. Михаила, близь дядей, Андрея и Святослава Владиміровичей. Татищевъ пишетъ, что Ростиславъ, желая одинъ завладѣть всѣмъ государствомъ, причинилъ много зла, и что никто не жалѣлъ объ немъ, кромѣ отца.

(345) Изяславъ, еще прежде битвы съ Георгіемъ у Перепѣтовыхъ, находясь въ Звенигородѣ, имѣлъ вѣсть отъ сына своего: „Король, зять твой,

„пустилъ ти помочь, яка же николи же не бывала; а уже есмь съ ними „прошелъ гору. Яже ти будемъ вборзѣ надобѣ, а посли противу намъ." Изяславъ отвѣтствовалъ: „се уже идемъ на судъ Божій, а васъ намъ, сы-„ну, всегда надобѣ." Далѣе: „Ставшю Мстиславу у *Сапогыня*" (въ Волынск. Губерніи близъ Луцка) „Володимеръ же Мстиславичь высла пи-„тіе много Угромъ." Разбитый Мстиславъ ушелъ въ Луцкъ. Венгерскіе Лѣтописцы упоминаютъ, хотя и слегка, о семъ пораженіи ихъ войска: Hungari a Rutenis et Cumanis (Половцевъ) male accepti (см. Туроц. Chron. гл. LXVI). Татищевъ пишетъ, что Владимірко обрѣзалъ *уши* и носъ Венгерскому Полководцу. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Пріиде Изяславу вѣсть, иже сынъ „его побѣженъ, а Угры избиты; и рече слово то, якоже и преже слы-„шахомъ: *не идеть мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту*; но абы Богъ „далъ мнѣ здоровье и Королеви, а мѣстомъ (чести) быти." Въ разсужденіи *порядка* описанныхъ здѣсь происшествій слѣдую харашейнымъ, также *Воскресен.* и *Ростов.* лѣтописямъ.

(348) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Гюргій же иде (въ Суздаль) на Новъгородъ Сѣвер. „къ Святославу Олг.; онъ же пріятъ его съ честію великою, и повозы „да ему. Изяславъ, совокупяся съ Давидовичемъ и Святославомъ Всеволод., и „шедше разведоша *Городокъ Гюргевъ* и пожгоша его. Церковь же бѣ въ „немъ Св. Михаила каменна, а верхъ ея древомъ нарубленъ, и то згорѣ." Слова: *Гюргевъ Городокъ* — т. е. Городокъ или Городецъ, принадлежащій Георгію — заставили думать Татищева, что Юрьевъ и Городецъ есть одно мѣсто. Татищевъ говоритъ здѣсь о союзѣ Вел. Князя съ Половцами.

(347) Изяславъ еще въ 1141 году, зимою, выступилъ было противъ Владимірка, но возвратился отъ Корчева, или Корочева, бывшаго городка, нынѣ мѣстечка въ Губерніи Волынской, на рѣкѣ Курчикѣ. Далѣе: „посла Изяславъ сына своего, Мстислава, въ Ляхы и въ Угры, вабя ихъ „въ помочь на Володимерка. Ляхове же не идоша, а Угри идоша. Посла „же Король (Венгерскій) къ Изяславу, река: *отче! кланяю ти ся . . . азъ „ти здѣ уже пошелъ, а ты пойди* . . . Изяславъ же (см. *Кіев. Лѣт.*) посла „сына своего Мьстислава къ Королеви въ Угры, повести Короля на Га-„лицкого Князя, и скопя свою дружину пойде, поима съ собою Вячеславль „полкъ весь и всѣ *Черные Клобуки*, еже зовуться *Черкасы* . . . Егда же „приде къ Дорогобужу, и ту приде братъ его Володимеръ; и оттолѣ „поидоста къ Пересопници, и ту приде Володимеръ Андреевичь и братъ „его Святополкъ (Мстиславичь) изъ Володимеря. Святополка же Изя-„славъ съ собою не поня, но остави й въ Володимери, а полкъ его взя съ „собою. И пойде Изяславъ по Королевѣ дорозѣ, ею же приходилъ баше „на Андрея Володимерича (см. выше, стр. 148) Изяславъ же приде на Санъ „рѣку . . . и перебредъ . . . и ста. Ту приде къ нему посолъ отъ Короля во „сто человѣкъ, и рече: зять ти ся Король кланяетъ, и тако ти прика-„залъ: *се уже здѣ стою 5 день, тебе жда: поди спѣшнѣе.* Во утрій же „день Изяславъ пойде къ Ярославлю" (нынѣ Ярославу въ Галиціи) „и ми-„нувъ его ста на обѣду; и ту присла къ нему Король мужа своего съ „полкомъ болѣ тысящи. Изяславъ же пойде къ Королеви . . . и Король

„всѣдь на конь съ мужи своими и выѣха противу Изяславу съ радостію,“ и проч. — Съ Королемъ были и братья его: см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 138. Венгерскіе Лѣтописцы называютъ Владимірка (Lodomerius) *мятежникомъ*, котораго Изяславъ смирилъ съ помощію своего зятя. — Татищевъ пишетъ, что дядька не совѣтовалъ Мстиславу Изяславичу ѣхать къ Полякамъ, ибо они любили только брать деньги, и проч. Далѣе въ лѣтописи: „бѣ же у Короля полковъ 73 (въ *Никон.* 170) опрочь Изя„славлихъ, опрочь подводныхъ коней и товарныхъ.“ Татищевъ сказываетъ, что у Изяслава было 30,000 воиновъ, у Владимірка же 20,000 Сербовъ и Болгаровъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Король рече (Изяславу): поѣди близъ „моего полку, ать добро намъ о всемъ гадати.“

(348) Думаю, что и нынѣ можемъ употреблять сіе древнее названіе людей, посылаемыхъ впередъ для заготовленія съѣстныхъ припасовъ. Далѣе въ лѣтописи: „Изяславъ пойде вверхъ по рѣцѣ на броды... иніи же „полки Угорстіи мнози идоша мимо Изяслава выше на броды. Изяславъ „же то видѣвъ и рече дружинѣ: *братіе!*“ и проч. — Владимірко стоялъ за валомъ или укрѣпленіемъ: „выступяся назадъ, *за твердь* ста.“ Слѣдую подробнымъ лѣтописямъ, какова есть *Кіев.*, *Ростов.* и *Воскресен.* Въ харатейныхъ сказано, что Владимірко, разбитый Королемъ еще до прибытія Изяславова, желалъ скорѣе заключить миръ; что Изяславъ оставилъ войско назади и спѣшилъ къ зятю съ одними Берендѣями; что Князь Галицкій былъ вторично разбитъ и примирился. — Избыгнѣвъ *Ивачичь*, здѣсь упоминаемый, есть, думаю, сынъ отважнаго Воеводы Галицкаго, который спасъ Перемышль въ 1144 году (см. выше). Далѣе: „Изяславъ же и Король“ (на другой день битвы) „сташа передъ городомъ, надъ рѣкою *Вягромъ*“ (см. выше, примѣч. 191). Въ *Кіев. Лѣт.*: „рече Король: сій крестъ есть, „его же Богъ привелъ по Своей воли къ Св. Стефану; кто жь сего кре„ста цѣловалъ, а съступитъ, и не будетъ живъ... Изяславъ пославъ Пе„тра Борисовича, а Король свои мужи (съ крестомъ)... Мьстиславъ же „Изяславичь рече: азъ вамъ предъ симъ честнымъ крестомъ млъвлю, како „того водита къ кресту, тако тому крестнаго цѣлованія и съступити.“ Татищевъ пишетъ, что Изяславъ далъ 1000 гривенъ серебра на Гейзино войско, а Владимірко отплатился двумя тысячами гривенъ.

(349) См. Memor. popul. II, 1018.

(350) „Половци Орьтлюеве (или Оперълюеве) и Токсобичи и вся Поло„вецьская земля, что ихъ ни есть межи Волгою и Днѣпромъ.“ — Князья Рязанскіе были Ростиславъ Ярославичь и братья его. — Георгій шелъ черезъ Мценскъ и *Спасъ* ко Глухову. Въ лѣтописи: „Тогды же, слышавъ „Володимерко идуча (Георгія) въ Русь, пойде Кыеву. Изяславъ же выйде „противу ему. Володимерко же воротися въ Галичь.“ Выше въ *Кіев. Лѣт.*: „пришедъ Изяславъ къ Володимерю“ (по заключеніи мира съ Галицкимъ Княземъ) „и посла Посадникы своя въ городы; и не да ихъ Володимеръ. „Изяславъ же пойде Кыеву, а къ Королеви посла и повѣда ему... и рече: „тебѣ ся уже не ворочати, ни мнѣ; но только являю ти, еже есть съступилъ Володимеръ крестнаго цѣлованія.“

(351) См. *Никон. Лѣт.* II, 132. Въ харатейныхъ: „Перешедше Сновъ и „сташа у *Гуричева* близъ города, перешедше *Канинѣ*..... На утрій же „день, исполчивша вое свои, поидоша къ городу и сташа не дошедше „*Семыня.*" Въ *Кіев.*, *Ростовск.* и *Воскресен.*: „Пойде (Георгій) къ *Березоцу* „(Березнѣ?) и спа у *Свини* въ Суботу... Посла (Георгій) отъ Гуричевъ „Половци Чернигову воевати... много полона взяша и *Семынь* пожгоша." *Никонов. Лѣт.* вымышляетъ имена Князей Половецкихъ: Темиря, Дулѣпа, Бердаша, и жестоко ранитъ Андрея Георгіевича. — Далѣе: „Приде же „вѣсть, оже Вячеславъ и Изяславъ стояху *на сей сторонѣ* Днѣпра у Ольжичь.... Придоша же отъ Ольжичь къ Моравнинску" (Моровску на Деснѣ)... „Идоша (Георгій и союзники) за *Свинь*, да за Сновъ." Не называлась ли Свинью рѣка впадающая въ Десну между Снова и Стрижени? — Слова: *на сей сторонѣ Днѣпра*, свидѣтельствуютъ, что сіи подробности внесены въ лѣтопись не жителемъ Кіевскимъ, а Черниговскимъ, какъ вѣроятно.

(352) „Половци же пойдоша на Путивль, и ту много зла створиша..... „Гюрги иде на Новгородъ Сѣверьскый къ Рыльску." Далѣе: „Вячеславъ и „Изяславъ, скопивше силу свою, поидоста на Святослава Ольговича къ „Новугороду и на Василька Гюргевича, и яко же сташа на Альтѣ, и рече Изяславъ Вячеславу: *отче! ты еси уже старъ... Пойди во свой Кыевъ, а „со мною пусти полкъ свой.*" Съ Изяславомъ находились братъ Святополкъ и сынъ Мстиславъ. Скоро также пришли къ нему племянникъ Романъ Ростиславичь и Святославъ Всеволодичь. — Идучи отъ рѣки Альты къ Новугороду Сѣверскому, Вел. Князь стоялъ у *Всеволожа.* Далѣе въ харатейныхъ сказано, что Мстиславъ ходилъ въ землю Половецкую съ Торками, Берендѣями и Печенѣгами; а въ *Ростов.*, *Воскресен.* и другихъ именованы только Черные Клобуки: ибо (какъ мы уже замѣтили) симъ именемъ означились тѣ же народы. *Никон. Лѣт.* прибавилъ здѣсь еще *Изяславцевъ.* Въ *Кіев. Лѣт.*: „Мѣс. Февр. поидоша" (Изяславъ и проч. къ Новугороду Сѣверскому) „и начашась бити у острожныхъ воротъ, и вбодоша я въ градъ, и острогъ изъяша, и яко выидоша изъ острога, и отступивше отъ града, идоша въ товары своя. И бысть 3 день, и выслася Святославъ, прося мира. Изяславъ же не хотя, но уже бѣ къ веснѣ, „и умиришась. Изяславъ пойде съ Давидовичемъ къ Чернѣгову, Романъ къ „Смоленску, Святославъ Всеволодичь въ свою волость, а Василько въ Суждаль къ отцу... Яко жь пріиде Изяславъ въ Черниговъ, и ту пріиде „ему вѣсть отъ сына, иже Богъ ему помоглъ Половци побѣдити на *Углѣ* „и на Самарѣ" (въ сей же лѣтописи подъ годомъ 1183 сказано: *Ерель, его же Русь зоветъ Уголь*)... „и възвратишась въ Переяславль, а отполоненыхъ отпусти въ роженіе свое. Изяславъ же ту пребывъ въ веселіи съ „Изяславомъ Давидовидовичемъ; въ утрій же день пойде къ Кыеву, и вниде съ сыномъ Мстиславомъ." Онъ тотчасъ послалъ гонца увѣдомить Князя Смоленскаго о счастливыхъ своихъ успѣхахъ. Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: „Святославъ Олговичь съвокупяся съ Изяславомъ Давидовичемъ у *Хоробря* „и утвердишась, якожь за одинъ мужь быти, и цѣловаста крестъ."

(353) Всѣ *описанныя подробности взяты изъ Кіев. Лѣт.* „Изяславъ по„сла къ Володимеру Галицкому Петра Бориславича съ кресьными грамо„тами, зане тый же бяше и въ Перемышлѣ съ Королевыми мужи водихъ къ „кресту . . . . . Рече Володимеръ: рци: брате! изъвременилъ еси на мя и Ко„роля привелъ." Послѣдняя слова его, сказанныя послу: „того вы досыть „есте мълвили, а нынѣ пойди вонь . . . . Не даша Петрови ни повоза, ни „корма . . . и яки же съѣха Петръ съ Княжа двора, и Володимеръ пойде къ „божници къ Св. Спасу на Вечерню, и яко же бы на переходѣхъ, и ту „увидѣ Петра ѣдуща, и поругася ему, и рече: поѣха мужъ Руский, обь„има вся волости. И то рекъ, иде на полати, и отпѣвше Вечерню, пой„де отъ божници, и яко же бы на томъ же степенѣ, идѣ же поругася „Петрови и рече Олешпонѣ: кто мя удари за плече? и не може съ того „мѣста ни мало поступити, и хотѣ летѣти (упасть), и ту подхитиша „его подъ руци, и несоша его на горницу, и вложиша его въ *укропѣ*" (теплую воду, Польск. Ukrop) „и мъвяху, яко *дна*" (Польск. Dna, внутренний ломъ въ лядвеяхъ или въ поясницѣ) „есть подступила, иніи же „другое мъвяху, и много прикладываху. И бысть вечеръ: Володимеръ же „нача изнемогати велми, и яко же бы въ *лягомо*" (то время, когда ложатся спать) „преставися Володимеръ. Петрови же выѣхавшю изъ Галича, „и бѣ ему уже вечеръ, и лежа въ Болшевѣ, и яко бысть уже куротъ" (когда пѣтухи поютъ) „и пригна Дътскый изъ города къ Петрови, и „река: Князь ти молвитъ, не ѣзди никамо же, но жди ту, доколѣ по тя „вышлю. Петрови же не вѣдущю Княжей смерти, ни тъ ему Дътскый „не повѣде . . . . *и яко бѣ еще до обѣда*, и тако изъ града пригнаша по „Петра . . . Петръ же поѣха въ городъ, и пріѣха на Княжь дворъ, и ту „*снидоша противу ему* съ сѣней слугы Княжи вси въ черныхъ мятлехъ . . . „и еже взыде на сѣни, и видѣ Ярослава сѣдяща на отнѣ мѣстѣ въ чернѣ „мятли и въ клобуцѣ, такожъ и вси мужи его, и поставиша Петрови „*столецъ* (стулъ) и сѣде. Ярославъ же возрѣвъ на Петра и расплакася. „Петръ же нача прашати, что се есть? и повѣдаша ему . . . . . . Ярославъ „же рече . . . . а мене Богъ на его (Владимірка) мѣстѣ оставилъ; а полкъ „его и дружина его у мене сутъ: развѣ едно копіе поставлено у гроба „его, а и то въ моею руку есть . . . Ать ѣздитъ Мьстиславъ подлѣ твой „стрыменъ по одиной сторонѣ тебе, а я по другой сторонѣ подлѣ твой „стрыменъ ѣжду," и проч. Здѣсь Татищевъ выпустилъ любопытное.—Далѣе въ *Кіев. Лѣт.*: „Нача Изяславъ доспѣвати на Ярослава къ Галичю, и яко „же бы треми недѣлями до Мясопусть, и пойде, и Вячеславль полкъ поя, „и Изяславъ Давидовичь пусти съ нимъ свой полкъ, и сынъ его Мьсти„славъ пріиде съ Переяславльскымъ, и вся Черныя Клобуки, и якожъ пріи„де къ Тихомлю, и ту пріиде къ нему братъ Володимеръ и Святополкъ „изъ Володимеря и Володимеръ Андреевичь изъ Берестія, и тако съвоку„пяся весь у Володимеря, и пойде къ Останкову. Тужъ и Галицкый Князь „вышелъ съ своими полкы. Изяславъ же пусти Володимера Андреевичь и „сына своего, Мьстислава, и Черн. Клобуки битися объ рѣку о Серетъ, „а самъ пойде къ Теребовлю. Въ утрій же день Феодоровы недѣли въ „Вторникъ перейде Серетъ, и бысть мгла велика, яко не видѣти до ко-

„нець копіа . . . и Ярославъ пойде къ Теребовлю черезъ Сновъ, и не утл-„же къ бродомъ . . . . Галицкіа же мужи почаша молвити Князю своему: „ты еси молодъ . . . отець твой (насъ) кормилъ и любилъ . . . . . Болѣ бо „бяше колодникъ его дружины (Изяславовой) . . . . Въ утрій же день Изя-„славъ пойде въ Кыевъ, зане братіа его и дружина разбѣглися бяху. „Бысть же плачь великъ по всей земли Галицкой." *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Ярославъ Владимірковичь разослалъ Кіевскихъ плѣнниковъ по городамъ.

(354) Еще въ 550 году въ Абазѣ были уже Христіанскія церкви: см. Memor. popul. IV, 181. *Абазинская* Епархія зависѣла отъ Патріарха Антіохійскаго (см. Кодина Notit. Graec. Episcop. стр. 364). — Мстиславъ въ 1153 году ѣздилъ на встрѣчу къ невѣстѣ отца своего: „на ту же осень посла „й отець противу мачехѣ съ Володимеромъ съ Андреевичемъ и съ Берен-„дѣи, и ходиша до Олешья, и не обрѣтше ее взвратишася опять." Въ 1154 году: „Посла Изяславъ сына своего *второе* противу мачехѣ: бѣ бо „поялъ жену собѣ изъ Обезъ (*въ Кiев. Лѣт.* Цареву дыцерь), и устрѣте „ю Мстиславъ въ порозѣхъ, и приведе ю къ Кыеву, а самъ иде Переясла-„влю. Изяславъ же створивъ свадбу, поя ю женѣ."

(355) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 28: „не упустиша ни мужь." Далѣе тамъ же: „изгнаша Князя Ярослава въ 26 Марта, и введоша Ростислава, сына „Мстиславля, Априля въ 17." Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что не Ростиславъ, а сынъ его Романъ заступилъ мѣсто Ярослава. Сказаніе современнаго Новогородца достовѣрнѣе. — Ярославъ, по мнѣнію Кн. Щербатова, могъ быть изгнанъ за то, что около сего времени Новогородскіе корабли были остановлены Государемъ Датскимъ, Свеномъ III, въ Шлезвигѣ, какъ разсказываетъ ла-Рошъ въ своей Исторіи! Въ нашихъ лѣтописяхъ причина объяснена: „не створи имъ (Ростиславъ Новогородцамъ) ря-„ду, нъ (но) болѣ раздора." Слѣдственно Ростислава призывали для возстановленія внутренняго порядка; слѣдственно сего порядка не было при Ярославѣ: за то и выгнали его. — Упомянувъ о Свенонѣ Датскомъ, скажемъ, что врагъ его, Канутъ V, имъ побѣжденный, искалъ убѣжища въ Россіи — вѣроятно, въ Новѣгородѣ — но скоро уѣхалъ оттуда въ Саксонію (см. Маллет. Hist. de Dan. III, 259). — Шведскіе Историки пишутъ, что Король ихъ Эрикъ около сего времени женился на Христинѣ, Датской Принцессѣ, вдовѣ Князя Россійскаго, внука Мономахова и сына Гаральдова или Мстиславова (см. выше, примѣч. 241): не Святополкъ ли Мстиславичь, умершій въ 1154 году, былъ первымъ супругомъ ея? Можетъ быть, первая супруга его, Богемская Княжна, скончалась, и Святополкъ женился на Христинѣ. Далинъ называетъ ея мужа Ярославомъ (Gesch. des R. Schw. II, 82). Святополкъ преставился у Корецка на пути къ брату Изяславу.

(356) „Посла (Георгій) сына своего, Глѣба, въ Половци, а самъ воротися „Суждалю" — устрашенный гнѣвомъ Божіимъ, какъ говоритъ *Никон. Лѣт.*

(357) См. выше, примѣч. 352. Въ *Воскресен.* II, 20: „Вячеславъ на вели-„цѣмъ дворѣ, а Изяславъ подъ Угорскимъ." — Татищевъ, описавъ разныя подробности кончины Изяславовой, прибавляетъ, что онъ былъ росту малаго, но лицемъ хорошъ; имѣлъ волосы кудрявые, бороду круглую: жилъ

88 лѣтъ, и проч. Въ *Кіев. Лѣт.*: „разболѣся Изяславъ Мстиславичь на „*Ставровъ* день... и преставися на ночь на Филиповъ день... Великый „Князь Кыевскый, честный, благовѣрный, *славный*... и плакася по немъ „вся Руская земля, и вси Черніи Клобуци, яко по *Цари* и Господинѣ „своемъ, *наипаче же яко по отци*." По всѣмъ другимъ лѣтописямъ онъ скончался не 14, а 13 Ноября.

(358) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Иша Полочане Рогволода Борисовича, Князя сво„его, и послаша й Меньску, и ту его дръжаша въ велицѣ нужи, а Глѣ„бовича (Ростислава) къ собѣ въведоша; и прислашась Полочане къ Свя„тославу Ольговичю съ любовію, яко имѣти его отцемъ собѣ и ходити „въ послушаніи его, и на томъ цѣловаша крестъ." Рогволодъ сдѣлался Полоцкимъ Княземъ по смерти Василька.

Маловажныя происшествія Изяславова княженія суть слѣдующія: Въ 1146 году Новогородцы смѣнили Посадника Нѣжату, избравъ Константина на его мѣсто; у нихъ же построены 4 церкви: 1) Бориса и Глѣба въ городѣ, 2) Иліи, 3) Петра и Павла на Холмѣ, 4) Козмы и Даміана. Въ 1147 затмѣніе солнца: „и на ту нощь былъ громъ, и *поторта* (погре„мѣлъ) *мало*." Умеръ зимою Новогород. Посадникъ Константинъ; мѣсто его заступилъ Судила Иванковичь. Преставился въ Новѣгородѣ Игуменъ Антоній, а преемникомъ его былъ Андрей. *Лѣт. Никонов.* говоритъ о смерти Хана Саипчюги, о избіеніи Половцевъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и чудесахъ иконы Рязанской въ городѣ *Казари*! — Въ 1148, Іюня 27, въ Новѣгородѣ громъ зажегъ церковь монастыря Богоматери въ Звѣринцѣ; умеръ (по *Никонов.*) въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ Князь Иванъ Ольговичь (?) и Тысяцкій Иванъ Богдановъ, а въ Рязани Тысяцкій Константинъ *силъ* Половцевъ. — Въ 1150 (см. *Никоновск.*) Рязанцы убили многихъ Половцевъ на Великой Воронѣ. Святославъ Ольгов. перенесъ мощи брата своего, Игоря, отъ Св. Симеона изъ Копырева Конца въ Черниговъ къ Св. Спасу въ теремъ. — Въ 1151 скончалась супруга Великаго Князя Изяслава. Новогородскій Епископъ Нифонтъ обилъ свинцемъ Софійскую церковь, выбѣлилъ известкою, и построилъ 2 церкви, Св. Василія и Св. Константина. — Въ 1152 году загорѣлась въ Новѣгородѣ церковь Св. Михаила, и пожаръ обратилъ въ пепелъ всю торговую площадь вокругъ сей церкви, также всѣ зданія до Ручья и Славянскаго Конца; сгорѣло 8 церквей, а девятая *Варяжская*. — Въ 1153 (см. *Никоновск.*) Князь Рязанскій, Ростиславъ Ярославичь, основалъ на Окѣ городъ Ростиславль. Епископъ Нифонтъ заложилъ въ Ладогѣ церковь Св. Климента; Игуменъ Аркадій срубилъ церковь Св. Богородицы и завелъ монастырь. — Въ 1154 построена въ Новѣгородѣ церковь Св. Саввы. Умерла въ Суздалѣ супруга Князя Глѣба Георгіевича.

(359) „Ростиславъ же съ Святославомъ выидоста изъ Кіева къ *Пересѣ„чину*, и ту начаста совкупляти дружину, и пригна Дѣмеско изъ Пере„яславля, повѣда имъ, яко рать пригонила и стрѣлялися съ ними. Рости„славъ же посла сына своего, Святослава. Мстиславъ же иде противу, и „тако совкупившеся." И такъ городъ Пересѣченъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра выше Переяславля. — Вячеславъ умеръ, по Новогородской лѣ-

тописи, уже послѣ 30 Генваря: „свѣщу и просфору по немъ" (велѣ Ростиславъ) „приносити въ церковь." Ростиславъ былъ сынъ первой супруги Мстислава, который вторично женился въ 1122 году. По смерти дяди Вел. Князь взялъ съ собою изъ Кіева остальную дружину его.

(360) „Цѣлуй къ намъ крестъ; во своей отчинѣ въ Черниговѣ сѣди, а мы въ Кыевѣ."

(361) См. выше, примѣч. 357. Новогородцы выгнали Давида прежде кончины Вячеслава и похода Ростиславова къ Чернигову (см. *Новогородск. Лѣт.* 29, 30). Мстиславъ Георгіевичь, по волѣ отца, женился тогда въ Новѣгородѣ на дочери Петра Михалковича (см. *Кіев. Лѣт.*). — *Никон. Лѣт.* выдумываетъ имена и другія обстоятельства въ описаніи Изяславовой побѣды. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Половци объѣхаша полки (Ростислава) и „бишась по два дни... Подъ Ростиславомъ же на первомъ поскоцѣ летѣ „конь (упалъ): Святославъ же, сынъ его, то видѣвъ, и съскочи съ коня и „заступивъ отца своего... и ту съвокупися дружины нѣколико около „его, и ту яша ему конь. Ростиславъ же перебѣже Днѣпръ ниже Любча... „Изяславъ же съ женою своею выручиста Святослава (Всеволодича) у „Половець и иныхъ, и многымъ добро сдѣяста; а аще кто у Половець „утечаше въ городъ, а всѣхъ не выдаваша."

(362) Слѣдственно и въ Каневѣ была Епископія. *Никон. Лѣт.* обратилъ Каневскаго Епископа въ Кіевскаго. Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Изяславъ самъ объявилъ Кіевлянамъ желаніе быть ихъ Княземъ. Въ харатейныхъ: „много зла створиша Половци около Переяславля и Ольтскую (на Альтѣ) „божницю Святою Мученику (Бориса и Глѣба) сажгоша." Въ *Воскресен.* и другихъ сказано: „жита вся потратиша."

(363) „Приде къ нему" (къ Георгію въ Стародубъ, а по *Кіев. Лѣт.* къ Синему мосту у Радоща) „Святославъ Ольговичь и нача ему глаголати, „дабы прималъ въ любовь сыновца своего (его) Святослава Всеволодича." Въ *Кіев. Лѣт.*: „Гюргій иде къ волости Ростиславли... Ростиславъ же „исполча полкы своя и пойде противу ему къ *Зарою*... и посла ся къ „Гюргеви, прося у него мира, река, отче! кланяю ти ся; ты переде до „мене добръ былъ и азъ до тебе, а нынѣ кланяю ти ся; стрый ми еси „яко отецъ. Гюргій же рече: право, сыну; съ Изяславомъ есмь не моглъ „быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ." — Далѣе: „Бѣ же совѣтенъ „Изяславу Святославъ о сидѣньи въ Кыевѣ;" то есть, Святославъ былъ прежде согласенъ, чтобы Давидовичь княжилъ въ столицѣ. Суздальскій Князь во время переговоровъ находился въ Моравійскѣ (Моровскѣ), а Сѣверскій въ Черниговѣ. Георгій въѣхалъ въ Кіевъ въ Вербное Воскресенье: слѣдственно 20 Марта.

(364) Сіи мѣста назывались вообще *Поросьемъ*. — О раздѣлѣ между Святославами, Ольговичемъ и Всеволодовичемъ, говоритъ *Кіев. Лѣт.*

(365) „Съ Жирославомъ" (Воеводою) и съ *Вячеславли* внуки," сыновьями Михалка Вячеславича или неизвѣстной намъ сестры его; послѣднее вѣроятнѣе. Князь Владиміръ названъ ниже *Мачешичь* — т. е. сыномъ мачихи отца Мстиславова.

(366) „*Володимеръ* и Ярославъ придоста." Сей Владиміръ былъ *Мсти-*

славичъ (а не *Изяславичъ*) и союзникъ Георгіевъ: ибо онъ вмѣстѣ съ Галицкимъ, какъ мы выше сказали, осаждалъ племянника въ Луцкѣ. — Татищевъ прибавляетъ, что Кіевляне убѣдили Вел. Князя помириться съ внучатами и съ Ростиславомъ. Далѣе Историкъ нашъ изобрѣтаетъ рѣчи Кіевскаго мнимаго совѣта; сказываетъ, что Мстиславъ отговорился болѣзнію отправилъ въ Кіевъ дружину, но самъ остался въ Владимірѣ (развѣ въ Луцкѣ) и проч. въ *Кіев. Лѣт*: „Гюргій посла по Ростислава къ Смоленску, река ему „сыну! мнѣ съ кымъ Рускую землю удръжати, (*аще не*) съ тобою? а пойди сѣмо . . . въ тожь время пріиде изъ Суждаля Гюргевая (жена Георгія) „къ Смоленску и съ дѣтми своими къ Ростиславу. Ростиславъ же поймя „стрыиню съ собою и пойде съ всѣмъ полкомъ своимъ къ Гюргеви въ „Кыевъ, и тако объястася съ великою любовію . . . Ростиславъ же начаше молити о братѣхъ своихъ: Гюргій же послуша. Ростиславъ же посла по брата своего Володимера къ Володимерю, и по Мьстислава и по „Ярослава къ Луцку.“

(367) „Посла (Георгій) къ Давидовичу, река: *хочешь ли къ намъ внити „въ миръ? а мы къ тобѣ.* Онъ же видѣвъ Гюргя совокупившася съ сыновци (Ростиславомъ и Владиміромъ) своими, цѣлова крестъ, и тогда „Гюрги отпусти сыновци.“ Въ *Кіев. Лѣт.* сказано еще прежде того: „Изяславъ нача понуживати зачати рать на Гурга, и не да ему Святославъ.“ — Городъ Корческъ находился въ землѣ Дреговичей, въ окрестностяхъ Припети. Татищевъ назвалъ его здѣсь *Карачевымъ.* Георгій съѣжался съ Давидовичемъ и съ Святославомъ въ Лутавѣ. — О союзѣ Рязанскихъ Князей съ Смоленскимъ говоритъ *Кіев. Лѣт.*

(368) Въ *Новогород.*, стр. 30: „бысть тишина въ Русьстѣй земли.“

(369) „Товаръ весь отъяшь, его же бѣ принесла изъ Угоръ Княгиня „Мстиславля; а Володимеръ бѣжа къ Королеви, зятю своему: бѣбо сестра „его за Королемъ Угорскимъ.“ Мать Владимірова ѣздила въ Венгрію въ 1155 году (см. *Кіев. Лѣт.*).

(370) „Цѣловавъ бѣ съ братомъ своимъ Андреемъ крестъ еще при животѣ его, яко по животѣ его удржати волость сынови его . . . . Сняся „Гюрги съ Ярославомъ Галичьскымъ въ Свиносѣхъ въ селѣ, и пошедше „сташа въ Хвалимичехъ (Хламичехъ), и ту приде къ нимъ Володимеръ „Мстиславичь изъ Угоръ . . . Подступиша къ городу въ Суботный день „и Гургій ста у Гридшихъ воротъ и Ярославъ у Кыевскыхъ подлѣ лугъ. „Гюрги же сжалиси о погибели людстѣй . . . стоя у Володимеря 10 дній.“

(371) Андрей, сынъ Мономаховъ, управлялъ Владиміромъ (см. выше, стр. 149). Червенъ принадлежалъ тогда къ области Владимірской.

(372) Половцы въ 1155 году были разбиты въ Поросьѣ Берендѣями: въ томъ же году взяли въ Каневѣ дары отъ Георгія, но не хотѣли мира. Великій Князь — узнавъ, что они стоятъ въ Верховьѣ Супоя — вторично пріѣхалъ въ Каневъ съ Ростиславомъ и Владиміромъ Мстиславичами; съ нимъ находилась и дружина Галицкая. Половцы явились въ Каневѣ, осмотрѣли Георгіеву силу, дали слово возвратиться и бѣжали; наконецъ въ 1156 году, въ Зарубѣ, согласились на миръ. Тамъ были съ Георгіемъ Святославъ Ольговичь и Князь Черниговскій, Изяславъ.

(373) Святослава и Давида (см. у Татищева вымышленную рѣчь Ростислава). Новогородцы выгнали Георгіева сына еще прежде кончины его отца (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 31) *Никонов. Лѣт.* разсказываетъ не такъ, и прибавляетъ, что Мстиславъ Георгіевичь ушелъ къ брату Андрею въ Владиміръ.

(374) Въ 1156 году. Изяславъ Давидовичь ѣздилъ тогда съ Георгіемъ въ Зарубъ *для* переговоровъ съ Половцами (см. выше, примѣч. 372), нанялъ ихъ дѣйствовать противъ мятежника и ходилъ съ *ними* къ Березову (Березнѣ). Ростиславъ пришелъ изъ Стародуба въ помощь къ Святославу Владиміровичу. Въ *Кіев. Лѣт.*: „того жь лѣта Святославъ (Ольговичь) „иде къ брату Изяславу, ту стоящу у Мстиславли, и сътвориста миръ „съ сыновцами своими." — Лѣтописецъ, *обвиняя* Святослава Владиміровича (а не Всеволодовича), говоритъ, что сей Князь разорвалъ союзъ съ дядею *не створивъ извѣта крестному цѣлованію*, или не предувѣдомивъ о своемъ намѣреніи. Святославъ Сѣверскій, не хотѣсъ воевать съ Георгіемъ, отвѣтствовалъ Мстиславу *и* Давидовичу: „крестъ есмь цѣловалъ; не мо„гу *безъ вины* *ити* *нань*." — Ростиславъ Мстиславичь оставался тогда въ Новѣгородѣ, пославъ къ Кіеву Романа, сына своего.

(375) „Пивъ бо Гюрги у *Осмѣника*" (Татищ. пишетъ: въ *Смольникахъ*) „у Петрила.... и преставися Маіа въ 15, въ Среду на ночь" (въ 1157, а не въ 1158, какъ означено въ *Кіев. Лѣт.*). *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Георгій, узнавъ о предпріятіи враговъ, отправилъ всюду гонцевъ *для* собранія войска. — Въ *Кіев. Лѣт.*: „Пріѣхаша къ Изяславу Кіяне, рекучи: „поѣди, Княже: Гургій ти умрълъ. Онъ же прослезився, руцѣ въздѣ къ „Богу, и рече: благословенъ еси, Господи, *иже мя еси разсудилъ съ нимъ* „смртію, а не кровопролитьемъ!" .. Въ харат. лѣтописяхъ: „избивахуть „Суждальцевъ (Кіевляне) по городомъ и по селомъ," — *для* того, какъ пишетъ Татищевъ, что Суздальцы насильствовали женъ и дѣвицъ въ Кіевѣ! Онъ сказываетъ еще, что сей Князь сластолюбивый былъ не малаго росту, толстъ, лицемъ бѣлъ, глаза имѣлъ не большіе, носъ длинной и кривой, бороду малую; поручалъ все Вельможамъ, и проч. — Кіевляне разграбили въ городѣ и домъ сына Георгіева, Василька. — Владимірко упрекалъ Георгія безпечностію: см. выше. — Кн. Щербатовъ *думалъ*, что Георгія въ нравственномъ смыслѣ назвали Долгорукимъ *или Долгою рукою* (подобно Персидскому Царю Артаксерксу) за его *алчность* къ пріобрѣтенію.

(376) „Того *же* лѣта (1152) Юрій Володимеричь въ Суждальстѣй земли „постави *многи* церкви каменны; созда на Нерли церковь во имя Св. Муч. „Бориса и Глѣба, а въ Суждали Всемилостиваго Спаса; а въ Володимери „Св. Муч. Георгія; и градъ *Юрьевъ* основа и церковь каменну Св. Георгія, „и въ *Переславль* преведе отъ Клещина" (бывшаго не далеко отъ Переславля) „заложеніе церкви, и *заложи* во имя Всемилостиваго Спаса." Въ *Никонов.* сказано, что онъ перенесъ отъ Клещина *городъ Переславль.*

(377) Онъ назвалъ рѣку въ Переславлѣ Трубежемъ, въ Владимірѣ Лыбедью. Говорятъ, что супруга Георгіева *обступилась* на берегу рѣки близъ Дмитрова, сказала: *я хрома,* и сими словами дала ей имя Яхромы.

(378) Въ *Кіев. Лѣт.*: „прислалъ бо баше Ярославъ (Владимірковичь) уже

„но Берладника Святополка Князя (неизвѣстнаго) и Коснятина Сѣрослa-„вича съ многою дружиною."

(379) „Иже бѣгалъ предъ Климомъ," т. е. *отъ него*. О проклятіи см. *Воскресен. Лѣт*. II, 50. Митрополитъ Платонъ въ своей Церковной Исторіи говоритъ, что онъ не нашелъ въ лѣтописяхъ объ уничтоженіи Климентовыхъ ставленій. Въ *Воскр. Лѣт*. Ч. II, стр. 39: „и тогда извергоша „Климову службу и *ставленія* его, и сотвориле божественную службу, „и благословиша Князя Юрья Володимерича; а Попомъ и Діакономъ опять „повелѣ служити, ихъ же Климъ Митрополитъ ставилъ."

(380) Въ *Воскресен. Лѣт*. II, 38: „бысть поборникъ всей Рустѣй земли." Нифонтъ скончался въ 1156 году, Апрѣля 21 (такъ въ *Новогород.*, а въ другихъ 15 и 18), и погребенъ въ пещерѣ Ѳеодосіевой. О дружбѣ его съ Святославомъ см. *Кіев. Лѣт.*

Въ харатейной Кормчей Книгѣ или *Древнихъ Софійскихъ правилахъ* (Синодал. библіот. No 82) нашелъ я сочиненіе подъ именемъ: *Впрашаніе Кириково, еже впраша Епискола Ноугородьского Нифонта и инѣхъ*. Слѣдуютъ отвѣты на вопросы о грѣхахъ важныхъ и маловажныхъ. Вотъ мѣста любопытнѣйшія:

„А наимъ дѣля (для займа), рекше лихвы, тако веляше учити. Аже Попа, то рци ему: *не достоить ти служити, аще того не останеши*. А еже „простьца (мірянина), то рци ему: *не достоить ти имати*. И на мнѣ, „рци, грѣхъ не молвивше" (на мнѣ грѣхъ, если я не скажу того). „Да аже „не могутъ *ся хабити*" (оставить того) „*то рци имъ: будите милосер-„ди; взмете легко. Аще то 5 кунъ далъ еси, а 3 куны взми или 4*."

„А еже се, рѣхъ, идутъ въ сторону" (въ чужую землю) „въ Іерусалимъ „къ Святымъ, а другымъ азъ бороню (возбраняю), не велю ити: сдѣ велю „доброму ему быти." Нифонтъ похвалилъ за то Кирика, осуждая жизнь бродягъ.

„Зашедшю солнцю, не достоитъ мертвеца хоронити. Не рци тако: „*борзо дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода*" (спѣшимъ похоронить до заката солнечнаго); „но тако погрести, яко и еще высоко" (чтобы солнце было еще высоко) „како и вѣнець еще не сыметься съ него" (чтобъ было еще лучезарно). „То бо послѣднее видитъ солнце до общаго Вос-„кресенія." Какъ прекрасно сказано!

„Оже кости мертвы валяються гдѣ, то велика человѣку тому мьзда, „оже погребутъ ихъ."

„Рѣхъ ему (Нифонту): а оже, Владыко, се друзіи наложници водятъ „явѣ и дѣти родятъ, яко съ своею, и друзіи съ многыми отай робами, ко-„торое луче? *Се не добро*, рече, ни се, ни оно."

„А пъртъ дѣля" (ради одежды), „въ чемъ хотяче ходити, нѣтуть бѣ-„ды, хотя и въ медвѣдинѣ."

„А иже то роспустилася *мажжена*" (развелись супруги) „и передъ то-„бою, Владыко, тягавшася, что тѣмъ опитемья? Не дай, рече, причащенія „тому, который роспускаеться, а со инѣмъ совокупляеться. Али онъ у-„мирити начнеть, то *жо дай*."

„А сего вращахъ: аже у себе кладутъ дѣти спяче и утнетаютъ" (за-

душили) „убійство ли есть? Онъ же рече: аже трезви, то легчае; али „пьяни, то убійство есть."

„А сего прашахъ: аже велѣлъ бяше нѣкоторый Попъ сынови (духовно„му): *аже ся не можешь удържати* (отъ блуда), *буди съ одною!* Не вельми сему зазряше Владыка; рече бо: *не вельми Попъ тѣ волею велѣлъ, „нъ видя его многое неудержаніе, и повелѣлъ, да дръжитъ одину.*"

„А еже человѣкъ будетъ въ опитемьи, а пойдетъ на великый путь; „молитва раздрѣшьная (молитву разрѣшительную) дати ему, но атъ „држитъ заповѣдь. *Аще ли на рать пойдеть*, или разболиться, то дати „причащеніе."

„А се есть у женъ, аже не взлюбятъ ихъ мужи, то омываютъ тѣло „свое водою, и ту воду даютъ мужемъ: повелѣ ми дати епитемьи 6 не„дѣль." Это принадлежитъ къ исторіи тогдашнихъ суевѣрій.

„А оже се носили къ Варяжьскому Попу дѣти на молитву, 6 недѣль „опитемьи рече; занеже акы двовѣрци суть."

„А еже дѣтій дѣля (ради дѣтей) жены творятъ что любо, а еже взбо„лятъ (занемогутъ) или къ вълхвамъ несутъ, а не къ Попови на молитву, „то 6 недѣль (опитемьи) или 3, оже молоди."

(381) Въ *Новогород. Лѣт.* стр. 31: „сбрася весь градъ; люди изволиша „собѣ Епископъ поставити мужъ Богомъ избранъ Аркадія, и шьдше весь „народъ, пояша й изъ монастыря, и Князь Мстиславъ Гюргевицъ и весь „Клиросъ Св. Софіи... и введоша й, поручивше Епископью въ дворѣ Св. „Софіи, дондеже придетъ Митрополитъ въ Русь, и тогда пойдеши ста„виться."

Маловажные случаи Георгіева княженія суть слѣдующіе: Въ 1155 году пріѣхала въ Кіевъ Георгіева супруга изъ Новосиля; въ 1156 смѣненъ Новогородскій Посадникъ Судила, и въ пятый день умеръ; на его мѣсто избранъ Якунъ Мирославичь, и купцы заморскіе поставили церковь Св. Пятницы на торговой площади; скончался въ Кіевѣ Игуменъ Печерскій Ѳеодосій; поставленъ Епископъ Переяславскій Василецъ (Василій) и Галицкій Козма (Татищ. говоритъ, что Епископія переведена тогда изъ Перемышля въ Галичь). Суздальскій Епископъ Несторъ пріѣхалъ въ Кіевъ и лишенъ Епископіи, будтобы оклеветанный домашними, какъ сказываетъ *Никон. Лѣт.*, который прибавляетъ, что Несторъ оправдался, но снова былъ изгнанъ, ибо не дозволялъ ѣсть мяса въ Господскіе праздники, когда они случались въ Среду или Пятницу. Сей Лѣтописецъ говоритъ еще, что въ 1155 году ночью убитъ сродниками въ Бѣлѣградѣ Рязанскомъ Тысячскій Андрей Глѣбовъ, шли сильные дожди, *Татары* воевали Рязань, и Половцы, грабившіе на Быстрой Соснѣ, разбиты.

(382) См. *Воскр. Лѣт.* II, 26: „пойде (Святославъ) къ *Березову*, и яко „спа у *Санни.*" На сей страницѣ имя города *Ольгова* есть описка, вмѣсто *Глухова*. Въ *Никон. Лѣт.* и *Степен. Книгѣ* сказано, что Изяславъ Давидовичь, вступивъ въ Кіевъ, ограбилъ и заключилъ въ цѣпи многихъ Бояръ Георгіевыхъ; но это, по древнимъ лѣтописямъ, сдѣлалъ народъ, какъ мы выше говорили. Мстиславъ вышелъ изъ Владиміра къ Кіеву, по условію съ Изяславомъ, еще не зная о Георгіевой смерти, какъ надобно ду-

нать. Послѣ откроется, что Изяславъ удержалъ за собою часть области Черниговской.

(383) Въ лѣтописяхъ (см. Синодал. библ. No 349, л. 224): „въ лѣто „6663 приде изъ Кіева въ градъ Володимерь Князь Великый Андрей Юрье„вичь *безъ отца повелѣнія, его же лестію подъяша Кучковици.*" Далѣе тамъ же: „постави градъ *Боголюбный*, а обѣщался Св. Богородици чудо„творной, яже ему о ней сказаша въ *Вышегородѣ*, *въ женскомъ монасты„ри*, что крилошаны входять въ церковь, а та чюдная икона изъ мѣста „своего вышедъ стоитъ особѣ средъ церкви своей. И молися Князь Ан„дрей той иконѣ, и взя нощію святую икону безъ отча повелѣніа и по„ѣха на Русьскую землю съ своею Княгынею и съ своимъ Дворомъ, и по„ятъ съ собою крилошаны Вышегородскыя, Попа Микулу и зятя его, „Нестора Діакона; и много чюдеса быша идущемъ имъ до Володимеря отъ „чюдныя иконы, и постави ей храмъ на рѣцѣ на Клязмѣ, двѣ церкви ка„менны, и створи градъ *каменъ*" (см. *Кіев. Лѣт.* рукописн. стр. 517) „и „нарече ему имя: се есть мѣсто *Боголюбимое*. Ту же коня много били, „а конь съ того мѣста съ иконою не иде, и створи ту многы церкви „30." — Сія чудотворная икона находится нынѣ въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ, и называется Владимірскою. Объ ней сказано въ харатейныхъ лѣтописяхъ: „юже принесоша въ *единомъ корабли* съ *Пирогощею* „изъ Царяграда;" а въ *Степенной*: „принесенъ бысть къ нему (Георгію) „отъ Царяграда *Пирогощею купцемъ* Богоматере образъ, его же написа „богогласный Лука Евангелистъ." Сей мнимый *гость* есть, кажется, недоразумѣніе: ибо *Пирогощею* назывался также образъ Богоматери, привезенный въ Россію вмѣстѣ съ иконою Владимірскою. Еще Мстиславъ, въ 1131 году, заложилъ въ Кіевѣ церковь Св. Богородицы *Пирогощую*, какъ сказано въ лѣтописяхъ (см. выше, примѣч. 256). — Далѣе: „По смер„ти отца своего (Андрей) велику память створи, церкви украси и мо„настыри постави, и церковь скончя, юже бѣ заложилъ преже отецъ его „Св. *Спаса* камену."

(384) Сынъ Варяжскаго Князя, Симона, именемъ Георгій, былъ тамъ Посадникомъ (см. *Патерикъ*). Въ лѣтописяхъ: „Ростовци и Суждальци, „здумавши вси, пояша Андрея, сына его старѣйшаго, и посадиша й въ Ро„стовѣ на отни столѣ, зане же бѣ любимъ всѣми за премногую его до„бродѣтель, юже имяше прежде къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ." — Татищевъ вездѣ называетъ область Ростовскую и Суздальскую *Бѣлою Русью*: чего нѣтъ въ лѣтописяхъ, гдѣ Андрей, подобно отцу его Георгію, называется обыкновенно Суздальскимъ Княземъ, или Суздальскимъ и Ростовскимъ.

(385) Борисъ Георгіевичъ умеръ въ 1159 году, Маія 12. Въ лѣтописяхъ: „и положиша й братья у Святою Мученику, юже бѣ со„здалъ отецъ его Гюрги на Нерли, идѣ же бѣ становище Святою Муче„нику Бориса и Глѣба." — Прадѣдъ Юрія Ярославича, Вел. Князь Изяславъ, былъ старшій сынъ Ярослава Владиміровича. — Въ лѣтописи: „съ „нимъ (съ В. К. Изяславомъ) иде Ярославъ Изяславичь изъ Лучьска и Ан„дреевичь Ярополкъ" (братъ Владиміра, внукъ Мономаховъ) „и Галичьская

„помочь и Ростиславичь Рюрикъ съ Смольяны, и Володимеръ Мстисла-„вичь къ Турову."

(386) „А Полочане, пришедше къ Турову, пожгоша села его, а Берен-„дичи воеваша около Пиньска" (принадлежавшаго къ Туровской области) „и за Припетью." — Глѣбъ Ростиславичь былъ внукъ Глѣбовъ и правнукъ Всеславовъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: „и пріѣха (Рогволодъ) къ Случеску и „нача слатися къ Дрьючаномъ ...... и выѣхавше противу ему болѣ 300 „лодій Дрьючанъ и Полочанъ; и выиде къ городу съ честію великою... „Иде (Ростиславъ Глѣбовичь) съ Всеволодомъ и съ Володаремъ (его братьями) и съ всею братьею на Рогъволода... и біахуся крѣпко... Дрьючане же укориваху много... и цѣловаша (Ростиславъ съ Рогволодомъ) „крестъ межю собою и прида волости Рогъволоду... Въ то жь лѣто „съвѣтъ золъ съвѣщаша на Князя своего Полочане ... и послашась въ „тайнѣ къ Рогъволоду Борисовичю Дрьютску, рекучи ему: Княже! съгрѣ-„шили есмо къ Богу и тебѣ, иже въстахомъ на тебе безъ вины... тя „емше выдахомъ Глѣбовичамъ на великую муку... да аще не помянеши „того, и крестъ къ намъ цѣлуеши, то мы людіе твои.... Рогъволодъ же „цѣлова къ нимъ крестъ.... И бяху пріатели Ростиславу отъ Полочанъ, и повѣдаху, иже хотятъ й яти, и начаша Ростислава звати лестію въ Братщину къ Св. Богородицѣ Старѣй на Петровъ день, да ту „имутъ его... и не смѣша нань дрьзнути... Бяше Князь въ то время на „Бѣлчици.... Обаче безъ всякаго извѣта (на другой день) „ѣха къ нимъ „въ городъ... Въротися опять и съвокупися весь съ дружиною на Бѣл-„чици и пойде полкомъ къ брату къ Володареви къ Мьнску, и много зла „сътвори волости Полотской, и скоты, и челядью... И послашась По-„лочане по Рогъволода, и вниде мѣсяца Іюля... И потомъ съвокупи По-„лочаны, и Ростиславъ Мьстиславичь (Смоленскый) пусти ему Давыда „сына въ помочь, Романа и Рюрика" (его же сыновей) „съ Смолняны и „Новогородци и Плесковичи, и самъ бяше пошелъ, (но) повороти й Ар-„кадей Епископъ Новогородскый, идя изъ Кыева; и поидоша на Ростислава къ Мьнску, и пріидоша къ Изяславлю на Всеволода. Онъ же за-„творися... Имѣя въ собѣ (Всеволодъ) велику любовь къ Рогъволоду, и „на ту любовь надѣяся, ѣха къ Рогъволоду поклонися. Рогъволодъ же „вда Изяславль Брячиславу" (Васильковичу, правнуку Всеслава): „того бо „баше отчина; а Всеволоду да Стрѣжевъ" (см. выше, примѣч. 250) „и пой-„де къ Мѣнску, и стоя 10 дній, и сътвори миръ", и проч. Татищевъ, имѣя весьма худой списокъ Кіевской лѣтописи, вмѣсто *Стрѣжева* поставилъ *Туровъ*. Ниже въ лѣтописи: „ходяше подъ Литвою (Володарь) „въ лѣсѣхъ" (а не въ *Лясѣхъ*).

(387) Въ *Кіев. Лѣт.*: „Послаша послы къ Изяславу Давыдовичю, Ярославъ „Галицкый Избыгнѣва, Святославъ Олговичь Жирослава Иванковича, Ростиславъ Мьстиславичь и Мьстиславъ Изяславичь Жирослава Васильевичь, „Ярославъ Изяславичь Онуфріа, Володимеръ Андреевичь Гаврила Васильевича, Святославъ Всеволодичь Кіанина, Король (Венгерскій) мужа своего

„и отъ Ляховъ мужъ свой. Изяславъ же препрѣвъ всѣхъ, отпусти я́....
„Иванъ же (Берладникъ) тогда уполошися (испугался), ѣха въ поле къ
„Половцемъ, и шедъ съ Половци и ста въ городѣхъ *Подунайскыхъ*, и из-
„би 2 кубарѣ, и взя товары много въ нею, и пакостяше рыболовомъ
„*Галицкымъ*" (слѣдственно тутъ было *Галицкое* владѣніе) .... „и прі-
„доша Половци мнози къ Берладнику, и съвокупи ихъ 6000, и пойде къ
„*Кучелмину*" (не къ мѣстечку ли *Кутѣ* близъ Ушицы?) „и ради быша
„ему, и оттуда къ Ушици; ту же вошла бѣ въ городъ засада Ярославля,
„и начаша битися, а смерди (простые граждане) скакаху черезъ заборо-
„лы (стѣны) ко Иванови, и перебѣже ихъ 300. Половци же хотяша
„взяти градъ, но не дасть самъ Иванъ, и разгнѣвавшеся на него прочь
„поидоша. Посла же Изяславъ по Ивана и приде къ нему." — Города Мо-
зырь и Чечерскъ были въ землѣ Дреговичей (нынѣ въ Губерн. Могилев-
ской и Минской).

(388) Въ *Кіев. Лѣт.*: „иже на тя хотять, то Боже мя избави волости
„тоя: ты ми брать... Сняшася (съѣхались) въ *Латанѣ*" (по другимъ спи-
скамъ въ *Лтавѣ*) „Изяславъ и Святославъ и сынове его, Олегъ и Игорь
„и *Всеволодимеричь*" (вмѣсто *Володимеричь*) „Святославъ." — Далѣе: „Свя-
„тославъ же посла по немъ (за Изяславомъ) Юрья Ивановичь, Шарукана
„брата, и постиже его въ Василевѣ." Изяславъ звалъ съ собою и Свя-
тослава Всеволодовича; а Святославу Олговичу въ гнѣвѣ сказалъ: „начнеши
„попользывати къ Новугороду изъ Чернигова." — Имя *псарей* употреб-
лено здѣсь въ смыслѣ черни, или сволочи. Святославъ въ числѣ семи бѣд-
ныхъ городовъ своихъ именуетъ Моравійскъ (Моровскъ), Любечь, *Оргище*,
Всеволожь. — Изяславъ услышалъ въ Мунаревѣ (близъ Кіева) о походѣ
Галицкаго и Волынскихъ Князей. Племянникъ его, Святославъ Владиміро-
вичь, привелъ къ нему въ Васильковъ многихъ *дикихъ* Половцевъ; у Бѣ-
лагорода подоспѣлъ къ нему Ханъ Башкордъ, вотчимъ Святослава Влади-
міровича (см. выше, примѣч. 343) съ 20,000. — Изяславъ еще въ 1157 го-
ду заключилъ съ Половцами союзъ въ Каневѣ. Далѣе: „Яша (Берендѣи)
„въ зажитіи" (фуражированіи) „Козьму Сновидовича (Мстиславова Боя-
„рина) съ Отрокомъ, и пославша Отрока того нощію въ городъ, *написав-
„ше ему знаменіе* свое" (то есть, нѣкоторые знаки, вмѣсто имени) „и
„рѣша ему: *иди ко Мстиславу*," и проч. Начальники Берендѣевъ называ-
лись Тудоръ Сатмозовичь, Каракозъ Міюзовичь, Карасъ и Коней. Мсти-
славъ посылалъ къ Берендѣямъ Олбыря Шерешевича и далъ имъ клятву
наградить ихъ. — Изяславъ стоялъ 12 дней подъ Бѣлымгородомъ. Влади-
міръ Мстиславичь держалъ его сторону и былъ съ нимъ.

(389) „Ростиславъ же (изъ Смоленска) посла къ нимъ (племянникамъ и
„Галицкому Князю) Ивана Ручника и Якуна, отъ Смолнянъ мужа и отъ
„Новогородецъ"... Описывается распря о Митрополитахъ. Далѣе: „по-
„сла къ нимъ опять сына своего старѣйшаго Романа къ Кыеву съ любо-
„вію, и уряде и Мстиславъ Вышегородѣ," и проч. Вѣроятно, что Ми-
трополитъ Клименть жилъ тогда въ Владимірѣ Волынскомъ, у Мсти-
слава.

(390) „Идѣ же Игорь лежитъ Ярославичь, въ теремци." О людяхъ убитыхъ громомъ въ Кіевѣ: „Двое Поповъ, да Діакона, и четыре простьци" (изъ простыхъ людей). — Лѣтописцы прибавляютъ, что надъ тѣломъ Митрополита, лежащемъ въ полѣ, видны были 3 столпа огненные, отъ земли до неба. — *Никон. Лѣт.* баснословитъ о страхѣ Мстислава Изяславича, и проч.

(391) „Не льзѣ бяше дойти до търгу сквозѣ городъ, ни по гребли, ни „на поле выйти смороды ради."

Въ 1157 году скончался въ Новѣгородѣ Игуменъ Андрей; на его мѣсто избранъ Алексій; а 7 Ноября ночью, при ужасномъ блескѣ молніи, шелъ градъ, величиною болѣе яблока. Въ 1158 скончалась Софія Ярославовна, супруга Ростислава Глѣбовича (Полоцкаго или Кривскаго). Епископъ Аркадій ходилъ ставиться въ Кіевъ и возвратился въ Новгородъ Сент. 13. Поставленъ Леонъ (у Татищ. *Игуменъ Владычня монастыря*) Епископомъ въ Ростовъ, а Діонисій Игуменомъ Георгіевскаго монастыря въ Новѣгородѣ. Татищевъ пишетъ, что въ семь же году родился у Глѣба Юрьевича сынъ Епифаній или Владиміръ.

(392) Ростиславъ еще въ 1158 году, возвратясь съ Княгинею своею изъ Новагорода въ Смоленскъ, оставилъ дѣтей въ означенныхъ городахъ (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 32). — Въ *Кіев. Лѣт.*: „вниде (Ростиславъ) въ „Кыевъ Априля въ 12 день на Воскресенье: тогда бо бѣ и Паска." Сей Лѣтописецъ и здѣсь уходитъ годомъ впередъ: что есть ошибка. Пасха была 12 Апр. въ 1159, а не въ 1160 году.

(393) Изяславъ чрезъ Вышегородъ бѣжалъ въ Гомель, пославъ за женою, которая уѣхала къ зятю, Глѣбу Юрьевичу, въ Переяславль; оттуда въ Городокъ или Остеръ, Глѣбль или нынѣшній Глѣбовъ, въ *Хоробōръ* и Юропескъ или Старый Ропскъ, гдѣ встрѣтилъ ее Ярославъ Всеволодовичь (а не Владиміровичь), братъ Святослава Всеволодовича, двоюродный племянникъ Изяславовъ, и вмѣстѣ съ нею отправился къ дядѣ въ Гомью или Гомель. Въ лѣтописи: „Изяславъ взя городъ Княгининъ Святославлеа на „щитъ ... и зая Вятичи ... Святославъ же увѣдавъ, иже *Обловъ* взяша, и „Вятичи", и проч. Далѣе сказано въ *Кіев. Лѣт.*, что Юрій Ярославичь Туровскій ходилъ воевать Путивль и *Вырь*; но въ харатейныхъ и во всѣхъ другихъ здѣсь наименованъ Изяславъ Давидовичь: что и справедливо. *Вырь* называется теперь Старыми Вирами, на границѣ Курской и Слобод. Украинск. Губерніи. „Выревци жь не пустиша его. Онъ же възвратися иде „въ *Зарытый*" (нынѣ село Разрытое, между Рославлемъ и Мглиномъ) „и „ту пребывъ, опять възвратися въ Вырь."

Въ *Кіев. Лѣт.*: „Того же лѣта сняся Ростиславъ съ Святосл. Олговичемъ „въ Моравійскѣ" (близъ Остера) „Маіа въ 1 день ... Ростиславъ позва „Святослава къ собѣ на обѣдъ, и ѣха къ нему безъ всякого извѣта ... „Да Ростиславъ Святославу соболми, и горностаимы, и черными кунами, „и песци, и бѣлыми волкы, и *рыбьими зубьми* (см. Т. III, примѣч. 128). „На заутріе же позва Святославъ Ростислава къ собѣ на обѣдъ, и тако „быста веселясь паче вчерашняго дне. Да Святославъ Ростиславу пардусъ „и 2 коня борза и кованы сѣдлу."

(394) См. выше, примѣч. 285. Вѣроятно, что въ Берладѣ жили тогда Печенѣги и Волохи, о коихъ Византійскіе Лѣтописцы упоминаютъ въ 1160 году (Memor. popul II, 901; см. также нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 65) вмѣстѣ съ Россійскими выходцами.

(395) „Посла Ростиславъ изъ Кыева Юрья Несторовича и Якуна въ на„садѣхъ на Берладникы, иже бяху Олешье взяли, и постигше ихъ у *Дѣд„цина,*" и проч. См. выше, примѣч. 147.

Половцы злодѣйствовали въ окрестностяхъ Носова и рѣки Альты, плѣнили 23 Іюля болѣе 800 человѣкъ, грабили близъ Котельницы (въ Кіевск. Губ. западнѣе Василькова) и взяли Шеломницу, село Княгини, супруги Мстислава Великаго. Владиміръ Андреевичь (внукъ Мономаховъ, а не Георгіевъ), Ярославъ Изяславичь, братъ Мстислава Волынскаго, и Галичане разбили ихъ между Ярополчемъ и Мунаревымъ (на западной сторонѣ Днѣпра), а Берендѣи въ *Облазнѣ* (мѣстѣ неизвѣстномъ). Въ *Кіев. Лѣт.*: „Олегъ „Святославичь (сынъ Черниговскаго) изби Половци, и Сантуза уби, По„ловецкого Князя."

(396) „Пріидоша Половци мнози къ Изяславу Дав. къ Выреви . . . и пой„де къ Чернигову . . . и сташе возлѣ Десну по *Крылову,* оли до устья, а „внизъ до *Гостяничь.* У Святослава же бѣ сыновецъ его, Свят. Всеволо„дичь, и Рюрикъ Ростиславичь бяше понялъ у Святослава Всеволодича сы„на его, Всеволода, увѣряя Кыяне и Берендѣи, бяху бо не вѣрующе . . . . „Бьяхутся Черниговцы о Десну крѣпко, овіи на конехъ, инии же въ наса„дѣхъ . . . Они же (Половцы) села пожгоша . . . . Ростиславъ же пусти къ „нимъ (Черниговцамъ) Ярослава Изяславича и Володимера Андреевича и „Галичскую помочь . . . . Сіи же не обрѣтоша (Изяслава), и идоша по немъ „днище . . . и разыдошася кійждо во своясi. Изяславъ же дойде Игорева го„рода, и ту постиже й вѣсть изъ Чернигова отъ пріятель его . . . Свя„тославу же столицу станы предъ городомъ съ Княгинею и съ дѣтми, „бывшу же тогда дни Недѣльному, и приде Изяславъ къ Деснѣ противу „*Свѣнчиковичемъ,* и на зари препроводи Половци чрезъ Десну . . . Половци „селце всемилостиваго Спаса зажгоша . . . . И Тудоръ Елчичь съ Галиче„скою помочью взвратися . . . . . Молодыхъ же перебравъ Святославъ и от„пусти съ Берендичи и съ *Каепичи* на Половци." Каепичи, единоплеменники Торковъ и Берендѣевъ, принадлежали къ числу Черныхъ Клобуковъ. Далѣе: „много ихъ (Половцевъ) избиша, и люди отполониша своя . . . Изя„славъ же ѣха опять за Десну . . . къ Выреви. Володимеръ же (Андреевичь) „просятиеся у Святослава ѣхати по немъ: Святославъ же пусти его, и „пойде по немъ весь самъ."

Въ *Кіев. Лѣт.*: „Пожже (Святославъ) острогъ около города (Выря); въ „городѣ бо затворился бяше съ Княгынею Иванъ Ростиславичь, а самъ „Изяславъ шелъ бяше въ поле (степь) . . . И ту стоявше, идоша (Свято„славъ съ союзниками) къ Зарытому, и ту пожегше, възвратишася въ „своясi." Въ другихъ лѣтописяхъ: „Ко Изяславу же пріидоша Половци, и „иде къ *Воробїинѣ* и *Рогусѣ,* и ту повоевавъ иде къ сыновцу своему, къ „Вщижю. Тое же зимѣ иде на Смоленскую волость Изяславъ, и тамо много „зла сътвориша Половци, и взяша душъ болѣй тмы, а иныи исѣкоша. Изя-

„славъ же отшолъ посла къ Гюргевичу къ Андрею, испроси у него дщерь „за сыновца своего . . . и помочь; посла къ нему (Андрей) сына своего Изя„слава съ всѣмъ полкомъ своимъ, и Муромская помочь съ нимъ.

(397) Сей городъ теперь неизвѣстенъ; знаемъ только, что онъ былъ сѣвернѣе Стародуба и не далеко отъ него: ибо Святославъ Владиміровичь княжилъ въ томъ и другомъ. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Пойде Святославъ къ Вщи„жю, и Всеволодича съ нимъ оба, и Рюрикъ съ Кыевскымъ полкомъ, и „Олегъ Святославичь, Романъ (Ростиславичь) *изъ* Смоленска, Всеславъ „(Васильковичь) изъ Полоцка, Ксятинъ Сѣрославичь съ Галичаны, и стоа„ша у него 5 недѣль . . . и на томъ цѣлова крестъ Володимеричь къ Свя„тославу, яко имѣти ему его въ отца мѣсто . . . . Андрей же посла къ „Новогородцемъ (изъ Волока), река *имъ: вѣдомо буди*, хочю искати Нова„города и добромъ и лихомъ; а крестъ есте были цѣловали на томъ къ „мнѣ, яко имѣти мене Княземъ собѣ, а мнѣ вамъ добра. И отттолѣ нача„шася Новгородци мясти и Вѣче часто начата творити," и проч.

(398) Татищевъ пишетъ, что жена Святославова ушла изъ темницы въ монашескомъ платьѣ.

Далѣе въ лѣтописи: „Повелѣ (Великій Князь) поимати Новгородцевъ и „вметати ихъ въ порубъ, и въ едину нощь умре ихъ 14 человѣкъ; и повѣ„даша Ростиславу, яко задохлися суть въ погребѣ, и печаленъ бысть, и „повелѣ прочыхъ розвести по городомъ." *Никонов. Лѣт.* прибавляетъ, что Новогородцы ограбили пословъ Ростиславовыхъ и сослали въ заточеніе. — Далѣе: „Новгородци послашася къ Андрею въ Суждаль, просяще „у него сына. Онъ же сына не даде имъ, но нача имъ давати брата, Мсти„слава; они же его не восхотѣша (прежде бо того княжилъ у нихъ) и „пусти къ нимъ сыновца своего, Мстислава Ростиславича — и введоша й „мѣсяца Іюня въ 21 . . . . Святославъ же уйде изъ Ладоги и иде на Поло„тескъ. Рогволодъ же изъ Полотска допровади й до Смоленска."

(399) „Посла Ростиславъ ко Святославу, глаголя: посли ми сына, да „познаетъ люди лучшіе, Кыяны и Берендичи и Торкы . . . Олегъ же при„шедъ во *Олжичи*, посла къ Ростиславу, река: гдѣ ми стати? и повелѣ „ему у Ольгови (могилы) стати; а самъ стоя у *Шелвовое* (нынѣ Шулявщина) селца подъ боркомъ, и бысть у него по два дни на обѣдѣ. Въ тре„тій же день ѣдущу Олгу, и сша на полѣ, и усрѣте его передній мужъ „(знатный Бояринъ) Ростиславль, и рече: *Княже! имамъ орудье* (дѣло) „*до тебе велико, да извѣсти ми ся, яко не явити ти никому*; и клася „ему . . . . Олегъ же вину положи матерню болѣзнь" (сказавъ, будто у него мать больна), „и нача проситися у Ростислава . . . . Пришедъ Чернигову, не яви того отцю, но гнѣвася на отця втайнѣ, и начась просити „ко Курску . . . и се постигоша й посли Изяславли съ любовною рѣчью . . . „Уже бо бѣша и Всеволодичи (Святославъ и Ярославъ) сложилися съ Изя„славомъ," и проч. — Далѣе Вельможи говорятъ Святославу: „А уже еси, „Княже, и волость свою погубилъ (т. е. землю Вятичей), держася по „Ростислава; а онъ ти лѣниво помогаетъ." Татищевъ придумалъ здѣсь нѣкоторыя обстоятельства.

(400) „И пришедше Божницѣ“ (*Давидовой*: см. выше, примѣч. 334) „Днѣпрь „перейдоста .... и пришедъ Кыеву, и ста на болоньи въ лозахъ (садахъ „виноградныхъ) противу Дорогожичи .... Загорожено бѣ тогда Подолье „столпіемъ отъ горы и до Днѣпра.“ — Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Половцы зажгли домъ Попа Лихача и Радиславовъ. Далѣе: „Иде (Ростиславъ) „прочь со всѣмъ полкомъ своимъ и со Княгынею.“ *Никон. Лѣт.* выдумываетъ здѣсь рѣчи, сравненія и проч. Далѣе въ лѣтописи: „Опроста (Изя„славъ) всѣхъ Кыянъ, ихъ же бѣ поималъ Ростиславъ въ крамолѣ.“

(401) „А въ Выри не могу голодомъ терети, а лучше здѣ умрети:“ видно, что Изяславъ тогда уже владѣлъ Курскими городами, которыхъ прежде не могъ взять.—Далѣе: „Пойде Мстиславъ изъ Володимера къ Бѣ„лугороду и съ Галичьскою помочью, а Рюрикъ, сынъ Ростиславль, изъ „Торческа съ Володимеромъ Андреевичемъ“ (который былъ прежде осажденъ Ростиславомъ въ Кіевѣ) „и съ Василькомъ Гюргивичемъ и съ Берен„дѣи и съ *Коуи*“ (Каспичами? см. выше, примѣч. 396) „и съ Торкы и съ „Печенѣгы, и сташася вси у Котельницы съ Мстиславомъ.“ Василько Юрьевичь жилъ тогда, какъ видно, въ прежнемъ Поросскомъ Удѣлѣ своемъ; но тамъ начальствовалъ уже Рюрикъ, сынъ Великаго Князя. Ярославъ и Ярополкъ Изяславичи пріѣхали къ дядѣ въ самый тотъ день, какъ онъ вышелъ изъ Кіева. *Никонов. Лѣт.* изобрѣлъ тутъ Ляховъ, Чеховъ и множество другихъ обстоятельствъ.

Далѣе: „Изяславъ же, ни полковъ видѣвъ, побѣже. Ростиславъ же съ „Ярославомъ и Ярополкомъ выидоша изъ города и дождаша брани своей .... „Торци же постигоша возы на Желяни, и ту избиша много Половець и „Черниговець, а полки побѣгоша отъ *Булигъ*, и ту начаша сѣщи ӗ ... „Яша тогда Шварна и Миляшича оба, Степана и Якуна, и Нажира Пе„рославича, Бояръ Изяславлихъ, а самого Изяслава постигоша къ озерамъ, „въѣздяще въ борокъ; постиже ӗ Выйборъ Геневичь и сѣче его по гла„вѣ саблею, а другій боде ӗ во стегно и вздыме ӗ (поднялъ его на копьѣ) „и ту паде съ коня.“ Лѣтописцы разсказываютъ, что въ то время, какъ Изяславъ пошелъ изъ Кіева къ Бѣлугороду, было удивительное небесное знаменіе: „идяше бо луна измѣняючи образъ свой; бысть яко сукно черно, „и пакы яко кроваво; и потомъ бысть яко двѣ лици имуще, едино зеле„но, а другое желто, и посреди ея яко два ратна сѣкущися мечема, и „единому идяше яко кровь изъ головы, а другаго бѣло аки млеко течаше. „Рекоша же старіи людіе: *не благо есть се знаменіе; прообразуетъ Княжю* „смерть.“ *Никон. Лѣт.*, говоря о ранахъ Изяславовыхъ, выдумалъ *самострѣлъ* и проч. Въ *Патерик.*, въ житіи Святоши, л. 181: „нѣкогда же со„грѣшивъ (Изяславъ), не дерзну взяти ея (власяницу) на себе, и тогда „убіенъ бысть на брани.“ Въ лѣтописи: „Повелѣша нести тѣло его въ „монастырь къ Семіону, иже есть въ Копыревѣ конци (въ Кіевѣ), и от„толѣ послаша ӗ къ Чернигову. Святославъ же, срѣтшавъ тѣло его (13 „Марта) со слезами во отчинѣ его, въ церкви Бориса и Глѣба ..... Въ „то же лѣто преставися Князь Иванъ Ростиславичь, рекомый Берлад„никъ, въ Селуни; иніи тако молвяху, яко отъ отравы бысть ему „смерть.“

(402) Въ *Кіев. Лѣт.* сказано, что Новогородцы выгнали Мстислава; но *Лѣт. Новогород.* говоритъ: „Урядися Ростиславъ съ Андреемъ о Новгородѣ, и выведоста Мьстислава, Юрьева внука, сѣдевшу ему годъ до года безъ недѣли; а Святослава введоша опять на всей воли его Сент. 28."

(403) Въ *Кіев. Лѣт.*: „много рѣчей воспа межи има." Татищевъ несправедливо пишетъ, что сынъ Ростислава, Давидъ, безъ его вѣдома взявъ Торческаго Мстиславова Намѣстника подъ стражу, былъ причиною сей вражды. Въ лѣтописяхъ: „Иде Мстиславъ изъ Кыева, разгнѣвашеся на „стрыя... Давидъ же безъ отечня повелѣнья иде въ Торьцскый" — слѣдственно уже послѣ раздора. Далѣе: „Ростиславъ посла сына своего, Мстислава, въ Бѣлгородъ." Великій Князь поссорился съ Мстиславомъ въ 1161 году, а примирился въ 1163, и вмѣсто Триполя (см. ниже) отдалъ ему Каневъ.

(404) „Того же лѣта (1162) Рюрикъ и Святополкъ Гюргевичь Туровскій" (сынъ Юрія, правнукъ Святополка Михаила) „и Святославъ Всеволодичь съ братомъ Ярославомъ и съ Кривскыми Князи идоша къ Слуцку „на Володимера на Мьстиславича. Володимеръ Слуцка оступи имъ, а „самъ иде къ Кыеву къ брату Ростиславу. Ростиславъ же дасть ему „Треполь и ины 4 городы."

Въ *Кіев. Лѣт.*: „тое же зимы (въ 1160 или 1161 году) ходи Мьстиславъ Изяславичь и Ярославъ, братъ его, и Ярополкъ, Андреевичь Володимеръ и братъ его Ярополкъ къ Турову на Гюрга на Ярославича, и „стояша полтретьи недѣли, и не успѣвше ничто же възвратишась." Ростиславъ заключилъ миръ съ Юріемъ въ 1162 году.

Великій Князь отдалъ Роману Васильевъ и Красный въ 1165 году. Сей Романъ, правнукъ Мономаховъ, былъ, какъ вѣроятно, сынъ Вячеславовой дочери (см. выше, примѣч. 365). — Въ лѣтописи: „Того же лѣта (1163) Ляхове повоеваша около Чрьвна."

(405) См. *Библіот. Росс.* стр. 255. — Въ *Степен.* I, 284, и во многихъ лѣтописяхъ: „Аще и многу добродѣтель стяжа (Андрей) къ Богу, но „обаче побѣждашеся властолюбіемъ, единодержатель быти желаше всему „отеческому наслѣдію." *Никонов. Лѣт.* сказываетъ намъ, что Андреевы домашніе поссорили братьевъ. — Андрей выгналъ братьевъ въ 1162 году.

Вѣроятно, что вторая Георгіева супруга была *Греганка*, ибо она уѣхала въ Царьградъ; но Историки наши безъ всякаго основанія именуютъ ее Греческою *Царевною Еленою*. Родословная Византійскаго Императорскаго Дому не представляетъ намъ ни одной Царевны Елены, на которой могъ бы жениться Георгій (см. Дю-Канжа Famil. August. Byzant.). Княгиня же Елена, умершая въ Владимірѣ въ 1183 году, была не супруга, а дочь Георгія Долгорукаго, сестра Андреева, вопреки *Никон. Лѣтописцу* (см. ниже).

Въ лѣтописи: „Дасть Царь Василькови Дунайскіе 4 города, а Мстиславу дасть волость отъ Аскалана." Въ Византійскихъ лѣтописяхъ названъ первый *Василикою, Георгіевымъ сыномъ* (см. Memor. popul. II, 1021, гдѣ упомянутъ еще другой Князь Россійскій Bladistblabos, имѣвшій въ Греціи послѣ Василька тотъ же Удѣлъ.) Мстиславъ, по харатейнымъ лѣ-

тописямъ, въ 1166 году удалился въ Заволочье. Императоръ Греческій не могъ сему Князю дать Аскалонской области, ибо она принадлежала тогда Королямъ Іерусалимскимъ.

(406) *Кіев. Лѣт.* сказываетъ, что Святославъ преставился въ 6672 году, *Февр.* 15 въ Понедѣльникъ (т. е. уже въ 1165 году), а погребенъ 17. Далѣе: „Рекоша дружина Олгови: Княже! не стряпай (не медли); ѣди вборзѣ. Всеволодичь бо не добрѣ жилъ съ отцемъ твоимъ и съ тобою; аци „что замыслить лихое. Олегъ же не заста отца живого: тайна бо смерть „его за 3 дни до Олгова пріѣзду. Се жь створи Княгиня сгадавши съ Епи„скопомъ и съ мужи передними, и цѣловаша Св. Спаса на томъ, яко же „не послатися къ Всеволодичю... И рече Гюргій Тысяцькый: намъ бы„ло не лѣпо дати Епископу цѣловати Св. Спаса..... И рече Епископъ: „паче же, сынове, вамъ молвлю, да не будете предатели яко Іуда. Се же „молваше, лесть тая въ собѣ: бяше бо родомъ Гречинъ... и списавъ гра„моту, посла къ Всеволодичю.... И посла Олегъ съ крестомъ Ивана Ра„диславича къ Святославу... Реклъ (Святославъ) крестъ цѣлуя: брата „ти надѣлю Игоря и Всеволода... и не управи." Далѣе: „Преставися (въ „1166, а не 1167 году) Святославъ Володимеричь, внукъ Давыдовъ, въ Вщи„жѣ. Въ то же лѣто (1166) взя рать Свят. Всеволодичь съ Олгомъ про „Володимерича. Олегъ бо просяше въ правду надѣленія. Святославъ же не „пода ему, но вда брату своему лѣпшю волость, а сына посади въ Вщи„жи. Ростиславъ же усмотрѣвъ правду, иже обидитъ Святославъ Олга, „нача помогати Олгови; много же посыла къ Святославу, добра имъ хо„тѣ. Святославъ же не послуша. Олегъ же поѣха къ Стародубу. Старо„дубци бо прислаху ся ко Олгови, и упереди помочь Ярославля въ городъ, „и горожаномъ не лзѣ бы мысли своея створити. Олегъ же воротясь „опять съ гнѣвомъ, и много взя полонъ. Святославъ же посла брата Яро„слава съ Половци къ Новугороду, и дошедше Молочны рѣки, и вороти„шась вдалѣе 15 верстъ отъ града. Олегъ же бѣ въ то время нездравуя „вельми, яко не мощи ему на конь всѣсти. Ростиславъ же нача слати къ „Олгови, веля ему умиритися; онъ же послуша его," и проч.

Первая супруга Олегова, дочь Георгія Долгорукаго, умерла въ 1165 году. Олегъ въ томъ же году, Іюня 29, женился на дочери Ростислава, Агаѳіи.

(407) „Того же лѣта (1159) яша Глѣбовичи Володшу и Брячислава во „*Изяславли*, и всадиша Володшу въ порубъ, а Брячислава окована держа„ху... Въ то же лѣто ходи Рогволодъ съ Полочаны на Ростислава Глѣ„бовича къ Мѣнску; послалъ же бяше Ростиславъ изъ Кыева помочь Рог„володу съ Жирославомъ съ Нажировичемъ Торкъ бoo, а ты почерпе го„лодомъ и пріидоша пѣши, и не дождаша миру," и проч. Далѣе: „Въ то „же лѣто (1160) ходи Рогволодъ къ Мѣнску на Ростислава Глѣб., и створиша „миръ... Того же лѣта (1161) приходи Рогволодъ на Володаря съ Полочаны „къ Городцу. Володарь же на нощь выступи нань изъ города съ Лит„вою... овыхъ избиша, а иныхъ изымаша... Рогволодъ же вбѣжа въ Случескъ, „и ту бывъ 3 дни, иде къ Дрютескъ, а къ Полотску не смѣя ити, зане же бѣ „много погибе Полочанъ." Далѣе: „Полочане же посадиша у собе Василькови„ча Всеслава." Васильковичи были правнуками Всеслава Полоцкаго, а

Рогволодъ Борисовичь его внукомъ. — Давидъ Ростиславичь господствовалъ въ Витебскѣ съ 1165 года. — Далѣе: „Пойде Володарь къ Полтеску „ратію (въ 1166 г.). Васильковичь же Всеславъ иде противу; и не да имъ „(Полочанамъ) совокупитися, но ударп (Володарь) изъ пезаны (засады)... „Всеславъ же бѣжа Витебску... Пойде Володарь на Давыда и Всеслава... „и начашася бити объ рѣку. — Давыдъ же не да ему пляку (битвы), занеже „ждаша брата *Романа* съ Смолняны.... въ полунощи бысть громъ, и се „слышашеся имъ (дружинѣ Володаревой), яко выбродятся чрезъ рѣку, и „рекоша Володареви: се Романъ бродится, а отсюду Давыдъ; и побѣже „Володарь... и пусти по нихъ (Давыдъ)... По лѣсу блудящихъ много „изымаша, и посла Всеслава Полтеску."

(408) Съ Андреемъ былъ его братъ Ярославъ и сынъ Изяславъ.

Въ *Прологѣ* и въ *Степен. Книгѣ* сказано, что праздникъ Спаса, Авг. 1, уставленъ Патріархомъ Лукою, Россійскимъ Митрополитомъ Константиномъ и Ростовскимъ Епископомъ Несторомъ по случаю одержанныхъ побѣдъ въ одинъ день Императоромъ Мануиломъ надъ Сарацынами, а нашимъ Княземъ Андреемъ надъ Болгарами. Андрей разбилъ Болгаровъ въ 1164 году, а Митрополитъ Константинъ скончался въ 1159.

Въ лѣтописи: „Князь же Болгарскый утече до Великого города..... „Взяша (Россіяне) градъ ихъ славный Бряхимовъ." Татищевъ полагалъ Бряхимовъ на Сурѣ.

(409) См. *Больш. Черт.* стр. 273. *Ворочая*, какъ тамъ означено, впадаетъ въ Ладожское озеро между рѣками Пашею и Сасемъ: нынѣ Сальма.— Новогородцы разбили Шведовъ въ 1164 году, Маія 28.

Шведскій Король Эрикъ завоевалъ Финляндію въ 1157 году и старался неволею обратить жителей въ Христіанскую Вѣру (см. Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 84).

(410) Въ 1162 году Половцы, грабя въ окрестностяхъ Триполя, убили Выйбора, который разсѣкъ голову Изяславу Давидовичу (см. выше, примѣч. 401) Черные Клобуки разбили ихъ на берегахъ Роси и плѣнили болѣе 500 человѣкъ, въ томъ числѣ Княжичей Ихва, Татназовичей и другихъ. Тамъ же въ 1165 году поразилъ хищниковъ Василько, сынъ Ярополка Изяславича; дружина его обогатилась оружіемъ и конями; самъ Князь за освобожденіе плѣнниковъ взялъ много денегъ или вещей. Въ 1166 году Половцы около Днѣпровскихъ пороговъ тревожили *Гречниковъ*, т. е. купцевъ ѣздившихъ Днѣпромъ изъ Греціи и въ Грецію: Великій Князь посалъ туда Воеводу Володислава (въ иныхъ спискахъ: Володислава Ляха), который проводилъ до Кіева суда, шедшія изъ Константинополя или Херсона (*возледоша Грѣчники*, т. е. вверхъ по Днѣпру). — Въ томъ же году Сѣверскій Князь побѣдилъ Хана Кобяка; а Воевода Шварнъ, плѣненный варварами за Переяславлемъ, откупился отъ нихъ деньгами; дружина его легла на мѣстѣ. *Никоновск. Лѣт.* выдумалъ двухъ Русскихъ богатырей, будто бы тутъ же убитыхъ. Тогда же Олегъ Святославичь и Ярославъ Всеволодовичь ходили на Половцевъ: „взя Олегъ вежи Козины, и жену и „дѣти, и злато и сребро; а Ярославъ Беглюковы вежи."

Князья Рос. стояли у Канева „доцдеже взыде Грѣчникъ и Залозникъ" —

т. е. пока купцы изъ Царяграда и *Залозинскіе* пришли благополучно въ Россію, *вверхъ по Днѣпру*. Залозами называлось мѣсто на пути въ Грецію (см. *Воскресенск. Лѣт.* II, 76).

Къ Каневу приходили тогда Мстиславъ изъ Владиміра, братъ его Ярославъ изъ Луцка, а другой братъ Ярополкъ изъ Бужска; также Владиміръ Мстиславичь, Владиміръ Андреевичь (тотъ и другой внукъ Мономаховъ) Ярославъ Всеволодовичь (братъ Черниговскаго Князя) Глѣбъ Юрьевичь (Переяславскій, сынъ Долгорукаго), Глѣбъ Городненскій (Всеволодковичь, внукъ Мономаховъ) и Иванъ Юрьевичь (сынъ Юрія Туровскаго, внука Святополкова), Рюрикъ, сынъ Великаго Князя, съ братомъ Давидомъ и Галичане. — Сіе собраніе Князей было по *Воскресен. Лѣт.* въ 1167 году, а по *Кіев.* даже въ 1168; но Ростиславъ, по харатейнымъ и *Новогород. Лѣт.*, умеръ въ началѣ 1167 года (см. ниже, примѣч. 417).

(411) „Зва Олегъ Ростислава на обѣдъ, и бысть радость велика межи „има, и вда Олегъ многы дары Ростиславу; такоже и дщи его дари его. „Наутріе же Ростиславъ зва къ собѣ зятя и дщерь, и большими дары „учреди всѣхъ, и иде Смоленску, и начаша й срѣтати Смольяне, лутшіи „люди за 300 поприщь“ (въ *Кіев.* верстъ) „и за тѣмъ его внуци, сынъ Ро„манъ и Епископъ Мануилъ... и оттуду иде въ Торопечь,“ и проч.

Въ *Новогород. Лѣт.*: „въ лѣто 6674 на зиму приде Ростиславъ изъ Кые„ва на Луки, и позва Новгородьцы на порядъ: *Огнищане*“ (*нарочитыхъ или* Житыхъ людей) „Гридь (Гридней), купце вячьшее“ (лучшихъ).

Въ другихъ лѣтописахъ: „не добрѣ живяху Новгородци съ сыномъ его „Святославомъ.“

Ростиславъ скончался въ Зарубинѣ, селѣ Рогнѣдиномъ. Татищевъ называетъ Рогнѣду Княгинею Полоцкою. Въ *Кіев. Лѣт.*: „Молвяше (Ости„славъ) Симеонови Попови, отцу своему духовному: тобѣ въздати слово „о томъ къ Богу, занеже взборони (возбранилъ) мя отъ постриженія.... „И начаша молвити Иванкови Фроловичю, *Покладнику* (Постельничему) „своему, и Борисови Захарьевичю: взовета ми Симеона Попа, атъ сотво„ритъ молитву,“ и проч. Тѣло Ростислава *Михаила* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 12) погребено въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Ѳеодора, Марта 21.

(412) См. *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* II, 70, 71, и ниже, примѣч. о Поликарпѣ.

(413) Memor. popul. II, 1019-1023. Прай сомнѣвается, чтобы Стефанъ былъ женатъ на дочери Галицкаго Князя (Annal. Reg. Hung. кн. III, стр. 157); но Греческій Лѣтописецъ называетъ Стефана Ярославовымъ зятемъ. Андроникъ, по нашимъ лѣтописямъ, пріѣхалъ къ Ярославу Галицкому въ 1165 году, и въ томъ же году возвратился въ Царьградъ: См. *Воскресен.* II, 67. Греческій Историкъ пишетъ, что Андроникъ билъ *зумпровъ*, звѣрей, которыхъ много въ Россіи, и которые величиною болѣе медвѣдя и леопарда. *Зубремъ* назывался у Славянъ дикій быкъ, буйволъ: см. *Второзакон.* 14, 5. — Андроникъ замученъ въ 1182 году. Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что онъ надѣялся на Россіянъ *болѣе, нежели* на Грековъ, и думая на Царской галерѣ уѣхать въ Россію, надѣлъ *варварскую* шапку съ острымъ верхомъ.

(414) Въ *Кіев. Лѣт.*: „пріиде Митрополитъ Θеодоръ изъ Царяграда мѣ-„сяца Августа (въ 1160): бяше бо посылалъ понь Князь Ростиславъ... „тогда же (въ 1163), бывъ 10 мѣсяць" (2 года и 10 мѣсяцевъ) „въ Митро-„полии... Пріиде (въ 1164) Митрополитъ Иванъ въ Русь, и не хотѣ его „Ростиславъ пріяти, зане же отрядилъ бяше Гурія Тусемковича въ Ца-„ревки, хотя оправити Клима въ Митрополью, и възвратися опять Гю-„рятна изъ Олешья съ Митрополитомъ и съ Царевымъ посломъ, и присла „Царь дары многы Ростиславу, оксамиты и паволоки и вся узорочья „разноличная, Посолъ же Царевъ моляше Ростиславу: молитъ ти Царь, „аже пріимеши съ любовію благословеніе отъ Св. Софіи"... Татищевъ пишетъ: „Вел. Князь отвѣтствовалъ: ежели Патріархъ безъ вѣдома на-„шего впредь поставитъ въ Русь Митрополита, не токмо не пріиму его, „но и законъ сдѣлаемъ вѣчный, избирать и ставить Митрополитовъ Епи-„скопамъ Русскимъ съ повелѣнія Великаго Князя." Въ моихъ экземплярахъ *Кіев. Лѣтописи* здѣсь пропускъ. См. рукописный *Каталогъ Епископовъ*. Въ *Новогородск. Лѣт.*: „ходи Игуменъ Діонисій (въ 1165 г.) съ любовью „въ Русь, и повелѣно бысть Владыцѣ *Архіепископство* Митрополитомъ." Для того сей Лѣтописецъ называетъ и всѣхъ предшественниковъ Іоанно-выхъ *Архіепископами*; но мертвыхъ не производятъ въ чины. *Никоновск. Лѣт.* прибавляетъ, что самъ Епископъ Новогородскій ѣздилъ тогда къ Митрополиту, который далъ ему ризы, стихарь, источники, и получилъ въ даръ множество золота, жемчугу и проч.; а Татищевъ пишетъ, что сей новый Архіепископъ желалъ подчинить себѣ Епархію Смоленскую и Полоцкую, но что Великій Князь на то не согласился. — Епископъ Илія, или Іоаннъ, былъ поставленъ Марта 28, 1165 году, въ Вербное Воскресенье.

Іоаннъ, такимъ образомъ первый Архіепископъ Новогородскій, включенъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ. Онъ былъ прежде Священникомъ въ Новѣгородѣ у Св. Власія, на Волосовой или Велесовой улицѣ, и назывался до монашества *Иліею*. Чудеса его описаны въ Прологѣ, Септ. 7. Тамъ сказано, что Новогородцы, повѣривъ клеветѣ на цѣломудріе Іоанна, вывели сего мужа добродѣтельнаго изъ дому Архіерейскаго и пустили на плоту внизъ по Волхову; но что плотъ, къ изумленію гражданъ, уже исполненныхъ раскаянія, пошелъ вверхъ, и Святитель возвратился съ честію въ Новгородъ, приставъ къ берегу у монастыря Юрьевскаго. Другой сочинитель Іоаннова житія (см. Архив. *Ростовск. Лѣт.* л. 160) несправедливо говоритъ, что сей Угодникъ, будучи еще простымъ Монахомъ, создалъ монастырь и каменную церковь Благовѣщенія: Іоаннъ былъ тогда уже Священникомъ (см. *Новогородск. Лѣт.* стр. 39). Тотъ же сочинитель разсказываетъ о чудесномъ богато убранномъ конѣ, будто бы безъ всадника привезшемъ Іоанну и брату его, Гавріилу, два мѣшка съ золотомъ и серебромъ для совершенія церкви. — Сей Новогородскій Святитель, вмѣстѣ съ Бѣлогородскимъ, написалъ уставъ о причащеніи: любопытные могутъ найти его въ рукописныхъ Кормчихъ книгахъ; онъ состоитъ въ двадцати или тридцати строкахъ.

(415) См. *Каталогъ Епископовъ*. Сіе посланіе Іоанново напечатано въ

Герберштейновыхъ Rerum Moscov. Comment. стр. 22. Имѣемъ его также *рукописное на Греческомъ и Славянскомъ* языкѣ, въ Синодальн. библіотекѣ между Греческими манускриптами по Матѳееву раздѣленію No CCCLIII, а Славянское или Руское No 164, въ книгѣ названной *Посланіемъ Россійскихъ Митрополитовъ*. Обѣ рукописи XV вѣка: въ заглавіи той и другой названъ Папа *Климентомъ*; но онъ былъ Папою уже гораздо послѣ Іоанна Митрополита, который преставился въ 1166 *году*. Въ образецъ слога выписываю заключеніе Рускаго письма: „Аще хощеши къ нашему „Св. Патріарху Констянтинограда и тамо сущимъ Св. Митрополитомъ, „иже слово животно имуще яко свѣтила въ мірѣ сіяютъ и възможени „суть Божією благодатію, таковыхъ възискати съ тобою исправити; „потомъ же аще угодно ти будетъ, прочее напишеши и хужьшему паче „всѣхъ. Цѣлую тя азъ Іоанъ, худый Митрополитъ Руский, и всѣхъ яже „подъ тобою, Клирикы же и люди. Цѣлують же васъ иже съ нами свя„тіи боголюбивіи Епископи и Игумени, и иже съ нами благочестивіи цер„ковніи людіе. Благодать Св. Духа да будетъ съ тобою и съ всѣми твои„ми. Аминь."

Авторъ книги *Пращицы* увѣряетъ насъ, что въ княженіе Ростислава, въ 1157 году, былъ въ Кіевѣ церковный Соборъ, осудившій Еретика Мартина Армянина, который называлъ себя сродникомъ Цареградскаго Патріарха *Луки*, училъ *поститься въ каждую Субботу (кромѣ Великой)*, изображать крестъ двумя перстами, служить на семи просфорахъ и на одномъ винѣ, говорить *дважды Аллилуія*, въ церкви *обращаться лицемъ на Западъ, креститься съ лѣваго плеча*, и проч. Въ сей книгѣ напечатано и дѣяніе сего важнаго *Собора*, найденное (какъ говоритъ Авторъ) въ Кіевскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, писанное на харатіи, скрѣпленное рукою *Митрополита* Константина и отданное на сохраненіе въ Синодальную Типографскую библіотеку. Мы должны замѣтить, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ *Степен. Книгѣ*, ни въ *Стоглавѣ о томъ не упоминается*; что слогъ сего дѣянія кажется не весьма древнимъ (на примѣръ: „Господинъ „Мартинъ! повѣдай намъ, гдѣ твое рожденіе и воспитаніе... Той же отвѣ„щавъ: пришелъ до здѣ видѣти Россію вашу"); и что въ 1157 году княжилъ не Ростиславъ, а Изяславъ въ Кіевѣ. Подлинникъ дѣйствительно хранится въ Синодальной библіотекѣ, подъ No 518, но запечатанъ.

Маловажныя происшествія княженія Ростиславова, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи, суть слѣдующія: „Въ 1160 году, Авг. 30 (по Астрономич. таблицамъ 18) затмѣніе луны. Нѣжата сдѣланъ Посадникомъ въ Новѣгородѣ (по *Никоновск.* Мстиславъ Изяславичь украсилъ церковь въ Владимірѣ Волынскомъ златыми сосудами съ бисеромъ, драгоцѣнными иконами, книгами и проч.). Въ 1161 скончался Рязанскій Князь Владиміръ Святославичь, внукъ Ярославовъ. Новогородцы смѣнили Посадника Нѣжату и выбрали Захарію. Въ *Лѣт. Новгород.*: „стоя все лѣто ведромъ (сухо), „и пригорѣ все жито, а на осень уби всю ярь морозъ. Ста вся зима те„пломъ и дъждемъ и громъ бысть, и купляхомъ кадку *малую по 7 кунъ*" (а въ *Никоновск. по тридцати и по сороку алтынъ*, которыхъ тогда и въ счетѣ не было). „О велика бяше нужа!.. Преставися (въ 1162 году) Иу-

„менъ Олькса (Алексій) Св. Богородицы, и поставиша Мануила; а у Св. „Духа Сшествія поставиша Игуменомъ Саву." Въ 1163 Вел. Князь женилъ сына своего, Рюрика, на дочери Хана Половецкаго, Белгука. Скончался Епископъ Новогородскій Аркадій Сент. 19, и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи. — Въ 1164 отъ сильныхъ дождей разлился Днѣстръ въ Галичѣ: „пойде вода въ болонье, и взыде оли до Бокова болота и потопи чело„вѣкъ болѣ 300, иже бяху вошли съ солью изъ *Удечева*, и многы чело„вѣкы снимаху со древъ, и кола (колеса или телеги), иже бѣ вода воз„метая. Много же и иныхъ потопе; и бысть у нихъ на ту зиму жит„ная дороговь *рамяна*" (велика). — Въ 1165 скончался Князь Изяславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, и погребенъ у церкви Св. Богородицы въ Владимірѣ на Клязмѣ Окт. 28. Въ Новѣгородѣ построена церковь Святыя Троицы (въ другомъ спискѣ: *Царицы*) *Шетициницы*, а другая Княземъ Святославомъ на Городищѣ во имя Св. Николая. Зима была отмѣнно холодна. (По *Никоновск*. всѣ Князья соединились и разбили Половцевъ, но возвратились съ малымъ числомъ воиновъ.) — Въ 1166 Ярополкъ Изяславичь женился на дочери Святослава Ольговича; преставилась супруга сего Святослава, именемъ Марія, и братъ Андрея Боголюбскаго, Ярославъ Юрьевичь, погребенный у церкви Св. Богородицы Апрѣля 12. Въ Новѣгородѣ заложена церковь Спаса на вратахъ Георгіева монастыря. Родился Олегу Святославичу сынъ Борисъ или Святославъ. Сынъ Галицкаго Князя, Владиміръ, женился на дочери Святослава Всеволодовича, Болеславѣ, а Всеволодъ, сынъ Ярослава Изяславича, на Малфридѣ, дочери Юрья Ярославича Туровскаго, внука Святополкова (см. *Кіев. Лѣт.*) — Умерла дочь Андреева, бывшая за Олегомъ, сыномъ Святослава Всеволодовича (см. *Кіев. Лѣт.*). — Татищевъ прибавляетъ, что Андрей Боголюбскій въ 1159 году построилъ Волокъ Ламскій; но сей городъ существовалъ уже въ 1135 году (см. *Воскресен. Лѣт.* I, 271). Сей же Историкъ сказываетъ намъ, что В. К. Ростиславъ былъ средняго росту, имѣлъ лице широкое, бороду круглую; всегда ходилъ въ церковь, чтилъ Епископовъ, награждалъ Священниковъ, вдовицъ, сиротъ; но мало занимался воинскими и судными дѣлами: по чему Тіуны грабили народъ.

(416) Въ Кіевѣ были тогда два Ростиславича, Рюрикъ и Давидъ. Въ лѣтописи: „Мстиславъ же посла Володислава Вроростиславича предъ собою къ „Василькови къ Церополчичю" (сыну его брата) ... „Начата повѣдати „Васильковы и Володиславу Вратиславичю .... Володимеръ" (хочетъ взять) „Торцьскый со всѣмъ Поросьемъ, Андреевичь Берестій, Ярославъ Воло„димеръ."

(417) Мстиславъ взялъ у Ярослава 5 Галицкихъ полковъ. Съ нимъ находился также Князь Мстиславъ Всеволодковичь (о Всеволодкѣ см. выше, примѣч. 250.). „Посла ко Всеволодковичема:" то есть, ко двумъ, Мстиславу и Глѣбу; брата ихъ, Бориса, уже не было въ живыхъ. — Союзники встрѣтили Мстислава близъ *Микулыска* (въ Галиціи). Тутъ же пришли къ Вел. Князю и Черные Клобуки, дать ему клятву вѣрности. Далѣе: „Пусти (Мстиславъ) брата, Ярополка, съ Берендичи предъ со-

„бою . . . Володимеръ Мстиславичь пойде изъ Треполя Вышегороду съ же-„ною и съ дѣтчи и съ матерію. Ярополкъ же настиже его на Желани „у *Добраго дуба*, и не даша Берендичи стрѣлятись съ ними: бѣ бо льстя-„че" (т. е. они притворялись вѣрными, а не хотѣли драться). „И тако „ѣхаша по нихъ (за Владиміромъ) до Всеволожа монастыря (на Выдыби-„чахъ); и ту Ярополкъ воротися въ городъ (Кіевъ). Мстиславъ же за-„утра по немъ иде къ Кыеву, изрядивъ полкы своя Василевскымъ пу-„темъ къ Олговѣ (могилѣ), и ту вызидоша Кыяне вси, и вземъ рядъ съ „братіею и Кыяне, и пойде Вышегороду; а Берендичь изгономъ пусти, „и на болоньи отъ Днѣпра жгоша дворъ Тысяцкого Давыда Радиловъ, а „ныхъ дворовъ 7 сгорѣ. Мьстиславъ же пришедъ ста по горѣ отъ бро-„ду, а пѣшьци" (или Печенѣги, какъ въ *Кіев. Лѣт.*) „постави по валови. „Берендичи же убиша Володимеръ мужъ, убиша и ти лучшихъ отъ Бе-„рендичь. День же бѣ тогда Пятокъ. Въ Суботу же начаша битися . . . „Начаша же слати межи собою рядитесь о волостехъ. Рюрикъ и Воло-„димеръ со Мстиславомъ урядившеся, цѣловаша крестъ."

Послѣ сказано, что Владиміръ отправился въ Котельницу: слѣдственно ему *дали* тогда сей городокъ. — Въ *Воскресен.* и *Кіев. Лѣт.* означено, что Мстиславъ въѣхалъ въ Кіевъ въ 1169, Маія 19, въ Понедѣльникъ: такъ и было въ семь году; но въ той же *Кіев. Лѣт.* сказано, что въ слѣдующій годъ, т. е. въ 1170, Мстиславъ выступилъ изъ Кіева Марта 2, въ *Суббоmу*, а Ярополкъ Изяславичь умеръ 7 Марта, въ *Четвертокъ* на *Средокрестной* недѣлѣ: сіе же число приходилось такъ не въ 1170, а въ 1168 году: слѣдственно Мстиславъ въѣхалъ въ Кіевъ въ 1167 году, и если въ Понедѣльникъ, то не 19, а 15 Маія. Въ харатейныхъ лѣтописяхъ и въ древней Новогородской точно стоитъ годъ 1167. Мстиславъ въ 1168 году прислалъ уже сына своего изъ Кіева въ Новгородъ (*Новгород. Лѣт.* стр. 37). — Далѣе: „бѣ ту (у Владиміра) мужъ Давида Ростиславича, Ва-„силь Настасичь, и повѣда Князю. Давыдъ же яви брату Мстиславу . . . „и приде (Владиміръ) оправливатися; а Мстиславъ иде въ Печерскый мо-„настырь: Володимеръ же по немъ. Мстиславъ же велѣ ему ити во И-„кономлю келью, а самъ иде къ Игумену. И посла Мстиславъ ко Влади-„міру, река: азъ не посылалъ по тя . . . И присла Володимеръ Діачка и „Мормыжа (см. *Кіев. Лѣт.*), и рече: слышахъ, брате, яко молвили ти „нѣчто на мя зліи человѣци . . . И посла Мстиславъ къ Давыду Вышегоро-„ду; Давыдъ же присла Василя, приставивъ къ нему Радила Тысячскаго „и Василя Волковича. А Мстиславъ же по трехъ днехъ иде въ Печерскый „монастырь, и придоша ту Давыдовъ мужъ, а Володимеръ своихъ присла „Рагуйла и Михаила, и начаша прѣтися. И приде послухъ по Василѣ, Да-„выдъ Борыничь. Мстиславъ же положе то на Бозѣ" (предалъ на судъ Божій) „и рече Володимеру: *цѣловалъ еси, брате, крестъ ко мнѣ, и еще „ти уста не осхли,*" и проч. Далѣе: „Начаша слати къ нему (Владимі-„ру) Чагровичи, Чекманъ и братъ его Тошманъ и Маначюкъ. Володимеръ „же радъ бысть думѣ ихъ и посла къ Рагуйлу Добрыничю, Михалю и За-„виду, являя имъ думу свою" (то есть, измѣну). Татищевъ вымышляетъ ихъ рѣчь. — Далѣе: „Сдася (Владиміръ) съ Берендичи ниже Ростовца . . .

„Рѣша ему (Берендѣи): ты намъ тако молвяше, братья вси съ мною суть; „а кое есть Володимеръ Андреевичь и Ярославъ (Изяславичь) и Давыдъ? „Но се ѣздиши единъ и безъ мужій своихъ, а насъ прельстивъ; но намъ „лучше въ чюжю голову, нежели въ свою... И начаша стрѣляти... Онъ „же рече: не дай Богъ поганому вѣры яти; а я уже погинулъ душею и „жизнью... И ту избиша Дѣтскые около его... А онъ бѣже къ Доро-„гобужу; ту бо бѣ и жена его бѣжала предъ нимъ. Андреевичь же (Вла-„диміръ) перемена (разобралъ) моста на Горыни и не пусти его. Онъ же „воротися на Радимичи" (чрезъ Сожскую область Радимичей) „ко Ан-„дреези." Въ харатейныхъ сказано, что Владиміръ бѣжалъ къ Половцамъ: можетъ быть послѣ. Онъ оставилъ жену свою въ Глуховѣ у жены Всеволодовой, невѣстки Святослава Всеволодовича Черниговскаго. Андрей велѣлъ сказать Владиміру (по *Кіев. Лѣт.*): „иди въ Рязань къ *отчичю* „своему Глѣбови." Татищевъ написалъ, вмѣсто *отчича, отчимъ*; но какъ Владимірова мать не была супругою Глѣба (Ростиславича), то сей Историкъ думалъ, что Глѣбъ могъ быть отчимомъ Владиміровой жены: мы знаемъ одну его жену, дочь Бана Венгерскаго. *Отчичемъ* именовался въ старину наслѣдникъ отцевскаго достоянія: Андрей хотѣлъ сказать, что Глѣбъ наслѣдовалъ дружбу отца своего къ Дому Мстислава Великаго.

Мстиславъ говоритъ Владиміровой матери: „иди въ Городокъ (Остеръ); „а оттуда, камо тобѣ годно." Она уѣхала въ Черниговъ.

(418) Романъ и братъ его Мстиславъ Ростиславичь. — Новогородцы убили тогда Захарію Посадника, Неревина и Несдубирича, друзей Святославовыхъ. Далѣе: „Налѣзоша собѣ путь на Вацька и на Володаря:" то есть, проѣхали чрезъ область сихъ двухъ Князей Кривскихъ. Вячко есть сокращенное имя. Далѣе: „иде Даньславъ Лазутиничь съ дружиною „Кыеву." Мстиславовъ сынъ, Романъ, пріѣхалъ Апрѣля 14 въ Новгородъ, который былъ безъ Князя отъ 1 Сентября до Пасхи. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Русѣ, отъ коего отступилъ Святославъ. — О смерти сего Князя въ 1169 или 1170 году сказано въ *Кіев. Лѣт.*: „преставися на Волоцѣ, воюя Новогородьскую волость... тѣло его „везоша къ Смоленску и положиша у Св. Богородицы въ Епископьи... „баше храборъ... монастыри набдя... и Попы... не збираше злата, но „даяше дружинѣ." Татищ. пишетъ, что Святославъ зналъ Греческій языкъ!

(419) „А уже у насъ и Греческый путь изотымаютъ, и *Солоны*, и *Залозы*:" мѣста по Днѣпру на Югъ отъ Кіева.

Съ Черниговскимъ и Сѣверскимъ были въ Кіевѣ и братья ихъ: съ первымъ Ярославъ Всеволодовичь, а со вторымъ Всеволодъ Святославичь. О послѣднихъ сказано въ *Кіев. Лѣт.*: „бяху бо тогда Олговичи (т. е. вну-„ки Олега) въ Мстиславли воли." Давидъ за болѣзнію не могъ итти, но отправилъ свой полкъ съ братомъ Рюрикомъ. — Мстиславъ Всеволодковичь (см. выше, примѣч. 417) пришелъ изъ Городна, Ярославъ Изяславичь изъ Луцка, Святополкъ Юрьевичь, правнукъ Михаила-Святополка, изъ Турова.

(420) „Бысть Половцемъ вѣсть отъ *Кощея* Гаврилова, отъ Воислави-

„ча.“ Ниже сказано, что Великій Князь послалъ за Половцами *Сѣдельниковъ* своихъ и *Кощеевъ* (а не *Кощея*). Кощеями назывались младшіе Отроки Княжескіе. Такъ при описаніи Андреевой кончины сказано въ лѣтописяхъ, что съ нимъ былъ одинъ *Кощей, малъ Дѣтскъ* (см. *Воскресен.* II, 92). — Обозъ Князей оставался подъ начальствомъ Ярослава Всеволодовича. — Братъ Великаго Князя, Ярополкъ, во время сего похода умеръ, и схороненъ въ Кіевской церкви Св. Θеодора (см. выше, примѣч. 417). Въ *Кіев. Лѣт.*: „и бысть въ *Тумащи* и вельми нача немочи (Ярополкъ), и постиже вѣсть Мьстислава за Каневомъ ... и посла Мьстиславъ ко Игумену Поликарпови и къ Даниловi, Попови своему, веля има „ѣхати къ брату... Аще Богъ поиметь брата моего, да спрятавше тѣ„ло его, везете къ Св. Θеодору.“ Вежи Половецкія взяты на рѣкѣ *Углѣ*, а другія на *Снопородѣ*: Татищевъ пишетъ: „или Самарѣ:“ но сія рѣка и тогда называлась Самарою (см. выше, примѣч. 352). Далѣе: „самѣхъ (По„ловцевъ) постигоша у Чрнаго лѣса... и избиша я... Васттій же и иніи „гониша по нихъ и за Восколъ:“ Осколъ или Ворсклу? Далѣе: „Изо всѣхъ „полковъ два убіены быста, Кснятинъ Васильевичь, Аруковъ братъ, и „Сѣдельникъ Ярославль Изяславича и Коснятинъ Хотовичь ять бысть.“ Въ *Кіев. Лѣт.*: „яко всѣмъ Рускымъ воемъ наполнитись до изобилія и „колодникы и *чагами*, и дѣтми ихъ и челядью.“ Въ другихъ лѣтописяхъ, вмѣсто *чагъ*, поставлено: „женами.“ Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 28) сказано: „была бы чага по ногатѣ, а *Кощей* по рѣзани;“ то есть: плѣнницы, жены варваровъ, продавались бы по ногатѣ, а Отроки ихъ (см. выше), по рѣзани. Издатели не разумѣли слова *чага*, ни *Кощея*, принявъ ихъ за собственныя имена. — Далѣе въ лѣтописи: „Тоя же весны посла „Мстиславъ по братью свою и съвокупишась въ Кыевѣ: Ярославъ изъ „Луцка, Володимеръ Андреевичь изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Овручаго, „Давыдъ изъ Вышегорода, а Гюргевичь Иванъ (правнукъ Святополка Ми„хаила) изъ Турова, и нача молвити Мьстиславъ: се Половцемъ есмы „много зла сотворили: то имъ всяко пакостити Гречнику нашему и За„лознику. Да выйдемъ противу Гречнику.“ См. выше, примѣч. 410.

(421) Глѣбъ Переяславскій угостилъ Мстислава обѣдомъ и дарами.

(422) См. выше, примѣч. 420. Въ лѣтописи: „Бориславичи, Петръ и Не„стеръ, начаша злы рѣчи глаголати на Мстислава ко Давыдови лжуще: „озлобилъ бо я бяше Мстиславъ и отъ собе отслалъ, яко холопьи ко„ни Мстиславли покрадоша въ стадѣ и пятна (клейма) на нихъ своя вскла„ли.“ Давидъ и Рюрикъ, приглашенные на обѣдъ Великимъ Княземъ, требовали отъ него крестнаго цѣлованія. „Мстиславъ же ужасеся мыслію „и яви дружинѣ своей, глаголя: велять ми братья собѣ цѣловати крестъ, „а не вѣдь, что моя вина.“ Бояре отвѣтствовали: „ты всяко еси правъ „передъ своею братьею, а то Богъ вѣсть; тебѣ бо безъ насъ того не „льзѣ было замыслить, ни створить,“ и прочь. Великій Князь и Ростиславичи присягнули другъ другу въ вѣрности; но, по словамъ Лѣтописца: „сердце ихъ не бѣ право съ нимъ.“

(423) Имена Князей: Глѣбъ Переяславскій, Романъ Смоленскій, Давидъ Вышегородскій, Рюрикъ Овручскій, Мстиславъ (четвертый сынъ умер-

маго В. К. Ростислава Мстиславича), Владиміръ Андреевичъ Дорогобужскій, Дмитрій или Всеволодъ Юрьевичъ (братъ Андреевъ), Мстиславъ (его племянникъ), Олегъ Святославичъ Сѣверскій и братъ его Игорь. — Въ *Кіев. Лѣт.*: „не имѣа (Андрей) любве къ Мьстиславу." — *Никон. Лѣт.* въ число Андреевыхъ союзниковъ включилъ и Венгровъ, Чеховъ, Поляковъ, Литву.

(424) „Съ *Ковуи* и съ *Бастїевою* чадью" (то и другое названіе было дано имъ отъ имени ихъ начальниковъ) ... „и бысть вѣсть Рюрикови и „Давыду, оже Андреевичь и Романъ со Смолняны близъ идета, и пославше „шета Михаила за Межимостьемъ" (нынѣ село Замостье въ Минск. Губерніи) „и Новогородци съ многымъ товаромъ къ Мозырю идущи. Сдѣ„яша иму лесть Бастій надъ Михайломъ." Татищевъ сказываетъ, что Михалко княжилъ въ Городцѣ или Остерѣ. Далѣе въ *Кіев. Лѣт.* и другихъ: „Снятась братія въ Вышегородѣ и пришедше сташа надъ Дорогожичи „(у Кіева) подъ Св. Кириломъ Ѳеодоровы недѣли (первой Вел. поста); а „вторые недѣли оступиша Кыевъ .... Стояша у города три дни" (а не *седьмицы*, какъ у Татищева) ... „Мьстиславу же изнемогающу въ градѣ. „Берендичи же и Торци льстяху подъ Мьстиславомъ ... и снидошась вси „Князи и дружина *Серховицею* и ринущась къ нимъ доловъ (долой) узадь „(взадь) Мьстиславу, начаша стрѣляти. Мьстиславу жь начаша дружи„на молвити: поѣди изъ города; намъ ихъ не перемочи." Въ *Воскресенск.* и *Кіев.* сказано, что Кіевъ взятъ Марта 8, 1170 году, *въ Среду второй недѣли поста*; но въ семъ году 8 Марта приходилось въ Воскресенье, а Мясопустъ начался Февраля 8. Въ харатейныхъ и древней Новогородской лѣтописи означенъ, по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Генваря, 1169 годъ, въ которомъ Середа второй недѣли Вел. поста была втораго-надесять Марта.

Никто дотолѣ не бралъ Кіева приступомъ: Изяславъ Давидовичь взялъ одинъ Подолъ. — Берендѣи и Торки зажгли тогда Печерскій монастырь. — Лѣтописецъ говоритъ о Кіевлянахъ: „за грѣхы *нашѣ*" (слѣдственно онъ не былъ самъ Кіевлянинъ) „паче же за Митрополичю неправду: въ то бо „время запретилъ бѣ Поликарпа, Игумена Печерскаго, про Господскыя „праздникы, не веля ему ѣсти масла, ни молока въ Среды и въ Пятк.. „въ Господскыя праздникы. Помогашеть же ему и Черниговскый Епископъ „Антоній; и Князю Черниговскому многажды браняшеть ѣсти мясъ въ „Господскыя праздникы. Князю же Святославу не хотящу, изверже и „изъ Епископьи." *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что изгнанный Антоній уѣхалъ въ Кіевъ къ Митрополиту Константину (прибывшему изъ Греціи въ 1167 году). Татищевъ пишетъ, что Великій Князь собралъ въ Кіевѣ 150 Духовныхъ, желая разрѣшить споръ между Поликарпомъ и Митрополитомъ; что тутъ былъ и Ѳеодорецъ Игуменъ Суздальскій (объ немъ см. ниже), и проч. Въ лѣтописяхъ нѣтъ и того, чтобы Ростиславъ, *избравъ* Константина, *посылалъ* его ставиться въ Царьградъ, какъ говоритъ Татищевъ.

(425) Такъ въ харатейныхъ, *Кіев.*, *Воскр.* и другихъ. Въ древней *Новогородской* сказано, что Мстиславъ добровольно отказался отъ Кіева: и-

вѣстіе несогласное съ обстоятельствами происшествія. Далѣе: „Бѣжащу „же ему (Мстиславу) на Василевъ, и постигоша и Васиіева чадь и спрѣ„ляша его, а дружину поимаша многу около его: яша Дмитра хоробраго „и Олексу Дворского, Събыслава Жировичь, Иванка Творимирича, Рода, „Тивона (Тіуна) его и иныи. И снялся (Мстиславъ) съ братомъ Яросла„вомъ за Уновью и идоша Володимерю.“ *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Кіевъ взятъ измѣною Бояръ Мстиславовыхъ, Петра и Нестора Бориславичей (см. выше, примѣч. 422); но сей изобрѣтатель забылъ, что Петръ и Несторъ служили тогда Давиду и не могли находиться въ Кіевѣ, откуда выгналъ ихъ Мстиславъ.

Послѣдствіе ясно доказываетъ, что Кіевъ съ того времени зависѣлъ отъ Андрея. Въ краткой лѣтописи XIII вѣка, внесенной въ харатейную Кормчую Книгу (Синодальн. библіот. No 82) сказано: „нача быти Кіевь„ское Княженіе въ воли его“ (Андреевой).

Никон. Лѣт. говоритъ, что въ княженіе Мстислава, въ 1168 году, Ханъ Половецкій Айдаръ крестился въ Кіевѣ, а въ 1169 пріѣзжали послы отъ Папы; что въ сей годъ родилось много плодовъ; что въ 1170 были страшныя небесныя знаменія, громы и землетрясеніе. Татищевъ пишетъ, что въ 1168 году у Глѣба Юрьевича родился сынъ Владиміръ или Петръ, и что Глѣбъ раздалъ 300 гривенъ серебра нищимъ, а въ церкви и монастыри 300 гривенъ; что въ семъ же году умеръ сынъ Всеволода-Гавріила Псковскаго, Мстиславъ.

Конецъ примѣчаній II тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ
II ТОМА.

Стран.

ГЛАВА I.
В. К. СВЯТОПОЛКЪ.

ГЛАВА II.
В. К. ЯРОСЛАВЪ.

Стран.

ГЛАВА V.

В. К. ВСЕВОЛОДЪ.

ГЛАВА VI.

В. К. СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

ГЛАВА VII.

В. К. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

ГЛАВА VIII.

В. К. МСТИСЛАВЪ.

ГЛАВА IX.

В. К. ЯРОПОЛКЪ.

ГЛАВА XIII.

В.-К. РОСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Страи.

ГЛАВА XVII.

В. К. МСТИСЛАВЪ ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

II тома.

Напеч.	Чит.	Стран.	Стр.
зто	что	46	24
(7)	(77)	50	4
которую,	которую	88	21
участь,	участь	89	31
Патеринѣ	Патерикѣ	99	3
Праздникъ	: праздникъ	99	27
даня	даня-	101	33
(на полѣ)	Г. 1096	107	20
рапустивъ	распустивъ	112	29
Г. 1101	Г. 1101—1103	127	23
Г. 1013	Г. 1113	140	11
ноновый	новый	144	18
ажныхъ	важныхъ	159	32
Мстиславу	Мстиславу:	163	13
участіе	участія	172	25
, но	; но	179	4
славами	словами	221	24
кровоприлитіе	кровопролитіе	221	25
господстуетъ	господствуетъ	221	29
: призванный	, призванный	255	4
, онъ	: онъ	255	5
Г. 1154	Г. 1155	258	4
края,	края	262	10
слыташь	слышать	272	31
времеми	времени	279	30
оборонялся	оборонялся въ замкѣ	280	24
дружину	дружину,	281	22
несправедливост-	несправедливости	281	11
Г. 1116	1166	286	2
обыкновію	обыкновенію	296	28
prufuisse	profuisse	309	12
vera	vero	313	26
exel.	excel.	315	1
Ecles.	Eccles.	329	21
Gotvini	Godvini	331	35

Напечатано:	*Читай:*	*Стран.*	*Стр.*
есю	всю	85	30
ноновый	новый	144	19
долны	должны	155	4
(279)	(272)	180	22
вступиивъ	вступивъ	223	28
profuisse	profecisse	308	6
Сентября	Календъ Сентября	311	26
eandem	eundem	329	22
quot	quod	——	24
didicet	didicit	——	25
filium	filiam	335	15
въ 1055 г.	въ 1054 г.	337	31
говоритъ и	и говоритъ	349	17
Струбѣ	Струбе	367	18
казанью	казнью	371	27
Іосафатъ	Іоасафатъ	385	16
ерестьяна	Хрестьяна	398	15
хвалитеся	хвалитися	403	12
послалъ	пославъ,	411	20
Ярославъ.	Ярославъ	414	19
Т. I.	Т. I. стр. 38	415	31
времяни	времени	——	34
рѣчехъ	рѣчекъ	418	35
великій	велій	——	42
Metoxiov	Metochion	423	26
Воедору	Воеводу	430	28
Magnus	magnus	437	42
съ кротостью въ Ростов.	съ кротостью." Въ Ростов.	439	22
стр. 151	стр. 15	442	18
Давидовичь	Давидовичи	468	22
влязъ	взялъ	476	31
были уже	были	490	8
Ковца	Конца	491	28
болѣзнію	болѣзнію,	493	5
има	имя	494	45
Волохи,	Волохи)	501	2
году(	году:	——	3
Ростиславомъ	съ Ростиславомъ	503	14
Болѣславѣ	Болеславѣ	510	22

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Стран. 64, *строк.* 1. Подобно Миллеру и другимъ, писавшимъ о Новогородскихъ древностяхъ, включилъ я *Загородскій* въ число *пяти* Концевъ: къ утвержденію того служитъ и записка о Концахъ и Пятинахъ Новагорода, найденная мною въ Государственномъ Архивѣ между старыми приказными бумагами Новогородскими; однакожь я долженъ замѣтить, что о семъ Концѣ не упоминается въ Лѣтописяхъ до XV вѣка. Вѣроятнѣе, что Людинъ Конецъ, а не Загородскій, былъ въ числѣ *пяти* древнихъ.

Стран. 70, *строк.* 6. У Византійскихъ Императоровъ былъ чинъ *Катепанъ*, Catepanus, или Префектъ (см. Дю-Канжа); но кажется, что Несторъ принимаетъ здѣсь *Котопана* за собственное имя.

Стран. 71, *строк.* 22. Здѣсь надобно поставить 10 *Іюня*, и вмѣсто: „близъ нынѣшняго Могилевскаго города „Орши," читать: „близъ Смоленска."

Стран. 124, *строк.* 28 Нашъ Лѣтописецъ ставитъ здѣсь 40.000, а Длугошъ только 4000: что и вѣроятнѣе.